

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская академия наук
Институт российской истории
Научный совет по проблемам российской
и мировой экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2009

Москва
РОССПЭН
2009

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2; 65.9(2Рос)
Э40

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-01-16061д

Редакционная коллегия:

Л.И. Бородин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы),
С.А. Саломатина (ответственный секретарь),
Б.В. Ананьич, С.А. Афонцев, А.М. Маркевич, И.В. Поткина,
А.К. Соколов, А.К. Сорokin

Э40 **Экономическая история: Ежегодник. 2009.** — М. : Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. —
687 с.

ISBN 978-5-8243-1348-2

В сборнике представлены статьи по истории предпринимательства: о факторах создания предприятий по материалам Промышленной выставки 1870 г., о вкладе А. Чандлера в теоретическое осмысление роли менеджмента в развитии промышленности в конце XIX — XX в. История финансов рассматривается в работах о дореволюционном фондовом рынке, о финансах периода Гражданской войны и нэпа, о проблеме валютной эффективности магазинов Торгсина в 1930-е гг.; история энергетики — в статьях о жизненном цикле угольной промышленности Урала в XX в., о нефтегазовом комплексе СССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Социальным аспектам экономической истории посвящены статьи о социальной ответственности дореволюционных предпринимателей, о проблеме девиантного поведения на Магнитострое, об анализе динамики оплаты труда работников интеллектуальной сферы в СССР с применением «кривой Кузнецца». Аграрная история представлена обобщающими исследованиями аграрной политики советского периода и социальной стратификации советской деревни 1920-х гг. В ежегодник включены также исследования об экономике Дальстроя, восстановлении железнодорожного транспорта после Гражданской войны, частном секторе экономики СССР, источниковедческих проблемах изучения архивов военно-промышленных комитетов периода Первой мировой войны.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кто интересуется отечественной и мировой экономической историей.

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2; 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1348-2

© Коллектив авторов, 2009
© Российская политическая
энциклопедия, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается очередной, одиннадцатый выпуск ежегодника «Экономическая история». В подготовке этого издания участвуют Центр экономической истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт российской истории РАН и Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории.

В составе настоящего выпуска преобладают работы по экономической истории СССР. Данная тенденция отражает общее увеличение числа исследований в этой области, причем примечательно многообразие тематики советского периода: топливно-энергетический комплекс, аграрная сфера, ГУЛАГ, финансы, транспорт, социальные аспекты индустриализации, частный сектор советской экономики. Фундаментальное изучение многих из перечисленных тем требует учета тенденций дореволюционного периода, поэтому в разделах ежегодника нет разделения на «длинный XIX в.» и XX в., и сборник организован по тематическому принципу, а не по хронологическому, как это часто бывало в ранних выпусках ежегодника.

Данный выпуск открывает традиционный для ежегодника раздел по истории предпринимательства. В разделе представлена статья немецких исследователей Й. Батена и Д. Беле, посвященная анализу факторов создания предприятий в различных губерниях Российской империи по материалам Промышленной выставки 1870 г. Подобные выставки проводились в России с 1820-х гг. Однако сведения о промышленных предприятиях, собранные в связи с проведением выставок, практически не использовались исследователями. Статья закладывает основу для восполнения этого пробела. Авторы исследования приходят к выводу, что процесс создания новых предприятий в существенно большей степени зависел от качества человеческого капитала в регионе (в данном случае — от уровня образования населения), чем это предполагалось раньше. В то же время, промышленная структура в меньшей мере определялась такими традиционно рассматриваемыми в этой связи факторами, как политика правительства, наличие крупных городов в регионе или особенности транспортной структуры.

Другая статья в разделе «История предпринимательства», автором которой является Б.М. Шпотов, анализирует вклад А. Чандлера в теоретическое осмысление роли менеджмента в истории развития компаний США, Великобритании и Германии в конце XIX — XX в. По мнению автора, чандлеровский анализ развития промышленной фирмы опирался на такие факторы, как скорость производственного процесса, объем выпускаемой продукции, использование новых технологий, научно-исследовательские разработ-

ки и, что особенно важно, на вертикальную интеграцию и горизонтальные комбинации, создававшие конкурентные преимущества.

В раздел по истории финансов включены статьи, посвященные дореволюционному фондовому рынку, финансам эпохи Гражданской войны и нэпа, а также периода индустриализации. Г.Е. Перельман (США) исследует динамику индексов акций промышленных компаний, торговавшихся на Лондонской и С.-Петербургской биржах в конце XIX — начале XX в. Автор также анализирует отраслевые биржевые индексы — нефтяных и металлургических компаний. По мнению автора, цены акций за рассматриваемый период (1897—1914 гг.) в целом отражали внутреннюю экономическую динамику каждой страны, но в отдельные периоды между движением цен в двух странах отмечается значительная связь. Особенно это относится к котировкам акций нефтяных компаний. Значительное место в работе отведено детальному описанию одного из наиболее полных источников о котировках акций на Лондонской бирже — «Ежемесячного справочника инвестора» («Investor's Monthly Manual»), который издавался в 1864—1930 гг. Основываясь на собственном опыте, автор предлагает методику перевода в электронный формат и проверки большого количества печатного цифрового материала.

В следующей статье финансового раздела В.М. Рынков анализирует особенности обращения местных денежных знаков и суррогатов во второй половине 1918—1919 г. в восточных регионах России. В центре внимания автора — планы унификации денежного рынка антибольшевистскими правительствами, проблемы реализации и результаты этих мероприятий. Важнейшим событием в этом ряду стала реформа по изъятию из обращения «керенок» весной — летом 1919 г. Однако в целом предпринятые меры усугубили сложности экономического положения и привели к новому витку местных эмиссий. Автор показал влияние финансово-денежной политики этого времени на хозяйственную систему отдельного города, предприятия, домохозяйства; проанализировал проблему оценки социальных издержек и последствий финансовых реформ.

Проблемам развития валютного рынка в годы новой экономической политики посвящена статья А.С. Соколова. Автор рассматривает валютное регулирование и денежную реформу 1922—1924 гг. в общем контексте финансовой политики 1920-х гг. В статье анализируются причины и последствия финансово-экономических кризисов, сопровождавших нэп, а также роль наркома финансов Г.Я. Сокольникова в определении валютной политики 1920-х гг.

Завершает финансовый раздел статья Е.А. Осокиной, в которой анализируется валютная эффективность торгсинов — государственных магазинов, продававших в голодные годы первых пятилеток (1931—1935 гг.) продукты и промышленные товары населению СССР в обмен на иностранную валюту, золото, серебро, бриллианты, пла-

тину и другие ценности. Анализ статистики Торгсина раскрывает его «тайны», среди которых — продажа продуктов и товаров по ценам, в несколько раз превышавшим советские экспортные цены, а также парадокс убыточности розничной торговли Торгсина при его высокой валютной рентабельности, которая превзошла рентабельность экспорта хлеба, нефти и леса. В данном исследовании сравнивается себестоимость золота Торгсина с себестоимостью промышленной золотодобычи, в частности в ГУЛАГе, и с мировой рыночной ценой на золото в 1930-е гг.

История топливно-энергетических комплексов в России в XX в. представлена в двух статьях, образующих самостоятельный раздел. В статье С.А. Баканова анализируется жизненный цикл угольной промышленности Урала, которая в XX в. прошла через стадии зарождения, роста, зрелости и упадка, т.е. через все стадии, рассматриваемые в теории жизненного цикла товара. Автор доказывает, что мобилизационная политика советского периода подавляла конкуренцию, искусственно стимулировала спрос на продукцию отрасли, насыщала производство дешевой рабочей силой, однако при подключении рыночных механизмов обнаружилась низкая рентабельность отрасли, невозможность ее существования без государственной поддержки, и такое положение дел предопределило кризис отрасли в конце XX в.

В статье В.Л. Некрасова анализируется влияние институциональных факторов на развитие нефтегазового комплекса СССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Автор рассматривает формирование приоритетов, а также проявление ведомственных и региональных интересов в энергетической политике, влияние реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. на развитие нефтегазового комплекса. Отдельная тема статьи — нарастание энергетических трудностей в советской экономике на рубеже 1950–1960-х гг.

Социальные аспекты экономического развития представлены в трех статьях сборника, объединенных в общий раздел. В статье И.Г. Напалковой на примере нескольких горных округов Российской империи (Первого и Второго Замосковных, Средне-Волжского, Северного, Оренбургского) анализируются явления, связанные с социальной ответственностью предпринимателей, в частности, рассматриваются соответствующая правовая база, специфика социальных и морально-правовых отношений, проблемы производственных рисков и социального страхования рабочих в XIX — начале XX в.

В статье Н.Н. Макаровой на примере Магнитостроя изучается девиантное поведение на новостройках первых пятилеток. Город Магнитогорск, построенный в кратчайшие сроки, в 1929–1935 гг., без генерального плана мигрантами, в основном молодого возраста, сам по себе являлся центром сосредоточения девиаций. В данной

статье на основе разнообразных источников рассматриваются формы проявления и причины таких явлений, как алкоголизм, беспризорность, проституция, хулиганство, преступность, в первую очередь — воровство. Однако четкий водораздел между правонарушением в классическом понимании и попыткой выжить в тех условиях провести зачастую невозможно. Многие магнитогорцы просто вынуждены были действовать вразрез с правовыми и социальными нормами, применяя в повседневной жизни «теневые» стратегии выживания.

В статье Д.В. Диденко исследуется динамика оплаты труда работников интеллектуальной сферы в СССР (1920–1980-е гг.). Проведенный анализ подтверждает вывод о положительной взаимосвязи между долей сектора интеллектуального производства, уровнем дифференциации оплаты труда и темпами экономического роста. Результаты исследования рассматриваются в контексте межстрановых сопоставлений с обращением к гипотезе, известной в экономической литературе как «кривая Кузнец». Эта гипотеза подвергается переосмыслению, предлагается ее интерпретация с учетом современного опыта. Автор приходит к выводу, что, с точки зрения долгосрочных тенденций, динамика зависимости неравенства доходов и уровня социально-экономического развития представляет собой циклический процесс, в основе которого лежит повторяющаяся совокупность факторов спроса и предложения на рынках труда и капитала.

Раздел, посвященный аграрной истории, включает как обобщающие исследования аграрной политики советского периода, так и работы по социальной стратификации советской деревни 1920-х гг. В частности, в статье И.В. Гончаровой анализируются многочисленные варианты критериев для определения «кулаков», использовавшиеся местными властями в 1920-х гг. Автор приходит к выводу о некорректности применения таких показателей, как аренда и наемный труд, для выявления зажиточного крестьянства. Термин «кулак» носил скорее политический контекст, чем социально-экономический. На материалах Центрального Черноземья в работе показана ошибочность представлений о кулаке как о «хлебном хозяине» деревни, так как зажиточные хозяйства не являлись главными поставщиками хлеба на рынок. Региональная динамика развития кулацких хозяйств в 1927–1929 гг. показывает перемещение их в низшие социальные группы либо самоликвидацию.

В статье В.А. Ильиных на примере Сибири проанализированы основные закономерности и этапы советской аграрной политики. В центре внимания автора находится концепция решения задач ускоренной модернизации за счет неэквивалентного обмена между городом и деревней. По мнению автора, советская аграрная политика представляла собой чередование перио-

дов усиления и ослабления давления на деревню. Эта политика оказалась неспособной разрешить накапливающиеся проблемы сельского хозяйства.

Статья С.Н. Андреевкова также посвящена советской аграрной политике; в частности, в исследовании содержится анализ предпосылок, этапов, основных направлений и результатов аграрных преобразований середины 1950-х — начала 1960-х гг. опять же на примере Сибири — одного из крупнейших сельскохозяйственных районов страны. Автор исследует период, когда в ходе аграрных реформ Н.С. Хрущева произошел слом сталинской модели аграрного строя, базировавшейся на внеэкономическом принуждении бесправных крестьян-колхозников. Руководство страны попыталось сформировать новую систему отношений государства с колхозами, предполагавшую эквивалентный обмен, денежную форму взаиморасчетов и материальную заинтересованность в труде, а также создать условия для интенсивного развития отрасли. Однако в этой системе отношений экономические вопросы по-прежнему решались административными методами, повсеместно происходило укрупнение, централизация и огосударствление хозяйственных структур, в результате усиливалось отчуждение сельских жителей от земли и средств производства, что негативно сказывалось на производительности труда.

Исследования системы принудительного труда регулярно публикуются на страницах ежегодника, что отражает стабильный интерес историков к этой тематике. В настоящем выпуске историография ГУЛАГа расширилась за счет исследования И.В. Грибановой, посвященного экономическому освоению богатого природными ресурсами Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. Автор анализирует различные аспекты становления и развития Дальстроя — базовой структуры освоения региона, деятельность которой была основана на широком использовании принудительного труда заключенных и включала, прежде всего, добычу золота и других ценных полезных ископаемых, создание и эксплуатацию транспортной инфраструктуры, а также другие секторы экономики (сельское хозяйство и рыбные промыслы, электроэнергетику, строительство обогатительных фабрик, строительство города Магадана, административных центров горнопромышленных управлений и т.д.).

Работы по истории транспорта редко встречаются в исторических сборниках, потому, в частности, что данная тематика требует специальных знаний. В этом выпуске представлена статья А.С. Сенина по истории железных дорог в России в 1920-е гг., содержащая много ценных сведений и обобщений. Статья посвящена периоду восстановления железнодорожного транспорта после Гражданской войны, проблемам технического состояния железнодорожного хозяйства, снабжения, экономики, эксплуатации железных дорог.

В работе показана деятельность железнодорожников по преодолению последствий голода в Поволжье в 1921–1922 гг., освещена история создания первых тепловозов, рассмотрен ряд вопросов железнодорожного права. Таким образом, железнодорожная тематика предстает в совершенно новом и фундаментальном аспекте.

Еще один раздел ежегодника, посвященный частному сектору экономики СССР, выявляет новые аспекты советской экономической истории. Автор исследования В.А. Осипов проработал материалы ЦСУ СССР, которые позволяют оценить удельный вес частной хозяйственной деятельности на продовольственном рынке, рынке промышленных товаров и услуг, а также другие составляющие этого вопроса. Автор пришел к выводу, что полученные ЦСУ данные не были должным образом проанализированы и не использовались для принятия решений. Тем не менее советская статистика, сохранившаяся в архивах и не востребованная в свое время, сегодня дает историкам большие возможности для изучения «теневых» аспектов социальной и экономической истории СССР.

Завершает ежегодник источниковедческий раздел, в котором опубликована статья П.А. Кюнга, анализирующая информационный потенциал архивных фондов Центрального и Московского военно-промышленных комитетов для изучения экономической истории России периода Первой мировой войны. Исследование показало, что документы военно-промышленных комитетов содержат огромный фактический материал по развитию экономики и модернизации производства в условиях мобилизации. Автор предлагает классификацию этих документов и определяет методы работы с ними в рамках историко-экономических исследований.

Таким образом, материалы одиннадцатого выпуска ежегодника «Экономическая история» существенно расширяют историографическую базу историко-экономических исследований в нашей стране. В научный оборот вводятся комплексы источников, ранее не подвергавшихся научному анализу. Читатель найдет в статьях сборника целый ряд оригинальных исследовательских подходов и методик, применяемых для изучения актуальных проблем экономической истории России и ее регионов. Стоит отметить расширение географии авторского состава в настоящем выпуске ежегодника: почти половина работ принадлежит историкам Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Редколлегия выражает благодарность Г. Перельману (Калифорнийский университет, США) за помощь в работе над данным выпуском.

*Л.И. Бородкин,
Ю.А. Петров,
С.А. Саломатина*

История предпринимательства

Й. Батен, Д. Беле*

**Региональные факторы создания предприятий
в Российской империи
(по данным Промышленной выставки 1870 г.)****

От редколлегии:

Статья германских исследователей Й. Батена и Д. Беле посвящена изучению процесса перехода от ремесленной мастерской к фабрике в дореволюционной России на материале Промышленной выставки 1870 г. Данные, которые собирались при организации подобных выставок, проводимых в России с 1820-х гг., пока недостаточно введены в научный оборот. Наиболее известны выставки 1882 г. в Москве и 1896 г. в Нижнем Новгороде, по более ранним экспозициям специальных исследований очень мало. Между тем сведения об экспонентах, зарегистрированных на выставке, содержат сопоставимые данные, которые можно использовать для анализа динамики и структуры промышленного производства России. Известно, например, что на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. значительную часть среди экспонентов заняли машинный, железодельный и горный отделы. Особенно важны эти данные для периода до 1880-х гг., когда в России еще не сложилась специальная фабрично-заводская статистика. Исследование Й. Батена и Д. Беле, мы надеемся, привлечет внимание и российских историков к этому весьма перспективному источнику.

Промышленная выставка 1870 г. в Санкт-Петербурге дает нам представление о количестве предприятий в каждой губернии России. Поскольку Российская империя в пореформенное время включала территорию не только современной Российской Федерации, но также сегодняшние Украину, Беларусь, Польшу, Литву, Эстонию, Латвию, Молдавию, а также кавказские и центральноазиатские государства, мы можем изучать процесс развития предприятий во всех этих регионах (к сожалению

* Батен Йорг — профессор экономической истории, Беле Доминик — ассистент (Университет Тюбингена, ФРГ).

** Перевод с английского — А.А. Раков, редакторы перевода — Л.И. Бородкин, А.М. Маркевич, Ю.А. Петров.

нию, нам пришлось исключить из анализа Закавказье, регионы восточнее Урала и Финляндию из-за отсутствия данных по некоторым переменным). У нас нет точных сведений, когда все эти компании были созданы или когда они были преобразованы из маленьких ремесленных мастерских в современные индустриальные предприятия. Ясно, что это произошло до выставки, и для большинства из них за несколько десятилетий до выставки, как мы можем предположить из аналогичных данных о немецких и американских компаниях (Baten, 2003).

Процесс преобразования ремесленной мастерской в индустриальную компанию имеет много признаков, общих с созданием нового предприятия, поэтому далее мы будем говорить именно о «создании». Мы можем соотнести количество компаний с численностью населения в каждой губернии (численность населения в трудоспособном возрасте отражает количество потенциальных создателей предприятий) и изучить региональные факторы, которые могли бы способствовать процессу создания предприятий. Мы оцениваем число потенциальных создателей предприятий в каждой губернии как равное численности населения в возрасте старше 20 лет на момент проведения выставки (т.е. число граждан, рожденных до 1850 г.), исходя из предположения об одинаковой структуре смертности в регионах.

В какой степени число компаний, представленных на выставке, отражает число и структуру предприятий в каждом регионе? Конечно, не все предприятия участвовали в выставке и рассмотрены в работе Маттэи (Matthäi, 1873), являющейся нашим главным источником, в рубрику «передовых предприятий» («excellent firms»), т.е. получивших то или иное поощрение жюри, видимо, включены не все компании, принимавшие участие в выставке. Таким образом, мы фактически изучаем только процесс создания наиболее успешных, многообещающих компаний. Во-вторых, имелся, конечно, некоторый минимальный критерий отбора, необходимый для участника выставки, который, возможно, был выше для предприятий, работавших не только на местном рынке, но сбывавших продукцию на национальном или международном уровне. В-третьих, среди экспонентов могла быть завышена доля фирм, представлявших инновационную продукцию или новые методы производства. Наконец, некоторые отклонения могут быть связаны с близостью к месту выставки: для предприятий из окрестных губерний Санкт-Петербурга транспортные расходы были ниже, а вероятность обладания информацией о проведении выставки — выше.

С другой стороны, организаторы были явно заинтересованы в представлении широкого спектра российских компаний и,

следовательно, широко рекламировали выставку. Они также хотели создать впечатление быстро развивающейся и многообещающей промышленности, имевшей широкую географическую базу. Итак, количество рассматриваемых нами предприятий весьма внушительно и не ограничивается, скажем, только компаниями по производству машинного оборудования Санкт-Петербурга или Москвы; среди участников — компании от Украины до Урала. Хотя, возможно, состав участников выставки искажен в пользу крупных и наиболее современных компаний, в целом, он отражает общую картину российской промышленности в географическом разрезе (имея в виду европейскую часть империи).

Факторы создания предприятий

Какие факторы могли влиять на количество передовых предприятий из каждого региона Российской империи, представленных на выставке в Санкт-Петербурге?

1. Спрос на промышленные товары в городах и предложение предпринимательских способностей могли бы быть одними из главных движущих сил. Значительная часть налогов, заплаченных деревней, тратилась в больших городских центрах, создавая, таким образом, дополнительный спрос. В то же время городские ремесла развили необходимые навыки для производства промышленных товаров. Можно с достаточной уверенностью предположить, что эта переменная будет значимой; цель нашего исследования главным образом заключается в том, чтобы оценить степень влияния городского фактора. Для изучения эффекта «большого города» мы используем три примера: Санкт-Петербург, Москву и Киев.

2. Относящийся к городскому спросу и предложению, но менее очевидный «эффект близости к большому городу». Возможно, сочетание низких цен на землю (для фабричных участков и жилья рабочих) и умеренных транспортных расходов способствовало созданию предприятий вблизи больших городов. Кроме того, возможно, опосредованное влияние близости к человеческому капиталу, сосредоточенному в больших городах, также способствовало процессу создания предприятий (см.: Baten et al., 2007; Marshall, 1920; Arrow, 1962 и Romer, 1980) утверждали, что промышленные агломерации (которые иногда называют «промышленными районами») имеют преимущества в распространении знаний и технологий, создании более эффективных рынков труда; все это еще более вероятно для городских агло-

мераций. Хотя эти авторы рассматривают эффекты агломераций применительно к отдельным отраслям, существуют и объяснения распространения информации между отраслями (Jacobs, 1970). С другой стороны, теория Кристаллера (Christaller, 1933) утверждает, что территории около городов будут скорее специализироваться на производстве сельскохозяйственных продуктов, не приспособленных для транспортировки. Кроме того, возможно, существовали дополнительные препятствия возникновению промышленных предприятий в сельской местности, вызванные традиционным укладом русской деревни. Следовательно, мы можем ожидать как положительного, так и отрицательного влияния нашей переменной «близость к городам» на число предприятий в регионе.

3. Особенности предложения сырья в отдельных регионах могли играть важную роль в процессе возникновения предприятий; пример сахарной промышленности, зависящей от сырья, перевозки которого дороги, наиболее очевиден.

4. Подобным же образом, политика правительства в области торговли могла влиять на размещение предприятий. Этот пункт является весьма важным в случае Польши. Российская протекционистская политика привлекала производителей текстиля из Пруссии и империи Габсбургов, которые после снятия наполеоновской континентальной блокады больше не были конкурентоспособны. Эти фирмы смогли быстро прижиться в Польше, защищенной тарифами от британской продукции, заняв российский и польский рынки. Кроме того, имперская политика царского правительства была нацелена на ослабление польских латифундистов и аристократии и создание стимулов для инвестиций скорее в фабрики, нежели сельскохозяйственной производство (Scherner, 2001. P. 163). Таким образом, мы вводим в наш анализ дихотомическую (фиктивную) переменную для польских губерний.

5. Транспортная инфраструктура, возможно, способствовала созданию транспортных предприятий. Мы будем различать водные системы Балтийского и Черного морей (с фиктивной переменной «Речная система Балтийского/Черного морей») и «закрытую» водную систему Каспийского моря (другая фиктивная переменная — «Речная система Каспийского моря»). Кроме того, мы отдельно изучаем эффект первых железнодорожных линий.

6. Особенности отраслевого спроса также могли оказывать влияние на процесс возникновения предприятий. Например, вблизи горнопромышленных предприятий будут созданы компании по производству горного оборудования, которые смогут

быстро реагировать на местные потребности и обслуживать добывающие предприятия.

7. Наличие человеческого капитала в регионе может способствовать созданию там предприятий, если зарплата за квалифицированный труд не слишком высока. И, что более важно, самому создателю компании необходимы существенные знания и способности для того чтобы учредить предприятие и пережить трудные первые годы. Мы измеряем региональный человеческий капитал индексом Уиппла (age-hearing) (см. Crayen/Baten 2006, 2007, A’Hearn, Baten, Crayen, 2007)¹; еще один используемый нами показатель является более традиционным — это доля грамотного населения, рожденного до 1850 г. Обе переменные рассчитаны на основе Всероссийской переписи населения 1897 г.² Значимость человеческого капитала была продемонстрирована в литературе на примере изучения неравенства в оплате труда квалифицированных рабочих и чернорабочих (Borodkin and Valetov, 1998). Коэффициент корреляции Пирсона между двумя нашими альтернативными мерами человеческого капитала равен 0,66 (Диаграмма). Исключения — Курляндия (сегодня — часть Латвии), где грамотность населения выше, чем можно было бы предположить, а также Пермь и Вятка, где дело, возможно, обстояло лучше с цифрами, чем со словами.

8. Фактор сельского хозяйства. Если доходность сельского хозяйства высокая, то может быть недостаточно стимулов для создания промышленных предприятий. Сельскохозяйственную доходность трудно измерить в период до 1870 г. Мы используем оценки сбора зерновых и картофеля в килограммах на гектар в 1880-х гг. (Mironov, 1999) и предполагаем, что качество почвы,

¹ Индекс Уиппла (Whipple index) — показатель «возрастной концентрации», часто используемый исследователями переписей населения для косвенной оценки уровня человеческого капитала. При невысоком уровне доля людей, указывающих свой возраст числом, оканчивающимся на 5 или на 0 (т.е. кратных пяти или десяти) заметно превышает ожидаемые значения, соответствующие равномерному распределению возраста людей. Для подсчета значений этого индекса суммируют число взрослых людей, указавших свой возраст числами, кратными 5 или 10, и делят эту сумму на общую численность взрослого населения, а затем умножают на 5. В результате значения индекса могут варьировать от 100 (в этом случае нет преобладания округленных оценок возраста самими респондентами) до 500 (все респонденты указали свой возраст числами, кратными 5 или 10). — *Прим. ред.*

² Авторы благодарны А. Володину и Л. Бородкину, которые любезно предоставили эти данные.

квалификация и производительность труда рабочих, спрос и экспортные возможности и т.д. не меняются между 1870-ми и 1880-ми гг.

Результаты

Результаты регрессионного анализа (табл.) показывают, что влияние человеческого капитала на процесс создания российских предприятий было очень большим. Регионы с более развитым, грамотным населением, могущим точно сообщить свой возраст, имели существенно большее число предприятий (в расчете на 1000 человек), представленных на выставке в Санкт-Петербурге в 1870 г. Это оказывается верно и тогда, когда мы соотносим число предприятий от каждого региона с переменными «большой город», наличием железных дорог и с другими переменными из нашего списка потенциальных факторов. Если мы заменим переменную, отражающую способности к количественному мышлению, на долю городского населения в регионе (выраженную в логарифмической шкале), результат не изменится. Интересно, что неспособность к количественному мышлению (измеряемая индексом Уиппла) имеет несколько большую объяснительную силу, чем переменная «грамотность» — значение коэффициента детерминации R^2 выше в первой регрессионной модели, чем во второй.

Мы также видим, что для Польши число предприятий (по отношению к численности населения) существенно больше, чем для других регионов (коэффициент регрессии для данной фиктивной переменной положителен). Это могло быть связано либо с торговой политикой, которая привлекала мигрантов-предпринимателей, либо с политикой царского правительства, превратившей землевладельцев в собственников фабрик, либо с другими факторами, которые мы здесь не смогли выделить. Кроме того, факторы городского спроса и предложения имели довольно существенное значение, даже если мы контролируем различия в человеческом капитале — фиктивная переменная «большой город» остается положительной и статистически значимой. Напротив, «близость большого города» была не важна, равно как и транспортные переменные. Коэффициент фиктивной переменной «доступ к водной системе Каспийского моря» даже отрицательный, что может, однако, объясняться расстоянием до выставки, проходившей в Санкт-Петербурге. Напротив, наличие сырья — сахарной свеклы — способствовало возникновению предприятий соответствующего профиля.

Если мы ограничиваем выборку только теми губерниями, по которым у нас есть данные о производительности сельского хозяйства (учтенной здесь как урожай зерна с одного га), то у нас останется только 38 губерний (модель 3). Мы можем видеть, что высокая производительность сельского хозяйства увеличивает альтернативную стоимость создания промышленных предприятий: регионы с более высокой продуктивностью сельского хозяйства имели меньшее количество предприятий на душу населения. Коэффициенты переменных, измеряющих человеческий капитал, и коэффициент фиктивной переменной «большой город» остались при этом статистически значимыми.

Заключение

В целом мы можем объяснить вариации относительного количества «передовых» предприятий в губерниях к 1870 г. достаточно полно, используя вышеназванные переменные. Что является сюрпризом, так это высокое значение коэффициентов переменных, характеризующих человеческий капитал, т.е. мы не можем объяснить различия в числе предприятий исключительно за счет наличия больших городов в регионе. Это указывает на то, что различия в региональных условиях действительно важны, и промышленная структура не определялась политикой правительства, как считали некоторые наши предшественники (об этой дискуссии см.: Mironov, 2003; Gerschenkron, 1978; Gregory, 1982). Напротив, эффекты агломерации были незаметны в середине XIX в., а структура транспорта не имела такого сильного влияния, как мы ожидали.

Библиография

A'Hearn B., Baten J. & Crayen D., 2006: Quantifying quantitative literacy: age heaping and the history of human capital. Universitat Pompeu Fabra Economics Working Paper No. 996, 2006.

Arrow, 1962: Arrow K. Economic welfare and the allocation of resources for invention, in R. Nelson (ed.), *The Rate and Direction of Inventive Activity* (Princeton University Press, Princeton, 1962).

Baten, 2003: Baten J. Creating firms for a new century: Determinants of firm creation around 1900 // *European Review of Economic History* 7: 301–329, 2003.

Baten et al., 2007: Baten J., Spadavecchia A., Streb J., Yin Shuxi. What made southwest German firms innovative around 1900? Assessing the importance of intra- and inter-industry externalities // Oxford Economic Papers, forthcoming, 2007.

Borodkin and Valetov, 1998: Borodkin L., Valetov T. Modeling Wage Differentials in Russian Industries: 1880–1914 // Trends in Income Inequality During Industrialization. Proceedings of the XII International Economic History Congress. Session B12. Madrid, 1998.

Christaller, 1933: Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktion. Reprint Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980 (original: Jena 1933).

Gerschenkron, 1978: Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization in Russia, 1861–1917 // Mathias, P. and Postan, M.M. (eds.), The Cambridge Economic History of Europe, Cambridge, 1978. Vol. 6. Part 2. P. 706–800.

Gregory, 1982: Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge, 1982.

Jacobs, 1970: Jacobs J. The Economy of Cities, Penguin, London, 1970.

Leonard and Borodkin, 2000: Leonard C.S., Borodkin L. The Rural Urban Wage Gap in the Industrialization of Russia, 1885–1913. University of Oxford, Department of Economics, Economics Series Working Papers: 014, 2000.

Marshall, 1920: Marshall A. Principles of Economics. MacMillan, London, 1920.

Matthäi, 1873: Matthäi F. Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870. Leipzig, Verlag H. Fries, 1873. Vol. 2.

Mironov, 1999: Mironov B. The Biological Standard of Living in Russia. Conference Paper, presented at the IEHA pre-conference, Munich, 1999.

Mironov, 2003: Mironov B. «Russia: Modern Period» in Oxford Encyclopedia of Economic History. Oxford University Press, 2003. P. 417–422.

Romer, 1986: Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // Journal of Political Economy 1986. 94(5): 1002–37.

Scherner, 2001: Scherner J. Eliten und wirtschaftliche Entwicklung — Kongreßpolen und Spanien im 19. Jahrhundert. Lit Verlag Münster. 2001.

**Факторы создания предприятий
в регионах Российской империи до 1870 г.**

(зависимая переменная — число «передовых» предприятий
по отношению к численности населения губернии)

Переменные	Регрессионная модель		
	1	2	3
Индекс Уиппла (неспособность к количественному мышлению)	-1,76* (0,078)		-1,64* (0,080)
Грамотность (в логарифмах)		0,54* (0,051)	
Территория Польши	1,63** (0,044)	1,84** (0,012)	
Большой город	1,45*** (0,00025)	1,60*** (0,00012)	1,76*** (0,000026)
Близость к большому городу	0,03 (0,95)	0,16 (0,66)	0,18 (0,62)
Наличие железной дороги	0,26 (0,48)	0,19 (0,65)	
Доступ к речной системе Балтийского или Черного морей	-0,26 (0,55)	-0,31 (0,50)	
Доступ к речной системе Каспийского моря	-0,85* (0,083)	-0,68 (0,15)	
Производство сахара	0,93** (0,027)	0,82* (0,054)	1,24*** (0,0023)
Горное дело	1,14* (0,059)	1,41** (0,021)	
Продуктивность с/х			-3,25** (0,031)
Const	5,89*** (0,0029)	1,17 (0,21)	6,32*** (0,00085)
Всего наблюдений	46	46	38
R ²	0,54	0,52	0,44

В таблице указаны значения коэффициентов для каждой переменной и (ниже, в скобках) — значения уровня значимости (p):

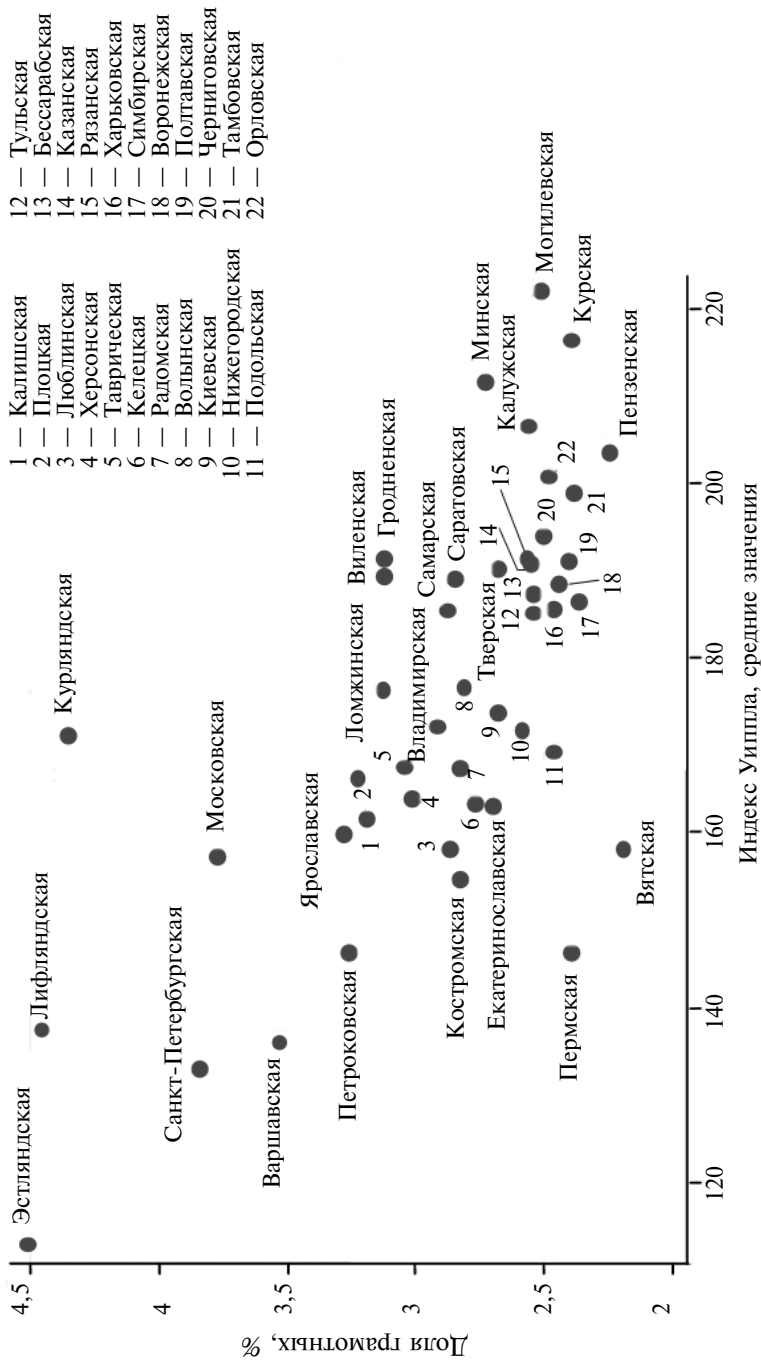
*** p<0,01;

** p<0,05;

* p<0,1;

Продуктивность с/х выражена в тоннах на единицу площади; индекс Уиппла поделен на 100.

Сравнение индекса Уиппла и грамотности (по губерниям)

Б.М. Шпотов*

Теория эволюции фирмы Альфреда Д. Чандлера и пути развития промышленности

К трудам, вошедшим в классику истории экономики и предпринимательства относятся исследования профессора Гарвардской школы бизнеса Альфреда Дюпона Чандлера-мл. (1918–2007), создателя концепции менеджерского капитализма¹. Приведем два характерных отзыва современных западных ученых. А.Д. Чандлер является «первым историком нашего времени, сумевшим создать собственный предмет исследований и доминировать в нем почти половину столетия». «Труды Чандлера вышли за пределы истории бизнеса. Их изучают в самых широких кругах историков, специалистов по менеджменту и институциональной экономике»². Советские историки и экономисты отвергали западные теории трансформации капитализма, в том числе преобразование его в менеджерский. Лишь в конце 1990-х гг. началось использование трудов Чандлера в работах о возникновении крупных компаний в США³. Вышла статья д.э.н. А.Ю. Юданова о методологическом значении сочетания в его работах экономической теории и экономической истории⁴. Ряд положений теории Чандлера применила к истории крупной русской фирмы д.и.н. И.В. Поткина, написавшая и аналитический обзор развития истории бизнеса в XX в. как научной дисциплины⁵.

Основные положения работ А.Д. Чандлера об эволюции фирмы

Назрела необходимость подробнее ознакомить отечественных историков экономики и бизнеса с основными положениями его концепции становления «менеджерского капитализма», которые наиболее полно представлены в двух объемистых книгах — «The Visible Hand» и «Scale and Scope» (см. примеч. 1). Их материал охватывает широкие хронологические рамки —

* Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

с XVII в. по 1920-е гг. с экскурсами в последующие десятилетия вплоть до 1970-х гг. Вторая книга является продолжением и развитием первой и содержит обширный материал не только по США, но также Великобритании и Германии как наиболее развитых в промышленном отношении стран Европы. В основе чандлеровской концепции — развитие фирмы как основного института капиталистической экономики, во многом определявшее ее «лицо», характер и динамику. История фирмы и история экономики показаны как единый, взаимосвязанный процесс.

В чем смысл названия книги Чандлера «The Visible Hand» — «Видимая рука»? Если в раннекапиталистической экономике бизнес зависел от рыночных сил, довлевших над волей и возможностями предпринимателей (что Адам Смит назвал «невидимой рукой Провидения»), то при переходе к индустриальной экономике сформировался менеджмент, придавший крупным компаниям такую внутреннюю организацию и динамику, которые сделали их устойчивыми субъектами рынка и влиятельной силой в XX в. Название другой — «Scale and Scope» — означает «масштаб и ассортимент» (или «масштаб и многоотварность», «масштаб и диверсификация продукта») — известные в экономической теории эффекты снижения средних издержек от увеличения на одном предприятии объемов производства как однородной, так и разнородной продукции.

Общеизвестно, что роль управления во всех его видах и проявлениях в ходе истории возрастала. Частный бизнес пытался ослабить воздействие государства на сферу своей компетенции, но и политика *laissez-faire* отнюдь не означала устранения государства от регулирования экономической деятельности. В 1930–1940-е гг. в американской историографии под влиянием Великой депрессии появилась точка зрения о мирной «революции менеджеров» как о социальном факторе, с которым связан общественный прогресс. Речь шла о будущем приходе к власти, на смену капиталистам и их ставленникам в ключевых отраслях экономики и государственной сферы, нового правящего слоя — профессиональных администраторов, способных возвыситься над интересами отдельных классов и групп и организовать силами государства рациональное управление всеми ресурсами общества.

Один из авторов этой концепции, профессор Нью-Йоркского университета Дж. Бернхэм считал, что поскольку капиталистический мир становится все менее управляемым и стабильным, признаками чего являются кризисы, безработица, рост государственных и частных долгов и т.п., выходом станет создание «об-

щества управляющих», которым принадлежит реальная власть. Считалось, что в новую правящую элиту войдут руководители с высшим, преимущественно техническим образованием⁶. По поводу этой концепции, влиятельной в 30-е — 40-е годы XX в., Чандлер лаконично пояснил, что она не имеет отношения к истории менеджмента и той институциональной среды, в которой менеджмент развивался⁷.

Исследуя «революцию менеджеров» в контексте развития бизнеса, Чандлер выделил ее универсальные черты. В каждой фирме заложен потенциал роста; фирма развивается от индивидуально управляемой собственником капитала к акционерной и менеджерской, управляемой наемными служащими; факторами ее роста являются инвестиции не только в технологии, расширение материальной базы, выход на новые рынки и т.п., но и в изменение ее структуры и в развитие управления. В его работах показано, в каких производствах конца XIX — начала XX в. изменения были достижимы и почему.

Соединенные Штаты стали родиной самых крупных предприятий индустриальной эпохи. На их развитие, писал Чандлер, «мало влияли государственная политика, рынки капитала или таланты предпринимателей, потому что они стали частью более глубоких экономических преобразований. В современном промышленном предприятии... отразились фундаментальные перемены в производстве и распределении, вызванные появлением новых источников энергии и более широким применением науки в сфере индустриальных технологий. Появление железных дорог и телеграфа, развитие новых отраслей по выпуску пищевой продукции, нефтепродуктов, резины, стекла, металла, химикатов, машинной техники привело к невиданному в истории росту объема производства. Быстрый рост населения, обусловленный высокой рождаемостью, низкой смертностью, массовой иммиграцией, ростом доходов на душу населения обеспечивал постоянное расширение рынка. Развитие средств транспорта и связи, изменение спроса обусловили революцию в области продажи. Когда торговым компаниям не удавалась реализация массы товаров, фирмы-производители объединяли массовое производство и распределение. Так появились гигантские, управляемые наемными служащими, промышленные предприятия, которые в наши дни являются самыми могущественными экономическими институтами в частном секторе. Создание современных многодивизиональных (multiunit) фирм и управление ими стало магистральной линией модернизации экономики Запада... Такие фирмы действовали по более сложным схемам, чем те, что появлялись на транспорте, в области

коммуникаций или в торговле массовой продукцией. Они выходили на глобальный уровень»⁸.

На конкретных примерах объяснено, почему одни предприятия оставались малыми, а другие могли успешно действовать только как крупные (нефтяная, сталелитейная, химическая, машиностроительная, электротехническая, пищевая отрасли). В указанных отраслях удавалось увеличивать выпуск продукции за счет наращивания скорости и объема производства (throughput). Это позволяло использовать новые материалы, например, стальной прокат. В отличие от древесины и чугуна, сталь и ее сплавы выдерживали ковку, давление, волочение. Химические реакции и термические воздействия позволяли многократно увеличить объем переработки нефти, способствовать развитию герметизации, вакуумной и компрессорной техники для транспортировки жидкостей по трубопроводам, а производство тары из дешевых материалов обеспечивало массовый выпуск расфасованной пищевой продукции.

Выпуск продукции можно было увеличивать и на малом предприятии, механизуя его операции, но экономическая выгода — так называемый эффект масштаба, сказывалась лишь тогда, когда удавалось снижать средние затраты на единицу производимого товара путем увеличения скорости процесса и количества выпускаемой продукции. Расширять производство, где рабочий обслуживал только один станок, например, столярную мастерскую, было невыгодно. Если он мог работать на нескольких станках, как прядильщик или ткач на текстильной фабрике, рост предприятия имел более широкие пределы. Но когда несколько человек управляли работой громадной рельсопрокатного цеха или больших групп машин, работавших автоматически или в заданном режиме (температурном, компрессорном и др.), такое предприятие могло быть только крупным, а издержки раскладывались на множество единиц товара.

Достижимость эффекта масштаба зависела от характера производства и от свойств материала. Произвольно ускорять работу прядильных и ткацких станков или швейных машин было нельзя из-за непрочности нити из хлопка или шерсти. (Появление в XX в. синтетических волокон позволило решить эту проблему.) Объем выпускаемой продукции определялся не только скоростью, но и непрерывностью процесса. В тех отраслях, где расширение производства требовало пропорционального увеличения затрат на рабочую силу и установку дополнительного оборудования, а соотношение количества машин и обслуживающих их работников измерялось близкими величинами, крупное производство не понижало средних издержек и было не-

рентабельным. Многие предприятия легкой промышленности оставались по этой причине малыми и средними, и реализацией их продукции занимались торговые фирмы⁹.

Форвардами индустрии США становились предприятия, где снижение себестоимости и цен достигалось благодаря максимизации объема и скорости производства и получения прибыли с оборота. При полной загрузке оборудования затраты на выпуск единицы продукции были минимальными, а продажи в массовом количестве увеличивали суммарную прибыль. Такие условия создавались благодаря внедрению технологий массового производства и повышению организационных возможностей фирмы (*organizational capabilities*), в которых ключевую роль играл менеджмент. Так появился, как его называли в Америке, большой бизнес.

А.Д. Чандлер создал целостную и непротиворечивую модель развития американской компании от традиционной (доиндустриальной) до менеджерской, присущей развитому индустриальному обществу. Ее теоретический стержень — три взаимосвязанных процесса, прослеживаемые на всех этапах развития. Это изменение формы собственности от индивидуальной (семейной) до акционерной; развитие интеграции производства и рынка как фактора усиления влияния фирмы на экономику; трансформация управления фирмой от хозяина и его помощников в пирамиду менеджмента с разделением полномочий и административными функциями. Помощники выполняли конкретные поручения — обычно по учету движения товаров, доходов и расходов. Обязанности менеджеров были гораздо более сложными, прежде всего по степени самостоятельности в управлении вверенными им участками и подчиненными, а также по координации действий — как с вышестоящими руководителями, так и с менеджерами других звеньев бизнеса.

Показав этот процесс в конкретно-историческом развитии, Чандлер внес большой вклад не только в создание целостной теории управления частной корпорацией, но и в теорию издержек предприятия (квазипостоянные издержки), в объяснение существования олигополий, связи научно-технических достижений с деятельностью большого бизнеса и др.¹⁰ В основе его эмпирического исследования и теоретических выводов — крупные фирмы США, взятые в качестве эталона, а для историко-сравнительного анализа — фирмы Великобритании и Германии.

Типы управления сменялись в ходе истории, а при переходе к индустриальному капитализму сосуществовали. Американский ученый определил их как: а) чисто предпринимательский, когда владелец капитала компании и управляющий — одно

лицо; б) переходный, с высшим звеном из предпринимателей-собственников и подчиненным им звеньям менеджеров; с) достроенный доверху менеджерский, при котором управление инвестициями окончательно отделилось от капитала как собственности. Крупнейшие собственники создавали советы директоров и получали дивиденды, менеджеры — заработную плату. Смена этих типов управления четко прослеживается по изученным Чандлером делопроизводственным документам. Если первые поколения менеджеров были обычными наемными служащими, подотчетными директорату, то впоследствии они могли приобретать акции компаний.

Отправным пунктом концепции Чандлера стали американские фирмы эпохи раннего капитализма. Менеджмент, близкий к современному типу, появился не раньше 1840-х гг. Исследователь обнаружил в деятельности этих фирм те черты, которые отличали персонифицированный тип руководства: собственник или узкая группа лиц (часто — родственников) с объединенным капиталом, лично следившие за ходом деловых операций, ценами на рынках и нанимавшие минимум помощников. На смену предпринимателям «общего профиля», которые совмещали разные виды дающей доход деятельности, выдвигались занимавшиеся экспортом и импортом, оптовой и розничной торговлей, перевозками, страховыми, комиссионными операциями и т.п. При сохранении персонифицированного руководства и важности доверительных личных связей и знакомств возрастала роль обезличенных деловых контактов. Лица, стоявшие у начала цепочки движения товаров или капиталов, часто не знали своих посредников или заказчиков.

Такая ситуация имела место в торговле, сельском хозяйстве, строительстве, лесной, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности США. За исключением рабовладельческих латифундий в штатах Юга и металлургических заводов с доменным цехом, предприятия имели небольшое число постоянных работников. Появились и фабрики с простейшими станками, водяным колесом или паровой машиной в качестве двигателя и выполнением части операций вручную на дому. Интеграционные процессы начинались на производстве: появившееся в 1820-е гг. механическое ткачество объединялось под одной крышей с ранее механизированным прядением, а ручное ткачество на дому прекращалось. В черной металлургии доменный процесс совмещался с переделом чугуна в железо методом пудлингования вместо его продажи владельцам малопроизводительных кричных горнов.

Простые организационные преобразования, ставшие возможными благодаря техническому прогрессу, спрямляли и ускоряли процесс производства и переводили управление им в одни руки. Вместо нескольких разобщенных звеньев, принадлежавших разным предпринимателям, которые заключали между собой сделки, создавался единый цикл, дававший экономию на перевозках и транзакционных издержках. Технический прогресс создал к середине XIX в. предпосылки массового стандартизованного производства, которое, по мере повышения точности выработки, решало проблему снижения издержек методом тиражирования изделий по шаблонам вместо индивидуального изготовления их вручную. Однако, как показал Чандлер, это практически не меняло традиционную систему «хозяин — помощник», пока ее задачи не расширились и не усложнились. Появившиеся в ходе первой индустриальной революции конца XVIII — первой половины XIX в., эпицентром которой являлась Англия, небольшие предприятия фабричного типа так и не породили новых форм управления. То, что привело к менеджменту, должно было означать, помимо роста производства, еще и появление новых средств транспорта и дальней связи — паровых линий, железных дорог и телеграфа, а в США с их большими расстояниями и слабо заселенной территорией они были особенно востребованы.

Именно последнее обстоятельство, считает Чандлер, дало толчок преобразованию американской экономики, которое началось с развития массовой оптовой и розничной торговли. Увеличение скорости и объема перевозок, заключение сделок и оперативная передача деловой информации по телеграфу расширили географию бизнеса. Паровой транспорт и телеграф стали работать на производственные и торговые фирмы, а координация их действий заложила основу менеджмента. Кроме того, железнодорожные и телеграфные компании были предприятиями, которые финансировались и управлялись по новым методам. В США с их расстояниями в сотни и тысячи миль, часто в необжитой местности, железнодорожные фирмы превращались в крупные, капиталоемкие частные предприятия с акционерным капиталом и ответственностью наемных служащих перед собственниками за его рациональное использование.

Менеджмент в железнодорожных компаниях появился в середине XIX в., лет на 40–50 раньше, чем в промышленности, и быстро стал многофункциональным. Удлинение железных дорог, соединение их в магистрали, когда отдельные участки принадлежали разным владельцам, унификация путевого хозяйства и создание необходимой инфраструктуры, включая дома для ра-

бочих, превратила железные дороги в сложноорганизованное предприятие. Их прибыльность зависела от пропускной способности, которая определялась объемом перевозок по миле пути в единицу времени. Контроль за движением поездов обеспечивался управлением как по горизонтали — на участках пути, так и по вертикали, на трех соподчиненных уровнях. Кроме того, железная дорога требовала бесперебойного снабжения топливом, ремонта путей и подвижного состава, сигнализации по семафорам и телеграфу, кассовых сборов, обслуживания пассажиров. Опыт работы на железных дорогах считался хорошей практической школой и мог пригодиться везде, где ценились организованность, дисциплина, умение работать в команде. Появились первые крупные администраторы и даже теоретики в области управления железными дорогами. По аналогичным схемам, хотя в более простой форме, управляли поделенными на участки электросетями, водопроводами, нефтепроводами, телеграфными и телефонными линиями¹¹. Принцип взаимодействия частей и целого, синхронизация в едином процессе стал основой их функционирования.

Изучая появление и развитие менеджмента, Чандлер отделял первую промышленную революцию как начало внедрения машин в сферу ручного труда, от революции на транспорте и в средствах связи. Правомерность такого подхода выглядит спорной. Именно технические достижения этой промышленной революции с эпицентром в Англии, сделали возможным строительство железных дорог (вначале рельсы из чугуна, затем из puddlingового железа), увеличить расход металла на выпуск паровых машин и металлических частей паровозов, локомотивов и вагонов, а открытия в электротехнике, которые привели к появлению телеграфа, видимо, не случайно совпали по времени с изобретательским бумом после наполеоновских войн. На тему «First industrial revolution» почти ничего не сказано в книге «The Visible Hand» и очень мало в «Scale and Scope». Являлась ли революция в средствах транспорта и связи составной частью промышленной, или это были самостоятельные процессы, Чандлер не комментировал, но подчеркнул влияние железных дорог, паровозов и телеграфа на развитие, в первую очередь, торговли — как оптовой, так и крупной розничной.

Что касается производственной сферы, то ее возможности неизмеримо возросли благодаря второй промышленной революции последней трети XIX — начала XX в. Именно она означала тот гигантский технико-технологический скачок, который привел к индустриальной стадии капитализма. В промышленности стали использоваться достижения не только механики, но

и естественных наук. Это использование генераторов переменного тока, превращение выплавки стали в «становой хребет» индустрии (сталь, получаемая бессемеровским и мартеновским способами, вытеснила пудлинговое железо), становление нефтяного бизнеса как отрасли промышленности и незаменимого в XX в. поставщика жидкого топлива, потеснившего каменный уголь. Появились новые средства связи — телефон и радио, новые строительные материалы — бетон и железобетон, изготовленные заводским способом части зданий и строительные материалы, дороги с искусственным покрытием. Помимо станкостроения, развивалось сельскохозяйственное и транспортное машиностроение, включая автомобильное. Промышленность работала не только на розничного покупателя, но и на корпоративных заказчиков.

На эволюцию промышленных фирм существенно повлияли объединительные процессы, происходившие во второй половине XIX — начала XX вв. в бизнесе США и Европы. Простейшими объединениями были картели — договоренности между однопрофильными компаниями о прекращении конкуренции путем распределения рынков сбыта и замораживания цен и объемов производства. Свободная конкуренция не сулила выгод всем участникам рынка, требовала затрат на обновление техники, и часть фирм могла разориться. В картель входили компании с любой формой собственности и с устаревшим оборудованием, лишь бы оставалось меньше аутсайдеров. Создавались они на добровольной основе, каждый участник картеля сохранял свои активы, руководство и самостоятельно сбывал продукцию. При наличии координирующего органа объединение называлось синдикатом. Обмена акциями, централизованного руководства не существовало, картель являлся конфедерацией самостоятельных равноправных компаний с общими интересами. Картели имели тенденцию к превращению в монополии, хотя и коллективные, не управляемые из единого центра и весьма непрочные, так как входившие в них компании сохраняли хозяйственную самостоятельность. Они могли выйти из объединения, если находили это выгодным. Отсюда термин «картельное поведение».

В США некоторые картели были преобразованы в тресты (trusts). Первым стал Standard Oil Trust, созданный в 1882 г. из картеля, в который входило сорок небольших нефтеперерабатывающих компаний штата Огайо, среди которых лидировала фирма Рокфеллеров. Они согласились передать контрольные пакеты акций попечительскому совету из 9 доверенных лиц (trustees), что означало централизацию капитала и консолида-

цию компаний. Доверенные лица выполняли функцию совета директоров и поручили управление менеджерам, а компаниям-доверителям были выданы сертификаты на право получения дивидендов. Как и картели, тресты создавались добровольным решением заинтересованных фирм. Такая реорганизация имела целью повышение прибылей благодаря согласованной технической, производственной, финансовой и маркетинговой политике. Концентрация возможностей многих фирм позволяла сильнее давить на конкурентов. Семь других трестов были созданы позднее в выплавке свинца, заготовке мяса, производстве виски, сахара-рафинада, веревок из джута (американская разновидность конопли), технического масла из льняных и из хлопковых семян¹². Но просуществовали они недолго.

Особенностью внутренней политики американского государства было обеспечение всем участникам рынка равенства возможностей путем сохранения конкуренции. Картели и тресты являлись самовольными, несанкционированными объединениями, возникавшими потому, что во время их появления в США не имелось соответствующих правовых норм. Объединения, препятствующие «свободе торговли» в 1890 г. запретил федеральный закон Шермана¹³. Альтернативой стали компании-холдинги, учреждение которых разрешил у себя годом раньше штат Нью-Джерси. Это давало учредителям право приобретать акции компаний, расположенных в других штатах, чем преодолевалось имевшееся ранее ограничение для юридических лиц (корпораций) заниматься бизнесом за пределами их штата. В Нью-Джерси устремились, для легализации своего положения, те компании, которые являлись трестами или планировали создать централизованное объединение. В 1899 г. Standard Oil Trust был преобразован в Standard Oil Company of New Jersey.

В начале XX в. появились объединения с центральным управлением и передачей контрольного пакета в компанию-холдинг. Это открывало путь для создания гигантских объединений по горизонтали. Приобретение одним предприятием акций другого могло принимать форму слияний или поглощений. При слияниях создавалось новое юридическое лицо взамен двух или нескольких сливающихся для управления их активами. При поглощениях юридическое лицо оставалось у фирмы, купившей активы другой, а последняя его теряла. К фирме-поглотителю отходили долги и прочие обязательства поглощенной. Иными словами, лица, объединявшие свои капиталы, не оспаривали друг у друга право управлять им, а передавали третьему лицу, но те, кто расставался со своим имуществом, теряли самостоятельность в бизнесе.

Рост компаний происходил и за счет интеграции по вертикали — в сторону источников сырья и (или) рынков сбыта. Оба вида интеграции были обусловлены антимонопольным законодательством, запрещающим картели и тресты и легализовавшим холдинги. Благодаря им создавался эффект масштаба и (или) многотоварности. Крупные компании не подпадали под действие закона Шермана, если не вступали в сделки, препятствовавшие конкуренции.

Интегрированные компании обоих типов требовали координации работы различных функциональных отделений и звеньев. Приобретение в собственность источников сырья и материалов — угольных шахт, рудников, нефтеносных участков сталкивалось с крупными затратами, зато организовать сбыт через свои магазины или дилерскую сеть обходилось намного дешевле. Экономический эффект от соединения производства и сбыта при условии хорошего управления оказывался значительным. Если компания производила больший объем продукции, чем могли принять на хранение обычные торговые фирмы, а продукция отличалась технической сложностью или требовала особых условий хранения и обслуживания, интеграция производства и сбыта являлась неременным условием бизнеса. Она давала немалые дополнительные преимущества: устраняла часть трансакций, снижала степень затоваривания, позволяла приспособивать производство к потребностям рынка, наконец — завоевывать рынки посредством снижения цен. Массовый маркетинг стал главным орудием конкурентной борьбы.

Эти регулятивные механизмы, управляемые самой фирмой, и являлись «видимой рукой» менеджмента. Крупнейшие компании создавали отделы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и связей с общественностью. По сложности задач и маневренности промышленный менеджмент превосходил рутинные операции на транспорте или на коммунальных предприятиях — поддержание в исправности оборудования, соблюдение графика движения поездов и пароходов, заданного давления в трубопроводах, напряжения в электросетях и т.д. Крупные компании, первыми выходявшие на рынок с новой продукцией (*prime movers*), фактически создавали его. Так было с рынками нефтепродуктов, стального проката, электрооборудования, автомобилей. Это обеспечивало им конкурентные преимущества. Слияния и поглощения при быстром создании централизованных управленческих структур закрепляли положение *prime movers*, что закладывало основу олигополий. Но промедления и ошибки компаний-первопроходцев давали шансы конкурентам.

При этом эффект масштаба имел пределы, за которыми издержки начинали расти¹⁴, а объединение компаний — пределы роста и управляемости. Попытки выйти за них могли привести к резкому росту затрат и даже банкротству. Поэтому фирма должна была иметь оптимальный размер и *не могла стать сколь угодно большой*. В начале XX в. компания Dupont de Nemours не собиралась монополизировать рынок пороха и динамита, поскольку спрос на подобную продукцию колебался, при его падении фирма понесла бы убытки, и $\frac{2}{3}$ рынка ей было достаточно. Зато American Sugar and Refining Company — Американская сахарорафинадная компания, ранее — трест, затратила огромные средства на поглощение конкурирующих предприятий, но так и не стала монополистом. Конкуренты появлялись в самых разных местах: в Калифорнии, на Гавайях, в г. Балтимор и Новый Орлеан. Доля этой ведущей на сахарном рынке компании сократилась с 75% в 1894 г. до 49,3% в 1907 г., а через десять лет упала до 28%. Сталелитейная корпорация США столкнулась с аналогичными проблемами. Приобретенные ею многочисленные предприятия требовалось реконструировать, а управлять огромной ассоциацией фирм стало трудной задачей. Она сумела захватить не более $\frac{2}{3}$ рынка¹⁵.

По мере развития американской и мировой нефтедобычи Standard Oil сталкивалась с конкуренцией на международном и даже внутреннем рынке. На пике своего могущества (1898 г.) она контролировала 33% национальной нефтедобычи, но монополизировала переработку сырой нефти — около 90% в 1870-е гг., когда существовал нефтяной картель из 40 небольших компаний, и 83% в 1904 г., когда Standard Oil была единой компанией. В 1906 г. она продавала на внутреннем рынке 80% нефтепродуктов, а в нефтяном экспорте ее доля превышала 85%. Но говорить о полной монополии даже в ее лице довольно трудно, так как компания Рокфеллеров не подчинила себе нефтедобычу, а ее доля в поставках сырой нефти в штаты сильно различалась — от 10% до 90–95%. Процент поставок снизился в среднем с 92 в 1880 г. до 55,6 в 1911 г., а число штатов, куда поступала ее нефть, увеличилось.

Рокфеллерам так не удалось подавить своих старых конкурентов — компании Pure Oil и Tidewater, которые понемногу расширились, а в первом десятилетии XX в. в связи с открытием новых месторождений появилось целое созвездие довольно крупных вертикально интегрированных компаний — Texas Company, Yule Oil, Associated Oil, Union Oil, Shell Oil, Sun Oil.

Наконец, в 1911 г. нефтяной гигант был разделен решением Верховного суда США на 11 самостоятельных, хотя и связанных между собой компаний, частью которых руководили менеджеры из бывшей штаб-квартиры. Отрасль окончательно приобрела олигополистический характер, а количество новых и независимых от системы Standard Oil компаний возросло¹⁶.

Компания Форда не занималась присоединением конкурирующих фирм, а росла за счет вертикальной интеграции, наращивая объем продаж и реинвестируя прибыль. Создав рынок дешевых моделей Т, компания удерживала монополию в пределах этой ниши до конца 1920-х гг. и постоянно снижала цены, пока ее не разрушили «сверху» недорогие, но более качественные автомобили компании Chevrolet из объединения General Motors, а «снизу» — самые дешевые, подержанные машины. «Шевроле» конкурировали с «фордами» на качестве, подержанные — на ценах и часто — дизайне, так как модные, но сделавшие прогреб автомобили можно было приобрести за бесценок. Монопольная ниша Форда, пока существовала, охватывала до 55% всего авторынка США, остальная часть принадлежала компаниям, выпускавшим более дорогие марки, выпуск которых возрастал. В начале 1930-х гг. в отрасли сложилась олигополия General Motors, Ford и Chrysler. В последней трети прошлого столетия американских автомобилестроителей потеснили германские и японские, затем корейские. Это размывало рынок, которым ранее полностью владели национальные производители.

Уникальный пример монополиста-долгожителя дала American Telephone & Telegraph, так как располагала самой совершенной и дорогостоящей аппаратурой дальней связи, а другие компании и их клиенты пользовались ее услугами. Но после разукрупнения AT&T в 1980 годы появились конкуренты с более совершенными технологиями — MCI и др.

Для американского рынка была характерна не монополия, а олигополия, но крупные предприятия далеко не во всех отраслях выпускали основной объем продукции. В 1919 г. в текстильной, швейной, кожевенной и других отраслях легкой промышленности они давали менее 1%, в бумажной — 2%, в металлообработке 3% продаж. Процент крупных предприятий там был минимальным. В химической индустрии на их долю приходилось 9%, в машиностроении 20%. Иная картина наблюдается в отраслях, где наивысший объем продаж давали крупные высокопроизводительные компании (табл. 1).

Доля олигополий в объеме продаж в 1909 и 1919 гг., %

Отрасли	1909 г.	1919 г.
Пищевая	24	28
Электротехническая	68	40
Металлургическая	35	40
Нефтяная	34	44
Транспортное машиностроение, включая автомобилестроение	10	48
Резинотехническая	76	69
Выпуск табачных изделий	75	86

Источник: Chandler A.D. The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business, 1977. P. 366. Table 9.

В 1917 г. из 200 крупнейших предприятий США¹⁷ количеством от 20 и больше, свыше половины (126) сконцентрировалось в следующих отраслях: в металлургической — 31, пищевой — 29, в выпуске транспортного машиностроения — 24, нефтяной индустрии — 22, химической — 20. Меньше всего их было в типографско-издательском бизнесе — 2, деревообрабатывающей промышленности — 3, швейной — 3, кожевенной — 4, бумагоделательной — 5, текстильной — 6. К 1930 г. группа самых крупных предприятий выросла в пищевой индустрии — 31 и заняла первое место, на второе переместилась нефтяная — 26. Металлургия и транспортное машиностроение разделили третье место (по 23), а в химической промышленности остались те же 20. В 1930 и 1948 гг. их общее количество изменилось незначительно — соответственно, 123 и 124, а в 1973 г. упало до 72. Предприятия-гиганты сосредоточились в химической, нефтяной и пищевой индустрии. В отраслях же с минимальным их числом картина почти не изменилась¹⁸.

Олигополии не становились монополиями, но появились многоотраслевые фирмы-конгломераты. В 1948 г. и раньше не было ни одной, а спустя четверть века их насчитывалось 19. Вместо специализации на определенных видах товаров или услуг они расширяли спектр капиталовложений, и в качестве хозяйственных единиц включали не только заводы и фабрики, но и предприятия сферы обслуживания и даже отели и казино.

Конкуренция между олигополиями не прекращалась, но при этом устанавливалось относительное равновесие возможностей.

Малые предприятия выживали, если росли по вертикали или специализировались на поставках своих изделий крупным фирмам¹⁹. Интеграцию проводили не только товаропроизводители: владельцы добывающих компаний создавали фабрики по первичной обработке сырья или переработке в готовый продукт, который продавали торговым фирмам и (или) самостоятельно. С начала XX в. крупные торговые дома создавали вспомогательные производства, а также сети розничных магазинов. В конце 1920-х гг. гиганты розничной торговли — Sears & Roebuck, Procter & Gamble, Montgomery Ward, фирмы быстрого питания, особенно McDonald's, руководили сотнями торговых точек. В условиях конкуренции переход «под крышу» мощной компании был практически безальтернативным. Численность индивидуальных торговцев, владельцев кафе и ресторанов, ателье, гостиниц и др. непрерывно сокращалось после второй мировой войны²⁰.

Развитие исследований и разработок добавляло новые звенья крупным компаниям и превращалось в самостоятельный бизнес, а структурные изменения в группе ведущих отраслей стали еще одним фактором бурного развития экономики США. Текстильная промышленность, бывшая лидером индустриального прогресса до второй половины XIX в., мало влияла на его дальнейшее развертывание. Она увеличила производство тканей, для которых требовались швейные машины, использовала красители и отбеливатели, но не продвигала станкостроение дальше задач своей отрасли. Производство, ознаменовавшие переход к индустриальному капитализму, дали мощный импульс всему народному хозяйству. Так, автомобилестроению требовались станки высокой точности, сталь и цветные металлы, стекло, резина, электроприборы, цветные лаки, отделочные и горюче-смазочные материалы, наконец, асфальт и бетон для дорожного строительства. Но главное — в новых отраслях появилась новая организация бизнеса.

Факторы, определявшие эволюцию американских компаний и их быстрый рост со всеми сопутствующими атрибутами — интеграцией и менеджментом, объяснялся рядом природных и исторических факторов, характерных, как подчеркивает Чандлер, для США. Многообразие природных ресурсов, просторы колонизируемых земель, приватизированные фермерами к концу XIX столетия, большая свобода экономической деятельности, бурный рост экономически активного населения, в том числе за счет иммиграции, развитие системы коммуникаций способствовали формированию огромного внутреннего рынка. Доминирование среднего класса с довольно однородными потреби-

тельскими запросами стимулировало массовое производство стандартизированной продукции. Самая большая экономика, как называли американскую, дала эталоны для сравнения с другими.

Меньшие по площади, населению и ресурсам европейские страны отличались менее емкими, но более сегментированными внутренними рынками для различных классов и слоев населения. Колонии являлись источниками сырья и продуктов питания. Капитал вывозился с разными целями за границу. В Европе везде (кроме Великобритании) легально существовали картели, а они не способствовали, с точки зрения Чандлера, развитию фирмы и ее организационных возможностей.

В Англии утвердился «personal capitalism» — компании предпринимательского типа с ограниченной до 1950-х гг. ролью менеджмента. Интегрированных предприятий было меньше, чем в США и Германии, и они не отличались американскими размерами. Преобладали небольшие индивидуальные фирмы, управляемые хозяевами и их родственниками, и объединения таких фирм, руководимые компаниями-холдингами. Приверженность британских предпринимателей традиции «персонального капитализма» тормозила создание корпораций американского типа с централизованным управлением и иерархией менеджеров. Команды администраторов бизнеса были малочисленными, а роль потомков основателей компаний в принятии руководящих решений оставалась значительной даже после сокращения их доли в капитале.

Чандлер связывал развитие британских компаний с достижениями в основном первой промышленной революции, родиной которой являлась эта страна. Это текстильное производство, металлургия, строительство цельнометаллических кораблей, станкостроение и химическое производство, но на той материально-технической основе, которая сложилась там раньше, чем в США и Германии. Из-за небольших расстояний и равнинной местности даже железные дороги не имели столь большого значения для Великобритании, где строительство каналов и грунтовых дорог развернулось еще в XVIII в. Индустриальные успехи США и Германии были связаны со второй промышленной революцией²¹. Отсюда «масштаб и ассортимент», развитие интегрированных компаний, которые управляли своим производством и сбытом и с меньшими издержками выходили на зарубежные рынки, включая британский. Наиболее крупные предприятия Великобритании в конце XIX — начале XX в. являлись отделениями американских и германских компаний. Германский экспорт состоял большей частью из электротехни-

ческой и химической продукции. От поставки красителей зависела текстильная промышленность многих стран.

При этом в Германии, где до начала XX столетия доминировали картели, сложилась та модель развития фирмы, которую Чандлер назвал «кооперативным менеджерским капитализмом» — «cooperative managerial capitalism». Немецкие компании по своему управлению и техническому оснащению приближались к американским, но по отношению друг к другу на внутреннем рынке заметно отличались от более агрессивных в конкурентной борьбе (competitive) менеджерских фирм США. С одной стороны, в Германии быстро росли интегрированные компании, разрушавшие картельные связи, с другой — сохранялась тенденция к сотрудничеству. В Третьем рейхе происходило принудительное картелирование промышленности, а после Второй мировой войны сотрудничество компаний помогло возродить экономику ФРГ. После 2-й мировой войны во всей Европе стали распространяться крупные компании американского типа — как европейского происхождения, так и дочерние, со штаб-квартирами в США²².

Значение работ Чандлера для российских авторов учебников по экономической истории

Не переведенные, к сожалению, труды Чандлера — хорошая школа для отечественных исследователей и авторов учебников. Последним не хватает понимания рыночных структур и правильного использования ключевых терминов и понятий. Из них «монополия», к которой приравнивается любая крупная фирма, едва ли не самое живучее и популярное. В самых новых изданиях учебников признается развитие, например, американской экономики в условиях конкуренции, но постоянное упоминание в тексте «монополистического капитализма» вносит диссонанс и картина получается противоречивой²³.

Напомню, что в США различались собственно монополии и «монопольное поведение», т.е. существенное ограничение конкуренции путем негласных соглашений с другими компаниями, например, транспортными, нарушения тарифных правил и др. Наличие монополии или монопольного поведения определяли суды, и не всегда успешно. Следовало доказать наличие преступных намерений, но монополия на выпуск какого-либо товара еще не означала, что при его продаже применяются способы, препятствующие конкуренции. Успех в бизнесе благодаря деловым способностям или новым технологиям не осуждался.

В целом в США складывалась олигополярная рыночная структура, а попытки монополизации отраслей терпели крах не только из-за юридических барьеров, но и по причине ухудшения управляемости из-за чрезмерного расширения фирмы или слишком больших издержек на захват рынка.

Если в советской историографии признавали только крайние формы рыночных связей — свободную конкуренцию и монополию, то современная экономическая наука насчитывает гораздо больше разновидностей, чем казалось в начале XX в. Если ими не пользоваться, изменение рынка невозможно адекватно описать. Да и сама монополия не всегда подразумевает крупную фирму — им может быть единственное в городе предприятие, дающее рабочие места, единственная гостиница, только один банк и т.п.²⁴.

Самым большим курьезом в отечественной литературе по истории США стал вопрос о трестах. В разных изданиях называли то 80, то 800, но рекордной цифрой стало... 10 000 (!) трестов, или монополистических объединений²⁵. Не слишком ли много монополий в 1909 г., если «монополия» происходит от слова «моно»? Здесь, правда, повлияло одно обстоятельство: хотя ни один трест или картель (а трестов Чандлер выявил всего восемь), не пережил XIX века, президент Т. Рузвельт по инерции употреблял это слово вместо малопонятного публике холдинга, когда провозгласил свою программу борьбы с «плохими трестами», нарушающими американские порядки. Антимонопольное законодательство США и в наше время по традиции называют антитрестовским.

Идеи Чандлера расширяют инструментарий историко-сопоставительных исследований — например, в вопросах определения роли менеджмента и интеграции в росте фирмы в конце XIX — начале XX в. Ранее в отечественных исследованиях использовались только такие показатели, как технология, тип и мощность двигателя, количество рабочих, размеры капитала и т.п. Особое значение, на мой взгляд, приобретает оценка положения крупной фирмы в отрасли — монополия, исключая или сильно ограничивающая конкуренцию, или олигополия, оставляющая поле для конкуренции. Для сопоставления промышленности России и США в конце XIX—XX вв. весьма интересен вопрос о текстильной отрасли, о сходстве и различиях в динамике ее развития. Почему в Российской империи текстильные компании вошли в число крупнейших фирм, а в США, имевших свой хлопок, эта отрасль не дала ни крупных

компаний, ни заметных фигур в бизнесе? Как сказались особенности национальных экономик на их организационной структуре? В России, насколько можно судить по имеющимся исследованиям, ряд подразделений был дополнительно создан для обслуживания основного производства. Не в этом ли одна из причин расширения российских текстильных компаний?

Концентрацию производства нередко считают признаком монополии, понимая ее как ликвидацию или поглощение массы мелких предприятий и строительство немногих громадных заводов. Применялось, однако, и руководство из единого центра крупными и малыми предприятиями, которые, входя в объединение, также сохраняли автономию, а они могли исчисляться десятками и даже сотнями. Тенденция к застою, которую В.И. Ленин относил к монополиям вообще, по существу может быть отнесена только к картелям, которые получали более или менее гарантированную прибыль благодаря согласованной ценовой политике. Однако картели были неуправляемыми и непрочными, а в США их запретили. Крупные компании проводили научные исследования и разработки, первоначально в виде экспериментальных лабораторий. Другой, по Ленину, признак монополии — сращивание промышленного и банковского капитала, также не стал общим правилом. В США банки владели крупными пакетами акций железных дорог, ибо без объединения капиталов их невозможно было построить. Однако в промышленности имелись и другие возможности роста — за счет передовых технологий, интеграции по вертикали, реинвестирования прибылей.

Финансовый капитал притекал в промышленность тогда, когда своего было недостаточно для пуска предприятия или роста по горизонтали — причем не обязательно в виде инвестиций, но и займов, как при создании General Motors. Крупнейший американский банкир Дж.П. Морган купил у Э. Карнеги самый мощный в США металлургический завод, а затем стал присоединять заводы поменьше, но банкир во главе промышленной группы — скорее исключение, чем закономерность. Компании Рокфеллеров, Форда и многие другие гиганты индустрии выросли по вертикали без участия финансового капитала.

Для начала XX в. трудно признать признаком монополистического капитализма и преобладание вывоза капитала над вывозом товаров. Денежный капитал экспортировали отстававшие в промышленном отношении от США и Германии Англия и Франция. Англия — в свои колонии, доминионы, США и стра-

ны Латинской Америки, а французские банкиры предпочитали в основном давать займы, в том числе правительствам России, Турции, балканских государств. Это отвлекало экспортеров капитала от развития собственной индустрии. Германия инвестировала в строительство железных дорог за рубежом — крупнейшим проектом было создание магистрали Берлин-Багдад, но усиливала вывоз товаров, в основном химической и электротехнической промышленности.

Индустрия Соединенных Штатов работала на громадный внутренний рынок. Прямые инвестиции за рубежом с целью создания дочерних предприятий были небольшими, хотя в 1914 г. 41 американская компания имела интегрированные предприятия в Канаде, Латинской Америке, Западной Европе и России. Одна из причин вывоза капитала — нераспространение закона Шермана на зарубежную деятельность компаний²⁶. Так, в 1925 г. корпорация General Motors скупил все акции автомобильной компании Vauxhall в Англии, а через четыре года — 80% акций крупнейшей германской фирмы Adam Opel. В США такие сделки не прошли бы без внимания судебных органов. При этом вывоз капитала перемежался с вывозом товаров. Автомобилестроительные фирмы вкладывали капитал в постройку автозаводов в тех странах, где имелись хорошие дороги и население обладало достаточной покупательной способностью, но поставляли небольшие партии автомобилей туда, где эти условия отсутствовали.

Для начала XX в. «экономический раздел мира» — явно преждевременное и слишком абстрактное понятие. Оно может быть отнесено лишь к начавшейся в последние десятилетия прошлого века глобализации экономики и появлению транснациональных корпораций (ТНК) — монополий мирового масштаба, подчиняющих людские и сырьевые ресурсы менее развитых стран. К этому времени полностью изменились условия и факторы конкуренции, которая в индустриальную эпоху велась на ценах и качестве.

Превзойти Чандлера

А.Д. Чандлер был, безусловно, самой заметной фигурой в изучении истории бизнеса во второй половине XX в. Признание незаурядных заслуг ученого породило и немало попыток пойти дальше или «в обход» его исследований. Его идея менеджерского капитализма, сформировавшегося благодаря эволюции и росту

фирмы, породили немало дискуссий. По Чандлеру, в промышленно развитых странах Европы и в Японии после второй мировой войны компании перенимали американскую модель развития, а те, кто отставал, теряли конкурентные преимущества. Не все исследователи признавали это «истиной в последней инстанции», особенно для стремительно менявшихся экономических реалий на рубеже прошедшего и нынешнего столетий. Концепция Чандлера стала пересматриваться и уточняться с двух позиций — магистрального пути развития компаний и менеджмента, и их национально-региональных модификаций.

То, что магистральный путь был проложен именно американскими компаниями на рубеже XIX–XX вв., особых сомнений не вызывает, хотя фирмы в других странах могли иметь и лучшие показатели, например, по прибыли. Сам Чандлер подчеркивал уникальность условий, сложившихся в США к концу XIX в. — опережающий, по сравнению с другими странами, рост внутреннего рынка за счет быстрого роста трудоспособного населения, технологии массового производства, антимонопольное законодательство. Но если аналогичные условия отсутствовали в других странах, возникает вопрос о причинах создания крупных компаний за пределами США. Историки европейского, латиноамериканского и азиатского бизнеса проводили исследования характерных для их стран путей развития фирмы с корректировкой чандлеровской модели²⁷. Отмечались такие ее недостатки, как сосредоточенность на крупных менеджерских фирмах, хотя средние и малые компании также участвовали в экономическом развитии, напрямую общаясь с потребителями, изучая спрос на местах и гибко на него реагируя.

Исходя из концепции роста фирмы, созданной американской исследовательницей Э. Пенроуз²⁸ и выводов Чандлера о взаимосвязи структуры и стратегии, профессор Массачусетского технологического института У. Лазоник в соавторстве с М. О’Салливан продвинул представления о росте фирмы, рассматривая ее как социальную организацию, встроенную в институциональное окружение. Он назвал свою модель SCIE — the social conditions of innovative enterprise и предложил — не проводя эмпирических поисков материала, а на основе теории инновационного предприятия, девять показателей для сравнительных исследований и сближения экономических и исторических компонентов в истории бизнеса. Эти показатели, или общие условия роста инновационной фирмы, распределены по трем группам.

1. отраслевые (industrial) условия — технологии, рынки и конкуренция;
2. организационные — знания и умения, поведение, стратегия;
3. институциональные — возможности найма работников, доступность капиталов, правовое регулирование.

Лазоник отметил ограниченность чисто организационного определения фирмы Чандлером как совокупности структурных подразделений, управляемой «сверху» наемными менеджерами, и указал на более сложный характер внутрифирменных связей — в частности, развития знаний и умений на низовом (floor) уровне, без которого немыслима подлинная, сверху донизу, инновационность. По мнению Лазоника, Чандлер расценивал рабочую силу лишь с точки зрения ее использования (utilization) в производственном процессе, а не развития (development) для повышения конкурентоспособности фирмы²⁹. Поправки в отдельные положения книги Чандлера «Scale and Scope» внесли исследователи экономик европейских стран. Так, в химической и электротехнической промышленности Великобритании после второй мировой войны выросло влияние специалистов и увеличились инвестиции в НИОКР, а не в дивиденды узких групп собственников капитала³⁰.

Тематика бизнеса и его истории поистине неисчерпаема и всегда представлена на таких научных форумах, как Международные конгрессы по экономической истории (WЕHC). На двух последних — XIV в Хельсинки (2006 г.) и XV в Утрехте (2009 г.) были представлены доклады, отошедшие от определения предпринимательской функции Чандлером как руководства фирмой ее собственником или группой компаньонов, что типично для небольшого предприятия XIX в., но стало анахронизмом для крупной компании XX в. Ограничимся двумя примерами. Одна из секций XV WЕHC в Утрехте, Нидерланды (3–7 августа 2009 г.), состоявшаяся 7 августа, называлась «Исторические детерминанты предпринимательства в 1800–2000 гг.». Известный итальянский историк экономики и бизнеса, профессор Ф. Аматори из Университета Боккони в Милане назвал предпринимательство «неуловимым (elusive) понятием», которое невозможно описать с математической точностью. Судя по исследованиям нескольких последних десятилетий, оно охватывает широкий круг занятий и разный общественный статус — от положения главы крупной компании до уличного торговца, который выбирает оптимальное место для продажи своего товара.

Исходя из данного еще Й. Шумпетером определения предпринимателя как новатора, который внедряет новый продукт, вводит новую технологию, находит нишу на рынке, трансформирует характер рыночных связей — от конкуренции до монополии и обратно, Аматори назвал предпринимателями тех, кто распределяет ресурсы компании независимо от формы собственности на капитал. В этом он разошелся с Чандлером и классической схемой разделения обязанностей между основными собственниками капитала, которые входят в совет директоров, и высшими менеджерами. По Чандлеру, в «менеджерской» фирме, в отличие от «предпринимательской» или переходной от второй к первой, предпринимателей как таковых не существует. Высшие администраторы компаний обычно входят в совет директоров, и они совместно разрабатывают стратегию, основанную на распределении ресурсов между отделами. Аматори пришел к выводу, что определение предпринимателя как новатора теряет первоначальный смысл, поскольку новаторство не единственная прерогатива. Изучая развитие предпринимательства в Италии, Аматори выявил его макродетерминанты. Это завершение политического объединения страны в XIX в., воздействие мировой экономики на динамику внутреннего рынка, и активная экономическая политика государства³¹.

На мой взгляд, понимание предпринимательства итальянским ученым вовсе не означает переименования высших менеджеров или директоров в предпринимателей. Современную компанию многие исследователи называют не менеджерской, главные черты которой, по Чандлеру, это большой размер, интеграция и иерархия управленческой бюрократии, а *предпринимательской*, имея в виду процессы совершенствования и приспособления к новым социально-экономическим реалиям³². Вопрос о качествах успешного руководителя, группового и корпоративного лидера, ставится значительно шире, чем право на распределение ресурсов³³. Можно сказать и так, что предприниматель — это не собственник компании и не должность в ней, а предприимчивый руководитель, способный проводить требуемые временем и ситуацией изменения и гибко реагировать на них. Трудно перечислить весь арсенал новых методов оптимизации бизнеса в конце XX столетия. Это, например, замена традиционного совмещения в одной фирме всех операций — от приобретения сырья до сбыта готовой продукции, и рассредоточение их по партнерским компаниям, что может позволить каждому участнику получать выгоду от уникальных возможностей и уме-

ний всех остальных, передача части операций подрядчику (outsourcing), и др.

На той же секции XV WENС рассматривался вопрос о типологии предпринимательства в Испании в зависимости от полученного образования, о влиянии культурных факторов на желание стать предпринимателем и др. К сожалению, не все предполагавшиеся докладчики смогли принять участие в ее работе. Из других секций конгресса в Утрехте, посвященных бизнесу, обращает на себя внимание озаглавленная как «Роль ассоциаций промышленников: самоутверждение или развитие»³⁴, которая перекликается с объявленной в Интернете тематикой международной конференции по истории бизнеса в Глазго в августе 2010 г. Это некоммерческая деятельность фирм — явление, которому уделялось относительно мало внимания.

Необходимость реформирования классических «менеджерских фирм», столь талантливо воспетых Чандлером, стала ощущаться с 1970-х гг. Так, специалисты в области построения компаний писали о преобразовании организационных структур, которые становились все более плоскими и гибкими, избавляясь от строго вертикальных, иерархических схем, сложившихся в «золотой век» интегрированных предприятий и массового производства. Альтернативой отделам с фиксированными обязанностями — производство, маркетинг, управление финансами и т.д. становились временно создаваемые для оперативной реализации определенных проектов смешанные команды из сотрудников разных отделов. Это ослабляло влияние бюрократии и придавало внутренним связям в компании более подвижную, децентрализованную и горизонтальную конфигурацию. Эксперты по управлению переменами (management of changes) разрабатывали свои рекомендации³⁵. Разновидностью этого направления в современном менеджменте стала теория «самообучающихся организаций» и преодоления эффектов торможения на пути преобразований и инноваций, разработанная профессором Массачусетского технологического института П. Сенге с группой специалистов³⁶.

Новым явлением в развитии менеджмента, помимо автоматизации управления, стало «комплексное управление качеством» (total quality management, TQM) и так называемое «бережливое производство» (lean production, LP), которые взаимосвязаны и дополняют друг друга. Значительный вклад в их разработку и осуществление внесла японская автомобилестроительная компания Toyota. Первое означало достижение высших мировых

стандартов качества на всех участках деятельности фирмы, включая производственную сферу и сбыт. Второе — устранение всех источников промедлений и сбоев, выявление и расшивка «узких мест», экономия на запасах. В основном, это:

- долговременное кооперирование с поставщиками при сокращении их численности, чтобы минимизировать транзакционные издержки в сфере снабжения;
- поставки точно в срок (just-in-time) и быстрая переналадка оборудования, позволяющие достичь минимизации запасов;
- производство строго в количествах, необходимых потребителю;
- пополнение запасов только той продукции, которая продается, работа на заказ;
- отказ от традиционной организации массового производства.

TQM и LP и их комбинирование открыли новые возможности для бизнеса³⁷. Речь идет не о свертывании массового производства, а о его удешевлении за счет сокращения запасов сырья и нереализованного товара, распродаваемого потом со скидками, а главное — о максимизации потребительских ценностей продукта и переводе на поток именно их. Традиционная организация массового производства означала наличие в компании отделов снабжения, НИОКР, собственно производства, технического контроля, финансов и бухгалтерского учета, маркетинга, продаж и послепродажного обслуживания. Функционировали эти отделы как разобщенные административные единицы, а при разработке нового товара дизайнеры, маркетологи, бухгалтеры и производственники нередко спорили друг с другом. Изготовление массового продукта требовало создания достаточных запасов для полной загрузки оборудования, а разделенное на ряд последовательных операций, оно проходило довольно долгий путь, вызванный узкой специализацией цехов, станков и рабочих. «Бережливое производство» основывалось на иной планировке цехов и создании производственных бригад, в которых хорошо обученные рабочие могут выполнять одновременно несколько операций, следуя принципам работы в команде.

Заказная работа может, не утрачивая массовости, быть наилучшим способом обслуживания массы потребителей с индивидуальными запросами (вместо mass production — mass

customization). Например, изготовление при помощи компьютера электронных шаблонов для индивидуального пошива одежды с учетом особенностей фигуры покупателя. Ранее пригонка (adjustment) делалась после покупки готового платья, что отнимало у покупателя время, обрезки материала шли в отход, но на их изготовление растрчивалось, при крупном масштабе производства, довольно много сырья. Пригонка велосипедов до их изготовления к росту и весу покупателей служит аналогичным примером.

Прототипы TQM и LP эпизодически проявлялись многими десятилетиями раньше. Так, Ford Motor Company при жизни Генри Форда добилась поставок точно в срок, межцехового и внутрицехового перемещения материалов по кратчайшим расстояниям, высочайшей точности изготовления деталей модели «Т», сокращения делопроизводственной документации, практически безотходного производства. А.Д. Чандлер не оценил этих достижений и критиковал компанию и ее руководителя со своей точки зрения — за отсутствие правильно организованного менеджмента, как в компаниях Dupont de Nemours, General Electric и (после 1923 г.) General Motors.

В литературе по бизнесу встречается утверждение, что характер рынка определяли основные задачи компаний. Когда развилось массовое производство, первостепенной задачей стал массовый сбыт, и рынок, на котором господствовал производитель, сменился «рынком продавца», а по мере исчерпания возможностей того и другого настало время «рынка потребителя». Это следует понимать так, что традиционная зависимость потребителя от предложения (доступность продукта, снижение цен, расширение ассортимента, торговые скидки и др.) уступила место работе производителя и продавца на максимальное удовлетворение *текущего* потребительского спроса. Однако двое исследователей из Университета штата Мичиган поставили вопрос об актуализации стратегий бизнеса путем создания «рынков будущего», где в отличие от высококонкурентных «рынков настоящего», имеются незанятые ниши. Отправным пунктом их создания должны стать «ключевые компетенции» фирмы плюс творческое воображение. Иными словами, возможности заду­мывать и выпускать на основе имеющихся знаний и умений новые, еще незнакомые потребителю продукты, в том числе соединяющие отдельные качества существующих. Таких инновационных продуктов известно немало — телевизор, видео-

магнитофон, электронная записная книжка, портативный аудиоплеер, многофункциональный сотовый телефон и др. Г. Хамел и К. Прахалад выработали рекомендации по разработке соответствующих стратегий, выявлению ключевых компетенций, продвижению инновационных продуктов³⁸.

При всей убедительности *для своего времени* собранного Чандлером эмпирического материала и сделанных на его основе теоретических выводов, некоторые места в его книгах представляются недостаточно проработанными и мне. Об одном я уже упоминал — это игнорирование первого промышленного переворота, родиной которого была Англия. Революция на транспорте и в средствах связи не состоялась бы без него. Второй непонятный момент — игнорирование одной из ключевых отраслей индустрии США — строительной, без которой немыслима никакая цивилизация, а тем более заселение континента. Она имела свои производственные стандарты, технику и технологии, эволюционировала от ремесла к высокоорганизованной индустрии со всеми «чандлеровскими» атрибутами — собственниками и менеджерами, работала не на склад, а на потребителя или конкретного заказчика, включая другие фирмы и государство. Ее продукция — не только жилые дома, промышленные объекты, мосты и дороги, общественные здания и вся инфраструктура, создаваемая строителями, пользовалась устойчивым спросом даже во времена экономических кризисов.

Крупные строительные проекты осуществляются и на совместной государственно-частной основе, предоставляя выгоду для государственной или муниципальной организации (получение недостающих средств), и для бизнеса в виде получения концессии, крупного платного заказа, лизинга и др. без смены собственника, что позволяет избежать крайностей огосударствления или приватизации³⁹. Сотрудничество фирм с государством (private-public partnership) принимало различные формы и, несомненно, может изучаться в русле истории бизнеса. У обоих игроков имелись свои, не всегда совпадающие интересы и «правила игры», что, на мой взгляд, представляет особый интерес применительно к интенсивному экономическому сотрудничеству советского государства с зарубежными фирмами в 1920–1930-е гг.

Как научная дисциплина, история бизнеса бурно развивается, черпая не только из прошлого, но и из настоящего. Все многообразие точек зрения и полученных результатов раскрывается

как в калейдоскопе, и труды Альфреда Д. Чандлера, как в свое время Йозефа Шумпетера, на много лет вперед задали направление исследований. Нет сомнений в правомерности выводов Чандлера об эволюции фирмы в странах-лидерах, в первую очередь США, во времена становления и расцвета индустриального капитализма. Интегрированные компании-гиганты были реальностью! В эпоху трансформации капитализма в последнем двадцатилетии XX в., Чандлера не опровергли, а пошли дальше.

Примечания

¹ Основные работы: Chandler A.D. *Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise*. Cambridge, MA, 1962. Idem. *The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge, MA, 1977. Данная книга удостоена в США Бэнкрофтской и Пулитцеровской премий. Idem. *Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism*. Cambridge, MA, 1990; Idem. *Inventing the Electronic Century. The Epic Story of the Consumer Electronics and Computer Industries*. N. Y., 2001. Рус. перев. этой книги: Чандлер А.Д. *Сотворение электронной эпохи: эпопея отраслей (бытовая электроника и компьютерная техника)*. СПб., 2006. Idem. *Shaping the Industrial Century: The Remarkable Story of the Modern Chemical and Pharmaceutical Industries*. Harvard Business Press, 2005.

² *Movers and Shakers: The 100 Most Influential Figures in Modern Business*. Cambridge, MA, 2003. P. 17; *Business History around the World / Ed. by F. Amatori, G. Jones*. Cambridge, UK, 2003. P. 3.

³ Шпотов Б.М. Организация большого бизнеса в США на рубеже XIX–XX вв. // *Американский ежегодник*. 1998. М., 1999. С. 33–58.

⁴ Юданов А.Ю. Чэндлеровская концепция крупного предприятия и Россия (к вопросу о диалоге экономической теории и экономической истории) // *Экономическая история*. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. С. 95–101. Заметим, что в нашей литературе устоялось написание фамилии историка как «Чандлер».

⁵ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004. С. 12, 15, 112, 121, 128, 146. Аналитический обзор см. там же. С. 7–18.

⁶ Burnham J. *The Managerial Revolution*. N. Y., 1941.

⁷ Chandler A.D. *The Visible Hand*. P. 515, note 5.

⁸ *Ibid.* P. 376.

⁹ Chandler A.D. *Scale and Scope*. P. 45.

¹⁰ Юданов А.Ю. Указ. соч. С. 97–101.

¹¹ Chandler A.D. *The Visible Hand*. P. 81–121, 188–205.

¹² *Ibid.* P. 323–331.

¹³ Извлечения из закона Шермана см.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 401–403.

¹⁴ Экономическая теория. Учебник для вузов / Под ред. В.Д. Камаева. М., 1999. С. 245.

¹⁵ Chandler A.D. The Visible Hand. P. 328–329, 361.

¹⁶ Саломатин А.Ю. Роль нефтяной промышленности США в экономике страны во второй половине XIX — начале XX в. // Предвестие эры нефти. Проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX в. / Под ред. В. Ю. Алекперова. М., 2003. С. 187, 189–193.

¹⁷ С численностью занятых более 20 000 человек.

¹⁸ Chandler A.D. Scale and Scope. P. 21. Table 6.

¹⁹ Chandler A.D. The Visible Hand. P. 312, 364–365, 367.

²⁰ Chandler A.D. Scale and Scope. P. 233–235, 237, 470–471, 477.

²¹ Chandler A.D. The Visible Hand. P. 499–500; idem. Scale and Scope. P. 235–592.

²² American Firms in Europe, 1880–1980. Strategy, Identity, Perception and Performance / Ed. by H. Bonin and F. de Goey. Geneve, 2008; Ford, 1903–2003: The European History / Ed. by H. Bonin et al. Vol. 1,2. Paris, 2003; Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. Cambridge, MA, 1975.

²³ Например: Конотопов М.В., Сметанин С.И. Экономическая история. Учебник. 9-е изд., доп. и перераб. М., 2007; Вошанова Г.П., Годзина Г.С. Экономическая история. Учебное пособие. М., 2007, и др.

²⁴ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. Пер. с нем. М., 1995. С. 75–98; Экономическая теория. С. 180–190.

²⁵ Иванян Э.А. История США. Пособие для вузов. М., 2004. С. 316.

²⁶ Wilkins M. The Emergence of Multinational Enterprise: American Business Abroad from the Colonial Era to 1914. Cambridge, MA. 1970.

²⁷ Business History around the World.

²⁸ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха. С. 10.

²⁹ Business History around the World. P. 34.

³⁰ Op. cit. P. 123–124.

³¹ Amatory F. Entrepreneurial Typologies in the History of Industrial Italy: Reconsiderations // Programme of the XVth World Economic History Congress. Utrecht University, 2009. P. 127. Тексты аннотаций и докладов размещены в соответствующих разделах сайта www.wehc2009.org

³² Best M. The New Competition. Cambridge, MA. Harvard University Press, 1990; Gouillart F., Kelly J. Transforming the Organization. N. Y., 1995; Quinn J.V. The Intelligent Enterprise. N. Y., 1992.

³³ Например: Бойетт Дж. Г., Бойетт Дж. Т. Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления. Пер. с англ. М., 2001; они же. Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи крупнейших пред-

принимателей. Пер. с англ. М., 2004; Менеджмент. Пер. с англ. М., 1999. С. 511–521, 562–620, 673–680.

³⁴ Programme of the XVth World Economic History Congress. P. 46; www.wehc2009.org

³⁵ Поттер Дж. П. Впереди перемен. Пер. с англ. М., 2003.

³⁶ Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. Пер. с англ. М., 1999; Сенге П., Клейнер А. и др. Танец перемен: новые проблемы самообучающихся организаций. Пер. с англ. М., 2003.

³⁷ Murman E.M. Transitioning to Lean Enterprise: A Guide for Leaders. Vol. 1. Boston, MA, 2000.

³⁸ Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня. Пер. с англ. М., 2002.

³⁹ Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности / Отв. ред. акад. В.А. Виноградов. М., 2006. С. 830–854.

История финансов и фондовых рынков в России и СССР

*Г.Е. Перельман**

Сравнительное исследование курсовой динамики бумаг промышленных компаний на Лондонской и С.-Петербургской биржах в конце XIX — начале XX в.

В данной статье информационный потенциал источников по биржевой динамике используется для проверки гипотезы о существенном влиянии европейских фондовых рынков на курсовую динамику ценных бумаг, котировавшихся на С.-Петербургской бирже в конце XIX — начале XX в.¹ Одной из главных европейских фондовых бирж была Лондонская. Сравнение курсовой динамики Лондонской и С.-Петербургской бирж требует детального источниковедческого анализа данных о котировках ценных бумаг на Лондонской бирже, а также разработки отраслевых биржевых индексов — базовых индикаторов сходства (или различия) биржевой динамики Лондонского и С.-Петербургского фондовых рынков конца XIX — начала XX в. Данная статья содержит описание методики и технологии построения таких отраслевых биржевых индексов, их сравнительного анализа.

1. Источники по изучению курсовой динамики ценных бумаг на Лондонской бирже во второй половине XIX — начале XX в.

Обращение к источникам, содержащим данные о курсовой динамике ценных бумаг на Лондонской бирже, представляет интерес не только в целях исследования английского фондового рынка, но и — в контексте данной статьи — в сравнительном плане, для сопоставления информационного потенциала источников по истории Лондонской и С.-Петербургской бирж.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике основных источников по изучению курсовой динамики ценных

* Перельман Григорий Ефимович — кандидат исторических наук (Калифорнийский университет, США).

бумаг на Лондонской фондовой бирже, необходимо кратко охарактеризовать особенности ее организации и функционирования, которые существенно отличались от принятых на российских биржах, а также описать порядок котировки и составления биржевого бюллетеня.

Активное развитие фондовой торговли в Англии началось в конце XVII в., когда впервые в этой стране появился публичный государственный долг, а также были выпущены первые акции вновь созданных акционерных компаний. Торговцы этими первыми фондами собирались для заключения сделок на существовавшей в Лондоне с 1567 г. общей товарной бирже, получившей название Королевской биржи (*Royal Exchange*)².

Во второй половине XVIII в. в Лондоне делаются попытки обзавестись собственным помещением для проведения торгов ценными бумагами. На приобретенном и приспособленном для торгов первом здании впервые была сделана надпись «Stock Exchange», вход куда был открыт для всех желающих, заплативших 6 пенсов. Для того чтобы ограничить круг посетителей биржи, решено было построить новое здание, собрав нужный капитал путем подписки на акции. Доступ на биржу предполагалось открыть только членам корпорации. Открытие биржи в новом построенном здании состоялось в 1802 г., с чего и начинается история существования Лондонской фондовой биржи как самоуправляющейся частной корпорации. Отныне состав участников биржи пополнялся за счет принятия новых членов только путем баллотировки, а первый печатный биржевой устав появляется в 1812 г. Первый официальный курсовой бюллетень издается в 1803 г.³

Таким образом, Лондонская фондовая биржа возникла и существовала в дальнейшем как закрытая корпорация, созданная «по инициативе фондовых маклеров и спекулянтов», без какого бы то ни было участия государственной власти.

Само здание биржи принадлежало акционерной компании, акциями которой владели не только члены биржи, но и посторонние лица, участвовавшие своим капиталом в сооружении и последующих перестройках биржевого здания⁴. Для наблюдения за биржевым зданием было создано бюро управляющих из акционеров — членов правления. А высшим органом управления собственно делами биржи являлся биржевой комитет, называвшийся «комитетом для общих целей» (*Committee for general purposes*). Интересы этих двух органов не всегда совпадали, а иногда были прямо противоположны. В связи с этим не-

однократно предпринимались попытки сосредоточить акции в руках членов биржи. В 1904 г. в устав даже было внесено правило, по которому каждый принятый в члены биржи должен был стать ее акционером. Но в начале XX в. поставленная цель так и не была достигнута⁵.

Все полноправные члены Лондонской биржи делились на две группы: на маклеров (*brokers*) и спекулянтов (*jobbers*). Маклер имел право заниматься только посреднической деятельностью при заключении сделок, заключать сделки за свой счет ему запрещалось. Спекулянт (или торговец), наоборот, мог вести только самостоятельную торговлю, заключая сделки за свой счет и от своего имени. Запрещалось совмещение этих двух функций⁶. Любой новый член биржи должен был написать заявление, где определял, в каком качестве он будет выступать на бирже. В случае желанья изменить род деятельности следовало за месяц заявить об этом биржевому комитету⁷.

Биржевой комитет заседал еженедельно и переизбирался раз в год (допускалось повторное избрание его членов). В его руках была сосредоточена вся законодательная, дисциплинарная и административная власть биржевой корпорации, в том числе он допускал к официальной котировке новые ценные бумаги и следил за составлением курсового бюллетеня⁸. На Лондонской бирже установилась следующая практика составления биржевого бюллетеня. Каждый член биржи, заключивший сделку, мог сразу же отметить ее с указанием цены и бумаги на специальной записке и опустить последнюю в один из ящиков, установленных в биржевом зале. Служащие комитета должны были вынимать оттуда записки и отмечать их содержание на черной доске. Все курсы, отмеченные таким образом, попадали затем в бюллетень. Однако отметка совершенных сделок не являлась обязательной, поэтому маклеры не сильно заботились об этом, зачастую не желая терять время на написание записок. Чаще всего маклеры отмечали лишь тот курс, который являлся неблагоприятным для клиента, чтобы иметь доказательство, что именно такой курс действительно существовал при заключении сделки. По постановлению биржевого комитета в бюллетень могли вноситься и не заявленные членами биржи курсы (котировки)⁹. Такая система отметки курсов неоднократно критиковалась в специальной печати и литературе. В качестве главного недостатка назывались слишком большие колебания между сообщаемыми в бюллетене курсами продажи и покупки, высшими и низшими курсами. Это приводило к значительной разнице между действительными рыночными ценами и ценами бюллетеня¹⁰.

Не будучи специалистами в биржевой игре и не имея возможности самим заниматься изучением огромного количества ценных бумаг, предлагаемых Лондонской фондовой биржей, потенциальные покупатели нуждались в информации, которая в доступной форме объясняла бы возможности рынка ценных бумаг. 2 сентября 1843 г. вышел первый выпуск журнала «Экономист» («*The Economist*»), а с февраля 1844 г. в нем начали публиковать статистические таблицы с котировками британских и зарубежных ценных бумаг, но эти публикации не были систематическими. В октябре 1864 г. начало выходить ежемесячное приложение к журналу «Экономист», которое получило название «Ежемесячный справочник инвестора» («*Investor's Monthly Manual*»). В нем издатели планировали сообщать следующие сведения:

- высшую, низшую и заключительную месячные цены *всех* акций: железных дорог, банков и других ценных бумаг;
- порядок выплаты дивидендов и их размер (четыре последние выплаты);
- информацию об акциях, котировавшихся как на Лондонской, так и на провинциальных биржах.

По мнению редакции, такая информация была необходима инвесторам именно в этот период, поскольку цены на акции не отличались устойчивостью¹¹.

С января 1871 г. «Справочник» стал отдельным ежемесячным изданием, оставаясь при этом частью издательства «Экономист», пользуясь спросом у читателей и принося прибыль издательству. Ситуация начала меняться в конце 1890-х гг., когда у «Справочника» появились серьезные конкуренты в лице ежедневных газет: «*Financial News*», «*Financial Time*», «*Investor's Review*». В связи с началом Первой мировой войны в июле 1914 г. Лондонская биржа была закрыта, и в последующие годы ее значение в экономической жизни страны снизилось, что привело к сокращению тиража «Справочника». В результате конкуренция, убытки от публикации издания, а также резкое понижение интереса к котировке ценных бумаг со стороны читателей в конце 1920-х гг. привели к прекращению выпуска данного издания в 1930 г. «Справочник» является, таким образом, главным источником по котировкам ценных бумаг на Лондонской бирже в конце XIX — начале XX в. (см. Приложение).

Нумерация страниц в каждом выпуске «Справочника» шла с января по декабрь каждого года, и по общему количеству страниц можно судить об увеличении количества котирующихся

ценных бумаг. Выпуск 1869 г. содержал 281 страницу с котировками. К 1881 г. количество страниц с котировками превысило 400, а в 1895 г. достигло 550. Самым объемным был выпуск 1922 г., включавший 588 страниц с данными котировок¹².

Следуя поставленной изначально задаче отражать котировки *всех* ценных бумаг, издатели «Справочника» включали все увеличивающееся количество компаний в публикации издания. В выпусках 1869 г. было представлено 1755 значений котировок. За все последующие годы выхода этого издания нами отмечены два случая резкого увеличения и два случая резкого уменьшения количества котировок. Так, в январском выпуске 1890 г. читателей уведомяли, что, начиная со следующего выпуска, объем «Справочника» будет увеличен за счет включения сотен новых ценных бумаг в дополнение к тем, данные котировок которых уже публикуются. Издатели надеялись таким образом поддержать характер «Ежемесячного справочника инвестора» как наиболее полной публикации движения котировок ценных бумаг, торгуемых на всех биржах Великобритании¹³. Количество котировок в февральском выпуске 1890 г., по сравнению с январским, выросло с 2622 до 2863, причем в наибольшем объеме был расширен отдел «Справочника», представляющий разные компании (*Miscellaneous Companies*), увеличившийся на 188 котировок.

Через пять лет, в 1895 г. издатели «Справочника» решили вновь расширить круг публикуемых котировок. На этот раз, прежде всего, за счет ценных бумаг, котировавшихся на провинциальных биржах. Кроме того, несколько изменился порядок, в котором были представлены ценные бумаги. В январском номере 1895 г. было помещено следующее объявление:

«С целью увеличения полезности “Ежемесячного справочника инвестора” в этом выпуске были произведены некоторые значительные изменения. Во-первых, с целью включения ряда ценных бумаг, которые до настоящего времени не котировались, размер издания был увеличен на несколько страниц. Это добавление позволило нам включить в публикацию практически все ценные бумаги из официального списка Лондонской фондовой биржи, избранный список акций шахт, которые еще не допущены к официальной котировке, и, что еще важнее, ценные бумаги, котирующиеся на ведущих провинциальных биржах. По совету некоторых подписчиков порядок, в котором некоторые группы ценных бумаг размещаются в публикации, изменен на более удобный для пользователя. Принятая методи-

ка соответствует, в какой-то степени, порядку размещения котировок на “Официальном листе Лондонской фондовой биржи”, но с некоторыми важными исключениями. В случае с железными дорогами, например, мы решили, что лучше всего все виды ценных бумаг, выпущенных одной железной дорогой (облигации, обычные и привилегированные акции), помещать вместе, поскольку это позволяет читателям сразу, на взгляд, определить примерный размер всего капитала, выпущенного каждой компанией, а также долю каждого вида капитала»¹⁴.

В результате произведенных изменений количество ценных бумаг, представленных в январском выпуске «Справочника» 1895 г., увеличилось примерно на 200 и составило 3332.

Если говорить о случаях уменьшения количества котировок, публиковавшихся в «Ежемесячном справочнике инвестора», то первый из них связан с событиями Первой мировой войны, когда на торговлю ценными бумагами на Лондонской бирже были наложены значительные ограничения. Объем апрельского 1916 г. выпуска был уменьшен по сравнению с предыдущими номерами. Предполагалось, что это ограничение вводится «на время войны». Объяснялось это стремлением «экономить бумагу» и нежеланием печатать котировки, интерес к которым снизился в связи с введением минимальных цен, ниже которых котировки не должны были опускаться¹⁵. Важно отметить, что на практике эти ограничения объема «Справочника» просуществовали недолго. Так, в марте 1916 г. в нем приводилось 4153 значения котировок. В апреле и мае того же года количество их уменьшилось до 3660 и 3854 соответственно. В июне же число котировок выросло до 4147, т.е. вышло примерно на тот же уровень, что и до объявления «режима экономии». Впоследствии, вплоть до конца 1922 г., ежемесячно в «Справочнике» публиковалось порядка 4100 значений котировок. Еще одно, второе выявленное нами сокращение их количества произошло в январе 1923 г., когда количество котировок железных дорог было уменьшено примерно на 150 (с 814 в декабре 1922 г. до 657 в январе 1923 г.). В основном были прекращены котировки небольших железных дорог Великобритании. После этого вплоть до прекращения издания в 1930 г. «Справочник» ежемесячно печатал котировки примерно 4000 ценных бумаг.

В табл. 1 приведены данные о количестве ценных бумаг, котировки которых публиковались в «Ежемесячном справочнике инвестора» с 1869 по 1929 г.

**Количество ценных бумаг, котировавшихся на Лондонской бирже
в 1869–1929 гг.**

Год	Облигации (британские и зарубежные)		Бумаги финансовых компаний		Бумаги ж.-д. компаний		Бумаги разных компаний		Всего
1869	197	11%	300	17%	734	42%	524	30%	1755
1879	257	12%	306	15%	695	34%	802	39%	2060
1889	262	10%	291	11%	845	32%	1242	47%	2640
1899	279	8%	245	7%	943	26%	2219	60%	3686
1909	299	7%	213	5%	888	22%	2617	65%	4017
1919	369	9%	171	4%	897	22%	2614	65%	4051
1929	461	11%	164	4%	562	14%	2896	71%	4083

Источник: База данных IMM.

Структура публикаций не претерпела значительных изменений за все время публикации «Справочника». Котировки в нем были представлены по следующим разделам:

- 1) британские, колониальные и зарубежные облигации;
- 2) банки;
- 3) страховые компании;
- 4) железные дороги;
- 5) разные компании;
- 6) горнодобывающие компании.

В табл. 1 в графе «Бумаги финансовых компаний» объединены банки и страховые компании. Данные по горнодобывающим компаниям включены в графу «Бумаги разных компаний».

В первом разделе (первая графа таблицы) содержалась информация о правительственных ценных бумагах, причем отдельно были выделены британские и колониальные ценные бумаги, а также облигации, выпущенные в других странах. На протяжении всего рассматриваемого периода государственные ценные бумаги составляли порядка 10% всех котировок. Общее количество государственных облигаций, цены на которые публиковались в «Справочнике», увеличилось с 197 в 1869 г. до 461 в 1929 г.

Разделы, посвященные банкам и страховым компаниям, в совокупности составляли примерно шестую часть всех котировок в начале периода (17% в 1869 г.), но к концу рассматриваемого периода их доля в общем количестве ценных бумаг, котирувавшихся на Лондонской фондовой бирже, значительно снизилась и составила всего 4% в 1929 г.

Что касается ценных бумаг, выпущенных железнодорожными компаниями, то в 1869 г. они преобладали в котировках «Справочника»: 734 ценные бумаги, что составило 42% от всех котировок. Это не удивительно, если учесть повышенный интерес инвесторов к железнодорожному строительству во всем мире именно в этот период. К 1929 г. количество ценных бумаг, выпущенных железнодорожными компаниями и представленными в «Справочнике», сократилось до 562, т.е. в процентном отношении они составили лишь 14% от общего количества котировок. Ценные бумаги железных дорог обычно группировались по следующим подразделам:

- британские;
- индийские;
- колониальные;
- зарубежные.

Среди последних в особую группу часто выделялись американские железнодорожные компании, как самые многочисленные.

Наиболее динамично расширился с течением времени раздел «разных компаний», в котором, среди прочих, были представлены ценные бумаги промышленных компаний. Если в начале периода он, вместе с разделом горнодобывающих компаний, давал около трети всех котировок (31%), то в конце периода доля этих котировок достигла 71%. Такое расширение раздела вызвало необходимость его деления на подразделы. С 1875 г. ценные бумаги, попадавшие в разряд «разных компаний», объединялись по нескольким группам производств, количество которых со временем увеличилось. К 1890-м гг. сложилась следующая структура этого раздела:

- пивоварни и производители спирта;
- каналы;
- колониальные и зарубежные корпорации;
- доки и порты;
- газ и освещение;

- компании, производящие железо, уголь и сталь;
- финансовые и закладные компании;
- текстильные;
- парходные и судостроительные компании;
- чай и кофе;
- телеграфные компании;
- городской транспорт;
- инвестиционные (трастовые) компании;
- вагоностроение;
- водоснабжение;
- другие компании.

В начале 1900-х гг. из последней категории выделились еще несколько подразделов:

- электроосвещение и электростанции;
- нитраты;
- нефтяные компании;
- производство резины.

Формат котировок, представленных в разных разделах «Справочника», был практически одинаков. Несколько отличался от остальных лишь формат первого раздела, посвященного облигациям. Представление о нем дает рис. 1.

На рис. 1 и в табл. 2 (это перевод на русский язык табличных данных, представленных на рис. 1) приведены данные о российских облигациях, котировавшихся в Лондоне в январе 1869 г. Всего было перечислено 10 различных облигаций, представлявших 8 займов с общей нарицательной стоимостью 60,7 млн фунтов стерлингов (примерно 574 млн золотых руб.)¹⁶.

Как видно из приведенных примеров, в «Ежемесячном справочнике инвестора» по каждой ценной бумаге (государственной облигации) приводилась следующая информация:

- 1) название эмитента и процент прибыльности ценной бумаги;
- 2) общая (нарицательная) сумма всего выпуска;
- 3) нарицательная стоимость одной ценной бумаги;
- 4) цены месяца (высшая, низшая, средняя котировка в последний день месяца и цена последней сделки);
- 5) информация о дивидендах (когда был выплачен последний дивиденд, когда ожидается следующая выплата и где владелец ценной бумаги может получить эту выплату)¹⁷.

«Ежемесячный справочник инвестора» («Investor's Monthly Manual»). 30 января 1869 г.
Раздел государственных ценных бумаг

STOCK.	Amounts Subscribed or Pro- vided.	Prices or rates					Last Deal- ings Date.	Year Exp. Date.	Where and how Paid, or Payable. • Date of Drawings.
		£	¢	¢	¢	¢			
BRITISH, COLONIAL, AND FOREIGN STOCKS.									
(The Subscribed amounts does not necessarily include the entire debt of the State or Mission referred to.)									
AMERICAN.—United States.									
5 per cent. 10-40 Bonds, 1864	42,000,000	100	75	71	75	75	Sept.	March.	In Coin in New York.
5 per cent. 1874	100	100	82	75	75	80	Jan.	July.	Do.
6 per cent. do., 1861	52,000,000	100	—	—	—	—	Do.	Do.	Do.
6 per cent. Registered, 1861	100	100	75	74	75	75	Nov.	May.	Do.
6 per cent. 5-20 Corp. Bonds, 1862	200,000,000	100	72	71	72	72	Nov.	May.	Do.
6 per cent., 1864	—	100	74	73	74	74	Nov.	May.	Do.
6 per cent., 1865	—	100	52	43	50	50	Jan. '68.	—	In Sterling in London.
Virginia 5 per cent.	—	100	49	35	39	39	1867	Jan. '69.	In New York. Payable at the opt.
Do. 5 per cent., 4s 50 per cent.	—	100	51	45	46	46	Nov.	May.	As Drawings in London in Sterling.
Massachusetts 5 1/2 per cent. at par in 1864, paid at 77	413,000	100	51	45	46	46	Nov.	May.	As Drawings in London in Sterling.
Connecticut	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7 per cent. Cotton Loan, redeemed 1863, raised at 90	2,433,000	100	9	5	9	9	Mar. '63.	Sept. '65.	By Compensaff. H. Schroeder & Co. l.

Российские облигации, котировавшиеся на Лондонской бирже в январе 1869 г.

ENGLAND.						
4 per cent. 1866, issued at 90, maturing 1881 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
Do. do. 1866, issued at 90, maturing 1881 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
RUSSIA.						
5 per cent. 1862, issued at 90, maturing 1882 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
4 per cent. 1863, issued at 90, maturing 1883 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1864, issued at 90, maturing 1884 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1865, issued at 90, maturing 1885 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1866, issued at 90, maturing 1886 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1867, issued at 90, maturing 1887 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1868, issued at 90, maturing 1888 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1869, issued at 90, maturing 1889 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1870, issued at 90, maturing 1890 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1871, issued at 90, maturing 1891 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1872, issued at 90, maturing 1892 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1873, issued at 90, maturing 1893 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1874, issued at 90, maturing 1894 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1875, issued at 90, maturing 1895 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1876, issued at 90, maturing 1896 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1877, issued at 90, maturing 1897 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1878, issued at 90, maturing 1898 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1879, issued at 90, maturing 1899 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1880, issued at 90, maturing 1900 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1881, issued at 90, maturing 1901 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1882, issued at 90, maturing 1902 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1883, issued at 90, maturing 1903 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1884, issued at 90, maturing 1904 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1885, issued at 90, maturing 1905 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1886, issued at 90, maturing 1906 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1887, issued at 90, maturing 1907 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1888, issued at 90, maturing 1908 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1889, issued at 90, maturing 1909 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1890, issued at 90, maturing 1910 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1891, issued at 90, maturing 1911 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1892, issued at 90, maturing 1912 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1893, issued at 90, maturing 1913 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1894, issued at 90, maturing 1914 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1895, issued at 90, maturing 1915 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1896, issued at 90, maturing 1916 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1897, issued at 90, maturing 1917 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1898, issued at 90, maturing 1918 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1899, issued at 90, maturing 1919 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.
5 per cent. 1900, issued at 90, maturing 1920 (per cent.)	1,000,000	100	100	100	100	By Consol. at 100, 11 Dec.

Источник: Investor's Monthly Manual. 1869. January 30. P. 4.

Таблица 2

Российские облигации, котировавшиеся на Лондонской бирже в январе 1869 г.

Ценная бумага	Сумма подписки или в данное время котирующаяся, фунты стерлингов	Цены месяца				Дивиденды			
		нариц. стоимость	высшая	низшая	последняя	последняя сделка	последний дивиденд	следующий дивиденд	где и как выплачивается или выплачен
5%, 1822 г., выпущено по 82, погасительный фонд 1% (не вносился в последнее время)	5 300 000	100	90	87	89	89,25	сентябрь	март	Кулон у Ротшильда
4 $\frac{1}{2}$ %, 1850 г., выпущен по 98, принимается по 100	3 850 000	100	89	85	88	88,5	январь	июль	Кулон у Баринга
4 $\frac{1}{2}$ %, 1860 г., принят по 100 погасительным фондом	6 210 000	100	81	79	80,625	80,625	декабрь	июнь	Кулон у Ротшильда
3%, 1859 г. «постоянный»	6 599 400	100	55	53	54	53,5	ноябрь	май	Кулон у Thompson, Vonaq, & Co
5%, 1862 г., принимается по усмотрению государства в 1882 г.	15 000 000	100	87	85,5	86,5	86	ноябрь	май	Кулон у Ротшильда
5%, англо-голландский заем, 1864 г.; выпущен по 85, принимается через 37 лет по номиналу (100 фунтов)	5 813 500, первоначально 6 000 000	100	92	89	91,75	91,75	октябрь	апрель	Варанты у Баринга

Таблица 2 (окончание)

Ценная бумага	Сумма подписки или в данное время копирующаяся, фунты стерлингов	Цены месяца				Дивиденды			
		нариц. стоимость	высшая	низшая	последняя	последняя сделка	последний дивиденд	следующий дивиденд	где и как выплачивается или выплачен
5%, англо-голландский заем, 1864 г. (1180 флоринтов, стоимость 100 фунтов, 1000 флоринтов бонды)	5 813 500, первоначально 6 000 000	100	91,5	88	91	89,5	октябрь	апрель	Варанты у Баринга
5%, англо-голландский заем, 1866 г., выпущен по 86, принимается через 37 лет по номиналу (100 фунтов бонды)	5 940 100, первоначально 6 000 000	100	92	89	91,75	92	октябрь	апрель	Варанты у Баринга
5%, англо-голландский заем, 1866 г. (1180 флоринтов, стоимость 100 фунтов, 1000 флоринтов бонды)		100	90,5	88	90	89 ⁵ /8	октябрь	апрель	Варанты у Баринга
4%, Николаевская железная дорога 1867 г., принимается через 84 года по номиналу, выпущена по 61	12 000 000	100	67	64,625	66,75	66 ⁷ /8	ноябрь	май	Варанты у Баринга. Также в Амстердаме и Париже

Источник: Investor's Monthly Manual. 1869. January 30. P. 4.

Рассмотрим формат и содержание котировки на примере русского займа 1822 г. (первая строка табл. 2):

1. Первым в списке русских ценных бумаг числится 5-процентный заем 1822 г., выпущенный по цене 82 фунта¹⁸. Кроме названия займа и указания размера процентных выплат, в первой колонке иногда приводилась дополнительная информация. Так, погашение займа 1822 г. предполагалось ежегодным взносом в размере 1% от нарицательной стоимости займа в специальный погасительный фонд (*sinking fund*), но заметка в строчке этой ценной бумаги говорит о том, что такие взносы «не вносились в последнее время».

2. Заем 1822 г. по номиналу равнялся 5,3 млн фунтов стерлингов (примерно 50 млн золотых руб.)¹⁹. Обычно данные о размере займа приводились в фунтах, но иногда, особенно в случаях с американскими облигациями, суммы могли приводиться в долларах или другой валюте. В таких случаях перед числом ставился символ (например, \$), определяющий в какой валюте выражена указанная сумма.

3. Наричательная цена одной облигации в рассматриваемом случае равнялась 100 фунтам.

4. В январе 1869 г. цена этой облигации колебалась между 87 (самая низкая) и 90 (самая высокая) фунтами. В последний день месяца цена облигации составляла 89 фунтов. Последняя сделка в январе была заключена по цене $89\frac{1}{4}$ фунтов²⁰.

5. Потенциальному покупателю нужно было знать, когда был выплачен последний дивиденд (в данном случае указан сентябрь 1868 г.) и когда ожидается следующий (март 1869 г.). Дело в том, что, покупая облигацию, скажем, в феврале, новый владелец получал очередную выплату процентов уже через месяц, в марте. В таком случае покупатель в добавок к цене котировки должен был оплатить еще и сумму «набежавших» к дню продажи процентов. В последней колонке таблицы приводилась информация о том, где можно было получить выплату процентов по купону. В данном случае выплаты процентов по займу 1822 г. осуществлял банк Ротшильда.

Остальные разделы «Справочника» (железные дороги, финансовые компании, разные компании) были представлены в одинаковом формате²¹. На рис. 3 представлен образец страницы издания, отразившей раздел «разных компаний».

«Ежемесячный справочник инвестора» («Investor's Monthly Manual»)
 Ноябрь 1910 г. Раздел «разных компаний»

NAME.	CAPITAL.		PRICES OF MONTH, LAST YEARS										RECENT DIVIDENDS.		Reserve and Balance after Last Divid'nd				
	No. of Shares or Amt of Stk	Paid.	Opening	Highest	Lowest	Last Day	divs. yield at Latest Price.			High	Low	Rate per Cent. per Annum, including Bonus, except where marked %.		Interim.					
							Per Cent.	5	10			15	18			20			
WATERWORKS.																			
Alexandria Water.....	120,000	5	12 1/2	12 1/2	12 1/2	12 1/2	4	10	3	14	12 1/2	5* Dec 08	18	June 09	5* Dec 09	18	June 10	72,165	
Antwerp Waterworks, Limited.....	15,000	20	37	37	37	37 1/2	3	17	3	38 1/2	36	12	Apr 09	11* Oct 09	11	Apr 10	11* Oct 10	40,825	
Bristol Waterworks.....	8,000	25	46 1/2	46 1/2	46 1/2	46 1/2	4	3	0	51 1/2	46 1/2	8	Mar 09	8* Sep 09	8	Mar 10	7* Sep 10	93,582	
Do ordinary shares, 1872.....	8,000	20	36 1/2	36 1/2	36 1/2	36 1/2	4	4	0	40	36 1/2	8	Mar 09	8* Sep 09	8	Mar 10	7* Sep 10	9,287	
City of St. Petersburg N. Water, L.....	10,000	11	8 1/2	8 1/2	8 1/2	8 1/2	5	14	3	9 1/2	8 1/2	5/6	Mar 09	5* Sep 09	5/6	Mar 10	5* Sep 10	11,693	
Colne Valley Water, "A" 10% ord. stk.....	100,000	Stock	270 1/2	271 1/2	270 1/2	270 1/2	4	9	0	272 1/2	264 1/2	10	Feb 09	12 Aug 09	12	Feb 10	12 Aug 10	9,287	
Cons. Waterworks of Rosario.....	20,000	10	15 1/2	16	15 1/2	16	3	0	0	16	13 1/2	8	Apr 09	6* Oct 09	10	Apr 10	6* Oct 10	59,218	
Do 6 % preference.....	14,000	10	11 1/2	12	11 1/2	12	5	0	0	12 1/2	11 1/2	6	May 09	6 Nov 09	6	May 10	6 Nov 10	11,070	
Do 4 % redeemable debenture.....	£190,000	Stock	100	93	94	93	4	6	3	96	93	Half yearly.	Jan & July						
E. Surrey W. Co. ord. "B," max. 7 %	20,770	10	10	16 1/2	16 1/2	16 1/2	4	6	3	16 1/2	16 1/2	7* Dec 08	7 June 09	7* Dec 09	7 June 10				
Do 4 % deb. stock.....	£92,700	Stock	100	105	105	105	3	16	5	11 1/2	105	Half yearly.	Mar & Sep						

Как видим, по каждой ценной бумаге была представлена следующая информация:

- 1) название компании — эмитента ценной бумаги;
- 2) количество акций или общая сумма номинального капитала выпуска;
- 3) нарицательная стоимость каждой акции или облигации;
- 4) внесенная сумма по каждой ценной бумаге;
- 5) цены месяца: первая, высшая, низшая и сделка в последний день;
- 6) процент прибыльности по последней котировке;
- 7) последние четыре дивиденда, выплаченные по этой ценной бумаге;
- 8) сумма резервного баланса после выплаты дивидендов.

Рассмотрим вновь формат и содержание котировки на конкретном примере, для которого мы выбрали С.-Петербургскую компанию водоснабжения (*City of St. Petersburg New Waterworks Company, Limited*)²². Информация о ней представлена на рис. 3 (пятая строка сверху).

1. В первой графе указано название компании, выпустившей ценную бумагу²³. Если перечислялись несколько ценных бумаг одного и того же эмитента, то при написании названий второй и последующих акций могли использоваться сокращения. Так, компания «Bristol Waterworks» (третья по счету в нашем примере) кроме акций, выпущенных при основании компании, провела в 1872 г. дополнительный выпуск обычных акций на сумму 160 тыс. фунтов стерлингов (8000 акций по 20 фунтов за штуку). Их название дано в таблице как «Do (от Ditto, т.е. “то же самое”). — *Прим. ред.*) ordinary shares, 1872».

2. Во второй графе указано, что С.-Петербургская компания водоснабжения выпустила 10 000 акций. Следует отметить, что иногда в этой колонке указывался общий нарицательный капитал, для чего перед числом ставился знак валюты эмиссии (в большинстве случаев фунт стерлингов или доллар), либо в следующей колонке вводилось слово «Stock», означавшее, что указан общий капитал, а не количество акций.

3. В третьей графе обычно указывалась нарицательная стоимость одной акции, но иногда вводилось слово «Stock», означавшее, что в предыдущей колонке была указаны общая номинальная стоимость капитала. Как видим на рис. 3, нарицательная стоимость акции С.-Петербургской компании водоснабжения составляла 11 фунтов стерлингов.

4. В четвертой графе указывалась сумма, внесенная за каждую акцию или облигацию. Акции С.-Петербургской компании водоснабжения были полностью оплачены.

5. Следующие четыре графы информировали о ценах на акции определенной компании в течение месяца. Указывались первая, высшая, низшая и цена последнего дня торгов месяца. Как видим, все цены в течение месяца равнялись $8\frac{3}{4}$ фунта стерлингов²⁴. В 1910 г. высшая цена котировок компании достигла $9\frac{1}{4}$ фунта, а низшая — $8\frac{1}{2}$ фунта, т.е. котировки в ноябре были ближе к самым низким в течение 1910 г.

6. В следующей графе приводились результаты подсчетов, проведенных издателями и позволявших читателям определить прибыльность каждой ценной бумаги, основываясь на последней котировке акции (или облигации) и размере дивидендов, выплаченных в течение предыдущего года. В ноябре прибыльность акции С.-Петербургской компании водоснабжения выражалась в сумме 5 фунтов 14 шиллингов и 3 пенса. Подсчет производился следующим образом. В четырех колонках «Справочника» указаны данные о недавних дивидендах, выплаченных компанией: в сентябре 1910 г. был выплачен дивиденд в 5 шиллингов, в марте 1910 г. размер дивиденда выражался той же суммой, т.е. всего за год было выплачено дивидендов на общую сумму 10 шиллингов. Учитывая последнюю котировку месяца ($8\frac{3}{4}$ фунта), это составляло 5,71%²⁵. Из расчета стандартной инвестиции в 100 фунтов стерлингов, используемой издателями «Справочника», это и составляло 5 фунтов 14 шиллингов и 3 пенса.

7. В источнике указывались четыре последних дивиденда, выплаченных компаниями своим акционерам. В нашем случае С.-Петербургская компания водоснабжения выплатила 5 шиллингов и 6 пенсов дивидендов за одну акцию в марте 1909 г.²⁶, а затем по 5 шиллингов в сентябре 1909 г., марте 1910 г. и сентябре 1910 г. В случае, если размер дивиденда не менялся, в колонках лишь указывался месяц выплаты и частота выплаты дивидендов в течение года. Так, компания *Cons. Waterworks of Rosario* по одной из ценных бумаг, указанных в примере, выплачивала дивиденды каждые полгода, в январе и июле.

8. В последней колонке указывался балансовый остаток резервного капитала после выплаты последнего дивиденда. Если речь шла о нескольких ценных бумагах одного и того же эмитента, то указывалась одна сумма, как в случае с компанией *Bristol Waterworks*.

В целом за 66 лет (1864–1930 гг.) формат издания практически не изменился. Кроме котировок цен, «Справочник» содержит много дополнительных данных, которые читатели в то время могли использовать для выбора инвестиций и которые для современного читателя могут послужить богатым источни-

ком исторической информации об экономической конъюнктуре конца XIX — начала XX в. Отметим, что декабрьские и июньские номера имели двойной объем, т. к. они помещали дополнительную информацию по каждой ценной бумаге. В дополнительных таблицах были приведены высшая и низшая котировка за последние четыре года, заключительная цена предыдущего года, имена руководителя (президента) и секретаря компании, адрес центрального офиса и названия бирж, на которых котировались ее ценные бумаги. Со временем в «Справочнике» появились статьи о ведущих компаниях и обзоры финансовой и экономической активности в Великобритании и за рубежом.

Поскольку в «Справочнике» публиковались данные о новых выпусках акций, а также о дополнительных оплатах уже существующих акций (*capital calls*), его издания активно использовались исследователями в работах, посвященных изучению потока британских капиталов за рубеж во второй половине XIX — начале XX в.²⁷ Эти исследователи отмечали, что «Справочник», являясь наиболее полным источником данных о котировках акций и другой финансовой информации этого периода, все же не включал все акции, котировавшиеся в Великобритании. Особенно это касалось ценных бумаг, котировавшихся на провинциальных биржах страны²⁸.

2. Электронная база данных котировок ценных бумаг на Лондонской бирже (1869–1929 гг.)

Инициатором создания электронной базы данных котировок ценных бумаг на Лондонской бирже, как и в случае с С.-Петербургской биржей, стал Международный центр по финансовым исследованиям Йельского университета. Этот проект вызвал повышенный интерес исследователей, поскольку в XIX — начале XX в. Лондонская биржа являлась местом, где торговались акции и облигации со всего мира и где, как отмечал современник, «любая зарубежная страна может одолжить [денег] на Ломбардской улице²⁹ за цену: некоторые страны платят намного дешевле, чем другие, но все, как говорится, могут получить какие-то деньги, если они готовы достаточно заплатить»³⁰.

При создании электронного ресурса источником данных котировок на Лондонской бирже послужили выпуски «Ежемесячного справочника инвестора» с января 1869 г. по декабрь 1929 г., что дает исследователям возможность изучения динамики коти-

ровок в течение 728 месяцев³¹. Всего в базе содержится порядка 2,4 млн котировок, т.е. по объему данные Лондонской фондовой биржи значительно превосходят количество котировок на других биржах. О том, что Лондонская биржа была на порядок крупнее других, свидетельствуют следующие данные: всего в котировках отмечено 13 507 ценных бумаг — напомним, что число котировавшихся акций на Нью-Йоркской и С.-Петербургской биржах исчислялось сотнями. Нужно отметить, конечно, что в это число в Лондоне входят как акции, так и облигации.

Исходя из названия источника — «Investor's Monthly Manual», в дальнейшем мы будем называть созданный электронный ресурс — «база данных IMM».

Работа по созданию базы данных IMM началась в 2002 г. Первоначально было произведено сканирование оригиналов «Справочника» в электронный формат PDF. Всего было отсканировано около 30 тыс. страниц с данными, которые находятся в свободном доступе на сайте Международного центра по финансовым исследованиям Йельского университета³².

Большинство отсканированных страниц затем были конвертированы в формат DJVU³³. Последний дает исследователям возможность текстового поиска, позволяющего выявить нужную информацию о конкретных компаниях, а также и цитаты из многочисленных финансовых обзоров. Недостаток формата DJVU заключается в том, что он не позволяет производить числовую обработку данных, а именно в этом и заключается наибольшая ценность такого массива статистических источников. Попытки автоматического превращения электронного изображения данных в числовые таблицы с помощью программ оптического распознавания (OCR — *optical character recognition*) не смогли обеспечить нужного качества из-за особенностей данных в оригинале. Во-первых, некоторые выпуски «Справочника» плохо сохранились, и программы (OCR) не могли правильно распознать текст и цифровые данные. Во-вторых, многочисленные примечания, размещенные в таблицах котировок, не могли быть автоматически выделенными в отдельные поля базы. Кроме того, котировки очень часто содержали дроби, причем напечатанные в разных форматах, в связи с чем их также было сложно конвертировать в электронный формат с помощью программ оптического распознавания.

В силу всего вышесказанного данные в базу IMM вводились вручную в течение 2003–2005 гг. коллективом, созданным специально для этого проекта. В работе, помимо специалистов из

США, участвовали программисты и технический персонал из Украины и России (С.-Петербург)³⁴.

Изначально был установлен следующий порядок набора данных: сначала вводились декабрьские котировки акций с 1869 по 1929 г. Таким образом, еще до завершения работы исследователи получили возможность построить временные ряды *годовых* котировок за весь период. После этого вводились июньские котировки за те же годы, что позволяло строить *полугодовые* временные ряды. Затем были введены данные за март и сентябрь каждого года (*квартальные* ряды) и, наконец, данные за все остальные месяцы.

Наиболее сложной задачей во время набора и последующей проверки введенных данных была работа по сопоставлению сведений об одних и тех же компаниях на длительных временных промежутках. По разным причинам названия компаний могли меняться. Иногда, например, менялась только аббревиатура названия. Было выявлено немало случаев, когда разные компании объединялись или одна компания покупала другую. При этом либо сохранялось название одной из объединившихся компаний, либо вводилось новое, созданное на базе нескольких. В таких случаях было важно установить, является ли компания с новым названием преемницей одной из предыдущих, или это новая структура. В последнем случае ей присваивался новый номер, и отсчет котировок начинался с момента изменения названия. Эта работа продолжалась и после окончания набора данных, при этом в электронную базу вносились соответствующие изменения и дополнения.

Каждой котировке, включенной в базу данных IMM, был присвоен свой уникальный регистрационный номер (*Record Publication Date and Location Number*), содержащий сведения о дате (год и месяц) издания источника («Справочника»), номере страницы и порядковом положении записи котировки на странице. Так, например, регистрационный номер «19290849004» соответствует котировке, напечатанной в 1929 г. в августе месяце (08) на странице 490 на четвертой по счету строчке сверху (04).

Набор данных производили вручную 10 групп операторов. Ошибки при таком вводе данных в электронную базу неизбежны. Кроме того, опечатки допускались и при типографском наборе «Справочника». Это сделало обязательной многошаговую проверку точности введенных данных.

Поскольку речь идет о решении ставшей теперь актуальной задачи перевода массового исторического источника в электронный формат, рассмотрим эту процедуру подробнее. Предложенный нами подход к проверке достоверности данных в электронном ресурсе ИММ может использоваться и в других проектах подобного масштаба.

В процессе ввода данных каждый оператор имел доступ к подробным инструкциям, содержавшим четкие указания по формам ввода данных для каждого поля, существующего в базе. В случае необходимости оператор мог вызвать меню помощи, где приводились образцы ввода данных. Если конкретная ситуация в этих примерах не обсуждалась, вопросы направлялись менеджеру группы, руководителю проекта и т.д. вплоть до представителя Йельского университета, курирующего проект.

Кроме того, некоторые поля изначально были сделаны исключительно числовыми, что не позволяло вводить в них текст, и, значит, способствовало предотвращению ошибок. На стадии первоначального ввода были заложены также и некоторые логические проверки. Так, например, контролировались данные, вводившиеся в поле «процент из названия» (зачастую они были составной частью названия эмитента). В форме нами была заложена и максимально допустимая величина в 20% годовых. И если оператор по ошибке вводил значение выше этого, форма ввода настаивала на дополнительной проверке данных.

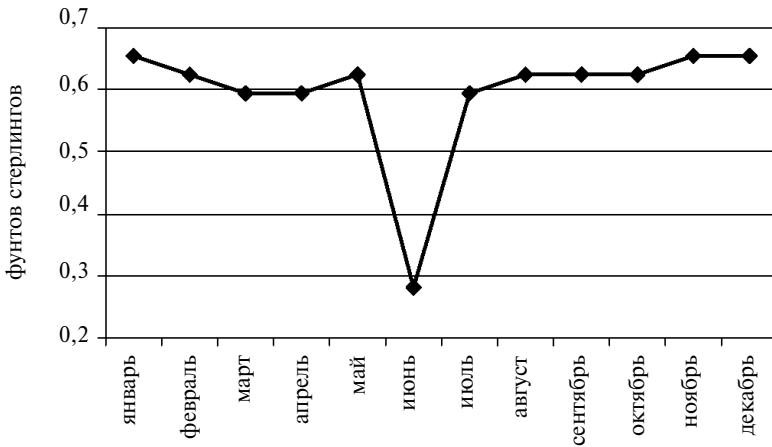
После завершения набора и проверки результатов менеджером каждой группы, введенные данные были собраны в единую базу, которая подверглась целому ряду автоматических проверок. Одна из них заключалась в проверке правильности ввода дробей³⁵. Поскольку в котировках конца XIX — начала XX в. не применялись десятичные дроби, была разработана специальная таблица всех возможных вариантов дробей, с которой сверялись введенные данные. Если последние не совпадали ни с одним из вариантов, это свидетельствовало об ошибке оператора.

Для того чтобы убедиться, что уровень ошибок не превышает оговоренного уровня (1%), была создана отдельная «группа контроля качества», которая занималась повторным набором уже введенных данных. Затем специально созданная компьютерная программа сравнивала оба полученных варианта набора, и в случае каких-либо расхождений между ними создавалась таблица различий. Данные таблицы сопоставлялись с оригиналом, и, таким образом, выяснялось, кто из операторов допустил ошибку³⁶. В целом так было проверено около 5% всех данных, и средний уровень ошибок не превысил 1%. Уровень ошибок по

числовым данным был ниже³⁷. Количество проверок каждого оператора зависело от результатов проверки качества предыдущих наборов. Если уровень ошибок был низким, количество проверок конкретного оператора сокращалось и больше внимания уделялось «проблемным» наборщикам. В результате отсеивались операторы, стабильно демонстрировавшие низкое качество ввода данных.

После завершения ввода данных появилась возможность сравнить данные котировок по каждой ценной бумаге, т.е. проверить динамику изменений цен акций и выявить отклонения от ожидаемых значений. При этом учитывалось, что доходность ценных бумаг состоит из выплат дивидендов (или процентов в случае с облигациями) плюс роста стоимости ценной бумаги. Поскольку общий ежегодный доход от ценных бумаг составлял в среднем от 5 до 15%, то ежемесячные изменения в котировках в среднем не должны были превышать 1–1,5%. Конечно, динамика изменения цен акций могла быть и более резкой, отражая положительную или отрицательную информацию о компаниях, их выпустивших, но изменения, составлявшие, например, более 50% в ту или иную сторону *в месяц*, были бы крайне необычны. Для проверки таких отклонений от ожидаемых значений были созданы таблицы реально имевших место скачкообразных изменений (более 50%), и затем полученные данные сопоставлялись с печатными оригиналами. При составлении таблиц учитывались возможные изменения в номинальной цене тех или иных акций. Например, если номинальная стоимость акции снижалась со 100 до 10 фунтов, то десятикратные изменения в котировках в этот же период не были включены в таблицы для проверок, поскольку такие скачки в котировках соответствовали реальным изменениям номинала³⁸. Результатом проделанной работы стало выявление и исправление значительного количество ошибок, допущенных при вводе данных, и, что важно отметить, было найдено также более 14 000 *вероятных*³⁹ опечаток в оригинальных публикациях «Справочника», что составляет менее 0,6% от общего числа котировок.

В следующем примере демонстрируется работа по обнаружению ошибок в источниках с использованием графического метода. При построении индекса металлургических компаний, котировавшихся на Лондонской бирже (см. раздел 3 данной работы), было отмечено резкое изменение котировок компании Bolckow, Vaughan, and Co: падение на –55% в июне и увеличение на +111% в июле (см. рис. 4).

Динамика котировок компании *Bolckow, Vaughan, and Co* в 1906 г.

Источник: База данных IMM, раздел *Miscellaneous Companies*.

Поскольку такие резкие изменения в котировках случаются редко, данные в базе были сверены с отсканированным источником и подтвердились: в мае заключительная котировка месяца (*Prices of the Month: Latest*) была $\frac{5}{8}$, в июне последняя котировка отмечена как $\frac{9}{32}$ (см. рис. 5), и в июле — $\frac{19}{32}$. Но просмотр других данных позволяет утверждать, что в июньском номере была опечатка в источнике. В источнике приводятся высшие и низшие цены в течение года (см. рис. 5 колонки *Prices of 1906: Hghst/Lowst*). Низшая цена года, приведенная в июне, равна $\frac{9}{16}$, что значительно выше, чем последняя цена июня ($\frac{9}{32}$). Скорее всего, при типографском наборе была пропущена единица и последняя котировка акции в июне была $\frac{19}{32}$. Это значение принято в подсчете индекса⁴⁰.

В целом же сами издатели «Справочника» осознавали, что при столь значительном объеме публикуемых статистических данных ошибки в опубликованных данных неизбежны. Поэтому каждый выпуск на титульном листе содержал следующее напоминание читателям: «Подписчиков просим указывать на любые неточности, которые они заметят».

Кроме опечаток в котировках, в процессе создания базы данных IMM мы обнаружили следующие пропуски в источнике:

1) в выпуске за декабрь 1894 г. пропущены стр. 681–712 (раздел «разных компаний»);

Котировки компании Bolekow, Vaughan, and Co^o в июне 1906 г.

NAME.	CAPITAL.		PRICES OF THE MONTH.				Last years divs. yield Investor at Latest Price. Per Cent.		PRICES OF 1906.	
	Nb. of Shares or Amt of Stk	Share or Stock.	Open	Hgibt	Lowst	Latest	Per Cent.	Hgibt	Lowst	
GAS—Con.										
Bolekow, Vaughan, and Co., Lim.	1,860,900	1	12/	18	18	18	5	1	0	
Do fully paid.....	1,629,760	1	1	18	18	18	4	14	0	
Do 5 % preference.....	23,604	20	20	23	23	23	4	4	3	

Источник: Investor's Monthly Manual. London. № 6. Vol. 36. P. 338.

2) в выпуске за апрель 1898 г. пропущены стр. 178–179 (раздел «Железные дороги»);

3) в выпуске за декабрь 1903 г. стр. 697–698 были перепечатаны с выпуска 1902 г.⁴¹

Кроме того, в связи с событиями Первой мировой войны Лондонская биржа была закрыта в период с конца июля по декабрь 1914 г., и котировки за эти месяцы не приводятся.

Следует отметить, что при создании электронной базы данных ИММ ставилась задача точно отразить данные, опубликованные в источниках, даже если они содержали очевидные ошибки. Такие ошибки могли отмечаться в примечаниях операторов (графа «Notes for data enterer», запись «typo in original?») для того, чтобы в этих случаях пользователи сами определяли, принимать ли вариант создателей базы данных или сверить его с отсканированными страницами. Только в случаях нечитаемости данных создатели базы старались реконструировать их. Например, если размер капитала компании невозможно было определить из-за плохого качества текста источника, то это значение могло быть взято из публикаций предшествующего или последующего месяца, т. к. размер капитала менялся довольно редко. Если же нечитаемое значение обнаруживалось в месячных ценах акций, то в графе примечаний вводилась соответствующая пометка — «не читается» (*unreadable*).

В связи с большим количеством информации электронная база данных ИММ разбита на четыре секции в соответствии со структурой источника: государственные облигации, финансовые компании, железные дороги, разные компании.

Таблица 3 представляет количество ценных бумаг по разделам «Справочника».

Таблица 3

**Количество ценных бумаг и котировок в базе данных ИММ
(1869–1929 гг.)**

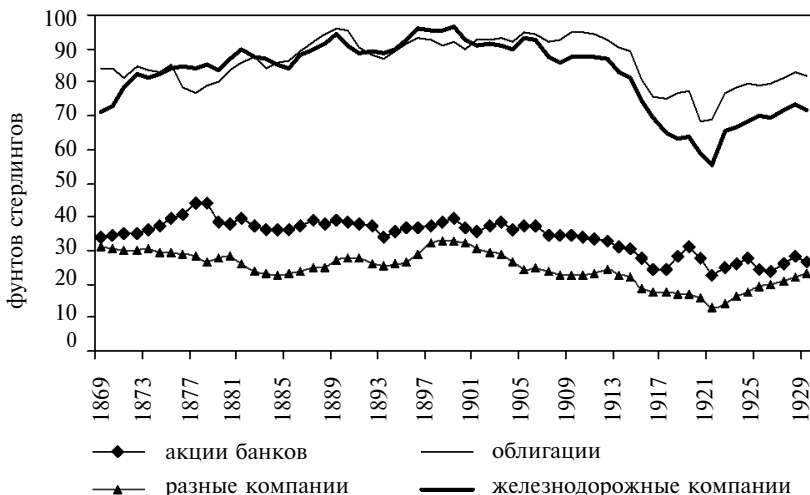
	Количество ценных бумаг	Количество котировок
Государственные облигации	1330	220 063
Железные дороги	3284	595 674
Финансовые компании	818	178 485
Разные компании	8075	1 385 432
Всего	13 507	2 379 654

Рассмотрим динамику цен на Лондонской бирже в 1869–1929 г. Средние цены акций финансовых компаний в эти годы снизились с 34,1 фунтов в 1869 г. до 26,6 фунтов в 1929 г. Самые низкие средние цены были отмечены в 1921 г. (22,8 фунта). Средние котировки в разделе «разных компаний» уменьшились с 31,1 фунта в 1869 г. до 23,2 фунта в 1929 г., при этом самые низкие цены среди акций этой группы были также отмечены в 1921 г. (13,1 фунта)⁴².

Среди ценных бумаг в разделе железных дорог преобладали облигации, которые обычно котировались в процентном отношении к номиналу в 100 фунтов. В среднем железнодорожные ценные бумаги котировались по 71% в 1869 г. и почти на том же уровне в 1929 г. (71,95%), но в послевоенном 1922 г. они котировались на уровне 55,6%.

Рисунок 6

Среднегодовые котировки ценных бумаг на Лондонской бирже в 1869–1929 гг.

Источник: База данных IMM.

Средний уровень котировок государственных облигаций в 1869 г. равнялся 84,2% и незначительно отличался в 1929 г. (81,8%). Но — также как и облигации железных дорог — они значительно опустились после окончания Первой мировой войны (68,5% в 1920 г.).

3. Сравнительный анализ динамики котировок акций промышленных компаний на Лондонской и С.-Петербургской биржах

В этом разделе работы мы сравним динамику котировок акций на Лондонской и С.-Петербургской биржах. В начале обратимся к общим индексам, представляющими котировки промышленных компаний, а затем сравним биржевые индексы Лондона и С.-Петербурга, характеризующие курсовую динамику двух важных промышленных отраслей: металлургической и нефтяной.

Котировки российских ценных бумаг на Лондонской бирже. В конце 1913 г. на Лондонской бирже котировались 79 акций компаний, представлявших британские инвестиции в России, общий номинальный капитал которых составлял 266 млн руб. По данным публикации «Русские биржевые ценности», Лондонская биржа занимала в этом секторе третье место по размеру капитала после Парижской (71 предприятие, номинальный капитал 612 млн руб.) и Брюссельской (66 предприятий с номинальным капиталом 317 млн руб.)⁴³.

Таблица 4

Англо-русские компании, бумаги которых котировались на Лондонской бирже в конце 1913 г.

Отдел экономики	Количество компаний	Номинальный капитал (млн руб.)
Банки	1	11
Нефтяные компании	55	149
Горные предприятия	10	48
Финансовые общества	9	29
Торгово-промышленные предприятия	3	18
Каменноугольные предприятия	1	11
Всего	79	266

Источник: Русские биржевые ценности. 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 106.

Важно отметить, что кроме Русского Торгово-промышленного банка⁴⁴ на Лондонской бирже не котировалось ни одно собственно российское акционерное общество. Все остальные компании, представленные в табл. 4, являлись акционерными обществами, зарегистрированными в Англии по английским законам и либо действующими в России как иностранные общества, либо владеющими акциями российских компаний⁴⁵. В обоих случаях английский капитал мог или полностью контролировать предприятия, действующие в России, или был совладельцем этих компаний с другими зарубежными и российскими инвесторами. Одной из важных причин, по которым российские компании не котировались в Лондоне, была высокая номинальная стоимость их акций. Среди англо-русских компаний номинальная цена обычно составляла 10 шиллингов (около 5 руб.) и иногда 1 фунт стерлингов (около 10 руб.), в то время как самая «дешевая» русская акция стоила 100 руб., а зачастую 250 и 500. Сбыт таких акций в Лондоне среди инвесторов был затруднен.

Лондонские биржевые индексы. Среди индексов Лондонской биржи одним из первых и наиболее полным был индекс, печатавшийся с 1887 г. в журнале «*Banker's Magazine*». Это был капиталовзвешенный индекс, в который входили 287 различных акций, и печатался он раз в месяц. Но до 1907 г. журнал не подсчитывал этот индекс в один из летних месяцев, и потому непрерывные временные серии доступны только с 1907 г. В 1934 г. известное экономическое агентство «*London and Cambridge Economic Service*» ретроспективно разработало индекс Британских компаний с июля 1867 г. по июнь 1914 г.⁴⁶ Количество ценных бумаг, включенных в индекс, менялось. Вначале было включено 25 компаний, а к 1913 г. их число достигло 77. Во многом включение компаний в состав индексов было обусловлено длительностью периода котировок, имеющихся в распоряжении исследователей. Источником котировок был «Ежемесячный справочник инвестора» («*Investor's Monthly Manual*»). Индекс был разделен на несколько подсекций, для каждой из которых был подсчитан отдельный индекс. С 1867 по 1878 г. в состав индекса были включены пять групп: промышленная, в которую вошли компании по производству железа и стали, добычи угля и инженерные компании; текстильная; энергетика и освещение городов; разные компании; транспортные и коммуникационные компании. В последнем случае частный индекс

не включал железные дороги. С 1879 г. компании из группы «разные» были разделены на четыре отдельных индекса: компании, занимавшиеся производством пищевых продуктов, напитков, строительных материалов и химических продуктов. С 1891 г. был добавлен индекс компаний, занимавшихся торговлей, а с 1897 г. — еще один индекс компаний, производивших электрическое оборудование. Таким образом, всего было подсчитано 11 различных индексов, на основе которых был построен общий индекс британских компаний, причем в двух вариантах — в один были включены транспортные компании, а в другой нет.

Методика построения индекса. Цель создания индексов была инвестиционная, т.е. они показывали инвесторам динамику развития различных отраслей экономики в прошлом и могли помочь в выборе капиталовложений в длительной перспективе. Каждый индекс строился следующим образом: был выбран базовый месяц, по отношению к которому измерялись ежемесячные изменения в цене каждой акции, включенной в индекс. Базовым месяцем был выбран июнь 1890 г., так как он находился примерно в середине рассматриваемого периода, а также потому, что в динамике котировок не наблюдалось очевидных спекулятивных движений. Ежемесячные изменения в динамике каждого индекса равнялись среднеарифметическому процентному изменению в ценах данного месяца по отношению к базовому месяцу⁴⁷. Общий индекс был средним арифметическим составляющих его 11 индексов. Разработчики индекса отказались от различных схем взвешивания составляющих индексов (по размеру капитала отраслей, по объему продукции и т.д.), поскольку считали, что у них нет достаточной информации, по которой можно построить объективные параметры выбора весов. Поскольку они представили не только общий, а все 11 подиндексов, а также привели названия входящих в них компаний, потенциальные пользователи могли при желании сами создать взвешенные индексы по выбранным ими параметрам.

Сравнение Лондонских и С.-Петербургских биржевых индексов. Поскольку первый из лондонских частных индексов состоял из промышленных компаний и по отраслевому составу компаний был наиболее похож на построенный нами индекс С.-Петербургской биржи, мы выбрали его показателем для сравнения с С.-Петербургским равновзвешенным индексом⁴⁸. С января 1897 г. по июнь 1914 г. британский промышленный индекс состоял из 14–16 компаний (см. список компаний в табл. 5).

**Список компаний, входивших в промышленный индекс
Лондонской биржи (1867–1914 гг.)**

	Компания	Годы вхождения в индекс
1	Ashbury Carriage	июль 1867 г. — май 1902 г.
2	Birmingham Railway Carriage and Wagon	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
3	Bolckow Vaughan	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
4	Chas Cammell	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
5	Ebbw Vale	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
6	John Brown	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
7	Parkgate Iron	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
8	Rhymney Iron	июль 1867 г. — январь 1914 г.
9	Birmingham Small Arms	июль 1867 г. — июнь 1914 г.
10	Palmers Shipbuilding	март 1870 г. — декабрь 1890 г.
11	Consett Iron	июнь 1872 г. — август 1914 г.
12	Nettlefold	май 1880 г. — июнь 1914 г.
13	Vickers	февраль 1882 г. — июнь 1914 г.
14	Dorman, Long	июнь 1890 г. — июнь 1914 г.
15	South Hetton Coal	июнь 1890 г. — декабрь 1896 г. февраль 1899 г. — июнь 1914 г.
16	Babcock and Wilcox	ноябрь 1892 г. — январь 1899 г. январь 1901 г. — июнь 1914 г.
17	Wm Cory	июль 1867 г. — июнь 1914 г.

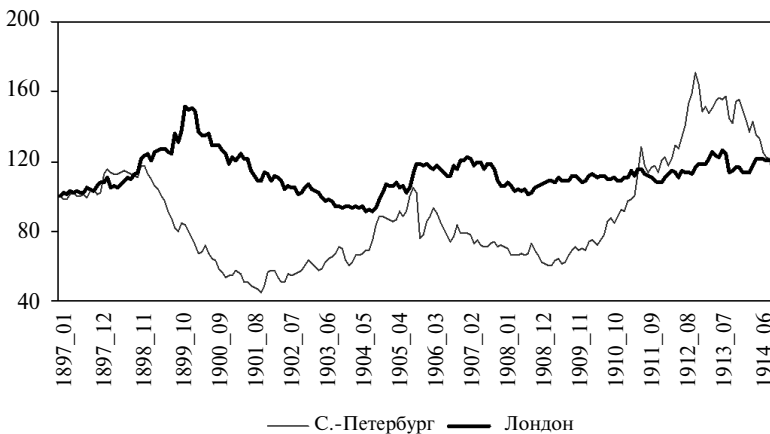
Источник: Smith K.C. and Horne G.F. An Index Number of Securities, 1867–1914 // London and Cambridge Economic Service Special Memorandum. No. 37. 1934.

Обратимся к графикам динамики промышленных биржевых индексов С.-Петербурга и Лондона (рис. 7). Для оценки взаимосвязи динамических рядов будем использовать корреляционный анализ⁴⁹. На первый взгляд, между индексами нет очевидной связи, и иногда в этот период 1897–1914 гг. они двигались в противоположные стороны (что объясняется, как правило, тем, что разные страны Европы входили в очередную фазу экономического цикла с определенными временными сдвигами; отставание или опережение составляло обычно несколько месяцев или 1–2 года). Следует, однако, отметить, что на значительных

интервалах динамика котировок на двух биржах довольно близка. Так, в самом начале с (января 1897 г. по январь 1899 г.) Лондонский и С.-Петербургский индексы двигаются в одном направлении (корреляция 0,76), когда в среднем котировки промышленных акций на обеих биржах поднялись в среднем на 16%. После этого в марте 1899 г. котировки в Петербурге начинают резкое падение, в то время как цены в Лондоне продолжают расти до февраля 1900 г., когда британские промышленные акции достигли предвоенного пика. Только после этого Лондон «присоединяется» к С.-Петербургу. Интересно отметить, что с марта 1900 г. по февраль 1902 г. индексы «по пути вниз» двигаются практически параллельно (корреляция 0,93). Но если британские акции продолжают свой спад, то с марта 1902 г. российские акции, потеряв больше половины своей стоимости (с 1897 г.), начинают подъем и достигают промежуточного пика в сентябре 1905 г., при этом превзойдя уровень котировок 1897 г.

Рисунок 7

Динамика промышленных биржевых индексов С.-Петербурга и Лондона в 1897–1914 гг.

Источники: о Лондонском индексе см.: Smith K.C. and Horne G.F. An Index Number of Securities, 1867–1914 // London and Cambridge Economic Service Special Memorandum. 1934. No. 37.

С 1905 по 1914 г. промышленный индекс Лондонской биржи движется в довольно узком коридоре (показатели индекса находились между 100 и 120 пунктами), в то время как диапазон цен в С.-Петербурге был намного шире, отражая резкие изменения

в динамике экономического развития России. После событий конца 1905 г. в С.-Петербурге опять начинается резкое падение курсов акций, продолжающееся вплоть до середины 1909 г. (индекс $I_2 = 60$ в феврале 1909 г.). После этого следует стремительный взлет, в течение которого цены в Петербурге почти утраиваются к августу 1912 г. (индекс = 170).

Динамика котировок металлургических компаний на биржах Лондона и С.-Петербурга. Рассмотрим динамику котировок акций металлургических компаний на обеих биржах. Для этого мы создали два равнозвешенных индекса, состоящих из шести компаний в каждом. Для выбора британских компаний мы использовали работу британских экономистов Уильяма Кеннеди и Роберта Деларги, в которой были собраны данные о рыночной стоимости крупнейших британских компаний, котировавшихся на Лондонской бирже в 1868–1913 гг.⁵⁰ Исследователи определили рыночную стоимость 125 самых крупных компаний в пятилетних промежутках (1868, 1873, 1878 гг. и т.д.), причем они рассматривали рыночную стоимость и акционерного, и ссудного капитала в тех случаях, когда такие данные были им доступны⁵¹. В связи с тем, что состав ведущих компаний менялся на протяжении этого периода, примерно 400 компаний попали в их поле зрения. Поскольку в самой работе приведены данные о крупнейших компаниях в 1898 г., мы выбрали список этого года для определения состава металлургического индекса Лондонской биржи в 1897–1914 гг., динамику которого можно сравнить с динамикой отраслевого индекса С.-Петербургской биржи. Состав Лондонского индекса приводится в табл. 6.

Таблица 6

Номинальный капитал металлургических компаний, включенных в отраслевой индекс Лондонской биржи (в тыс. руб.)

Компании	1898	1905	1910	1914
Vickers, Lim.	7 088	34 866	34 965	41 958
Armstrong (Sir W. G.) Whitwh. & Co	30 335	30 335	30 335	37 913
Bolckow, Vaughan, and Co, Lim.	17 586	17 586	17 586	17 586
Babcock and Wilcox, Lim.	2 079	7 560	7 844	15 687
Consett Iron, Lim.	9 450	9 450	9 450	9 450
Brown (John) & Co, Lim.	10 962	10 962	10 962	10 962
Всего	79 397	112 663	113 051	135 470

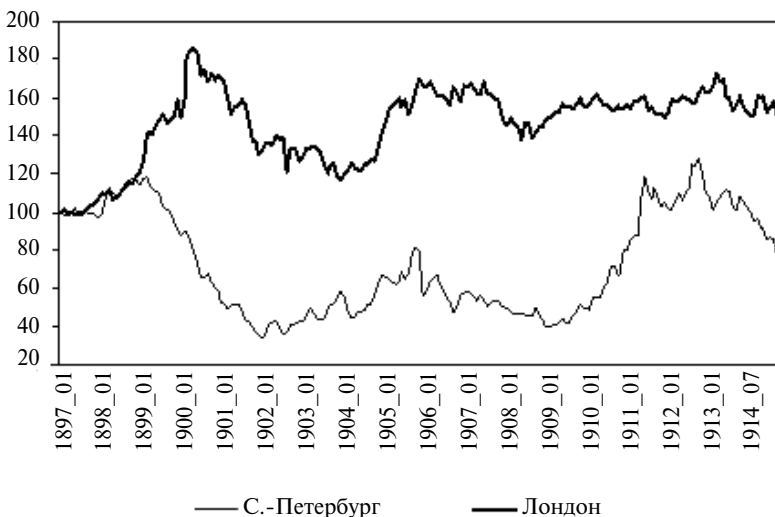
Источник: База данных ИММ.

В состав С.-Петербургского отраслевого индекса вошли шесть металлургических компаний: Общество Брянского завода, Общество Путиловских заводов, Общество Коломенского завода, Общество «Сормово», Никополь-Мариупольское общество и Донецко-Юрьевское общество.

Динамика металлургических индексов представлена на рис. 8. При всем видимом отличии, в отдельные периоды цены акций двигаются параллельно, подобно общим промышленным индексам, как было отмечено выше. Так, в первые два года рассматриваемого периода (с января 1897 г. по февраль 1899 г.) корреляция между котировками составляла 0,83. Но если в С.-Петербурге после этого начинается резкий спад, то в Лондоне акции металлургических компаний продолжают рост до мая 1900 г., после чего вместе с российскими акциями двигаются параллельно вниз в течение последующих 2,5 лет (корреляция 0,91). Следующий период параллельного движения (вверх) приходится на март 1904 г. — сентябрь 1905 г. — период, когда промышленные акции в России продолжали рост, несмотря на русско-японскую войну и усиление революционных волнений в стране. После этого периода заметной связи между котировками металлургических компаний на двух биржах не наблюдается.

Рисунок 8

Металлургические индексы Лондонской и С.-Петербургской бирж, 1897–1914 гг.

Источники: Базы данных IMM и SPSE.

Динамика котировок нефтяных компаний в Лондоне и С.-Петербурге. Как указано в табл. 4, самой многочисленной группой английских акционерных компаний, действовавших в России, были нефтяные предприятия. Интерес к этому источнику сырья в России британские капиталы проявляли еще в конце 1890-х гг., что не удивительно, поскольку в 1898 г. Россия, обогнав США, стала ведущим производителем нефти в мире и удерживала эту позицию несколько лет⁵². После «политического потепления» между Россией и Великобританией в 1907 г., британские капиталы с еще большим размахом внедряются в российскую нефтяную промышленность. В 1913 г. среди нефтяных компаний, котировавшихся на Лондонской бирже, англо-русские компании составляли 76% номинального капитала всех компаний этого профиля⁵³. Нельзя сказать, что предприимчивость англичан принесла им успех. Как отмечено в «Русских биржевых ценностях», лишь 8 из 79 предприятий в 1913 г. «с трудом могли выдать дивиденды». Причина — незнакомство англичан с местными русскими условиями, а в нефтяном деле дополнительной причиной была и спекуляция, т.к. многие предприятия открылись на скорую руку. Это мнение подтверждается обращением к источнику котировок на Лондонской бирже — «Ежемесячному справочнику инвестора», в котором отражались результаты торгов. В статистике, приведенной в «Русских биржевых ценностях», включены все компании, действовавшие в России и *допущенные* к котировкам на Лондонской бирже. Как было отмечено выше, получить такой допуск было довольно просто. Комитет Лондонской биржи был заинтересован в привлечении наибольшего количества компаний к котировкам и, если капитал акционерного общества был достаточен для обеспечения активных торгов (обычно 100 тыс. фунтов), то прошения о допуске к котировкам отвергались только в случае существования какой-либо негативной информации о компании. Допуск к котировкам, однако, не гарантировал того, что ценная бумага будет активно участвовать в торгах.

Всего в декабрьском выпуске «Справочника» в 1913 г. в отделе нефтяных компаний приведены котировки 27 компаний. Из них только две представляли английские интересы в российской нефтяной промышленности, что свидетельствует о том, что активных оборотов с другими ценными бумагами не было. Это были компании *Russian Petroleum Co* и *Spies Petroleum*⁵⁴. Еще одна англо-русская компания, *Oilfields Finance Corporation, Limited*, была включена в отдел «Ссуды под землю»⁵⁵.

Поскольку нефтяные компании привлекали наибольший интерес британских инвесторов, рассмотрим, как оценивались

акции этих компаний на биржах Лондона и С.-Петербурга. Для этого мы построим три индекса: индекс российских нефтяных компаний, котировавшихся в С.-Петербурге, индекс британских нефтяных компаний (не связанных непосредственно с нефтяной промышленностью России), котировавшихся в Лондоне, а также индекс британских нефтяных компаний, действовавших в России и котировавшихся в Лондоне.

С 1897 по 1914 г. в котировках С.-Петербургской биржи встречаются 29 ценных бумаг, представляющих 20 русских нефтяных компаний⁵⁶. Некоторые компании были представлены несколькими ценными бумагами. Так, у Общества «Бр. Нобель» котировались и акции (номинальная цена 250 руб.), и паи (номинальная цена 5000 руб.).

Наибольшего размаха котировки нефтяных компаний в С.-Петербурге приобрели в конце 1890-х гг. В 1899–1900 гг. в ежемесячных котировках перечислены акции 13–16 компаний. В середине 1901 г. происходит резкий спад, и в 1902–1903 гг. их количество не превышает семи. В период с 1904 по 1911 г. количество нефтяных ценных бумаг на бирже колеблется между 4 и 7 и лишь в 1912–1914 гг. превышает 10. Мы выбрали четыре нефтяные компании, регулярно котировавшиеся на С.-Петербургской бирже с конца 1890-х гг. до закрытия биржи в 1914 г. (см. табл. 7), и построили равновзвешенный индекс их котировок.

Таблица 7

**Номинальный размер акционерного капитала
русских нефтяных компаний,
котировавшихся на С.-Петербургской бирже (1897–1914 гг.)**

Компания	В индексе	Акционерный капитал, декабрь 1910 г. (тыс. руб.)
Общество «Бр. Нобель»	янв. 1897 г. — май 1914 г.	15 000
Нефтепр. и торг. общество «А.И. Манташев и К ^о »	дек. 1899 г. — май 1914 г.	11 000
Каспийское товарищество	янв. 1897 г. — май 1914 г.	7 500
Бакинское нефтяное общество	янв. 1897 г. — май 1914 г.	5 655
Всего		39 155

Источник: Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1912. С. 594, 697.

Рассмотрим динамику котировок британских нефтяных компаний, действовавших в России. В равновзвешенный индекс мы включили шесть компаний, котировки которых регулярно отражались в «Справочнике» (см. табл. 8). Индекс построен с января 1899 г. до июля 1911 г.⁵⁷ В период 1910–1912 гг. произошла реорганизация большинства английских компаний, действующих в России с конца 1890-х гг. Так, из шести компаний, включенных в индекс, лишь одна, *Spies Petroleum*, организованная в 1900 г., продолжала действовать в первоначальной форме. Все остальные компании были вновь перерегистрированы как новые предприятия⁵⁸. Большинство из них больше не появлялись в котировках «Справочника».

Таблица 8

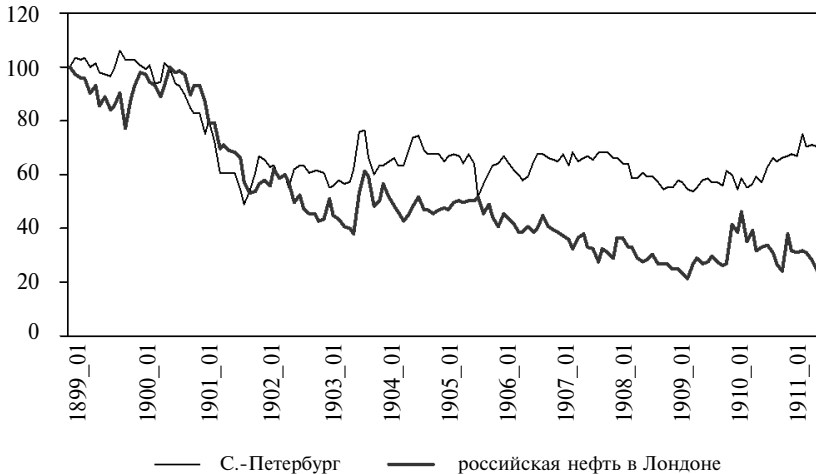
**Британские нефтяные компании, действовавшие
в России (1899–1911 г.)**

Компания	В индексе	Акционерный капитал, декабрь 1910 г. (тыс. руб.)
Baku Russian Petroleum	янв. 1899 г. — сент. 1909 г.	7088
Bibi-Eybat Petroleum	апр. 1901 г. — сент. 1911 г.	3591
European Petroleum	апр. 1901 г. — апр. 1909 г.	5006
Russian Petroleum & Liquid Fuel	янв. 1899 г. — май 1910 г.	5670
Schibaieff Petroleum	янв. 1899 г. — сент. 1911 г.	5434
Spies Petroleum	июль 1904 г. — сент. 1911 г.	7324
Всего		34 112

Источник: База данных IMM.

Характерно, что 12-летняя динамика (с января 1899 г. по июль 1911 г.) котировок нефтяных компаний, действовавших в России, довольно близка при сравнении бирж Лондона и С.-Петербурга: корреляция равна 0,82 (см. Приложение и рис. 9). На наш взгляд, это свидетельствует о тесной связи между финансовыми рынками Лондона и С.-Петербурга, т. к. инвесторы одинаково оценивали перспективы компаний одной и той же отрасли вне зависимости от места котировок их акций.

**Динамика котировок нефтяных компаний на биржах Лондона
и С.-Петербурга, 1899–1911 гг.**

Источники: Базы данных IMM и SPSE.

Однако остается открытым вопрос о взаимосвязи нефтяных курсов в годы предвоенного подъема. Для сравнения динамики котировок в 1911–1914 гг. мы выбрали шесть нефтяных компаний, котировавшихся в Лондоне в этот же период и *не имевших* непосредственной связи с российской нефтяной промышленностью⁵⁹ (см. табл. 9).

Таблица 9

**Крупные британские нефтяные компании,
бумаги которых котировались на Лондонской бирже в 1911–1914 гг.**

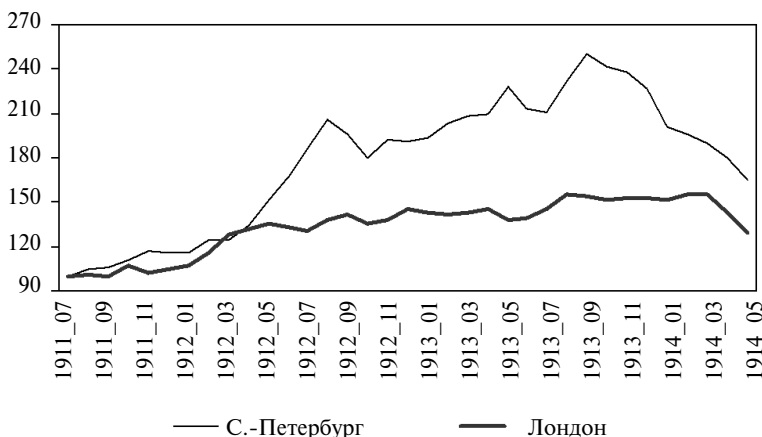
Компания	В индексе	Акционерный капитал, декабрь 1910 г. (тыс. руб.)
Broxburn Oil	июль 1914 г. — май 1914 г.	2221
Burmah Oil	июль 1914 г. — май 1914 г.	16 931
California Oilfields	июль 1914 г. — март 1914 г.	3780
Oakbank Oil	июль 1914 г. — май 1914 г.	1890
Pumpherstons Oil	июль 1914 г. — май 1914 г.	1229
Young's Paraffin Light & Min. Oil	июль 1914 г. — май 1914 г.	1070
Всего		27 120

Источник: База данных IMM.

Динамика цен представлена на рис. 10. Вполне очевидно, что существует заметная связь между двумя нефтяными индексами: цены акций двигаются в основном параллельно (с июля 1911 г. по май 1914 г. корреляция котировок равна 0,91).

Рисунок 10

Динамика котировок нефтяных компаний на биржах Лондона (британские компании) и С.-Петербурга (русские компании), 1911–1914 гг.

Источник: База данных ИММ.

Таким образом, с 1911 г. котировки нефтяных компаний на обеих биржах начинают двигаться параллельно вне зависимости от того, связаны ли были британские нефтяные компании с нефтяной промышленностью России или нет.

* * *

Источниковедческий анализ основного источника по курсовой динамике Лондонской биржи — «Ежемесячного справочника инвестора» («Investor’s Monthly Manual») — показал, что сведения этого источника дают достаточно полные и надежные данные о движении цен ценных бумаг, котировавшихся на Лондонской бирже в конце XIX — начале XX в. Предложенные процедуры формирования электронной базы данных по материалам «Справочника» и корректировки вводимой информации могут использоваться при осуществлении крупных проектов по

созданию электронных ресурсов в области экономической истории. Введение в научный оборот источников, содержащих данные о курсовой динамике акций промышленных компаний в Лондоне и С.-Петербурге, позволяет получить аргументы в пользу гипотезы о начавшейся на рубеже XIX–XX вв. интеграции российского фондового рынка в пространство европейских фондовых рынков. Новые аргументы в пользу этой точки зрения дает и недавняя публикация Л.И. Бородкина и А.В. Коноваловой, в которой авторы приходят к аналогичному выводу, сравнивая курсовую динамику акций российских промышленных компаний, котировавшихся на биржах С.-Петербурга, Парижа и Брюсселя⁶⁰.

Примечания

¹ О котировках российских компаний на С.-Петербургской бирже и анализе индекса промышленных компаний в 1897–1914 г. см.: Бородкин Л.И., Перельман Г.Е. Структура и динамика биржевого индекса дореволюционной России: анализ рынка акций ведущих промышленных компаний // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 171–221.

² Смирнов А.М. Фондовые биржи в Великобритании // Банковская энциклопедия. Т. 2. Биржа. Киев, 1917. С. 76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Акции биржи в начале XX в. приносили крупный доход, получавшийся от членских взносов. По свидетельству журнала «The Economist», за 1910 г. они дали дивиденд в 100% своей нарицательной стоимости (см.: The Economist. 1911. April 8).

⁵ Журнал «The Economist» (от 15 апреля 1911 г.) сообщал, что в 1911 г. из 5091 члена биржи только 2094 были ее акционерами.

⁶ Прион В. Образование цен и установление курса на важнейших биржах // Банковская энциклопедия. Т. 2. Биржа. Киев, 1917. С. 253; Филипов Ю.Д. Биржа: Ее история, современная организация и функции. СПб., 1912. С. 122–123.

⁷ Смирнов А.М. Указ. соч. С. 86.

⁸ Филипов Ю.Д. Указ. соч. С. 119.

⁹ Смирнов А.М. Указ. соч. С. 94–95.

¹⁰ The Economist. 1908. April 25; November 25.

¹¹ Edwards R. The Pursuit of Reason: the Economist 1843–1993. Boston, Mass., 1995. P. 431–432.

¹² Общее количество страниц в «Справочнике» было значительно больше, поскольку кроме котировок в публикации печатались экономические обзоры, приводились таблицы денежной динамики, балансовые отчеты акционерных предприятий и т.д.

¹³ Investor's Monthly Manual. 1890. №. 1. Vol. 20. P. 2.

¹⁴ Ibid. 1895. №. 1. Vol. 25. P. 1.

¹⁵ Ibid. 1916. № 4. Vol. 46. P. 169.

¹⁶ Два займа были представлены двумя разными ценными бумагами. Англо-голландские займы 1864 и 1866 гг. котировались на Лондонской бирже как в фунтах, так и в флоринтах.

¹⁷ Для экономии места зачастую текст давался аббревиатурой. Так, вместо повторения места выплаты Американских облигаций («In Coin in New York», что значит «золотом в Нью-Йорке»), печаталось слово *Ditto* или просто *Do*.

¹⁸ То есть, выпустив 53 000 облигаций на нарицательную сумму в 5,3 млн фунтов, русское правительство получило примерно 4,3 млн фунтов стерлингов (82% от номинала).

¹⁹ Общий размер займа не отражал суммы, непосредственно размещенной в Лондоне. Этот же заем котировался на биржах Парижа, Берлина и Амстердама.

²⁰ Котировки, представленные в источнике (высшие, низшие, последние), являются средней ценой между запрошенными брокером ценами на покупку облигации у клиента (*bid price*) и предложением продать (*ask price*). Значение в колонке «Последняя сделка» отражает цену, по которой была совершена последняя операция.

²¹ Исключение составлял раздел страховых компаний, выделявшийся в группе финансовых компаний, в котором вместо «суммы резервного баланса после дивидендов» были включены данные по последним выплатам на каждую акцию.

²² Компания С.-Петербургского водоснабжения была зарегистрирована в Лондоне в 1874 г. и в 1877 г. получила концессию на предоставление услуг в С.-Петербурге в течение 40 лет. Первоначальный капитал ее составлял 200 тыс. фунтов стерлингов. Но с 1893 г. городское управление С.-Петербурга начало выплачивать компании каждые полгода 83 тыс. руб. с целью полностью выкупить компанию у ее английских владельцев к истечению срока концессии в 1917 г. Поэтому к 1910 г. общий номинальный капитал компании сократился до 110 тыс. фунтов стерлингов (11 фунтов × 10 000 акций). Данные о компании см.: The Russian Year-Book, 1913. London. 1913. С. 639. В базе данных IMM котировки акций этой компании на Лондонской бирже отмечены с июня 1876 г. по январь 1912 г.

²³ Часто название заносилось в виде аббревиатуры — с целью экономии места.

²⁴ Это, скорее всего, указывало на то, что сделок с этой акцией в течение месяца не было, и цены представлялись справочные. Количество акций компании (10 000) было довольно незначительно, чтобы вызвать интерес большого количества инвесторов и обеспечить постоянных оборот на бирже.

²⁵ Напомним, что до 1971 г. фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, а шиллинг в свою очередь из 12 пенсов. Таким образом, $\frac{1}{2} : 8 \frac{3}{4} = 0,0571$.

²⁶ В «Справочнике» была принята следующая система сокращений: 5/6 означало 5 шиллингов и 6 пенсов, а 4/5/6 соответственно 4 фунта, 5 шиллингов и 6 пенсов. Выражение /6 означало 6 пенсов.

²⁷ Hobson С.К. *The Export of Capital*. New-York, 1914; Paish G. *Great Britain's Capital Investment in Other Lands // Journal of the Royal Statistical Society*. 72 (Part III). 1909. P. 465–80; Edelstein M. *Overseas Investment in the Age of High Imperialism: the United Kingdom, 1850–1914*. New-York, 1982.

²⁸ Stone I. *The Global Export of Capital from Great Britain, 1865–1914*. A Statistical Survey. New-York, 1999. P. 424.

²⁹ Ломбардская улица в центральной части Лондона, где в средние века банкиры из Ломбардии (Италия) открыли первые банковские дома и где были сосредоточены банковские учреждения Лондона в XIX в.

³⁰ Bagehot W. *Lombard Street: a Description of the Money Market*. 1873. Reprint New-York, 1999. P. 6.

³¹ В период с января 1869 г. по декабрь 1929 г. (732 месяца) Лондонская биржа была закрыта с июля по декабрь 1914 г. из-за начала Первой мировой войны. Торги на бирже возобновились в январе 1915 г. Поэтому в источниках и, соответственно, в базе данных отсутствуют котировки за август — ноябрь 1914 г. В декабрьском выпуске «Справочника» 1914 г. были напечатаны справочные цены акций.

³² См.: icf.som.yale.edu

³³ PDF — портативный формат документов (Portable Document Format), разработан компанией Adobe. Широко применяется в Интернете. DJVU — формат для сканированных документов, разработан в AT&T Laboratories.

³⁴ Автор данной статьи был руководителем проекта по созданию электронной базы данных ИММ.

³⁵ На мировых биржах до 1990-х гг. было принято котировать цены с дробями (например: $10 \frac{1}{4}$, $10 \frac{1}{2}$, $10 \frac{3}{4}$, и т.д.). Это было связано со сложившейся традицией, появившейся во времена, когда подсчеты велись на бумаге.

³⁶ Этот способ проверки основан на том, что теоретически существует очень малая вероятность внесения ошибки в одном и том же месте различными операторами. В данном случае вероятность была несколько выше из-за низкого качества изображения в оригинале. Так, например, то, что один оператор видел как «затертое» число «8», другой мог принять за «3». Случалось, что оба оператора ошибались в таких случаях.

³⁷ Текстовые данные (названия компаний, примечания и т.д.) в большинстве случаев приводились в сокращенном виде в целях экономии места, причем аббревиатура одной и той же компании могла меняться из месяца в месяц. Наборщики зачастую допускали незначительные ошибки при вводе таких данных, но все они отражались в процентном уровне ошибок. Таким образом, уровень ошибок текстовых данных был несколько выше 1%, а числовых — несколько ниже.

³⁸ Программа была настроена не на точное, а на «близкое» соотношение к изменениям в номинальном капитале (+/- 10%), поскольку котировки не всегда реагировали идентично изменениям в номинальной цене акций.

³⁹ Мы говорим о *вероятных* опечатках, т.к. есть немало случаев, когда ошибка, вероятно, вкралась в текст источника, но стопроцентной гарантии этого дать нельзя до проверки этих данных по другим источникам.

⁴⁰ Последняя котировка в июле также равна 19/32, и низшее значение за год осталось 9/16.

⁴¹ Investor's Monthly Manual. 1903. № 12. С. 696 (заметка издателя).

⁴² В расчетах средних цен акций банковских и «разных компаний» были исключены твердопроцентные ценные бумаги.

⁴³ Русские биржевые ценности. 1914–1915 гг. С. 106.

⁴⁴ В базе данных ИММ котировки банка отмечены с мая 1913 г. по январь 1919 г.

⁴⁵ «Русские биржевые ценности» сообщают, что сделки с акциями этих английских компаний проводились «кулисой» С.-Петербургской биржи. Как уже отмечалось выше, котировки иностранных ценных бумаг на официальной бирже в Петербурге не разрешились.

⁴⁶ Smith K., Horne G. An Index Number of Securities, 1867–1914 // London and Cambridge Economic Service Special Memorandum. 1934. №. 37.

⁴⁷ К примеру: если цена акции А равнялась 60 в июне 1890 г. (базовый месяц) и поднималась до 66 в июле, то ее рост равнялся 10%. Если в то же время цена акции Б поднималась с 50 до 52, ее рост равнялся 4%. Динамика индекса этих двух компаний была бы выражена как 100,00 в июне и 107,00 в июле (среднее между 10% и 4% роста). Нужно учесть, что выбор базового месяца имеет большое значение для динамики индекса, т.к. одинаковый процентный рост цен акций вблизи базового месяца одинаково отражается на показателях индекса. Со временем, однако, разница может быть значительной, в зависимости от динамики цен компаний, входящих в индекс.

⁴⁸ См.: Бородкин Л.И., Перельман Г.Е. Указ. соч. С. 173. В этой работе авторы применяли указатель I_1 для обозначения среднеценового индекса (как в Доу Джонсе), а I_2 для средневзвешенного.

⁴⁹ Коэффициент корреляции принимает значения от -1 до $+1$; знак (+/-) показывает направление связи между переменными (в данном случае, между движением цен акций на разных биржах), а величина — ее силу. Значения коэффициента, близкие к 1, соответствуют значительной связи между переменными (при -1 , значительная обратная связь), а близкие к нулю — слабой ($r = 0$ означает отсутствие связи).

⁵⁰ Kennedy W., Delargy R. Explaining Victorian Entrepreneurship: A Cultural Problem? A Market Problem? No Problem? Working Paper No. 61/00. London School of Economics, 2000.

⁵¹ Источником данных был тот же источник, который мы используем в этой работе, — «Investor's Monthly Manual».

⁵² Fursenko A.A. *The Battle for Oil: The Economics and Politics of International Corporate Conflict over Petroleum, 1860–1930*. London, 1990. P. 228.

⁵³ «Русские биржевые ценности» приводят данные по изданию «Лондонский Биржевой Ежегодник» («*Stock Exchange Year-book*»), 1913. См.: Русские биржевые ценности. 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 108.

⁵⁴ *Russian Petroleum Co*: зарегистрирована в Лондоне в 1910 г. в результате реорганизации компании *Russian Petroleum and Liquid Fuel Company*. Капитал 1,4 млн фунтов (внесено около 1 млн). Действовала в бакинском регионе. В лондонских котировках появляется с мая 1913 г. *Spies Petroleum* (Нефтепромышленное общество Шпис с ограниченной ответственностью) было зарегистрировано в 1900 г. с капиталом 1,5 млн фунтов (1 млн внесен). Действовало в Грозненском регионе и регулярно выплачивало дивиденды — более 20% ежегодно в 1910–1912 гг. В котировках Лондонской биржи упоминается с июля 1904 г. См.: *Russian year-book*. 1916. London. P. 660–681.

⁵⁵ *Oilfields Finance Corporation* была организована в 1912 г. с капиталом в 600 000 фунтов (370 000 внесенных) и владела землей в Таманско-Керченском регионе. Поскольку добычи нефти до 1915 г. в этом районе не было, П.В. Оль не включил эти британские инвестиции в общую сумму. См.: Оль П.В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922. С. 54.

⁵⁶ По данным электронной базы котировок акций на С-Петербургской бирже, которая находится в свободном доступе на сайте Йельского университета (<http://icf.som.yale.edu/>). Описание данных см.: Перельман Г. Котировки акций на С.-Петербургской бирже в 1865–1914 гг. // Экономическая история: Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 106–111.

⁵⁷ Котировки англо-русских нефтяных компаний появляются в «Справочнике» с 1899 г. Активное участие британского капитала в российской нефтяной промышленности начинается после 1898 г., когда С.Ю. Витте удалось убедить Совет министров не ограничивать иностранные вложения в нефтяную промышленность Бакинского региона. Взамен Витте ожидал открытия лондонского финансового рынка для размещения российских государственных бумаг, пытаясь избежать полной зависимости от парижского денежного рынка. Хотя один из займов был размещен в Лондоне в 1898 г., в целом надежды Витте не оправдались, и лондонский рынок не был доступен для займов до 1906 г. См.: Fursenko A.A. *The Battle for Oil*. P. 51–67.

⁵⁸ Описание британских компаний, действовавших в России, см.: *Russian year-book* 1916, London. P. 660–681.

⁵⁹ Компания *Shell Transport and Trading* (капитал 2,5 млн фунтов) не была включена ни в один из индексов, поскольку, с одной стороны, занималась доставкой и сбытом нефти, а не ее добычей. С другой стороны, компания в этот период находилась в той или иной степени зависимости от русской нефтяной промышленности. Со времени основания в 1897 г. и до слияния с *Royal Dutch* в 1907 г. главным источником торгов-

ли была нефть, добытая в России (поставляемая компаниями, контролирующимися французскими Ротшильдами). После слияния с голландской компанией русская нефть на некоторое время перестала быть доминирующим источником. Ситуация изменилась в 1912 г., когда голландско-британская компания выкупила интересы Ротшильдов в России. См.: Yergin D. The Prize. New-York, 1991.

⁶⁰ Бородкин Л.И., Коновалова А.В. Русские акции в котировках бирж Петербурга, Парижа и Брюсселя. Где определялась их стоимость? // Экономическая история: Обзорение. Вып. 11. М., 2005. Отметим, однако, что авторы использовали другую методику, привлекая данные о курсовой динамике отдельных российских предприятий нефтяной и металлургической отраслей, а не динамику биржевых индексов, более полно отражающих состояние фондового рынка.

Иллюстративные материалы
к «Ежемесячному справочнику инвестора»
Выпуск июня 1914 г.

Титульная страница

Рисунок А

The Investor's Monthly Manual.

GIVING HIGHEST, LOWEST, AND LATEST PRICES OF OVER 4,000 STOCKS, BONDS, AND OTHER SECURITIES DURING THE MONTH, HIGHEST AND LOWEST PRICES SINCE JANUARY 1st, RECENT DIVIDENDS, AND YIELD AT THE PRICE OF THE LAST DAY.

(REPRODUCED BY PERMISSION OF CANADIAN MARINE PRESS.)

No. 6, Vol. 44. [NEW SERIES ENLARGED]

JUNE, 1914.

PRICE EIGHTEENPENCE.
By Post to M. Taubert, 26 St. Louis Square, London.

CONTENTS.

THE PAST HALF-YEAR	325
TABLEAU HISTORY OF THE MONEY MARKET.....	300
PARTICULARS AS TO SECURITIES:—	
Government Securities—British, Colonial, Foreign—British Corporations and Companies—Public Bonds, etc.....	302-315
Indian, Colonial and Foreign Corporations	302-315
Railway Securities—British, Indian, Colonial, American, Foreign	315-322
Banking and Insurance Companies	325
Insurance Companies	342
Devises and Discounts	343
Canals, Docks, etc., Electric Lighting, Gas	345-350
Iron, Coal, and Steel	351

PARTICULARS AS TO SECURITIES—(Con.)	Page
Loans, Mortgages, Pensions, etc.....	352
Mines	352
Oil	352
Shipping	352
Ten, Cables, and Builders—Telegraph	352-356
Trusts	355
Waterworks	371
Other Companies	371
Mining Companies—Including Iron Ore and Coal	371
SUMMARY OF CONSTANT PAID UP AND LONG ACCOUNTS.....	363
ANALYSIS OF BALANCE-SHEETS	359 & 451
BUSINESS CAPITAL	359-371
NOTICES AND REPORTS	451

TO ADVERTISERS.

Advertisements for the next issue—which will be published on August 4th—should be sent on or before Saturday, August 1st, to the Advertisement Manager, at the Office, 3 Abchurch Lane, Strand, W.C.

ALLIANCE ASSURANCE COMPANY, LIMITED.

Head Office:

BARTHOLOMEW LANE, LONDON.

Assets Exceed £23,500,000.

Chairman:

Right Hon. LORD ROTHSCHILD, G.C.V.O.

The Operations of the Company embrace all branches of Insurance.

Full information respecting ESTATE DUTY POLICIES

issued by the Company may be obtained on written or personal application to the Offices at the above address.

ROBERT LEWIS, General Manager.

NOTICE TO SUBSCRIBERS.

In calculating the yields on the stocks and shares quoted in this Manual allowance is made for interest accrued since the last payment. Where stocks are definitely redeemable at a certain date the yield includes any profit or loss on redemption; where the right of repayment is optional and the stock stands above par, the loss is allowed for in the yield. The return on ordinary stocks and shares is calculated on the dividends paid by the company during the last year.

While every care is taken to ensure accuracy in the tables, the Editor will assume it a favour if Subscribers would advise him of any errors that may come under their notice, so that they may be rectified before the next issue.

THE PAST HALF-YEAR.

The first half-year of 1914 has been so full of critical incidents both for the peace of the world and for the interests of high finance that the impartial surveyor, looking back over these six months, may well feel thankful that the picture is less black than it might have been. Some very awkward corners have been turned, or half-turned. In spite of some ugly incidents, such as the landing of a large cargo of arms, the difficulties in Ulster have so far led to no serious breach of the peace, and some sort of a settlement is now more generally expected than at the end of last year. Most of the public securities in Ulster have reflected this increasing confidence. Again, the threat of a fresh outbreak of war between Turkey and Greece at the beginning of this month seems to have been averted, though the purchase of battle-ships in Great Britain and the United States seems to promise bankruptcy for both countries. The financial position of Brazil has been very critical, and it is only at the last moment that the coupons due at the beginning of July are announced to be safe. Brazilian securities generally have been depressed, and the new loan which has been so much talked about is still, as we write, unsettled. The civil war in Mexico took a fresh turn a few weeks ago, when President Wilson occupied Vera Cruz in consequence of an alleged insult to the American flag. An American invasion was, however, averted by the mediation of Argentina, Brazil, and Chile; but the conference with Huerta's delegates at Niagara

302 THE INVESTOR'S MONTHLY MANUAL. June, 1914.

BRITISH AND INDIAN GOVERNMENT STOCKS.

The securities quoted below do not professedly include the entire debt of the State or Nation referred to.

Table with columns: STOCK, Issuption, Original Issue, When Applied, Redeemable, Amount of Investment, Interest, Dividend, Payable, and Remarks. Lists include British-4½ Cons., New 5½s, Old 4½s, Indian 4½s, etc.

COLONIAL GOVERNMENT STOCKS.

Table with columns: Name (e.g., Antigua, Barbadoes, Cape Colony), Issuption, Original Issue, Interest, Dividend, Payable, and Remarks. Lists various colonial government securities.

318 THE INVESTOR'S MONTHLY MANUAL.		[June, 1914.				Выпуск Листовъ.	
NAME.		PACES of MONTHLY LISTINGS of 1914.				Rate per Cent. per Annum, except where marked %	
CURRENT.		Shares	Paid	Opening	Lowest	High	Close
Subscribed or £ Stock.		at Last	at Last	at Last	at Last	at Last	at Last
		Divid.	Divid.	Divid.	Divid.	Divid.	Divid.
		Per Cent.	Per Cent.	Per Cent.	Per Cent.	Per Cent.	Per Cent.
BRITISH RAILWAYS.—Con.							
Colchester 4 1/2 c. ann. stock, No. 3	275,586	294	599	6 0	5 0	5 0	94
Do 4 (Lancark & Dumbarton) guar.	118,500	100	100	4 0	6 0	94	May & Nov
Do 5 c. ann. pref., 1878	1,852,800	100	100	4 0	6 0	94	May & Sep
Do 4 1/2 1884	562,995	100	100	3 0	114	142	May & Sep
Do 4 1/2 1887 (convert. in pref.)	1,033,633	100	97	56	97	89	May & Sep
Do 4 1/2 1902	1,515,500	100	97	96	97	89	May & Sep
Do 4 1/2 convertible pref., 1904	1,328,966	100	97	96	97	89	May & Sep
Do ordinary stock	4,272,067	100	97	96	97	89	May & Sep
Do pref. convert.	14,356,030	100	61	57	54	64	3 Sep 13 & 3 Sep 13 & 3 Sep 14
Do pref. No. 1 (Herr. & Bar. % on ord.)	8,863,080	100	142	142	142	142	4 Mar 12 & 12 Sep 12 & 12 Sep 13 & 12 Sep 14
Do pref. No. 2 (B)	845,848	100	62	58	58	58	Nov 13
Do — 4 1/2 (C)	400,000	100	73	73	73	73	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do — 4 1/2 (D)	507,565	100	59	59	56	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 1/2 No. 2 pref.	484,000	100	9	10	9	10	5 Sep 13 & 5 Sep 13 & 5 Sep 14
Do ordinary stock, No. 1	738,665	100	12	12	12	12	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Cardiff Railway 3 1/2 deb. stock	2,033,300	100	71	69	69	67	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Central London 4 1/2 deb.	926,000	100	98	98	98	98	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 1/2 preference	480,000	100	125	125	125	125	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do ordinary	346,592	100	83	83	83	83	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do guaranteed	1,453,994	100	79	79	79	79	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do guaranteed assented preferred ordinary	474,295	100	85	85	85	85	4 Sep 13 & 4 Mar 14
City and South London 4 1/2 pref. deb.	6,540,764	300	414	414	414	414	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 1/2 pref. stock, 1891	681,822	100	57	56	57	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 1/2 pref. 1896	300,000	100	56	56	56	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 5 1/2 pref., 1903	300,000	100	56	56	56	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 5 1/2 pref., 1908	300,000	100	56	56	56	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Cockermouth, Keswick, and Furness, ord.	307,478	100	45	45	45	45	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Cork, Dublin, and South Coast ordinary	240,000	100	66	66	66	66	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Dublin & S. East. 4 c. cont. "A" deb. stk.	101,169	100	79	81	79	81	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 c. consolidated "B" deb. stock	330,000	100	75	75	75	75	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 c. guar. City of Dublin Junction	243,000	100	74	74	74	74	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 c. consolidated preference stock	463,567	100	56	56	56	56	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do ordinary stock	969,990	100	34	34	34	34	4 Sep 13 & 4 Mar 14
East London 4 c. 2nd charge "A"	544,440	100	41	41	41	41	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 4 c. 2nd charge "B"	381,316	100	41	41	41	41	4 Sep 13 & 4 Mar 14
Do 3 1/2 c. 1881, guar. deb. stock	752,990	100	83	83	83	83	4 Sep 13 & 4 Mar 14

Рисунок В (окончание)

Table with columns for stock description (e.g., Do guar. Whitehaven Ext. 3/4 \$, Do ordinary stock, etc.), numerical values, and dates (e.g., Jan 2, Aug 15, Feb 8, etc.).

**Попытки унификации денежного обращения
на Востоке России во второй половине 1918 — 1919 г.:
экономические и социальные аспекты
финансовых реформ**

Важнейшей специфической чертой финансового рынка России периода революции и Гражданской войны стало появление множества денежных знаков. Причем условия их обращения были различные. Помимо собственно денег, обладающих свойством всеобщности и обязательности приема к платежам, выделяют суррогатные денежные знаки — облигации внутренних займов, купоны ценных бумаг, чеки и др., имевшие хождение наравне с общегосударственными деньгами. Деньги и их суррогаты необщеобязательного выпуска называют бонами. Они могут быть как государственными, если их эмитентами являются местные административные органы или органы самоуправления, отделения Государственного банка, так и частными, если выпуски осуществляются учреждениями, организациями, банками, производственными и торговыми предприятиями¹.

Отношение к деньгам местного и необщеобязательного обращения в науке различное. Доминирует их оценка как крайне негативного для экономики явления, от которого государство должно стремиться избавиться как можно скорее. Однако есть мнение лауреата Нобелевской премии Ф.А. Хайека о том, что исключительное право государства на выпуск денег есть самая вреднейшая в экономике монополия². Только свободная конкуренция между эмитентами может обеспечить наиболее эффективное функционирование хозяйственной системы. С научной точки зрения, особую актуальность приобретает проблема влияния демонополизации денежного рынка на функционирование всего хозяйственного организма. Гражданская война в России позволяет на практике проверить тезис, выдвинутый великим экономистом.

* Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук (Институт истории Сибирского отделения РАН).

Данная проблема имеет богатую отечественную историографию. Отметим лишь наиболее значимые исследования. Особенный интерес представляет монография А.И. Погребецкого, дающая наиболее полную информацию о денежном рынке Дальнего Востока России. Она богата историческими экскурсами, отсылками к уникальным, не сохранившимся в настоящее время документам, обилием статистических материалов, полученных автором как работником банковской системы Дальнего Востока в годы Гражданской войны³. Долгое время советские исследователи повторяли приводимую А.И. Погребецким информацию, а сама тема представляла интерес не столько для историков экономики, сколько для коллекционеров-бонистов. В последние годы ситуация изменилась. Появились исследования, в которых предметом изучения стала именно финансовая политика антибольшевистских государственных образований⁴. Ряд крупных публикаций, подготовленных бонистами, свидетельствует о накоплении богатого информационного и аналитического потенциала, позволяющего углубить и представления историка об экономических реалиях прошлого⁵.

В настоящей статье объектом исследования выступают не деньги, а экономическая политика государства. В фокусе внимания окажутся мероприятия государственной власти по унификации денежного обращения и их социально-экономические результаты. Для анализа данной проблемы потребуются, во-первых, держать в поле зрения одновременно динамику макроэкономических параметров и микроуровневые явления, связанные с воздействием финансово-денежной политики на хозяйственную систему отдельного города, предприятия, домохозяйств; во-вторых, осуществлять параллельную оценку экономических и социальных издержек и последствий. Необходимо помнить, что цена реформ имеет не столько экономическое, сколько социальное выражение.

Децентрализация денежной системы: причины и формы

В период Первой мировой войны царское правительство отступило от принципа золотого эквивалента и выпустило в обращение необеспеченные денежные знаки, что привело к росту инфляции. Так, с июня 1914 г. по март 1917 г. объем денежной массы в России увеличился с 1640 млн до 10 044 млн руб. Временное правительство и большевистский Совет народных комиссаров, выпускавшие в огромном количестве деньги как старого образца, так и нового — «керенки» (к ноябрю 1917 г. —

9134 млн руб., а к январю 1918 г. — еще 8062 млн руб.)⁶, усугубили финансовую ситуацию. Кризис политической власти сопровождался распадом экономического единства страны. Инфляция вызвала дефицит денег в мелких купюрах, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать денежные «подкрепления».

Зимой 1917—1918 гг., фактически еще до установления советской власти, городские самоуправления и отделения Государственного банка некоторых городов Урала, Сибири и Дальнего Востока прибегли к выпуску в обращение государственных ценных бумаг и даже разменных марок. Местные власти намеревались изъять эти денежные суррогаты сразу, как только в регион поступят деньги общероссийского образца в мелких купюрах.

В конце 1917 — начале 1918 г. в восточных регионах России постепенно установилась советская власть. С ее появлением связан широкомасштабный выпуск новых денежных суррогатов местного обращения и бонов, особенно затронувший дальневосточный денежный рынок. С февраля по сентябрь 1918 г. Хабаровский совет по приказу Дальневосточного совета народных комиссаров выпустил более 11 млн руб. денежных бон. С апреля по сентябрь 1918 г. исполнительный комитет Амурского областного совета выпустил в Благовещенске около 70 млн руб. т. н. «амурских областных разменных билетов». В Чите отступившая из Иркутска Центросибирь произвела эмиссию «сибирских кредитных билетов» на сумму свыше 20 млн руб. В июне 1918 г. Верхнеудинское казначейство выпустило около 6 млн проштампованных государственных процентных бумаг. Были и другие денежные суррогаты, выпуск которых санкционировали забайкальские большевики⁷. А.И. Погребецкий считал, что их количество в Забайкалье к середине 1918 г. достигало 31 млн руб.⁸ Отступая из Читы и Благовещенска, большевики захватили с собой почти всю наличность общероссийских денежных знаков, находившуюся в финансовых учреждениях этих городов. Поэтому антибольшевистское Временное правительство Амурской области в сентябре — октябре 1918 г. выпустило в Благовещенске амурские разменные билеты на сумму 18 млн руб.

В Поволжье, на Урале и в Сибири советская власть тоже практиковала выпуск местных разменных денежных знаков (Екатеринбург, Пермь) и эмитировала собственные деньги (Оренбург). Еще более широко прибегли к выпуску собственных денег антибольшевистские правительства Востока России. В июне 1918 г. Комуч выпустил в обращение хранившиеся в банках облигации государственных займов на сумму около 203 млн руб. Поволжский бонист Л. Едидович насчитал 141 вид

таких суррогатных денег, считая за особый вид разные выпуски ценных бумаг, разные штемпеля, как правило, удостоверявшие эмитента, и различные условия обращения (с удержанием процентов или без). Разрешая хождение купонов, власти вынуждены были смириться с существованием денежных суррогатов номиналами в 2 руб. 75 коп., 37 руб. и т.д. Причем из таких купюр необходимо было иногда еще и вычитать 5 или 15%⁹. Государственные ценные бумаги в качестве денежных знаков были выпущены практически всеми отделениями Государственного банка и казначействами контролировавшейся Комучем части Поволжья и на Урале¹⁰. В ноябре 1918 г., накануне оставления «белыми» Поволжья, Совет управляющих ведомствами Всероссийского учредительного собрания прибег к выпуску собственных бон — краткосрочных обязательств. Объем эмиссии составил 70 млн руб.¹¹

Временное областное правительство Урала вынуждено было допустить хождение в регионе самарских и сибирских денег¹². По распоряжению Уральского областного правительства от 21 октября 1918 г. в Екатеринбурге было отпечатано пятидесятикопеечных уральских бон на 1,5 млн руб.¹³ Куда более крупным эмитционером в Поволжско-Уральском регионе стало Уральское войсковое правительство. С конца 1917 г. по его указанию Оренбургское отделение Государственного банка стало выпускать свои денежные знаки. Эта инициатива потом была продолжена уже советской властью и вновь возобновлена «белыми». За весь период эмиссии, длившейся до конца 1918 г., было напечатано 163 млн руб.¹⁴

Находившиеся в Омске Западно-Сибирский комиссариат и Временное сибирское правительство наиболее сдержанно относились к выпуску денежных суррогатов, но полностью воздержаться от этого шага не могли. 16 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат подтвердил хождение облигаций, выпущенных в обращение при советской власти¹⁵. 23 сентября 1918 г. Временное сибирское правительство приравнило к деньгам как выпущенные Временным сибирским правительством, так и раньше находившиеся в обороте государственные ценные бумаги¹⁶. В результате такие выпуски были осуществлены в Барнауле, Бодайбо, Благовещенске, Иркутске, Мариинске, Николаевскена-Амуре, Томске, Тюмени, Хабаровске, Чите и других городах. В одних случаях облигации «займа Свобода» ходили по номиналу, в других — по 85% от номинала¹⁷. Это позволило пополнить местные денежные рынки мелкими разменными деньгами, но не смягчило принципиально денежный голод.

Но вскоре для устранения недостатка мелких денег сибирские власти прибегли к выпуску собственных казначейских разменных знаков, достоинством от 1 до 50 руб. С 1 октября 1918 г. решено было начать выпуск краткосрочных обязательств Государственного казначейства сроком на один год. Они печатались крупными купюрами и имели целью смягчить бюджетный дефицит. Несмотря на то что эмиссионное право уже в октябре было доведено до 450 млн руб., реально в первый месяц в обращение попало 8 млн руб., а в ноябре — 33 млн руб.¹⁸

Сибирская власть проводила весьма ограниченную эмиссию, что могло благотворно сказаться на экономике и сдерживать рост цен. Но на востоке страны продолжали обращаться «керенки». Их выпуск начался еще при Временном правительстве. Но после октября 1917 г. его продолжил Совет народных комиссаров. Деньги, эмитируемые военными противниками, так прочно вошли в экономическую жизнь, что не могли быть сразу отменены. Массовая интервенция денег из советской России нарушала относительное ценовое равновесие. Но, в то же время, «керенки» смягчали недостаток мелких купюр, т.е. занимали на денежном рынке тот сегмент, который антибольшевистские финансовые структуры оказались неспособны заполнить.

Положение, когда две воевавшие друг с другом силы в ходе Гражданской войны имели общую валюту, естественно, являлось ненормальным. Эти азбучные истины финансистам были понятны еще летом 1918 г. В августе в Самаре проходил съезд представителей акционерных коммерческих банков. На нем управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков говорил о необходимости «белым» правительствам создать особую денежную систему¹⁹. Он предложил провести сначала штемпелевание всех «керенок» на неподвластной «красным» территории, а затем постепенный их обмен на новые денежные знаки. По мере же освобождения новых регионов от большевиков предполагалось обменивать обращающиеся там «керенки» без штемпелей по пониженному курсу²⁰.

В условиях многообразия денег возникла конкуренция валют. В этой экономической борьбе шансы победить были у того, чья валюта имела большую покупательную силу и была лучше исполнена. В конце концов, исход борьбы решало соотношение этих двух качеств. Покупательная способность рубля на востоке страны была выше, чем в советской России, но она поддерживалась всеми видами денег, в том числе и «керенками». Что же касается исполнения купюр, то советские «керенки» и сибирские деньги были одинаково плохого качества.

Начало выпуска омской властью собственных денег осенью 1918 г. совпало со вступлением лагеря восточной контрреволюции в новую фазу своего развития — образования централизованной власти. В сентябре представители различных политических сил и государственных образований на востоке России собрались на Государственное совещание в Уфе. В результате появилось Временное Всероссийское правительство (Директория), избравшая Омск своей резиденцией. 18 ноября 1918 г. Директория была свергнута. К власти пришел Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак и образованное при нем Российское правительство. Это обстоятельство существенно изменило геополитическую ситуацию. На омскую власть легла обязанность восстановить единство на денежном рынке.

Между тем Гражданская война шла своим чередом. Отступление Народной армии Комуч осенью 1918 г. вызвало массовое движение беженцев на восток страны. Поток «самарских» денег хлынул на территорию Сибири. Еще Временное Сибирское правительство отдало распоряжение банкам, железнодорожным кассам, государственным учреждениям не принимать в платеж облигации государственных займов со штампом самарского правительства. Не брали их и частные торговые предприятия. Это поставило беженцев в тяжелейшие материальные условия. Свои краткосрочные обязательства Комуч успел разослать по уральским отделениям Государственного банка, испытывавшим наибольший дефицит денежных средств. В этих районах вся заработная плата была выплачена самарскими бонами. Их официальное непризнание оставило без средств к существованию население уральских городов. Оренбургские боны стали быстро распространяться на смежные районы Урала. Министерство финансов Временного Сибирского правительства запретило уральским отделениям Государственного банка принимать их. То же самое сделали и власти Уральского казачьего войска. Однако многочисленные распоряжения командования Оренбургского казачьего войска предписывали принимать оренбургские денежные знаки в соседних уездах наравне с общегосударственными. Оренбуржцы ходатайствовали перед омскими властями о распространении действия бон на территорию Тургайской и Уральской областей, Стерлитамакского уезда Уфимской, Бузулукского уезда Самарской, Челябинского, Верхнеуральского и Троицкого уездов Челябинской губерний. Свою просьбу они мотивировали двумя обстоятельствами. Во-первых, в указанные районы не поступали денежные подкрепления из Омска, и хозяйственная жизнь региона поддерживалась только благодаря выпуску оренбургских бон. Во-вторых, интендантства, действо-

вавшие в этих районах, были снабжены только оренбургскими бонами. Ограничивая их хождение, правительство вызывало перебои в военном снабжении²¹.

Дальневосточные местные денежные знаки осенью 1918 г. также стали влиять на хозяйственную жизнь региона. Отделения Государственного банка Дальнего Востока несколько месяцев получали подкрепление только советскими бонами. При этом одни финансовые учреждения принимали местные деньги, другие отказывались это делать²². Приморское земство предлагало учесть, что бонны имеют реальное обращение на рынке по пониженному курсу, и произвести операцию полного учета бонн, закрепив их за владельцами, а потом выкупить по низкому рыночному курсу²³. Но одобрения у верховной власти эта идея не получила. Сохранявшаяся неопределенность на денежном рынке способствовала резким скачкам цен, прекращению подвоза товаров то в одни, то в другие регионы. Она вызвала критику не только населения, но и местных гражданских и военных властей, которые опасались, что отмена денежных суррогатов приостановит экономическую жизнь Забайкалья и Приамурья, парализует работу государственного аппарата и сорвет проведение мобилизации. Местные власти требовали временно признать право обращения дальневосточных денежных знаков с последующим скорейшим обменом их на общероссийские по номинальной стоимости. Особоуполномоченный Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке Д.Л. Хорват даже представил в Омск график и смету предстоявшего обмена²⁴.

На пути к унификации: судьба местных денег

В середине осени 1918 г. стало очевидным пагубное влияние на экономическое положение Поволжья и Урала омской практики игнорирования местных денег и суррогатов. Поэтому в октябре 1917 — феврале 1919 г. был принят ряд постановлений, касавшихся регламентации хождения местных денег. В соответствии с ними местные деньги, за исключением государственных ценных бумаг, выпущенных с разрешения Комуча, получали право временного хождения на ограниченной, четко обозначенной территории с последующим их равноценным обменом на общероссийские деньги. При этом действительными они считались только в том случае, если на них своевременно ставили штампель местных отделений Государственного банка²⁵. Пермские и екатеринбургские выпуски государственных ценных бумаг должны были принимать не только на Урале, но даже в То-

больской губернии. Владельцам поволжских и уральских облигаций и купонов к ним, выпущенных с санкции Комуча, предлагалось предъявить их в учреждения Государственного банка до 1 декабря 1918 г. для регистрации путем наложения сибирских штемпелей. Государство должно было выкупить эти облигации по номиналу в двухмесячный срок.

Такое решение правительства явилось важным шагом на пути к унификации финансового рынка, т.к. в официальном обращении оставались только наиболее значительные виды местных денег. Аннулировались более десятка видов денежных суррогатов, выпущенных в небольшом объеме и только засорявших рынок. В табл. 5. указаны только местные деньги, учет которых велся Главным управлением Государственного банка. В действительности в обороте находилось значительно больше видов местных денег, хотя совокупный объем эмиссии неучтенных выпусков был невелик.

Первоначально срок регистрации большинства местных денег был установлен к 1 декабря 1918 г. Основными держателями поволжских денежных суррогатов являлись беженцы и военно-служащие, направлявшиеся в тыл после боевых действий в Поволжье. Большинство из них не обрели еще постоянного места жительства и даже не были осведомлены о намерениях правительства изъять самарские деньги²⁶. Кроме того, средств для выкупной операции правительство не имело. Поэтому Министерство финансов продлевало сроки регистрации и выкупа, меняя условия их временного обращения.

Многие из обещанных мероприятий по унификации денежного рынка в результате так и остались нереализованными. Так случилось с краткосрочными обязательствами Комуча, ходившими на территории Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний до восстановления советской власти²⁷. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил обменять денежные знаки Оренбургского отделения Государственного банка на общегосударственные в месячный срок. Постановление ограничивало хождение этих бон административными границами Оренбургского казачьего войска. Но обмен произвести так и не успели в связи с отступлением. В отношении облигаций с самарским штемпелем власть пошла на временное признание при наличии купонных листов к ним. В дальнейшем они подлежали обмену на новые облигации в назначенные Министерством финансов сроки, что переводило их из разряда денежных суррогатов в государственные ценные бумаги²⁸. Правда, срок выплаты по этим новым облигациям не оговаривался. Правительство надеялось таким образом получить возможность аннулировать

один из самых многочисленных денежных суррогатов, не затрачивая в ближайшее время средства на денежную компенсацию их держателям. Эта мера так и не была проведена в жизнь. Облигации продолжали иметь хождение в Уральско-Поволжском регионе в качестве денежных знаков до восстановления советской власти.

Время оказалось лучшим доктором. В 1919 г. боевые действия в Поволжье и на Урале способствовали снижению остроты проблемы местных денежных суррогатов. Воевавшие стороны снабжали прифронтовые регионы миллионами рублей «сибирских» и «керенок», так как война требовала больших затрат. «Самарские» и «уральские» деньги быстро обесценились, потерялись в общей денежной массе. Они уже не имели такого влияния на экономическую жизнь, как в 1918 г. Наконец, для краткосрочных обязательств Совета управляющих ведомствами Министерством финансов был указан срок выкупа — 31 августа, а для самарских обязательств — 30 сентября 1919 г. К назначенному сроку войска Российского правительства оставили Поволжье и Урал. Реализации этого решения помешало отступление «белых». Вопрос стал актуален главным образом для беженцев, и обменом занимались сибирские отделения Государственного банка²⁹. При обмене на них накладывались штемпеля Барнаула, Екатеринбургa, Иркутска, Кургана, Омска, Томска, Челябинска³⁰. В конце августа 1919 г. Совет министров продлил сроки выкупа обоих видов суррогатов до 1 ноября 1919 г.³¹ Год спустя такой обмен производился безболезненно: номинальные суммы, предъявляемые к обмену, были невелики.

Постановления о выведении из обращения местных денежных знаков Поволжья и Урала принимались под давлением социальных и экономических обстоятельств, но не соответствовали реальным финансовым возможностям омской власти. Желая оставить себе возможность маневра, правительство в каждом постановлении об обмене денежных знаков оговаривало, что утверждение его окончательных сроков принадлежит Министерству финансов. Это позволяло откладывать мероприятия по унификации денежного обращения, и Министерство финансов пользовалось своим правом до тех пор, пока Поволжье и Урал не перешли под контроль Красной армии.

На Дальнем Востоке обмен протекал по иному сценарию, ведь здесь не было фактора надвигавшегося фронта. Первоначально срок наложения штемпелей на местные денежные знаки был установлен до 1 декабря 1918 г. Местные власти самовольно продлили его еще на месяц, 25 февраля 1919 г. Российское правительство отодвинуло окончание этой операции до 1 апре-

ля³². Реально штемпеля накладывали до конца марта 1919 г. Штемпелевание охватило почти все советские боны Дальнего Востока и деньги Временного правительства Амурской области (табл. 1)³³. Кроме того, на китайской границе в любой меняльной лавке можно было легко поставить фальшивые штемпеля³⁴. Чтобы не оставить население без средств, в сельских районах штемпелевание проводили в два приема. Сначала собирали половину денег и отправляли в административные центры. Спустя несколько недель они возвращались со штемпелями. После полного возвращения первой части бон сдаче подлежала вторая половина. Но финансовые учреждения региона не имели технических возможностей для штемпелевания денежных суррогатов в срок, а информация об обмене во многие места поступила с опозданием³⁵. Для обмена в дальневосточных отделениях Государственного банка не хватало наличных денег общероссийского образца³⁶. С осени 1918 г. и до начала весны 1919 г. в отделения Государственного банка Забайкалья, Амурской и Приморской областей почти не поступало централизованного подкрепления наличности ни для выкупа бон, ни для смягчения денежного дефицита. Подготовка к обмену понизила курс местных денег и способствовала усилению денежного кризиса на Дальнем Востоке. Срок выкупа бон и денежных суррогатов в регионе переносился несколько раз, так же, как это было в Поволжье и на Урале. Только 5 июня 1919 г. было принято решение, что до 31 июля население должно обменять боны на общероссийские деньги³⁷. Реально их обмен проводился местными властями в течение всего лета и закончился в конце августа 1919 г.

Законодательное ограничение территории обращения денежных суррогатов Дальнего Востока границами отдельных областей осложнило межрайонную торговлю. Области, в пределах которых имели хождение местные суррогаты, могли производить товарообмен с соседними регионами только на денежные знаки общероссийского образца. Поэтому происходило вымывание «романовских», «керенских» и появившихся в небольшом количестве «сибирских» денег. Небольшие города, удаленные от транспортных путей, страдали от этого особенно сильно. Истратив свои запасы общероссийских денежных знаков на закупку продовольствия в других регионах, их торговые предприятия могли продать свои товары населению только за местные боны, что препятствовало дальнейшему товарообороту. В крупных городах, где рыночные отношения были более развиты, положение оказалось не таким безысходным. Там местные боны можно было обменять у менял на общегосударственные с доплатой в 40–60%. С осени 1918 г. до лета 1919 г. нежелание

Таблица 1

Результаты изъятия из обращения местных бон Дальнего Востока в 1919 г. (руб.)

Вид денежных знаков	Выпущено	Предъявлено к штемпелеванию		Изъято из обращения	Осталось непродъявленных в обмену	
		руб.	%		руб.	%
Амурские городские разменные билеты	3 087 800	—	—	1 852 664	1 557 736	60,1
Амурские областные разменные билеты	87 001 950	—	—	84 090 040	2 570 330	96,6
Краснощечковские боны	11 296 575	10 666 885	93	10 515 655	881 090	92,2
Сибирские кредитные билеты («молотки»)	20 350 000	19 291 500	94,8	—	—	—

Источник: Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914–1924. Харбин, 1924. С. 177, 182, 212, 251.

торговцев принимать платежи местными бонами являлось широко распространенной общей тенденцией для товарного рынка Дальнего Востока. На общероссийские деньги возникал ажиотажный спрос, который способствовал быстрому росту цен на товары. Государство же отказалось официально признавать пониженный курс местных денег, что не позволяло производить пересчет зарплаты государственных служащих и рабочих по текущему курсу обмена местных денег на общероссийские³⁸. Государственные учреждения могли расплачиваться почти исключительно местными бонами³⁹. Были случаи, когда на товары, закупленные на общероссийские денежные знаки, накладывалась реквизиция с полной компенсацией владельцам, но только оплата производилась местными бонами⁴⁰. На железных дорогах бонны разрешалось брать только в уплату перевозок местного сообщения. В итоге закупленные грузы не вывозились на запад — их нечем было оплачивать⁴¹. Аналогичная ситуация складывалась с почтовыми денежными переводами. Нестабильность в регионе, вносимая сохранением в обращении бывших советских денег, вызвала требования к Российскому правительству ускорить их обмен на общероссийские денежные знаки⁴².

Частные банки, занимавшиеся спекулятивной скупкой местных бон на Дальнем Востоке, не встречали никакого сопротивления со стороны государственной власти. Само правительство, желая сэкономить средства на выкупной операции, предложило акционерным банкам якобы частным образом начать покупку всех проштампованных денежных суррогатов Дальнего Востока по цене не выше 65% от номинала⁴³. Дальневосточные банки установили своеобразную иерархию денег по видам. Производя обмен, банки гарантировали, что выданные купюры могут в течение некоторого срока быть сданы обратно в банк и будут обязательно приняты по текущему курсу. С самыми ценными видами денег («романовские» и «керенки» крупных номиналов) происходил интенсивный процесс обезличивания. Они концентрировались на банковских счетах и изымались из обращения. Банки вместо наличных денег могли выдать держателю чек, удостоверяющий возможность получения денег указанными купюрами хорошего качества. Чеки на ценные виды денег сами становились своеобразным видом денег и обладали очень высокой ликвидностью. Такая операция позволяла активно использовать ценные купюры без их амортизации⁴⁴.

В 1919 г. ряд местных денежных знаков, объем эмиссии которых был незначителен, выводился из обращения также путем обмена, но без принятия специального законодательного акта. Это делалось в инструктивном порядке. 1 мая 1919 г. управляю-

ший Государственным банком С.И. Рошковский подписал циркуляр, разрешавший местным отделениям обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов и «займа Свободы», выпущенные в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, Чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Государственного банка. Срок обмена специально не оговаривался⁴⁵. С 5 июля 1919 г. обмен на таких же условиях был распространен на облигации «займа Свободы», выпущенные в качестве денег Мензелинским отделением Государственного банка⁴⁶. Это было оправдано с точки зрения социальной. Ведь держатели поволжских и уральских местных денег, оказавшиеся в Сибири, — это, как правило, беженцы или военные⁴⁷. Однако многие местные выпуски государственных ценных бумаг, как, например, выпущенные в обращение казначейством Верхотурья, Семипалатинским отделением Государственного банка и другими кредитными учреждениями Востока России, не удостоились подобного внимания государства⁴⁸.

Интересен механизм выведения из обращения срочных чеков. В феврале 1919 г. Томское отделение Государственного банка, выпускавшее такие чеки летом 1918 г., сообщило циркулярно в другие отделения, что срок их хождения истекает 1 мая 1919 г. В случае своевременного предъявления подобных чеков в любое из отделений Государственного банка их следовало принимать и высылать в Томск для оплаты⁴⁹. Но это распоряжение коснулось немногих. Уже к началу марта 1919 г. было обменено чеков на 2 455 000 руб., а в обращении оставались только на 684 000 руб.⁵⁰ Видимо, аналогичным способом происходило изъятие акцептированных чеков, выпущенных Хабаровским отделением Государственного банка. Его удалось осуществить на 99% всего выпуска путем постепенного обмена на деньги других видов. Но механизм и обстоятельства обмена не получили освещения в историографии⁵¹.

Обзор итогов работы Главного управления Государственного банка за 1919 г. сообщает, что всего банк исчислил местных денег разных видов на 575 млн руб., из которых на 1 января 1919 г. 32 млн руб. значились как не выпущенные в обращение. К 1 июня к ним добавилось 54 млн руб., изъятых из обращения, к 1 сентября — 116 млн руб., и в кассах числилось уже 57 млн руб. Итого в обороте оставалось 402 млн руб. местных денег, учтенных к началу 1919 г.⁵² В других источниках обнаруживаются некоторые разночтения с приведенными данными. В них сообщается, что к маю 1919 г. 40,5 млн руб. были сданы в отделения Государственного банка и не выпускались обратно на денежный

рынок. В результате усилий правительства было предъявлено к штемпелеванию 257 млн руб.⁵³ К концу июля 1919 г. из обращения было выведено 116 млн руб. местных денежных суррогатов, а к 1 сентября — 209 млн руб.⁵⁴ Но даже эти цифры свидетельствуют, что лишь меньшая часть денежных суррогатов была изъята из обращения государственной властью с компенсацией их владельцам. Основная масса местных денег по окончании срока их обращения оставалась на руках у населения. Результаты обменной операции более чем скромные, и они плохо стыкуются со сведениями, введенными в научный оборот А.И. Погребецким о почти полном изъятии бонов на Дальнем Востоке. Единственное объяснение может состоять в том, что поволжские и уральские деньги почти не были предъявлены к обмену, т.к. основная часть их держателей осталась на территориях, занятых советской властью. Судьба этих денег на советской территории до сих пор мало привлекала внимание исследователей. Исключение составляет только обстоятельный анализ судьбы Оренбургских бон, сделанный О.В. Пармоновым⁵⁵.

В течение 1919 г. Российское правительство выпустило в обращение, по разным источникам, от 6 до 15 млрд руб. сибирских краткосрочных обязательств. Это привело к тому, что количество денежных знаков местного производства стало незначительным по сравнению с предшествующим годом (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика выпуска сибирских краткосрочных обязательств в 1919 г.

1 янв.	15 янв.	1 марта	3 апр.	1 мая
728 000*	1 062 000*	2 252 000*	3 933 000	5 122 533

Таблица 2 (окончание)

5 июня	10 июля	1 сент.	23 окт.
6 524 663	7 715 615	9 565 580	11 898 501

Источник: ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 82. Л. 3об.—4, 9об.—10, 19об.—20, 27об.—28, 33об.—34, 41об.—42.

* Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Нумизматика, бонистика. Фалеристика: Нумизматический сборник. Ч. XI. М. 1992. С. 148—166.

Примечание: примерно треть напечатанных денег всегда находились в кассах или на пути к ним, следовательно не успевала еще попасть в обращение.

В Поволжско-Уральском регионе значение местных денег безболезненно свелось к минимуму. В Забайкалье и на Дальнем

Востоке действия правительства по выводу из обращения денежных суррогатов оказали дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказались на материальном положении широких слоев населения, ухудшили политическую обстановку.

На пути к унификации: изъятие «керенок»

Временное сибирское правительство и унаследовавшее его финансовую систему Российское правительство были единственными государственными образованиями на востоке России, возобновившие налоговые сборы, казенную продажу спиртных напитков. Они контролировали поступления от железных дорог, почт и телеграфа, эксплуатации земельных и лесных угодий. Только правительство адмирала А.В. Колчака могло претендовать на неоспоримое лидерство в финансовой сфере и пытаться осуществить меры государственного регулирования. Но и его бюджет оказался настолько дефицитным, что можно утверждать: эмиссия сибирских краткосрочных обязательств практически не чем не подкреплялась. Особенно это становится очевидно, если произвести пересчет бюджета в сопоставимых показателях⁵⁶ (см. табл. 6.1, 6.2.)

Осенью 1918 г., когда количество «керенок» в обращении на востоке России было еще не столь велико, Временное сибирское и Российское правительства предпочли не торопиться с их изъятием. И.А. Михайлов пообещал провести денежный обмен тогда, когда в России появятся новые денежные знаки высокого качества, достаточные для обмена не только «керенок» и местных денежных знаков, но и сибирских денег. Вся унификация денежного обращения задумывалась как комплекс мероприятий. На первом этапе предполагалось вывести из обращения местные деньги, на втором — обменять «керенки», наконец, на третьем — произвести обмен сибирских краткосрочных обязательств.

Подобные планы поддерживались одной иллюзией, сыгравшей роковую роль для финансовой политики Российского правительства⁵⁷. В свое время, еще Временное правительство Г.Е. Львова заказало в Северо-Американских Соединенных Штатах крупную партию высококачественных купюр. В связи с падением Временного правительства заказ был заморожен, и в конце 1918 — первой половине 1919 г. И.А. Михайлов вел, как ему казалось, удачные переговоры о предоставлении России 70 млн купюр на сумму 3 млрд 325 млн руб. Но переговоры затянулись на много месяцев и завершились крахом. Союзники

усомнились в праве Российского правительства на получение этих денег. В исправление создавшейся ситуации сделали срочный заказ на изготовление новых купюр. Впервые речь об этом зашла еще в конце 1918 г., но вопрос об оплате удалось решить лишь осенью 1919 г. Их начали печатать для Российского правительства в самом конце 1919 г. В обращение попала только небольшая партия «американских» полтинников. Масса же готовых купюр на общую сумму 8 481 150 000 руб. так и осталась лежать на складах Нью-Йорка⁵⁸.

В тщетных переговорах упустили драгоценное время, и соотношение различных видов денег в обращении изменилось, причем далеко не в пользу Российского правительства. В апреле 1919 г. в Омске считали, что большевики выпустили более 9 млрд руб. В действительности же ими было отпечатано к этому времени свыше 15 млрд руб., основную часть которых составляли двадцати- и сорокарублевые купюры⁵⁹. «Керенки» хлынули через линию фронта на «белый» восток, увеличивая денежную массу и обесценивая рубль. В этой ситуации Российское правительство было вынуждено увеличивать эмиссию. Когда в конце 1918 — начале 1919 г. «белые» взяли Пермь и заняли Прикамье, на Урале цены поднялись в два раза из-за наплыва «керенок» из освобожденных от большевиков районов. За короткое время «керенки» наводнили финансовый рынок «белых» и стали одним из главных факторов галопирующей инфляции на востоке России. Если в ноябре 1918 г., по данным Сибирского государственного банка, в финансовом обороте Урала, Сибири и Дальнего Востока находилось 764 млн руб. «керенок»⁶⁰, то к концу весны 1919 г., по разным оценкам, — от 1,5 до 6 млрд руб. Как справедливо пишет Дж.Д. Смиль, «большевистская финансовая политика затягивала в трясины сибирскую финансовую систему»⁶¹.

«Керенки» скапливались главным образом в двух регионах — прифронтовой полосе и на Дальнем Востоке. В прифронтовой полосе это было связано с близостью территории, занятой «красными», откуда советские деньги и попадали в «белую» Россию. Стена, разделявшая два враждовавших лагеря, никогда не была совершенно глухой. Напротив, линия фронта оставалась зоной хозяйственных контактов. Причем вдоль линии фронта курс «керенок» установился выше, чем сибирских рублей, — как валюта, ходившая по обе стороны фронта, они считались более удобными⁶².

Дальний Восток — противоположная оконечность «белого» Востока России, наиболее удаленная от фронта. Но это был единственный регион, через который осуществлялись экономи-

ческие контакты с внешним миром. Деньги с Урала и из Сибири очень интенсивно перетекали на дальневосточные денежные рынки. Выпускавшиеся в Сибири краткосрочные обязательства попадали в обращение главным образом в самой Сибири и почти не доходили до Дальнего Востока. Между тем спрос на деньги в регионе был чрезвычайно высок. «Восточная окраина» России изобиловала денежными суррогатами местного значения, не имевшими никакой ценности в международной и даже межрегиональной торговле. «Керенки» за полтора года успели утвердиться здесь как средство обмена, хотя котировался этот вид денег чрезвычайно низко. Выше оценивались романовские кредитные и золотые рубли, но их было очень мало, поэтому торговать старались на «керенки». «Сибирки», высланные Государственным банком во Владивосток и Харбин в небольшом количестве, оказались на рынке в положении изгоев. Они, как и «керенки», шли на Дальний Восток с запада, обесценивая российскую валюту, способствуя росту цен. Но только «керенки» имели реальный общероссийский статус, а «сибирки» номинальный. На устоявшемся харбинском и владивостокском валютных рынках «сибирские» деньги были восприняты как очередной суррогат регионального значения. Иностранцы банки и торговые компании их не принимали, поэтому на рынке установился низкий курс покупки сибирских денег.

В апреле 1919 г. Российское правительство вернулось к идее аннуляции «керенок». Связано это было, во-первых, с описанными выше сложностями на денежном рынке, которые приняли угрожающий для сибирской валюты характер; во-вторых, с тем, что успешное наступление на фронте в последние месяцы вызвало эйфорию в правительственных кругах и в обществе. Обмен «керенок» собирались произвести не на «сибирки», а на деньги более высокого качества. Их получения по-прежнему ожидали из Америки в ближайшие недели⁶³. Ставший теперь советником министра финансов В.П. Аничков отмечал, что рекомендовал И.А. Михайлову такой способ проведения реформы только потому, что тот его убедил — купюры на несколько миллиардов рублей хорошего качества в ближайшее время окажутся в распоряжении Государственного банка⁶⁴.

Информация о проходившем за стенами правительственных кабинетов обсуждении планов денежной реформы просочилась в общество и нашла широкий резонанс в прессе. Сомнений в необходимости самой акции обмена «керенок» никто не выражал. Разногласия в общественных кругах отмечались по вопросу о способах и темпах ее проведения⁶⁵.

14 апреля 1919 г. проект Министерства финансов об изъятии «керенок» обсуждался на заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайного экономического совещания⁶⁶. По предлагаемому проекту казначейские знаки двадцати- и сорока-рублевого достоинства в течение месяца продолжали ходить в качестве общегосударственных денег. С 15 мая 1919 г. их на протяжении месяца изымали из обращения с обменом их рубль на рубль. При этом половина предъявленной в течение месяца к обмену суммы обращалась в принудительный беспроцентный заем на двадцать лет. На вторую половину суммы ее собственнику выдавалась долговая квитанция, по которой государство обязывалось расплатиться до 1 января 1920 г. С 15 июня прием начинали осуществлять по половинному курсу, т.е. четверть номинала компенсировали наличными деньгами, а на четверть — долговой квитанцией. Расплату собирались осуществить новыми американскими купюрами⁶⁷.

Обсуждение проекта выявило сомнения многих правительственных консультантов относительно его проработанности как с социальной, так и с экономической точек зрения. Они указывали, что такой способ обмена приведет к пагубным последствиям для торговли, повлечет за собой тяжелейшие социальные издержки⁶⁸. Несмотря на эту критику, в министерстве не возникло желания скорректировать законопроект с учетом высказанных замечаний и предложений. На следующий день после обсуждения на расширенном заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайном экономическом совещании Министерство финансов представило законопроект на заседание Совета министров, который принял его без возражений⁶⁹.

О грядущем обмене население было извещено через прессу за 10–15 дней до его начала⁷⁰. Нужно отметить, что голоса критиков утонули в потоке приветствий и одобрительных реплик, причем правительственный вариант реформы поддержали даже предпринимательские организации Перми и Владивостока⁷¹. Возможно, это явилось результатом усиленной пропагандистской кампании: в прессе и отдельными листовками появилось немало официозных материалов разъяснительного характера о грядущей реформе⁷².

События следующего месяца формально подтвердили оптимистические ожидания Министерства финансов. В частности, приток сбора прямых налогов в мае 1919 г. составил около 50% (см. табл. 3). Но он вобрал в себя лишь небольшую долю имевшихся в обороте «керенок». Это снизило налоговую задолженность населения, но не принесло реальных доходов казне.

Сумма сборов прямых налогов в апреле—июне 1919 г. (руб.)

Вид налога	апрель	май	июнь
Поземельный налог	1 873 938	3 458 905	1 598 140
Подоходный налог	3 184 479	4 855 364	3 913 177
Промысловый налог	2 463 903	3 082 742	2 348 742
Итого	7 522 320	11 397 011	7 860 060

Источник: Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 16. С. 21.

Основная масса «керенок» хлынула на частный рынок, где ажиотажные настроения подогрела деятельность банков. Формально все они обязывались принимать «керенки» беспрепятственно до 15 мая. На деле широко распространились меры дискриминации этих денежных знаков. Основная масса финансовых организаций и учреждений Сибири опасалась аккумулировать «керенки» перед их изъятием. Если клиент осуществлял через банк перевод, внеся в кассу «керенки», получателю выдавали деньги в таких же купюрах. Внесенные «керенками» на счета банков суммы, если владелец пожелает забрать их до 15 мая 1919 г., выдавали тоже «керенками». Чтобы ничего не потерять от номинальной суммы вклада, гражданам и организациям предлагали внести «керенки» минимум на полгода. Применялась и другая мера дискриминации: уже за месяц до начала обмена, вкладчикам выдавали только половину денег, остальное насильно переводили на шестимесячный вклад⁷³. Новые вклады, сделанные «керенками», предлагали считать сданными населению для обмена по закону Российского правительства⁷⁴. Таким образом, спасти деньги через банки оказалось невозможно — они предлагали условия, мало чем отличавшиеся от конфискационного государственного займа. Обычно частные банки стремились быстро избавиться от наличности, принятой «керенками», идя при этом на любые ухищрения. Само государство в лице своих казначейских учреждений поступало не совсем честно в отношении правительственных служащих: даже накануне реформы жалование в некоторых местах выдали «керенками»⁷⁵.

Не удивительно, что с первыми слухами о предстоящем обмене граждане начали избавляться от двадцати- и сорокарублевых денежных знаков, щедро предлагая их за любые товары и услуги. На товарном рынке в преддверии реформы наблюдалась

настоящая катастрофа. В частном секторе уже с конца апреля «керенки» почти прекратили хождение⁷⁶. Торговые предприятия отказывались их принимать. Местные власти пригрозили за это наказаниями в виде штрафов и тюремного заключения⁷⁷. Реакция рынка на насильственные меры не заставила себя ждать — чтобы переждать «опасный» период многие магазины и лавки просто прекратили торговлю. Народ рыскал по рынкам, пытаясь сделать крупные закупки, стремясь избавиться от злосчастных денежных знаков. Крестьяне тоже среагировали вполне естественно: подвоз продовольственных товаров на городские рынки почти прекратился — крестьяне не хотели получать за них «керенки». Усилился дефицит продовольствия, подскочили базарные цены. Но и снабжение деревни промышленными товарами частные торговцы прекратили. Лавочники опасались торговать⁷⁸. И без того хромавший товарообмен между городом и деревней в считанные дни совершенно расстроился.

Правда, некоторые торговые предприятия выбрали иную тактику поведения на рынке. Принимая «керенки» до последних дней их легального хождения, многие магазины получали огромную выручку. Приезжавшие из деревень крестьяне брали все, что лежало на прилавках, оставляя в магазинной кассе каждый по несколько тысяч рублей в двадцати- и сорокарублевых купюрах⁷⁹. Но это были редкие исключения.

Особенно тревожная ситуация наблюдалась в Забайкалье и на Дальнем Востоке, где «керенки» являлись основной российской валютой. На постановление Совета министров о прекращении обязательного приема «керенок» харбинский и владивостокский денежные рынки отреагировали ростом курса иностранной валюты и золотого рубля. При этом ценность сибирского рубля сильно упала. Через месяц после объявления о реформе за него давали только треть от прежней цены⁸⁰. Основные капиталы торговой буржуазии Приморья и Маньчжурии заключались в «керенках». Правительство предлагало заменить их ничем не обеспеченными квитанциями государственного займа. Естественно, что такая реформа вызвала саботаж среди наиболее экономически влиятельных, спекулятивных кругов. Представители торгово-финансовой буржуазии Маньчжурии просили продлить в их регионе обмен на 3–6 месяцев и выслать в кредитные учреждения подкрепление для проведения обмена рубль в рубль, отмечая, что в противном случае произойдет рост цен, сокращение закупочных операций, что в конечном итоге негативно отразится на потребительском рынке Сибири⁸¹.

Проблемы с проведением реформы возникли и на другом географическом «полюсе» колчаковского государства — в при-

фронтовой полосе. Известие о реформе вызвало негативную реакцию в действующей армии, которая была одним из основных каналов проникновения «керенок» в Сибирь⁸². С изъятием двадцати- и сорокарублевых купюр из обращения «большевистский комиссар и красноармеец перестали быть для солдат пирожками с начинкой из “керенок”»⁸³. Генерал Г.А. Вержбицкий в своем отчете от 1 июля 1919 г., объясняя причины отступления Белой армии, отмену «керенок» поставил в один ряд с такими факторами, как плохое снабжение армии и крупные людские потери⁸⁴. Аналогичное влияние на солдат фактов изъятия из обращения «керенок» отмечали и другие мемуаристы⁸⁵.

С целью снижения недовольства в действующей армии Российское правительство разрешило «в виде исключения» обменивать солдатам и офицерам «керенки» наличными рубль за рубль до 15 июня 1919 г. Лишь после 15 июня на фронте стали выдавать квитанции о приеме «керенок»⁸⁶. Поскольку эта мера проводилась как исключительная, она, видимо, коснулась не всех фронтовых частей. Мы не располагаем статистикой, позволяющей судить о том, какая сумма была обменена солдатам и офицерам на наличные сразу и без принудительного займа.

Одной из ключевых проблем стало отсутствие технического аппарата, способного произвести обмен денег населению в обозначенные в законе кратчайшие сроки. Ситуация усугублялась очень низкой скоростью распространения информации о предстоящей реформе. Крайние районы страны представляли настоящую «антропологическую пустыню». Были места, куда сведения о сроках и порядке обмена «керенок» поступали уже после официального завершения обмена. Для некоторых местностей власти согласились сделать исключения, установив другие сроки и механизмы обмена (например, Уральская область, горнодобывающие предприятия Джезказгана и Байконура)⁸⁷. Для других (Камчатка, Сахалин, казахские степи, Якутия, Чукотка, сибирская тундра и лесотундра, населенная кочевыми народами⁸⁸) такие исключения делать отказались. Особенно негативные последствия имел отказ скорректировать условия обмена «керенок» для территорий Китая.

К приему «керенок» были привлечены отделения Государственного банка и сберегательных касс, а на условиях комиссионного вознаграждения — частные банки, земские и кооперативные учреждения. В крупных городах это позволило быстро произвести обмен и выдать населению все необходимые документы. Но во всех других местах обменная операция выглядела весьма архаично. Кассы приема высылали в ближайшие отделе-

ния Государственного банка посылки с деньгами и описями сдатчиков. Банковские отделения тем же путем передавали обратно именные квитанции и уведомления о приеме денег на двадцатилетний вклад⁸⁹. Однако во многие деревни пришло не официальное объявление об обмене, а только слух, которому жители не охотно верили. Выждав до 15 мая, убедившись, что слух достоверен, сельчане обнаруживали, что деньги сдавать уже поздно. Нередко жители отдаленных деревень не укладывались в месячный срок из-за плохой обеспеченности транспортом или неблагоприятных погодных условий. Сельские сходы подчас принимали постановления о продлении срока обмена или о продолжении обязательного приема «керенок» на территории волости, невзирая на закон⁹⁰.

Очевидно, что город и деревня, центральные и отдаленные районы были поставлены в неравное положение. Большая часть населения в результате реформы понесла убытки, так как отмененные деньги остались у них на руках. В секретных отчетах Штаба Верховного главнокомандующего отмечалось массовое недовольство ходом проведения обмена «керенок»⁹¹. Однако правительство упорно отказывалось восстановить социальную справедливость во имя мифической эффективности реформы.

В последний месяц перед отменой хождения «керенок» правительство старалось посылать в Забайкалье и на Дальний Восток для выплаты заработной платы, оплаты государственных заказов и таможенных пошлин Китаю за провоз через границу российских грузов только «сибирские» рубли. Если весной 1919 г. рабочие и служащие Дальнего Востока предпочитали получить свою зарплату сибирскими рублями, а не местными денежными знаками, то после 15 мая 1919 г. выдача зарплат «сибирками» стала вызывать повсеместный протест ввиду падения рыночного курса. В Маньчжурии торговые предприятия «сибирки» вообще не принимали. Здесь «бюджетники» попали в ситуацию, когда на выдаваемую зарплату не только ничего не могли купить, но и все их сбережения в одночасье потеряли всякую ценность. Единственным выходом оказалась эмиссия новых местных денежных суррогатов.

Отмена «керенок» усилила озлобление широких слоев населения Дальнего Востока, сыграла заметную роль в ухудшении политической обстановки. Власть сама толкала общество в оппозицию. Этим широко воспользовались партизаны и подпольщики для организации забастовок среди недовольных железнодорожников⁹². В Сибири также просчеты финансовой политики

Российского правительства активно использовали большевики. В обращении Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров к трудящимся Сибири 16 августа 1919 г. сообщалось, что все оставшиеся на руках у населения «керенки» признаются большевиками за полноценное средство платежа в отличие от денег Российского правительства⁹³. Непопулярность обмена была настолько велика, что в августе — сентябре 1919 г. в районах партизанских восстаний, охвативших тыл Российского правительства, хождение «керенок» восстанавливалось, а «сибирские» деньги партизаны объявляли недействительными⁹⁴.

Эффективность мероприятия по обмену «керенок» можно оценить, проанализировав динамику их выведения из денежного оборота с апреля по сентябрь 1919 г. (см. табл. 4). Следует учесть, что с 16 июня по 15 июля 1919 г. «керенки» принимались в государственных финансовых учреждениях с выдачей квитанции на 50 коп. за один сданный рубль. При этом половина сданной суммы по-прежнему обращалась в двадцатилетний беспроцентный заем и только на 25% принятых денег выдавалась квитанция. С 16 июля курс обмена был понижен до 25 коп. Охотников обменять «керенки» по такому низкому курсу находилось немного. Для стимуляции обмена Государственный банк пошел на смягчение его условий — четверть от номинала сдаваемой суммы выдавалась наличными сразу, займу сданные после 16 июля 1919 г. «керенки» не подлежали⁹⁵. Небольшие суммы банки продолжали принимать до ноября 1919 г. Подавляющая часть этих «керенок» была оплачена наличными на 100, 50, 25% в зависимости от обстоятельств, сроков сдачи и наличия свободных средств у отделений.

Таблица 4

**Количество «керенок», принятых в отделения
Государственного банка (млн руб.)**

Дата	23 апреля	16 мая	1 июля	1 августа	1 сентября
Сумма	11	610	959	1085*	1100/1120*

Источники: ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 1. Л. 33об.—35 (опубликовано в: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 12).

* ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 218. Л. 2—621. (В этом деле хранятся по-недельные отчеты о поступлении «керенок» во все казначейства Востока России.)

Необходимо напомнить, что по приблизительным оценкам специалистов в обращении на территории «белых» находилось до 9 млрд руб. «керенок». Следовательно, скорее всего из обращения была изъята их меньшая часть. Причем на сумму около 350 млн руб. государству пришлось списать налогов, еще более 250 млн руб. изъятых денег — оплатить по полной стоимости, так как они попали в государственные финансовые учреждения до начала официального обмена. Лишь около 300 млн руб. были обменены на квитанции. Идея массового принудительного государственного займа завершилась неудачей. Вызвав серьезные социальные потрясения, реформа не привела к существенному сокращению количества денег в обращении. Разработав ее в расчете на продвижение Белой армии в западном направлении, Российское правительство совершенно не просчитало последствия отступления, на фоне которого пришлось проводить «обмен». Обещая гражданам компенсировать изъятые «керенки» в течение второй половины 1919 г., власти в очередной раз сделали ставку на получение американских купюр. Оптимизм правительства не имел под собой никакого основания. Оба условия успешного развития реформы оказались нереализованными. Недооценка дальневосточной и прифронтовой специфики также привела к серьезным негативным последствиям.

Вместо стабилизации экономики денежная реформа по изъятию «керенок» привела к полной потере правительственного контроля над финансами, уронила авторитет едва начавшего завоевывать популярность «сибирского» рубля, настроила против правящей власти все слои населения, особенно крестьянство и буржуазию, являвшихся самыми крупными держателями этих денежных знаков, а на Дальнем Востоке и железнодорожников, от которых зависела единственная связывавшая Восток России с внешним миром транспортная артерия.

Новый виток децентрализации — последствия унификационных мероприятий

Непреодолимый денежный кризис и финансовая политика Российского правительства поставили государственную власть в положение Ахиллеса, неспособного догнать черепаху. Меры правительства могли оказаться действенными только при достаточном удовлетворении государством спроса на мелкие денеж-

ные знаки. В противном случае местные власти или даже само население вынуждено было решать эту проблему собственными силами, подчас используя меры, не вписывавшиеся в правительственный курс.

Изъятие из обращения «керенок», а затем и местных денежных знаков 1917–1918 гг. выпуска нисколько не сгладило ситуацию на рынке и не придало большего веса государственной кредитной политике. Денег по-прежнему не хватало, поэтому, не дожидаясь санкции высших органов, некоторые местные административные и муниципальные органы власти отважились на новые выпуски денег.

Первым по времени стал выпуск 20 млн руб. бонами Русско-Азиатского банка, заказанных в Америке для Правления КВЖД. О разрешении на выпуск этих бон Российское правительство просило Управление КВЖД, правление Русско-Азиатского банка, городской совет станции Маньчжурия и другие организации⁹⁶. Однако выпустить их пришлось без санкции правительства. Великолепно исполненные, они были обязательны к приему только в кассах КВЖД и банка-эмитента, но ценились на рынке наравне с «романовскими». Можно указать еще два крупных и влиятельных эмитента. На американской сетчатой бумаге, перехваченной атаманом Г.М. Семеновым на пути из Владивостока в Омск, Читинским отделением Государственного банка в феврале 1920 г. было отпечатано 500 млн руб. и в первой половине 1920 г. еще столько же. Выпуск третьей серии на 500 млн руб. не был осуществлен ввиду сильного падения курса этих бон. Владивостокское отделение в декабре 1919 г. выпустило с собственным штемпелем облигации 4,5%-ного государственного займа 1917 г. американского изготовления на 178 млн руб. и купонов к ним на 75 млн 420 тыс. руб. В первом квартале 1920 г. тот же эмитент выпустил 1000-рублевых чеков на сумму 502 млн 50 тыс. руб.⁹⁷ Важно, что оба эмитента воспринимали свою власть как суверенную, обладавшую всеми правами принимать решение об объемах и условиях эмиссии.

В 1919 г. огромное количество новых денежных суррогатов появилось и в других регионах. Большинство из них имели не региональное, как в 1918 г., а локальное значение. Их эмитентами могли выступать государственные кредитные учреждения или местная администрация. Например, Екатеринбургское отделение Государственного банка выпустило 50-копеечные разменные марки, Пермское отделение — временные разменные

чеки различного достоинства. Так, Амурская областная земская управа во второй половине 1919 г. выпустила в обращение земские марки в 50 коп., 1, 3 и 5 руб. на сумму 18 млн руб.⁹⁸ Но если в 1918 г. деньги местных административных или муниципальных органов, либо государственных кредитных учреждений явно доминировали, то в 1919 г. они могли занимать скромное положение среди многих видов денежных знаков других эмитентов. Чаще всего ими выступали торговые предприятия, выпускавшие боны с целью облегчить обмен денег внутри собственной торговой сети. Например, в начале 1919 г. Уфимский губернский союз кооперативов выпустил для расчета с рабочими своего Никольского чугуноплавильного завода расчетные квитанции 5- и 10-рублевого достоинства на сумму 100 000 руб. Они обеспечивались имевшимися у союза купюрами 25-тысячного достоинства и имуществом, принимались в кооперативах Златоустовского уезда и были настолько авторитетны, что имели свободное хождение в окрестных деревнях⁹⁹.

Собственные боны выпускали многие горнодобывающие предприятия востока России¹⁰⁰. Большинство горных округов Урала весной 1919 г. имели собственные чеки или обязательства. Они не были обязательны к приему в государственной торговле и кредитных учреждениях, хотя и имели широкое хождение на рынке¹⁰¹. На Урале государство не пыталось вмешиваться в местное денежное обращение. В лучшем случае, заводские выпуски были обеспечены крупной наличностью, хранившейся в кассе завода или на его банковском счете. В худшем — обеспечением объявлялось имущество завода, которое, подчас, оказывалось совершенно неликвидно. Подобные выпуски были, как правило, очень плохо защищены от подделки, с появлением которой эмитент начинал принимать деньги с перебоями. Главным бичом кустарного производства денежных знаков оставалась их очень плохая обращаемость. Они быстро скапливались на руках у держателей, и эмитенту приходилось прибегать к дополнительным выпускам. На уровне небольших предприятий такая «инфляция» оборачивалась обычно не падением курса, а прекращением к приему в платежи.

Только в глухих углах и при наличии в округе «предприятия-гегемона» удавалось ограничиться одним видом бон. В крупных селах тоже существовали собственные боны и, как правило, сельские жители тоже ограничивались одним видом¹⁰². Наименьшей локализации оказались подвержены денежные рынки

Северо-Востока России — Якутии, Камчатки и Чукотки. Их особенность состояла в том, что там вообще не было почти никаких денег. Местные выпуски были предприняты только в 1920 г., несмотря на острейший денежный кризис. Вся торговля происходила в обмен на золото, естественно, по очень низкому курсу, потому что в ситуации дефицита торговцы диктовали условия и играли на искусственном повышении цен¹⁰³.

В крупных городах конкурентная ситуация накладывала свои особенности на функционирование денежного рынка. Даже в Омске, где в целом картина была более-менее благоприятной, и все виды общероссийских денежных знаков до лета 1919 г. принимались на рынке по одному курсу, недостаток разменной монеты вынуждал магазины, рестораны, парикмахерские и т.п. заведения выпускать собственные разменные боны. За пределами Омска разница курсов на романовские, керенские, сибирские деньги, купоны «займа Свободы» установилась гораздо раньше¹⁰⁴. В Тюмени уже летом 1918 г. свои заменители денег в виде купонов, квитанций и расписок выпускали Тюменское общество домовладельцев, рестораны, парикмахерские, магазины¹⁰⁵. В Харбине, по сведениям издательства газеты «Новости жизни», только 16 крупных торговых предприятий, в том числе аптеки и клубы служащих, ремесленников, спортсменов, выпускали собственные денежные знаки¹⁰⁶. А.И. Погребецкий насчитал 22 торговые организации, эмитировавшие свои боны. Причем его сведения не во всем совпадают с данными газеты¹⁰⁷. В Амурской области в конце 1919 г. имело хождение несколько частных бон: Главного продовольственного комитета Амурской железной дороги, Благовещенского городского общества потребителей, авансовые карточки Амурского областного кредитного союза и Амурского областного союза кооперативов «Амурский кооператор», Зейского кооператива¹⁰⁸.

Часто подобные денежные суррогаты были элементарной распиской торговца на клочке бумаги. Их нельзя считать настоящим денежным знаком. Но многие доморожденные эмитенты пользовались разными способами защиты своих «денег» — особый вид печати, номера, т.е. придавали им вид денежных знаков. Местные власти пытались бороться с этим явлением. Однако законных претензий эмитентам предъявить было невозможно, так как каждое предприятие имело право выпускать свои кассовые ордера или долговые расписки любого вида¹⁰⁹. Поскольку эмитенты не претендовали на обязательное и свободное хождение своих платежных средств, правовых или административных

способов бороться с засорением рынка подобными денежными суррогатами не было. Оставались экономические меры, но на этом поприще власть оказалась бессильна. Да и бороться с естественной саморегуляцией денежного рынка было опасно. Как ни парадоксально, некоторые бонны обменивались на рынке полным рублем и даже выше. Общероссийская валюта не вызывала доверия, а солидная фирма гарантировала предъявителю своих бонн продажу товаров или оказание услуг на указанную сумму. Поэтому бонны известных фирм становились предметом накопления и очень плохо возвращались обратно в кассы. На рынках стали появляться подделки. Это вынуждало эмитентов предпринимать новые выпуски и искать новые способы защиты.

* * *

Появление суррогатных денежных знаков в финансовом обращении России в годы Гражданской войны явилось объективным следствием денежного дефицита, порожденного политикой предшествующих лет, и распада связей между отдельными регионами. Их существование усугубляло и без того сложное финансовое положение контрреволюционных правительств, вызванное острым недостатком средств в государственной казне. Руководители финансовой политики сибирской контрреволюции понимали необходимость унификации денежного обращения и пагубность существования в обороте денежных суррогатов. Но борьба с этим явлением путем одних административных запретов или ограничений не могла стать эффективной. Восстановление связи между финансовыми учреждениями страны и создание достаточного запаса качественных денежных знаков общероссийского образца для замены суррогатных купюр полноценными являлось необходимой экономической предпосылкой для успешной унификации денежного рынка. Без этого деятельность Российского правительства по регулированию денежного обращения привела к потере и без того слабого государственного контроля над денежными потоками и оказала дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказалась на материальном положении населения. Не только крестьянство и рабочий класс, но и государственные служащие и даже буржуазия понесли большие убытки от некомпетентных действий властей. Финансовые мероприятия Российского правительства стали одним из важнейших факторов, способствовавших массовому переходу населения в лагерь оппозиции.

В условиях глубокого экономического кризиса деньги перестают быть не только выгодным средством накопления, но и нормальным средством платежа. Именно в этот период для компенсации дефицита ликвидности участники рынка пытаются заменить общенациональные деньги их суррогатами (местными деньгами и бонами). В эпоху революция и войн ситуация усугубляется распадом единого политического пространства, что неизбежно ведет и к фрагментации денежного финансового пространства.

История местных эмиссий рисует порочный круг. По мере роста бюджетного дефицита и инфляции, денежный голод начинает ощущаться, прежде всего, как недостаток мелких разменных знаков. Любая власть долго воздерживается от выпуска новых видов денег и идет на этот шаг лишь при крайней необходимости, когда утоление денежного голода становится острейшей задачей. Поэтому начинают с выпуска крупных купюр, чтобы удовлетворить сразу максимум требований оплаты долгов, развязать цепочку крупнейших неплатежей. Но это усиливает дефицит мелких знаков, люди припрятывают последние разменные деньги прежних образцов выпуска. Кроме того, цены подтягиваются к господствующим на рынке номиналам, округляются. Политика эмитента усугубляет инфляцию.

Появление множества видов денег было не случайностью, а жесткой исторической закономерностью. Оно означало, что основные общенациональные деньги не только превратились в дефицитный товар, но и потеряли свойства абсолютной ликвидности. Однако и местные суррогаты общенациональных денег не обладали этим качеством. Они действительно восполняли недостатки разлагавшейся общенациональной денежной системы: сглаживали в острые моменты дефицит денег, как наличных, так и безналичных, восстанавливали баланс между крупными и мелкими купюрами. На региональных и местных рынках складывалась ситуация абсолютной конкуренции между эмитентами — как раз то явление, о котором много лет спустя написал Ф.А. Хайек как о нормальном состоянии денежной системы. В этом случае потребитель действительно мог свободно выбирать между наиболее успешными эмитентами, способными лучше конкурентов обеспечить свои знаки товарами и уберечь их от обесценивания. Но это свойство денег могло проявить себя только на уровне локального сообщества и только в краткосрочной перспективе. Более того, сама необходимость в

появлении местных денег возникала лишь при дефектах общенациональной денежной системы и с их ликвидацией исчезала.

Россия периода революции и Гражданской войны представляет собой эмпирическое поле для проверки теории и демонстрирует существование большого количества не учтенных Ф.А. Хайеком побочных проблем, возникающих в ситуации конкуренции валют. Обнаруживается важнейшая роль денег как регулятора не только экономических, но и социальных отношений. На денежном рынке нет места абсолютному плюрализму. За макроэкономической конкуренцией скрывается множество эмитентов-монополистов, многообразие обстоятельств, случайных с точки зрения экономики, когда участников рынка монопольным образом принуждают потреблять определенные виды денег. Причем это деньги с очень ограниченной ликвидностью. Деньги становятся источником социальных конфликтов и объектом социальной борьбы.

Сглаживая одни недостатки фондового рынка, многообразие денежных знаков оплаты порождало другие. В частности, ликвидность местных денег и бон замыкалась в пределах локального или регионального пространства, и это усиливало и институционализировало распад экономических связей. Колоссальными были социальные издержки обращения на рынке множества видов денежных знаков. Конкуренция эмитентов вела к полной деформации принципа социальной справедливости, в соответствии с которым производитель получает вознаграждение в денежном выражении и возможность его использовать. Общество тратило огромные усилия на восстановление символической сопоставимости разных видов денег (путем установления курсов, обмена и т.д.) и боролось за восстановление единства денежного пространства. Издержки данного процесса были огромны и еще сильнее снизили ослабленный экономический потенциал.

Демонополизация денежной эмиссии несла в себе заряд величайшей социальной несправедливости. Она была еще менее предсказуема, чем традиционная денежная ситуация, увеличивала риск перекладывания экономических издержек государственной власти на предпринимательский сектор и домашние хозяйства, а предпринимателей — на домашние хозяйства. В конце концов, ответственность многих эмитентов перед потребителями денег, даже совокупная, оказывалась несколько не выше, чем ответственность государства. Зато демонополизация денег сделала государство бессильным перед лицом стихии рынка.

Таблица 5

Местные денежные знаки, находившиеся в обращении на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1918—1919 гг.

	Территория	Наименование денежных знаков	Виды денежных знаков	Сумма, находившаяся в обращении (руб.)	Постановления, допускающие хождение денежных знаков
1.	Приморская и Сахалинская обл.	приморские	кредитные билеты	3 000 000*/*** 2 000 000**	—
2.			акцентированные чеки	1 500 000*/*** 2 500 000**	—
3.			облигации военного займа и займа свободы	2 189 500**/***	—
4.	Забайкальская обл.	читинские	сибирские кредитные билеты	24 274 000** 20 350 000*/***	АС от 17 октября 1918 г.
5.			гербовые марки	413 000*/** 443 000****	—
6.			государственные процентные бумаги различных выпусков	3 932 910** 3 481 000* 912 460****	—
7.			марки почтовые, контрольные и марки сберегательных касс	3 481 000***	—
8.	Территория не указана	верхнеудинские	досрочные купоны облигаций займов	5 939 978* 6 071 892****	—

Таблица 5 (продолжение)

	Территория	Наименование денежных знаков	Виды денежных знаков	Сумма, находившаяся в обращении (руб.)	Постановления, допускающие хождение денежных знаков
9.	Амурская обл.	амурские	городские разменные билеты	685 000* 1 021 630** 3 078 800***	—
10.			советские бонны («мухинки»)	87 174 350* 2 539 200** 68 636 750***	АС от 17 октября 1918 г.
11.			советские бонны (бонны крассовета)	5 255 000*	—
12.			амурские разменные билеты	около 18 000 000*/** 18 365 200***	АС от 17 октября 1918 г.
13.	Хабаровский район	хабаровские	краснощечковские бонны	11 396 500** 11 396 575*/**	АС от 17 октября 1918 г.
14.			акцептированные чеки	2 359 400*/**	—
15.	Уфимская, Оренбургская и Самарская губ.	уфимские	краткосрочные обязательства	70 000 000*/**	СМ от 20 дек. 1918 г.
16.	Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская и Тобольская губ..	уральские	советские бонны	нет сведений***	СМ от 25 февр. 1919 г.
17.			бонны Екатеринбургского отделения госбанка	1 500 000*/**	СМ от 25 февр. 1919 г.

Таблица 5 (окончание)

Территория	Наименование денежных знаков	Виды денежных знаков	Сумма находившаяся в обращении (руб.)	Постановления, допускающие хождение денежных знаков
18. Оренбургская губ.	оренбургские	боны	163 000 000**	СМ от 13 февраля 1919 г.
19. Территория Комуч	самарские	облигации военных займов и займов свободы	203 950 940**	АС от 23 сент., СМ от 10 дек. 1918 г.
20. Томск	томские	акцептированные чеки	31 400 000*/**	—
21. Прикамье	ижевские и воткинские	облигации военных займов со знаками заводов	нет сведений*	—
22. Туркестан	туркестанские		2230,5*	—
23. Семиреченская обл.	семиреченские		455 000**	—
24. АО кузнецких каменных и угольных копей	кузнецкие	платежные ордера	нет сведений* 950 000****	—
25. Красноярск	красноярские	разменные чеки	550 000*	—
26. Полоса отчуждения КВЖД	харбинские	боны	20 000 000****	—

Примечание: АС — Административный совет Временного сибирского правительства; СМ — Совет министров Российского правительства.

Источники: * ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 49–55об.; Д. 3. Л. 113;

** Приамурье (Благовещенск). 1919. 3 янв.; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 2–3.

*** Погребешкий А.И. Денежное обращение... С. 151, 154, 178, 179, 205, 206, 248, 323.

**** ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

Таблица 6.1

**Помесячные доходы и расходы Временного сибирского правительства и Российского правительства
в номинальных и сопоставимых ценах (тыс. руб.)**

Показатели	1918 г.						
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
Доходы в сопоставимых ценах	2040	2207	1951,6	1847,2	3489	3887	
Расходы в сопоставимых ценах	11 542	12 526	7372,6	9393,9	16 770	15 695	
Совокупные доходы в номинальных ценах	25 500	53 093	85 621	122 566	19 2347	270 083	
Совокупные расходы в номинальных ценах	144 280	300 860	42 3735	611 613	947 003	1 260 903	
Совокупные доходы в ценах 1913 г.	2040	4247	6198,6	8045,8	115 348	15 421,8	
Совокупные расходы в ценах 1913 г.	11 542	24 068	31 440,6	40 834,5	57 640,5	73 299,5	
Коэффициент	0,08	0,08	0,06	0,05	0,05	0,05	0,05

Таблица 6.1 (окончание)

Показатели	1919 г.							
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь*	июль*	август*
Доходы в сопоставимых ценах	3576,3	3226,4	4854,7	1230,3	2609,7	1708		
Расходы в сопоставимых ценах	19 253,4	17 340	17 565,9	26 042,5	27 179,8	24 264,2		
Совокупные доходы	359 490	457 260	630 641	730 776	849 398	944 295	1 015 468	1 098 468
Совокупные расходы	1 742 239	2 267 703	2 895 056	4 027 341	5 262 789	6 610 799	8 081 478	9 685 988
Совокупные доходы в ценах 1913 г.	18 998,1	22 224,5	27 079,2	28 309,5	30 919,2	32 627,2		
Совокупные расходы в ценах 1913 г.	92 552,8	109 892,8	127 458,7	153 501,2	180 681	204 945,2		
Коэффициент	0,04	0,033	0,028	0,023	0,022	0,018		

Источники: Правительственный вестник. 1919. 6, 7 февр.; Вестник Министерства финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 5. С. 21–22; № 6. С. 2; № 8–9. С. 26; № 13. С. 15; № 14. С. 2; № 15. С. 21; № 16. С. 21–22; № 17. С. 15–17; № 18. С. 16; № 20. С. 15; № 23. С. 9; № 25. С. 6; ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 8. Л. 2, 3, 5, 8, 11, 35, 37.

Сведения для подсчета коэффициента падения стоимости рубля: Дальний Восток (Владивосток). 1919. 23 авг. В данном источнике за начало отсчета взято 1 янв. 1915 г.

* Данные за июнь — август 1919 г. являются результатом авторского экспертного анализа методом экстраполяции данных по отдельным налоговым сборам на весь объем прироста доходов.

Таблица 6.2

**Дефляция приближительного месячного распределения доходов и расходов Российской Федерации (тыс. руб.)
за вторую половину 1919 г. с применением золотого и валютного коэффициентов**

Показатели	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
	Доходы	71 173	83 000	100 383	100 383	100 383
Расходы	1 470 679	1 604 510	2 147 102	4 294 203	4 294 203	3 578 504
Совокупные показатели	1 015 468	1 098 468	1 198 851	1 299 334	1 399 617	1 500 000
Совокупные расходы	8 081 478	9 685 988	11 833 090	161 272 929	20 421 496	24 000 000
Доходы	2135,2	1909	1405,3	903,4	602,3	451,7
Расходы	44 120	36 903,7	30 059,5	38 647,8	25 765,2	16 553,3
Совокупные показатели	34 762,4	36 671,4	38 076,7	38 980,1	39 582,4	40 034,1
Совокупные расходы	249 065,2	285 968,9	316 028,4	354 676,2	380 441,4	396 994,7
Коэффициент	0,03	0,023	0,014	0,009	0,006	0,0045
Валютный коэффициент	1032	830	803	501	271	250
Расходы	21 325	16 045	17 176,8	21 471	11 594,3	8946,2

Таблица 6.2 (окончание)

Показатели		июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Валютный коэффициент	Совокупные доходы	33 659,2	34 489,2	35 292,2	35 793,2	36 064,2	36 314,2
	Совокупные расходы	226 270,2	242 315,2	259 429	280 900	292 494,3	3 011 440,5
	Коэффициент	0,0145	0,01	0,008	0,005	0,0027	0,0025

Источники: ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 43. Л. 144, 147–148; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока во время войны и революции. Харбин, 1924. С. 30, 252.

Примечание. За сентябрь — декабрь обобщенные данные о доходах и расходах взяты из доклада министра финансов П.И. Бурыйшкина. При составлении таблицы номинальные доходы распределены автором по месяцам равномерно, а расходы — с учетом производимой эвакуации и сокращения территории в пропорции: на сентябрь — 15, на октябрь и ноябрь — по 30, на декабрь — 25%. Коэффициент сопоставимых цен для второй половины 1919 г. дополнен коэффициентом падения стоимости сибирских денег в обмен на золото и иены. За период лета 1919 г. они практически совпадают. Зато курс валютного обмена сибирских денег рисует совершенно иную динамику. На валютном рынке обвал сибирского рубля произошел уже в июле — августе 1919 г. Причем этот коэффициент ближе к рыночным ценам. Поэтому, за второе полугодие отдельно профдефлированы доходы и расходы правительства по валютному коэффициенту. Результаты этой дефляции представляются более объективными. Сведения о курсе сибирского рубля в пересчете на золото за июль — декабрь 1919 г. взяты по читинской бирже (Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 252), а валютный курс просчитан как средний по Харбинской и Владивостокской биржам (Там же. С. 30).

Примечания

- ¹ Тхоржеский Р.И. Отечественная бонистика. Киев, 1988. С. 10–11.
- ² Хайек Ф.А. Частные деньги. М., 1996.
- ³ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914–1924. Харбин, 1924.
- ⁴ Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005; Пастухова Е.И. Финансово-денежная деятельность политических режимов на Дальнем Востоке России 1917–1924 гг. Благовещенск, 2006.
- ⁵ Козлов В. Боны и люди: Денежное обращение Урала (1840–1933): опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000; Парамонов О.В. «Дутовки». Боны Оренбургского отделения Государственного банка в 1917–1918 г. М., 2005.
- ⁶ Атлас З. Очерки по истории денежного обращения в СССР. М., 1940. С. 50; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927 гг.). М., 1927. С. 71.
- ⁷ Наволочкин Н. В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Владивосток, 1966. № 4. С. 153–158; Он же. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5–21.
- ⁸ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 250.
- ⁹ Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003. Цит по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Edidovich.htm>
- ¹⁰ Козлов В. Боны и люди... С. 67–69, 87, 93, 100–101 и др.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 28. Л. 14; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1976. С. 161.
- ¹² Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). № 4. Ст. 20; Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 18. Л. 35; Д. 13. Л. 9; Д. 58. Л. 20об.
- ¹³ Собрание узаконений... № 5. Ст. 33; ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 53; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 4.
- ¹⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли... 1919. № 7. С. 2. О.В. Парамонов полагает, что вероятнее всего эмиссия превысила 200 млн руб. (см.: Парамонов О.В. «Дутовки»... С. 342).
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 8.
- ¹⁶ СУР ВСП. № 14. Ст. 126.
- ¹⁷ Флеров В.С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского краеведческого областного музея. Томск, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11–12.
- ¹⁸ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006. С. 106–107.
- ¹⁹ Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 181–182.

²⁰ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 апр. К этим идеям, изложенным в брошюре В.П. Аничкова «Наши финансы и путь к их исправлению», осенью 1918 г. проявил большой интерес И.А. Михайлов, предлагавший в октябре 1918 г. В.П. Аничкову занять в Сибири пост директора Государственного банка или Кредитной канцелярии. (Аничков В.П. Екатеринбург—Владивосток... С. 195).

²¹ Парамонов О.В. «Дутовки»... С. 233—241; ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 3, 14, 15, 18, 141—142, 147, 149об., 153, 155—157.

²² ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 83—84.

²³ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 5. С. 9.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 23, 79, 91, 188, 272; Сибирская речь (Омск). 1919. 27 февр.; Русская армия (Новониколаевск). 1919. 5 марта.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 66об.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства, издаваемое правительствующим сенатом (Омск) (далее — СУР РП) 1919. № 5. Ст. 52—54; Правительственный вестник (Омск). 1919. 3 янв., 18 февр., 8 марта.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 230, 230об.

²⁷ Правительственный вестник. 1919. 3 янв.; ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 28, 29.

²⁸ Правительственный вестник. 1919. 28 февр.

²⁹ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 174; Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 14—14об., 18.

³⁰ Козлов В. Боны и люди... С. 72.

³¹ Правительственный вестник. 1919. 3 сент.

³² СУР РП. № 5. Ст. 52.

³³ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 181—183, 251.

³⁴ Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 12 июня.

³⁵ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 1 дек.

³⁶ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 5 февр.

³⁷ Правительственный вестник. 1919. 9 июня; Амурская жизнь. 1919. 9 июня.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 143. Л. 14—14об.

³⁹ Земская жизнь Приморья. 1918. № 5. С. 5.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 288, 289.

⁴¹ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги. 1918. 27, 28 окт.

⁴² Амурское эхо. 1919. 4 марта.

⁴³ Журналы и протоколы заседаний Совета верховного уполномоченного на Дальнем Востоке. Владивосток, 25 февраля — 19 августа 1919. Харбин, 1919. С. 6; ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 61.

⁴⁴ Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 18.

⁴⁷ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 12 авг. Приложение.

⁴⁸ Бумажные денежные знаки... С. 105, 171.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 140. Л. 4.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 55.

⁵¹ Бумажные денежные знаки... С. 180; Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 182; Чекунаев В.В. Акцептированные чеки Хабаровского отделения Госбанка в денежном обращении края 1918–1919 гг. // Нумизматический альманах. 2001. № 2. С. 42–48; Чекунаев В.В., Колосов Л.И. Акцептированные чеки Хабаровского отделения госбанка в денежном обращении края 1918 года // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 230–234.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 208. Л. 16об.–17.

⁵³ Правительственный вестник. 1919. 28 апр.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 1. Л. 8об., 9, 33об.–35.

⁵⁵ Парамонов О.В. «Дутовки»... С. 321–343.

⁵⁶ Более подробно о налоговой политике и реконструкции бюджета Временного сибирского и Российского правительств см.: Рынков В.М. Финансовая политика... С. 27–142.

⁵⁷ Подробнее об этом см.: Будницкий О. Деньги русской эмиграции: колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 94–104; Парамонов О.В. Американские полтинники // Родина. 1998. № 9. С. 73–76; Шиканова И.С. Русские денежные знаки, отпечатанные в США (1917–1920 гг.) // Новейшие исследования в области нумизматики. Труды Государственного исторического музея. М., 1998. Вып. 98. Ч. XIII. С. 183–210; Рынков В.М. Финансовая политика... С. 11–23.

⁵⁸ Будницкий О. Деньги русской эмиграции... С. 104.

⁵⁹ Атлас 3. Очерки по истории денежного обращения... С. 50; Юровский Л.Н. Денежная политика... С. 71–72.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 25. Л. 22.

⁶¹ Smele J.D. Civil War in Siberia... P. 406.

⁶² Записки белогвардейца. Лейтенант N.N. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. V. Т. X. С. 104–105.

⁶³ Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток... С. 199–200.

⁶⁴ Там же. С. 200.

⁶⁵ Заря (Омск). 1919. 17 апр.; ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 202. Л. 42–42об., 49.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 255–265. В.П. Аничков в своих воспоминаниях утверждал, что это именно он уговорил И.А. Михайлова увеличить срок обмена до одного месяца. См.: Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток... С. 216.

⁶⁷ Правительственный вестник. 1919. 27 апр.

⁶⁸ Рынков В.М. Правление Закупсбыта о финансовой политике Российского правительства (апрель — май 1919 г.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Вып. 5. Новосибирск, 2006. С. 226–234; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 16 апр.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 143. Л. 121–126, 131–132об.; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 7. Л. 60–61.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 53. Л. 282–283об.

⁷⁰ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 25 апр., 3 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.; Пермские губернские ведомости (Пермь). 1919. 24 апр.; Освобождение России (Пермь). 1919. 25 апр.

- ⁷¹ Современная Пермь (Пермь). 1919. 7 мая; Дальний Восток. 1919. 30 апр.
- ⁷² Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 20 апр.; Вестник Тобольского уезда (Тобольск). 1919. 6 июля; Освобождение России. 1919. 11 мая; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 26 апр. и др.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 217. Л. 1, 7об., 28; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 7. Л. 20–20об.; ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 158. Л. 40–41, 63; Освобождение России. 1919. 3 мая.
- ⁷⁴ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 9 мая.
- ⁷⁵ Освобождение России. 1919. 21 мая.
- ⁷⁶ Заря (Омск). 1919. 6 мая.
- ⁷⁷ Дальний Восток. 1919. 3 мая; Наш Урал. 1919. 14 мая.
- ⁷⁸ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 8, 15 мая; Освобождение России. 1919. 21 мая; Пермская земская неделя (Пермь). № 15. С. 1.
- ⁷⁹ Отечественные ведомости. 1919. 17 мая.
- ⁸⁰ Сибирская жизнь. 1919. 10 мая.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 7. Л. 13об.; Сибирская жизнь. 1919. 4 мая; Новости жизни (Харбин). 1919. 4 мая.
- ⁸² Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938. С. 89.
- ⁸³ Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 186.
- ⁸⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 305.
- ⁸⁵ Клерже Г.И. Революция и гражданская война. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 164.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 2; Д. 217. Л. 105, 108, 111–116; Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919. 25 мая; Голос сибиряка. 1919. 8 мая.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 123, 130–130об.; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 97. Л. 32–34, 36, 37об.
- ⁸⁸ Дальневосточное обозрение. 1919. 17 мая, 10 июля; ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 19. Л. 29; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 8. Л. 10; ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 172. Л. 2, 7, 17, 23, 26; Ф. 154. Оп. 1. Д. 157. Л. 68.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 215. Л. 19, 50, 55, 64, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 148, 150.
- ⁹⁰ Отечественные ведомости. 1919. 16 мая; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 июня; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22. С. 18.
- ⁹¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.
- ⁹² Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917–1922 гг. Новосибирск, 1965. С. 80.
- ⁹³ Борьба за власть Советов в Томской губернии: Сб. документов. Томск, 1957. С. 457.
- ⁹⁴ Партизанское движение в Западной Сибири: Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 191.

- ⁹⁵ Русь (Омск). 1919. 24 июля.
- ⁹⁶ Новости жизни. 1919. 4, 10 мая.
- ⁹⁷ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 38–39, 254–257, 323–327.
- ⁹⁸ Освобождение России (Пермь). 1919. 4 февр.; Отечественные ведомости. 1919. 30 янв.; Ишимская жизнь. 1919. 12 авг. Приложение; Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 213.
- ⁹⁹ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 25 марта.
- ¹⁰⁰ Отечественные ведомости. 1919. 13 февр.; Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 апр.; Каталог бумажных знаков, выпущенных на территории Кемеровской области. Кемерово, 1995. С. 4–5, 12.
- ¹⁰¹ Каплан А.Л. Денежное обращение в городе Челябинске // Челябинск в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Челябинск, 2001. С. 55.
- ¹⁰² Рогов Г.И. Разменные боны села Алексеевское // Нумизматика. 2004. № 6. С. 30–31.
- ¹⁰³ Минусинский край. 1919. 11 июля.
- ¹⁰⁴ Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 104.
- ¹⁰⁵ Наш Урал. 1919. 8 июня.
- ¹⁰⁶ Новости жизни. 1919. 31 мая.
- ¹⁰⁷ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 340–341.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 216–217; Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб., 1993. С. 102.
- ¹⁰⁹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 131–132об.

*А.С. Соколов**

Опыт валютного регулирования в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.)

В советский период истории России особое место занимают события 1920-х гг. Эти годы демонстрируют особый вариант развития отечественного хозяйства: попытку совмещения плановой экономики с элементами рыночных отношений. История экономических реформ, осуществляемых в России в годы нэпа, является примером глубоких изменений, происходивших в стране в этот период. Переход от натурально-административного распределения к частичным рыночным отношениям потребовал глубоких изменений во всех сферах народного хозяйства. В комплексе мероприятий нэпа важное место занимает валютная политика. В ходе ее осуществления в достаточно непростых условиях произошло становление, развитие легального валютного рынка и последующее его разрушение под влиянием кризисных явлений. Специфика валютной системы, созданной в условиях нэпа, заключалась в том, что в ней были отражены попытки сочетать традиционные черты мировой финансовой системы (поддержка валютного паритета, конвертируемость национальной валюты) с присущими советскому хозяйству чертами (планирование экономики, монополия внешней торговли).

В период Гражданской войны и политики «военного коммунизма» обращение и хранение иностранной валюты и золота было запрещено. В октябре 1918 г. Наркомат финансов принял решение об обязательной сдаче иностранной валюты в конторы Народного банка. В июле 1920 г. советское правительство издало декрет, в соответствии с которым золотые, серебряные и платиновые монеты подлежали обязательной конфискации. Хранение указанных ценностей считалось преступным деянием. В годы «военного коммунизма» сфера денежного обращения с границей резко сузилась. Совокупный экспорт за период 1918–1921 гг. составил менее 30 млн руб.¹ В то же время золотой запас уменьшился вследствие передачи большевистским

* Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культуры (Рязанский государственный радиотехнический университет).

правительством Германии золота на 121 млн руб. по Брест-Литовскому договору. На 1 января 1920 г. золота осталось на 744 млн руб.² Таким образом, в чрезвычайных условиях Гражданской войны и экономической разрухи была установлена монополия государства в сфере валютных операций.

Переход к новой экономической политике кардинально изменил ситуацию в финансовой политике Советского государства. Для составления и исполнения государственного бюджета, восстановления системы кредита и организации внутренней и внешней торговли необходима была устойчивая денежная единица. Переход к нэпу происходил при невероятно разбухших каналах денежного обращения. На 1 апреля 1921 г. в них находилось 1 квадрильон 686 триллионов 683,5 миллиарда рублей. В результате цены на товары и продовольственные продукты возросли в десятки тысяч раз. В марте 1921 г. цены на товары почти в 30 тысяч раз превышали свой довоенный уровень. В стране началась гиперинфляция. Кризис денежного обращения заключался в том, что появилось множество других денежных систем. Например, в Центральной России в обращении находился 21 местный знак. Как отмечает Л.Н. Юровский, «распад денежной системы был, по-видимому, беспрецедентным в истории и, во всяком случае, небывалым в истории бумажно-денежного обращения»³.

Постановления X съезда РКП(б), состоявшегося в начале марта 1921 г., явились первыми шагами, направленными на стабилизацию финансов и оздоровления денежного обращения. Съезд поручил ЦК «пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику и систему тарифов и провести в советском порядке нужные реформы»⁴. Естественным продолжением новой политики государства стал декрет СНК от 30 июня 1921 г., отменивший все ограничения на хранение денежных сумм учреждениями и частными лицами. При этом подчеркивалось, что конфисковывать деньги у частных лиц теперь можно только по решению органов, наделенных судебными правами. Намеченный перелом в финансовой области был разъяснен в циркуляре Наркомата финансов руководителям финансовых органов от 22 августа 1921 г. В нем констатировался отказ от курса «военного коммунизма» на отмирание денежного оборота и выдвигалась задача упорядочения денежной системы⁵.

Развитие экономики страны летом 1921 г. давало основания полагать, что можно будет постепенно, без радикальных мер оздоровить денежное обращение. Несмотря на продолжающуюся эмиссию, цены в летние месяцы несколько стабилизировались. Масса денег в обращении за эти месяцы выросла вдвое, в

то время как цены — лишь на 10%⁶. Это произошло благодаря сезонному расширению товарооборота, вызванному начавшимся процессом становления рыночных отношений. Достаточно активно заработала частная торговля, начался перевод промышленных предприятий на хозрасчет, стали создаваться товарные биржи, вводились денежные налоги. Данные меры способствовали сокращению дефицита в бюджете. Наряду с этим состояние денежного обращения оставалось плачевным. К июлю 1921 г. для покрытия бюджетного дефицита правительством было эмитировано 2328,3 млрд руб. Денежная масса возросла в 119 раз⁷. Большую роль в политике, направленной на укрепление рубля, сыграло открытие в октябре 1921 г. Государственного банка. Перед Госбанком ставились две основные задачи: способствовать с помощью банковских операций развитию народного хозяйства и проводить меры, направленные на оздоровление денежного обращения. 16 ноября 1921 г. открылось отделение Госбанка в Москве. Вслед за этим стали постепенно создаваться отделения Госбанка в других городах: Петрограде, Новгороде и Харькове. Одной из радикальных мер в области денежного обращения явилось проведение деноминации денежных знаков. К началу осуществления нэпа заметно повысился размер денежных купюр. Так, если в 1920 г. средний годовой номинал выпускаемого в обращение дензнака составлял 384 руб., то в 1921 г. — уже 8657 руб. Оперирование такой огромной, быстро обесценивавшейся денежной массой создавало технические трудности в расчетах и при транспортировке наличных денег. В целях упрощения денежных расчетов в начале ноября был принят декрет СНК о выпуске в обращение дензнаков образца 1922 г., 1 руб. которых приравнивался к 10 тыс. руб. старых дензнаков. В объявлении Наркомата финансов о выпуске дензнаков образца 1922 г. отмечалось, что новые дензнаки выпускаются в обращение с целью предоставления населению и торгово-промышленному обороту более правильного хозяйственного учета и для облегчения денежных расчетов⁸. Однако, несмотря на определенное положительное воздействие, данная мера не могла способствовать быстрой стабилизации рубля. Главным источником финансовой жизни государства оставалась эмиссия бумажных денег. Месячный прирост всей находящейся в обращении денежной массы составил в июле 1921 г. 20%, в сентябре почти 30%, в ноябре 52% и в декабре 79%. Однако реальные доходы государства продолжали падать⁹. Эмиссия, являвшаяся основным источником доходов бюджета, вызывала рост цен.

В период высокой инфляции продолжал сохраняться денежный голод, несмотря на растущую эмиссию. В обзоре деятель-

ности местных учреждений Наркомата финансов за второе полугодие 1921 г. подчеркивалось, что потребность в дензнаках увеличилась в 3—4 раза по сравнению с первым полугодием, в котором спрос на дензнаки также превышал их наличие¹⁰.

В этих условиях надо было вести очень продуманную и осторожную денежную политику для сдерживания инфляции. Важную роль в стабилизации разрушенной финансово-экономической системы в 1920-е гг. сыграл Григорий Яковлевич Сокольников. Его называли «красный Витте» за проведение сложнейшей финансовой реформы. Г.Я. Сокольников энергично принялся за разработку финансовых аспектов нэпа и, прежде всего, за создание стабильной денежной единицы, восстановление валютного рынка. Он стал одним из главных организаторов новой экономической политики в области финансов.

Одной из первоочередных мер по стабилизации рубля явилось решение вопросов, касающихся свободного обращения золота. В конце января 1922 г. в Наркомате финансов состоялось совещание по вопросам денежного обращения. Совещание было открыто Сокольниковым, который в своем выступлении отметил, что предметом собрания является обсуждение мероприятий, касающихся легализации золота, разрешения перевода его за границу, продажи советской валюты. Руководитель финансового ведомства указал, что легализация золота не приведет к аннулированию бумажного рубля, а наоборот, облегчив приток товаров из-за границы, увеличит емкость товарного рынка, даст возможность усилить заготовку товара; увеличение же емкости товарного рынка, в свою очередь, упрочит и бумажно-денежное обращение. «Наша задача — установление определенных рыночных отношений между советским и заграничным рынком», — говорил Сокольников¹¹. Однако некоторые специалисты считали, что если ценность бумажных денег будет дробиться еще тяжким молотом золота и серебра, то этот молот раздробит бумажные деньги в течение самого короткого срока. В конце января 1922 г. коллегия Наркомата финансов признала необходимым принять следующие меры: легализация владения золотом, драгоценностями, иностранной валюты и отмена принудительной сдачи их государству, установление порядка приема металлической монеты в уплату налогов и во все казенные платежи, разрешение открытия текущих счетов в золоте Госбанком¹². Спустя несколько дней, после совещания в Наркомате финансов, в письме к Ленину Сокольников указывал, что смысл предложений заключается в том, чтобы «расширить сферу хождения советского рубля, использовать металлфонд и ценности, составляющий скрытый метрезерв, для покрытия пассив-

ва торговлей с заграницей... в интересах оживления товарооборота, экономии государственных металл-ресурсов»¹³.

С введением новой экономической политики в марте 1921 г. ситуация на валютном рынке коренным образом не изменилась. В середине 1920-х гг. профессор Д.А. Лоевецкий отмечал, что в условиях перехода к новой экономической политике «наша связь с внешним миром была еще очень слаба, вопросы валютного регулирования отодвигались на второй план»¹⁴. В стране продолжал действовать принцип обязательной сдачи валютных ценностей. По остроумному замечанию одного из беспартийных специалистов, валютные ценности еще ставились почти в одинаковые условия с оружием и взрывчатым веществом¹⁵. Развитием кредитно-денежных отношений в стране, росту значения внутреннего валютного рынка препятствовала черная биржа, порождающая спекулятивную игру на разнице курсов. Как отмечал экономист М. Цейтлин, в 1922 г. многие мероприятия государства спотыкались о засилье черной биржи¹⁶. В целях борьбы с черной биржей сотрудниками ОГПУ были проведены операции по высылке спекулянтов и других социально опасных элементов из ряда городов. В конце сентября 1923 г. председатель ОГПУ Дзержинский обратился в Политбюро с предложением выслать из Москвы злостных спекулянтов, особенно валютчиков, связанных с черной биржей, которые были виновны в росте цен. В ноябре Политбюро приняло это предложение. С конца ноября началась операция по административной высылке из Москвы, а потом и из других городов спекулянтов, контрабандистов и других социально опасных элементов. В период проведения операции в Ленинграде были арестованы все состоявшие на учете валютчики, в Ростове-на-Дону со стрельбой была разогнана биржа. В Москве арестовали более 100 торговцев золотом. В некоторых городах преследование распространилось даже на агентов особой части Наркомата финансов, которые были направлены в провинцию для интервенции золотой монеты¹⁷. В результате осуществленных мер в январе 1924 г. было продано золотых монет в два с половиной раза меньше, чем в ноябре 1923 г.¹⁸

Перед финансовыми органами стояла первоочередная задача восстановления товарно-денежных отношений и борьба со спекуляцией валютными ценностями. В условиях обесценивающегося рубля (совзнака) экономистами, специалистами в области финансов, денежного обращения предлагались различные варианты оздоровления отечественного валютного рынка: от создания валютного общества, занимающегося кредитными операциями, связанными с валютой, до отмены государственной

монополии внешней торговли. Например, экономист С. Киселев на страницах журнала «Вестник финансов» в целях оздоровления валютного рынка призывал объявить свободную куплю-продажу металлической валюты внутри страны¹⁹. В то же время Д.А. Лоевецкий указывал, что полная свобода валютных операций невозможна, т.к. эта мера неминуемо приведет к росту цен на иностранную валюту и нездоровому ажиотажу с ней²⁰.

Торговый оборот испытывал острую потребность в устойчивой денежной единице, вместо потерявшего покупательную способность рубля. В поисках твердого средства накопления и сбережения население обратилось к дореволюционной золотой монете, которая, по данным начальника Валютного управления Л.Н. Юровского, имела широкое хождение на территории Закавказья, в портовых городах, местностях западной пограничной полосы и на Дальнем Востоке. Причем не одни частные лица стали искать прибежища в золоте. Золотая монета появилась и в кассах государственных предприятий. Хозяйственные органы стали требовать расплаты за товары звонкой монетой. Известен случай, когда одно из крупных государственных промышленных предприятий расплачивалось в Москве золотой монетой с рабочими²¹. Помимо того, в обращении находилась иностранная валюта, которая являлась предметом оживленной купли-продажи и биржевой спекуляции. В связи с этими обстоятельствами возникла необходимость создания устойчивой отечественной валюты. Как указывал начальник Валютного управления Наркомата финансов Л.Н. Юровский, «условия хозяйственной жизни глубоко изменились... старое законодательство постепенно превращалось в мертвую букву и фактически если не все, то весьма многое тогда было разрешено»²².

Поворот в сфере валютной политики был связан с принятием в апреле 1922 г. декрета об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и инвалюты. Он отменял обязательную сдачу государству валютных ценностей и допускал свободное распоряжение драгоценными камнями и благородными металлами в изделиях и слитках. Госбанк сохранял монопольное право на покупку и продажу золотых монет и инвалюты. Основы валютного регулирования нашли отражение в решениях партийно-государственного руководства о фондовых биржах (октябрь 1922 г.), о валютных операциях (февраль 1923 г.) и порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей (апрель 1923 г.). Валютные сделки между частными лицами и предприятиями могли совершаться только на фондовой бирже или с кредитными учреждениями, имеющими право торговать инвалютой. Фондовые отделы товарных бирж существовали в

Москве, Ленинграде, Харькове, Батуми, Владивостоке и в ряде других городов. Государственные предприятия и учреждения могли приобретать валюту только на основе разрешений, которые выдавались Особым валютным совещанием. Генеральную лицензию получили около 50 организаций. Никакие платежи не могли производиться инвалютой. Ею можно было пользоваться только для расчетов по сделкам с учреждениями и предприятиями, находящимися за границей. Государственные предприятия должны были держать инвалюту на текущих счетах в Госбанке или другом банке, имеющим разрешение на проведение валютных операций. Частные лица могли практически свободно покупать, продавать валюту на бирже, получив статус постоянных или разовых посетителей. Они могли без специального разрешения переводить за границу своим родственникам или знакомым инвалюту в размере до 100 золотых рублей в месяц по официальному курсу и брать с собой при поездках за границу инвалюту на 200 руб. В целом валютные операции частных лиц регулировались значительно слабее, чем предприятий²³.

Большевистским правительством предпринимались меры по увеличению золотого фонда. В феврале 1922 г. заместитель наркома финансов Г.Я. Сокольников направил Ленину справку, в соответствии с которой на 1 февраля наличность золотого фонда составляла 276,1 млн руб.²⁴ Тем не менее финансовая ситуация в стране продолжала оставаться тяжелой. Хозяйственный кризис весны 1922 г. привел к росту цен и повлек за собой катастрофическое падение рубля. Наркомат финансов вынужден был увеличивать объем эмиссии бумажных денег, чтобы оплатить хотя бы самые неотложные потребности государственного хозяйства. Так, с января по май 1922 г. темпы выпуска бумажных денег достигли рекордной отметки, составив более 50% в месяц от имевшегося в обращении количества денег на начало месяца. Рост эмиссии на внутреннем рынке привел к росту золотой десятирублевой монеты на вольном рынке, что еще в большей степени обесценивало рубль. В письме к Ленину 26 апреля 1922 г. Сокольников писал: «Оглашение в СНК всех данных об эмиссии и т.п. плюс разрешение СНК отпуска нескольких шальных триллионов немедленно отразились на московском рынке. Золотая десятка вскочила сразу, замедление роста цен, имевшее место в течение всей второй половины марта и первой половины апреля, сменилось резким повышением»²⁵.

К осени 1922 г. сложилась благоприятная экономическая ситуация. Происходило восстановление промышленности, сельского хозяйства, торгового оборота. Были сделаны важнейшие

шаги в области развития финансовой системы: восстанавливались местные бюджеты, вместо различных налогов был установлен единый натуральный налог, осуществлена деноминация рубля, выпущены облигации внутреннего хлебного займа, проведена жесткая экономия в области расходов на административный аппарат. Данные меры способствовали увеличению доходов в государственном бюджете. В сентябре 1922 г. Сокольников писал: «В последнее время появляются некоторые признаки улучшения и можно надеяться, что наиболее тяжелый период финансового кризиса уже миновал, и в дальнейшем эмиссия начнет не только относительно, но и абсолютно сокращаться. Однако резкого улучшения не приходится ожидать ранее ближайшей осени, когда наступит период реализации урожая, но можно надеяться, что на этот раз осеннее улучшение денежного обращения, благодаря произведенной за последний год финансовой работе, а также благодаря подведению под бумажное обращение металлического базиса, для чего уже выделена часть золотого фонда, удастся закрепить, и вместе с тем окончательно отказаться от эмиссии»²⁶.

В то же время, рост цен на товары привел к увеличению количества денег в обращении. Расширение эмиссии было необходимо для удовлетворения потребности предприятий в оборотных средствах. Развиваемое на основе нэпа хозяйство настоятельно требовало устойчивой денежной единицы, урегулированного денежного обращения. В целях стабилизации денежного обращения в октябре 1922 г. Совнаркомом было принято решение о выпуске банковских билетов (червонцев), обеспеченных на 25% драгоценными металлами и иностранной валютой. Банковский билет приравнивался к дореволюционной десятирублевой золотой монете, т.е. к 7,74 грамма чистого золота. Государство обязывалось принимать банковские билеты по их нарицательной стоимости в уплату налогов, пошлин и погашение других платежей, которые по закону полагалось оплачивать золотом, а Госбанк при определении курса по отношению к иностранным валютам исходил из того, что он должен быть равен соответствующему курсу золотой десятки. Однако обмен банкнот на золото был отложен до особого правительственного распоряжения. Подготовительную работу, связанную с выпуском червонца в обращение, непосредственно проводил Совет по эмиссионным делам Госбанка. Первый выпуск червонцев в обращение состоялся 27 ноября 1922 г. Первые бумажные червонцы поступили в кассу Госбанка из его эмиссионного отдела 27 ноября 1922 г. На следующий при первой котировке червонца Госбанк оценил его в 11 400 руб. дензнаками образца 1922 г. при стои-

мости золотой десятки на вольном рынке в 12 500 руб.²⁷ Одновременно с появлением в обращении бумажных червонцев 26 октября 1922 г. Совнарком издал постановление, в котором предложил Наркомату финансов приступить к изготовлению золотых монет, номинал которых также выражался бы в червонцах. Золотые червонцы чеканились в 1923–1924 гг. Всего было изготовлено 2 751 200 штук монет. Выпуск золотых монет носил в основном декларативный характер, и фактически они попали в обращение в очень незначительном количестве²⁸.

Обеспеченность выпуска червонцев в обращение драгоценными металлами и устойчивой валютой в течение всего 1923 г. была значительно выше объявленной в законодательном порядке и составляла в среднем около 50%. Это ускорило принятие червонца торговым оборотом, остро нуждавшимся в твердых деньгах. Убедившись в беспрепятственном обмене новых денег на валюту и совзнаки, представители частного торгового капитала развернули активные операции с новой валютой.

В кладовую эмиссионного отдела Госбанка было передано золота и инвалюты на сумму 5,15 млн золотых руб., в том числе золотых монет и золота в слитках примерно на 4 млн руб. и иностранных банкнот в виде фунтов стерлингов на 1 млн руб.²⁹ Чтобы вызвать доверие к червонцу со стороны вольного рынка, было разрешено продавать и покупать иностранную валюту и золотые монеты по курсу, который отражал соотношение спроса и предложения. При этом Госбанк и Наркомат финансов активно использовали механизм валютной интервенции, в нужные моменты выбрасывая на продажу инвалюту и золотую монету, чтобы поддерживать официальный курс червонца. Г.Я. Сокольников придавал большое значение практике использования золотовалютной интервенции. В ноябре 1922 г. он писал председателю Правления Госбанка А.Л. Шейнману, что «мы вновь начинаем приближаться к скачку цен на золото. Поэтому нужно приспособлять нашу интервенционную политику так, чтобы не допустить кризиса и не выпускать рынок из рук»³⁰.

В конце июля 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложение Г.Я. Сокольникова приступить к чеканке золотой дореволюционной монеты на сумму 10 млн золотых руб. в целях выбрасывания ее на рынок³¹. Создание необходимых для этого запасов инвалюты облегчалось благодаря монополии внешней торговли. Госбанк и Наркомат финансов стремились к тому, чтобы курс инвалюты был близок к официальному, устанавливаемому на фондовом отделе Московской товарной биржи. Разница между проданными Госбанком и Наркоматом финансов золотыми монетами и инвалютой и купленными ими на воль-

ном рынке отражали степень доверия к червонцу. Период 1922–1924 гг. отличался значительным превышением продажи над покупкой. В результате валютных интервенций курс червонца относительно инвалюты был устойчивым. По мнению председателя Особого валютного совещания Д.А. Лоевского, победа, одержанная над инвалютой и золотой монетой, обуславливалась не запретом на ее использование, а тем, что своевременно в обращение был внедрен червонец³².

Правительственные органы старались стимулировать распространение червонца. В декабре 1922 г. в газетах была опубликована заметка о том, что в связи с декретом СНК о чеканке червонцев в Наркомате финансов разработан проект декрета о полном запрете обращения и хранения золотых монет царской чеканки и об обязательной сдаче их в кассы Госбанка, который будет их оплачивать банковскими билетами. Указывалось, что полную сдачу предполагается провести в кратчайший срок с применением в отношении уклонившихся от сдачи жестоких кар. Публикация в газетах вызвала панику на валютном рынке, курс золотой монеты стал резко подниматься, за ним стали тянуться и товарные цены. Ухудшилось отношение к червонцу. В конце декабря в газетах появилось опровержение информации, содержащейся в ранее опубликованной заметке³³.

Наркомат финансов стремился поддерживать устойчивый паритет между червонцем и инвалютой. Г.Я. Сокольников в статье «Биржи, банки, валюта», написанной в июле 1923 г., указывал, что задача НКФ заключается в «сохранении покупательной силы червонца на внутреннем рынке (устойчивое отношение к российским товарным ценам) и в сохранении его покупательной силы на внешнем рынке (устойчивое отношение к валюте, т.е. к мировым товарным ценам)»³⁴. Аналогичные суждения высказывал А.Л. Шейнман. В июне 1923 г. в записке наркому финансов РСФСР М.В. Владимирову он писал: «Одним из важнейших мероприятий, направленных к улучшению финансового положения Республики, должно явиться сейчас дальнейшее развитие обращения банкноты как твердого измерителя ценности, средства сбережения капитала и платежно-расчетного знака. Только этим путем можно будет привести к известному однообразию наше денежное обращение, вытеснить из него инвалюту»³⁵. В то же время активное внедрение на валютном рынке банковских билетов вызвало критику со стороны работников Валютного управления НКФ. В июле 1923 г. на совещании в Наркомате финансов консультант Валютного управления Л. Волин указывал: «Когда мы гнали червонец к фунту, это было рационально, но, мне кажется, что сейчас, ког-

да мы перегнали за фунт, это чересчур... Разрешите мне не совсем красивое сравнение, это все равно как кошка, которая гоняется за своим хвостом. И чем больше мы будем повышать курс банкноты, тем больше фунт будет угрожать катастрофой банкноте...»³⁶ Развитие валютного рынка было стратегическим направлением, важным для успешного внедрения червонцев. По мере внедрения банковских билетов в оборот они приобрели широкую популярность в качестве средства накопления, вытесняя в этой своей роли фаворита «черной биржи» — золотую десятирублевку и иностранную валюту. Так, в корреспонденции из Нижнего Новгорода сообщалось, что «на черной бирже червонец очень успешно конкурирует с ”рыжиками“ (золотой десятирублевой монетой)»³⁷. Червонец достаточно быстро приобрел сравнительно устойчивый курс и довольно скоро стал конкурировать на внутреннем рынке с инвалютой в качестве средства сбережения и сохранения денег от обесценения. По отношению к фунту стерлингов отклонения курса червонца от паритета происходило в сторону, благоприятную для червонца³⁸. Таким образом, несмотря на многие сложности, связанные с привыканием и признанием, червонец, в противоположность теряющему покупательную способность совзнаку, стремительно набирал силу. Необходимость перехода от параллельной к единой валюте выявилась к концу 1923 г. Население старалось избавиться от обесценивающегося совзнака, стремившись превратить его в товар или обратить в валюту. К концу 1923 г. крупный городской оборот полностью перешел на червонец, но мелкий оборот, и в особенности на периферии, продолжал проявлять интерес к иностранной валюте и золотой монете. Как указывал Д.А. Лоевецкий, внедрение золотой монеты в качестве орудия платежа привело бы к полному бойкоту червонца³⁹. В то же время вытеснение на внутреннем рынке совзнака червонцем повлекло за собой рост цен на иностранную валюту. В начале сентября 1923 г. на московской черной бирже золото поднялось на 25%, доллар на 16%, фунт на 15%⁴⁰. Таким образом, последние месяцы перед ликвидацией совзнака совпали с некоторым оживлением интереса к инвалюте и золоту.

Быстрые темпы восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства, положительный внешнеторговый баланс создавали экономические предпосылки для завершения денежной реформы. В области денежного обращения благоприятные условия для этого заключались в росте золотого и валютного запаса Госбанка и в достижении активности торгового и платежного баланса. В феврале — марте 1924 г. денежная реформа была завершена путем перехода к единой валюте. Вместо

совзнаков были выпущены казначейские билеты, серебряная и медная монеты. В марте 1924 г. прекратилось хождение совзнаков. В течение двух месяцев их можно было обменять по курсу 50 тыс. за 1 новый казначейский рубль. В результате реформы страна получила вполне упорядоченное денежное устройство с достаточно устойчивой валютой.

На завершающем этапе денежной реформы резко изменилось отношение населения к иностранной валюте и золоту как средству сбережения, и их курс стал резко падать. Ниже приведена таблица, рисующая динамику курсов на иностранную валюту и золотую монету в период до и после денежной реформы.

Таблица

**Курсы доллара и фунта стерлингов
(по котировке фондового отдела Московской товарной биржи и на
вольном рынке) и золотой десятирублевой монеты (вольный курс)
с 1 октября 1923 г. по 1 июня 1924 г. (в червонных руб. и коп.)⁴¹**

Дата	Доллар (США)		Фунт стерлингов		Золотая десятирублевая монета
	котировка ФО МТБ	вольный курс	котировка ФО МТБ	вольный курс	вольный курс
1 октября 1923 г.	2.05	2.05	9.39	9.39	12.44
1 ноября 1923 г.	2.06	2.20	9.15	9.49	13.75
1 декабря 1923 г.	2.18	2.20	9.47	9.45	13.50
1 января 1924 г.	2.20	2.24	9.40	9.42,5	14.05
1 февраля 1924 г.	2.17	2.19	9.25	9.35	14.10
1 марта 1924 г.	2.11	2.11	9.07	9.12	12.80
1 апреля 1924 г.	1.94,5	1.91	8.36	8.10	10.65
1 мая 1924 г.	1.94,5	1.95	8.52	8.52	10.60

Как видно из этой таблицы, курсы иностранной валюты и золотой монеты в червонцах, стоящие в октябре 1923 г. значительно выше паритета, до февраля 1924 г. довольно быстро рос-

ли в связи с резким обесценением совзнака в этот период. Начиная с марта наблюдается перелом в сторону снижения курсов инвалюты и золота. Например, в Виннице курс доллара упал с 2.20 на 1 февраля до 1.62 на 1 апреля⁴². Это явление, получившее название валютной инфляции, было связано с относительным избытком инвалюты на внутреннем рынке. Население, убедившись в устойчивости курса новых денег, предпочло их золотой монете и стало выбрасывать ее на рынок. Понижение курса на иностранную валюту производило сильное впечатление на иностранных корреспондентов. В марте 1924 г. побывавшая в Москве немецкая журналистка Л. Кайт делилась своими впечатлениями: «С удивлением смотришь по приезде из Берлина, что погоня за долларами здесь явление почти незнакомое. Предложение долларов как будто даже больше спроса, и доллар должен был теперь капитулировать перед доморощенным червонцем»⁴³.

Еще более резким было падение на серебряную монету старой чеканки, т.к. правительством было принято решение, что старая серебряная монета при выпуске нового серебра не будет иметь хождения. Население убедилось, что эта часть сбережений больше ничем не оправдывает себя, и поэтому стремилось сбыть остатки сбережений в серебре. В Туле крестьянство предлагало старые рубли и полтинники вдвое дешевле против советских⁴⁴. В Астрахани рабочая общегородская конференция обратилась с призывом к трудящимся в целях укрепления реформы сдавать монету старой чеканки советской казне⁴⁵.

Система валютного регулирования, созданная в ходе реформы 1922–1924 гг., позволяла гражданам обменивать червонцы на золото и инвалюту и обратно по стабильному курсу, близким к паритетному значению. Как отмечает С.М. Борисов, новое валютное устройство, в принципе, обеспечивало юридический и организационно-технический режим достаточности свободного обмена национальной денежной единицы на иностранные валюты и золото⁴⁶. Резкое падение курса инвалюты затронуло интересы экспортеров, уже получивших валюту, но не имевших возможности обменять ее на червонцы по такому курсу, который обеспечивал бы компенсацию всех затрат по производству экспортных товаров. Кроме того, пострадали многие крупные предприятия, которые с целью страховки своих капиталов от обесценивания в период инфляции стремились держать свои денежные запасы в форме инвалюты. Работники промышленных и внешнеторговых организаций по мере падения курса инвалюты выдвигали предложения, призванные устранить эти негативные последствия. Так, нарком внешней торговли Л.Б. Красин в

статье, опубликованной в газете «Экономическая жизнь» в мае 1924 г., заявил о необходимости установить твердое соотношение между червонцем и долларом и обязать Госбанк всегда продавать и покупать инвалюту по твердому курсу⁴⁷. Л.Б. Красин возражал против резкого сокращения эмиссии в пореформенный период. Он полагал, что сокращение эмиссии «означает внезапное и судорожное изменение основных жизненных условий промышленности, транспорта и торговли, и является несомненно опаснейшим экспериментом, способным потрясти всю экономику страны до ее основания»⁴⁸.

Статья Л.Б. Красина была подвергнута критике со стороны Л.Н. Юровского, который считал, что валютные запасы слишком ограничены для того, чтобы считать возможным неограниченный размен червонцев на инвалюту по твердому курсу. Он предлагал для разрешения возникших валютных затруднений во внешней торговле пересмотреть экспортно-импортный план. В результате статья Л.Н. Юровского, направленная в секретариат Сталина, сыграла свою роль. Предложение Л.Б. Красина было отклонено, а импортный план увеличен.

В систему валютного регулирования после денежной реформы были внесены некоторые изменения. Так, в сентябре 1924 г. была увеличена с 200 до 300 руб. сумма той инвалюты, которую мог взять с собой выезжающий за границу, и с 100 до 200 руб. в месяц норма валютных ценностей для перевода за границу. В июне 1925 г. был принят важный декрет, разрешающий производство валютных операций не только на биржах или кредитных учреждениях, но и вне их⁴⁹. Основную роль в развитии валютного рынка после завершения денежной реформы играл валютно-фондовый отдел Госбанка, проводивший интервенции инвалюты и золота на вольном рынке с целью не допустить значительного разрыва между официальным и вольным курсом. Эти интервенции проводились в крупных городах по всей стране на так называемой «черной бирже». В ряде крупных городов при официальных отделах товарных бирж работали вечерние фондовые биржи, в обиходе называвшиеся «американками». На них не было тех ограничений, которые действовали на официальных биржах, и там частные лица могли приобретать золото и инвалюту в больших суммах, чем на «черной бирже», а также осуществлять операции с государственными ценными бумагами⁵⁰. Покупать и продавать золото и инвалюту население могло также в стенах Госбанка и других кредитных учреждений. В целом была создана развитая система административного и экономического регулирования валютного рынка, позволявшая гражданам без особого труда обменивать червонцы на золото и

инвалюту и обратно по стабильному курсу, совпадавшему с официальным.

Система валютного регулирования была призвана обеспечить высокую степень доверия к отечественной валюте. Червонец постепенно стал внедряться в оборот зарубежных валютных рынков. Регулярная торговля советской валютой велась в Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Риме, Константинополе. Банковские билеты котировались по золотому паритету на фондовых биржах Персии, Китая, Индии. В ноябре 1925 г. состоялось совместное заседание Правления Госбанка и эмиссионного совета Наркомата финансов, посвященное трехлетию с момента создания червонной валюты. С докладом об итогах работы выступил председатель Правления Госбанка Н.Г. Туманов. Он определял основными задачами финансовой политики сохранение золотого паритета банкноты, поддержание ее покупательной способности и «получение червонцем паспорта на участие в международном обороте как полноценной валюты»⁵¹. «Мы должны поставить перед собой твердо и отчетливо задачу внедрения червонца в международный оборот во всех крупных торговых и финансовых центрах», — утверждал Н.Г. Туманов. После завершения денежной реформы ускорилось восстановление промышленности, успешно развивалась внешняя торговля. Возросли золотовалютные запасы страны. На 1 октября 1925 г. золотой фонд оценивался в 275,9 млн золотых руб.⁵²

Начиная со второй половины 1925 г. положение на валютном рынке изменилось. Необходимость увеличения импорта оборудования для промышленности и завоза товаров в связи с неурожаем ухудшили состояние торговли и платежного баланса страны. Экспортная выручка оказалась недостаточной для покрытия платежей по импорту. Возникло валютное напряжение. Уменьшение валютных резервов сочеталось с отказом от жесткой кредитно-денежной политики. Денежная эмиссия возросла за июль — сентябрь на 35,7%. Увеличение денег в обращении происходило по двум направлениям: в порядке кредитования хлебозаготовок и в порядке кредитования промышленности. Ослабление жесткой кредитно-денежной политики в сочетании с падением инвалютных резервов изменили ситуацию на внутреннем валютном рынке. Однако руководители экономической политики не осознавали всю опасность валютного кризиса. Они надеялись на увеличение хлебного экспорта. Однако план хлебозаготовок не удалось выполнить в полном объеме. Крестьяне не хотели продавать хлеб из-за того, что не могли на вырученные деньги приобрести необходимые им промтовары. В то

же время наблюдалось падение доверия населения к червонцу в связи с ростом цен.

Резкое падение валютных ресурсов побудило правление Госбанка обратиться в декабре 1925 г. с письмом в Политбюро, в котором сообщалось, что без принятия срочных мер по вывозу золота и платины за границу Госбанк рискует оказаться в положении несостоятельного плательщика. О степени напряженности в валютной сфере свидетельствует следующий факт. Вышедший в январе из Ленинграда в Лондон пароход с золотом застрял во льдах, и тогда срочно пришлось пересылать золото в Германию поездом, ибо наступали сроки платежей по векселям, выданным Дойче Банку. Полпред в Германии Н.Н. Крестинский предупреждал председателя Совнаркома А.И. Рыкова, что если в течение двух дней не будут произведены платежи, то эти векселя будут опротестованы, что влекло за собой признание Советского государства некредитоспособным⁵³. При остром дефиците валютных резервов государству приходилось тратить значительные суммы на валютную интервенцию на внутреннем рынке. К началу 1926 г. свободные валютные ресурсы государства оказались исчерпанными.

Ухудшение финансово-экономической ситуации сопровождалось межведомственной борьбой между Наркоматом финансов и Госпланом. Выступая на заседании СТО в октябре 1925 г., председатель Правления Госбанка Н.Г. Туманов, ссылаясь на рост спроса населения на золото и инвалюту, сделал вывод об ослаблении доверия к червонцу и указал на угрозу инфляции. Для ее предотвращения он предложил сжатие кредита. Представитель Госплана Г. Громан заявил, что политика денежного обращения должна быть подчинена политике кредита в условиях восстановительного процесса. В конечном итоге было принято компромиссное решение, которое предусматривало сокращение эмиссии и, в то же время, снабжение промышленности необходимым кредитом. В конце 1925 г. были снижены планы хлебозаготовок, начата работа по пересмотру планов промышленного производства. Именно с этого периода происходит отказ от «диктатуры финансов», провозглашенной в первые годы нэпа. Источником финансовых поступлений становится эмиссия, приведшая хозяйство страны к инфляции. Сталинское большинство в партии провозгласило курс на ускоренное развитие промышленности.

В начале января 1926 г. на заседании Политбюро рассматривался вопрос «О состоянии и перспективах наших валютных ресурсов и возможностей». Делавший доклад Г.Я. Сокольников продолжал отстаивать жесткую кредитно-денежную политику.

Он заявил, что отказ от золотого паритета червонца приведет к дезорганизации хозяйства⁵⁴. Г.Я. Сокольников поддержал Н.Г. Туманов, который считал, что ухудшение валютного рынка связано с зажимом частного капитала в торговле. Оппоненты народного комиссара финансов подчеркивали, что червонец нужен лишь как инструмент социалистического строительства и требовали усиленного инвестирования промышленности. Сразу после заседания Политбюро 11 января 1926 г. Г.Я. Сокольников, поддержавший новую оппозицию на XIV съезде партии, был смещен с поста наркома финансов. Председателем правления Госбанка вместо Н.Г. Туманова стал А.Л. Шейнман, менее приверженный линии старого наркома финансов. Новым наркомом финансов стал Н.П. Брюханов. Он имел богатый опыт хозяйственного строительства: в годы «военного коммунизма» руководил Наркоматом продовольствия, а затем был заместителем наркома финансов, представлял финансовое ведомство на заседаниях Совнаркома. По многим экономическим вопросам Н.П. Брюханов занимал ту же позицию, что и Г.Я. Сокольников, но он не обладал политическим весом в партийных кругах. Именно он претворил в жизнь последующие этапы валютной политики. К середине года в экономике страны наблюдались диспропорции между покупательной силой червонца и уровнем его золотого паритета, между оптовыми и розничными ценами, налицо были обострение «товарного голода», ажиотаж на валютном рынке. Сложилось напряженное состояние денежного рынка. Об этом указывали сообщения с мест. Например, в корреспонденции из Владивостока говорилось о хождении в обращении иностранной валюты (иены и доллара)⁵⁵. К лету 1926 г. осложнилось положение червонца на международном рынке, резко сократились валютные ресурсы. Политбюро еще в апреле заслушало предложение А.Л. Шейнмана о подготовке декрета о запрещении вывоза червонцев за границу⁵⁶. Постановлением правительства от 9 июля 1926 г. были запрещены вывоз и пересылка червонцев за рубеж. Это явилось началом конца конвертируемости рубля и ликвидации положительных результатов денежной реформы 1924 г. Можно согласиться с мнением С.М. Борисова, который считает, что запрет на перемещение советского червонца через границы СССР был связан с ликвидацией внутреннего валютного рынка⁵⁷. Отключение советской денежной системы от международного рынка практически завершилось весной 1928 г., когда были запрещены ввоз и пересылка из-за рубежа банковских билетов и советских металли-

ческих монет. Денежная система оказалась направленной на обслуживание внутреннего экономического оборота в условиях изоляции от внешнего валютного рынка.

Использование частичного опыта валютного регулирования, разработанного и проводимого Наркоматом финансов в условиях нэпа, остается поучительным и полезным.

Примечания

¹ Борисов С.М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. М., 1997. С. 140.

² История Министерства финансов: В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 351.

³ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927): Избранные статьи. М., 2008. С. 213.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 372.

⁵ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006. С. 33.

⁶ Маневич В.Е. Проблемы теории денежного обращения в советской экономической литературе 1917–1926 годов. М., 1979. С. 43.

⁷ Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 293.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 6. Д. 641. Л. 15; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. № 77. Ст. 643.

⁹ Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 257.

¹⁰ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 62.

¹¹ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 70.

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 467. Л. 10.

¹³ Генис В.Л. «Упрямый нарком с Ильинки» // Г.Я. Сокольников. Новая финансовая политика. На пути к твердой валюте. М., 2003. С. 10.

¹⁴ Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа: Сборник / Сост. А.И. Казьмин. М., 1990. С. 117.

¹⁵ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927): Избранные статьи. С. 300.

¹⁶ Цейтлин М. Проблема регулирования валютного рынка // Вестник финансов. 1922. № 32. С. 14.

¹⁷ Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2002. С. 205.

¹⁸ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. М., 1998. С. 94.

- ¹⁹ Киселев С. Рыночные цены и валютный вопрос // Вестник финансов. 1922. № 33. С. 11.
- ²⁰ Экономическая жизнь. 1922. 24 ноября.
- ²¹ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927): Избранные статьи. С. 273.
- ²² Там же. С. 301.
- ²³ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 466.
- ²⁴ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты: Документы и материалы. М., 2008. С. 107.
- ²⁵ Там же. С. 184.
- ²⁶ Там же. С. 205.
- ²⁷ Глейзер М.М. Советский червонец. СПб., 1993. С. 21.
- ²⁸ Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 301.
- ²⁹ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 409.
- ³⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 35.
- ³¹ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 495.
- ³² РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1 Д. 36. Л. 152.
- ³³ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 412–413.
- ³⁴ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Том второй. М., 2006. С. 84.
- ³⁵ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты: Документы и материалы. С. 315.
- ³⁶ Там же. С. 321.
- ³⁷ Правда. 1923. 3 апреля.
- ³⁸ Бокарев Ю.П. Денежная реформа 20-х гг. и ее последствия // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 213.
- ³⁹ Лоевецкий Д.А. Валютная политика и валютное законодательство. М., 1923. С. 7.
- ⁴⁰ Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 516.
- ⁴¹ Финансовое оздоровление экономики опыт нэпа: Сборник / Сост. А.И. Казьмин. М., 1990. С. 139.
- ⁴² Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. С. 95.
- ⁴³ Муравьева Л.А. Денежная реформа 1922–1924 годов // Финансы и кредит. 2003. № 4. С. 101.
- ⁴⁴ Экономическая жизнь. 1924. 25 марта.
- ⁴⁵ Труд. 1924. 29 марта.
- ⁴⁶ Борисов С.М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. С. 144.
- ⁴⁷ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. С. 97.

- ⁴⁸ Хромов С.С. Леонид Красин: Неизвестные страницы биографии. 1920–1926 гг. М., 2001. С. 92.
- ⁴⁹ История Министерства финансов: В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 357.
- ⁵⁰ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. С. 99.
- ⁵¹ Финансовая газета. 1925. 28 ноября.
- ⁵² Обухов Н.П. Движение золотого запаса России в 1921–1933 годах // Финансы. 2002. № 6. С. 69.
- ⁵³ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. С. 107.
- ⁵⁴ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) 1923–1938. Т. 1. 1923–1926 гг. М., 2007. С. 545.
- ⁵⁵ Финансовая газета. 1926. 21 апреля.
- ⁵⁶ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952. Т. 1 1919–1929. М., 2000. С. 445.
- ⁵⁷ Борисов С.М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. С. 173.

Золото и индустриализация: тайны Торгсина

Торгсин

Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, сокращенно Торгсин, созданное в июле 1930 г., вначале было маленькой государственной конторой — несколько магазинов в крупных городах, которые продавали антиквариат иностранным туристам. Советским гражданам запрещалось не только покупать в Торгсине, но даже заходить в его магазины¹.

Ситуация изменилась с началом форсированной индустриализации в СССР. Правительство остро нуждалось в золоте и иностранной валюте для закупки импортного оборудования для строившихся промышленных гигантов. Однако валютные и золотые запасы СССР к концу 1920-х гг. были исчерпаны. Советский Союз начал форсированную индустриализацию, не имея валютных резервов. Положение усугублялось тем, что советский сырьевой экспорт, главный источник валютных доходов, в условиях мирового экономического кризиса стал убыточен. Политбюро судорожно искало валюту и золото. Между тем немалые сбережения имелись внутри страны, в кубышках советских граждан. Торгсин должен был получить эти ценности.

Осенью 1931 г. правительство открыло магазины Торгсина для советских покупателей. В обмен на иностранную валюту, золото, а позднее серебро, платину и бриллианты, люди получали деньги Торгсина (сначала боны, а позднее именные книжки) и могли на них покупать товары в его магазинах. После того как советские покупатели получили доступ в Торгсин, его деятельность молниеносно выросла. Торгсиновские конторы открылись во всех регионах СССР — в момент своего расцвета Торгсин насчитывал около 1500 магазинов!

Главной причиной столь стремительного взлета Торгсина был товарный и продовольственный кризис — следствие разва-

* Осокина Елена Александровна — доктор исторических наук, профессор (Университет Южной Каролины, Колумбия, США).

ла частного рынка в стране. Время существования Торгсина было временем пайкового распределения, при котором государство определяло нормы, ассортимент, магазины и цены для групп населения. Централизованное пайковое снабжение отличалось иерархичностью, избирательностью и общей скудостью. Государство кормило, да и то плохо, только тех, от кого напрямую зависело выполнение планов промышленного производства. Большие группы населения остались без пайков и фактически были брошены на произвол судьбы. Но даже те, кто получал государственный паек, за исключением советской элиты, владели полуголодным существованием². Людям не оставалось другого выбора, как нести ценности в Торгсин. Страшный голод 1932–1933 гг. стал звездным часом Торгсина: голодные люди меняли драгоценности и семейные реликвии на хлеб.

Торгсин выполнил свою миссию по добыче валюты для индустриализации. Ценности, полученные через его магазины в период 1931–1935 гг., позволили покрыть пятую часть затрат государства на импорт оборудования в первой половине 1930-х гг. Торгсин также представляет удивительную историю выживания советских людей в тяжелые годы первых пятилеток. Торгсин хранит много тайн и головокружительных историй. С улучшением экономической ситуации в стране в середине 1930-х гг. магазины Торгсина стали убыточны. Правительство ликвидировало Торгсин в феврале 1936 г.

Философский камень

Торгсин ничего не вывозил за рубеж³, но, тем не менее, считался экспортной организацией, потому что, так же как Экспортхлеб, Экспортлес, Экспортнефть и другие советские экспортные объединения, он обращал товарные ресурсы страны в валюту. Условия, в которых работал Торгсин, благоприятствовали его валютному успеху. Во-первых, в отличие от других экспортеров, он экономил на издержках обращения (расходы по перевозке товаров за границу, их страховке, хранению, содержанию экспортного аппарата и пр.)⁴. Во-вторых, цены продажи на товары Торгсин назначал, не оглядываясь на мировой экономический кризис и не боясь конкуренции на мировом рынке, ведь продавал Торгсин у себя дома, где царил дефицит и голод, а монополия ценообразования находилась в руках государства. Советский покупатель не привередничал.

Сравнение Торгсина с другими советскими экспортерами раскрывает одну из его главных тайн. Секретный финальный

отчет, подготовленный в декабре 1935 г., сообщал: «Если бы проданные Торгсином товары были бы экспортированы за границу, то за них можно было выручить максимум (подчеркнуто мной. — *Е. О.*) по реализационным ценам “фоб”⁵ 83,3 млн руб.»⁶. Торгсин же продал эти товары покупателям за 275 млн руб. Составители финального отчета, бахвалясь тем, что продавали товары в СССР в несколько раз дороже их экспортной цены, по сути, признались, что обманули покупателей. В обмен на золото, серебро, платину, бриллианты и валюту, которые по цене скупки стоили 287,2 млн руб., — их реализационная стоимость на мировом рынке была гораздо выше — люди получили товаров (в ценах советского экспорта) всего лишь на 83,3 млн руб. Иными словами, за каждые три с половиной золотых рубля⁷ ценностей покупатель в Торгсине получал товаров только на один рубль! Разрыв немалый. Но даже если бы Торгсин за каждый рубль ценностей отдавал своим клиентам товаров на несколько рублей, государство, все равно, выгадало бы, потому как ни при каких обстоятельствах за эти рубли не могло бы купить за границей горы драгоценностей и валюты: Торгсин, подобно философскому камню, обращавшему в золото неблагородные металлы, превращал в валюту неконвертируемые советские рубли, черный хлеб и селедку, да нехитрый ширпортреб.

Финальный отчет Торгсина также сообщал, что для получения той суммы валютных ценностей, которую собрал Торгсин, потребовалось бы дополнительно продать за границей экспортных товаров на сумму 17,6 млрд руб. (в розничных ценах внутренней советской торговли)⁸. Представьте масштабы возможного вывоза сырья и продовольствия из голодавшей страны. У медали, как всегда, оказалось две стороны: бесспорная валютная заинтересованность и нужда государства в Торгсине, но и, несмотря на хищнический характер сделки, полезность Торгсина для общества, — пытайся государство, вместо Торгсина, добывать валюту, выбрасывая за бесценок все больше товаров за границу, то масштабы голодной трагедии оказались бы еще больше.

Скрытая конвертация рубля

Документы позволяют оценить валютную эффективность Торгсина. Для этого сравним рублевые расходы государства на Торгсина с полученным им валютным приходом (табл. 1, п. 6). Как и следовало ожидать, период массового голода стал време-

нем наивысшей рентабельности: в 1933 г., чтобы получить золотой рубль ценностей, государство затрачивало немногим более 4 простых советских рублей⁹. С нормализацией продовольственной ситуации в стране и падением важности Торгсина для населения страны стала снижаться и его валютная рентабельность: чтобы получить 1 золотой рубль ценностей, в 1934 г. государство затрачивало более 6 руб., а в 1935 г. — около 10 руб. (табл. 1, п. 6)¹⁰. В среднем за период 1932–1935 гг. «добыча» 1 золотого рубля в Торгсине обходилась государству в 6 руб. затрат.

Таблица 1

Рентабельность операций Торгсина

Показатели	1932	1933	1934	9 мес. 1935	Итого
Расход:					
1. Затраты на покупку отечественных товаров (в т.ч. проданных, нереализованный остаток на конец года, пайки, разбронировано, недостачи)					
а) в ценах продажи Торгсина (млн зол. руб.)	87,3*	96,1	57,3	26,3	267,0
б) в ценах промышленности (млн сов. руб.)**	282,8	311,1	262,8	239,2	1095,9
2. Издержки обращения: накладные, торговые, административно-управленческие, орграсходы, потери по таре, расходы по кадрам, плановые накопления для 1935 г. (млн сов. руб.)	40,5	141,7	142,4	78,0	402,6
3. Все затраты без расходов на импорт (млн сов. руб.)	323,3*	452,8	405,2	317,2	1498,5
Приход:					
4. Валютный приход					
а) скупочная стоимость ценностей, включая «припек» (млн зол. руб.)	49,3	115,2	65,9	34,6	265,0
б) то же минус расходы на импорт	45,2	111,2	63,0	32,5***	251,9
в) то же (б) в расчете на чистое золото (т)****	35,0	86,2	48,8	25,2	195,2
д) то же (в) в мировых ценах на золото (млн дол. США)*****	23,3	57,3	54,9	28,4	163,9

Таблица 1 (окончание)

Показатели	1932	1933	1934	9 мес. 1935	Итого
5. Стоимость проданных товаров, включая импортные					
а) в ценах Торгсина (млн зол. руб.)	51,4	106,5	60,7	32,1	250,7
б) в ценах промышленности (млн сов. руб.)**	166,5	345,0	279,1	292,0	1082,6
Рентабельность:					
6. Соврублевые затраты на получение одного золотого рубля, 3:4б (сов. руб)	7,2*	4,1	6,4	9,8	5,9
7. Получено золотых копеек на советский рубль затрат, 4б:3	14	25	16	10	17
8. Себестоимость «добычи» золота, (3–5б):4в (сов. руб. за 1 г чистоты)	4,48	1,25	2,58	1,0	2,13

Примечания:

* Отсутствуют данные о пайках, недостачах и разбронированных товарах. С учетом этих затрат рентабельность Торгсина в 1932 г. будет несколько ниже указанной в таблице.

** Перевод цен продажи Торгсина в цены промышленности был сделан экономистами Торгсина на основе определенных ими коэффициентов. Эти коэффициенты высчитывались на основе всей суммы проданных товаров, включая импортные, но ввиду незначительности импорта, этой погрешностью можно пренебречь. В 1932 г. Торгсин получал товары от экспортеров по золотым ценам, а в последующие годы от поставщиков — по ценам промышленности. При переводе продажных цен Торгсина 1932 г. в цены промышленности экономисты Торгсина использовали коэффициент перевода 1933 г.

Стоимость проданных товаров по годам (п. 5б) превышает затраты на покупку отечественных товаров (п. 1б), потому что в числе проданных учтены и импортные товары, а также товарные остатки, переходившие с прошлого года.

*** Данные о расходах на закупку импорта за 9 мес. 1935 г. найти не удалось. Однако известно, что в первом полугодии 1935 г. размещенные импортные заказы составили 1,4 млн руб., а за весь год — 2,8 млн руб. Исходя из этих данных, можно предположить, что расходы на импорт первых трех кварталов 1935 г. составили порядка 2,1 млн руб.

**** Исходя из скупочной цены Торгсина 1 руб. 29 коп. за грамм чистоты. Поскольку в числе скупленных ценностей было не только золото, но и серебро, бриллианты, платина, валюта, показатель золотого тоннажа не является показателем золотоскупки и имеет аналитико-сравнительное значение.

***** Из расчета мировой цены золота (за грамм чистоты) 66,5 центов (до 1934 г.) и 1,125 долл. (с 1934 г.)

Источник: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 153. Л. 24; Д. 175. Л. 129.

Для образности проведем еще одно сравнение. Скупочная стоимость ценностей, которые Торгсин купил у населения в 1933 г., после вычета расходов на импорт являлась эквивалентом 86,2 т чистого золота (табл. 1, п. 4в). Исходя из существовавшей в то время мировой цены золота (66,5 центов за грамм чистоты), стоимость этих ценностей составит 57,3 млн долл. США. Сопоставьте эту сумму с рублевыми затратами государства в тот год на Торгсин — 452,8 млн руб. (табл. 1, п. 3): благодаря Торгсину в 1933 г. советское руководство обратило мало кому нужные на Западе¹¹ советские рубли в валюту по курсу около 8 руб. за доллар США. Хотя это было выше официального обменного курса, установленного советским правительством «для внутреннего пользования», но кто бы на Западе стал менять Сталину рубли на доллары по этому или другому сколь угодно высокому курсу? Торгсин сделал подобную конвертацию рубля возможной.

Таблица 2

**Сумма привлеченных Торгсином ценностей
к экспорту и импорту СССР
(%)***

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	В среднем за 1932–1935 гг.
К импорту**	7,0	33,1	28,4	19,8	22,1
К экспорту**	8,6	23,2	15,8	13,0	15,2
К экспорту***	10,0	30,7	17,8	13,6	18,0

Примечания:

* Используются данные о скупочной стоимости ценностей, включая «припек», без вычета затрат на закупки импортных товаров для Торгсина. Стоимость ценностей по цене их реализации на мировом рынке, а, следовательно, отношение стоимости скупленных ценностей к советскому импорту и экспорту будет выше показателей этой таблицы.

** На основе таможенной статистики импорта и экспорта. Источник: Народное хозяйство СССР. М., 1932; Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960.

*** На основе архивной статистики экспорта.

Источник: Справка «Динамика валютной выручки по экспорту за 1928/1929–1935 гг.», подготовленная Отделом внешней торговли Госплана СССР. Документ из архива Наркомфина СССР, до сих пор находится на спецхранении¹².

Значение Торгсина для индустриализации огромно. Ценности, которые купил Торгсин, покрыли (по их скупочной стоимости) более пятой части затрат на импортные закупки 1932–1935 гг. — решающих лет промышленного скачка (табл. 2). В голодном 1933 г. ценности Торгсина позволили государству оплатить треть, в 1934 г. — более четверти, а в 1935 г. — почти пятую часть советского импорта промышленного оборудования, сырья и технологий. Вклад Торгсина в оплату импортных промышленных поставок на деле был и того больше, т.к. СССР продавал ценности Торгсина на мировом рынке выше их скупочной стоимости. Торгсин стал огромным подспорьем для буксовавшего советского экспорта: в голодном 1933 г. валюта, добытая Торгсином, равнялась почти трети валютной выручки страны от экспорта хлеба, нефти, леса и другого сырья и продовольствия (табл. 2). К тому же, Торгсин ничего и не вывозил за рубеж, а продал эти товары голодавшему населению в СССР. По признанию финального отчета, «привлеченной» через Торгсин валюты хватило, чтобы покрыть стоимость импортного оборудования для десяти гигантов социалистической промышленности: Горьковского автозавода (43,2 млн руб.), Сталинградского тракторного (35 млн руб.), Автозавода им. Сталина (27,9 млн руб.), Днепростроя (31 млн руб.), Господшипника (22,5 млн руб.), Челябинского тракторного (23 млн руб.), Харьковского тракторного (15,3 млн руб.), Магнитки (44 млн руб.), Кузнецка (25,9 млн руб.) и Уралмаша (15 млн руб.)¹³.

Обогнав экспорт хлеба и нефти

Торгсин был единственным экспортным объединением Наркомвнешторга, от которого руководство страны ожидало получить валютную отдачу существенно выше капитальных вложений¹⁴. В 1932 г. по объемам валютной выручки Торгсин занимал четвертое место среди советских экспортеров, уступая лишь главным статьям советского экспорта — нефти, зерну и лесу (табл. 3). В 1933 г., благодаря голоду в стране, он вышел на первое место, обогнав и эти, по замыслу творцов, главные валютные источники финансирования индустриализации. Авторы финального отчета Торгсина утверждали, что в 1934 и 1935 гг. Торгсин стабильно сохранял второе место среди экспортных объединений Наркомвнешторга СССР, уступая только экспорту нефти¹⁵.

**Выполнение валютного плана экспортными объединениями СССР
(нетто в млн зол. руб. по данным Госбанка)**

Объединение	1931 г.	1932 г.	1-е полугодие 1933 г.**
Экспортхлеб	203,5	88,1	8,7
Экспортнефть	101,9	89,5	41,4
Экспортлес	89,7	71,1	н/д
Торгсин	3,7 (6,9)*	49,3	45,4
Антиквариат	9,4	1,5	1,2

Примечания:

* Расхождение между данными Госбанка и Торгсина. По статистике Торгсина, в 1931 г. он скупил ценностей на сумму 6,9 млн руб.

** Цифровые данные за второе полугодие 1933 г. не удалось найти, но авторы финального отчета Торгсина утверждали, что в течение всего 1933 г. по объемам валютной выручки Торгсин занимал первое место, а в 1934–1935 гг. стабильно сохранял второе место среди основных экспортеров страны, уступая только экспорту нефти.

Источники: Ведомости исполнения торговой части валютного плана (документы из архивного фонда Госбанка СССР, до сих пор находятся на спецхранении); РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130об.; Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130об.

В 1933 г. Торгсин был впереди всех советских экспортных объединений не только по сумме полученной валюты, но и по «валютной эффективности экспорта» — показателю отношения экспортной цены товаров к их себестоимости¹⁶. В 1933 г. советский экспорт зерна был убыточен, а в Торгсине хлеб среди товаров имел самую высокую валютную рентабельность: в первом полугодии 1933 г. выручка Торгсина по хлебо-фуражным товарам (39,2 млн зол. руб.) превысила их экспортную цену (7,6 млн руб.) более чем в 5 раз! По остальным продовольственным товарам выручка Торгсина (12 млн руб.) в 4,6 раз превышала их экспортную цену (2,6 млн руб.). Во второй половине 1933 г. с отступлением голода и резким снижением цен на продовольствие в Торгсине разрыв сократился¹⁷, но оставался значительным: в среднем в тот год по хлебо-фуражным товарам Торгсин выручил 62,6 млн руб. при их экспортной цене 14,2 млн руб.; по остальным продовольственным товарам соотношение было (соответственно) 20,6 млн руб. и 6 млн руб. Сопоставление цен на товары в Торгсине с ценами экспорта по-

зволило его экономистам утверждать, что в 1933 г. Торгсин получил на 78 млн зол. руб. больше, чем могли бы получить за эти товары советские экспортеры, продав их за рубежом¹⁸. Но с улучшением товарной ситуации в стране, падением цен в Торгсине и интереса к его торговле «валютная эффективность» продаж продовольствия в 1934 и 1935 гг. упала¹⁹.

Руководство Торгсина утверждало, что в 1933 г. на каждый рубль затрат Торгсин приносил государству валюты больше, чем другие экспортные объединения. Существенно больше!²⁰ По данным Валютно-финансового сектора Наркомвнешторга, в 1933 г. советский экспорт (по всем объединениям НКВТ) в среднем приносил не более 15 зол. коп. на рубль затрат, а без нефти — только 13 коп.²¹ По подсчетам его экономистов, валютная рентабельность операций Торгсина за первые три квартала 1933 г. составила 34 зол. коп., т.е. была более чем в два раза выше средней рентабельности советского экспорта. В среднем за 1933 г., по моим расчетам (табл. 1, п. 7), валютная отдача операций Торгсина составила 25 зол. коп., в 1934 г. — 16 зол. коп., а за 9 месяцев 1935 г. — 10 зол. коп. на рубль затрат. Согласно финальному отчету, в среднем за период 1932–1935 гг. на каждый рубль затрат Торгсин принес государству 17,6 зол. коп. валютных ценностей²². Относительно высокая, в сравнении с другими экспортными объединениями, валютная рентабельность Торгсина служила оправданием его огромных рублевых затрат и позволила руководителям Торгсина в 1933 г. даже требовать от правительства разрешить ему издержки обращения в размере до 420% выручки!²³

Парадокс убыточности

Настало время огоршить читателя. Несмотря на его относительно высокую валютную рентабельность, Торгсин как торговое предприятие был убыточным. В этом — еще одна из его многих тайн. Для понимания феномена убыточности необходимо разграничить «экспортную» валютную и торговую рублевую деятельности Торгсина. Валютная эффективность Торгсина, которую мы обсуждали до сих пор, либо определялась тем, насколько цены на товары в его магазинах превосходили их экспортные цены, либо тем, сколько ценностей — золота, серебра, бриллиантов и иностранной валюты — Торгсин собрал на каждый советский рубль, потраченный на него государством. Но ведь Торгсин был не только организацией, собиравшей валюту, но и предприятием внутренней торговли: он продавал товары

населению. Эффективность Торгсина как торгового предприятия определялась соотношением расходов по торговой деятельности и доходов от его торговли.

Будь Торгсин частным предприятием в капиталистическом мире, его владельцы обогатились бы. Скупленного золота, серебра, бриллиантов, валюты с лихвой хватило бы, чтобы покрыть расходы этого торгового предприятия и обеспечить прибыль владельцам. Но советская действительность определялась другими законами. Торгсин работал не на себя, а на государство, на индустриализацию. Он не имел права использовать скупленные ценности на покрытие расходов своей деятельности и свою прибыль как торгового предприятия. Все ценности уходили в Госбанк, то есть государству. Госбанк переводил на счет Торгсина лишь рублевую стоимость скупленных ценностей, которую Торгсин должен был использовать для закупки товаров у промышленности. Покрытие издержек обращения Торгсина осуществлялось также за счет его выручки от продажи товаров населению. Запрет использовать валютные ценности для покрытия расходов его деятельности стал главной причиной торговой нерентабельности Торгсина. Опережая по валютной рентабельности экспортные объединения страны, по торговой эффективности Торгсин отставал от других видов советской торговли.

Анализ статистики свидетельствует, что затраты на Торгсин (табл. 1, п. 3) существенно превышали доходы от его торговли (табл. 1, п. 5). «Как же так, — спросит читатель, — люди платили за товары втридорога, в несколько раз больше экспортных цен, но тем не менее Торгсин торговал себе в убыток?» Да, это так, и — свидетельство того, что советское сырье и продовольствие в условиях мирового экономического кризиса уходило за границу за бесценок. Неслучайно в 1933 г. правительство запретило публиковать в печати сведения о стоимости экспортных товаров²⁴. Торговая убыточность Торгсина была результатом его раздутого аппарата, сравнительно ограниченного круга покупателей и закрытого характера его торгово-денежного обращения, а также неизбежного в условиях нормализации товарной ситуации в стране снижения цен. Поговорим о каждой из этих причин.

В результате развертывания «глубинной торговой сети» Торгсин стал нести бремя огромных издержек обращения. В I кв. 1933 г. у Торгсина было 684 торговых точки, а к осени — уже 1400. Значительную их часть составляли небольшие магазинчики и лавчонки, разбросанные по огромной стране и отдаленные

от центров и железных дорог порой сотнями тысяч километров²⁵. Обороты торговли этих крошечных магазинов оставались низкими, в то время как одна лишь доставка им товаров преобладавшим тогда гужевым транспортом влетала в копейчку²⁶. В 1933 г. накладные расходы в Туркмении, например, достигали 57%, а в Западной Сибири — 74% к обороту торговцев²⁷. Прибавьте сюда расходы на содержание сотен мелких магазинов, хранение товаров и зарплату их торговцам²⁸. Для борьбы с астрономическими издержками обращения правительство начало кампанию по переводу контор Торгсина и его магазинов на хозрасчет. Кампания наделала много шума и оставила в архивах тонны переписки и отчетов, но в конечном итоге закончилась без положительных результатов: локальная экономическая свобода вряд ли могла выжить в условиях диктата централизованной экономики. С нормализацией товарной ситуации в стране и ослаблением валютной проблемы огромные издержки обращения Торгсина заставили государство в 1934 г. начать сокращение торговцевской торговой сети, которое активно продолжалось в 1935 г. и вплоть до ликвидации Торгсина.

Факторами торговой нерентабельности Торгсина также были закрытый характер его денежной системы и относительно ограниченный контингент покупателей²⁹. Сумма денег, которые Торгсин мог вернуть государству, продавая свои товары населению, была ограничена его денежными выплатами «сдатчикам ценностей». Единственным внеторговцевским источником пополнения массы торговцевских денег в обращении была их подделка народными умельцами, но ОГПУ, а затем НКВД боролись с фальшивомонетчиками. Недоплачивая населению за золото, серебро, бриллианты и платину, по сравнению с их мировой ценой и реальным обменным курсом валют, Торгсин сокращал и без того небольшой объем торговцевских денег в обращении. Ограниченность контингента покупателей замедляла товарооборот в Торгсине по сравнению с другими видами торговли, а замедление товарооборота вело к росту издержек обращения³⁰.

Снижение цен продажи на торговцевские товары, неизбежное в условиях нормализации продовольственного положения в стране, при одновременном росте массы товаров в обращении, обширной торговой сети и высокой себестоимости товаров, стало еще одним фактором падения рентабельности торговцевской торговли. Зимой 1933 г. — время наиболее высоких продажных цен в Торгсине — на одного его торгового работника в среднем

приходился оборот в 2014 руб., тогда как в IV кв. — после резкого снижения цен и роста торговой сети — 1008 руб.³¹

Рублевые убытки от торговой деятельности Торгсина бременем ложились на бюджет страны. Наркомфин СССР оплачивал «разрывы» между соврублевыми ценами промышленности, по которым Торгсин покупал товары, и продажными ценами в Торгсине, выраженными в золотых рублях. Оперативные документы Торгсина свидетельствуют, что при отсутствии средств у Торгсина Наркомфин мог оплачивать не только «разрывы», но и полную стоимость товаров, купленных Торгсином у промышленности³², так что Торгсину оставалось покрывать доходами от торговли только свои издержки обращения. Такая система финансирования способствовала накоплению товаров и хроническому затовариванию в Торгсине, а значит дальнейшему росту убыточности его рублевой торговой деятельности. Из-за отсутствия противозатратных механизмов в системе финансирования Торгсин превращался в «черную дыру», где исчезали миллионные суммы дотаций. С нормализацией товарной ситуации в стране и падением цен на товары в Торгсине «разрывы» между выручкой (в зол. руб.) от торговой деятельности Торгсина и соврублевой стоимостью товаров по ценам промышленности, которые должен был оплачивать Наркомфин, становились все больше: так, если в 1933 г. соврублевые цены промышленности в среднем были в 3,2 раза выше продажных цен Торгсина, выраженных в золотых рублях, то в 1934 г. они были в 4,6 раз, а в 1935 г. — более, чем в 9 раз выше³³.

По утверждению Наркомфина, доходов Торгсина от продажи товаров населению не хватало даже для покрытия его издержек обращения, так что приходилось выплачивать Торгсину дотации на восполнение средств³⁴. Дотации были рублевыми, следовательно, государство не расходовало валютные ценности на покрытие убытков Торгсина, но дыра в рублевом бюджете страны увеличивалась. Наркомфин и Внешторгбанк СССР в 1933 и в 1934 гг. требовали поставить бюджетное финансирование Торгсина в зависимость от результатов его торговой деятельности³⁵, но Торгсин при поддержке Наркомвнешторга успешно отбивался. Руководство страны, видимо, не поддержало Наркомфин³⁶, возможно опасаясь, что резкое изменение порядка работы Торгсина может привести к падению или даже остановке в поступлении валютных ценностей³⁷. Да и к чему изменения? — Торгсин был задуман как чрезвычайное кратковременное предприятие, а, как известно, коней на переправе не меняют.

Дешевле золота ГУЛАГа

До этого момента наш анализ работы Торгсина строился на разделении его валютно-экспортной значимости и его эффективности как предприятия внутренней торговли. Анализ показал парадокс сосуществования относительно высокой валютной рентабельности Торгсина по сравнению с советским экспортом тех лет и его убыточности как торгового предприятия. Настало время свести вместе валютную и торговую деятельности Торгсина и оценить общий эффект его работы. Показателем эффективности выберем не условные золотые рубли или иностранную валюту, а золото.

Во сколько рублей обходился государству грамм чистого золота, «добытого» Торгсином? Для ответа на этот вопрос из советских затрат на Торгсин (табл. 1, п. 3) вычтем его выручку от продажи товаров (табл. 1, п. 5б), которая шла на покрытие издержек обращения его торговли; а затем соотнесем полученный результат с золотым тоннажем скупленных ценностей (табл. 1, п. 4в). Эти расчеты показывают, что на каждый вложенный в Торгсин советский рубль государство получало в 1932 г. 0,2 г чистого золота, в 1933 — 0,8; в 1934 г. — 0,4; в первые три квартала 1935 г. — 1; а в среднем за весь рассмотренный период примерно полграмма (0,47 г) чистого золота.

Согласно этим расчетам, самыми рентабельными в истории Торгсина оказались 1933 и 1935 гг. (табл. 1, п. 8). Грамм чистого золота, «добытого» Торгсином в 1933 г., стоил государству 1 руб. 25 коп., а в первые три квартала 1935 г. — 1 руб., то есть был дешевле официального рублевого эквивалента мировой цены на золото³⁸. Однако, если в 1933 г. высокая рентабельность Торгсина была результатом массового голода и гор сданного драгоценного лома, то в 1935 г. — следствием резкого сокращения его торговой сети и, следовательно, издержек обращения, при скачке цен на товары в Торгсине и росте потребительского ажиотажа «под занавес». На первый взгляд вызывает удивление то, что голодный 1932 г. оказался самым нерентабельным, а «добытое» в тот год золото — самым дорогим (более 4 руб. за грамм чистоты). Относительно низкая рентабельность 1932 г. объясняется тем, что Торгсин только начал разворачивать свою сеть на периферии, он был еще мало известен населению глубинки, и добытый им золотой тоннаж в тот год был не велик, а издержки обращения значительны. Относительно низкая рентабельность

1934 г. — грамм золота обходился государству в 2 руб. 58 коп. — являлась следствием падения интереса населения к Торгсину в условиях улучшения продовольственной ситуации в стране. Торгсин запоздало отреагировал на изменение конъюнктуры рынка: поступление ценностей в Торгсин в 1934 г. по сравнению с прошлым годом упало почти в два раза, а издержки обращения остались практически на том же уровне. Исходя из этих расчетов, в период 1932—1935 гг. «добыча» грамма чистого золота в Торгсине обходилась государству в среднем в 2 руб. 13 коп. (табл. 1, п. 8)³⁹.

Дорого или дешево было золото Торгсина? Сравним себестоимость торгсиновского золота и промышленной добычи того времени. В соответствии с пятилетним планом золотодобывающей промышленности на 1928/1929 — 1932/1933 гг., себестоимость 1 г чистого золота, добытого промышленным механизированным способом, была запроектирована на начало пятилетки в 1 руб. 76 коп., а на конец пятилетки — 1 руб. 42 коп.; для старательского золота проектная себестоимость составила (соответственно) 1 руб. 98 коп. и 2 руб. 5 коп.⁴⁰ В действительности себестоимость добычи золота оказалась значительно выше плановой. О том, что государство бралось за разработки любого, даже убыточного месторождения, не считаясь с затратами, писали, в частности, американские инженеры, работавшие в золотодобывающей промышленности 1930-х гг.⁴¹ По материалам Дальстроя, опубликованным А.И. Широковым, средняя себестоимость грамма золота, добытого в период 1932—1937 гг., составляла 4 руб. 57 коп.⁴², в то время как 1 г чистого золота, «добытого» Торгсином в 1932—1935 гг., стоил государству в среднем 2 руб. 13 коп. Выходит, что Торгсин по эффективности побил золотодобычу ГУЛАГа.

Особо стоит вопрос о том, как соотносилась себестоимость «добычи» золота в Торгсине и себестоимость промышленной золотодобычи в СССР с мировой ценой на золото. Российский ученый А.Н. Пилясов, посвятивший монографию вопросам освоения Северо-Востока России, пришел к заключению, что золотодобыча в Дальстрое была экономически эффективной, то есть себестоимость добычи золота там до 1940 г. была ниже его мировой цены. Это заключение затем повторил и А.И. Широков в его исследовании Дальстроя⁴³. Вывод Пилясова трудно как принять, так и отвергнуть по причине искусственности валютного курса рубля того времени. Пилясов оперирует дирек-

тивным обменным курсом рубля второй половины 1930-х гг. — более 5 руб. за доллар США⁴⁴. При таком валютном курсе себестоимость добычи грамма чистого золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит порядка 80–86 центов (табл. 4, п. 3а), тогда как его мировая цена, установленная в начале 1934 г. Золотым резервным актом Рузвельта, была 1 доллар 12 центов⁴⁵. При том же валютном курсе рубля себестоимость грамма торгсиновского золота (2 руб. 13 коп.) составила бы всего 37–40 центов, то есть была бы почти в три раза ниже мировой цены и более чем в два раза дешевле золота Дальстроя, но Торгсин закрыли в начале 1936 г., он не работал в период нового директивного валютного курса рубля, поэтому эти расчеты имеют аналитико-сравнительный, но не исторический смысл.

Если же исходить из обменного курса рубля первой половины 1930-х гг., то вывод Пилясова и Широкова об эффективности добычи золота в Дальстрое нельзя принять. В то время мировая цена золота составляла 66,5 центов за грамм чистоты, а официальный валютный курс рубля был равен 1 руб. 94 коп. за доллар США (табл. 4). При таком курсе себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит 2,36 долл. и будет в 3,5 раза выше его мировой цены. Себестоимость «добычи» грамма чистого золота в Торгсине (2 руб. 13 коп.), исходя из валютного курса рубля первой половины 1930-х гг., являлась эквивалентом 1,1 долл., т.е. «добыча» золота в Торгсине тоже была дороже его мировой цены, хотя торгсиновское золото обходилось государству значительно дешевле дальстроевского (табл. 4).

Но и на этом нельзя поставить точку, ведь, упражняясь в подобных расчетах, не следует забывать об их условности: они основаны на искусственном валютном курсе рубля, который директивно устанавливался советским руководством «для внутреннего пользования». Этот обменный курс не имел ничего общего с действительной покупательной способностью рубля по отношению к доллару. Если принять во внимание оценки иностранцев, живших в то время в СССР, которые считали доллар равным от 10 до 25 советских рублей⁴⁶, то себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое в 1932–1937 гг. будет колебаться от 18 до 46 центов США, а себестоимость «добычи» грамма золота в Торгсине — от 8,5 до 21 цента. Иными словами, при учете реальной покупательной способности рубля по отношению к доллару себестоимость и золота Торгсина и золота Дальстроя *может оказаться* дешевле его мировой цены.

Мировая цена и себестоимость добычи золота в СССР в 1930-е гг.

Показатель	Единица измерения	1930-е гг.	
		1-я половина	2-я половина
1. Директивный валютный курс	сов. руб. за 1 долл. США	1,94	5,75–5,30*
2. Мировая цена золота**	долл. за 1 г чистоты	0,665	1,125
3. Себестоимость золота:			
а) Дальстрой***	долл. за 1 г чистоты	2,36	0,80–0,86
б) Торгсин****	долл. за 1 г чистоты	1,10	—*

Примечания:

* Советское руководство изменило валютный курс рубля в конце осени 1935 г. В тот момент он составлял 5 руб. 75 коп., а с июля 1937 г. — 5 руб. 30 коп. за доллар США. Изменение валютного курса рубля произошло в момент закрытия Торгсина, поэтому в таблице отсутствует расчет себестоимости добычи золота в Торгсине на базе нового курса рубля.

** Мировая цена золота была изменена Золотым резервным актом США в начале 1934 г.

*** При себестоимости добычи 4 руб. 57 коп. за грамм чистоты в период 1932–1937 гг.

**** При себестоимости «добычи» 2 руб. 13 коп. за грамм чистоты в период 1932–1935 гг.

Острая нужда в драгоценном металле, относительно низкая себестоимость «добычи» торгсиновского золота и слабость нарождавшейся советской золотодобывающей промышленности объясняют, почему государство до поры мирилось с миллионными рублевыми дырами в бюджете от убытков торговой деятельности Торгсина. Однако, когда золотодобывающая промышленность страны встала на ноги, заработал и разросся Дальстрой ГУЛАГа, золотая проблема была решена, а сбережения населения изрядно почищены, правительство закрыло Торгсин.

Примечания

¹ Более подробно об этом и других сюжетах читай в книге Елены Осокиной «Золото для индустриализации. Торгсин» (М., 2009).

² Подробно о продовольственном кризисе, иерархии снабжения и нормах карточной системы первой половины 1930-х гг. см.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 2008.

³ Торгсин продавал товары внутри СССР, а скупленные ценности сдавал Госбанку. Вывозом ценностей за границу занимались другие экспортные объединения. Так, Коверкустэкспорт продавал бриллианты, скупленные Торгсином.

⁴ Издержки обращения — совокупность затрат, связанных с процессом обращения товаров, в том числе накладные, торговые, административно-управленческие, организационные расходы, потери по таре, расходы по кадрам и пр.

⁵ «Фоб» (FOB — англ. free on board) — одно из условий поставок товаров в международной торговле. Согласно этому условию, продавец был обязан за свой счет поставить товар на борт судна и оплатить экспортные пошлины. Покупатель должен был за свой счет зафрахтовать судно, оплатить товар, обеспечить его перевозку после поставки. Цена «фоб» включала цену товара, транспортные и др. расходы, страховку до погрузки на борт судна или другого транспортного средства, а также цену погрузки.

⁶ Руководители Торгсина в финальном отчете также признались, что товары на сумму 40 млн руб. являлись неэкспортными, т.е. из-за их низкого качества они не могли быть проданы за рубежом (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130).

⁷ Поскольку Торгсин считался экспортным валютным предприятием, его цены исчислялись не в простых, а золотых рублях. Золотой рубль нельзя было ни подержать в руках, ни увидеть, он не имел физической формы. Золотой рубль был условной расчетной единицей, аналогом дореволюционного золотого рубля — условной расчетной и основной денежной единицы Российской империи. Советское руководство заимствовало и царский обменный курс золотого рубля по отношению к доллару, существовавший до Первой мировой войны: 1 золотой долл. США равнялся 1,94 золотого рубля. Этот официальный обменный курс просуществовал в СССР до середины 1930-х гг., т.е. фактически весь период работы Торгсина. Стоимостное содержание золотого рубля было выше, чем простого бумажного. Так, золотой рубль Торгсина официально был равен 6 руб. 60 коп. в «простых» советских денежных знаках. На черном же рынке в период голода за золотой рубль Торгсина давали 60–70 простых советских рублей.

⁸ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130.

⁹ Относительно низкая рентабельность Торгсина в тоже голодном 1932 г. (табл. 1, п. б) объясняется тем, что Торгсин переживал организационный период: государство затрачивало огромные средства на развертывание скупочной и торговой сети Торгсина, но, из-за того что Торгсин был пока мало знаком покупателям «глубинки», скупка ценностей в тот год оказалась невелика.

¹⁰ Экономисты Торгсина, в отличие от моих расчетов, определяя его валютную эффективность, включали в затраты стоимость не всех, а только проданных товаров, поэтому по их расчетам рентабельность Торгсина была несколько выше, чем по расчетам, данным в табл. 1.

¹¹ Советский рубль был востребован в Прибалтике, Иране, Монголии, Китае.

¹² Валютная статистика Госбанка и Наркомфина СССР о скупке золота у населения, продажах его населению, золотовалютных запасах страны, валютной выручке экспортных организаций и валютных расходах на импорт, засекреченные еще при ленинском и сталинском руководстве, до сих пор находятся в архивах на спецхранении. Поэтому в этой статье они приводятся без указания их архивных реквизитов. Затянувшуюся секретность этих материалов можно объяснить только бюрократическими причинами. В наши дни правительство России не скрывает сведения о *нынешних* золотовалютных резервах страны, во всеулышание объявляя их в прессе и телевизионных информационных программах. Почему же золотовалютная статистика 1920–1930-х гг. до сих пор не доступна исследователям?

¹³ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 13об. Данные отчета, видимо, не следует понимать буквально, т.е. так, что именно валютой, полученной Торгсином, советское государство оплатило стоимость импортного оборудования для Магнитки или других перечисленных предприятий. Ценности, скупленные Торгсином, «смешались» с другими валютными доходами советского государства и вместе с ними ушли на оплату индустриальных кредитов. Представляется, что в этом отчете руководство Торгсина «примеряет» валютные достижения Торгсина к стоимости импортного оборудования, купленного для первенцев советской индустрии.

¹⁴ Разрабатывая перспективный план развития на 1932–1934 гг., Наркомвнешторг рассчитывал, что капитальные вложения в Торгсин всего лишь в размере 3,8 млн руб. принесут к 1935 г. валютную выручку в 11 млн руб. Показательно, что от капитальных затрат на Экспортхлеб в размере 40 млн руб. НКВТ ожидал валютный прирост (в течение того же периода времени) только в размере 8,7 млн руб., а капитальные затраты на Экспортлес в размере 77,3 млн руб. должны были принести только 17 млн руб. валюты. По «Интуристу» капитальные вложения на 1932 г. планировались в размере 60,2 млн руб., а прирост валютной выручки к 1935 г. ожидался только в размере 8,7 млн руб. (Данные из архива Госбанка СССР до сих пор находятся на спецхранении.)

¹⁵ Об этом сообщалось в финальном отчете Торгсина: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 13об.

¹⁶ Валютная эффективность экспорта в то время исчислялась двумя путями: как отношение фактически вырученной цены товаров «фоб» либо к себестоимости экспортных товаров, либо к отпускной цене промышленности, которую утверждал Наркомфин для расчета экспортера с производителем. Расчетом валютной эффективности основных экспортных товаров занимался Институт монополии внешней торговли (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 60. Л. 30).

¹⁷ Во втором полугодии 1933 г. Торгсин выручил за хлебофуражные товары 23,4 млн руб. при их экспортной цене «фоб» 6,6 млн руб.; по остальному продовольствию соотношение было, соответственно, 8,5 и 3,4 млн руб. Валютная эффективность непродовольственных товаров в Торгсине тоже была выше их экспортной цены, хотя разрыв здесь не был столь резким. Так, по обувным и меховым товарам (вместе) при выручке от продажи в Торгсине в 1933 г. порядка 3 млн зол. руб., их экспортная цена «фоб» составляла около 2 млн руб., по текстильным товарам показатели были, соответственно, 9 и 4 млн зол. руб. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 66).

¹⁸ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 67–68. По подсчетам экономистов Торгсина, в конце 1933 г. каждый выручаемый Торгсином от продажи товаров золотой рубль содержал 63 коп. золотом дополнительного «валютного припека» по сравнению с ценами других экспортных организаций Наркомата внешней торговли. Этот вывод экономисты сделали на основе сопоставления цен продажи в Торгсине в IV кв. 1933 г. по 14 товарам с ценами «фоб» экспортных объединений НКВТ. Для анализа они выбрали из ассортимента Торгсина только «экспортабельные» товары, сравнимые с товарами других экспортеров. Выводы о соотношении цен Торгсина с ценами других экспортных объединений, сделанные на основе выбранных 14 товаров, были затем экстраполированы на всю товарную массу, которая находилась в обращении в Торгсине в IV кв. 1933 г. Из-за экстраполяции данных оценка в 63 зол. коп. «дополнительного валютного припека» может оказаться завышенной (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 51).

¹⁹ С улучшением товарной обстановки в стране и развитием «сытого спроса» наиболее рентабельными в Торгсине стали модные товары ширпотреба. См., например, расчет рентабельности наиболее ходовых товаров, сделанный в 1935 г. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 68).

²⁰ Авторы записки «Эффективность операций Торгсина за 1933 год» на основе сравнения издержек обращения Торгсина с его инвалютными доходами утверждали, что столь высокой валютной отдачи на вложенный советский рубль, какую имел Торгсин в 1933 г., не достигло ни одно экспортное объединение НКВТ (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 67–68).

²¹ В IV кв. 1933 г. средняя рентабельность экспорта НКВТ составляла — 11–12 коп. на рубль затрат, в т.ч. по Экспортмаслу она составила всего 5 коп., по Коверкустэкспорту (без бриллиантов) — 4 коп., по Рыбконсервэкспорту — 8 коп., по Промэкспорту — 13 коп., а по Союзпшине — 11 коп. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 50, 51).

²² Поскольку экономисты Торгсина включали в затраты стоимость не всех, а только проданных товаров, их расчет рентабельности Торгсина оказался несколько выше моих расчетов, представленных в табл. 1, где затраты включают стоимость не только проданных товаров, но и не-реализованные остатки, пайки, недостачи и др. Экономисты Торгсина прибегали и к другим уловкам, которые несколько завышали показатели его валютной рентабельности. Так, стоимость импортных товаров, которые Торгсин покупал за валюту, не вычиталась из суммы валютных доходов, а включалась, после перевода в цены промышленности, в со-врублевые издержки (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 129–130об.).

²³ Плановая норма издержек обращения в I–III кв. 1933 г. составляла 70% (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 50).

²⁴ См. постановление СНК СССР от 15 мая 1933 г. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 66). Причиной запрета был большой разрыв между себестоимостью товаров и их экспортной ценой, который свидетельствовал об убыточности советского экспорта. Цель запрета состояла не столько в том, чтобы скрыть от умиравших от голода в СССР, что государство по дешевке и себе в убыток вывозило за рубеж сырье и продовольствие, сколько не дать иностранцам формальные доказательства для обвинения СССР в демпинге товаров на мировой рынок (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 798. Л. 1).

²⁵ См. «Объяснительную записку к анализу издержек обращения по В/о Торгсин на IV кв. 1933 г.» (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 53).

²⁶ Материалы Московского Торгсина свидетельствуют, что даже в столице его палатки и лавчонки были убыточны, что же говорить о магазинчиках, разбросанных по Средней Азии, Сибири или Дальнему Востоку, — издержки по их снабжению складывались в огромные суммы. См.: Центральный государственный архив Московской области (далее — ЦГАМО). Ф. 3812. Оп. 2. Д. 3. Л. 43–44.

²⁷ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 53.

²⁸ Из-за сложности расчетов по товарным книжкам и количественно-сортового учета товаров, введенного для борьбы с хищениями, Торгсин нуждался в гораздо большем числе контролеров, кассиров, учетчиков, чем другие виды советской торговли, что удорожало работу его аппарата.

²⁹ Если бы для покупки товаров в Торгсине не нужно было бы сдавать ценности, то число его покупателей выросло бы в сотни, если не в тысячи раз.

³⁰ По данным финального отчета Торгсина, в 1932 г. фактическая оборачиваемость его товаров составляла 135 дней при нормативе 90 дней, в 1933 г. — 130 при нормативе 102 дня, в 1934 г. — 192 при нормативе 105 дней: даже в голодном 1933 г. Торгсин не выполнил норматив товарооборачиваемости, с преодолением же голода оборачиваемость его товаров существенно замедлилась. В 1935 г. ожидалось, что средняя оборачиваемость товаров в Торгсине составит 95 при нормативе 105 дней (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130об.).

³¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 52, 53.

³² См. «ведомости разрывов», которые составлял Наркомфин (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66. Л. 101; Д. 160. Л. 104). Табл. 1 дает представление о размерах «разрывов». На покрытие «разрывов» Торгсин использовал надбавку на розничные цены на импортные товары, но главное финансовое бремя по ликвидации «разрывов» нес Наркомфин.

³³ Цены продажи на товары в Торгсине не являлись результатом умножения цен промышленности или себестоимости производства товаров на какой-либо *заранее* установленный *стабильный* коэффициент. Факторами, влиявшими на продажные цены Торгсина, были спрос и директивное вмешательство правительства. Коэффициент, который показывает соотношение отпускных цен промышленности и продажных цен Торгсина, определялся в аналитических целях путем соотнесения уже сложившихся на практике цен. Нарастание «разрывов» между рублевыми отпускными ценами промышленности и продажными ценами Торгсина, выраженными в золотых рублях, по отдельным товарам было еще более стремительным, чем тому свидетельствуют приведенные усредненные показатели: в первой половине 1933 г. соотношение цен поставщика и продажных цен Торгсина на животное масло было 4,3; на обувь — 5,8; на текстильные товары — 3,3; в начале 1934 г. цена поставщика на сливочное масло превышала продажную цену Торгсина почти в 11 раз; в конце 1935 г. отпускные цены промышленности превосходили продажные цены Торгсина по хлопчатобумажным тканям в 10 раз, суконно-шерстяным — 18, по маслу — 30, по мясу — в 47 раз. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 74. Л. 66; Д. 114. Л. 63; Д. 175. Л. 92, 129). Анализ соотношения цен показывает, что в то время как цены Торгсина падали, особенно по продовольственным товарам, отпускные цены промышленности росли. Нарастание разрыва рублевых и «золотых» цен — свидетельство усиления убыточности торгсиновской торговли. Наркомфину приходилось брать все большие суммы из бюджета страны на покрытие «разрывов» цен.

³⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 98. Л. 29. Данные табл. 1 свидетельствуют, что утверждение Наркомфина о том, что доходов от торговой деятельности Торгсина было недостаточно для покрытия его издержек, верно лишь в том случае, если стоимость проданных товаров учитывалась в золотых, а издержки в соврублях. Возможно, что Наркомфин имел в виду оперативные моменты нехватки у Торгсина своих собственных оборотных средств, т.е. временные финансовые прорывы, а не общие итоги работы Торгсина. Материалы Торгсина за 1935 г. подтверждают, что наряду с финансированием товарных закупок Торгсина Госбанк также финансировал его издержки обращения (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 153. Л. 12).

³⁵ По мнению руководства этих ведомств, бюджетное финансирование Торгсина должно было определяться себестоимостью полученного Торгсином инвалютного рубля, т.е. коэффициентом, который показывал стоимость товаров и издержек обращения, затраченных на получение одного валютного рубля (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 98. Л. 29, 29об.).

³⁶ Система щедрого бюджетного финансирования существовала в Торгсине в 1933 и 1934 гг. Материалов, которые бы свидетельствовали о

последующем изменении порядка финансирования Торгсина, не удалось найти.

³⁷ Эти опасения имели основания. Если бы финансирование Торгсина было поставлено в зависимость от результатов продажи товаров населению, то при падении оборотов его торговли после отступления голода Торгсин испытывал бы постоянный недостаток денег для закупки товаров у промышленности. Без сомнения, это сделало бы его руководителей более разборчивыми и осторожными в закупке товаров у производителей, но в то же время сузило бы и предложение товаров в его магазинах, а значит Торгсин потерял бы многих «сдатчиков ценностей».

³⁸ Напомню, что мировая цена на золото в рублевом эквиваленте составляла в 1933 г. 1 руб. 29 коп., а в 1934 и 1935 гг. — 2 руб. 18 коп. за грамм чистоты.

³⁹ Огромные «разрывы» между соврублевой себестоимостью товаров и ценами продажи товаров в золотых рублях (в их номинальном выражении), о которых говорилось ранее в этой статье, а также огромные дыры в бюджете страны по причине этих «разрывов» являются свидетельством никчемности золотого рубля, который был всего лишь условной единицей внутренних расчетов и не обладал реальной золотой ценностью. Золотое содержание торгсиновских денег, как и цен продажи на товары в Торгсине, определялось не ценностью золотого рубля как такового, а только тем, что люди, чтобы получить деньги Торгсина, сдали драгоценности. Продавая товары, Торгсин возвращал назад государству, не золотые рубли, а выданные сдатчикам боны, отрывные талоны и товарные книжки. Никакого реального содержания золота в этих «деньгах» Торгсина не было. Торгсиновские деньги, которые покупатели возвращали в Торгсин, уплачивая за его товары, государство нигде больше не могло использовать, несмотря на их якобы золотое содержание. После погашения эти деньги сжигались. Исходя из сказанного, имеет смысл оценить валютную эффективность Торгсина для советского государства, не принимая в расчет сумму бумажных якобы «золотых» рублей, полученных Торгсином от продажи товаров населению. При такой модели расчетов (табл. 1, п. 3, п. 4в) убыточность торговой деятельности Торгсина для государственного бюджета возрастет, а «добытое» им реальное золото существенно подорожает: стоимость грамма чистоты составит в 1932 г. 9 руб. 24 коп., в 1933 — 5 руб. 25 коп., в 1934 г. — 8 руб. 30 коп., в первые три квартала 1935 г. — 12 руб. 59 коп, а в среднем за весь этот период — 7 руб. 68 коп. Таким образом, без учета прихода денег от товарных продаж Торгсина самым рентабельным окажется 1933 г., за ним последуют 1932, 1934, а последним по рентабельности будет 1935 г. Без учета прихода денег от продажи товаров населению себестоимость добытого Торгсином золота окажется выше себестоимости золота Дальстроя в период 1932–1937 гг., но вряд ли будет выше себестоимости гражданской капиталоемкой золотодобычи. Решение вопроса о себестоимости добытого Торгсином золота, таким образом, зависит от позиции исследователя — принимать ли в расчет полученную Торгсином рублевую выручку от продажи товаров или нет.

⁴⁰ Без расходов правления «Союззолота», которые на начало пятилетки были запланированы в размере 5,8 коп., а на конец пятилетки — 2,5 коп. на грамм добытого чистого золота (РГАЭ. Ф. 8154. Оп. 1. Д. 106. Л. 127об.—128).

⁴¹ Джон Литтлпэйдж, американский инженер, который на протяжении десяти лет помогал советской власти создавать золотодобывающую промышленность, припомнил слова руководителя одного из приисков: «В нашей системе вам не надо волноваться о затратах» (Littlepage J.D. In Search of Soviet Gold. N. Y., 1937. P. 22).

⁴² Широков А.И. Дальстрой: Предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103 (со ссылкой на: Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 4). По данным Широкова, себестоимость добычи золота в Дальстрое была бы намного выше, если бы не дешевая рабочая сила ГУЛАГа и хищническое отношение к добыче, при котором обрабатывали в первую очередь наиболее богатые, россыпные, месторождения, требовавшие меньше капитальных затрат по сравнению с рудными. Себестоимость добычи золота в «гражданской» золотодобывающей промышленности, из-за более высокой стоимости рабочей силы и капитальных затрат, может оказаться выше гулаговской.

⁴³ Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996. С. 80; Широков А. И. Дальстрой. С. 103.

⁴⁴ Пилясов использует курс 5 руб. 30 коп. за доллар США, существовавший в период с 19 июля 1937 г. до 28 февраля 1950 г. Председатель правления Торгсина Левенсон в ноябре 1935 г. в своих расчетах принимал доллар равным 5 руб. 75 коп. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 138. Л. 66).

⁴⁵ Напомню, что до принятия в начале 1934 г. Золотого резервного акта США мировая цена золота составляла 20,67 долл., а после принятия — 35 долл. за тройскую унцию.

⁴⁶ См., например: Time. December 26, 1932; Time. November 25, 1935 и др.

История
топливно-энергетических
комплексов
в России и СССР

*С.А. Баканов**

Жизненный цикл отрасли: от зарождения до упадка (на примере угольной промышленности Урала в XX в.)**

Цикличность в развитии экономических процессов стала предметом исследований экономической науки еще в XIX в., а в первой половине XX столетия в ее изучении были достигнуты существенные результаты. Наибольшую известность и распространение получила теория бизнес-циклов, разработанная в трудах Дж.М. Кейнса, Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера¹. Во второй половине XX в. на основе данной теории была разработана теория жизненного цикла товара (product life cycle), которая, в значительной степени, стала базовой для таких разделов экономической науки, как маркетинг, стратегический менеджмент и корпоративное планирование. Наиболее широко теория жизненного цикла товара (отрасли) представлена в работах таких авторов, как К. Уорд, К. Боумен, У. Кинг, Д. Клиланд, Ж.Ж. Ламбен, К.В. Садченко, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов и др.²

Под жизненным циклом товара и отрасли, которая его производит, в самой широкой интерпретации понимается промежуток времени от замысла изделия до его снятия с производства и продаж³. Исходным положением концепции является представление о том, что продукт, производимый отраслью, в своей экономической жизни проходит несколько этапов (см. рис. 1):

1. **Зарождение.** На этом этапе первые партии продукта разрабатываются и внедряются на рынок, где продукту предстоит получить признание. Это сопряжено с высокими рисками, поскольку всегда вероятен провал нового продукта.

2. **Рост.** Когда продукт получает признание на рынке, наступает следующая фаза его жизненного цикла, в течение которой

* Баканов Сергей Алексеевич — кандидат исторических наук (Челябинский государственный университет).

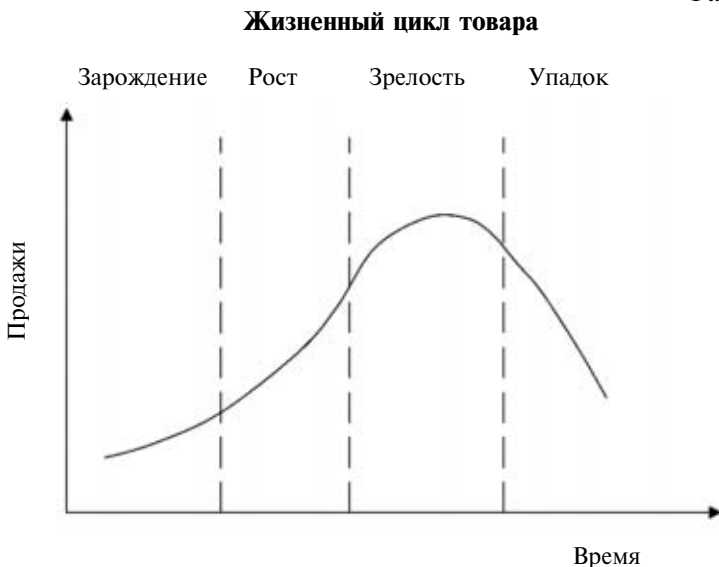
** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-85115 а/У.

объем продаж растет быстрыми темпами. На данном этапе на рынок данного продукта часто проникают новые компании, которых привлекают быстрый подъем спроса и возможность получить прибыль при невысоком риске, происходит расширение производственных мощностей отрасли.

3. **Зрелость.** Спрос на любой продукт неограничен, поэтому со временем рынок насыщается, темпы роста продаж замедляются, и периодически возникает избыток производственных мощностей. При этом ужесточение конкуренции вынуждает производителей сокращать издержки на единицу продукции: ликвидировать малоэффективные управленческие звенья, увеличивать загрузку производственных мощностей и т.п.

4. **Упадок.** Спрос на продукт начинает сокращаться относительно быстрыми темпами из-за изменения вкусов покупателей. На этом этапе конкуренция внутри отрасли сокращается, но испытывается сильное давление со стороны товаров-заменителей. Для дальнейшего сокращения издержек проводится реорганизация управления и реструктуризации отрасли.

Рисунок 1

Исходя из концепции жизненного цикла, все отрасли можно разделить на четыре группы: инновационные, развивающиеся, зрелые и переживающие спад. В разных местах (странах, регио-

нах) одни и те же отрасли могут находиться на различных стадиях жизненного цикла, и эти различия определяются состоянием и динамикой местных рынков.

На всем протяжении жизненного цикла отрасли на его динамику оказывают воздействие множество переменных, которые условно могут быть объединены в четыре группы факторов:

1. Фактор спроса включает: динамику спроса, заявки и планы потребителей (в том числе возможность диктата со стороны крупных потребителей), возможности поставщиков и логистов и т.д.

2. Фактор ресурсов, проявляющийся в проблемах их доступности, стоимости, обеспеченность отрасли трудовыми ресурсами и т.д.

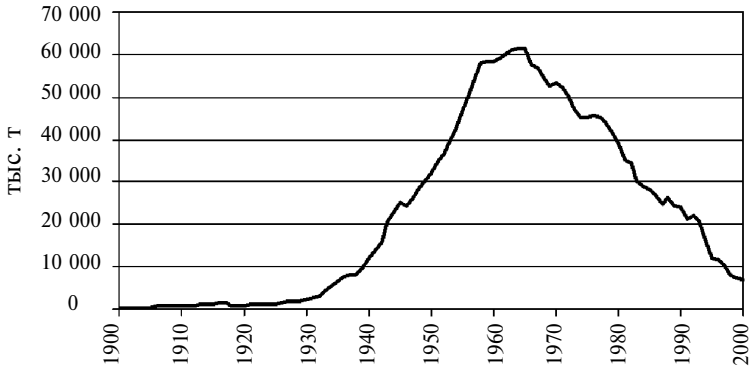
3. Фактор конкуренции, объединяющий динамику развития внутриотраслевых конкурентов, угрозу со стороны товаров-заменителей, а также уровень цен и общую рентабельность отрасли.

4. Фактор технологии, в который включены имеющиеся производственные мощности, строительная и инфраструктурная база отрасли, а также технологические возможности потребителей.

Все эти группы факторов воздействуют на развитие отрасли в каждый момент времени, однако на отдельных этапах наибольшее влияние получают только один или два из них. Сочетание этих преобладающих на конкретном этапе групп факторов во многом определяет продолжительность данного этапа.

Целью данной статьи является рассмотрение развития угольной промышленности Урала в XX в. с позиций теории «жизненного цикла отрасли». Подобная работа позволит, на наш взгляд, проверить применимость данной теории к реалиям советской экономической модели и определить, какие из групп факторов оказывали наибольшее воздействие на развитие уральской угольной промышленности на разных этапах ее жизненного цикла. Выбор именно уральского отраслевого комплекса в качестве объекта изучения объясняется тем, что в течение XX в. в данном регионе угольная отрасль совершила полный цикл развития от внедрения опытных партий товара на рынок до его снятия с производства, т.е. полный жизненный цикл от зарождения отрасли и до ее упадка (см. рис. 2).

Добыча угля на Урале в XX в.

Расчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

Этап зарождения (1860–1920-е гг.)

Впервые каменный уголь на Урале был обнаружен в 1789 г. при строительстве Кизеловского чугунолитейного завода князей Абамелек-Лазаревых. С 1797 г. здесь начинается добычу первая штольня «Запрудная». Просуществовала штольня до 1825 г., когда в связи с малым спросом на минеральное топливо она была закрыта как нерентабельная. Дров на лесных дачах завода заготавливалось в избытке, а древесный уголь не только обходился дешевле каменного, но и позволял выплавлять более качественную сталь. В 1832 г. было открыто Челябинское месторождение, а в 1850-е гг. месторождения в Богословском горном округе и около села Егоршино в Екатеринбургской губернии. Однако освоение этих месторождений, как и Кизеловского, откладывалось из-за отсутствия спроса.

Только начало строительства на Урале первых железных дорог сделало добычу каменного угля достаточно прибыльным предприятием. В 1856 г. в Кизеле вступила в строй шахта «Старо-Коршуновская», в 1882 г. начала выдавать уголь «Княжеская». Несколько более мелких штолен возникло вдоль построенной в 1879 г. Горнозаводской железной дороги. Тогда же в 1870–80-е гг. Лазаревы проводят эксперименты по использованию каменного угля в паросиловом хозяйстве своих заводов. К 1900 г. добыча угля в Кизеловском угольном бассейне достиг-

ла 12 млн пудов (200 тыс. т) в год. Строительство Самаро-Златоустовской, Омской и Оренбургской железных дорог (Транссиба) в 1890–1900-е гг. стало катализатором предпринимательского интереса к Челябинскому месторождению, где в 1907 г. закладываются первые шахты.

Рисунок 3

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

Между тем использование древесного угля уральской металлургией было одной из причин торможения роста объемов ее продукции. Заводы все сильнее зависели от своих лесных дач, которые не успевали обеспечить воспроизводство лесных массивов, а расстояние от завода до принадлежащей ему дачи год от года увеличивалось, что вело к росту себестоимости древесного угля, перевозимого на гужевом транспорте. Поэтому, с исчерпанием ресурсов лесных дач, перед уральскими промышленниками встал вопрос о замене древесного угля и дров на другие виды топлива, хотя бы на вспомогательных производствах, а также в работе механизмов. Поэтому в 1911–12 гг. начинается разработка Егоршинского и Богословского месторождений, горные участки на которых принадлежали различным заводам. В 1913–16 гг. Челябинские копи также были частично перекуплены уральскими заводами.

Своего первого пика добычи уральские копи достигают к 1917 г., когда активизировалась добыча открытым способом на Челябинском и Богословском месторождениях, а в Кизеле был

достигнут очень высокий уровень механизации. Здесь впервые в России была применена электровозная откатка, одновременно с Донбассом появились первые врубмашины и отбойные молотки. Следует заметить, что зарождение отрасли происходило в условиях рыночной экономики и успехи угледобычи в начале XX в. были вызваны предпринимательской активностью, которая позволила внедрить новый продукт на топливный рынок. Именно предприниматели вынесли на себе коммерческие риски первого этапа жизненного цикла товара.

В 1918 г. все угольные предприятия Урала были национализированы, что привело к заметному снижению добычи. Летом 1918 г. начавшаяся Гражданская война и наступление «белых» привели к дальнейшему падению добычи. Из-за царившей тогда неразберихи часть шахт в Егоршино и Челябинске оказалась заброшена и подтоплена, а другие были затоплены при отступлении «белых» летом 1919 г. Однако крупнейший в то время на Урале Кизеловский бассейн, до революции дававший до 68% уральской добычи, от перипетий Гражданской войны практически не пострадал, при этом, в 1919 г. он снизил добычу в 4–5 раз по сравнению с 1916–17 гг. Производительность труда шахтера в 1919–20 гг. была в 3–4 раза ниже, чем в 1914 г.⁴ Несмотря на катастрофическое падение добычи, доля Урала в общероссийской добыче существенно выросла, но это произошло из-за разорения войной Донбасса.

Восстановление советской власти на Урале проходило в условиях тотального дефицита, разрухи и распространяющегося голода. Копи испытывали недостаток рабочей силы, т.к. сезонные рабочие из крестьян разошлись по домам, а постоянные рабочие кадры частично были призваны в армию, а частично сменили место работы. Привлечь новых рабочих не получалось из-за жилищного кризиса и низкой заработной платы, а без них было невозможно поднять добычу и обеспечить топливом агонизирующие железные дороги. Решением проблемы тогда казалось использование мобилизационной модели развития. Рабочие копей приравнивались по статусу к военнослужащим, их не призывали в армию, давали повышенный продовольственный паек. Кроме того, для пополнения рабочей силы на копи стали прибывать части трудовой армии. Однако производительность труда трудармейцев была настолько низка, что правления копей предпочитали использовать их только на вспомогательных производствах и в строительстве. Реальным же разрешением проблемы трудовых ресурсов стал голод 1921 г., который привлек на копи крестьян из окрестных деревень⁵. Поскольку продоволь-

ственное снабжение зависело от норм выработки, производительность труда забойщиков стала приближаться к довоенной.

Весной 1922 г. вся топливная промышленность страны была переведена на коммерческий расчет. Первым следствием этого стал затяжной финансовый кризис, в который попали практически все предприятия отрасли. До 90% добытого угля реализовывалось по твердым (пониженным) ценам плановым потребителям, в основном железным дорогам, которые при этом постоянно задерживали оплату. Оставшихся же 10% добычи, предназначенных коммерческим потребителям, для покрытия издержек явно не хватало, следовательно, приходилось тратить на эти цели оборотные средства предприятий. Все это вело к росту задолженности по заработной плате перед рабочими и параличу всей финансовой работы только что созданных угольных трестов.

В 1923–24 гг. из-за восстановления Донбасса и Кузбасса, сопровождавшегося отставанием темпов восстановления остальной промышленности, обнаружился кризис сбыта угля. На относительно дешевый кузнецкий уголь были переведены уральские железные дороги. В условиях действующего коммерческого расчета это означало для предприятий Урала сокращение всех издержек, концентрацию производства и массовые увольнения рабочих. Наиболее сильно в результате пострадали Челябинские копи, где на пути снижения себестоимости продукции вся добыча была сконцентрирована на разрезах, а шахты закрыты⁶. За год здесь было уволено три из четырех тысяч рабочих. Полностью прекращена добыча была и на Полтаво-Брединских коях, а в Егоршино осталась всего одна действующая шахта. При этом Кизеловский бассейн, превосходящий соседей по качеству угля, несколько расширил свою долю на рынке. К 1925–26 гг. кризис сбыта был преодолен, но потребовалось еще несколько лет, чтобы восстановить трудовые коллективы. Только к 1926–28 гг. удалось достичь довоенного уровня добычи на всех основных угольных месторождениях Урала.

Если рассматривать применительно к первому этапу действия четырех факторов развития отрасли, то окажется, что их влияние в разные периоды этого этапа было разным. В момент зарождения отрасли основным можно считать технологический фактор. Именно отсутствие технологических возможностей у потенциальных потребителей (уральских заводов) определяло низкий спрос на уральский уголь. Со строительством железных дорог это препятствие было устранено. С 1913–14 гг. на первый

план выдвигается фактор растущего из-за топливного голода спроса. В 1919–21 гг. он дополняется действием ресурсного фактора, проявившегося в форме нехватки рабочей силы, а с 1923–24 гг. первоочередное значение приобретает фактор конкуренции со стороны привозного топлива. Естественно, что в каждый момент времени на отрасль действовали все четыре фактора, но доминирующее значение получали, как правило, только один или два.

Этап роста (конец 1920-х — середина 1950-х гг.)

Исходя из теории, на данном этапе определяющим должен становиться фактор постоянно увеличивающегося спроса. Под действием этого фактора отрасль начинает расширять производство, наращивать производственные мощности, а на рынок начинают проникать новые компании.

До конца 1920-х гг. расширение спроса на уральский уголь вызывалось восстановительным ростом. Восстанавливающаяся промышленность размещала на предприятиях угольной отрасли все более крупные заказы, но условий для качественного рывка производительности отрасли до конца 1920-х гг. не было. Причина этого кроется в действии технологического фактора, который проявлялся сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, следует упомянуть, что восстановление уральской промышленности в годы нэпа преследовало реконструктивные цели. Реконструкция означала перевод топливной базы уральской металлургии с потребления древесного угля на минеральное сырье. Местный уголь по своим качественным характеристикам не годился для сжигания в домнах, следовательно, вставал вопрос об увеличении поставок привозного топлива. Местные же угли должны были использоваться для энергетических нужд и во вспомогательных производствах, для снижения нагрузки на железные дороги, перевозящие сибирское топливо. Исключением являлся только кизеловский уголь, у которого в 1920–1930-е гг. была выявлена способность к коксованию при смешивании его с кузнецким углем.

Во-вторых, сдерживающее значение имела неразвитость уральской энергетики. По плану ГОЭЛРО в угольных районах Урала необходимо было построить четыре районные электростанции, три из которых должны были работать на местных углях. Несмотря на то что о пуске электростанций в Егоршино рапортовали в 1922 г., а в Кизеле в 1924 г., их реальная мощ-

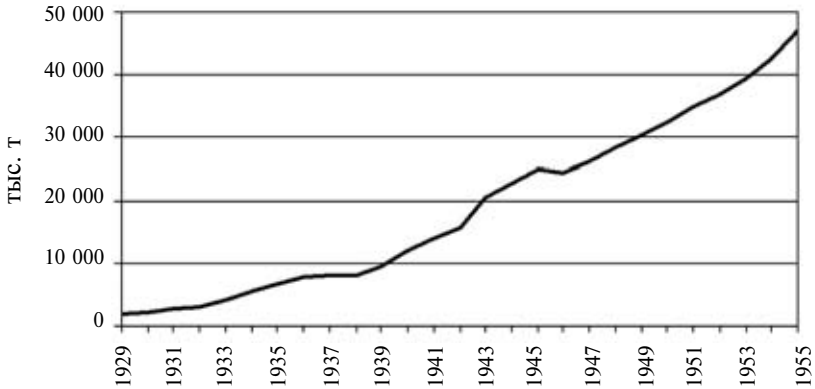
ность на протяжении всех 1920-х гг. была далека от плановой. Фактически, они обеспечивали электроэнергией только сами копи и окрестные поселки, а в Кизеле станция еще и позволяла электрифицировать участок железной дороги. По плану же первой пятилетки на Урале намечалось расширение мощности действующих и строительство нескольких новых электростанций, что в свою очередь требовало подъема угледобычи.

В-третьих, технологическая база самой угольной промышленности еще не позволяла резко наращивать объемы добычи. Требовалось провести механизацию эксплуатационных и подготовительных работ (внедрение отбойных молотков, врубовых машин, конвейерных лент), а также обновить подземный транспорт (заменить лошадь и человека машиной). Все это требовало большого количества новой техники, которое советская промышленность обеспечить еще не могла.

Таким образом, только устранение технологической отсталости в годы первых пятилеток обеспечило постоянно растущий спрос на продукцию отрасли. С конца 1920-х гг. именно спрос становится доминирующим фактором, подчиняющим себе все остальные процессы. Необходимо заметить, что этап роста отрасли проходил в условиях жесткой мобилизационной экономической модели, которая и обеспечивала этот спрос. Мобилизационная экономика через систему планирования искусственно подавляла фактор конкуренции. Государство регулировало производство и распределение продукции так, что на второй план отходили вопросы себестоимости добычи, эффективности капиталовложений, а уровень цен вообще устанавливался плановыми органами. Логика мобилизационной модели требовала обеспечения роста валовой добычи любой ценой, и здесь ограничителем роста мог выступить только фактор нехватки ресурсов.

Решению проблемы ресурсов уделялось пристальное внимание, а сама она, как и фактор технологии, проявлялась в нескольких направлениях: геологические возможности месторождений, наличие достаточной рабочей силы и обеспеченность необходимой инфраструктурой, прежде всего жильем. Первая из проблем была решена в начале 1930-х гг. с помощью расширения геологических разведок, выявивших в бассейнах Урала несколько новых относительно крупных месторождений, таких как Коркинское, Еманжелинское, Веселовское, Коспашское и Половинкинское. Ресурсная база под новое шахтное строительство была найдена, и в годы первых пятилеток на Урале были заложены и пущены в строй 41 шахта и 4 разреза⁷.

Добыча угля на Урале (этап роста)

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

Столь масштабное строительство требовало привлечения десятков тысяч новых рабочих. Однако привлекать их было, в общем-то, нечем, т.к. уровень заработной платы в отрасли и обеспеченность жильем были ниже, чем на строящихся гигантах социалистической индустрии, а условия труда — хуже. Мобилизационная модель экономики решила эту проблему с помощью использования принудительного труда спецпереселенцев. Уже в 1931–32 гг. на угледобывающие предприятия Урала поступило около 15 тыс. ссыльных, а по договору Уралугля с ОГПУ от 29 января 1933 г. угольная отрасль Урала получила в качестве рабочей силы 9944 семьи спецпереселенцев (39 323 человека)⁸. На отдельных шахтах ссыльные составляли от четверти до двух третей всех рабочих. Трудоиспользование спецконтингента, в свою очередь, позволяло экономить на жилищном строительстве. Вольнонаемных рабочих пытались разместить в имеющемся жилфонде, а для спецпереселенцев отдавали приспособленные помещения. Поэтому неслучайно сложилось так, что фактическая жилплощадь, приходящаяся на одного рабочего, на разных предприятиях составляла от 0,9 до 3,5 м². Многие семейные рабочие, чтобы выйти из положения, строили землянки, часть которых просуществует до конца 1970-х гг.

Производительность труда этих новых рабочих часто составляла только треть от средней по отрасли⁹. Методы материально-

го стимулирования, такие как стахановское движение, себя не оправдывали, поэтому единственным средством увеличения добычи оставалось строительство новых предприятий, а сроки их ввода постоянно затягивались, что вело к хроническому невыполнению пятилетних планов. Неуклонный рост добычи угля затормозился в 1937–38 гг., что, по нашему мнению, было связано с массовыми репрессиями, затронувшими отрасль. С 1939 г. подъем продолжился, так как построенные в предшествующие годы шахты стали выходить на запланированные мощности. Такое, в общем-то, экстенсивное развитие сопровождалось постоянным вниманием к увеличению уровня механизации и уже к середине 1930-х гг. удалось механизировать на 90–100% собственно отбойку угля и его подъем на поверхность, но остальные операции (погрузка, подземная транспортировка, проходка и крепление горных выработок) оставались основанными на тяжелом ручном труде. Достаточно сказать, что последних лошадей, использовавшихся в качестве подземного транспорта, удасться заменить машинами только в 1945–1948 гг.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война еще более повысила спрос на уральский уголь. Как и в 1918–1921 гг., потеря Донбасса подняла долю уральского угля в общей добыче к 1943 г. до небывалого уровня, превышающего 20%. В годы войны промышленность и энергетика региона испытывали постоянный топливный голод, который угольная промышленность пыталась покрыть за счет строительства большого количества мелких шахт. Такие шахты были недороги и строились быстро. С 1939 по 1945 г. объем добычи увеличился в 2,5 раза и достиг 25 млн т. Новое шахтное строительство и призыв в армию кадровых шахтеров потребовали привлечения в отрасль новой рабочей силы. На этот раз ею стали женщины, подростки, эвакуированное население, а также спецконтингент, в котором самостоятельные и достаточно крупные группы стали составлять трудмобилизованные (в основном, советские немцы и мобилизованное население республик Средней Азии), заключенные ИТЛ, а к концу войны — военнопленные, репатриированные и интернированные. Например, в комбинате Челябинскуголь эти категории рабочих в 1946 г. составляли 55% от всех трудящихся¹⁰. Все это до предела обострило жилищный вопрос, т.к. на отдельных предприятиях плотность проживания была такой, что на 1 м² жилья размещалось 3,7 человека.

После окончания войны обозначился переход от экстенсивных форм повышения добычи к интенсивным. Во второй поло-

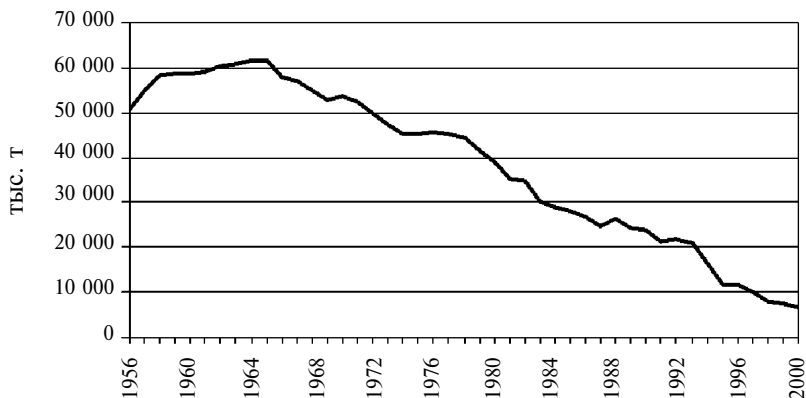
вине 1940-х — первой половине 1950-х гг. производится механизация подземного транспорта, внедряется новая техника, на смену отбойным молоткам приходят угольные комбайны, что ведет к резкому росту производительности труда. Продолжающийся рост отрасли способствует тому, что шахтерские города и поселки наконец получают благоустроенное жилье и объекты соцкультбыта.

Этапы зрелости (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) и упадка (середина 1960-х — 2000-е гг.)

С середины 1950-х гг. отмечаются падение темпов роста отрасли и определенная стабилизация уровня добычи, свидетельствующие о достижении отраслью стадии зрелости. Исходя из классической теории, рынок насыщается, темпы роста продаж замедляются, возникает необходимость сокращать издержки на единицу продукции, ликвидировать малоэффективные управленческие звенья, а также на рынок проникают товары-заменители.

Рисунок 5

Добыча угля на Урале (этапы зрелости и упадка)

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

По времени этап зрелости совпадает с ревизией мобилизационной модели экономики, первым следствием которой становится отказ от использования принудительного труда. В этих обстоятельствах, чтобы сохранить трудовые коллективы, руко-

водство страны вынуждено резко повысить заработную плату в отрасли. Таким образом, проблема трудовых ресурсов теперь решается с помощью материальных стимулов. Однако столь сильный рост заработной платы сделал ранее рентабельное производство планово убыточным. С конца 1950-х гг. более 90% угледобывающих предприятий СССР стали получать государственную дотацию, без которой они не могли покрывать издержки производства¹¹. Остро вставал вопрос о себестоимости добычи, но его решение затруднялось истощенностью ресурсной базы в старых бассейнах.

Действие ресурсного фактора сыграло ключевую роль в упадке отрасли. Геологические совещания, проводившиеся в 1956 г. во всех бассейнах Урала, выявили, что имеющихся геологических запасов, залегающих на глубине, где их добыча экономически оправдана, осталось, при сохранении объемов добычи, на 15–20 лет. Показателен пример Кизела, где геологические разведки 1950-х гг. показали, что запасы месторождения, которые оценивались к Международному геологическому конгрессу 1937 г. в 3 млрд т на самом деле к 1956 г. составляли только четверть от этой цифры. При этом, от трети до половины этих запасов залегало на глубине более километра¹². Сейчас уже сложно сказать, была ли ошибка в расчетах 1937 г. случайной или имели место приписки, вызванные желанием прихвастнуть своими запасами перед международной общественностью, но на основании этих расчетов принимались решения о капиталовложениях в развитие бассейна и в строительство нескольких городов.

Важнейшее значение для отрасли имело и изменение спроса на уголь. В годы семилетки правительством было принято решение об увеличении объемов добычи нефти и природного газа и о временном замещении ими угля в топливном балансе страны. Так начиналась знаменитая «газовая пауза». Фактически, за семь лет доля угля в топливном балансе сократилась почти в два раза и продолжала падать в дальнейшем. Вторжение на топливный рынок товаров-заменителей (нефти и газа) заставило руководство отрасли искать возможности для конкуренции с ними, в первую очередь за счет снижения себестоимости своей продукции. Особое значение этот вопрос приобретал в связи с переводом промышленности на хозрасчет во второй половине 1960-х гг. Дотационная и планово-убыточная отрасль не имела возможностей для успешной реализации хозрасчетных механизмов.

Топливный баланс Урала в XX в.

Год	Уголь	Нефть	Газ	Прочее
1921	21,04%	2,63%	0,00%	76,33%
1932	70,10%	3,60%	0,00%	25,20%
1958	80,80%	11,30%	0,80%	7,10%
1965	46,00%	22,40%	27,30%	4,30%
2000	16,70%	21,70%	49,50%	12,10%

Источники: Перспективы развития угольной промышленности СССР / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 1960. С. 210; Катальников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в государстве российском. Экономические и социально-исторические аспекты. М., 2004. С. 24; Лазарев Л. Угольная промышленность РСФСР к 1921 году. Екатеринбург, 1921. С. 11.

Необратимо начинается стадия упадка отрасли. На исчерпание ресурсной базы накладывается сокращение спроса на уголь из-за конкуренции со стороны товаров-заменителей, и здесь в силу входит технологический фактор, который опять-таки проявляется в нескольких направлениях.

Во-первых, это технологическое перевооружение во второй половине 1950-х гг. транспортной системы страны. Все железные дороги переводятся с паровозной тяги на электровозную и тепловозную. Таким образом, угольная отрасль остается без одного из своих важнейших потребителей.

Во-вторых, в результате распространения газового топлива на него переводится часть электростанций. Газ оказывается топливом, гораздо более удобным в эксплуатации, т.к. уголь приходилось транспортировать, разгружать из вагонов и складировать с потерей потребительских качеств, засыпать в печи, а затем выгрести и утилизировать золу. Газ же поступал потребителю одним поворотом крана. В результате, вкусы потребителей оказываются на стороне нового топлива. На газ переводятся даже те электростанции, которые строились специально для сжигания местных углей. В этих условиях угледобывающим предприятиям и плановым органам приходится искать потенциальных потребителей уральского угля по всей стране. Например, челябинский и башкирский уголь начинают поставлять на работающие на угле электростанции Центрального экономического района. Но это только осложняло проблему сбыта, т.к.

там он сужал рынок для подмосковного угля. Из-за нерешенности вопроса с плановыми потребителями, во второй половине 1960-х гг. Совет министров своим постановлением запрещает перевыполнение планов по производству уральского угля, так как на него нет спроса.

В-третьих, технологический фактор проявился в развитии отрасли в виде роста эксплуатационных издержек. К ним следует отнести расходы на комплексную механизацию и автоматизацию шахт, призванные повысить производительность труда, которая действительно увеличивается, но сложные механизмы, вытесняя высокооплачиваемых рабочих, сами оказываются не менее дорогостоящими. Применительно к Уралу это осложнилось еще и постоянным ухудшением горно-геологических условий, вызванным исчерпанием месторождений. Глубина большинства шахт в Кизеле достигла тысячи метров, Коркинский разрез в Челябинском бассейне стал самым глубоким в мире. Все это существенно удорожало процессы механизации.

В 1970-е гг., в полном соответствии с классической теорией, проводится реформа управления отраслью, ликвидировавшая промежуточные звенья управления — тресты — и преобразовавшая комбинаты в производственные объединения, с относительно широкими хозяйственными возможностями. Однако эта мера для Урала уже была неспособна изменить направление развития. В условиях сокращения спроса перед производственными объединениями стояли те же проблемы, что и ранее перед комбинатами.

Упадок отрасли, естественно, сопровождался значительным высвобождением избыточной рабочей силы с предприятий, закрывающихся из-за исчерпания ресурсов или экономической нецелесообразности. Возникла проблема трудоустройства высвобождающихся рабочих, однако действенных мер для ее разрешения найдено не было. Показательно, что в отношении Урала не было разработано ни одной правительственной программы развития, тогда как решения по Кузбассу, КАТЭКу, Караганде и Подмосковному бассейну принимались почти ежегодно¹³. Следовательно, начался отток населения из угледобывающих районов, а города и поселки Урала, в которых угольная промышленность была градообразующей, вступили в длительную стадию депрессии. Вместо строительства новых предприятий перспективных отраслей, способных принять избыточную рабочую силу, государство предпочло путь искусственного увеличения сроков эксплуатации действующих шахт и поддержания их минимальной работоспособности с помощью госдотации.

Во второй половине 1980-х гг. шахтерское рабочее движение привело к новому резкому повышению заработной платы угольщиков, что означало дальнейшее увеличение государственной поддержки полностью нерентабельной отрасли. В условиях жесточайшего социально-экономического кризиса и трансформационных изменений в стране, продолжение финансирования столь неэффективного хозяйства из государственного бюджета, было сочтено неоправданным. Начался процесс реструктуризации угольной промышленности. Для Урала реструктуризация означала фактическую ликвидацию отрасли. В 1990-е — начале 2000-х гг. были закрыты все угледобывающие предприятия в Кизеловском, Егоршинском, Южно-Уральском бассейнах, в Свердловской области остался один действующий разрез, в Челябинском бассейне — один разрез и две шахты. Реструктуризация сопровождалась массовой безработицей, резким снижением уровня жизни населения шахтерских районов, и ее социально-экономические последствия не преодолены до сих пор.

Таким образом, отраслевой комплекс угольной промышленности Урала прошел в XX в. все стадии жизненного цикла. Каждая из стадий сопровождалась процессами, прогнозируемыми теорией жизненного цикла отрасли, что свидетельствует о работоспособности данной теории в специфических условиях экономической истории России XX в. На каждом из этапов на развитие отрасли оказывали сильнейшее воздействие четыре основных фактора: спрос, ресурсы, технология и конкуренция, которые в различных сочетаниях и определяли отраслевую динамику. Эти факторы проявлялись с разной силой в зависимости от экономической политики, проводившейся в стране. Так, мобилизационная политика, подавляющая фактор конкуренции, искусственно стимулировала спрос на продукцию отрасли и насыщала производство дешевой рабочей силой, а подключение рыночных механизмов обнаруживало низкую рентабельность отрасли, неспособность ее к функционированию без государственной поддержки и в конечном счете вело отрасль к кризисам. Действие жизненного цикла отрасли обнаруживается и на примере других угольных бассейнов страны (см. Приложение), поэтому результаты и логика исследования уральского угледобывающего комплекса вполне могут быть применены к изучению всей угольной промышленности страны. Сам же отраслевой анализ позволяет, на наш взгляд, теоретически осмыслить развитие практически любой отрасли экономики.

Примечания

¹ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007; Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. / Сост. Ю.В. Яковец. М., 2002; Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

² См.: Стратегии бизнеса: Аналитический справочник / Айвазян С.А., Балкинд О.Я., Баснина Т.Д. и др. / Под ред. Г.Б. Клейнера. М., 1998; Боумен К. Основы стратегического менеджмента. М., 1996; Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. М., 1982; Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1990; Глазьев С.Ю., Львов Д. С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992; Уорд К. Стратегический управленческий учет. М., 2002; Ламбен Ж.Ж. Стратегический маркетинг: Европейская перспектива. М., 1999; Самочкин В.Н. Фазы жизненного цикла изделий и планирование гибкого развития предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 5. С. 3–9; Садченко К.В. Законы экономической эволюции. М., 2007. С. 31–35.

³ См.: Яковенко Е.Г., Басс М.И. Циклы жизни экономических процессов, объектов и систем. М., 1991. С. 14.

⁴ Бажанов В. Каменноугольная промышленность за 1920 год (Первая производственная программа Главного угольного комитета и ее выполнение). М., 1920. С. 37.

⁵ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3139. Оп. 1. Д. 198. Л. 181–182.

⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. 962. Оп. 4. Д. 25. Л. 5–6.

⁷ Подсчитано по: Угольная промышленность СССР за 50 лет: Статистический справочник. М., 1968. С. 93, 95.

⁸ ОГАЧО. Ф. 962. Оп. 6. Д. 6. Л. 246.

⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 263. Л. 37.

¹¹ Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М., 1999. С. 44–47.

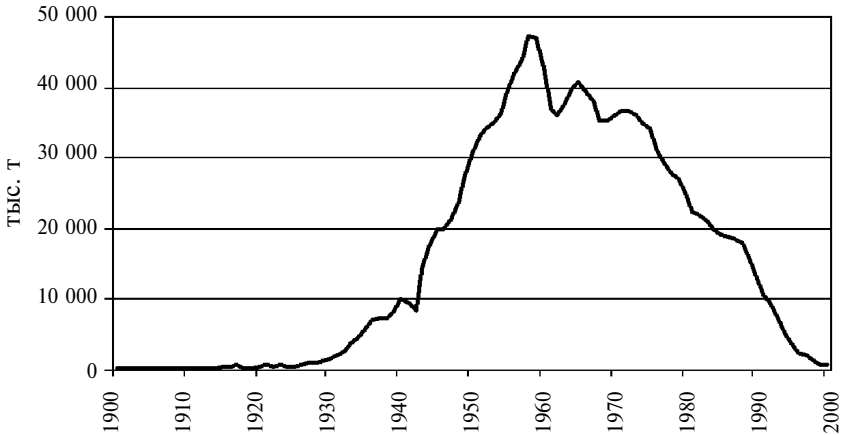
¹² Сборник материалов геологического совещания по перспективам Кизеловского угольного бассейна (17–19 апреля 1956 года). Пермь, 1958. С. 6–7.

¹³ Данный вывод сделан автором на основании изучения описей по фонду № 14 (Министерство угольной промышленности СССР) РГАЭ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 6

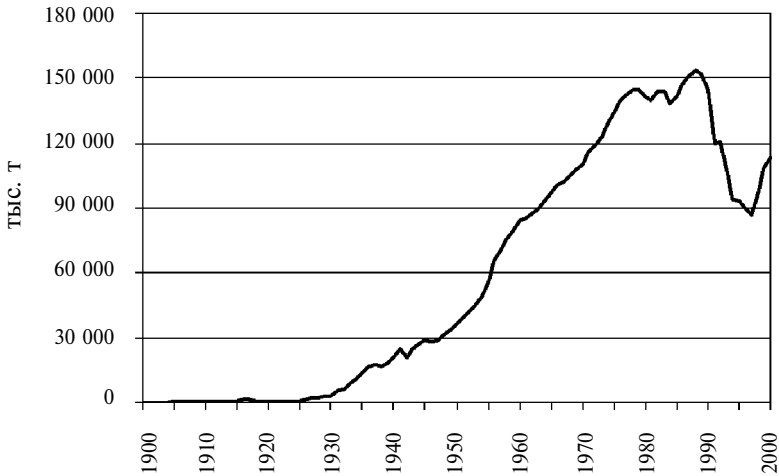
Жизненный цикл Московского угольного бассейна в XX в.

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

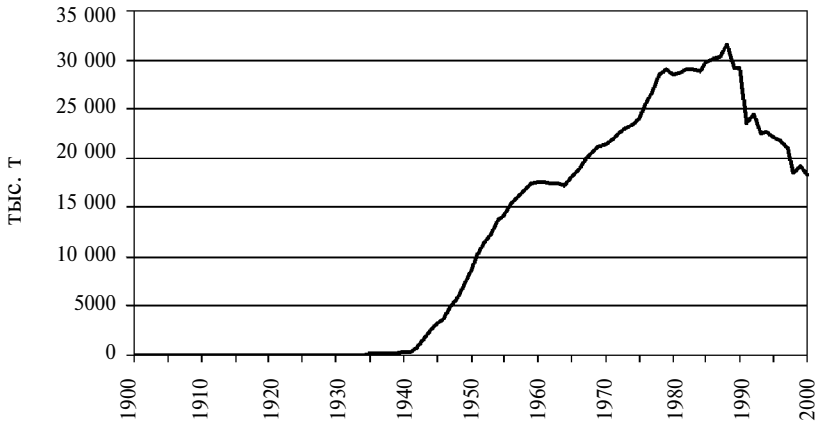
Рисунок 7

Жизненный цикл Кузнецкого угольного бассейна в XX в.

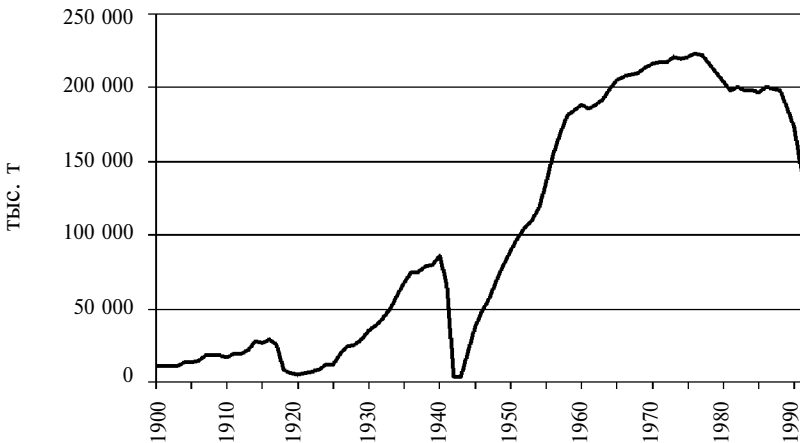
Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

Жизненный цикл Печорского угольного бассейна в XX в.

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

Жизненный цикл Донецкого угольного бассейна в XX в.

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

*В.Л. Некрасов**

Нефтегазовый комплекс СССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: институциональные аспекты развития

К середине 1950-х гг., несмотря на ряд несомненных достижений, в советской экономике сложилась ситуация «технологического пата», когда без овладения базисных новаций оказывалась невозможной технологическая трансформация экономики. Это обстоятельство вынуждает советское руководство переосмыслить роль структурной и институциональной политики, признать необходимость приоритетного развития новых производственно-технологических комплексов в машиностроении, химической промышленности, энергетике, изменение системы управления экономикой¹.

В данной статье рассматриваются некоторые институциональные аспекты развития нефтегазового комплекса во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: проблемы институционального закрепления новых приоритетов энергетической политики, влияние реформы управления на развития нефтегазового комплекса, ведомственные интересы в стратегическом развитии нефтегазового комплекса.

Государственные приоритеты, идеологические императивы развития нефтегазового комплекса и энергетические проблемы советской экономики

Формирование новых приоритетов в энергетике с преимущественным развитием нефтегазовой промышленности встретило серьезное сопротивление со стороны ряда высокопоставленных руководителей, связанных с «угольной партийно-хозяйственной элитой»². В Президиуме ЦК КПСС «угольное лобби» в 1953–1957 гг. представлял первый заместитель председателя Совета министров СССР, «железный нарком» Л.М. Каганович.

* Некрасов Вячеслав Лазаревич — кандидат исторических наук (Сургутский государственный педагогический университет).

В январе 1956 г., на обсуждении Генерального плана электрификации железных дорог в Президиуме ЦК КПСС³, Л.М. Каганович выступил «категорически против проекта» замены паровозов тепловозами и электровозами. По воспоминаниям Н.К. Байбакова⁴, представлявшего проект, Л.М. Каганович свою позицию мотивировал тем, что «в условиях возможной войны противник уничтожит электростанции и нефтяные промыслы, и мы останемся без электроэнергии для электровозов и горючего для тепловозов. Это парализует работу железнодорожного транспорта»⁵. В результате Генеральный план электрификации железных дорог был принят Президиумом ЦК КПСС в обход Л.М. Кагановича, при активной поддержке Н.С. Хрущева. О жесткости противостояния между Л.М. Кагановичем и сторонниками электрификации и теплофикации железных дорог говорит тот факт, что спустя шесть лет, в ноябре 1962 г. Н.С. Хрущев не преминул сказать, что, «когда этого “железнодорожника” выгнали к чертовой матери и действительно поставили вопросы электрификации, теплофикации движения на транспорте»⁶. Уже в 1958 г. свыше 15% всего грузооборота железнодорожного транспорта было выполнено на электровозной тяге⁷. В результате теплофикации и электрификации железнодорожного транспорта повысились качественные характеристики эксплуатации подвижного состава⁸, экономия угля к 1962 г. составил 70 млн т⁹.

Процесс технологического и институционального оформления новых приоритетов энергетической политики происходил в рамках изучения реальной социально-экономической ситуации в стране и поиска новых концептуальных оснований развития народного хозяйства во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.¹⁰

В Директивах шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1956—1960 гг.) были обозначены новые акценты в энергетической политике, связанные с курсом на преимущественную добычу нефти природного газа и постепенную замену угля¹¹.

Решение о приоритетном развитии нефтяной и газовой промышленности неразрывно связано с идеей перевода развития народного хозяйства на семилетнее планирование¹². В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» от 19 сентября 1957 г. говорилось о том, что «за последние годы геологами открыты новые крупные место-

рождения различных видов сырья и источников энергии. На базе этих ресурсов имеется возможность создать новые предприятия и новые промышленные центры, не предусмотренные директивами по шестому пятилетнему плану. Для этого недостаточно оставшихся трех лет шестой пятилетки. На осуществление таких больших задач потребуется не менее 5–7 лет. Все это вызывает необходимость составления перспективного плана развития народного хозяйства СССР на более длительный период. Исходя из этого, Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР постановляют:

1. Принять предложение Госплана СССР о разработке проекта плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы.

2. Поручить Госплану СССР, Советам министров союзных республик, совнархозам, министерствам и ведомствам СССР разработать проект плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. [...]

3. Обязать Госплан СССР, Советы министров союзных республик, Центральные Комитеты компартий союзных республик, совнархозы, министерства и ведомства СССР, руководителей предприятий... при разработке проекта перспективного плана исходить из необходимости обеспечить: освоение в более крупных масштабах природных богатств восточных районов страны; быстрейшую ликвидацию имеющихся в народном хозяйстве диспропорций; высокие темпы развития химической промышленности... высокие темпы электрификации страны, дальнейшее развитие угольной и особенно нефтяной и газовой промышленности, позволяющей наиболее эффективно решить проблемы топливоснабжения страны и обеспечения сырьем химической промышленности...»¹³

В постановлении Президиума ЦК КПСС «Об основных направлениях в разработке и составлении пяти — семилетнего плана развития народного хозяйства СССР» от 10 октября 1957 г. указывалось, что «при разработке пяти — семилетнего плана сделать также упор на решительное увеличение добычи нефти и использования газа в народном хозяйстве»¹⁴. ЦК КПСС и Совет министров СССР 15 августа 1958 г. приняли постановление «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжении предприятий и городов СССР»¹⁵, предусматривавшее сооружение единой системы магистральных газопроводов¹⁶.

В 1955 г. на базе строительных организаций Министерства нефтяной промышленности СССР по инициативе Н.К. Байба-

кова создается Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности СССР для обеспечения ускоренного роста объемов строительно-монтажных работ, ввода мощностей по добычи нефти, нефтеперерабатывающих заводов, строительства нефтепроводов. В 1956 г. в целях развития газовой промышленности было создано Главное управление газовой промышленности при Совете министров СССР (Главгаз СССР). Таким образом, в 1955–1958 гг. активно происходил процесс трансформации нефтяной и газовой промышленности в нефтегазовый комплекс.

Директивы XXI съезда КПСС предполагали «решительный курс на преимущественное развитие добычи и переработки нефти и газа». Удельный вес нефти и природного газа в структуре энергетического баланса предполагалось увеличить с 31 до 51%, а долю угля снизить с 60 до 43%¹⁷. Расширение использования нефти и природного газа в качестве технологического топлива и как сырья для химической промышленности рассматривалось как возможность «достичь большей экономии общественного труда»¹⁸.

XXII съезд КПСС выдвинул энергетику в качестве основного звена материально-технической базы коммунизма. Генеральная перспектива закрепляла ведущую роль нефтегазовой отрасли в обеспечении топливом промышленности и транспорта. Решения XXII съезда КПСС закрепили новые приоритеты в энергетической политике, подводили под них идеологическое обоснование в форме строительства материально-технической базы коммунизма¹⁹.

Государственные приоритеты и идеологические императивы закреплялись распределением капитальных вложений по отраслям промышленности. Так, планируемый объем капитальных вложений в народное хозяйство на 1959–1965 гг. составлял 1940–1970 млрд руб. (табл. 1).

Распределение капитальных вложений обозначили приоритеты структурной трансформации народного хозяйства в 1959–1965 гг. В соответствии с приоритетами капитальных вложений, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. начинают формироваться новые межотраслевые комплексы в экономике, которые в 1960–1980-е гг. становятся ядром ее ведущих отраслей.

В экономической и исторической литературе неоднократно обращалось внимание на тот факт, что решения XXII съезда КПСС оказали мобилизующее воздействие на долгосрочное развитие нефтегазовой промышленности²¹ (табл. 2).

Таблица 1

**Структура капитальных вложений в отдельные отрасли промышленности и энергетики
в 1952–1965 гг.²⁰**

Отрасль	1952–1958 гг., млрд руб.	1959–1965 гг.		в % к 1952–1958 гг.
		млрд руб.	в % к общему объему капитальных вложений	
Топливо-энергетический комплекс	208,5	370–380	19,1–19,3	177,4–182,2
в том числе:				
Нефтяная и газовая промышленность	72,2	170–173	8,7–8,8	235–240
Угольная промышленность	61,2	75–78	3,8–4,0	122–127
Электроэнергетика	75,1	125–129	6,4–6,5	166–172
Химическая промышленность	19,9	100–105	5,1–5,3	502–528
Черная металлургия	40,8	100	5,1	245
Машиностроение	65,5	118	6,0	180
Строительная индустрия	61,5	110–112	5,6–5,7	179–182
Транспорт и связь	107,4	209–214	10,7–10,8	195–199
в том числе железнодорожный	59,3	110–115	5,6–5,8	185–194

**Динамика ряда показателей развития
нефтяной и газовой промышленности²²**

Показатель	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Добыча нефти, млн т	147,9	242,9	353,0
Прирост добычи нефти за пятилетие, млн т	77,1	95,0	110,1
Среднегодовой прирост добычи нефти за пятилетие, млн т	15,4	19,0	22,0
Добыча природного газа, млрд м ³	45,3	127,6	198,0
Прирост добычи природного газа за пятилетие, млрд м ³	36,4	82,3	70,4
Среднегодовой прирост добычи природного газа за пятилетие, млрд м ³	7,28	16,5	14,1

Фактически с середины 1950-х гг. началась интенсивная реконструкция энергетики — за счет внедрения более эффективных и квалифицированных энергетических ресурсов²³, и охватившая энергетику, транспорт, промышленность, жилищно-коммунальный сектор. Однако обращает на себя тот факт, что закрепление новых приоритетов в энергетической политике и реконструкция энергетики во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. сопровождалось нарастанием энергетических диспропорций в советской экономике.

В середине 1950-х гг. в ряде экономических районов Северо-Запада, Юга и Сибири рост промышленного производства и развитие транспорта вызвали напряженность в энергетическом балансе²⁴. По словам министра энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожного, первые признаки надвигающихся энергетических трудностей появились в 1962 г. из-за нехватки топлива на электростанциях²⁵.

По данным Государственного научно-экономического совета, к началу 1960-х гг. в Уральской, Кузбасской, Иркутской, Красноярской, Карагандинской, Центральной, Южной, Ленинградской, Прибалтийской, Кольской и Карельской энергетических системах создалось напряженное положение с обеспечением электроэнергией народного хозяйства²⁶. Среди экономико-географических районов наиболее сложная ситуация с обеспечением промышленности электроэнергией и топливом²⁷ сложилась в Уральском районе. В 1963 г. возникла напряженность в обеспечении электроэнергией, нефтепродуктами и природным газом сельского хозяйства и отдельных промышленных предприятий²⁸.

Так, по расчетам Государственного научно-экономического совета Совета министров СССР, потребность экономики в дизельном топливе не обеспечивается в 1963 г. на 900 тыс. т, в 1964 г. — на 1800 тыс. т, в 1965 г. — на 3000 тыс. т²⁹. Ограничения в обеспечении народного хозяйства топлива можно рассматривать как одну из главных причин экономического спада в 1963 г.³⁰ В 1964 г. реальный дефицит дизельного топлива для нужд сельского хозяйства составил 700 тыс. т³¹. В 1965 г. специалисты отдела тяжелой промышленности Госплана СССР признали угрозу дальнейшего ограничения в снабжении нефтепродуктами и природным газом промышленных центров европейской части СССР³². Ситуацию с энергоснабжением усложняли сложные климатические условия. Так, зимой 1964–1965 гг. в связи низкой температурой Москва оказалась на грани энергетического коллапса. Министерство энергетики и электрификации СССР оказалось не готовым к подобной ситуации³³.

Рост дефицита нефтепродуктов и природного газа в 1960-е гг. также происходил из-за отставания темпов добычи от потребления. В 1964 г. мощности нефтеперерабатывающих заводов превосшли возможности нефтедобывающей промышленности, а темпы потребления природного газа над обеспеченностью его запасов³⁴.

Напряженность в обеспечении народного хозяйства топливом и энергией сохранялась вплоть до конца 1960-х гг., являясь актуальной экономической проблемой для Советского правительства.

Закономерным является вопрос: почему в советской экономике, располагавшей всеми известными энергетическими ресурсами, на рубеже 1950–1960-х гг. сложилась напряженная ситуация с обеспечением топливом и энергией? По мнению экономистов, причиной напряженности в топливно-энергетическом балансе являлся «все еще значительный удельный вес низкокалорийных видов твердого топлива (бурый уголь, торф, сланцы, дрова) и небольшой удельный вес таких высококалорийных видов топлива, как природный газ и нефть»³⁵. Тем не менее ответ на этот вопрос находится в сфере анализа скорее институциональных механизмов, чем чисто экономических, технологических или ресурсных проблем развития советской экономики³⁶.

Одна из причин энергетических трудностей заключается в том, что идеологическая мотивация и инвестиционная политика в энергетике в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. не сопровождалась технико-экономическим обоснованием эффективности новых энергетических ресурсов и технологий. Мате-

риалы совещания Министерства электростанций СССР 12 декабря 1959 г.³⁷, позволяют выделить ключевые проблемы развития топливно-энергетического комплекса СССР на рубеже 1950–1960-х гг.: 1. В топливно-энергетическом балансе страны происходит «чехарда». 2. Отсутствует ясность в рациональном соотношении использования в промышленности и быту между природным газом, углем и электроэнергией. 3. Необходимо ввести единую методологию планирования добычи минеральных энергетических ресурсов. 4. Необходимо ускорить строительство магистральных трубопроводов для передачи природного газа в европейскую часть СССР. 5. Остро стоит проблема маневренных мощностей в электроэнергетике. 6. Загазованность окружающей среды. 7. Низкий КПД тепловых электростанций.

Главный вывод совещания — топливно-энергетического баланса экономики фактически нет, отсутствует понимание, что такое сплошная газификация и электрификация, серьезной проблемой, по словам П.С. Непорожного, являлось отсутствие долгосрочной перспективы развития энергетики³⁸.

Данные проблемы выступили источниками коллизий в развитии всего топливно-энергетического комплекса, столкновений ведомственных интересов энергетиков и нефтяников, газовиков. В данном случае речь идет о борьбе вокруг развития гидроэнергетики в конце 1950-х — начале 1960-х гг. и «газовом конфликте» 1963 г.

Одним из дискуссионных вопросов в энергетической политике советского правительства на рубеже 1950–1960-х гг. стал вопрос о гидроэлектростанциях.

16 марта 1958 г. на заседании президиума ЦК КПСС был обсужден доклад Министерства электростанций СССР о мероприятиях по снижению стоимости и сокращения строительства и электросетей. В ходе обсуждения был поднят вопрос о топливе для ТЭЦ. В докладе по этому поводу отмечалось, что «для сокращения сроков и снижения стоимости строительства тепловых электростанций большое значение приобретает использование природного газа в качестве энергетического топлива. Стоимость строительства таких электростанций на 20% меньше пылеугольных, срок их строительства сокращается на 10 месяцев». В министерстве считали, что снижение капитальных затрат будет происходить за счет отказа от сооружения угольных сладов, топливоподачи, золоудаления и золоудаления, уменьшения стоимости технологического оборудования. В докладе особенно подчеркивалось, что строительство ТЭЦ на природном газе улучшит санитарные условия в городах³⁹. Итогом совещания стали постановления ЦК КПСС «О мероприятиях по со-

крашению сроков и снижению стоимости строительства гидравлических и тепловых электростанций и электрических и тепловых сетей» и «О сокращении сроков и снижении стоимости строительства электростанций и электросетей»⁴⁰.

Основанием для постановления стало мнение председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева, что гидроэлектростанции строятся дорого и долго, и предложил заморозить строительство ГЭС и форсировать строительство ТЭЦ⁴¹. В результате в Госплане СССР стали принижать роль гидроэнергетики не только как источников электроэнергии, но и как маневренной мощности, для обеспечения экономичности и устойчивости работы тепловых электростанций. Фактически еще с 1955 г. началось сокращение капитальных вложений в строительство ГЭС. С 1955 по 1960 г. их объем сократился с 635 до 437 млн рублей в год, а удельный вес в капитальных затратах на развитие энергетики снизился с 50 до 20%⁴². В 1958 г. четыре раза приостанавливалось строительство Красноярской ГЭС. Госплан СССР не включил продолжение ее строительства в контрольные цифры семилетнего плана, мотивируя тем, что эффективнее построить несколько ТЭЦ⁴³. П.С. Непорожний прямо указывает, что в 1960-е гг. руководство Госплана СССР тормозило развитие гидроэнергетики⁴⁴.

Однако данная политика не мешала появлению одиозных гидротехнических проектов, таких как проект Нижне-Обской ГЭС.

Идея строительства Нижне-Обской ГЭС возникла в начале 1950-х гг. в рамках долгосрочной стратегической программы гидротехнического освоения потенциала сибирских рек. Инициатором проекта выступил институт «Гидропроект» — проектный институт Министерства строительства электростанций СССР. Огромные успехи в проектировании плотин в любых климатических и геологических условиях выдвинули институт «Гидропроект» на передовые позиции в стране⁴⁵.

Проект предусматривал строительство плотины в 130 км южнее Салехарда и затопление территории площадью 113 тыс. км². Мощность гидроэлектростанции, по замыслу проектировщиков, должна была составить 6–7 млн кВт и с выработкой электроэнергии 32–35 млрд кВт⁴⁶. В «Гидропроекте» строительство Нижне-Обской ГЭС рассматривали как способ ликвидации дефицита энергии в Уральском экономико-географическом районе⁴⁷. В 1958 и 1960 гг. проект Нижне-Обской ГЭС был обсужден на техническом совете Министерства электростанций СССР⁴⁸ и признан экономически целесообразным⁴⁹ (табл. 3).

Сравнительная характеристика гидроэлектростанций⁵⁰

ГЭС	Установленная мощность, тыс. кВт	Общая площадь затопления, тыс. га	Покрытая лесом площадь, км ²	Ликвидный запас древесины, подлежащий лесосводке, млн м ³
Нижне-Обская	6000–7500	11300	3917	220,0
Красноярская	5000	280	115	2,2
Братская	4500	583	315	36,0
Чебоксарская	1400	—	206	9,8
Нижне-Камская	1100	581	240	7,2
Воткинская	1000	93	69	4,1
Каменская	630	208	157	7,1
Горьковская	400	155	57	1,3
Итого по всем ГЭС, кроме Нижне-Обской	14 030	1884	1159	67,7

Проект Нижне-Обской ГЭС был внесен в Генеральную перспективу развития электроэнергетики, был поддержан Н.С. Хрущевым⁵¹. Тем самым проект получил статус приоритетного на высшем уровне. Однако против проекта Нижне-Обской ГЭС выступили в научных кругах — в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР, не одобрили проект в Научном совете по размещению производительных сил АН СССР и Сибирском отделении АН СССР⁵².

По мнению В.В. Алексеева, отказ от реализации проекта Нижне-Обской ГЭС связан с нецелесообразностью затопления и заболачивания громадных площадей, «...чтобы не затруднять хозяйственное освоение природных ресурсов Западно-Сибирской низменности и не наносить ущерба природе Севера»⁵³. П.С. Непорожний также называет в качестве причины отказа от реализации проекта то, что «...в бассейне реки разворачивались работы по освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»⁵⁴. Однако и на стадии разработки проекта ГЭС в 1957 г., и на стадии уточнения схемы использования Нижней Оби в 1962 г. проектировщики «Гидропроекта» считали, что «...вопрос об использовании газовых или нефтеносных месторождений не должен являться определяющим при выборе района строительства Нижне-Обской плотины. Это положение обусловлено тем, что при обоих вариантах расположения ГЭС⁵⁵ какая-то часть

газово-нефтеносных месторождений Западно-Сибирской низменности подвергнется затоплению и их эксплуатация будет проводиться из-под воды»⁵⁶. По воспоминаниям геологов-нефтяников Ю.Г. Эрвье и Ф.Г. Гурари, в «Гидропроекте» очень примитивно представляли себе эксплуатацию месторождений со дна водохранилища, что это будет не Каспийское море, а су- ровый ледяной край⁵⁷.

В 1962 г. была создана правительственная комиссия для решения этой проблемы, и в результате, по словам Н.К. Байбакова, «удалось обсудение перевести в дискуссию»⁵⁸.

1962–1963 гг. стали решающими в судьбе не только проекта Нижне-Обской ГЭС, но и возможного варианта хозяйственного освоения Западно-Сибирской низменности⁵⁹. К этому времени в группу противников реализации проекта входили члены Президиума ЦК КПСС (Аристов А.Б., Кириленко А.П.), руководители партийных и хозяйственных органов Тюменской области (Протозанов А.К., Щербина Б.Е. Эрвье Ю.Г.), Совета народного хозяйства СССР (Каламкаров В.А.), Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР (Байбаков Н.К.), Государственного комитета газовой промышленности СССР (Кортунов А.К.), Государственного геологического комитета СССР (Сидоренко А.В.), Академии наук СССР (Некрасов Н.Н., Лаврентьев А.М.), Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (Пробст А.Е.) и др.

26 января 1963 г. состоялось заседание экспертной комиссии при Госплане СССР. Заключение по проектному заданию на строительство ГЭС поддержали четыре академика и сорок докторов наук, а также первый заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по топливной промышленности С.А. Оруджев. Однако комиссия высказалась за дальнейшее изучение вопроса.

В октябре 1963 г. в Госплане состоялось новое обсуждение. Свои возражения высказал Госплан СССР и Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. Аргументами против строительства ГЭС и создания водохранилища были огромный вред экологии края, всем отраслям региона и то обстоятельство, что предлагаемый вариант добычи нефти и природного газа по методу разработки месторождений на море в северных условиях очень сложен и дорогостоящ. Руководство страны, изучив материалы Госплана СССР, отложило вопрос о строительстве Нижне-Обской ГЭС⁶⁰.

Противоречием в энергетической политике Советского правительства выступил газовый вопрос. В середине 1963 г. в высшем политическом руководстве и среди некоторых ученых рас-

пространилось мнение о нерациональном использовании запасов природного газа. Эту линию поддержал Н.С. Хрущев, который написал в Президиум ЦК КПСС записку, где ставился вопрос о нецелесообразности быстрого развития газовой промышленности и отмечалось, что природный газ необходимо беречь для потомков и использовать на бытовые цели и в качестве сырья для химической промышленности⁶¹. Реакция была незамедлительной. Работы по строительству некоторых газопроводов и по поиску новых месторождений были приостановлены. Сторонникам ускоренного развития газовой промышленности было указано на неправильность и даже вредность проводимой ими линии на «разбазаривание» недр страны⁶².

Однако данное решение натолкнулась на позицию руководителей нефтяной и газовой промышленности. По инициативе председателя Газпрома СССР А.К. Кортунова в ЦК КПСС и Совет министров СССР была направлена записка, где доказывалась недопустимость снижения темпов добычи природного газа. Записку подписали председатель Государственного комитета химической и нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбаков, заместитель председателя Совета народного хозяйства СССР В.А. Каламкаргов и др. Кроме того, «газовикам» удалось заручиться негласной поддержкой первого заместителя председателя Совета министров А.Н. Косыгина и председателя Высшего совета народного хозяйства СССР Д.Ф. Устинова. В итоге Н.С. Хрущева удалось переубедить⁶³.

Таким образом, в процессе институционального и технологического закрепления новых приоритетов энергетической политики на протяжении второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг. проявились проблемы согласования государственных приоритетов и идеологических императивов с технологическими и экономическими условиями развития народного хозяйства, преодолением лоббизма и узковедомственных интересов.

Реорганизация управления нефтегазовым комплексом СССР

В середине 1950-х гг. обозначилась проблема совершенствования управления промышленностью и строительством. Наметилось направление — замена отраслевой системы управления на территориальную и создание Советов народного хозяйства экономических административных районов. Анализ отечественной историографии свидетельствует о том, что проблема реформирования управления промышленностью и строительством в

1957–1965 гг. и влияния реформы на развитие отдельных отраслей и межотраслевых комплексов изучена далеко не достаточно⁶⁴. Вопрос о реорганизации управления нефтегазовым комплексом СССР в 1957–1965 гг. является фактически мало исследованным. Современные исследователи развития нефтегазового комплекса СССР в 1950–1960-е гг. В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, М.В. Славкина не уделили внимания данному вопросу⁶⁵, отсутствует оценка реформы управления в нефтегазовом комплексе и в обобщающих трудах⁶⁶.

Проблемы поиска эффективного соотношения управляющих структур являлись актуальными экономическими и политическими темами в «хрущевский» период⁶⁷. Современные историки едины во мнении, что реформа управления промышленностью и строительством занимала одно из центральных мест в череде преобразований, инициированных Н.С. Хрущевым, с которой связывались большие надежды⁶⁸.

7–11 мая 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР был принят Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»⁶⁹. Выступая на сессии, Н.С. Хрущев говорил: «Ведомственный подход приводит к ослаблению, а зачастую и к нарушению нормальных производственных связей между предприятиями различных министерств, расположенных в одном и том же городе или экономическом районе. При нынешней структуре, когда управление осуществляется из центра по вертикали, на длительное время задерживается решение ряда важных вопросов»⁷⁰.

В период подготовки к Пленуму ЦК КПСС 13–14 февраля 1957 г. в Президиуме ЦК КПСС произошло ряд заседаний, посвященных обсуждению записки Н.С. Хрущева «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством»⁷¹. Так, по мнению министра среднего машиностроения М.Г. Первухина, вопрос о реорганизации не являлся однозначным, т.к. в структуре народного хозяйства существуют отрасли, «которые не могут быть разъединены» — электроэнергетика, железнодорожный транспорт, военная промышленность⁷². Аналогичного мнения придерживался министр химической промышленности С.М. Тихомиров, задававший вопрос, «как быть с монтажными организациями (они блуждающие)?», а также высказавший мысль о том, что сырьевые отрасли промышленности нельзя полностью децентрализовать⁷³. Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков считал, что следует «в первую очередь ликвидировать машиностроительные министерства и строительные министерства; во вторую очередь — сырьевые министерства»⁷⁴. В мемуарах

Н.К. Байбаков вообще отмечает, что он к идее создания совнархозов относился отрицательно. По его словам, в беседе с Н.С. Хрущевым он указал, что «нельзя ликвидировать министерства оборонной промышленности, топливно-энергетические, сырьевые и машиностроительные»⁷⁵. Но Н.С. Хрущев оставил доводы председателя Госплана СССР без внимания и энтузиазма⁷⁶.

На заседании Президиума ЦК КПСС 22 марта 1957 г. Н.К. Байбаков выступил с предложением создать Высший совет народного хозяйства по тяжелой промышленности для руководства отраслями топливно-энергетического комплекса и машиностроения. Однако его предложение не было поддержано членами Президиума ЦК КПСС⁷⁷.

В результате были расформированы Министерство нефтяной промышленности СССР, Министерство строительство предприятий нефтяной промышленности СССР, функции Министерства геологии и охраны недр СССР «были сведены к научно-методическому руководству геологоразведочными работами»⁷⁸.

Более сложным оказался вопрос с реформированием газовой промышленности. По воспоминаниям Н.К. Байбакова, Ю.П. Баталина, Ш.С. Донгаряна, вопрос о реорганизации Главгаза рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС⁷⁹. Начальник Главгаза А.К. КОРТУНОВ внес предложение, чтобы сохранить отраслевое управление газовой промышленностью и передать в Главгаз строительно-монтажные организации Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности СССР. Несмотря на негативное отношение нового председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина к идее сохранения Главгаза, А.К. КОРТУНОВА поддержали члены Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, Е.А. Фурцева. Ключевым аргументом в пользу сохранения отраслевого управления газовой промышленностью — «разрезать» газопроводы на участки по совнархозам невозможно.

В целом реформа управления в нефтегазовой промышленности привела к ее децентрализации — добыча нефти и природного газа, ведение геологоразведочных работ была сосредоточена в совнархозах, строительно-монтажный комплекс оказался рассредоточен между Главгазом и совнархозами, предприятия нефтегазового машиностроения подчинены совнархозам⁸⁰.

Исследователи отмечают, что «переход на территориальный принцип управления поначалу дал позитивные результаты»⁸¹. Анализ докладной записки начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского в Совет министров СССР показывает тенденции развития нефтяной и газовой промышленности в период становления новой системы управления. В 1957–1959 гг. нефтедобывающими

предприятиями совнархозов было добыто сверх плана 3 млн т нефти, высокими темпами росла производительность труда, снизилась себестоимость добычи нефти и природного газа, увеличилась скорость бурения. Так, скорость эксплуатационного бурения повысилась в 1958 г. до 1084 м на 1 станок в месяц против 940 м в 1956 г., в разведочном бурении — до 416 м в 1958 г. против 342 м в 1956 г.⁸² Между тем данные по ряду показателей за 1959–1963 гг. — в период развития территориальной системы управления — позволяют утверждать о снижении эффективности развития нефтяной и газовой промышленности (табл. 4).

Таблица 4

Выполнение контрольных цифр семилетнего плана развития нефтяной и газовой промышленности (1959–1963 гг.)⁸³

Показатели	По контрольным цифрам семилетки на 1959–1963 гг.	Фактическое выполнение за 1959–1963 гг.	«+» или «-» к контрольным цифрам семилетнего плана
Накопленная добыча нефти, млн т	813	836	+23
Накопленная добыча природного и попутного нефтяного газа, млрд м ³	377	312	-65
Объем буровых работ, млн м	51	41,3	-9,7
В том числе, разведочное бурение	29	22	-7
Прирост промышленных запасов:			
Нефти, млн т	2624	2411	-213
Природного газа, млрд м ³	1989	1452	-537
Капитальные вложения в нефтяную промышленность, млн руб.	4786	4504	-282

Обращает на себя внимание тот факт, что в течение 1959–1963 гг. выполнение контрольных цифр семилетнего плана произошло только по разделу добыча нефти. В 1963 г. нефтяная промышленность преодолела психологический рубеж в

200 млн т/год, и, согласно данным официальной статистики, среди отраслей топливно-энергетического комплекса только по нефтяной промышленности контрольные цифры семилетнего плана были полностью достигнуты (табл. 5).

Таблица 5

**Выполнение семилетнего плана
по топливно-энергетическому комплексу⁸⁴**

Показатели	1958 г.	Планируемые результаты	Полученные результаты в 1965 г.
Добыча нефти, млн т	113	230–240	242,9
Добыча природного газа, млрд м ³	28	150	127,7
Добыча угля, млн т	496	600–612	577,7
Производство электроэнергии, млрд кВт/ч	235	500–520	506,7

Но в материалах по корректировке контрольных цифр развития нефтяной промышленности на 1962–1965 гг. Государственного научно-экономического совета принимался уровень добычи в 245, 247 и даже 255 млн т, а уровень добычи природного газа снижался до 145 млрд м³⁸⁵. В июне 1964 г. председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбаков констатировал, что в 1965 г. добыча нефти, «хотя и будет соответствовать уровню... 240 млн т, но будет ниже объема, установленного корректировками к контрольным цифрам, на 7 млн т, а добыча газа составит в 1965 г. 128 млрд м³, или будет ниже на 22 млрд м³ против объема, предусмотренного семилетним планом»⁸⁶. Тем самым реально семилетний план по отраслям топливно-энергетического комплекса не был выполнен⁸⁷.

Разнонаправленность роста объемов добычи нефти и объемов геологоразведочных работ, бурения и капитальных вложений в первой половине 1960-х гг. формировало неустойчивое, напряженное положение в отрасли. В 1961–1965 гг. только «Пермнефть» и «Коминнефть», обеспечивающие 3,7% общесоюзной добычи, имели устойчивую тенденцию к увеличению прироста добычи нефти. Ведущие нефтедобывающие управления — «Татнефть», «Башнефть», «Куйбышевнефть» — демонстрировали падающую динамику прироста добычи нефти (табл. 6).

Прирост добычи нефти, тыс. т⁸⁸

	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
СССР	18 302	18 209	20 176	19 825	17 534	19 285
Управления с устойчивым приростом добычи нефти						
«Пермнефть»	531	786	1272	1522	1494	2385
«Коминнефть»	46	110	184	204	256	662
Управления с неустойчивым «положительным» приростом добычи нефти						
«Татнефть»	7606	6504	7998	7357	6104	5679
«Куйбышевнефть»	3189	3326	3471	3095	1148	81
«Башнефть»	2627	3216	3172	3276	2889	2582
«Каспморнефть»	767	890	1109	1015	945	467
«Оренбургнефть»	213	308	281	176	288	289
«Сахалиннефть»	167	80	72	151	304	204
«Грознефть»	789	431	570	938	1792	1930
«Дагнефть»	11	31	85	283	100	275
«Ставропольнефтегаз»	517	708	594	490	455	684
«Укрнефть»	521	653	912	893	879	1888
«Туркменнефть»	701	832	850	812	767	1097
Управления с неустойчивым «отрицательным» приростом добычи нефти						
«Саратовнефтегаз»	-269	-259	-314	170	-150	73
«Эмбанефть»	66	90	-55	-64	51	55
«Узбекнефть»	137	106	46	37	-54	-171
«Киргизнефть»	40	-42	-76	-13	-13	15
«Эмбанефть»	66	90	-55	-64	51	55
«Узбекнефть»	137	106	46	37	-54	-171
«Киргизнефть»	40	-42	-76	-13	-13	15
Управления с устойчивым «отрицательным» приростом добычи нефти						
«Краснодарнефтегаз»	157	-137	-319	-360	-321	-188
«Азнефть»	767	-18	-111	-215	-195	-216

На Всесоюзном совещании геологов, прошедшем в феврале 1965 г., председатель Государственного производственного геологического комитета СССР А.В. Сидоренко высказал мысль, что децентрализация управления нефтяной промышленностью и геологической службы выступило одной из главных причин неустойчивого положения в нефтегазовой промышленности и геологии⁸⁹. Позднее аналогичное мнение высказал министр цветной металлургии СССР П. Ломако, считая, что децентрализация управления в 1957–1963 гг. снизила эффективность минерально-сырьевого комплекса⁹⁰.

Как известно, ведущим звеном нефтегазовой промышленности выступают геологоразведочные работы, определяющие возможные уровни прироста добычи нефти и природного газа⁹¹. В условиях территориальной системы управления произошло снижение эффективности геологоразведочных работ. Причем наименьшую эффективность показали геологоразведочные организации совнархозов. Так, план прироста запасов нефти по категориям А + В за 1959–1964 гг. организации Госгеолкома СССР выполнили на 129,5%, а организации совнархозов — на 87,7%. План прироста запасов природного газа по категориям А + В организации Госгеолкома СССР выполнили на 81%, а организации совнархозов — на 51%⁹². Нефтегазодобывающие управления совнархозов, контролируя 70% объемов разведочного бурения, занимались доразведкой старых месторождений, затрачивали средства на бурение малодобитных эксплуатационных скважин, и настойчиво добиваясь прекращения разведочных работ в новых районах⁹³. По словам А.В. Сидоренко, такое положение происходило вследствие того, что «...совнархозы, занятые в основном добычей и переработкой нефти и газа, не уделяют должного внимания поисково-разведочным работам»⁹⁴.

Председатель Госгеолкома РСФСР С.В. Горюнов критически оценил эффективность геологоразведочных работ в 1959–1964 гг., отмечая, что «...за последние пять-шесть лет выявились некоторые новые проблемы важнейшего значения. У нас очень плохо обстоит дело с приростом запасов природного газа. Из года в год мы планируем этот прирост по районам Поволжья, Северного Кавказа разведочными организациями совнархозов, а также по районам Коми АССР и Оренбургской области, по территориальным управлениям Государственного геологического комитета. Однако этот план из года в год срывается, и мы до сего времени, по существу, не нашли выхода из этого тупика»⁹⁵.

Особенно тяжелое положение складывалось в районах нового освоения, где еще не велась промышленная добыча минерально-сырьевых ресурсов. Начальник Северо-Восточного геологического управления⁹⁶ И.Е. Драбкин констатировал: «...мы обеспечиваем сырьевую базу совнархозу. Ему работать надо, получить от нас запасы. Я думаю, что это происходит от того, что в тех органах, которые ведают вопросами материально-технического обеспечения, недооценивают значения геологоразведочных работ, считают их подсобными работами, а не областью материального производства. Существует такая точка зрения, что геология только тратит деньги, а не создает материальные ценности. Это, конечно, неправильно»⁹⁷.

Средне-Уральский совнархоз, специализирующийся на машиностроении и металлургии, оказался не заинтересован в развитии нефтегазовой промышленности, затягивая строительство транспортной инфраструктуры в районах нового промышленного освоения на севере Тюменской области, перераспределяя «нефтяные» средства в пользу своих базовых отраслей. По воспоминаниям Ф.К. Салманова, руководство Средне-Уральского совнархоза считало преждевременным организацию промышленной добычи нефти и природного газа в северных округах Тюменской области. В 1963–1964 гг. секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протозанов, опираясь на поддержку председателя Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбакова, выступал с идеей восстановления Совета народного хозяйства Тюменского экономического административного района, который будет специализироваться на добыче и переработке нефти и природного газа. Но в условиях относительной самостоятельности крупных совнархозов от промышленных обкомов отдельных регионов это решение было нереальным. Председатель Средне-Уральского совнархоза В.В. Кротов занял жесткую позицию, выступив против создания «нефтегазового» совнархоза и вмешательства Тюменского промышленного обкома КПСС в работу предприятий совнархоза⁹⁸.

По мнению Н.К. Байбакова, С.И. Кувыкина, Я. Чадаева напряженная ситуация в нефтегазовой отрасли и невыполнение планов сложилась в связи с «явно недостаточным строительстве промыслов и сравнительно небольшом объеме бурения и прироста новых ресурсов нефти»⁹⁹. Так, в течение 1958–1963 гг. в Средне-Волжском совнархозе происходило систематическое отставание обустройства нефтяных промыслов (табл. 7).

**Выполнение плана строительно-монтажных работ по объединению
«Татнефть» за период 1958–1964 гг.¹⁰⁰**

Показатели	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1-я пол. 1964 г.
План на год, млн руб.	128,27	135,78	136,21	131,81	128,32	142,5	71,6
Фактическое выполнение, млн руб.	125,22	129,1	132,15	120,1	114,44	121,37	50,8
В % к плану	97,7	95,1	97,0	91,1	89,2	85,0	70,9
В % к 1958 г.	100	103,1	105,5	98,0	91,4	97,0	—

По воспоминанию Ш.С. Донгаряна, в 1963 г. нефтяная промышленность Средне-Волжского совнархоза по причине недостатка насосов для поддержания пластового давления и запасных частей к ним и другого оборудования «стояла перед невыполнением плана добычи нефти»¹⁰¹.

Как известно, после ликвидации Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности СССР геологоразведка и нефтяная промышленность лишились собственных строительных организаций. Вопросами создания их производственной и социально-бытовой инфраструктуры в 1957–1962 гг. находились в компетенции строительно-монтажных организаций совнархозов. В 1963 г. после реорганизации управления, строительные организации выделялись из ведения совнархозов и передавались министерствам строительства союзных республик и их главным территориальным управлениям по строительству, которые возникли во всех укрупненных экономических районах¹⁰². Однако ситуация в сфере строительства объектов нефтяной промышленности оставалась напряженной, строительные организации стали утрачивать свои мощности. Задания по вводу в действие нефтепромысловых объектов постоянно срывались, соответственно не выполнялись и планы по добыче нефти¹⁰³. По словам Ш.С. Донгаряна, Министерству строительства РСФСР было «не до нефтяных строителей»¹⁰⁴.

В письме в Госплан СССР от 3 июня 1964 г. председатель Государственного комитета нефтедобывающей СССР Н.К. Байбаков выразил тревогу относительно капитального строительства в нефтяной отрасли: «Вследствие отставания капитального строительства из-за маломощности строительных организаций и неудовлетворительного материально-технического снабжения на

промыслах создается совершенно нетерпимое положение с использованием фонда скважин. По состоянию на 1 апреля 1964 г. в стране простаивало около 9000 нефтяных и газовых скважин (в том числе 2700 новых) с добычными возможностями примерно 15 млн т нефти и около 40 млрд м³ газа в год. [...] Балансовая стоимость всех простаивающих скважин, составляющих более 22% к действующему фонду скважин, определяется в 800 млн руб.»¹⁰⁵

Данные условия делали весьма актуальными вопросы: кто возьмет на себя создание нефтепромысловой инфраструктуры; кто будет изыскивать новые подходы и методы разработки месторождений, в том числе в новых районах, в условиях необходимости ускорения развития нефтяной и газовой промышленности?

Анализ источников раскрывает ключевую роль позиции Государственного производственного комитета газовой промышленности СССР в решении инфраструктурных проблем нефтяной промышленности. В 1960-х гг. Газпром СССР располагал строительными организациями, способными решать задачи по сооружению трубопроводов и обустройству промыслов.

В мемуарах нефтегазостроителей Ю.П. Баталина, Ш.С. Донгаряна, В.Г. Чирского упоминается о «джентльменском соглашении», заключенном между Н.К. Байбаковым и А.К. Кортуновым¹⁰⁶. Данное соглашение следует считать результатом целого ряда переговоров и согласований, происходивших в течение 1963–1964 гг. между руководителями нефтяной и газовой промышленности, геологией, Советом министров СССР, Совета народного хозяйства СССР, партийных руководителей регионов. В итоге в конце 1963 г. между А.С. Косыгиным, В.А. Каламкаровым, Н.К. Байбаковым и А.К. Кортуновым была достигнута договоренность, что Газпром СССР возьмется за нефтепромысловое строительство. 7 января 1964 г. Совет министров СССР принял соответствующее постановление, определившее Газпром в качестве генерального подрядчика объектов нефтегазодобывающей промышленности¹⁰⁷. Главным условием данного соглашения выступило обязательство Газпрома СССР строить объекты нефтяной промышленности, с учетом концентрации в Газпроме СССР трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов. Так, в результате передачи организаций Министерства строительства РСФСР в Газпром СССР общая численность работников строительных организаций комитета увеличилась с 60 до 110 тыс. человек¹⁰⁸.

На Всесоюзном совещании геологов Н.К. Байбаков отметил, что передача нефтепромыслового строительства в ведение Газ-

прома СССР привела к укреплению строительных организаций нефтедобывающей промышленности, «оздоровлению обстановки» на промыслах. В 1964 г. рост строительного-монтажных работ составил 26%¹⁰⁹.

По мнению многих авторов¹¹⁰, совнархозы показали определенные преимущества в организации конкретного, непосредственного руководства предприятиями с учетом их места в отраслевом и региональном разделении труда, развитии межотраслевой кооперации, в создании мощных машиностроительных предприятий производственной инфраструктуры в легкой и пищевой промышленности, социальной направленности хозяйственной деятельности. Однако очевидно, что в условиях функционирования минерально-сырьевых отраслей, имеющих, как правило, экстерриториальный характер, возможности совнархозов не проявились. По словам председателя Госгеолкома СССР А.В. Сидоренко, ослабление централизованного руководства усилило местничество в разведке полезных ископаемых, непроизводственные расходы крупных государственных средств¹¹¹. Слабым местом совнархозов оказалось капитальное строительство, межрайонная транспортная и энергетическая инфраструктура, особенно в районах нового промышленного освоения — Севере Западной Сибири и Средней Азии¹¹².

Проблемы стратегического развития нефтегазового комплекса

В 1960-е гг. актуальной экономической проблемой для советского правительства являлось создание «необходимой топливно-энергетической базы» и ликвидация дефицита топлива в европейских районах СССР¹¹³. Данные условия обозначили необходимость выработки стратегии развития нефтегазового комплекса.

Для анализа ситуации в нефтегазовой промышленности в середине 1960-х гг. чрезвычайно важны материалы Всесоюзного совещания геологов, прошедшего 24–26 февраля 1965 г.¹¹⁴

В совещании приняли участие руководители Госплана СССР, Совета народного хозяйства РСФСР, Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР, Государственного производственного комитета газовой промышленности СССР, Государственного производственного геологического комитета СССР, Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, Академии наук СССР, опытно-конструктор-

ских бюро и других ведомственных и территориальных организаций.

Его участники затронули много острых проблем. Их обсуждение показало реальные результаты «семилетки» в нефтегазовом секторе промышленности. Совещание подводило итоги выполнения семилетнего плана развития минерально-сырьевой базы народного хозяйства СССР (1959–1965 гг.)¹¹⁵, но, по существу, речь шла о стратегии развития нефтяной и газовой промышленности.

Проблеме стратегического развития нефтегазовой промышленности было посвящено выступление председателя Межведомственного стратиграфического комитета АН СССР академика Д.В. Наливкина. Рассуждая о перспективах воспроизводства сырьевой базы нефтегазовой промышленности, докладчик нарочно акцентировал внимание на следующем вопросе: где мы будем добывать нефть? Академик Д. В. Наливкин отметил, что потенциал «Первого Баку» фактически исчерпан, а его промыслы превратились в «кладбище».

«Вот что произошло со значительной частью Первого Баку за 50 лет. Возьмем Второе Баку, он побольше Первого Баку и... темпы эксплуатации здесь во много раз больше, чем это было в Первом Баку. Я думаю, что со Вторым Баку через тридцать-сорок лет случится то же самое, что и с Первым. Сейчас в Западной Сибири открыты крупнейшие месторождения, но я боюсь, что и здесь произойдет аналогичное явление через какой-то промежуток времени.

А где у нас будет тогда нефть? Где мы возьмем горючее для транспорта, оборонной техники? Что мы будем использовать в химической промышленности? [...]

Какие перспективы в области нефтяной промышленности раскрываются перед нами после ввода крупнейших нефтеносных областей в разработку? В дальнейшем возможно открытие новых нефтеносных областей, однако они будут сравнительно небольшими. Рассчитывать на открытие через какое-то количество десятков лет крупной нефтеносной области на суше, по-видимому, нельзя. Что же у нас остается? Остается морское дно. В районе одного лишь Каспийского моря возможны нефтеносные залежи колоссальных размеров... Далее, Охотское море, где нефтеносные структуры Сахалина, конечно, не кончаются у берегов моря... Имеются перспективы нефтеносности дна Баренцева моря»¹¹⁶. В конечном итоге Д.В. Наливкин не исключал необходимость СССР импортировать нефть¹¹⁷.

Выступление академика Д.В. Наливкина получило неоднозначную оценку участников совещания¹¹⁸, однако они, так или

иначе, были вынуждены касаться в своих выступлениях сформулированных в докладе проблем.

Тем не менее большинство выступлений касалось текущего состояния в нефтегазовой промышленности.

Итоги выполнения директив XXI и XXII съездов КПСС и практическую значимость сделанных открытий подытожил председатель Госгеолкома СССР А.В. Сидоренко. В докладе министр подчеркнул, что открытие новых крупных нефтяных и газовых провинций, вовлечение в районах существующей добычи новых нефтегазовых площадей и нефтеносных горизонтов подтверждает высокую перспективность территории СССР. В течение 1959–1964 гг. было открыто 510 месторождений нефти и природного газа¹¹⁹. Особенно министр отметил результаты поиска в Западной Сибири: «В Западной Сибири определена и успешно разведывается огромная нефтегазоносная провинция. Здесь за шесть лет семилетки открыто 22 газовых и 28 нефтяных месторождений. Практическое значение Западно-Сибирского нефтегазового бассейна, содержащего $\frac{1}{3}$ всех прогнозных запасов нефти страны, трудно переоценить. Он находится почти в географическом центре страны, его развитие может коренным образом улучшить обеспечение нефтью предприятий Сибири и Урала, а газовые месторождения могут улучшить топливно-энергетический баланс северных, северо-западных и центральных районов европейской части СССР, оказав значительное влияние на дальнейшее развитие промышленности юга Западной Сибири»¹²⁰.

Однако, несмотря на позитивные оценки возможностей открытых нефтегазоносных провинций, председатель комитета высказывал серьезную озабоченность состоянием и перспективами воспроизводства минерально-сырьевой базы нефтегазовой промышленности, особенно в европейской части СССР, в условиях предстоящего наращивания добычи (табл. 8).

Таблица 8

**Обеспеченность промышленных запасов в 1965 г.
к уровню добычи нефти и природного газа в 1970 и 1980 гг.**¹²¹

Вид энергетического ресурса	Уровень добычи 1970 г.	Обеспеченность разведанными запасами	Уровень добычи 1980 г.	Обеспеченность разведанными запасами
Нефть, млн т	390–400	Да	690–710	Нет
Природный газ, млрд м ³	310–325	Нет	680–720	Нет

В Госгеолкоме СССР считали, что «в первую очередь нужно сосредоточивать все свои силы на наращивании разведанных запасов топливно-энергетических полезных ископаемых в европейской части СССР. Это теперь важнейшая государственная задача». Так как возможности новых крупных открытий в европейской части СССР «далеко не исчерпаны, как в регионах, где промышленные месторождения еще не выявлены, так и в районах, дающих в настоящее время основную часть добычи нефти и газа»¹²². Данное направление в Госгеолкоме СССР объясняли необходимостью снабжения природным газом крупных промышленных центров европейской части СССР и Урала¹²³.

В итоге руководитель Госгеолкома СССР отметил, что в целях воспроизводства минерально-сырьевой базы и формирования рациональной структуры добычи нефти и природного газа необходимо: 1. Ускорить темпы разведки природного газа на Украине, Поволжье, Северном Кавказе; 2. Форсировать поиск нефтяных и газовых месторождений вдоль трассы газопровода Средняя Азия-Центр; 3. Оценить возможности подачи природного газа в европейскую часть СССР с месторождений севера Тюменской области.

Тем не менее участники совещания сдержано оценивали возможности Западной Сибири в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбаков подверг критике практику противопоставления т.н. «новых» и «старых» районов, подчеркнув, «что мы не раз, допуская такую недооценку старых районов, оказывались у разбитого корыта... Конечно, надо выходить в новые районы, но не надо забывать, что мы не все сделали, чтобы выяснить уже разрабатываемые месторождения»¹²⁴.

Н.К. Байбаков был достаточно осведомлен о ситуации в «старых» и «новых», перспективных районах: в течение 1963–1965 гг. он во главе групп специалистов посетил Татарию, Коми АССР, Тюменскую область¹²⁵.

Еще в середине 1964 г. Н.К. Байбаков указывал, что «в Западной Сибири можно уже в 1970 году добывать до 30 млн т, в 1975 — 100–120 млн т, и в 1980 г. — 200–250 млн т нефти»¹²⁶.

На совещании Н.К. Байбаков несколько скорректировал свои оценки, считая, что в 1966–1970 гг. месторождения Западной Сибири будут находиться фактически в стадии подготовки и достигнут в 1970 г. уровня добычи в 15,5 млн т. Основное значение этот район, по его мнению, будет играть за предела-

ми 1970 г.¹²⁷ Полемизируя с академиком Д.В. Наливкиным, Н.К. Байбаков утверждал, что необходимо форсированно осваивать Волго-Уральскую и Западно-Сибирскую провинции¹²⁸.

Особое внимание на совещании уделялось развитию Волго-Уральской провинции — ведущей нефтяной провинции СССР. Руководители Совета народного хозяйства РСФСР, Средне-Волжского совнархоза отнюдь не были согласны с мнением академика Д.В. Наливкина, «что через тридцать-сорок лет наступит конец Волго-Уралу». Заместитель начальника Главного управления нефтяной и газовой промышленности Совета народного хозяйства РСФСР авторитетный геолог-нефтяник Г.П. Ованесов считал, что «районы РСФСР... наверное, пять-десять лет будут занимать ведущее место в добыче нефти в стране»¹²⁹. Данное утверждение базировалось на знании Г.П. Ованесовым возможностей как Волго-Уральской, так и Западно-Сибирской провинций¹³⁰. Такого же мнения, что Татария сохранит лидирующие позиции до середины 1970-х гг., придерживался начальник Тюменского территориального геологического управления Ю.Г. Эрвьё¹³¹.

Главный геолог Управления нефтегазодобывающей промышленности Средне-Волжского совнархоза Т.М. Золоев выдвигал в качестве аргумента колоссальные резервы приращения запасов нефти: «в этом богатейшем регионе изучена немногим более трети общей территории, а две трети подлежит еще исследованию»¹³². Т.М. Золоев считал «непростительной ошибкой» сокращать региональные геологоразведочные работы. Геологические условия поисков новых нефтяных и газовых месторождений на территории Волго-Уральской провинции, по мнению докладчика, «может быть более осложненным по сравнению с Западной Сибирью»¹³³, но надо учитывать, что освоение выявленных месторождений здесь значительно проще»¹³⁴.

Игнорирование перспективных геологоразведочных работ ухудшало структуру запасов. Особенно острая ситуация с запасами сложилась в европейской части СССР. В июне 1965 г. специалисты Совета народного хозяйства СССР вынуждены были признать, что, «...имея перспективные запасы нефти и газа, в частности по газу 54 триллиона кубических метров, мы открыли и провели достаточно большие объемы геологоразведочных работ и среди открытых месторождений многие из них оказались с малыми запасами. Больше того, мы имеем сотни нефтяных и газовых месторождений. ...в Башкирии, Татарии, однако, эти месторождения все еще не введены в разработку. Чем это объ-

ясняется? Будучи разбросанными, они, кроме того, являются сами, по себе мелкими. Среди них большинство газовых месторождений имеют запасы в 0,5–2 миллиарда кубических метров... Вот такая обстановка с разведанными запасами привела к тому, что мы не знаем откуда взять порядка 55–60 миллиардов кубических метров газа в 1970 году, из каких месторождений добывать этот газ, какие это будут географические точки»¹³⁵.

Проблеме качества воспроизводства минерально-сырьевой базы нефтегазовой промышленности на совещании были посвящены доклады начальника отдела тяжелой промышленности Госплана СССР Д.И. Дергачева и председателя Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых И.И. Малышева. В своих выступлениях докладчики подчеркивали, что «одной из важнейших задач... является не только количественное, а главным образом качественное улучшение минерально-сырьевой базы СССР»¹³⁶. Д.И. Дергачев акцентировал внимание на двух ключевых критериях качества воспроизводства минерально-сырьевой базы — концентрации запасов и их территориальном размещении. Анализируя уровень концентрации запасов нефтяной промышленности, Д.И. Дергачев отметил, что «из более шестисот нефтяных месторождений, около 70% общесоюзных запасов нефти сосредоточено в шестидесяти крупных месторождениях, около 23% примерно в ста пятидесяти месторождениях среднего размера, а остальные 350–400 месторождений содержат всего лишь 7–8% общесоюзных ресурсов нефти»¹³⁷. Касаясь территориального размещения минерально-сырьевых баз, докладчик обратил внимание, что из-за их неравномерного размещения в течение последних лет происходило увеличение дальних и сверхдальних грузопотоков минерального сырья.

Такие условия, с его точки зрения, требовали значительного усиления геологоразведочных работ в европейских районах СССР как благоприятных и экономически выгодных для развития нефтяной и газовой промышленности¹³⁸.

Значительный интерес на совещании вызвал доклад заместителя председателя Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР Ю.И. Боксермана.

В своем выступлении Ю.И. Боксерман, отметив стремительный рост добычи природного газа в СССР с 10 млрд м³ в 1955 г. до почти 130 млрд м³ в 1965 г., подчеркивал, что потенциальные запасы природного газа в СССР оцениваются в 60 млрд м³, или около 1/3 газовых ресурсов мира. Развивая свою мысль о широкой газификации народного хозяйства, Ю.И. Боксерман утвер-

ждал, что «тем более нельзя согласиться с некоторыми товарищами, которые предлагают беречь запасы газа в недрах для будущих поколений»¹³⁹.

Главную задачу комитета докладчик сформулировал следующим образом: «...обеспечение растущих нужд в топливе все экономические районы страны и в первую очередь европейской части ее, где имеются серьезные затруднения в обеспечении топливом»¹⁴⁰.

Проблему ликвидации дефицита энергетических ресурсов в европейских районах СССР Ю.И. Боксерман видел в усилении разведочных работ в традиционных районах добычи природного газа, одновременно с передачей большего количества газа из северных и восточных районов. Для этого необходимо, по словам докладчика, «...выбрать наиболее перспективные газоносные районы, по каждому из которых можно говорить о реальности прироста запасов в ближайшие годы в 200–400 млрд м³». К таким районам Ю.И. Боксерман относил Среднюю Азию и Западную Сибирь. Учитывая неудовлетворительное положение с выполнением плана прироста запасов природного газа в течение 1959–1964 гг., Ю.И. Боксерман заявил, что «...Газпром СССР считает возможным и необходимым принять на себя строительство наиболее важных объектов, обустройство разведочных площадей»¹⁴¹.

Фактически на Всесоюзном совещании геологов был впервые широко озвучен проект Газпрома СССР о создании системы сверхмощных газопроводов, которая должна была обеспечить передачу природного газа с месторождений в Средней Азии и Западной Сибири в европейскую часть страны¹⁴².

Таким образом, итоги совещания показали, что в середине 1960-х гг. проблема состояла не в отсутствии потенциальных нефтегазовых территорий, или перераспределении капиталовложений, а скорее в отсутствии эффективного механизма управления инвестициями, направляемыми в нефтегазовую отрасль. Материалы совещания указывают на формирование стратегических интересов в отношении природно-ресурсного потенциала Западной Сибири со стороны министерств нефтегазового комплекса, временно сдерживаемых инфраструктурной неосвоенностью региона, и отсутствием необходимых государственных решений.

Подводя итоги, следует сказать, что во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. именно институциональные факторы фактически оказывали решающее воздействие на

развитие нефтегазового комплекса — поддержание благоприятной динамики добычи ресурсов, поиск и освоение новых месторождений, ввод энергетических объектов и строительство инженерной и транспортной инфраструктуры, обеспечение поставок топлива и энергии в регионы и др. зависело от идеологической мотивации, позиции отраслевых и региональных групп интересов, функционирования механизма управления нефтегазовым комплексом.

Примечания

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С. 61, 62, 84, 85, 108, 165.

² См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 53; Иголкин А.А. Отечественная нефтяная политика в первой трети XX в. // Историко-экономический альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 268, 277; Его же. Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки: планы и реальность // Экономическая история: Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 142.

³ О генеральном плане электрификации железных дорог: Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы: В 2-х книгах. Кн. 2. М., 2009. С. 275–277; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 84–85; Там же. Т. 2. С. 174–178.

⁴ Н.К. Байбаков в 1955–1957 гг. занимал должность председателя Госплана СССР.

⁵ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 70, 71.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1... С. 633.

⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 9571. Оп. 1. Д. 809. Л. 341.

⁸ РГАЭ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 14. Л. 135.

⁹ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 612.

¹⁰ Адамеску А. Роль первой Генеральной схемы развития и размещения производительных сил // Экономист. 2007. № 3. С. 65, 66; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского правительства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. С. 170.

¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 214. Так, план развития народного хозяйства СССР на 1958 г. предусматривал увеличение добычи нефти на 14%, нефтепереработки на 12%, добычи природного газа на 52%. В целях ускорения темпов развития нефтяной и газовой промышленности предусматривалось увеличение капитальных вложений в отрасли на 4 млрд руб., или на 30,5%. В соответствии с основными задачами плана резко предусматривается резкое увеличение капи-

тальных вложений в химическую, нефтяную, газовую промышленность, черную и цветную металлургию, цементную промышленность, железнодорожный транспорт (План развития народного хозяйства СССР на 1958 год // Вопросы экономики. 1957. № 12. С. 5–6, 8).

¹² Там же. С. 267.

¹³ Там же. Т. 2. С. 689–691.

¹⁴ Там же. С. 695.

¹⁵ Газ Страны Советов. М., 1989. С. 37.

¹⁶ Картунов А.К. Газовая промышленность Советского Союза // 11-й Международный газовый конгресс, Москва, 9–13 июня 1970 г. М., 1970. С. 6.

¹⁷ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января — 5 февраля 1959 г.: Стеногр. отчет. М., 1959. Т. 1. С. 27.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956–1960. М., 1985. С. 344.

¹⁹ Некрасов В.Л. Индустриальная модернизация и энергетический переход. Исторические закономерности. Мировые тенденции. Опыт России. Сургут, 2008. С. 115, 116.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 367, 368.

²¹ Вайнер И.Я., Крол М.М., Козорезов А.А. Крутой подъем // Нефть СССР (1917–1987 гг.) / Под ред. В.А. Динкова. М., 1987. С. 95; Шаммазов А.М., Мастобаев Б.Н. Очерки истории нефтяной индустрии СССР. Уфа, 1999. С. 66, 67; Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история: Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 146–151; Экономика нефтегазодобывающей промышленности. М., 1984. С. 18.

²² Составлено по: РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4. Л. 182; Краткий анализ технико-экономических показателей разведочных и буровых работ, добычи нефти и газа. Т. II. М., 1971 (РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2682. Л. 22, 23); Нефтяная промышленность СССР 1960–1970 гг. / Под общей ред. д-ра техн. наук, проф. С.И. Ятрова. М., 1971 (РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2683. Л. 183).

²³ Пробст А.Е. Народнохозяйственный эффект реконструкции топливного баланса СССР. М., 1966. С. 6.

²⁴ РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 388. Л. 34, 35.

²⁵ Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра: Дневники. 1935–1985 гг. М., 2000. С. 115, 138.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 814. Л. 2.

²⁷ Некрасов В.Л. Индустриальная модернизация и энергетический переход... С. 100–103.

²⁸ РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 28. Л. 25; Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 105; Ф. 7. Оп. 3. Д. 1168. Л. 21, 22.

²⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1167. Л. 7.

³⁰ См.: Полетаев А.В. Экономические кризисы в России в XX в. (Статистическое исследование) // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3. М., 1998. С. 218.

³¹ Начальник отдела нефтяной и газовой промышленности Совета народного хозяйства СССР П.П. Голонский констатировал, «...что еще не найдено практического решения как выйти из этого положения (дефицита топлива. — *Н. В.*) и в IV квартале 1965 года и в I квартале 1966 года» (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 167, 168).

³² РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 112, 119; Д. 469. Л. 15.

³³ Егорычев Н. Он шел своим путем // Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М., 1997. С. 35, 36, 40.

³⁴ РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 275. Л. 237; Ф. 458. Оп. 1. Д. 2552. Л. 3; Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 16; Ф. 70. Оп. 1. Д. 370. Л. 264.

³⁵ Омаровский А. Вопросы структуры промышленного производства в СССР // Вопросы экономики. 1958. № 12. С. 64; Бреннер М. Топливо — хлеб для промышленности // Коммунист. 1965. № 8. С. 73–75; Локшин Э. Индустрия СССР за двадцать лет // Там же. С. 52; Развитие топливной базы районов СССР / Под общ. ред. проф. А.Е. Пробста. М., 1968. С. 8–16.

³⁶ Некрасов В.Л. Нефтегазовый комплекс и энергетические проблемы советской экономики (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2009.

³⁷ 12 декабря 1959 г. в Министерстве электростанций СССР состоялось расширенное совещание, посвященное топливно-энергетическому балансу народного хозяйства СССР, разработанным впервые этим министерством. В совещании приняли участие руководство министерства, представители Академии наук СССР, Института народного хозяйства им. Плеханова, Всесоюзного института топлива, Научно-исследовательского института коммунального хозяйства, руководители региональных энергетических систем.

³⁸ Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 58, 59.

³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 771.

⁴⁰ Там же. С. 762, 763, 778, 779.

⁴¹ По словам П.С. Непорожного, эту мысль Н.С. Хрущев высказал на сдаче в эксплуатацию Куйбышевской ГЭС в 1958 г. (Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 115). По воспоминаниям В.Н. Новикова, решение о преимущественном строительстве ТЭЦ было принято следующим образом: «И.И. Кузьмин или А.Ф. Засядько сказали Хрущеву, что гидроэлектростанция стоять шесть-семь лет, а тепловые можно возвести за два года, поэтому от ГЭС надо отказаться. Хрущев эту идею поддержал. Экология здесь не при чем: и ГЭС и ТЭЦ

портят природу. Что касается ресурсов и сроков, то сроки строительства гидроэлектростанций можно было сократить. А для тепловых нужны уголь, нефть и газ. В принципе энергия гидроэлектростанций в несколько раз дешевле энергии тепловых станций. Но решение было принято» (Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 112).

⁴² Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. В 2-х частях. Ч. II. Новосибирск, 1976. С. 62, 63.

⁴³ РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 381. Л. 5; Д. 388. Л. 16; Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 46.

⁴⁴ Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 59, 175.

⁴⁵ Малышев Н. Ленинский завет об электрификации страны неуклонно претворяется в жизнь. От Волхостроя до Братска // Правда. 1960. № 307; История Гидропроекта. 1930–2000 / Под ред. В.Д. Новоженина. М., 2000.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 1998. Л. 10.

⁴⁷ Проблема освоения Западно-Сибирской низменности // Коммунист. 1963. № 9. С. 120, 121; ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 117. Л. 3–46.

⁴⁸ Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 65.

⁴⁹ Энергетические ресурсы СССР. Гидроэнергетические ресурсы. М., 1967. С. 346.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 153.

⁵¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–30 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 174; РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 35. Л. 17.

⁵² РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 146, 151; Некрасов Н. Размещение производительных сил // Коммунист. 1963. № 3. С. 25–36; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск, 1996. С. 67. См. также: Адамеску А. Роль первой Генеральной схемы развития и размещения производительных сил... С. 67; Гранберг А.Г. Предмет исследования — производительные силы России // Вестник Российской академии наук. Том 76. № 6. 2006. С. 563.

⁵³ Алексеев В.В. Электрификация Сибири: Историческое исследование... С. 53, 54.

⁵⁴ Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 65.

⁵⁵ Салехардский и Адринский.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 1998. Л. 19.

⁵⁷ Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. С. 106, 107; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! С. 66, 67; РГАЭ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 1998. Л. 19. Необходимо отметить, что мнение специалистов «Гидропроекта» о том, что создание водохранилища может иметь положительное значение для развития газовой и нефтяной промышленности в бассейне р. Оби, опиралось на заключение первого заместителя председателя Государственного коми-

тета Совета министров СССР топливной промышленности С.А. Оруджева, крупного специалиста по организации добычи нефти на морских промыслах Азербайджана.

⁵⁸ Нефтегазостроители Западной Сибири. Т. 1. М., 2004. С. 13.

⁵⁹ См.: Комгорт М.В., Колева Г.Ю. Проблема повышения уровня индустриального развития Западной Сибири и проект строительства Нижнеобской ГЭС // Вестник Томского государственного университета. № 308 (март 2008). С. 87–90.

⁶⁰ Несмотря на то что разговоры о строительстве Нижне-Обской ГЭС еще продолжались и после, с 1964 г. в Государственном комитете по энергетике и электрификации СССР Западная Сибирь рассматривалась как «сырьевая база нефти и газа», а при проектировании гидроэлектростанций предусматривалось «использование гидроэнергетических и других природных ресурсов, затрагиваемых гидростроительством, максимально снижать потери от затоплений, размещать электростанции так, чтобы обеспечить наибольший эффект для народного хозяйства...», что исключало строительство Нижне-Обской ГЭС (Непорожный П. Электрэнергетика и размещение производительных сил // Коммунист. 1964. № 10. С. 66, 72, 73).

⁶¹ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 766–768.

⁶² РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 274.

⁶³ См.: Рунов В.А., Седых А.Д. Алексей Кортунов. М., 1997. С. 47, 54–59.

⁶⁴ Савицкий И.М. Совнархозы Сибири (1957–1965 гг.) // Экономическая история Сибири XX века: Материалы Всероссийской конференции. 30 июня — 1 июля 2006 г. Барнаул, 2006. Ч. 3. С. 59; Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством в Центре и на Южном Урале: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. С. 8.

⁶⁵ См.: Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: В 2-х ч. Тюмень, 2005; Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002; Ее же. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991. М., 2007.

⁶⁶ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов... С. 198–199, 246–266.

⁶⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 670–689; Т. 2. С. 613–619; Т. 3. С. 319–321, 327, 331–332, 792–793; Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 369–427; Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2000. С. 107, 286, 519–520.

⁶⁸ Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 156; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов... С. 246.

⁶⁹ Борьба КПСС за завершение строительства социализма (1953–1958 годы): документы и материалы. М., 1961. С. 388–395, 541–547.

⁷⁰ Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957. С. 74.

⁷¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 522–539.

⁷² Там же. Т. 1. С. 221.

⁷³ Там же. С. 226.

⁷⁴ Там же. С. 227.

⁷⁵ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве... С. 73–74.

⁷⁶ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы... С. 611.

⁷⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 238–239; Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве... С. 74.

⁷⁸ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 29–30.

⁷⁹ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве... С. 71; Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1... С. 34, 194–195; Донгарян Ш.С. Подвиг создателей: к сорокалетию начала добычи нефти в Западной Сибири // Ветераны (воспоминания): из истории развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 18. М., 2006. С. 151–152; Рудаков А. Создатель суперотрасли // Газпром. 2007. № 3. С. 43.

⁸⁰ См.: Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты... С. 390, 392–393.

⁸¹ Долголюк А.А. Реорганизация управления строительным производством Сибири в 1946–1970 гг. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 313; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 209; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов... С. 263.

⁸² Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты... С. 379–380, 382.

⁸³ РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 106; Ф. 9571. Оп. 7. Д. 163. Л. 10, 11, 13–15, 17, 18, 21, 24–26, 28, 29, 32, 33, 36, 37, 39, 40, 44–46, 49–51; Д. 469. Л. 30–31.

⁸⁴ Составлено по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 299–303; Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 176–193; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 169–181.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 847. Л. 17, 19; Д. 1167. Л. 7. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 494–495, 558–567.

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 109.

⁸⁷ См.: Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов... С. 197–198, 200.

⁸⁸ Краткий анализ технико-экономических показателей разведочных и буровых работ, добычи нефти и газа. Т. II. М., 1971 (РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2682. Л. 24).

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 14; Д. 469. Л. 183.

⁹⁰ Ломако П. Богатство недр — народу // Коммунист. 1968. № 11. С. 71.

⁹¹ Нефть СССР (1917–1987 гг.) / Под ред. В.А. Динкова. С. 96.

⁹² РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 10, 11.

⁹³ Там же. Д. 1. Л. 194; Д. 469. Л. 31; Оп. 8. Д. 2014. Л. 15об.

⁹⁴ Там же. Д. 467. Л. 14, 15.

⁹⁵ Там же. Л. 59; Д. 469. Л. 15.

⁹⁶ Северо-Восточный экономический район (Магаданская область, Якутская АССР).

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 185, 186. В данном случае будет уместно привести понимание эффективности геологоразведочных работ в советских плановых органах в начале 1960-х гг.: затраты на геологоразведочные работы, «...как известно, не увеличивают основные фонды промышленности, а выявляют промышленные запасы нефти и газа. Эффективность использования этой доли капитальных вложений должна быть очевидна определена отдельно от той доли, которая используется для создания основных фондов промышленности в нефтяной и газовой отрасли... Цель разведочных работ является в конечном счете прирост промышленных запасов нефти и газа, без которых не может осуществляться развитие этих отраслей промышленности. Поэтому эффективность капитальных вложений в разведку на нефть и газ, с известной условностью, можно определять как прирост запасов нефти и газа на каждый рубль затрат на разведочные работы» (РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1168. Л. 32, 35).

⁹⁸ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 79. Л. 37–51. См.: Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Партийные, региональные и ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2. С. 48–49.

⁹⁹ Чадаев Я. Планирование и курс на перспективные отрасли // Коммунист. 1963. № 14. С. 74; РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 63, 64.

¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.

¹⁰¹ Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1. С. 194.

¹⁰² Долголюк А.А. Реорганизация управления строительным производством Сибири в 1946–1970 гг... С. 313, 315.

¹⁰³ www.pseudology.org/gazprom/Khronology.htm

¹⁰⁴ Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1. С. 195.

¹⁰⁵ РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 108.

¹⁰⁶ Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1. С. 12, 13, 18, 32, 35, 195, 196; Чирсков В.Г. Жизнь на опережение. М., 2004. С. 101.

¹⁰⁷ Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1. С. 35, 194, 195, 365; Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты... С. 117; РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29 Л. 14–19; www.pseudology.org/gazprom/Khronology.htm

¹⁰⁸ Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 1. С. 135; Фролов А.Н., Савенко Н.И. Очерки истории становления и развития газовой промышленности России. М., 1997. С. 59.

¹⁰⁹ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 64.

¹¹⁰ Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. М., 1993. С. 190–191; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов... С. 265–266.

¹¹¹ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 29–30.

¹¹² Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра... С. 80, 147; Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты... С. 112–113.

¹¹³ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 809. Л. 5об.; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 167; XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 г.: Стеногр. отчет. М., 1966. Т. 1. С. 56.

¹¹⁴ Всесоюзное совещание геологов, происходившее в г. Москве 24–26 февраля 1965 г. стало единственным в своем роде мероприятием, на котором собрались вместе геологи, рудники, золотоискатели, нефтяники, газовики, работники НИИ и АН СССР (РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467, 469; Кувшинов А.С. Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога. Тюмень, 2000. С. 124).

¹¹⁵ «О задачах геологов по обеспечению минерально-сырьевыми ресурсами развития народного хозяйства СССР в соответствии с решением XXII съезда КПСС и улучшению технико-экономических показателей геологоразведочных работ» (РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 1).

¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 464. Л. 35об.

¹¹⁷ Там же. Д. 467. Л. 103–110.

¹¹⁸ Там же. Д. 469. Л. 77, 78, 180.

¹¹⁹ Там же. Д. 467. Л. 7; Д. 469. Л. 5.

¹²⁰ Там же. Д. 467. Л. 5, 6; Д. 469. Л. 8, 9.

¹²¹ Составлено по: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–30 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 170, 171; РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 16.

¹²² РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 16, 17.

¹²³ Там же. Д. 469. Л. 15.

¹²⁴ Там же. Л. 70, 71.

¹²⁵ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 57. Л. 11–16; 59, 60; Д. 62. Л. 56–65; Донгарян Ш.С. Подвиг создателей: к сорокалетию начала добычи нефти в Западной Сибири... С. 152.

¹²⁶ РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 113.

¹²⁷ Там же. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 65, 70, 71, 78.

¹²⁸ «Труднее будет осваивать Западную Сибирь, потому что там и заболоченность большая, и отдаленность, но мы осваиваем. Без этой

нефти нам жить нельзя. Поэтому форсированно освоить и второе Баку мы должны...» (РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 71, 78).

¹²⁹ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 53.

¹³⁰ В январе 1964 г. Г.П. Ованесов в составе государственной комиссии посещал месторождения Ханты-Мансийского национального округа (Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М., 2004. С. 334).

¹³¹ Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты... С. 127, 128.

¹³² РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 180.

¹³³ Сравнительно большие, чем в Западной Сибири, глубины залегающих продуктивных пластов. См.: Нефть, газ и нефтехимия Татарии. Т. II. Казань, 1979. С. 182–184.

¹³⁴ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 182.

¹³⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 168, 169; РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 31.

¹³⁶ РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 112, 147.

¹³⁷ Там же. Л. 116.

¹³⁸ Там же. Л. 119.

¹³⁹ Там же. Л. 271–275.

¹⁴⁰ Там же. Л. 275, 276.

¹⁴¹ Эти слова вызвали аплодисменты (Там же. Л. 279).

¹⁴² Там же. Л. 276, 277.

Социальные аспекты индустриализации в России и СССР

*И.Г. Напалкова**

**Ответственность предпринимателей
за жизнедеятельность рабочих
в дореволюционной России:
трудовое законодательство, социально-экономические
факторы, территориальные различия¹**

История российского предпринимательства тесно связана с проблемой особенностей взаимодействия в системе государство — предприниматели — рабочие. Одна из основных категорий, характеризующих данные взаимоотношения, — это ответственность предпринимателей за жизнедеятельность рабочих. Под ответственностью в контексте данного исследования понимается категория, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности (в нашем случае предпринимателя) к сообществу (к рабочим), которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм².

С промышленным производством для рабочего и его семьи связаны многочисленные профессиональные риски: промышленный травматизм, профессиональные и производственно-обусловленные заболевания и т.п., которые ведут к временной или полной потере трудоспособности. Для рабочего и его семьи это связано с потерей заработка, т.е. средств к существованию. Поэтому перед государством встает вопрос об обеспечении таких рабочих.

В начале развития капиталистических отношений, когда промышленное производство только складывалось, и труд не был основным источником дохода, увечные рабочие попадали в разряд нищих, обеспечением которых занималась в основном частная благотворительность. До первых узаконений ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих (до начала 60-х гг. XIX в.) отношения между ними заканчивались в момент потери рабочими трудоспособности. В таких случаях договор найма предпринимателем обычно разрывался. Отношение предпринимателей к потерявшим трудоспособность рабо-

* Напалкова Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск).

чим точно отражено в «Московских ведомостях»: «Увечный — не настоящая, не будущая, а только прошлая рабочая сила, живой отброс производства»³. При этом предпринимателями расходы на содержание потерявших трудоспособность рабочих приравнивались к числу издержек производства, подобно расходу на страхование зданий и товаров, потерям от порчи материалов и т.п.

Однако государством делались законодательные попытки по улучшению положения рабочих, но в них не употреблялся термин «ответственность». Так, в марте 1821 г. под руководством главного медика путей сообщения Андреева был разработан проект «О содержании чернорабочих», в котором предполагалось⁴:

1) допускать людей к работам по прибытии к месту не раньше суток, чтобы они могли «подкрепиться в силах своих», «слабых же вовсе не употреблять, до совершенного поправления»;

2) предоставлять рабочему как во время пребывания на работах, так и в пути следования к месту назначения качественной пищи и одежды — «люди кормлены должны быть хорошо, достаточно и притом свежую, не гнилой пищею, и в течение мясоеда один или два раза в неделю получать мясную порцию и имели бы порядочную одежду»;

3) обеспечивать хорошими жилищными условиями — «квартиры в весеннее и осеннее время должны быть хорошие и теплые, а не сараи, летнем же временем в бытность их на бивуаках, для сбережения здоровья людей, должны устроены быть нары, на землю же отнюдь не класть»;

4) обеспечивать лечение чернорабочих за счет поставщиков без всякой платы медикам;

5) вменить контроль за соблюдением всех предписанных правил «директорам работ и ведомственным ему чиновникам».

Проект данного закона встретил протест у большинства заводчиков Центрального промышленного района. Они апеллировали к тому, что за состояние здоровья ответственность должны нести поставщики: «Что касается до того, чтобы слабые были допущены к работам по совершенном поправлении сил сие нужно поменять в условия, ибо одних здоровых людей принимают, а замещение к сроку в условия назначенному слабым здоровыми рабочими лежит на ответственности поставщика»⁵. Также критиковались статьи, вменяющие снабжение рабочих одеждой, потому что, «если силою принудить поставщиков надлежащим образом одевать рабочих, цены на оных существенно возрастут»⁶.

Данный проект не получил статус закона, а перечисленные в нем меры было рекомендовано, но не предписано учитывать.

Таким образом, ответственность законодательно закреплена не была, а реализовывалась «доброй волей» предпринимателя.

Одним из первых законодательных актов, закрепившим помощь больным рабочим, стало «Положение о рабочих людях при Императорском фарфоровом и стеклянном заводе» от 19 января 1860 г. По ст. 26 этого Положения, больной рабочий, оставаясь дома или поступив в городскую больницу, получал в течение 2 месяцев содержание от завода, в следующем размере: холостой — $\frac{1}{3}$ оклада его жалованья или сдельной платы; женатый бездетный — $\frac{1}{2}$; женатый семейный — $\frac{2}{3}$. Сверх того, в течение этого времени завод вносил за больного плату в больницу. По прошествии двух месяцев обязательства завода по отношению к рабочему прекращались⁷.

В «Положении о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов»⁸, утвержденном 8 марта 1861 г., в ст. 65 говорилось: больной содержится в заводской больнице; холостые получают треть жалованья или задельной платы только в том случае, если они имеют на своем попечении родителей или ближайших родственников; пользование в больнице далее 2 месяцев производится за счет завода до полного выздоровления⁹. Однако часто ст. 65 не применялась и расходы по содержанию больных, получивших профессиональные болезни или увечья на заводе, относились на счет горнозаводских товариществ, а не заводоуправлений¹⁰. После массовых протестов рабочих по данному поводу закон от 8 марта 1861 г. был дополнен «в виду того, что как по самому существу дела, так равно и по духу действующих законоположений по этому вопросу, означенные пособия должны падать не на казну, а на кассы»¹¹.

В обеспечении рабочих в России наблюдалась территориальная и отраслевая специфика, но существенную роль играла «предпринимательская воля».

* * *

Рассмотрим положение с обеспечением пострадавших от *несчастных случаев* на примере горнозаводских округов, т.к. именно в горнозаводской промышленности проблема профессиональных рисков выражена наиболее ярко.

Анализ архивных источников по ряду горнозаводских округов показывает следующее положение рабочих, пострадавших от несчастных случаев.

По Первому Замосковному горному округу сведения имеют-ся относительно товарищества Московского металлического завода и Чулковской компании каменноугольного производства.

На Андроновском заводе Московского товарищества всем больным рабочим, временно лишившимся возможности работать, во время болезни выдавалось пособие от завода в следующих размерах: постоянным рабочим — от 40% (холостым), до 60% (семейным) их поденного заработка и, кроме того, половина отпускаемых из лавки общества потребителей при заводе харчей; временным же рабочим одно пособие без харчей¹².

За увечье, повлекшее за собой инвалидность, а равно и смерть, по особому соглашению назначалось: инвалиду — пенсия в размере до $\frac{2}{3}$ его последнего годового заработка; временно лишенному трудоспособности — не более $\frac{1}{2}$ пенсии, причем за полную инвалидность, а семействам рабочих, умерших от увечья, — единовременное пособие в размере 60% годового заработка¹³.

На Чулковских каменноугольных копях больные и выздоравливавшие рабочие по выписке их из больницы получали на руки по 25 коп. за каждые сутки пребывания в больнице¹⁴. Больничные деньги выдавались и тем больным рабочим, которые лечились на дому под присмотром врача или фельдшера. Инвалиды или их наследники имели право претендовать на единовременное пособие, размер которого устанавливался в зависимости от степени инвалидности, семейного и имущественного положения пострадавшего.

Во Втором Замосковном горном округе на Мальцевских заводах было принято при заболевании или в случае увечья рабочих выдавать за время лечения половину поденной платы, а если рабочий становился неспособным к труду или умирал, то завод назначал ему или его семье пенсию по соглашению. Служащим на Людиновском и Сукременском заводах, а также на железной дороге Мальцевского товарищества в конце 1895 г. было разрешено учредить ссудно-сберегательную и вспомогательную кассу, которая в том числе ставила перед собой цель выплачивать членам кассы и их семействам в некоторых случаях безвозвратные пособия¹⁵. Каждый член кассы обязан был при вступлении в нее внести единовременно 1% с месячного оклада, получаемого им вознаграждения, и с него удерживалось в кассу ежемесячно от 1 до 6% с этого оклада, в пределах указываемых самим членом кассы. Членам кассы или их семействам, впадшим в крайнюю нужду вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств (болезнь или увечье кормильца, пожар, смерть члена семьи), могли быть выданы безвозвратные пособия. Общее определение случаев выдачи пособий и их размера принадлежало общему собранию, а реальное назначение пособий в каждом частном случае — правлению.

В Средне-Волжском горном округе, в частности на Кулебакском заводе вспомоществования, выдавались с 1881 г. по правилам вспомогательной кассы рабочих и служащих на заводах общества Коломенского машиностроительного завода. Вспомогательный капитал кассы был предназначен на постройку помещений для отдачи в наем нуждающимся рабочим за плату, по средствам которой шло возмещение необходимых расходов на выдачу пенсий, пособий и ссуд рабочим и служащим. Когда рабочий или мастеровой получал увечье по собственной вине, то: 1) в случае временной нетрудоспособности — женатому рабочему оплачивалось лечение и $\frac{1}{3}$ месячного заработка одновременно, неженатому — одно лечение; 2) в случае полной нетрудоспособности выплачивалось единовременное пособие от 25 до 100 руб.; 3) если же рабочий умирал в течение 3 месяцев со дня полученного увечья, то его семье и нетрудоспособным родственникам выдавалось пособие такое же как инвалидам. Когда рабочий или мастеровой получал увечье по вине завода, то: 1) если он оставался трудоспособным, кроме лечения ему выдавался полный месячный заработок; 2) если он терял трудоспособность, ему назначалось ежемесячное пособие в размере его ежемесячного заработка; 3) если он умирал, вдове выдавалось ежемесячное пособие в размере $\frac{1}{2}$ месячного заработка рабочего до вторичного вступления в брак, а детям до момента трудоустройства¹⁶.

Когда рабочий лишался трудоспособности не по этим причинам, ему выдавалось пособие в размере от 1 до 3 руб. в неделю. Пенсии выдавались рабочим, которые непрерывно работали на заводах общества 20 лет и более, достигнув 60 лет, женатым — до 15 руб. в месяц, холостым — до 10 руб., семействам же умерших рабочих назначалось единовременное пособие в размере, согласно времени службы рабочего на заводе, от 15 до 50 руб.¹⁷

На заводах и рудниках товарищества Сызранского асфальтового завода до начала 90-х гг. XX в. выдавалось вознаграждение пострадавшим на работах рабочим и их семействам по усмотрению правления, а с начала 1894 г. было введено коллективное страхование рабочих от несчастных случаев в страховом обществе «Россия»¹⁸.

В Северном горном округе кроме пособий из штрафного капитала, денежное вспомоществование рабочим во время болезни, а также вознаграждение за увечья производилось и за счет заводов, из которых можно выделить Невский завод (за счет заводладельцев выдавалась половина выплаты по потере трудоспособности)¹⁹. На Санкт-Петербургском железопрокатном

заводе все пособия рабочим выдавались из средств завода, причем штрафной капитал служил лишь для вспомоществования семьям рабочих, а также на покрытие средств по погребению. При назначении пособий в случае болезни рабочих Санкт-Петербургский завод руководствовался своеобразной схемой (см. табл.).

Таблица

**Расчет пособия в случае болезни
на Санкт-Петербургском железопрокатном заводе***

Размер поденной платы	Размер пособия в день
80 коп.	54 коп.
90 коп.	56 коп.
1руб. 00 коп.	58 коп.
1руб. 10 коп.	60 коп.

* **Таблица составлена по:** РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1779. Л. 285.

Иными словами, на каждые 10 коп. прибавляющейся поденной платы пособие в день увеличивалось на 2 коп., причем наивысший его размер составлял 1 руб. в день. Кроме того, на том же заводе все рабочие и служащие с конца 80-х гг. страховались от несчастных случаев в одном из страховых обществ.

Путиловский завод назначал вознаграждение только в случае необходимости усиления пособия, выдаваемого из штрафного капитала²⁰.

На Урале на всех заводах Вятского горного округа бесплатным лечением и медикаментами пользовались не только горнорабочие, но и все население близлежащих деревень, без особого за это вознаграждения со стороны земства²¹. Получившим же на заводских работах увечья или неизлечимую болезнь, а равно престарелым рабочим и их семьям заводоуправление назначало пособие деньгами или мукой. Меры по материальному обеспечению рабочих, потерявших способность к труду, по отдельным заводам в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. представлялись в следующем виде.

1. На Холуницких заводах для выдачи пособий и пенсий получившим увечья на заводских работах, престарелым и слабым рабочим и семьям умерших мастеровых привлекали следующие источники:

а) заводская касса (выдавались пенсии и пособия в счет текущих заводских накладных расходов);

б) так называемая благотворительная касса завода, образованная из пожертвованных владельцами завода 260 00 руб.;

в) фонды благотворительного общества, доходы которого состояли из членских взносов заводовладельцев, служащих, сельских обществ и др.²²

2. На Омутинских заводах Пастухова от заводоуправления выдавались пособия в размере от 1 до 3 руб. на семейство на месяц²³.

3. В Кувинском заводе графа Строганова рабочим, проработавшим на заводе непрерывно от 35 до 40 лет, выдавалось за счет завода пожизненное пособие. Рабочие, потерявшие трудоспособность вследствие несчастного случая на производстве и неспособные к труду, пользовались либо пожизненным, либо временным пособием, причем такие пособия выдавались и семьям умерших из пожертвований графа С.Г. Строганова²⁴.

В Пермском горном округе, кроме обязательного дарового лечения, пострадавшие в случае легких увечий назначались на менее тяжелые работы, в случае же неспособности к труду получали пенсию, которая после смерти пенсионера в уменьшенном размере переводилась на обеспечение его вдове и детям. Так, в частности, на заводах княгини Лазаревой рабочим, прослужившим не менее 35 лет, назначалась пенсия от 3 до 60 руб. в год. В случае увечья на заводских работах, повлекших за собой неспособность к труду, пострадавшему назначалась пенсия наравне с выслужившим срок.

В акционерном обществе «Кама» пособия выдавались пострадавшим от заводских работ семейным: если они лечились на дому — $\frac{1}{2}$ средней за год поденщины ежедневно; если же лечатся в больнице — $\frac{1}{2}$ платы лечащегося на дому; пострадавшим, не имеющим семей, кроме лечения в заводской больнице, пособия не выдавались. Если пострадавший лишился трудоспособности, ему назначалась пенсия 25 коп. в день.

На Усольско-Ленвенских соляных промыслах наследников графа Д.П. Шувалова в случае смерти и увечья рабочего назначалась пенсия в размере от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ месячного заработка²⁵.

В Оренбургском горном округе хозяева золотых промыслов во избежание судебных процессов выдавали потерпевшим при горных работах, увечным и вдовам убитых одновременно от 10 до 100 руб.²⁶

Источники финансирования, суммы пособий, характер неспособности к труду, возможность рабочему рассчитывать на пособие, право членов семей на получение пособия, продолжительность выдачи пособий — все эти факторы настолько разно-

образны (иногда даже на заводах одного заводладельца), что вызывают определенные трудности при проведении сравнительно-сопоставительного анализа.

* * *

Приведенный выше обзор мер, принимавшихся частными горнозаводчиками и горнопромышленниками для обеспечения их рабочих, по той или иной причине лишившихся способности к труду и образованных для этой цели обществ и касс, а также специальных пожертвованных капиталов, показывает, что до конца XIX в. не существовало никакой единой стратегии обеспечения рабочих, пострадавших от несчастных случаев на производстве. Часто обеспечение рабочих поставлено было так, что они не имели права требовать чего-либо, а выдача его или отказ очень часто зависели от воли заводладельца (это естественно для патерналистских отношений и является одной из характерных черт). Значительная часть созданных для оказания помощи пострадавшим рабочим учреждений существовала за счет благотворительных взносов, что не гарантировало стабильного обеспечения рабочих.

С середины 80-х гг., в связи с изменением роли государства в решении рабочего вопроса, все чаще говорится о втором пути реализации ответственности через введение страхования рабочих, которое стало важным направлением правительственной политики.

В 1880 г. Совету торговли и мануфактур Министерства финансов было поручено разработать правила об ответственности предпринимателей при несчастных случаях с рабочими, детально регламентирующие их обязанности по обеспечению инвалидов труда, что с опасением было встречено в предпринимательских кругах. Соглашаясь на известные уступки по выплате компенсаций и незначительных пенсий потерпевшим рабочим, предприниматели, однако, стремились сохранить за собой свободу действий и насколько возможно, избежать законодательного оформления этих обязанностей. В свою очередь, московские промышленники выдвинули альтернативные законопроекты. В октябре 1881 г. московскими предпринимателями (Найденев, Морозовы, Якунчиков, Крестовников, Третьяков, Малютин и др.) было предложено создать Комитет вспомоществования рабочим. Они представили в Московский биржевой комитет записку следующего содержания: «Улучшение быта рабочего населения составляет, как известно, одну из главных правительственных забот последнего времени, считая своим долгом содействовать исполнению таких видов правительства... мы при-

знаем необходимым, чтобы со стороны промышленного сословия были безотлагательно приняты меры к вспомоществованию в удовлетворительной степени рабочим, получившим увечья при работах на фабриках и заводах, равно как семействам, оставшимся после рабочих в результате смерти»²⁷. Данный проект предполагал: ежегодно собирать взнос с каждого предприятия (по отраслям промышленности), учитывая численность рабочих. Проценты с капитала должны были поступать на обеспечение увечных рабочих. Выдача пособий передавалась в Московский биржевой комитет.

В декабре поступила записка от Л.Г. Кнопа, в которой он предлагал создать взаимное общество самопомощи между владельцами предприятий²⁸. Основные предложения представленных записок были поддержаны собранием выборных Московского биржевого общества, после чего Московский биржевой комитет ходатайствовал перед министром финансов о создании комитета и кассы взаимопомощи для обеспечения рабочих. Уже в конце декабря 1881 г. представление министра по этому проекту было одобрено царем. Аналогичные предложения выдвинули и горнопромышленники Юга России. На съезде в 1881 г. они признали необходимым разработать устав Общества пособия горнорабочим Юга России.

Разработка законопроекта задерживалась, только 3 января 1883 г. проект Комитета вспомоществования увечным рабочим был одобрен собранием выборных биржевого общества, а затем передан в Министерство финансов²⁹. Однако при обсуждении в Департаменте торговли и мануфактур проект вызвал серьезные замечания. Среди недостатков отмечались: уклонение промышленников от каких-либо точных и конкретных обязательств по отношению к рабочим; ограничение общими и весьма неопределенными формулировками основных пунктов положения. Так, в нем не были указаны точные размеры пожизненных и единовременных вспомоществований; сроки и порядок их выдачи, а также предоставления пожизненных пособий; принципы взимания с промышленников предполагаемого сбора и др.³⁰ Предприниматели не соглашались с предъявленными к ним требованиями, полагая, что вопросы вспомоществования целиком относятся к их компетенции. Непримиримость сторон привела к затяжному характеру обсуждения этого вопроса³¹. Утверждение Комитета вспомоществования рабочим затянулось на долгие годы, так и не получив своего завершения³².

В этом отношении более удачной оказалась попытка горнопромышленников Юга России. На состоявшемся в 1882 г. в

Харькове VII съезде горнопромышленников был одобрен план создания вспомогательной кассы горнорабочих. Средства кассы составлялись из разных видов отчислений предпринимателями. В 1883 г. VIII съезд горнопромышленников направил ходатайство министру земледелия и государственных имуществ, который 15 июля 1884 г. утвердил устав Общества пособия горнорабочим Юга России³³. С 1884 по 1907 г. оно выдало пособий на сумму — 470,4 тыс. руб.³⁴

Не осталось в стороне от обсуждения проблем социального страхования и Общество для содействия русской промышленности и торговле. Через него предпринимательские круги выдвинули в качестве контрмеры принцип государственного страхования рабочих по всем его видам, которые в форме представлений-ходатайств направлялись в соответствующие правительственные учреждения (1882, 1894, 1904, 1905 гг.)³⁵.

При Обществе для содействия русской промышленности и торговле была создана специальная комиссия под руководством П.П. Семенова совместно с представителем Министерства финансов, управляющим первым отделением Департамента торговли и мануфактур А.Г. Небольсиным. Итогом ее деятельности стали проекты государственной кассы страхования рабочих и правительственной пенсионной кассы для всех трудящихся.

Предполагалось, что государственная касса страхования рабочих охватит фабрично-заводских, горных, железнодорожных, строительных рабочих и служащих. Занятые вне фабрично-заводского производства (сельскохозяйственные, рабочие кустарной промышленности и др.) исключались. Каждый предприниматель был обязан застраховать рабочих и служащих своего предприятия посредством вносимых в кассу взносов, исчислявшихся по числу рабочих и с учетом опасности работ³⁶.

Правительственная пенсионная касса должна была основываться на добровольных началах для всех трудящихся (не только рабочих) и на средствах своих членов. Размеры взносов устанавливались уставом кассы и могли быть либо единовременными, либо постоянными. Пенсии начислялись соответственно сделанным взносам³⁷. К 1883 г. проекты уставов касс были детально разработаны, однако это время совпало с подготовкой и изданием главных фабрично-заводских законов 3 июня 1885 г. и 3 июня 1886 г., ощутимо затрагивавших интересы предпринимателей³⁸. Временно вопросы страхования отодвинулись на второй план.

Именно в эти годы в правительственных кругах активизировалась разработка законопроекта об индивидуальной ответственности предпринимателей. При министре финансов И.А. Вышнеградском (1889 г.) был разработан новый проект об ответственности предпринимателей, который оставил доказательство вины за рабочим, ограничившись ответственностью предпринимателей при «грубой вине хозяина» предприятия. Данный проект не получил одобрение в Государственном совете, где в то время превалировала ориентация на добровольность предпринимателей и традиционную практику попечения.

Следующим значительным шагом в обеспечении рабочих стал законопроект 1893 г., по которому предполагалось возложить на предпринимателей ответственность не только за случаи увечья рабочих, но и за профессиональные заболевания. Так, С.Ю. Витте писал: «Как только я стал министром финансов, я внес проект закона об ответственности предпринимателей за смерть и увечья с рабочими на рассмотрение Госсовета»³⁹. Размеры пособий и пенсий рабочим по проекту определялись из расчета 280 рабочих дней в году. Страхование распространялось на рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, а также железнодорожных мастерских⁴⁰. При этом рабочие не должны были доказывать виновность предпринимателя за получение увечья, как это предполагалось проектом 1889 г.

В объяснении к проекту министр финансов признавал, что лучшим средством обеспечения были бы законы о государственном страховании, однако подготовка таких законов требовала много времени, нужно было создать новую организацию обеспечения, необходима была основательная статистическая база, что в условиях того времени не представлялось осуществимым. Выходом из ситуации, по мнению министра финансов, являлся закон о коллективной ответственности предпринимателей перед рабочими. В таком случае материальное бремя, так волновавшее промышленников, распределялось между ними равным образом, а число вознаграждений при этом значительно возрастало, что являлось выгодным для рабочих, снижало поводы к судебным разбирательствам, а значит, снимало острые конфликты⁴¹.

Однако при обсуждении законопроекта 1893 г. принцип индивидуальной ответственности не был поддержан Государственным советом. Один из участников обсуждения заявил, что «опыт ныне текущей половины XIX столетия везде показывает,

что защиты требуют не рабочие против владельцев, а владельцы против рабочих»⁴². В результате общее собрание Государственного совета 24 мая 1893 г. отклонило законопроект, внесенный С.Ю. Витте. В решении говорилось, что он не отвечает общему направлению законодательства России и может привести к возникновению не существующего в стране рабочего вопроса⁴³.

Таким образом, можно наблюдать две основные линии в решении вопросов жизнедеятельности рабочих, пострадавших на промышленных производствах. Министерство финансов проводило достаточно жесткую линию, отстаивая идею об индивидуальной ответственности предпринимателей, которые должны покрывать расходы рабочих на лечение, возмещать потерю заработка, происшедшего вследствие полной или частичной потери трудоспособности, обеспечивать в случае смерти рабочего членов семьи, находившихся на его иждивении, желая поставить под свой контроль социальное обеспечение. Предприниматели в большинстве своем не хотели брать на себя ответственность и выступали за государственное страхование рабочих.

В конце 90-х гг. XIX в. идея государственного страхования начала приобретать все большее число сторонников. Она обсуждалась и находила поддержку в различных ведомствах. В январе 1898 г. Министерство земледелия и государственных имуществ разрабатывало проект государственного страхования рабочих по всем видам: на случай болезни, инвалидности, смерти и по старости⁴⁴.

Однако Министерство финансов продолжало проводить твердую линию на введение законов об индивидуальной ответственности предпринимателей. По предложению С.Ю. Витте была создана специальная комиссия для переработки законопроекта 1893 г. Ее работу возглавил В. И. Ковалевский. Над новым законопроектом комиссия работала с 1899 по 1901 г. Результатом деятельности Особой комиссии стал законопроект, а затем и закон 1901 г. «О страховании рабочих казенных предприятий»⁴⁵, в котором признавалась ответственность предпринимателей не только за увечья и смерть рабочих, но и за профессиональные болезни, но размеры пенсий и пособий предполагалось установить так, чтобы не слишком обременять заводчиков и фабрикантов. Путем незначительных уступок добиться социального мира — в этом состояло главное содержание правительственного курса в области страхования.

В сентябре 1902 г. был завершен законопроект «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и слу-

жащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев». В 1903 г. он получил одобрение Государственного совета, 2 июня 1903 г. был подписан царем, а 1 января 1904 г. вступил в силу⁴⁶. В нем юридически закреплялись те меры, которые ранее осуществлялись предпринимателями по «доброй воле» или по соглашению с рабочими⁴⁷. Были учтены поправки, вносимые в ходе его обсуждения, в результате чего он уже не содержал указания на профессиональные болезни (как это предполагалось изначально). В объяснении к проекту говорилось, что «огромный процент рабочих отличался слабым, плохим, расстроенным здоровьем, но причина этого не в тех условиях производства, а преимущественно в условиях бытовых, плохой квартирной обстановке, недостаточном питании, излишнем злоупотреблении спиртными напитками. Найти здорового рабочего, особенно в промышленных центрах, трудная задача»⁴⁸.

Закон содержал 53 статьи, ответственность за несчастные случаи в нем возлагалась на предпринимателей. Теперь промышленник должен был доказывать свою невиновность, если желал избежать уплаты вознаграждения потерпевшему или членам его семьи. Тем самым утверждался принцип индивидуальной ответственности.

Действие закона было распространено на рабочих, занятых наемным трудом в крупных частновладельческих заводах, фабриках, на горных предприятиях, получивших увечья на производстве. Данные правила не распространялись на предприятия казенного управления, промышленные заведения частных железных дорог, пароходных предприятий, на сельскохозяйственных рабочих⁴⁹. Был принят принцип обязательного обеспечения рабочих и членов семей в случаях производственных увечий и при смертельном исходе (как в Германии и последовавших ее примеру странах).

Однако были установлены случаи, обязывавшие или освобождавшие промышленника от вознаграждения рабочего, членов его семьи при «неосторожности рабочего» или «по его злому умыслу», тем самым позволяя в определенных случаях предпринимателю избегать ответственности.

Согласно принятому закону, вводились следующие основные положения⁵⁰.

1. Взносы промышленников на вознаграждения рабочими и членами семей становились нормированными (при этом участие рабочих, как, например, в Англии, не допускалось).

2. Владелец промышленных предприятий был обязан обеспечить пострадавших рабочих бесплатной медицинской помощью (в случае утраты трудоспособности более чем на 3 дня) или возместить потерпевшему расходы по лечению — выдавать увечному пособие все время его болезни в размере половины действительного его заработка, в случае смерти потерпевшего владельцы должны выдать 30 руб. на похороны взрослого и 15 руб. — малолетнего.

3. Владелец предприятия «немедленно» должен был подавать заявление о несчастных случаях в полицию и в присутствие по фабричным, горнозаводским делам; сообщать о случившемся инженеру или инспектору. В противном случае, как и при сокрытии требуемых чинами сведений и неправильном ведении соответствующих книг (о несчастных случаях), на владельца промышленного заведения налагался штраф (25—100 руб.). Владелец предприятия должен был правильно и добросовестно вести книги по заработной плате (служившие для исчисления вознаграждений и премий в страховые общества).

4. Ряд статей закона определял формы и виды документов, необходимых к заполнению по несчастным случаям в присутствии ответственных лиц и свидетелей.

5. Были установлены размеры пенсий при полной потере трудоспособности: выплачивалась постоянная пенсия в размере $\frac{2}{3}$ заработка, такая же пенсия выплачивалась семье в случае потери кормильца. Исчисление годового заработка при этом устанавливалось из расчета 260 рабочих дней в году и опиралось на оплату труда чернорабочего, которая была ниже, чем у рабочего или у мастерового.

6. Размер выплаты при частичной утрате трудоспособности не определялся, не затрагивалось обеспечение по болезни и страхование по старости; кроме того, решение о степени утраты способности к труду осталось в руках местных чиновников, многое зависело от фабричных и горнозаводских присутствий.

7. Закон давал возможность владельцам предприятий страховать рабочих в страховых обществах. Данным положением владельцы предприятий освобождались от возлагавшейся законом обязанности обеспечивать рабочих, если «застрахуют рабочих и служащих от последствий несчастных случаев в обществах на условиях, не менее благоприятных для потерпевших, чем предусмотрено законом». Такая мера трактовалась как «необходимая для владельцев предприятий»⁵¹. Данный пункт правил

был компромиссом государства с предпринимателями. Он давал последним возможность перекладывать обязанность по вознаграждению рабочих на страховые общества.

Существовавшие в тексте неясности и недоговоренности преднамеренно вносили путаницу в применение его на практике. Изданные к закону 1903 г. дополнительные инструкции и распоряжения не помогли делу, а, наоборот, являлись новым ограничением сферы его действия, которые были очевидными⁵²:

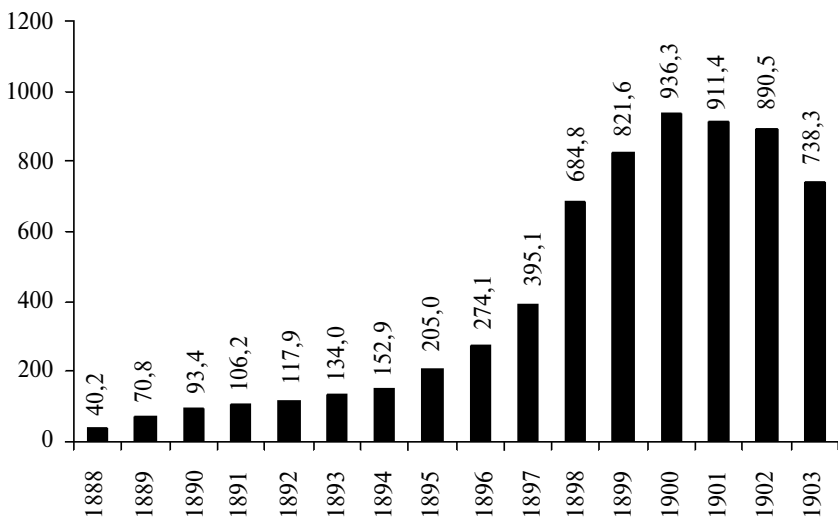
- 1) закон распространялся только на промышленных рабочих;
- 2) не предусматривал страхования от профессиональных заболеваний, старости, безработицы;
- 3) не предусматривал выплаты пенсий из расчета полного заработка.

Промышленники противодействовали реализации закона, ссылаясь на такие его последствия, как потрясения в промышленности, сокращение объема производства и числа рабочих, перенесение расходов по страхованию рабочих на потребителей и т.д. Они активно добивались отсрочки его введения.

Данные о динамике процесса страхования рабочих представлены на рис.

Рисунок

**Динамика численности застрахованных рабочих
(1888–1903 гг.), тыс. чел.**

Некоторое снижение числа застрахованных в 1901—1902 гг. можно объяснить ожиданием нового закона и отчасти развитием взаимного страхования рабочих. В целом число застрахованных с 1882 по 1903 гг. (за 16 лет) увеличилось в 18,4 раза.

Ввиду неполноты имеющихся сведений подсчитать общую сумму выплаченных рабочим пенсий и пособий практически невозможно. Можно привести лишь приблизительные данные. По подсчетам Л.М. Иванова, рабочие фабрично-заводской промышленности получили 2,2 млн руб. (1913 г.), горнозаводские — 2,3 млн руб. (1906 г.), акционерные общества выплатили в 1912 г. 2 млн руб., а взаимные — 1,6 млн руб.⁵³ Таким образом, общая сумма равнялась примерно 8,2 млн руб. (включая капитализированные суммы). Она распределялась между 20,4 тыс. увечных рабочих. Всего же увечных по фабрично-заводской и горнозаводской промышленности было около 112,2 тыс. чел. и им по закону причиталось в 1912—1913 гг. около 41—42 млн руб.⁵⁴ Анализ выплат пенсий и пособий по фабрично-заводской промышленности свидетельствует о том, что при точном соблюдении закона 1903 г. рабочие должны были получить намного больше.

По нашему мнению, закон имел характер попечительного регулирования: с одной стороны, государство регламентировало ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих, с другой — предприниматели остались по сути хозяевами дела и вследствие этого отказались от ранее выдвигавшихся идей государственного обязательного страхования.

Таким образом, фабрично-заводское законодательство в России середины XIX — начала XX в. имело ряд особенностей:

1) оно формировалось по определенным сферам народного хозяйства и группам производств. Существовали отдельные законы для предприятий фабрично-заводского производства, для горных и горнозаводских предприятий, для ремесленных заведений, для служащих и рабочих железных дорог, для рабочих казенных предприятий, для нанимавшихся на сельскохозяйственные работы и др. Имелись также законы, регламентировавшие труд различных категорий рабочих — женщин, подростков, малолетних;

2) введение законов начиналось с отдельных губерний, а распространение на всю страну иногда растягивалось на десятилетия. Как, например, закон от 3 июня 1886 г., который вводился вначале на территории трех губерний — Санкт-Петербургской, Московской и Владимирской, а также в отдельных уездах Рязанской, Ярославской и Костромской губерний. Лишь к 1897 г.

закон в полном объеме был распространен почти на все губернии Европейской России и Царства Польского;

3) большинство распоряжений и узаконений первой половины XIX в. носили рекомендательный, а не обязательный характер;

4) законы не имели четких формулировок, определяющих условия их реализации. В результате издавались многочисленные разъяснения к ним, которые еще в большей степени усложняли их понимание;

5) реформирование трудового законодательства тесным образом было связано с волнениями и стачками в рабочей среде, которые и выступили решающим фактором в принятии решений о тех или иных нововведениях;

6) законы о страховании ограничивали круг страхуемых, как по территориальному, так и производственному признакам, охватывая только часть рабочего класса. Они касались лишь двух видов страхования: в результате несчастных случаев и по болезни. Значительным пробелом в законе, чрезвычайно снижавшим его значение, было исключение страхования по старости, в связи с инвалидностью и смертью. К тому же предусмотренные законом размеры пособий и пенсий были очень низкими, а на практике они зачастую еще более урезались.

По своей сути страховые законы были противоречивы: элементы буржуазного права сочетались в них с полицейско-охранительными мерами, лишая страховые учреждения известной самостоятельности и отдавая их во власть чиновников, полиции и предпринимателей. Реализация страховых законов шла медленно, зачастую тормозилась и нарушалась предпринимателями, ограничивалась административным вмешательством и контролем. Но, несмотря на все издержки, это был первый опыт осуществления государственного (обязательного) страхования в России, проводившийся в русле либерально-буржуазных реформ и сочетавшийся с попытками утверждения правовых норм в рабочем и трудовом законодательстве.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)». Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

² См.: Философский словарь. М., 2000. С. 267.

³ Московские ведомости. 1842. № 7. С. 8.

- ⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 200. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
- ⁵ Там же. Л. 16.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 4785. Л. 15.
- ⁸ Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 2199. Оп. 1. Д. 1589. Л. 43.
- ⁹ Там же. Л. 47.
- ¹⁰ См.: Богучарский В. Из жизни провинции // Новое слово. 1897. № 11. С. 123.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 2199. Оп. 1. Л. 48.
- ¹² РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1778. Л. 283.
- ¹³ Там же. Л. 285.
- ¹⁴ Там же. Л. 256.
- ¹⁵ Там же. Л. 286.
- ¹⁶ Там же. Л. 287.
- ¹⁷ Там же. Ф. 37. Оп. 74. Д. 192. Л. 135.
- ¹⁸ Там же. Л. 136.
- ¹⁹ Там же. Л. 135.
- ²⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1779. Л. 285.
- ²¹ Там же. Л. 149.
- ²² Там же. Л. 150.
- ²³ Там же. Л. 150, 151.
- ²⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 74. Д. 196. Л. 149.
- ²⁵ Там же. Л. 108.
- ²⁶ Там же. Л. 150.
- ²⁷ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–3.
- ²⁸ Там же. Л. 6–9.
- ²⁹ Там же. Л. 27, 28.
- ³⁰ Там же. Л. 119.
- ³¹ Там же. Л. 159–164.
- ³² Там же. Д. 101. Л. 172.
- ³³ См.: Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908. С. 12.
- ³⁴ См.: Там же. С. 26–28.
- ³⁵ См.: Куприянова Л.В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы // Отечественная история. 1996. № 5. С. 50–66.
- ³⁶ См.: Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1881. Ч. 12. Отд. 1. С. 110.
- ³⁷ См.: Там же. С. 113.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
- ³⁹ См.: Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 1. 1849–1894. М., 1960. С. 309.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 102. Оп. 161. Д. 28. Л. 42–43.
- ⁴¹ Там же. Л. 49.
- ⁴² Там же. Л. 267.
- ⁴³ Там же. Л. 52.

- ⁴⁴ См.: Чистяков И. Страхование рабочих в России. СПб., 1912. С. 55.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 102. Оп. 161. Д. 28. Л. 63.
- ⁴⁶ См.: ПСЗ. Собр. III. СПб., 1905. Т. XXIII. Отд. 1. № 23060.
- ⁴⁷ См.: Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России. (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 112–113.
- ⁴⁸ См.: Штоф А.А. IV Международный конгресс по вопросу о несчастных случаях при работах и страховании. СПб., 1903. С. 21.
- ⁴⁹ См.: ПСЗ. Собр. III. Т. XXIII. № 23060.
- ⁵⁰ См.: ПСЗ. Собр. III. Т. XXIII. № 23060.
- ⁵¹ Страхование. 1903. № 9. С. 523.
- ⁵² См.: Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 201.
- ⁵³ См.: Иванов Л.М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982. С. 119.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 120.

*Н.Н. Макарова**

**Социальные аспекты индустриализации:
девиантное поведение и «стратегии выживания»
советских горожан в экстремальных условиях
в 1929—1935 гг.
(по материалам Магнитогорска)**

Эпоха советской индустриализации стала важнейшим периодом отечественной истории, изменившем все стороны жизни общества и государства. Особенно сложным и противоречивым, на наш взгляд, является рубеж 1920—1930-х гг. — период социально-экономических экспериментов и трансформаций, когда закладывались основы нового образа жизни. Процесс форсированной индустриализации сопровождался небывалыми миграционными потоками из деревни в город, на большие стройки и в новые индустриальные центры.

Целый ряд возникших социально-экономических проблем повлек за собой снижение уровня жизни населения Советского Союза, что привело к резкому росту девиантных форм поведения. В значительной степени всплеск социальных аномалий был обусловлен революционными преобразованиями, происходившими в стране. В условиях Первой мировой и Гражданской войн, в ходе революционной борьбы, сопровождавшихся общим ростом уровня насилия, ценность человеческой жизни заметно снизилась, и, как следствие, возросло число девиаций. Несомненно, высоким было число девиаций в новых индустриальных центрах, пользующихся, по словам Ш. Фицпатрик, «дурной славой»¹. Не стал исключением Магнитогорск — крупнейший центр металлургии, созданный в годы первых сталинских пятилеток.

Анализ девиантного поведения, понимаемого как нарушение социальных норм, ставит перед исследователями ряд фундаментальных вопросов, среди которых вопросы о сущности категории «норма» (социальная норма) и об отклонениях от нее. В стабильно функционирующем и устойчиво развивающемся

* Макарова Надежда Николаевна — ассистент (Магнитогорский государственный университет).

обществе ответ на этот вопрос более или менее ясен. Социальная норма — это необходимый и относительно устойчивый элемент социальной практики, выполняющий роль инструмента социального регулирования и контроля. «Социальная норма, — отмечает социолог Я.И. Гилинский, — определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций»². Социальная норма проявляется в законах, традициях и обычаях, т.е. во всем том, что стало привычкой, прочно вошло в быт, в образ жизни большинства населения, поддерживается общественным мнением, играет роль «естественного регулятора» общественных и межличностных отношений в повседневной жизни людей. Но в переходные периоды в обществе, где разрушены одни нормы, а другие существует в теории или только начинают применяться, проблема толкования и применения нормы становится чрезвычайно сложным делом. Кроме того, осложняет практику применения понятия «норма» общая социально-экономическая и морально-психологическая обстановка, формирующаяся в том или ином сообществе.

Социальные нормы складываются как результат адекватного или искаженного отражения в сознании и поступках людей объективных закономерностей функционирования общества. Поэтому они либо соответствуют законам общественного развития, являясь «естественными», либо недостаточно адекватны им, а то и вступают в противоречие из-за искаженного — классово ограниченного, религиозного, субъективистского, мифологизированного — отражения объективных закономерностей. В таком случае аномальной становится «норма», «нормальны» же отклонения от нее. Вот почему социальные отклонения могут иметь для общества различные значения. «Позитивные отклонения» служат средством прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности, преодоления устаревших, консервативных или реакционных стандартов поведения. Это — социальное творчество: научное, техническое, художественное, общественно-политическое. Негативные отклонения — дисфункциональны, дезорганизуют систему, подрывая подчас ее основы. Это — социальная патология: преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, суицид. Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Кроме того, одновременно существуют различные «нормативные субкультуры» (от научных сообществ и художественной «богемы» до сообществ преступников). В индустриализированном Магнитогорске получили

широчайшее распространение оба вида девиантного поведения: позитивное и негативное. Первое проявлялось в каждодневном трудовом подвиге и самопожертвовании магнитогорцев; второе — в существовании в социуме города разнообразных девиаций (преступность, алкоголизм, проституция, наркомания, суицид, беспризорность). В этой статье в центре нашего внимания — негативные практики девиантного поведения населения города — первенца первой пятилетки (позитивным практикам уделялось немало внимания в публикациях советского времени).

Проблематика повседневности включает в себя широкий круг категорий и отношений, которые трудно ранжировать по степени значимости. Традиционно как в зарубежной, так и в отечественной исторической науке выделяют ряд сюжетов, относящихся к данной проблематике: среда обитания на микро- и макроуровнях (город, деревня, жилище), социально значимые моменты в жизни человека (рождение, смерть, семейные отношения), труд, досуг и т.д. В последние годы³ в перечень этих сюжетов исследователи все чаще стали включать вопросы девиантного поведения, проблематике которого в отечественной исторической науке уделялось незначительное внимание. Как правило, объяснялось это отсутствием при социализме «подобных явлений»⁴. В 1960-х гг. предпринимались попытки изучения отклоняющегося поведения как антиобщественного проявления. В историческом ключе данная проблематика была рассмотрена впервые Г.Л. Смирновым⁵. В 1980-е гг. исследователи, по словам Н.Б. Лебиной, «умышленно не использовали широко принятого для обозначения теневых явлений понятия “девиантность”, заменяя его терминами “асоциальность”, “аморальность”, “антиобщественность” и т.п.»⁶. Отражает подобную «подмену» терминов Г.Л. Бордюгов в статье «Социальный паразитизм или социальные аномалии (Из истории изучения борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы)», в которой автор, показывая эволюцию отношения государства и общества к социальным аномалиям, делает вывод о том, что аномалии в 1930-х гг. зачастую принимали скрытые формы. С конца 1980-х гг. в связи с постоянным снижением уровня жизни большей части населения произошел всплеск, а затем количественный рост девиантных форм поведения. Это обусловило актуализацию исторических исследований данной проблемы. Особо следует отметить статью Т.П. Коржихиной «Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов» и сборник «Трезвый быт» (1987 г.), в котором опубликованы очерки, статьи и рассказы из антиалкогольной печати 20–30-х гг., а также включены статьи специалистов по

данной тематике⁷. Проблеме социальных девиаций посвящены и работы В.Н. Кудрявцева⁸.

Современная историография также содержит попытки изучения отклоняющегося поведения в ходе сложных трансформаций советского общества. Наиболее серьезные разработки с методологической точки зрения в этой сфере принадлежат Н.Б. Лебиной⁹, которая использовала дихотомические категории: «норма — аномалия», «добро — зло» и т.д.¹⁰ Автор задается вопросом о том, насколько теория девиантного поведения полезна в изучении советской истории периода 1920—1930-х гг.¹¹ С ответом Лебиной на этот вопрос нельзя не согласиться¹². Теория девиантного поведения для историков, занимающихся изучением межвоенного двадцатилетия, несомненно важна. Это связано, во-первых, с переосмыслением устоявшихся оценок советского общества в годы нэпа и последовавшей индустриализации; во-вторых, с вводом в научный оборот новых источников; в-третьих, со стремлением «формулировать вопросы к прошлому, исходя из современного контекста»¹³; и, наконец, с процессом формирования специфического типа личности — «советского человека», его отношением к окружающей действительности, труду, собственности, моральным принципам и т.д.

Девиантное поведение на новостройках первых пятилеток, в том числе на Магнитострое, в отечественной исторической науке не подвергалось комплексному изучению. Проблема преступности в Магнитогорске лишь косвенно рассматривалась американским историком С. Коткиным в монографии «Гора Магнитная. Сталинизм как цивилизация»¹⁴. Исследование с позиций социальной истории строительства Магнитогорского металлургического комбината органично сочетается со стремлением автора показать, как в годы первых пятилеток в СССР происходило формирование «новой социалистической цивилизации». Автор на основе значительного числа источников анализирует жизнь граждан в стране в целом и в Магнитогорске, в частности, затрагивает обширный спектр проблем, среди которых вопросы преступности и методы перевоспитания заключенных МИТК¹⁵. Продолжая рассматривать социальные аспекты преступности в Магнитогорске, мы акцентируем внимание на проблеме соотношения девиантного поведения и «стратегий выживания» магнитогорцев в экстремальных условиях форсированной индустриализации.

Статья написана на локальном в территориальном отношении материале, в качестве объекта изучения выбрана повседневность Магнитогорска конца 1920-х — начала 1930-х гг. Обосно-

ываается подобный выбор следующими факторами. Во-первых, Магнитогорск сам по себе представлял определенного рода девиацию: город создали без генерального плана в кратчайшие исторические сроки с 1929 по 1935 г.¹⁶ Во-вторых, исследование локального материала позволяет более детально и обоснованно сформулировать выводы. В данной статье на основе различного источникового материала¹⁷ мы рассмотрим причины возникновения отклоняющегося поведения жителей Магнитогорске, его основные формы, а также постараемся показать такое поведение как специфический способ, своего рода технологию выживания¹⁸ горожан в экстремальных условиях становления крупного индустриального объекта — Магнитогорского металлургического комбината.

* * *

К началу 1930-х гг. в Магнитогорске сложился целый комплекс причин, влекущих за собой формирование разнообразных девиаций и форм приспособления к окружающей среде. Важным фактором, влиявшим на рост девиантных форм поведения в городе, стало преобладание на строительстве города и завода молодежи, которая сравнительно легко поддается негативному влиянию и воздействию психологической атмосферы. Инженер Майлс Шировер, проработавший на Магнитострое около полутора лет, писал в американском журнале «Каррет истори» в июле 1932 г.: «В сущности, Магнитогорск создан советской молодежью. 60 % рабочих этого строительства моложе 24 лет...»¹⁹ Точных данных, характеризующих состав магнитогорцев, нет. Исследователь А. Зверев, ссылаясь на материалы статистических данных переписи населения Магнитогорска, приводит следующие показатели. Из общего числа рабочих молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляет 51,2 %²⁰. Это нельзя назвать подавляющим большинством, однако среди магнитогорцев значительное число составляли люди в возрасте от 24 до 33 лет. Данная возрастная категория, по мнению ряда психологов, поддается значительному стороннему влиянию. Заметим, что основную часть осужденных в Магнитогорске также составляли люди в возрасте 20–30 лет²¹. Оторванные от семьи, лишённые нормальных бытовых условий, забот о жилье и семейных обязанностей, многие молодые люди не знали, чем заняться. Свободное времяпрепровождение молодежи, предоставленной самой себе²², подталкивало формирование стихийных коллективов. Подобные стихийно возникающие группы, обладают высокой сплоченностью, агрессивностью, ориентированы на собственные «внутренние» законы и легко усваивают стиль поведения кри-

минальной среды. Подтверждением данных тезисов могут служить описи судебных дел за 1932–1933 гг.²³, в которых содержится информация о преступлениях, совершенных группами молодых людей. Заметим, что данная тенденция характерна не только для Магнитогорска начала 1930-х гг., но для Уральской области в целом²⁴.

Численность заключенных магнитогорской исправительно-трудовой колонии колебалась довольно сильно: в ноябре 1932 г. в ИТК содержалось 6000 человек, в середине декабря 1932 г. численность заключенных возросла примерно до 13 000 человек. По данным на 15 сентября 1933 г., контингент магнитогорской ИТК характеризовался следующим образом: общее количество отбывающих меру социальной защиты — 8480 человек, из них: без содержания под стражей — 7349 человек; в ссылке, соединенной с исправительно-трудовыми работами, — 548 человек; из общего числа лишенных свободы — 583 человека, рецидивистов — 33, женщин — 176. В течение первых пяти месяцев 1934 г. в колонию Магнитогорска прибыло 4710 новых заключенных, что в среднем составляло 940 человек в месяц. При этом освобонилось из ИТК 5892 человека. По словам Гейнемана, эта «текучесть отнимала уйму времени у администрации и отвлекала ее от выполнения других задач»²⁵. По социальному положению «классово-чуждый элемент» (кулаки и зажиточные) составляли 1900 человек, «трудящиеся» — 6580 человек²⁶. Хотя сроки заключения у большинства осужденных были небольшие, преимущественно от 6 месяцев до 1 года, имелись в магнитогорской колонии и более серьезные преступники, срок наказания которых составлял 5 и более лет за особо тяжкие преступления — убийства и изнасилования²⁷. В официальном отчете, датированном январем 1933 г., были приведены следующие данные о длительности сроков наказания по 12 869 осужденным: до одного года 1354; от одного до трех лет — 6908; от трех до пяти — 2542; от пяти лет и больше — 2065²⁸.

Кроме того, по данным оперативного отдела городского управления рабоче-крестьянской милиции (РКМ) и городского отдела ОГПУ, в Магнитогорске периодически «скапливались» преступные элементы («беспаспортники», люди без определенного занятия и места жительства). Выживала такая категория горожан за счет систематического воровства и грабежей. В январе 1934 г. в городе было от 300 до 500 подобных лиц, которые, по словам городского прокурора П.Н. Кефала, «буквально терроризировали население», ежедневно совершая грабежи и убийства²⁹. Власти города при содействии областной прокуратуры вывозили «целыми вагонами» таких преступников из Магнито-

горска, но по истечении определенного срока проблема вновь обострялась³⁰.

В Магнитогорск начиная с 1931 г. стали прибывать спецпереселенцы, многие из которых были озлоблены в связи с раскулачиванием, лишением избирательных прав, тяготами, перенесенными в дороге, а также сложностями бытового характера. О численности спецпереселенцев в Магнитогорске говорят данные архивов, в соответствии с которыми в 1932 г. при Главном управлении Магнитостроя их числилось 40 000 человек³¹. Важно отметить, что руководство Уральской области неоднократно советовало местным властям действовать в отношении спецпереселенцев справедливо: «считать необходимым создание специального управления... по хозяйственному использованию, снабжению и устройству переселенцев; установить порядок снабжения спецпереселенцев (в соответствии с фондами рабочего снабжения и членов их семей); удержания из зарплат спецпереселенцев временно... приостановить...»³². Подтверждает факт психологического дисбаланса в Магнитогорске рассказ А.И. Чесноковой о конфликтах среди учеников школы № 22: «Мы с сестрой и еще несколько ребят учились в школе на спецпоселке и нас тамошние дети всегда обижали, иногда били и говорили: «Вот вы поуждали из деревень, вас не раскулачили, а мы остались — у нас все отняли. У вас тоже все надо забрать»³³.

Усугублял обстановку в городе и пестрый национальный состав магнитогорцев: 83,7% — русские, 6,8% — украинцы, 2,7% — татары, 1,57% — белорусы, 1,37% — башкиры, 1,1% — киргизы и нагайбаки, 0,5% — мордва и 0,5 — прочие национальности³⁴. Несомненно, разнообразная культурно-историческая база, образ жизни, ментальные установки и традиции осложняли взаимоотношения среди магнитогорцев и влекли за собой формирование конфликтных ситуаций. Ведение традиционного хозяйства, в частности приготовление национальной пищи, часто вызывало конфликты³⁵. Неоднократно представителей национальных меньшинств избивали, издевались над ними, обходили при выдаче премий, промтоваров, одежды, обслуживании в медицинских учреждениях³⁶. В частности, на 9-м строительном участке «техник Фомин и десятник Чернов избили нацменработного. На горе Ай-Дарлы нацменбригада подралась с русской бригадой “Красный партизан”»³⁷; «нацмена», рабочего Сагадеева, установившего мировой рекорд по кладке бетона, избили, а лучший ударник комсомолец Величко был убит³⁸. Местное руководство рассматривало данные события как проявления извращений национальной политики советской власти

и вылазок классового врага, однако мы считаем, что причины конфликтов лежат в различном восприятии и мироощущении происходящего, а также в бытовой плоскости. Подтверждением этого тезиса могут служить факты избиения русских рабочих «нацменами». По словам самих рабочих, «русские рабочие сперва насмеялись над ними. Национальной розни не было. Были отдельные случаи, что травили отдельных нацмен...»³⁹.

Волнообразный рост населения города за счет вновь прибывающих рабочих и крестьян, в соответствии с планом форсированной индустриализации и коллективизации страны, усугублял криминогенную обстановку в Магнитогорске. Хулиганство и драки были спутниками неблагоустроенного быта магнитогорцев. Переполненные бараки, по мнению В. Полонского, являлись одной из основных причин, вызывавших драки и хулиганство: «Но жилища переполнены сверх всякой меры, сверх отказа, вот в чем беда...»⁴⁰ Действительно, жилищная проблема становилась острейшей, большинству приезжих приходилось тяжело. В целом, рост городского населения требовал от властей преодоления негативных поведенческих тенденций в виде пьянства, хулиганства, преступности.

Газета «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковала статьи о хулиганстве⁴¹, немотивированных актах жестокости⁴², кражах, грабежах⁴³ и убийствах⁴⁴. Спектр преступлений в Магнитогорске был достаточно широким. Городская прокуратура выделяла следующие типы уголовных дел: хищения и растраты, должностные преступления, хулиганство, преступления в области рабочего снабжения и общественного питания, спекуляции, преступления в сельском хозяйстве, конокрадство, бандитизм, грабежи и разбои, преступления в сфере культуры и быта и мошенничество (подделка документов). За четвертый квартал 1933 г. по всем указанным видам преступлений было заведено 379 уголовных дел, а на скамье подсудимых оказалось 625 человек. Статистические данные свидетельствуют о том, что наиболее распространенным видом преступления в Магнитогорске в данный период были хищения и различные кражи (36%), должностные преступления (18,4%) и хулиганства (16%)⁴⁵. Американский историк С. Коткин, изучавший архив прокуратуры Магнитогорска⁴⁶, отмечает, что большинство осужденных проходили по статье 78 УК СССР — кражи.

Причины роста девиаций в городе, объясняемые объективными факторами неудовлетворительных бытовых условий, отсутствием достаточного количества культурных и досуговых организаций и разношерстной рабочей массой, местная власть не принимала во внимание. Естественно, власти города, как и

страны в целом, не мирились с нарушениями правопорядка, но отклонение от норм в поведении и, прежде всего, хулиганство часто оценивалось с политической точки зрения⁴⁷. «Хулиганством» было принято называть разрушительное антиобщественное поведение, а к хулиганским действиям относили: оскорбления, драки, приставание к прохожим⁴⁸, срыв культурных мероприятий, нарушение порядка в ночное время. Следует отметить, что в Магнитогорске большинство хулиганов судили по статье 74 пункт 2 — злостное хулиганство.

Важным фактором, влиявшим на рост хулиганства, являлась слабо организованная культурно-массовая работа. Психологи и дивантологи считают, что при наличии свободного времени, отсутствии культурных учреждений основным способом проведения досуга часто становится пьянство и сопровождающие его драки, хулиганское поведение, а зачастую и преступления. В Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. неоднократно поднимали вопрос об организации культурного досуга населения с целью снижения девиантных форм поведения. Наиболее часто данная проблема поднималась в местных газетах. В частности, газета «За металл» регулярно печатала на своих страницах материалы, обличающие проблему: «У нас нет красного уголка... Царит скука... Рабочие часто пьют»⁴⁹.

Хулиганство по отношению к комсомольцам, ударникам, культурмейцам, учителям — в целом к гражданам, сумевшим утвердить, а в некоторых случаях повысить свой социальный статус в условиях новой послереволюционной реальности, а также срыв культурных мероприятий рассматривались коммунистической партией, советским и местным руководством как проявление «вылазок классового врага»⁵⁰, стремившегося сорвать планы пролетарского государства. Подобные явления нельзя однозначно оценивать, т.к., с одной стороны, действительно имели место негативные проявления по отношению к данным категориям граждан со стороны лиц, лишенных свободы, спецпереселенцев. Здесь могли сказываться бытовые трудности, стрессы и унижения, пережитые людьми, возможно, чувство зависти. С другой стороны, нельзя утверждать, что хулиганы специально “выслеживали” ударников, комсомольцев и срывали культурные мероприятия. Тем не менее местные партийные комитеты внимательно следили за тем, чтобы органы милиции и прокуратуры отслеживали хулиганство по отношению к ударникам, изотовцам и комсомольцам. Бюро Уралобкома ВКП(б) обязало прокуратуру «вести решительную борьбу с вредительской работой классового врага в области ликвидации неграмотности»⁵¹. Стоит также отметить, что власти осуждали и

наказывали хулиганов с партийным или комсомольским билетом. Местная пресса многократно указывала на неблагоприятное поведение комсомольцев и ударников. В частности, отмечалось, что члены бригады металлургов во время отдыха на озере Банном «напились пьяными и стали дебоширить»⁵².

Драки в Магнитогорске были одним из наиболее распространенных видов девиации. Многие рассматривали драку как единственный способ навести порядок. Так, драки в городе были спутниками очередей в раздатках, магазинах и столовых: «...происходят форменные драки в очередях. Бьют не только сами себя, но и заведующего и раздатчиц, осыпая их матерщиной и плевками»⁵³. Но драки можно рассматривать и как особую форму времяпрепровождения. В воспоминаниях старожилов города неоднократно возникает сюжет о драках «стенка на стенку», «участок против участка». Когда рабочих на домну стали доставлять на специальном рабочем поезде, каждый цех строго занимал свой вагон, а если кто-то «чужой» садился в него, начиналась драка⁵⁴. Силовые методы решения бытовых конфликтов часто применяли домохозяйки, вынужденные целыми днями находиться в общих бараках. Поводом для конфликта становились самые разнообразные причины, но чаще всего дефицит жилплощади⁵⁵.

С хулиганами в Магнитогорске можно было встретиться даже в школе. Переростки, которых заставляли учиться всевозможными способами, пытались срывать уроки. Учителя оказывались в сложной ситуации. Многие применяли силу⁵⁶. Отказ от многовековой христианской морали вызвал ликвидацию элементарных регуляторов поведения и падение уважения к старшим. Проблемы учебно-воспитательного процесса связывались главным образом с «происками классового врага» и слабой организацией коммунистического воспитания в школе. Все это, в сочетании с невероятно тяжелыми условиями жизни и труда на Магнитострое, приводило к распушенности детей и подростков. В качестве примера можно привести выдержку из информационной записки в Челябинский обком ВКП(б): «В школах области наблюдалось сильное хулиганство учеников, неуважительное отношение к учителям и учащимся друг к другу...»⁵⁷ В отчете совещания партийных и комсомольских руководителей в ЦК ВКП(б) по вопросам пионерской работы от 7 мая 1933 г. отмечалась неблагоприятная тенденция распространения хулиганства в индустриальных центрах Урала⁵⁸. Кроме того, отмечалось, что в одной из школ Магнитогорска выявлена «бандитская воровская шайка», которая «вредила школе, терроризировала педагогов и учащихся»⁵⁹. Воспоминания учителя Магнитогорска

Е.К. Яворской ярко свидетельствуют о наличии в школах города хулиганства: «...мы с завучем вошли в класс. Нас приветствовали свистом... Прямо перед моими глазами мальчики первого ряда сели на столы... Тройка рослых ребят подошла ко мне и сказала, что я работать у них не буду...»⁶⁰

Проблема детской беспризорности и преступности была в Магнитогорске одной из наиболее острых. Число малолетних преступников в городе практически не сокращалось, несмотря на предпринимаемые меры. Прокуратура города была серьезно обеспокоена ростом детской преступности⁶¹. В течение января 1933 г. органами милиции было выявлено несколько десятков случаев участия малолетних в воровстве под руководством взрослых, но в городе были также преступные группы, состоящие только из детей⁶². Самым громким в городе стало дело о «шайке воров — школьников», которые в течение более двух лет занимались «организованным вредительством и воровством, устраивали целые побоища... было несколько случаев убийств»⁶³. Для борьбы с детской преступностью власти направляли малолетних преступников в детприемник Магнитогорска, который вскоре оказался переполненным, а также боролись за создание специальной организации по борьбе с детской беспризорностью и преступностью — так называемый КОМОНЕС (Комиссия по делам несовершеннолетних)⁶⁴. Кроме того, президиум городского совета издал 10 июля 1933 г. специальное постановление «Об организации детколонии для беспризорных детей»⁶⁵, в которую направлялись несовершеннолетние нарушители закона из детприемника. Основными функциями названных организаций были борьба с беспризорностью и детской преступностью, организация системы патронажа и всех видов профилактической работы с детьми, а также пропаганда среди взрослого населения города⁶⁶. 19 октября 1933 г. горсовет издал обязательное постановление «О борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью», в соответствии с которым детям до 16 лет запрещалось «торговать на улице любым товаром, чистить обувь, болтаться на улицах и вокзалах, находится на улице позднее 21 часа»⁶⁷. Дети представляли собой категорию самых слабых и социально незащищенных граждан, а детская беспризорность в значительной степени являлась формой приспособления к жизни в чрезвычайных условиях.

К социально незащищенным категориям населения принято относить также женщин, для которых одним из способов выживания становилась проституция. Данный феномен являлся одной из наиболее устойчивых и традиционных форм девиантного поведения. На протяжении многих десятилетий данная тема от-

носились к разряду табуированных⁶⁸. Беспризорность в самом широком смысле этого слова, неналаженность быта, плохая организация процесса обучения и воспитания в школе, «сексуальная революция» 1920-х гг. — все это способствовало развитию проституции в стране с большой численностью маргинального населения. Магнитогорск не стал исключением. Среди факторов, способствующих росту проституции, необходимо также указать на рост числа безработных женщин, большинству из которых не нашлось работы в Магнитогорске, а также низкую заработную плату при необходимости содержать детей. Однако в архивах города не сохранилось точных данных по этому вопросу. Тем не менее имеются сведения о значительном распространении в городе т.н. социальных болезней — венерических заболеваний, в том числе среди несовершеннолетних. Наиболее серьезно в городе стояла проблема детской заболеваемости гонореей, в связи с чем горком ВКП(б) взял на себя контроль за исполнением соответствующих постановлений⁶⁹. Борьбу с социальными болезнями вели вендиспансер, кожновенерологическое отделение в стационаре и детский гонорейный интернат на 50 коек. Несмотря на мероприятия, проводимые медицинскими службами города, число венерических больных сокращалось незначительно, «особенно среди нацменов»⁷⁰. В постановлении ЦИК и СНК РСФСР «О мерах борьбы с проституцией» от 29 июля 1929 г. определялись функции народных комиссаратов труда, социального обеспечения, здравоохранения, просвещения, юстиции, внутренних дел, которые должны были участвовать в ликвидации проблемы. Однако в городе сохранялись так называемые притоны, по крайней мере в начале 1930-х гг., о которых есть упоминания и в художественных произведениях, написанных по материалам Магнитогорска⁷¹. В источниках зафиксированы и отдельные случаи проституции. Респондент упоминает о женщинах непристойного поведения, которые крутились на вокзале города: «Мы провожали Антона домой, а на вокзале так было нехорошо. Там и дети бродяжничали и женщины нехорошие были...»⁷² Факты «половой распущенности» имели место даже в комсомольских бараках⁷³. Кроме того, сохранилась информация о принуждении некоторых женщин к занятию проституцией: «...лица, возглавляющие хозяйственный аппарат, ухудшают жизнь юных работниц и не продвигают их по службе, если они не согласны уплатить своим телом за это продвижение»⁷⁴. Распространенным явлением было насилие над женщинами, содержащимися в ИТК⁷⁵.

Особое место среди девиантных форм поведения в Магнитогорске занимало воровство. Рассматривая данную проблему,

стоит отметить, что в городе имело место как воровство в особо крупных размерах, связанное преимущественно со служебным положением⁷⁶, так и мелкое, бытовое. Последняя категория воровства вполне может рассматриваться в контексте стратегий выживания горожан в сложных условиях. Архивные данные свидетельствуют о том, что в Магнитогорске «тащили все, что плохо лежит»⁷⁷. Одна из первых учителей города А.А. Симакова вспоминала о том, что ночью в бараке вновь приехавшие вынуждены были дежурить по очереди, опасаясь не только хулиганов, но и воров: «ночью дежурили по два человека, в основном мальчики с воспитателем — мужчиной...»⁷⁸. Случаи воровства довольно часто описывались в местных газетах. Особое возмущение среди горожан вызывало воровство в раздевалках при душевых металлургического завода, где присутствовали дежурные. Так «из-за халатности дежурной... 22 мая у горнового Скромного пропало из бумажника 60 рублей, у горнового Овсянникова пропало 30 рублей...»⁷⁹. Бытовое воровство многие жители города даже не считали преступлением. Респондент А.И. Чеснокова, приехавшая в Магнитогорск с родителями в 1934 г. в возрасте десяти лет, утверждает, что в городе не было воровства до начала войны. Однако, рассказывая о строительстве землянки, в которой их семья проживала долгое время, она замечает, что «папа с зятем ночью ходили на ДОК и приносили доски, которыми крыли крышу, настилали полы... Мама с сестрой собирали кокс и дрова... У Лены украли карточки. Она пошла в магазин с ними, а там их не оказалось...»⁸⁰. Иначе как воровством такие действия назвать нельзя. Однако обстоятельства жизни вынуждали «брать» без спросу. Все респонденты отмечают, что воровали кур, одежду, сушившуюся на улице, а у семьи респондента В.Т. Лобочевой украли кормилицу — козу⁸¹.

Бытовые кражи совершались преимущественно людьми, ранее не занимавшимися воровством. Недоедание и недостаточность предметов первой необходимости в быту нередко вынуждали горожан идти на преступления. Эти же причины подталкивали часто к спекуляции продуктами питания или одеждой. Кража дров в зимний период была наиболее распространенным типом воровства. Даже в бараке для сотрудников ГорОНО неоднократно исчезали вязанки дров. Для борьбы с воровством в бараке был организован совет, который контролировал выдачу дров жильцам⁸². Еще одним видом воровства в Магнитогорске была кража строительных материалов. Директора школ в целях форсирования ремонта школьных помещений или возведения зданий для учебных занятий сторожили вагоны с лесом, краской, мебелью, предназначенные для их школы, а

учащиеся с родителями даже «выследили» пропавший вагон с красителями для ГорОНО⁸³.

Но в ситуации неразберихи строительства растущего индустриального гиганта находились предприимчивые горожане, которые наживались за счет чужой беды, спекулируя товарами первой необходимости, предназначенными для реализации в магазинах города. Наказания за столь разные виды спекуляции были приблизительно одинаковыми. Так, пять лет лишения свободы получили рабочий, продававший галоши, выданные ему на производстве⁸⁴, и группа лиц, систематически торговавшая ворованными продуктами.

Статистическая отчетность магнитогорской прокуратуры проливает свет на дела о хищениях, объектом которых выступало имущество колхозов, совхозов, кооперативов, транспортных предприятий, а также государственных учреждений и организаций, среди которых преобладали товары первой необходимости: хлеб, картофель, мука, одежда. Однако существовали кражи в особо крупных размерах, причем не только продуктов питания, но и денежных средств, и даже автомобилей⁸⁵, что свидетельствовало о желании нажиться, получить материальную выгоду. Так, в течение пяти месяцев 1933 г. было похищено пшеницы — 3781 кг., картофеля — 1825 кг, муки — 279 кг, кукурузы — 48 кг, а также одна корова, два воза сена и 12 968 руб.⁸⁶ В суд было передано 92 дела, по которым осудили 238 человек. Квалифицированные кражи были распространены особенно сильно среди сотрудников ЦРК⁸⁷ и УРС⁸⁸. Для того чтобы число злоупотреблений сократилось, были разработаны строгие правила приема и продажи товаров, но со временем их тоже научились обходить⁸⁹.

В целом, спекуляции, кражи, хищения, грабежи⁹⁰ являлись нелегальными методами выживания в условиях всеобщего дефицита и латентного голода. Но были также и легальные способы выживания, прежде всего самоограничения и бережливость. В условиях всеобщего дефицита важно было не только получить продукты и прочие товары первой необходимости, но и максимально экономно их расходовать, учитывая, что «завтра» можно лишиться по той или иной причине своего законного обеда. Магнитогорцам пришлось забыть прежние стандарты потребления, отказаться от многих бытовых привычек, включая представления об уюте жилья, манерах поведения, моде, гастрономических пристрастиях, часто употребляя в пищу порченные продукты.

Еще одной формой девиантного поведения, представленного в Магнитогорске, являлись самоубийства. Достоверных ста-

статистических данных о численности самоубийств в городе за период 1929–1935 гг. в архивах не сохранилось, однако имеется отрывочная информация. В частности, за период с апреля по сентябрь 1933 г. было зарегистрировано 49 самоубийств⁹¹.

* * *

Преобладающей девиацией в Магнитогорске в 1929–1935 гг. был алкоголизм, под воздействием которого в большинстве случаев совершались преступления. В соответствии с революционным мышлением социальное неравенство было ликвидировано уже в 1917 г.⁹² Однако социальные ожидания многих рабочих не оправдались, отрицательная энергия, длительное время копившаяся в людях под воздействием тяжелых бытовых условий, общей неустроенности искала выход и зачастую направлялась на более слабых. Таким образом, ситуация в Магнитогорске в 1929–1935 гг. может быть охарактеризована как аномическая. Государственная установка на высоконравственное поведение пролетарской массы не соответствовала реалиям жизни. В Магнитогорске, как и в других индустриализированных городах страны, преобладало бытовое пьянство, связанное в значительной мере с отсутствием условий для культурного досуга. Однако пьянство можно рассматривать и как специфическую форму адаптации к новым сложным условиям, особенно при необходимости приспособливаться к законам коллективного проживания.

Госплан РСФСР при рассмотрении вопросов социально-культурного строительства в 1928 г. представил материалы к первому пятилетнему плану, которые содержали указания на девиации в специальном разделе «Борьба с социальными аномалиями (алкоголизм, беспризорность, нищенство, проституция)»⁹³. Борьба с алкоголизмом должна была развернуться в трех основных направлениях: регулирование производства и продажи спиртных напитков, лечебно-принудительные мероприятия и культурно-просветительская деятельность как способ отвлечения от пьянства.

Однако в Магнитогорске попытки регулировать потребление спиртных напитков оказались неудачными. Свидетельством этого является введение на территории города сухого закона⁹⁴. В. Полонский в книге «Магнитострой» также указывает на наличие в Магнитогорске сухого закона: «Там нет продажи ни водки, ни пива»⁹⁵, однако это не означает, по его словам, что в городе не было пьяных. Парадоксально, но, при официальном запрете продавать спиртные напитки, в городе существовала проблема алкоголизма⁹⁶. По воспоминаниям Э. Казакевича, в

город не ввозили водку, но привозили одеколон: «...приходит партия одеколону, все пьют, бараки воняли одеколоном»⁹⁷. Довольно часто рабочие получали посылки из дома, в которых традиционно находились алкогольные напитки. Практически единственным развлечением в городе для завербованных на строительство завода и города колхозных парней, по словам исследователя С.С. Загребина, было пьянство⁹⁸. Действительно, крестьяне обычно рассматривали пьянство как единственное развлечение и удовольствие, как способ «расслабиться» после тяжелого физического труда⁹⁹. Многие крестьяне, работавшие в Магнитогорске на праздничные дни, уезжали домой в деревню, там праздновали, пьянствуя по несколько дней¹⁰⁰. Кроме того, на территории города и в пригороде было распространено самогонование, бороться с которым было практически невозможно¹⁰¹. Нередко из-за пьянства срывались важные производственные задания¹⁰².

Один из участников строительства плотины Е.А. Гончаров вспоминал: «Я работаю на Магнитострое с 1929 г. Тогда были очень сложные условия. В то время на Магнитке не разрешали продажу спиртных напитков. Помню случай, когда в 12 часов ночи мне сказали, что едет спиртовоз. Смотрим, один везет целый воз водки. Мы подошли и прикрикнули: “Милицционер!” Он как услышал, так и бросил воз и убежал... Мы стали давать по стакану водки рабочим. Они работали зимой по пояс в воде...»¹⁰³ Вообще, судя по воспоминаниям рабочих Магнитостроя, собранным редакцией «Истории фабрик и заводов», многие рабочие выходили на смену в нетрезвом виде: «...А тут все пьяные ходили, и я сам пьяный...»¹⁰⁴

Местные власти, пытаясь организовать помощь людям, страдающим алкоголизмом, организовали психиатрическое отделение на 20 коек. Ранее больных направляли на лечение в Пермь и Уфу. Для борьбы с «пьяной проблемой» семейных коммунистов стали селить с одинокими рабочими в бараках для воспитания последних¹⁰⁵. Но, по-видимому, большого влияния подобная акция Магнитогорского горкома не возымела.

Значительное число особо тяжких преступлений в городе совершалось под воздействием алкоголя, а в некоторых случаях и кокаина¹⁰⁶. В отчетном докладе Магнитогорской городской прокуратуры о работе за первый квартал 1934 г. содержится информация о преступных действиях группы хулиганов, которые в течение января 1934 г. избили несколько десятков человек (статья 73, пункт 2), сорвали ряд культурных мероприятий в

клубе маргеновского цеха, а 18 января совершили убийство (статья 136). Все действия преступная группа совершала в состоянии алкогольного опьянения¹⁰⁷.

* * *

Общие причины существования преступности в городе в 1929—1935 гг. оставались неизменными. С одной стороны, в соответствии с теорией психолога XIX в. Ч. Ломброзо, это была врожденная предрасположенность к различным отклонениям; с другой стороны, социальная детерминированность, влияние среды и жизненных условий. По справедливому замечанию А.Г. Айрапетова: «Вопрос о мотивации преступной деятельности связан с выявлением влияния социокультурной среды... и особенностей личностного развития...»¹⁰⁸ Основными же причинами аномальных проявлений в Магнитогорске выступали именно социально-экономические и социально-психологические факторы. Социально-экономические факторы условий форсированной индустриализации стали играть первостепенную роль, способствуя распространению криминальных проявлений. Условия жизни подталкивали горожан (зачастую — вчерашних крестьян) к нарушению закона. По имеющимся данным, в Магнитогорске процент рецидивистов был незначителен, что свидетельствовало о появлении так называемых ситуационных преступников — людей, которые вынуждены были в определенных условиях пойти на преступные действия. Психолог Т. Шибутани оценивал это как поведение людей, вынужденных выработать «последовательный ряд приспособлений к условиям жизни»¹⁰⁹.

Повседневные бытовые трудности жизни, работы и учебы переплетались со специфической морально-психологической обстановкой. Жители строящегося Магнитогорска, по-видимому, испытали стрессовые ситуации и постоянно были подвержены чувству повышенной эмоциональности¹¹⁰. Это было вызвано серьезными изменениями в их обыденной жизни: новая работа, жильё, соседи... По улицам города ходить было небезопасно. Кроме пьянства ситуацию обостряли недостаточное количество служителей правопорядка и немощные, плохо освещенные улицы. На конференции жен работников черной металлургии, состоявшейся в 1933 г., делегат Маркевич от Магнитогорска во всеуслышание заявила: «Например, для того чтобы могла проходить лошадь, нужна дорога, с большими усилиями эти дороги создаются, но для того чтобы человек прошел 5—8 верст, не нужно никаких дорог — и так пройдет. Рабочий с бугра на бугор, пока он дойдет до завода, он мокрый как мышь... и страшно»¹¹¹.

Чувство страха делегатки Маркевич, на наш взгляд, было вполне обоснованным. В Магнитогорске «содержатся совершенно открыто, без какой бы то ни было охраны, почти наравне с кадровыми рабочими...» заключенные ИТК, проживающие в бараках на участке № 5¹¹². Заключенные ИТК довольно часто снимались с основной работы и перебрасывались на первоочередной объект строительства. Никаких распоряжений «сверху» о подобных действиях не было. Вопрос решался между начальником МИТК¹¹³ Гейнеманом и директором строительства объекта. Естественно, что дополнительная охрана не выделялась, и заключенные работали бок о бок со свободными гражданами¹¹⁴. Местные газеты неоднократно освещали нарушения режима гражданами, содержащимися в Магнитогорской ИТК: «...переход в открытую колонию не дает права разлагать дисциплину... Помимо пьянок имеют место попытки продать или пропить обувь»¹¹⁵, «чуть ли не ежедневно пьянки...», а иногда «доходит до поножовщины...»¹¹⁶. Вспоминали о постоянном страхе жительницы доменного городка, располагавшегося в непосредственной близости от колонии, В.Т. Лобачева и Л.Т. Трубина: «Мы жили в Доменном городке, вокруг нашего барака углом располагалась колония. Много было преступников. Ночью было очень страшно. Часто сбегали преступники, их ловили, стреляли, с собаками искали по домам»¹¹⁷.

Многие женщины вечерами не выходили на улицу, опасаясь встречи не только с заключенными, но и с подвыпившими хулиганами. Одна из первых учителей города, А.А. Симакова вспоминала о встрече с хулиганами на улице: «Хулиганов можно было сразу отличить. Они носили фуражку — кепи-шестиклинку с пуговкой на макушке и руки — в карманы. Мальчики наши оберегали нас от хулиганов, взявшись за руки и образовав огромный круг...»¹¹⁸ Совершенно обыденно газеты публиковали статьи, повествующие о кражах, грабежах, хулиганских выходках заключенных ИТК. Так, заключенный А.А. Корлов и группа граждан, лишенных свободы, занимались кражами и грабежами на территории города и в близлежащих колхозах¹¹⁹. Милиция при этом фактически бездействовала, т.к. заключенные находились в ведении колонии.

* * *

«Криминализации» поведения содействовала слабость властных структур в Магнитогорске. К тому же, в обстановке всеобщего дефицита, а иногда и просто нищенского существования, мотив выживания и физиологические потребности оказывались на порядок сильнее, чем воздействие социальных норм. До ян-

варя 1930 г. строительство города и завода обслуживало отделение милиции поселка Магнитный, в период с 21 января по май 1930 г. организацию правопорядка в городе обеспечивали сотрудники троницкой милиции. Днем рождения магнитогорской милиции считается 7 мая 1930 г., когда был издан приказ полномочного представителя ОГПУ по Уральской области. Начиная с 1931 г. в городе работали три отделения милиции в Соцгороде, на пятом и шестом строительных участках. В каждом отделении работали участковый уполномоченный, милиционеры и сотрудник паспортного стола¹²⁰. Таким образом, общая численность штата милиции Магнитогорска была незначительной.

Проблема кадров правоохранительных органов стояла достаточно остро. Кроме нехватки сотрудников милиции, существовал недостаток работников прокуратуры и народного суда. Прокурор города Б.А. Крепышев неоднократно посылал запросы в область с требованием прислать квалифицированных сотрудников¹²¹. Однако область не располагала кадровыми резервами и поэтому не направляла в город служащих — юристов, ссылаясь на то, что «в Магнитогорске в разных организациях работает значительное количество судебных и прокурорских работников»¹²². Тщательная проверка, однако, специалистов по судебно-следственным делам не обнаружила. Напротив, выяснилось, что наличный состав сотрудников прокуратуры не соответствует по ряду показателей занимаемым должностям. В частности, на 1 августа 1933 г. в городской прокуратуре работали прокурор, его заместитель и три помощника, один старший следователь и три народных следователя, а также шесть человек секретарей и делопроизводителей. Максимальный стаж работы по специальности составлял 8 лет, а минимальный — полгода. Специально образования никто из сотрудников не имел¹²³.

Начиная с 1934 г. к сотрудничеству с прокуратурой стали активно привлекать общественность. На каждом предприятии и производстве в Магнитогорске организовывали актив, который должен был оказывать помощь прокуратуре города: пресекать хулиганские действия и принимать участия в расследованиях преступлений. В начале 1934 г. в городе было около 200 человек активистов, 50 из которых были наиболее «надежными товарищами» и показывали качественную работу¹²⁴. Многих активистов направляли на юридические курсы для повышения их квалификации. Так, вневедомственный сотрудник Люлин, прослушав краткий юридический курс в Свердловске, стал активнее выявлять преступные элементы среди магнитогорцев¹²⁵. Благодаря его деятельности было расследовано около 20 дел. В целом же, привлечение общественности к расследованию можно рас-

ценивать как попытку решения кадровых проблем в магнитогорской прокуратуре и следственном аппарате города. К концу 1934 г. две трети сотрудников городской прокуратуры сменилось, а профессиональный уровень сотрудников повысился¹²⁶.

В определенной мере кадровый дефицит приводил к серьезным проблемам. В частности, из-за недостаточности охраны у следственного изолятора в Магнитогорске 18 февраля 1932 г. группа заключенных совершила побег, организовав подкоп в камере¹²⁷. Это был не единственный случай побега из изолятора. В связи с этим городская прокуратура решила увеличить вдвое штат охраны. Увеличение охранников было вызвано также ростом числа арестованных. В результате народный комиссариат юстиции Советского Союза на совещании 25 апреля 1933 г. постановил «разгрузить» места лишения свободы. С одной стороны, постановление способствовало разгрузке арестантских домов и ликвидации в их лице очагов распространения инфекционных заболеваний, но с другой — на свободе оказались преступные элементы, срок расследования по делу которых официально истек и дела которых переданы в суд (заметим, что среди них могли быть и особо опасные преступники). Кроме того, было решено прекратить практику заключения под стражу до суда подследственных, за исключением рецидивистов, членов бандитских группировок и особо опасных преступников¹²⁸. В газете «За металл» заведующий мехмастерской Аксенов обратил внимание на то, что «в последнее время участились случаи нападения хулиганов на рабочих, женщин. Со стороны милиции не ведется достаточной борьбы с хулиганством...»¹²⁹.

В целях наведения общественного порядка населению предлагалось оказывать помощь органам милиции. Активно привлекались к охране общественного порядка дворники и ночные сторожа, роль которых сводилась к содействию милиции на территории охраняемого ими участка или объекта. В газетах неоднократно предлагалось создать отряды содействия административной части ИТК из числа надежных граждан отбывающих меру социальной защиты (ОМСЗ). Они должны были патрулировать улицы в темное время суток¹³⁰. Создавались в городе комсомольские посты, деятельность которых заключалась в вечерних дежурствах на территории жилых поселков¹³¹. Кроме того, большое значение предавалось товарищеским судам, которые были организованы на каждом участке. В течение 1934 г. в составе товарищеских судов работало 66 человек. В результате суды провели 495 заседаний, рассмотрев 1305 дел, к ответственности было привлечено 1430 человек, 1250 из которых было

осуждено, меры морального воздействия приняли в отношении 980 человек¹³².

Среди мер «социальной защиты» преобладало три формы: лишение свободы, принудительные работы и высшая мера наказания — расстрел. В 1933 г. в Магнитогорске на принудительные работы было направлено 150 человек; 417 человек лишили свободы, из них 351 на десять лет; к высшей мере приговорили 8 человек¹³³.

Динамика распределения преступности по основным социальным группам в Магнитогорске выглядела следующим образом. Среди осужденных магнитогорцев преобладали крестьяне — бедняки (34,9%)¹³⁴, которые ехали в Магнитогорск в надежде на лучшее будущее. Но тяжелые материально-бытовые условия вынуждали идти многих из них на преступления. Рабочие и служащие также составляли значительный процент осужденных; существовала социальная категория «прочие», включавшая преступников из колхозников, интеллигенции и бывших торговцев. Данная классификация не позволяет выявить процентное соотношение совершения противоправных действий со стороны указанных социальных групп.

Социальный срез преступности в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. показывает, что 95–97% задержанных имели постоянную работу и относились к экономически активному населению города. Оставшиеся 3–5% задержанных являлись чаще всего несовершеннолетними, среди которых преобладали не беспризорники, а дети из семьи¹³⁵. Подавляющее преобладание среди воров и растратчиков лиц, получавших заработную плату, следует связать с наличием в городе жесткой системы распределения и нехваткой предметов первой необходимости, с желанием горожан достигнуть приемлемого для них уровня жизни.

* * *

Обратимся к другим аспектам стратегии выживания рядовых магнитогорцев в годы первых пятилеток. Знакомство с их умонастроениями, зафиксированными в различных источниках, не вызывает сомнений в том, что повседневная жизнь оставляла мало места самопожертвованию и героизму, хотя примеры подобного рода изобилуют в советской литературе о городе и строительстве металлургического завода. Но зато открывались широчайшие «возможности» малопривлекательных (с позиции современных социальных норм) поступков, являвшихся проявлением борьбы за существование. Многие ехали на строительство города и завода прежде всего из-за желания улучшить свое

материальное положение, а иногда и просто выжить. В условиях голода, признаки которого проявились в 1930-м году, а к 1933 г. достигли уровня катастрофы, и коллективизации многие крестьяне добровольно записывались на строительство завода, надеясь получить жилье и питание. Агитаторы, сеть которых действовала по всей стране, призывали ехать в Магнитогорск — крупнейший индустриальный центр, обещали достойную заработную плату, жилье и снабжение, а коллективные договоры, которые заключались с рабочими, подтверждали обещания документально. Однако, оказавшись в городе, люди плохо понимали, где же он находится: пред их глазами лежала голая степь. Реалии, с которыми вновь прибывшим рабочим приходилось сталкиваться, были далеки от обещаний. Так, в 1930 г. в Магнитогорск прибыла бригада ударников-арматурщиков Редина, которых поселили в неотапливаемый барак, не дали постельных принадлежностей, а на все просьбы и требования отвечали обещаниями решить проблемы¹³⁶. Естественно, что случаи подобного рода изобиловали на Магнитострое и были скорее правилом, чем исключением. «Голоса» рядовых рабочих, частично сохранившееся в фонде «Истории фабрик и заводов», свидетельствуют о существовании недовольства горожан условиями жизни в Магнитогорске. Однако высказывалось это недовольство не на партийных собраниях, а среди своих родственников и друзей. Рабочие Днепроостроя, приехавшие в Магнитогорск, во время вселения в свой барак услышали от старожил: «Уедите отсюда скоро... Мы здесь как беглые!»¹³⁷ Скверные жилищные условия, плохо организованная система снабжения, постоянные очереди, тяжелый физический труд вызывали недовольство. На 4-м строительном участке в прениях по докладу прораба выступил рабочий и заявил: «...в Испании лошади лучше живут, чем мы. У меня собака в деревне лучше живет»¹³⁸. Рабочие также говорили об отсутствии свободы, о том, что «ходим все голые и босые...»¹³⁹.

Рассмотренные способы выживания — спекуляция, воровство, проституция, нищенство — отличает общая черта. Это были индивидуальные способы выживания. Однако все названные виды приспособления были рассчитаны прежде всего на скрытность, незаметность для окружающих, что становилось залогом успеха. Групповой протест был опасен, однако давал большие шансы обратить на себя внимание властей. Забастовок в классическом понимании в Магнитогорске зафиксировано не было¹⁴⁰. Социальный протест выражался в иных формах. О причинах социального протеста однозначно судить нельзя. Скорее всего здесь сказывался целый комплекс причин бытового харак-

тера. Распространенным явлением в Магнитогорске был массовый невыход на работу, массовые опоздания. В частности, в вопросах снабжения более спокойными оставались кадровые рабочие — мужчины, нормы снабжения которых были выше чем у женщин и на чьих плечах не лежала забота о том, чем накормить семью. Е.А. Осокина приводит статистические данные о количестве забастовок в металлопромышленности (где преимущественно использовался мужской труд) в 1929 г.: из 67 забастовок только одна была вызвана непосредственно плохим снабжением. В «женских» отраслях промышленности в 1929 г. из 66 забастовок 9 возникли по причине затруднений в сфере снабжения¹⁴¹. В Магнитогорске забастовок не возникало, однако на различных производственных собраниях звучали преимущественно голоса женщин, недовольных снабжением. На собрании женщин — работниц и домохозяек, проходившем 30 апреля 1931 г. на третьем участке, жена рабочего ВЭС № 1 Литягина заявила: «Дураки рабочие и машинисты, что они не сделают общий отказ от работы... и на субботник мы не пойдем, так как нас не снабжают, а издеваются над нами...»¹⁴² Наиболее частыми формами открытого проявления недовольства магнитогорцев являлись отказы рабочих идти на праздничные демонстрации и принимать участие в субботниках: «Я на эти дни лучше уеду праздновать в деревню, пьянствовать, чем выходить (на демонстрацию. — М. Н.) и глазеть, чувствуя в душе, что кругом идет издевательство», «... ходить на субботники мне некогда», «я уж наработался, раз мне не дают обуви и не снабжают как рабочих, я на субботник не пойду»¹⁴³. Любопытно заметить, что субботник и демонстрация, намеченные на 30 апреля и 1 мая 1932 г. соответственно, фактически были сорваны работниками доменного цеха: «На демонстрации участвовало из всех 1200 человек, только 250 человек...»¹⁴⁴

Среди заключенных ИТК Магнитогорска действовали несколько иные формы приспособлений и стратегии выживания. Стимулирование труда заключенных незначительно влияло на повышение производительности труда, зато порождало выдвижение приспособленцев. Те осужденные, которые добивались перевыполнения плана, посещали партсобрания и активно на них выступали, защищая принципы руководства колонии, доносили о различных нарушениях, демонстрируя преданность делу, производились в бригады¹⁴⁵. В этом качестве они не только попадали на доску почета, но и получали дополнительные привилегии на кухне. Как писала газета «Борьба за металл», один инструктор по культработе, в обязанности которого входило убеждать других осужденных, что нехватка еды не является

поводом для невыполнения норм, гораздо более активно использовал свое влияние, чтобы получить дополнительную порцию в обед¹⁴⁶. В очередном выпуске газеты отмечалось, что бригадир говорил своим рабочим: «Пускай штурмуют, а я посмотрю, что получится»¹⁴⁷.

Фиктивный труд и двойное начисление (явление, которое в ИТК называли «тухой») были распространены в колонии не меньше, чем за ее пределами¹⁴⁸. Кроме прямого обмана, тщательное ведение учета было затруднено из-за постоянных перемещений заключенных с одного участка на другой и недостаточностью административных кадров для учета данных. При этом заключенные были заинтересованы в том, чтобы должностные лица четко составляли и хранили документацию о трудовом процессе (эти документы были основанием для прошений о досрочном освобождении). В результате, по мнению С. Коткина, между заключенными и администрацией ИТК было заключено «соглашение»¹⁴⁹. Тысячам заключенных было позволено покинуть колонию до истечения срока из заключения в награду за «ударный труд»¹⁵⁰.

«Перековывались» ли в действительности эти люди? Газеты ИТК изобиловали статьями о бывших заключенных, вставших на путь исправления¹⁵¹. На заключенных вряд ли воздействовали угрозы и страх позора. Среди заключенных ИТК открытое выражение антисоветских чувств было обычным явлением. Газеты ИТК периодически критиковали типичный день заключенных магнитогорской колонии: рабочий день тратится как правило впустую из-за дезорганизации и наличия «волынщиков»¹⁵².

* * *

Все рассмотренные формы девиаций свидетельствуют о том, что в период сталинской индустриализации борьба за существование проходила во всех сферах жизнедеятельности магнитогорцев: на работе и дома, на отдыхе и учебе, в больнице и на партсобрании. В этих условиях горожане вырабатывали различные варианты адаптации. Классификация способов выживания, по справедливому замечанию И.В. Нарского, была довольно разнообразной и включала в себя не только легальные и нелегальные методы, но и активные и пассивные, материальные, физические и духовные и т.д.

На строительстве Магнитогорска проблема девиаций стояла весьма остро. В 1930-е гг. индустриализация и социально-стратификационная модернизация общества оказались теснейшим образом сопряжены со сложными процессами адаптации маг-

нитогорцев к основам абсолютно нового образа жизни. Среди других причин возникновения отклоняющегося поведения следует назвать слабую контролируемость потоков рабочих, прибывающих и покидающих Магнитострой, и невзгоды городской жизни. Они являлись благодатной почвой для городской преступности и существования других социальных отклонений. В период 1929–1935 гг. в Магнитогорске только формировался процесс поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью. Социальная жизнь города включала сложное сплетение различных девиаций и стратегий выживания, вызванных в значительной степени со специфической обстановкой, сформировавшейся здесь. На Магнитострое получили распространение различные виды негативного девиантного поведения: алкоголизм, беспризорность, проституция, хулиганство и преступность, среди форм которой особое место занимало воровство. Разнообразные формы отклоняющегося поведения и различные стратегии выживания горожан нередко были тесно взаимосвязаны. Четкого водораздела между правонарушением в классическом понимании и попыткой выжить в тех условиях провести зачастую невозможно. Многие магнитогорцы вынуждены были действовать вразрез с правовыми и социальными нормами, усваивая и применяя в повседневной жизни «теневые» стратегии выживания.

Примечания

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2001. С. 66.

² Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля: Краткий очерк // Рубеж. 1992. № 2. С. 56.

³ В 2006 г. была защищена диссертация, в которой также уделяется внимание вопросам девиантного поведения. См.: Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кострома, 2006.

⁴ Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии: (Из истории изучения борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы) // История СССР. 1989. № 1. С. 60.

⁵ Смирнов Г.Л. Советский человек. М., 1971. С. 278–293.

⁶ Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30.

⁷ Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 20–32; Трезвый быт:

Сборник очерков, статей и рассказов из антиалкогольной кампании 1920–1930-х годов. М., 1987.

⁸ Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути решения). М., 1992; Российская благотворительность в 1987–1992 (история в материалах прессы). М., 1994.

⁹ Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 30; Она же. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999.

¹⁰ Однако имеются критические замечания относительно наработок Н.Б. Лебиной. В частности, А.С. Сенявский подчеркивает, что автор практически не касается нормы городской жизни, рассматривая в основном отклонения от нее. «Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной, если задать простой вопрос: «Как же те же самые люди, жители Ленинграда, “погрязшие”, если верить автору, в социальных аномалиях в 1920–1930 гг. [...] оказали героическое сопротивление гитлеровским войскам и выдержали блокаду?» (Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 29). Стоит, однако, отметить, что число сторонников дихотомии, предложенной Н.Б. Лебиной, достаточно велико. См.: Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Захарцев С.Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921–1928гг). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Пашин В.П. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006.

¹¹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города... С. 13.

¹² Там же. С. 13–15.

¹³ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 16.

¹⁴ Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley, 1994.

¹⁵ МИТК — Магнитогорская исправительно-трудовая колония.

¹⁶ Именно к 1935 г. в Магнитогорске были заложены основы для устойчивого функционирования городской среды.

¹⁷ Источниковая база данного исследования представлена как традиционными видами источников (делопроизводственная документация, периодическая печать, публицистика, мемуары), так и сравнительно новым видом источников, т.н. устной историей. Последняя представлена материалами интервью со старожилками города, записанными Н.Н. Макаровой в 2008–2009 гг. Следует также отметить, что в работе над статьей автор использовал материалы «Истории фабрик и заводов».

¹⁸ Классификацию способов выживания обывателя впервые попытался разработать В.В. Канищев применительно к эпохе революции (Канищев В.В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие

эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 98–115). Вслед за ним данную классификацию существенно расширил исследователь И.В. Нарский (Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001).

¹⁹ На линии огня: страницы комсомольской жизни Магнитки. Воспоминания, очерки, документы. Челябинск, 1975. С. 29.

²⁰ Зверев А. На стройке гиганта. Свердловск, 1931. С. 70.

²¹ МУ «Магнитогорский городской архив» (далее — МУ МГА). Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

²² В Магнитогорске в 1929–1935 гг. только начиналось становление и организация культурно-массовых мероприятий, особенно сложная ситуация наблюдалась в 1929–1932 гг.

²³ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 446.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 452, 456, 466, 494.

²⁵ За нового человека. 1934. 16 января.

²⁶ Баканов В.П. Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2002. С. 218.

²⁷ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 151.

²⁸ Kotkin S. Magnetic mountain: stalinism as civilization. Berkeley, 1994. С. 346

²⁹ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 39.

³⁰ Там же. Л. 39.

³¹ ГАСО. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 867. Л. 2, 8; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 157.

³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 20, 21.

³³ Воспоминания Чесноковой А.И., 1924 г. р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г.

³⁴ Зверев А. На стройке гиганта. Свердловск, 1931. С. 70.

³⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

³⁶ МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 16. Л. 11.

³⁷ Зверев А. Указ. соч. С. 90.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.

³⁹ Там же. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 45.

⁴⁰ Полонский В. Магнитострой. М., 1931. С. 45.

⁴¹ Магнитогорский рабочий. 1934. 26 сентября; 2 декабря; 1935. 26 ноября; 5 апреля; 6 мая.

⁴² Там же. 1935. 21 марта; 4 июля; 17 ноября.

⁴³ Там же. 1933. 20 января; 22 сентября; 1935. 15 июня; 23 июля.

⁴⁴ Там же. 1934. 1 марта; 26 июня; 29 декабря; 1935. 27 февраля.

⁴⁵ МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

⁴⁶ К сожалению, этот архив в настоящее время уничтожен.

⁴⁷ Н.Б. Лебина считает, что Советское государство стремилось расценивать любое отклонение от норм с позиций политической конъюнктуры. Наиболее сильно данная тенденция проявилась с 1934 г. См.: Ле-

- бина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2.
- ⁴⁸ Горняк. 1931. 21 июня.
- ⁴⁹ За металл. 1934. 23 ноября.
- ⁵⁰ Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970. С. 202.
- ⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп 8. Д. 35. Л. 147.
- ⁵² Магнитогорский металл. 1935. 4 июля.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 3.
- ⁵⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 31.
- ⁵⁵ Магнитогорский печатник. 1931. 24 октября.
- ⁵⁶ Воспоминания Чесноковой А.И., 1924 г. р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г.
- ⁵⁷ Загребин С.С. Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 11. С. 84.
- ⁵⁸ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 166.
- ⁵⁹ Там же. С. 166.
- ⁶⁰ Яворская Е.К. Памятный год // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск: депонированное издание, 1982. Л. 9
- ⁶¹ МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 29.
- ⁶² Там же. Л. 29.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 46.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.
- ⁶⁷ Там же. Д. 11. Л. 2.
- ⁶⁸ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113.
- ⁶⁹ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 60. Л. 121–122.
- ⁷⁰ МУ МГА. Ф. 4. Оп 1. Д. 1. Л. 25.
- ⁷¹ Авдеенко А. Судьба. М., 1936.
- ⁷² Воспоминания Чесноковой А.И., 1924 г. р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г.
- ⁷³ ГАСО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 113. Л. 43.
- ⁷⁴ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 1. Д. 108. Л. 57.
- ⁷⁵ Борьба за металл. 1934. 5 апреля.
- ⁷⁶ Борьба за металл. 1933. 15 января.
- ⁷⁷ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 14. Л. 4.
- ⁷⁸ Симакова А.А. Встреча с юностью // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск: депонированное издание, 1982. Л. 4.
- ⁷⁹ За металл. 1934. 27 мая.
- ⁸⁰ Воспоминания Чесноковой А.И., 1924 г. р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г.

- 81 Воспоминания Лобачевой В.Т., 1937 г. р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г.
- 82 МУ МГА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
- 83 Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 92.
- 84 «Вот так мы жили...» // Магнитогорский рабочий. 1989. 24 мая.
- 85 МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- 86 Там же. Л. 18. (Расчет автора.)
- 87 ЦРК — центральный рабочий кооператив.
- 88 УРС — управление рабочего снабжения.
- 89 МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 14. Л. 33.
- 90 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 172. Л. 17.
- 91 МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 31, 35, 39, 44, 49, 52.
- 92 Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 245.
- 93 Бордюгов Г.А. Проблемы борьбы с социальными аномалиями в первом пятилетнем плане // Опыт планирования культурного строительства в СССР. СПб.; М., 1988. 136.
- 94 Казакевич Эм. Слушая время. М., 1990. С. 104.
- 95 Полонский В. Магнитострой. М., 1931. С. 48.
- 96 Горняк. 1931. 13 апреля; 1931. 21 июня.
- 97 РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29; Казакевич Эм. Слушая время. М., 1990. С. 104.
- 98 Загребин С.С. Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 11. С. 73.
- 99 Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 291.
- 100 ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 12. Л. 86.
- 101 МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
- 102 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 10.
- 103 Там же. Л. 1.
- 104 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 32.
- 105 Казакевич Эм. Указ. соч. С. 104.
- 106 МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
- 107 Там же. Л. 14об. (Приложение к делу).
- 108 Айрапетов А.Г. Преступность в Будапеште и Вене в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 461.
- 109 Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 216.
- 110 Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). М., 1992. С. 88–89.
- 111 ГАСО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.
- 112 Баканов В.П. Указ. соч. С. 219.
- 113 МИТК — Магнитогорская исправительно-трудовая колония.
- 114 Об этом вспоминала жена Николая Кудрявцева, директора строительства мартеновской печи, говорила, что Гейнеман — «очень хоро-

ший парень, отзывчивый. Прекрасно организует своих рабочих» (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 214, 218).

¹¹⁵ Борьба за металл. 1934. 5 января.

¹¹⁶ Там же. 27 июня.

¹¹⁷ Воспоминания В.Т. Лобачевой и Л.Т. Трубиной. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹¹⁸ Симакowa А.А. Встреча с юностью // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Л. 6.

¹¹⁹ Борьба за металл. 1934. 30 августа.

¹²⁰ Магнитогорск. Краткая энциклопедия / Под ред Б.А. Никифорова. Магнитогорск, 2002. С. 264.

¹²¹ МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13.

¹²² Там же. Л. 13.

¹²³ Там же. Л. 26.

¹²⁴ Там же. Д. 8. Л. 89.

¹²⁵ Там же. Л. 90.

¹²⁶ Там же. Л. 93–98.

¹²⁷ Магнитогорск. Краткая энциклопедия... С. 263.

¹²⁸ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 535. Л. 9.

¹²⁹ За металл. 1934. 1 ноября.

¹³⁰ Борьба за металл. 1934. 27 июня.

¹³¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 172. Л. 6.

¹³² Борьба за металл. 1934. 22 января.

¹³³ МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–44. (Расчет автора.)

¹³⁴ Там же. Л. 18. (Расчет автора.)

¹³⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.

¹³⁶ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 299. Л. 37.

¹³⁸ Там же. Д. 230. Л. 13.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Следует отметить, что с 1930 г. стачки в СССР были запрещены (прим. ред.).

¹⁴¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1997. С. 81.

¹⁴² ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 12. Л. 74.

¹⁴³ Там же. Л. 85.

¹⁴⁴ Там же. Л. 83.

¹⁴⁵ Борьба за металл. 1934. 5 января.

¹⁴⁶ Там же. 1933. 17 апреля.

¹⁴⁷ Там же. 2 декабря.

¹⁴⁸ Kotkin S. Magnetic mountain: stalinism as civilization. Berkeley, 1994. P. 356.

¹⁴⁹ Ibid. P. 357.

¹⁵⁰ Борьба за металл. 1934. 22 января.

¹⁵¹ Там же. 7 ноября.

¹⁵² Там же. 1935. 30 марта.

*Д.В. Диденко**

«Кривая Кузнеця» как проявление системных трансформаций: дифференциация доходов в индустриальной и постиндустриальной экономике

Динамика дифференциации доходов и развития интеллектуального сектора экономики в индустриальном обществе

Динамика таких показателей, как интеллектуалоемкость экономики, дифференциация доходов населения, темпы экономического роста, характеризует тенденции мирового социально-экономического развития в последние одно-два столетия.

Одной из моделей, описывающих долгосрочные тенденции мирового развития, является «кривая Кузнеця», сформулированная в 1955 г. С. Кузнец заметил, что страны, находившиеся на ранних этапах индустриальной модернизации, имели относительно сильную дифференциацию доходов, однако в странах с высоким уровнем индустриального развития наблюдалась тенденция к ее снижению при поддержании высоких темпов экономического роста¹. Таким образом, согласно его предположению, кривая внутристрановой динамики дифференциации доходов имеет вид перевернутой английской буквы U. В качестве репрезентативного показателя неравенства индивидуальных доходов С. Кузнец рассматривал долю совокупных доходов, получаемых верхней наиболее обеспеченной или нижней наименее обеспеченной группой населения (1, 5, 10, 20, 60%)². Это было связано с тем, что в литературе того времени именно данный тип показателей был представлен наилучшим образом, либо имелись более или менее качественные данные для вычисления его исторических значений с относительно глубокой ретроспективой. Впоследствии С. Кузнец был удостоен Нобелевской премии в области экономики (1971 г.) за выдающиеся достижения в области теории современного экономического

* Диденко Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук (Институт социологии РАН).

роста, а проблема взаимосвязи неравенства и экономического роста оказалась одной из наиболее актуальных и вызвала активнейший интерес последующих поколений ученых.

Их эмпирические исследования не подтвердили универсальный характер указанной С. Кузнецом зависимости. Особенно сильному сомнению подверглась обоснованность восходящей части кривой. Многие исследователи указывали на ее слабую прогностическую ценность для оценки будущей динамики соответствующих показателей в развивающихся странах³. Тем не менее в пользу эвристической ценности «кривой Кузнеця» свидетельствует обозначившийся в последние несколько десятилетий разворот долгосрочной (более чем вековой) тенденции к расширению глобальной неравномерности распределения доходов (учитывающей как их внутрискановую, так и междискановую дифференциацию) по мере развертывания догоняющих индустриальных модернизаций и вовлечения все более широких групп мирового населения в орбиту современного экономического роста⁴. Также историко-экономические исследования последних трех десятилетий показали, что отмеченная С. Кузнецом зависимость (в форме перевернутой английской буквы U) проявлялась на примерах динамики дифференциации доходов в странах, в разное время являвшихся локомотивами мирового социально-экономического развития.

Я. ван Занден на примере Голландии (и прибегая к сравнениям с данными по отдельным городам Западной Европы) проследил начало восходящей части «кривой Кузнеця» в период раннего нового времени (XVI — начало XIX в.), характеризовавшийся процессами первоначального накопления капитала, урбанизации и, соответственно, формирования социальной структуры капиталистического общества⁵.

В исследованиях Дж. Вильямсона и П. Линдберта показано, что перевернутая U-образная динамика премии за квалификацию (как части оплаты труда) в XIX–XX вв. была характерна для Великобритании и США в период их индустриального развития⁶. Обращая особое внимание на ранние стадии исторически инновационной индустриальной модернизации указанных стран, они отмечали, что оплата квалифицированного труда в этот период росла быстрее по сравнению с неквалифицированным, соответственно их разница сначала имела тенденцию к расширению (с начала до середины XIX в. для Великобритании и с начала XIX в. до начала XX в. для США), а затем к сужению (с середины XIX в. для Великобритании и с начала XX в. для

США). Данные Дж. Вильямсона позволяют характеризовать динамику оплаты интеллектуальных специальностей по отношению к общему уровню оплаты труда в Великобритании на протяжении «большого XIX века». Тенденция динамики данного показателя, как и тенденция динамики индекса Джини за рассматриваемый период, также соответствует перевернутой U-образной кривой (см. табл. 1 Приложения). Это совпадение направлений трендов двух индикаторов говорит о том, что в основе роста и уменьшения общей дифференциации доходов лежало соответствующее изменение отдачи на человеческий капитал, в наибольшей мере используемый работниками интеллектуального труда.

Данные из базы «*UNU-WIDER World Income Inequality Database*»⁷ демонстрируют в целом ту же динамику, на которую указывал С. Кузнец, в отношении крупных экономик 2-й половины XX в., осуществлявших догоняющую модернизацию (см. табл. 2 Приложения). Эта наиболее широко используемая и качественно документированная база данных, содержащая сведения о дифференциации доходов в подавляющем большинстве стран мира, была создана в 1990-е гг. как проект Всемирного банка реконструкции и развития (World Bank) и впоследствии расширена при участии Университета ООН — Мирового института исследований экономики развития (UNU-WIDER). Помимо охвата достаточно большого хронологического периода (последние 50–60 лет), она содержит ссылки на первичные источники данных, а также оценку их качества. Это позволяет выбирать для отдельной рассматриваемой страны те ряды данных, которые придерживаются более или менее единой методологии и, соответственно, сопоставимы между собой за разные годы. Хотя следует отметить, что методологически однородные внутристрановые данные отражены, как правило, за сравнительно короткий период времени и представлены количеством наблюдений, часто недостаточным для проведения полноценного статистического анализа. Что касается межстрановых сопоставлений, то, по нашему мнению, прямое сравнение самих значений данных вряд ли будет вполне корректным, однако имеет смысл анализ их общих тенденций. В качестве наиболее универсального и широко используемого индикатора неравенства доходов нами был выбран индекс Джини. Тенденции его динамики во многих странах соответствуют отмеченной С. Кузнецом зависимости дифференциации доходов от уровня индустриального развития страны. Это относится к Японии XX в.,

которая за исторически короткое время догоняющей модернизации прошла полный цикл перевернутой U-образной кривой (см. рис. 7–8 Приложения), а также к современному Китаю, который, судя по всему, находится на ранней стадии индустриального развития и пока демонстрирует только восходящую часть «кривой Кузнеца» (см. рис. 9 Приложения).

В то же время почти на всем протяжении двадцатого столетия в большинстве экономически развитых стран имел место процесс снижения неравенства⁸. Многие исследователи объясняли эту тенденцию тем, что при возрастании доли квалифицированного труда за счет массового образования работников статистически снижалась разница в их квалификации. Важное значение для развитого индустриального общества имеет также институциональный фактор, на который указывал и С. Кузнец: государственное перераспределение доходов посредством налогов и социальных трансфертов, регулирование трудовых отношений⁹.

С. Кузнец рассматривал знания (а также развитие науки и образования как средств их производства и распространения) в качестве основного источника современного экономического роста¹⁰. Но, несмотря на то что теория человеческого капитала к середине 1960-х гг. была в целом сформулирована Т. Шульцем и Г. Беккером, С. Кузнец оставлял открытым вопрос, к улучшению какого из традиционных факторов производства (капитала или рабочей силы) следует относить данный процесс¹¹. К настоящему времени распространенным в научной литературе стало положение о том, что если в XIX в. важнейшим фактором экономического роста явилось накопление физического капитала, то в XX в. заметно возросла роль человеческого капитала как источника социально-экономического развития¹². По расчетам В.А. Мельянцева, на основе методологии Дж. Кендрика, в целом по странам Запада и Японии доля накопленных инвестиций в человеческий фактор (затраты на образование, здравоохранение и НИОКР) в совокупном фонде их капитализированных расходов на развитие возросла с 31–33% в 1913 г. до 56–57% в 1973 г. и 70–72% в 2003 г.¹³

Исследователи отмечали, что в развитых индустриальных странах сближение уровня оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда сочеталось с увеличением значения «индустрии знаний» в основных макроэкономических показателях¹⁴. Это происходило в том числе за счет опережающего роста занятых в соответствующих отраслях и привело к повышению интеллектуалоемкости их национальных экономик в целом.

Динамика показателей интеллектуального сектора экономики СССР в контексте международных сопоставлений

Гипотеза С. Кузнецца дает очень интересные результаты, если применить ее к изучению российской реальности в контексте международных сопоставлений.

Что касается начальной стадии индустриальной модернизации дореволюционной России, проведенные Л.И. Бородкиным исследования выявили увеличение премии за квалификацию строительных рабочих в течение полувека во второй половине XIX — начале XX в.; тем самым подтверждается соответствие тенденции дифференциации их доходов восходящей части «кривой Кузнецца»¹⁵.

В то же время в СССР, выступавшем одной из двух крупнейших сверхдержав второй половины прошедшего столетия, наблюдаются аналогичные индустриально развитым странам тенденции динамики дифференциации оплаты труда, но несколько иная картина развития интеллектуального сектора экономики.

В качестве источника для изучения указанных процессов в СССР нами были использованы данные государственной статистики о заработной плате и численности работников: с одной стороны, в отраслях интеллектуального производства, с другой — в отраслях материального производства и низкотехнологичных услуг¹⁶.

Исключая период массового принудительного труда во время Великой Отечественной войны (а также несколько лет до и после нее), советские работники (и интеллектуального, и физического труда) имели определенную свободу выбора специальности получаемого образования и выполняемой работы. Таким образом, даже в условиях жесткого централизованного планирования существовал квазирынок труда, а установление зарплат было почти единственным крупным сегментом плановой экономики, которое испытывало воздействие рыночных факторов спроса и предложения.

Наиболее значительным структурным недостатком опубликованных данных государственной статистики является то, что в них слабо отражена внутриотраслевая группировка, и на основе этих данных невозможен переход изучения заработной платы с уровня отраслей к уровню профессий и образовательных характеристик работников.

Для каждой отраслевой группы на ежегодной основе рассчитывались относительные численность, зарплата и ФОТ (фонд

оплаты труда). Относительное измерение показателей отражает динамику структурных изменений в масштабах национальной экономики и, кроме того, позволяет устранить фактор инфляции.

Относительная численность работников интеллектуального/неинтеллектуального сектора:

суммарная численность работников в соответствующих
отраслях (абсолютные значения)

численность работников в национальной экономике
(абсолютная)

Относительная заработная плата интеллектуального/неинтеллектуального сектора:

средневзвешенная зарплата (по численности работников)
в соответствующих отраслях

средняя зарплата в национальной экономике (абсолютная)

Относительный ФОТ интеллектуального/неинтеллектуального сектора:

сумма ФОТ отраслей РИТ (абсолютных значений)

ФОТ национальной экономики (абсолютный)

Использование вышеуказанных расчетных показателей основывается на предположении, что в течение анализируемого периода соотношение доходов, отраженных и неотраженных в государственной статистике, оставалось неизменным для представителей обоих рассматриваемых секторов экономики. Также предполагается, что устанавливавшиеся партийно-государственным руководством соотношения заработных плат отражали его стратегии относительно направлений экономического развития страны и стремились повлиять на соотношение спроса и предложения определенных квалификаций и специальностей на рынке труда. С одной стороны, официальная марксистская идеология возвышала социальный статус и ценность работников физического труда («пролетариата»), как движущую силу для достижения объективно заданных целей социально-экономического развития. С другой стороны, та же идеология рассматривала технический прогресс, а также производство и распространение специфических культурных ценностей как важные средства для осуществления программы догоняющей модернизации страны. В данном идейно-политическом контексте соотношение оплаты работников интеллектуального и

физического труда должно было отражать существенную часть общего распределения доходов в национальной экономике.

Анализ динамики дифференциации оплаты труда в СССР показал, что на протяжении двадцатого столетия она в целом соответствовала общемировым тенденциям, которые описываются «кривой Кузнецца».

И в период нэпа, и в период ускоренной индустриализации в 1930-х гг. реальная структура и динамика оплаты труда в значительной степени не соответствовали декларируемым идеологическим ценностям государства. В 1930-е гг. в условиях догоняющей модернизации потребность именно в интеллектуальных трудовых ресурсах была повышенной. Поэтому советское руководство было вынуждено гибко использовать государственную марксистскую идеологию для обоснования необходимости временного усиления дифференциации оплаты труда. Соответствующую установку государственной политики в отношении оплаты труда И.В. Сталин наиболее четко обосновывал на совещании хозяйственников в июне 1931 г. В тот момент, помимо необходимости увеличения внутриотраслевой дифференциации заработной платы рабочих, он указал на необходимость изменения в отношении к «старой технической интеллигенции» и перехода от «политики разгрома» к «политике привлечения и заботы о ней»¹⁷.

В это время опережающими темпами росла оплата труда в интеллектуальном секторе экономики, внутри которого в свою очередь усиливалась внутриотраслевая дифференциация. Так, в промышленности средняя зарплата инженерно-технического персонала превышала среднюю зарплату младшего обслуживающего персонала в 1931 в 3,59 раза, а в 1934 г. — в 4,23 раза¹⁸. Американские исследователи П. Грегори и Р. Стюарт отмечали, что по относительным показателям дифференциации оплаты труда в 1930-е гг. ситуация в Советском Союзе была сравнима с США¹⁹, страной с достаточно высоким для западных стран уровнем дифференциации доходов.

Таким образом, в конце 1920-х и в 1930-е гг. дифференциация оплаты труда в Советском Союзе в целом имела тенденцию к усилению. Ее перелом обозначился в 1946 г. и с проведением ряда структурных реформ в этой сфере был закреплен во второй половине 1950-х гг.²⁰

В период эволюционного развития плановой социалистической экономики с 1950-х гг. также наблюдалось снижение относительной оплаты работников интеллектуальных отраслей. В 1971 г. она становится ниже средней по национальной экономике. В значительной степени это являлось следствием как

приоритетов, задаваемых государственной идеологией, так и быстрого роста относительной численности работников интеллектуальных отраслей. Этот рост происходил в значительной степени за счет притока молодых специалистов, первоначально не обладавших высокой квалификацией.

Как указывалось выше, динамика, схожая с советской, была характерна и для экономически развитых стран. В 1970-х гг., согласно приводимым А. Бергсоном оценкам, уровень дифференциации оплаты труда в СССР был сопоставим с отдельными странами Европы²¹. Особенно с теми, в которых за основу принималась экономическая модель с сильной социальной ориентацией и государственным регулированием (скандинавские страны, Великобритания периода правления лейбористов).

С точки зрения количественных показателей СССР и европейские страны «социалистического лагеря» накопили значительный объем человеческого капитала и создали на его основе достаточно мощный интеллектуальный сектор экономики. Это подтверждается как многими социальными показателями (в частности, уровнем грамотности, охвата населения образованием, количеством научных работников на единицу населения), так и размером доли государственных расходов на образование и научные исследования. Значения этих показателей имели величины, соответствующие уровню экономически развитых стран²². По расчетам А. Бергсона, уровень расходов на образование в СССР составлял 5% ВПН (в 1955 г.) по сравнению с 2,8% в США (в том же году)²³. По его же оценке, уровень образования рабочей силы в СССР с 1960 по 1970 г. вырос с 81 до 87,5% от уровня США и среди экономически развитых стран превышал уровень Италии (соответственно 71,9 и 81,6% от уровня США)²⁴.

При сопоставимых с развитыми странами относительных размерах интеллектуального сектора экономики, СССР отличался высоким (и в то же время менее эффективным) уровнем валовых инвестиций в физический капитал, примерно в два раза превышавшим соответствующую долю ВВП экономически развитых стран. Это вело к консервации неблагоприятной структуры совокупного капитала СССР по сравнению с экономически развитыми странами. По расчетам В.А. Мельянцева на основе методологии Дж. Кендрика, в 1990 г. накопленные инвестиции в человеческий капитал СССР составляли 26% совокупного (физического и человеческого) капитала против 60% в развитых странах²⁵.

Не менее важным представляется качественное отличие интеллектуального сектора и человеческого капитала социалис-

тической экономики. Закрытость для внешней конкуренции и материального, и интеллектуального производства приводила к тому, что значительная часть функционировавшего в интеллектуальном секторе социалистической экономики человеческого капитала характеризовалась системной специфичностью, аналогичной специфичности человеческого капитала²⁶, получаемого работником в ходе профессионального обучения исключительно для работы на определенном предприятии.

Указанная качественная особенность была усилена наблюдавшейся с 1960 г. до середины 1980-х гг. количественной тенденцией к снижению финансовых показателей интеллектуального сектора СССР. Она проявилась в том, что до 1983 г. снижение относительной заработной платы работников интеллектуальных отраслей опережало увеличение их доли в экономически активном населении (см. рис. 1 Приложения). В результате уменьшилась, хотя и ненамного, доля интеллектуального сектора в совокупном ФОТ экономически активного населения страны (см. рис. 2 Приложения).

Снижение показателей оплаты труда в интеллектуальном секторе экономики выглядит особенно контрастным на фоне наблюдавшейся с конца 1960-х гг. коррекции возобладавшей уравнивательной тенденции. В указанный период несколько возросли (но не достигли уровня рубежа 1950–1960-х гг.) дифференциация заработной платы, а также дифференциация доходов населения (в течение 1980-х гг.), измеренные децильным коэффициентом²⁷.

Совокупность приведенных выше данных можно интерпретировать как свидетельство того, что СССР выпадает из общемировой тенденции к повышению интеллектуализации экономики, а перераспределение ресурсов происходило не в пользу интеллектуального производства и человеческого капитала. Это явилось скорее незапланированным результатом, в то время как снижение дифференциации оплаты труда планировалось и советскими идеологами, и, возможно, Госпланом.

Тенденции дифференциации доходов при переходе к постиндустриальному (информационному) обществу

С 1970-х гг. во многих странах с развитой экономикой (прежде всего англоязычных), а также в ведущих развивающихся странах (в Китае и странах Юго-Восточной Азии, в меньшей степени в Индии), наблюдается тенденция к усилению положительной взаимосвязи между степенью интеллектуализации эко-

номики и дифференциацией оплаты труда²⁸. Примечательно, что в экономически развитых странах разворот отмеченной С. Кузнецом тенденции к снижению неравенства доходов произошел в период, который многие социологи и экономисты связывали с переходом к основанному на знаниях постиндустриальному (или информационному) обществу с глобализирующейся экономикой²⁹. Из российских авторов на это обращает внимание В.Л. Иноземцев³⁰, характеризуя данную тенденцию как одно из проявлений «революции интеллектуалов» в пост-экономическом обществе³¹. Особенно это касается возрастания внутриотраслевой дифференциации оплаты труда³².

Тенденция к увеличению неравенства доходов в последние десятилетия характерна не для всех стран и даже не для их большинства. Но она появилась в тех экономически развитых странах, которые в последние три десятилетия осуществляли исторически инновационные модернизации и тем самым определяли ведущие тенденции мирового социально-экономического и, в значительной степени, культурно-идеологического развития.

Многие исследователи связывают разворот тенденции к сокращению дифференциации доходов с новой волной технического прогресса и возросшим спросом на высококвалифицированный труд³³. В одном из последних исследований на эту тему, проведенном персоналом Международного валютного фонда, отмечается, что на усиление неравенства в странах с развитой экономикой в большей степени оказали воздействие процессы глобализации и научно-технического прогресса³⁴. Его основной тенденцией в последние десятилетия стало опережающее развитие сектора информационных и компьютерных технологий (ИКТ). В развивающихся странах, особенно в Азии, научно-технический прогресс также явился главным фактором усиления дифференциации доходов. К аналогичным выводам в отношении как экономически развитых, так и развивающихся стран пришли эксперты Международной организации труда³⁵.

На наш взгляд, важной причиной возрастания дифференциации доходов при переходе к информационному обществу является то, что развитие инновационных секторов экономики предполагает более высокую неустойчивость их показателей по сравнению с динамикой массового индустриального производства на основе технологий, ставших традиционными. Постиндустриальной экономике знаний присущи высокие риски на микро- и макроэкономическом уровнях, которые требуют повышенной компенсации как в уровне предпринимательских доходов, так и, в меньшей степени, в оплате труда.

Ряд исследователей связывают возобновление роста неравенства доходов с повышением социальной мобильности в глобализирующемся обществе, вызванным, в том числе, изменениями его демографической структуры и интенсификацией миграционных потоков³⁶. Но эти явления скорее являются следствием отмеченных выше более фундаментальных изменений в социально-экономической структуре современного общества. И, пожалуй, в наибольшей степени это справедливо для стран с переходной экономикой и России как наиболее крупной из них.

Тенденции дифференциации доходов в странах с переходной экономикой

В процессе и после распада СССР (в 1990–2000-е гг.) в России вновь был отмечен рост дифференциации доходов (в том числе оплаты труда), т.е. с некоторым опозданием по сравнению с развитыми странами, где эта волна прошла в 1980-е и 1990-е гг. Эта же тенденция проявилась в других странах с переходной экономикой, хотя слабее в силу меньшей остроты системной социально-экономической трансформации³⁷. Помимо сегментарного формирования структур, характерных для постиндустриального общества знаний, они испытали крупный социальный сдвиг в направлении открытой рыночной экономики и плюралистической политической системы. Масштабность перемен и их революционный характер значительно усилили неравенство в распределении доходов.

Авторы многих эмпирических исследований (в том числе проведенных при поддержке Всемирного банка) приходят к выводу, что в странах с переходной экономикой фактор накопленного человеческого капитала имеет положительное воздействие на дифференциацию доходов, и норма отдачи на человеческий капитал определенно возросла за последние 20 лет³⁸.

Стимулирующее воздействие возросшей дифференциации доходов на уровень частных инвестиций в человеческий капитал подтверждается восходящими тенденциями ряда социально-экономических индикаторов российской системы образования (в частности — количество студентов и взрослых учащихся на душу населения, объем расходов населения и работодателей на образование)³⁹.

В то же время, в России высокая степень неравенства доходов во многом вызвана наличием факторов, не связанных с интеллектуальными характеристиками работников. В России высокое значение коэффициента Джини определяется сильной

дифференциацией доходов в низкоквалифицированном сегменте⁴⁰, а также межрегиональными различиями⁴¹. Частная норма отдачи на образование в России оценивается на уровне, близком к странам ОЭСР, но более низком, чем в других странах с переходной экономикой⁴².

Важным эмпирическим свидетельством в пользу наличия перевернутой U-динамики дифференциации доходов в постсоветской России является то, что с 2002 г. наблюдается разворот тенденции к повышению дифференциации оплаты труда, после того как был пройден наиболее острый и деструктивный этап переходного периода⁴³. Со снижением общего уровня дифференциации наблюдаются признаки снижения (хотя и незначительного) отдачи на образование⁴⁴.

Циклическая интерпретация «кривой Кузнецца»

В первоначальной авторской трактовке «кривая Кузнецца» объясняла динамику неравенства в процессе индустриального развития, основываясь на изучении его ранних и зрелых стадий. Это был частный случай перевернутой U-образной динамики неравенства, связанный с исторически значительной системной трансформацией и ее последующими результатами. В основе рассмотренной С. Кузнецем системной трансформации лежали индустриальная технологическая революция и социальный процесс урбанизации. Тем не менее С. Кузнец, умерший в 1985 г., не мог изучить и оценить тенденции последних десятилетий, связанные с новой волной усиления внутривосточной дифференциации доходов. На основе рассмотренных выше примеров и проведенного нами анализа долгосрочные закономерности динамики неравенства доходов могут быть сформулированы следующим образом.

Дифференциация доходов, основанная на премиях за квалификацию, имеет тенденцию к увеличению в периоды системных трансформаций. В такие периоды базовые социальные и технологические инновации закладывают основы для будущих высоких темпов экономического роста. В то же время, в периоды устойчивого (эволюционного) развития в рамках определенной социально-экономической системы дифференциация доходов имеет тенденцию к снижению. Часто, в силу комплекса причин, за этой тенденцией следует снижение темпов экономического роста.

При этом важно отметить, что системная трансформация отличается от возникновения нового технико-экономического

уклада тем, что в ходе нее радикально меняется способ производства и его технологические и, главным образом, институциональные основы.

Механизм наблюдаемых взаимосвязей в общих чертах может быть объяснен следующим образом (в то же время не претендующим на полноту).

В периоды системных социально-экономических трансформаций, как правило, резко увеличиваются дисбалансы спроса и предложения на многих рынках, в том числе на рынке труда. В то же время, быстрота изменений имеет следствием меньшую предсказуемость экономической среды для действующих в ней субъектов. Это ведет к повышению уровня рисков в экономической системе и исторически может быть измерено как возрастание изменчивости ее показателей. В том же направлении действует и другой фактор: заметное ослабление (часто доходящее до разрушения) ранее сформированных социально-экономических институтов, в том числе тех, которые оказывают сдерживающее воздействие на уровень экономического неравенства и его негативные социальные последствия⁴⁵.

Базовые социальные и технологические инновации (как правило, неожиданные) создают повышенный спрос на редкие навыки, ранее слабо востребованные или не существовавшие вовсе⁴⁶. В то же время, предложение значительной части ранее ценившихся навыков становится избыточным; рабочая сила, считавшаяся высококвалифицированной, становится обычной. То есть значительная часть накопленного человеческого капитала оказывается исторически специфической и функционально обесценивается с точки зрения новых потребностей рынков. При этом наблюдается повышенная дифференциация доходов (и оплаты труда, и предпринимательских прибылей), получаемых в инновационных и стремительно растущих секторах экономики, по сравнению с традиционными (ранее сформировавшимися). Таким образом, структура спроса и предложения меняется быстрее, чем рынки образования и труда (даже централизованно управляемые) успевают адекватно отреагировать на происходящие изменения. Однако высокий уровень дифференциации доходов создает стимулы для крупных инвестиций в человеческий капитал, адекватный изменившейся структуре спроса, и обеспечения высоких темпов экономического роста в будущем⁴⁷.

В периоды относительно стабильного (эволюционного) развития наблюдается более быстрое сокращение дисбалансов спроса и предложения в сформировавшихся сегментах рынка.

Ценовая конкуренция приводит к понижению премий за квалификацию, которые стремятся к равновесным уровням.

Также в условиях более предсказуемой макроэкономической среды снижается уровень рисков, экономические ожидания характеризуются большей консенсусностью и меньше отклоняются от фактических показателей. Это приводит к снижению доли риск-премии в структуре совокупных доходов.

В результате уменьшения дифференциации доходов снижаются стимулы к инвестициям в человеческий капитал. Одновременно могут возникнуть возможности для замедления экономического роста. Тем не менее его высокие темпы могут поддерживаться на основе инерционного использования накопленного человеческого капитала, а также за счет экстенсивных факторов развития.

Взаимовлияние дифференциации доходов и экономического роста: отдельные результаты эмпирических исследований

Для оценки темпов экономического роста нами была использована созданная А. Мэддисоном база исторической статистики, содержащая данные по уровню ВВП на душу населения в большинстве стран мира в течение почти двух последних столетий⁴⁸. Приводимые в ней абсолютные данные (в долларах США в соответствии с паритетами покупательной способности в разных странах в 1990 г.) могут вызывать сомнение, поскольку сравнения показателей выпуска в странах с разнотипной хозяйственной структурой, а также с разной экономической ментальностью и культурой, возможны лишь при значительных допущениях. Это связано как с использованием различных способов сбора первичных данных, так и с наличием трудно совместимых подходов и методик вычисления итоговых цифр. Так, вызывает сомнения возможность применения самого показателя ВВП к советской или другой нерыночной экономике в силу разного понимания целевых функций экономической деятельности ее субъектами⁴⁹. Тем не менее эти трудности признавались А. Мэддисоном, а его особый интерес к измерению показателей функционирования советской экономики⁵⁰ значительно повышает ценность его данных. Тенденции и циклические колебания темпов экономического роста, рассчитанных на их основе, по крайней мере, не противоречат иной имеющейся информации в отношении рассматриваемых стран.

В научной литературе достаточно широко представлены исследования, выполненные на основе рядов данных во внутри-страновом и межстрановом измерениях и посвященные разработке проблемы воздействия дифференциации доходов на экономический рост и развитие.

В этой связи важным вопросом является то, в какой степени общее внутристрановое неравенство доходов объясняется наличием премий за квалификацию, отражающих различия в человеческом капитале ее субъектов. Дело в том, что, хотя межстрановые сопоставления демонстрируют положительную связь дифференциации образовательного уровня населения и дифференциации доходов⁵¹, страны с наибольшим и наименьшим неравенством в образовательном уровне населения не совпадают со странами с соответствующими показателями неравенства доходов⁵². В значительной степени это может объясняться тем, что накопление человеческого капитала (с учетом его качественных характеристик и институциональной среды) представляет собой нелинейный процесс относительно количественных показателей образовательных характеристик населения, традиционно измеряемых количеством лет, затраченных на обучение⁵³. Таким образом, основываясь на результатах других исследований, а также на сравнении динамики показателей неравенства доходов и развития интеллектуального сектора экономики, мы полагаем, что неравенство характеристик человеческого капитала являлось основой общего неравенства доходов в масштабах рассматриваемых национальных экономик. Но даже в этих случаях мы не могли полностью игнорировать другие составляющие совокупных доходов (предпринимательские премии, социальные трансферты), как и другие причины различий в заработках (региональные, демографические факторы, возможности социальной мобильности, а также случайные обстоятельства).

Ряд исследователей, рассматривая различные страны как разнозначные, пришли к выводу об отсутствии значимой межстрановой корреляции между изменениями неравенства доходов и экономическим ростом⁵⁴. В то же время, характерный для ряда публикаций дифференцированный подход позволил выявить закономерности и различные типы зависимостей между уровнем неравенства доходов и показателями экономического развития разных групп стран (как правило, объединенных по близости величины доходов на душу населения). Так, Р. Барро установил, что критическое значение имеет уровень ВВП на душу населения в 2070 долларов в год (по паритету покупательной способности в 1985 г.). В странах с более высоким уровнем

доходов возрастание их неравенства, как правило, ведет к повышению темпов роста ВВП, в то время как в странах с более низким уровнем доходов чаще наблюдается обратная зависимость. В первую группу попадают как экономические развитые страны, так и многие развивающиеся и страны с переходной экономикой⁵⁵.

Исследование К. Су, выполненное на основе данных за достаточно небольшой хронологический период (1995–1999 гг.), позволило обратить внимание на характер некоторых краткосрочных зависимостей темпов экономического роста от динамики дифференциации доходов при включении в модели линейной регрессии нескольких других объясняющих переменных⁵⁶. При этом среди экономически развитых стран отрицательная (хотя статистически незначимая) зависимость проявлялась чаще, чем среди развивающихся. В отношении последних при определенных группировках стран в исходных данных регрессий наблюдалось позитивное и статистически значимое влияние дифференциации доходов на темпы экономического роста.

Другим подходом является определение направления влияния неравенства на экономический рост в зависимости от его источника. О. Галор и О. Моав указывают, что на исторически ранних стадиях индустриального развития, когда основным источником роста выступало накопление физического капитала, увеличение неравенства способствовало повышению нормы сбережения (соответственно инвестирования) и, таким образом, стимулировало экономический рост. В то же время в современных условиях, когда в экономически развитых странах ведущим источником роста стало накопление человеческого капитала, а развивающиеся экономики могут получать ресурсы для накопления физического капитала с развитых рынков, высокий уровень неравенства отрицательно сказывается на темпах экономического роста⁵⁷. Среди параметров, влияющих на динамику неравенства и экономического роста по мере накопления человеческого капитала национальной экономикой, Т. Айхер и С. Гарсия-Пеньялоса выделяют стоимость прямых затрат на образование, масштаб «внешних эффектов» образовательного процесса, эластичность заменимости квалифицированного и неквалифицированного труда⁵⁸.

Следует отметить, что многие математические модели, основанные на использовании межстрановых данных, рассматривают различные страны как разнородные, в то время как для получения адекватных результатов целесообразна корректировка значений соответствующих независимых переменных (например, с использованием в качестве весов объема ВВП или коли-

чества населения). Также для изменения ВВП в качестве реакции на изменение премий за квалификацию и предпринимательских риск-премий необходим больший или меньший временной интервал. Это обстоятельство требует введения в соответствующие модели лаговых объясняющих переменных.

Н. Маджид, используя взвешенные по численности населения лаговые значения индикаторов неравенства доходов в развивающихся странах, установил, что критической уровнем является годовой ВВП на душу населения в 1800 долл. (по паритету покупательной способности). В странах с его более низкой величиной возрастание неравенства доходов (в случае статистической значимости) отрицательно сказывается на темпах экономического роста, в то время как в развивающихся странах с более высоким уровнем ВВП на душу населения наблюдается положительное влияние усиления дифференциации доходов на темпы экономического роста (при этом отмечалась невысокая статистическая значимость этой связи)⁵⁹. Следует отметить, что использованные Н. Маджидом данные охватывали сравнительно небольшой хронологический период (около 10 лет с середины 1980-х по середину 1990-х гг.) и исключали данные по странам с переходной экономикой. Можно предположить, что в случае использования данных, относящихся к последующему десятилетию и включающих страны с переходной экономикой, нашел бы более значимое подтверждение вывод о возможности положительного влияния усиления дифференциации доходов на последующие темпы экономического роста в странах со средним уровнем доходов на душу населения.

С точки зрения межстрановых сопоставлений, значительный интерес представляет исследование Г. Гримальда и М. Виварелли, которые использовали данные за 1980–2000 гг., взвешенные по численности населения стран со средневысоким и средне-низким уровнем доходов на душу населения (включая Россию и другие страны с переходной экономикой, но не включая крупнейшие развивающиеся экономики Китая и Индии), для построения моделей их долгосрочного развития⁶⁰. Они отражают два основных направления: 1) догоняющего развития технологически инновационного сектора (более характерно для стран со средневысоким уровнем доходов); 2) консервации технологического отставания (более характерно для стран со средненизким уровнем доходов). В рамках первого направления выделяются два сценария динамики дифференциации доходов: 1) следование по траектории перевернутой U-образной «кривой Кузнецца» с первоначальным возрастанием неравенства в результате резкого увеличения спроса на квалифицированный труд и

низкой скорости адаптации рынка труда в условиях высоких издержек перехода из традиционного в инновационный сектор; 2) отчетливо выраженная тенденция к снижению неравенства в результате быстрой адаптации рынков к повышенному спросу на квалифицированный труд. В рамках второго направления (консервация технологического отставания) выделяются также два сценария развития долгосрочной тенденции к снижению дифференциации доходов: 1) наличие отчетливо выраженной нисходящей динамики в силу комплекса изначально неблагоприятных условий для развития инновационного сектора; 2) наличие краткосрочных всплесков неравенства, вызванных колебаниями бизнес-циклов в условиях первоначально высокой нормы прибыли и премии за квалификацию труда в инновационном секторе, но сопровождаемых недостаточностью предложения квалифицированного труда и условий для его увеличения. Результаты исследования Г. Гримальда и М. Виварелли говорят о том, что основным условием позитивного влияния на экономический рост развивающихся стран со стороны увеличения дифференциации доходов является наличие к моменту очередной волны технологического прогресса достаточного уровня предложения квалифицированного труда и институциональных условий, способных обеспечить успешную диффузию технологических инноваций в национальной экономике.

Определенным преимуществом результатов эмпирических исследований, выполненных на основе внутривосточных данных, является то, что такой подход позволяет избежать методологических проблем, вытекающих из сопоставления количественно и качественно различных национальных экономических систем. В этом плане представляются обоснованными наблюдения Д. Куа, который на примерах Индии и Китая (1980–1992 гг.) показал, что рост ВВП на душу населения сопровождался как увеличением неравенства доходов (в Китае), так и поддержанием его в целом стабильного уровня (в Индии), в то время как на темпы экономического роста могли влиять преимущественно другие факторы (макроэкономические, технологические, политические, институциональные)⁶¹.

Хотя рассмотренные нами примеры наиболее репрезентативных национальных экономик в целом свидетельствуют в пользу положительной зависимости темпов экономического роста от уровня дифференциации доходов (см. рис. 3–12 Приложения), в большинстве случаев статистически эта связь (выраженная линейным коэффициентом корреляции Пирсона) не является сильной и значимой даже при наличии задержек по времени (см. табл. 3–5 Приложения). В то же время линейное прибли-

жение дает лучшие результаты, если разделить временные ряды индекса Джини и темпов изменения ВВП на душу населения в отдельных странах на периоды восходящей и нисходящей динамики внутристрановой дифференциации доходов, пожертвовав при этом количеством методологически однородных данных. Наибольшие значения соответствующих кросс-корреляционных функций наблюдаются в случае с Россией в 1989–2006 гг. (период восходящего тренда неравенства доходов) и Японией в 1970–1982 гг. (период нисходящего тренда неравенства доходов).

В случае с Россией (1989–2006 гг.) возрастание индекса Джини сильно и статистически значимо (при уровне 0,05) воздействует на повышение темпов экономического роста с лагом в 4 года, а основные характеристики модели распределенных лагов статистически значимы при уровнях 0,05 и 0,10 (см. табл. 8, 10–12 Приложения). Также обладает статистической значимостью (при уровне 0,05) максимальное значение кросс-корреляционной функции остатков (отклонений от линейных трендов) темпов изменения ВВП на душу населения и индекса Джини (см. табл. 7, 9 Приложения), в то время как соответствующая модель распределенных лагов статистически незначима даже при уровне 0,10.

В случае с Японией (1970–1982 гг.) снижение индекса Джини сильно, но менее статистически значимо воздействует на замедление темпов экономического роста с лагом в 2 года, а основные характеристики модели распределенных лагов статистически значимы при уровне 0,05 (см. табл. 13–15 Приложения). Максимальное значение кросс-корреляционной функции остатков (отклонений от линейных трендов) темпов изменения ВВП на душу населения и индекса Джини (см. табл. 7 Приложения), а также соответствующая модель распределенных лагов, не обладают статистической значимостью по критерию Фишера (F) даже при уровне 0,10 (хотя значимы при этом по t-критерию Стьюдента). По нашему предположению, в условиях японского рынка труда, известного своим низким уровнем горизонтальной мобильности, столь короткий лаг может представлять собой только первую волну влияния дифференциации доходов на экономический рост. При отсутствии сопоставимых данных по дифференциации доходов в Японии в период после 1982 г. (однако при наличии данных, свидетельствующих о сохранении тенденции к снижению темпов экономического роста) мы не можем статистически подтвердить значимость второго экстремума кросс-корреляционной функции, соответствующего лагу в 8 лет.

Также мы не можем статистически значимо подтвердить наблюдаемое повышение темпов экономического роста в Китае при заметном возрастании уровня дифференциации доходов (см. рис. 9 Приложения) в связи с отсутствием достаточных сопоставимых данных по последнему показателю для этой крупнейшей развивающейся экономики, отчетливо демонстрирующей восходящую часть «кривой Кузнеця».

В целом же результаты проведенного анализа и межстрановых сопоставлений подводят к выводу, что поскольку экономическое развитие (в том числе динамика темпов роста ВВП) имеет многофакторный и нелинейный характер⁶², изменение дифференциации доходов является одним из важных воздействующих факторов, но который сам по себе не является ни необходимым, ни достаточным. В определенной ситуации национальная экономика может быстро расти вследствие сильно выраженного действия других факторов при снижающемся неравенстве доходов (из рассмотренных выше примеров — США в 1950–1960-е гг.). Хотя в иных обстоятельствах экономический рост может замедляться (или даже падать) вследствие действия факторов, непосредственно не связанных с растущей дифференциацией доходов (что подтверждают примеры многих стран Латинской Америки и Центральной Африки на протяжении последних десятилетий). Одним из проявлений нелинейности зависимости темпов экономического роста от изменения неравенства доходов является эмпирически зафиксированное наблюдение, что страны с изначально низкими уровнями ВВП на душу населения и сверхвысокими значениями индекса Джини (например, более 50%) не смогли обеспечить быстрое экономическое развитие⁶³. Важнейшей причиной этого является то, что изначально высокие уровни неравенства не только создают стимулы к мотивации работников (через премии за квалификацию), но также являются социальными барьерами для накопления ими человеческого капитала (ограничивая их фактические возможности получить качественное образование при недоступности кредитных инструментов на несовершенных рынках капитала)⁶⁴. Другим аспектом влияния дифференциации доходов на темпы экономического роста является их более высокая нестабильность в странах с высоким базовым уровнем неравенства⁶⁵.

Помимо вышеуказанных, в литературе обращается внимание на другие факторы отрицательного воздействия высокого неравенства доходов на экономическое развитие. Среди них отмеча-

ются повышенная степень социальной напряженности и вытекающие из нее негативные политические и экономические последствия. Последние охватывают широкий круг явлений, связанных с экономическими издержками от преступности, социально-политических конфликтов, частого неблагоприятного для инвестиционного климата изменений законодательства и практики правоприменения⁶⁶.

Таким образом, сама по себе дифференциация доходов имеет как положительные, так и отрицательные следствия для экономического развития, а их сочетание может привести к различным результатам в зависимости от влияния других факторов. Кроме того, помимо дифференциации доходов на темпы экономического роста влияют как его базовый уровень, так и состояние институциональной среды (в широком смысле — как правил экономической деятельности).

В связи с проблемой влияния неравенства на экономический рост модернизирующихся стран возникают важные вопросы: насколько эффективно управляется их интеллектуальный сектор и насколько эффективно он способен использовать растущий человеческий капитал. Увеличение доли его общей части по отношению к части, специфической (в терминологии Г. Беккера) для определенной страны⁶⁷, могло бы стать одним из ведущих направлений повышения эффективности работы интеллектуального сектора. Такой процесс будет способствовать усилению его международной конкурентоспособности, но в качестве предварительного условия для этого необходимо повышение степени фактической открытости соответствующих национальных экономик.

Что касается влияния экономического роста на динамику дифференциации доходов, то многие исследователи указывают на существование ее зависимости от базового (достигнутого) уровня экономического развития (как правило, индекса Джини от логарифма ВВП на душу населения в стране). Но, несмотря на регулярность эмпирического проявления данной зависимости в форме перевернутой буквы U, Р. Барро отметил ее слабую статистическую значимость⁶⁸. Результаты проведенного нами кросс-корреляционного анализа в отношении наиболее репрезентативных национальных экономик (см. табл. 6 Приложения) и имеющиеся в литературе результаты межстранового анализа⁶⁹ также показывают, что экономический рост сам по себе, как правило, слабо влияет на уровень неравномерности распределения доходов, в том числе с задержкой по времени в несколько лет.

Исследователи обращают внимание, что в развивающихся странах усиление неравенства доходов часто вызывает реализация мер, рассматриваемых как стимулирующих экономический рост (повышение уровня образования населения и улучшение институциональной инфраструктуры, развитие финансовой системы, снижение уровня инфляции, повышение открытости внешней торговли, снижение доли государственных расходов в ВВП)⁷⁰. В то же время, в основе повышения неравенства доходов могут лежать как опережающий рост абсолютного размера доходов верхних слоев населения, так и его снижение у нижних слоев, а также размывание среднего сегмента с нарастающей поляризацией доходов населения⁷¹. Два последних варианта, при всех прочих равных, ведут к повышению абсолютного уровня бедности. Связанная с ней проблематика является важнейшей темой исследований, посвященных взаимосвязи неравенства и экономического роста. В последние годы эмпирические исследования, в том числе проводимые под эгидой Всемирного банка⁷², стали все больше подтверждать наличие позитивных фактических результатов экономического роста и сокращение масштабов бедности как в мире в целом, так и в странах с возрастающим уровнем общего неравенства доходов⁷³. В частности, Д. Куа на материале Китая и Индии установил, что в этих странах, в совокупности составляющих треть мирового населения, экономический рост привел к значительному сокращению уровня бедности⁷⁴. В то же время он отметил, что абсолютные масштабы сокращения бедности оказались сопоставимыми в обеих странах, одна из которых (Китай) осуществляла ускоренный экономический рост при достаточно сильном возрастании дифференциации доходов, а другая (Индия) росла более умеренными темпами при сохранении в целом стабильного уровня неравенства.

С. Кузнец акцентировал внимание на аспектах долгосрочного влияния уровня экономического развития на динамику неравенства доходов. Исходя из его гипотезы, можно было бы ожидать, что возрастание дифференциации доходов за счет расширения премии за квалифицированный труд и предпринимательских риск-премий создает *возможности* для повышения темпов экономического роста. Поскольку многие развивающиеся страны с низким уровнем доходов не смогли использовать этот потенциал, многие исследователи отстаивают точку зрения, что высокие уровни неравенства подрывают основы экономического развития. Однако в последнее десятилетие другие ис-

следователи пришли к обоснованному выводу, что, помимо экономически развитых стран, часто встречаются примеры, когда дифференциация доходов стимулировала рост в странах со средним уровнем доходов. Используемые в настоящем исследовании данные и сделанные на их основе выводы говорят в пользу такого заключения.

Примечания

¹ Kuznets S. Economic growth and income inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. № 1. P. 3–8, 18–26.

² О методологических проблемах измерения неравенства доходов и его показателях см.: Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М., 2005. С. 20–42.

³ Moran T.P. Kuznets's Inverted U-Curve Hypothesis: The Rise, Demise, and Continued Relevance of a Socioeconomic Law // *Sociological Forum*. 2005. Vol. 20. № 2. P. 209–244.

⁴ Шишков Ю. Глобальная дивергенция доходов: некоторые вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 3. С. 3–12; Ferreira F. H.-G., Ravallion M. *Global Poverty and Inequality: A Review of the Evidence*. The World Bank. Policy Research Working Paper 4623. May 2008 — http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2008/05/19/000158349_20080519142850/Rendered/PDF/wps4623.pdf; Sala-i-Martin X. The Disturbing «Rise» of Global Income Inequality. NBER Working Paper No. 8904. April 2002 — <http://www.nber.org/papers/w8904.pdf>

⁵ Ван Занден Я.Л. Где начало «кривой Кузнеца»? Западная Европа в период раннего Нового времени // *Экономическая история: Ежегодник*. 2004. М., 2004. С. 537–562.

⁶ Williamson J.G. *Did British Capitalism Breed Inequality?* Winchester; Mass., 1985; Williamson J.G., Lindert P.H. *American Inequality: a Macroeconomic History*. N. Y., 1980; Lindert P.H., Williamson J.G. *Growth, Equality and History // Explorations in Economic History*. 1985. Vol. 22. P. 341–377 — <http://www.colorado.edu/Economics/Zax/Econ4626/fall08/lecture5/linderwilliamson.pdf>

⁷ UNU-WIDER World Income Inequality Database, Version 2.0c, May 2008 — <http://www.wider.unu.edu/research/Database/>

⁸ Milanovic B. *Income Convergence during the Disintegration of the World Economy, 1919–39*. The World Bank. Policy Research Working Paper 2941. January 2003 — http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2003/02/15/000094946_03013104041063/Rendered/PDF/multi0page.pdf

⁹ Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Heaven; London, 1966. P. 196–197, 214–215, 217–219; Korzenie-

wicz R.P., Moran T.P. Theorizing the relationship between inequality and economic growth // *Theory and Society*. 2005. Vol. 34. № 3. P. 282, 302–304.

¹⁰ Kusnets S. *Modern Economic Growth*. P. 81–82, 190, 286–293.

¹¹ *Ibid.* P. 183–185, 218, 228–229.

¹² См., напр.: Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978. С. 88–90, 115, 117, 168, 173.

¹³ Мельянцева В.А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. М., 2004. С. 12 — http://www.iaas.msu.ru/pub_on/vamel/genes.htm

¹⁴ См., напр.: Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966. С. 417, 446–452, 454; Rubin M.R., Huber M.T. *The Knowledge Industry in the United States 1960–1980*. Princeton, 1986. P. 17–25, 188–191, 194–201, 205–208.

¹⁵ См.: Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // *Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей*. М., 2001. С. 331–355 — <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/borodkin.htm>; Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н.Коншина (конец XIX — начало XX вв.) // *Экономическая история: Ежегодник*. 2000. М., 2001. С. 351–388 — <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/borodkin2000/borodkin.htm>

¹⁶ Характеристику источников и методологии исследования подробнее см.: Диденко Д.В. Динамика оплаты работников интеллектуального труда как характеристика роли «индустрии знания» в СССР // *Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: Сборник материалов Международной научной конференции*. Москва, 24–25 ноября 2004 г. М., 2006. С. 276–288.

¹⁷ Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 13. М., 1951. С. 57, 72.

¹⁸ СССР в цифрах. М., 1935. С. 190–191.

¹⁹ Gregory P., Stuart R. *Soviet and Post-Soviet Economic Structure and Performance*. 5 edition. N. Y., 1994. P. 182–183.

²⁰ Nove A. *An Economic History of the USSR*. Harmondsworth; N.Y., 1982. P. 347–348; Bergson A. *Planning and Performance in Socialist Economies: The USSR and Eastern Europe*. Boston, 1989. P. 85, 87.

²¹ Bergson A. *Op. cit.* P. 66, 73, 75, 95.

²² См., напр.: Barro R.J., Lee J.-W. *International Data on Educational Attainment: Updates and Implications* // *Oxford Economic Papers*. 2001. Vol. 53. № 3. P. 541–563; Bergson A. *Op. cit.* P. 125–126.

²³ Bergson A. *Productivity and the Social System: the USSR and the West*. Cambridge (Mass.). London, 1978. P. 215.

²⁴ Bergson A. *Op. cit.* P. 240; *Idem*. *Planning and Performance in Socialist Economies*. P. 29.

²⁵ Мельянцев В.А. Указ. соч. С. 36, 47.

²⁶ О концепции общего и специфического человеческого капитала см.: Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 56–79.

²⁷ Кислицына О.А. Указ. соч. С. 62–65.

²⁸ Среди последних исследований по данному вопросу см.: Corley M., Perardel Y., Popova K. Wage inequality by gender and occupation: A cross-country analysis. Employment Strategy Paper 2005/20. Geneva: International Labour Office, 2005. P. 1–14, 25–26 — <http://www.ilo.org/public/english/employment/strat/download/esp2005-20.pdf>; Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. World of Work Report, 2008. International Labour Office, International Institute for Labour Studies. Geneva: ILO, 2008. P. 8–20 — <http://www.ilo.org/public/english/bureau/inst/download/world08.pdf>; Minimum wages and collective bargaining: Towards policy coherence. Global Wage Report, 2008/09. International Labour Office. Geneva: ILO, 2008. P. 23–31 — <http://www.ilo.org/public/english/protection/condtrav/pdf/globalwagereport.pdf>

²⁹ См., напр.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.

³⁰ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 470–524.

³¹ Там же. С. 470–494, 568–571.

³² Там же. С. 478, 512.

³³ См., напр.: Galor O., Moav O. Ability-Biased Technological Transition, Wage Inequality and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. Issue 2. P. 469–497.

³⁴ Глобализация и неравенство. Перспективы развития мировой экономики. Октябрь 2007. Washington D.C.: Международный Валютный Фонд, 2007. С. 156–164 — <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2007/02/pdf/weoftr.pdf>

³⁵ Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. P. 71, 94–109.

³⁶ Higgins M., Williamson J.G. Explaining Inequality the World Round: Cohort Size, Kuznets Curves, and Openness. NBER Working Paper No. 7224. July 1999 — <http://www.nber.org/papers/w7224.pdf>

³⁷ См.: Grimalda G., Meschi E. Accounting for Inequality in Transition Economies: an Empirical Assessment of Globalisation, Institutional Reforms and Regionalisation. University of Warwick. Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation Working Paper No. 243/08. April 2008 — <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgr/research/workingpapers/2008/24308.pdf>

³⁸ Mitra P., Yemtsov R. Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? World Bank. Policy Research Working Paper 4007, September 2006 — http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2006/09/14/000160016_20060914143004/Rendered/PDF/wps4007.pdf; Sabirianova K.Z. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. 2002. Vol. 30. No. 1. P. 191–217 — <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2002/12/10/0000015064/sabirianova.zip>

³⁹ Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический ежегодник. М., 2007. С. 81, 86–87, 95, 108, 127–130, 363, 420–421, 438–439, 455–456; Образование в Российской Федерации: 2006. Статистический ежегодник. М., 2006. С. 130–131, 461.

⁴⁰ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. 2-е изд. М., 2008. С. 513–515, 518–519, 537; Кислицына О.А. Указ. соч. С. 109.

⁴¹ Заработная плата в России. С. 301–304.

⁴² Там же. С. 345–346, 368.

⁴³ Следует отметить, что указанная тенденция следует из данных (TransMONEE 2008 database, UNICEF Innocenti Research Centre, Florence — <http://www.unicef-irc.org/databases/transmonee/>), которые относятся к оплате труда и принимают во внимание как сведения официальной статистики, так и результаты социологических опросов. Сведения того же источника, относящиеся к распределению общего объема денежных доходов населения, имеются за меньший период времени (1994–2001 гг.). Тем не менее они указывают на 1996 г. как переломный для тенденции к увеличению дифференциации доходов. В то же время относящиеся к распределению общего объема денежных доходов населения официальные данные Росстата (Российский статистический ежегодник. 2008: Статистический сборник. М., 2008. С. 169, 186), длительное время недооценивавшие масштабы неравенства, пока не зафиксировали отмеченный перелом тенденции к его росту.

⁴⁴ Заработная плата в России. С. 531–532, 535.

⁴⁵ Эксперты Международной организации труда отметили более высокую статистическую значимость данного фактора в возрастании неравенства доходов в переходных экономиках по сравнению с экономически развитыми странами. См.: *Income Inequalities in the Age of Financial Globalization*. P. 71–73, 80–109; *Minimum wages and collective bargaining*. P. 36–44.

⁴⁶ Идеи о регулярности возрастания дифференциации доходов в результате крупных технологических инноваций ранее высказывались в научной литературе, но они не связывались с системными социально-экономическими трансформациями. См.: Barro R.J. *Inequality and Growth in a Panel of Countries* // *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5.

№ 1. P. 5–32; Galor O., Moav O. Ability-Biased Technological Transition; Grimalda G., Vivarelli M. Op. cit.

⁴⁷ Описание данного процесса на примере экономики США и других стран-лидеров мирового технологического развития в 1970–1990-е гг. см: Galor O., Moav O. Ability-Biased Technological Transition.

⁴⁸ Maddison A. Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD (October 2008) — <http://www.ggdc.net/maddison/>

⁴⁹ См.: Kusnets S. Modern Economic Growth. P. 21–25.

⁵⁰ Maddison A. Measuring the Performance of a Communist Command Economy: An Assessment of CIA Estimates for the USSR // Review of Income and Wealth. September 1998. Series 44. № 3. P. 307–323 — <http://www.roi.w.org/1998/307.pdf>

⁵¹ De Gregorio J., Lee J.-W. Education and Income Inequality: New Evidence from Cross-country Data // Review of Income and Wealth. 2002. Series 48. № 3. P. 395–416 — <http://www.roi.w.org/2002/395.pdf>

⁵² См., напр.: Castelly A., Doménech R. Human Capital Inequality and Economic Growth: Some New Evidence // The Economic Journal. 2002. Vol. 112. Issue 478. P. 187–200.

⁵³ Lim A.-S.K., Tang K.K. Education Inequality, Human Capital Inequality and the Kuznets Curve. The Australian National University. Center for Applied Macroeconomic Analysis Working Paper 8/2006. February, 2006 — http://www.cama.anu.edu.au/Working%20Papers/Papers/2006/Lim_Tang_82006.pdf

⁵⁴ См., напр.: Ferreira F. H.-G., Ravallion M. Op. cit.

⁵⁵ Barro R.J. Op. cit.

⁵⁶ Su Q. Economic inequality and economic growth. Humboldt-University Berlin, Institute of Management — <http://www2.wiwi.hu-berlin.de/institute/im/publikdl/2001-inequality.pdf>

⁵⁷ Galor O., Moav O. From Physical to Human Capital Accumulation: Inequality and the Process of Development // Review of Economic Studies. 2004. Vol. 71. № 4. P. 1001–1026.

⁵⁸ Eicher T., Garcha-Pecalosa C. Inequality and Growth: The Dual Role of Human Capital in Development // Journal of Development Economics. 2001. Vol. 66. P. 173–197 — <http://faculty.washington.edu/te/papers/e-c-11-99.pdf>

⁵⁹ Majid. N. National income, its distribution and the poor: Some differences between present day developing countries. Employment Paper 2003/46. Geneva: International Labour Office, 2003 — <http://www.ilo.org/public/english/employment/strat/download/ep46.pdf>

⁶⁰ Grimalda G., Vivarelli M. Op. cit.

⁶¹ Inequality and Growth: Theory and Policy Implications / Ed. by T.S. Eicher, S.J. Turnovsky Cambridge (Mass.), 2003. P. 27–58.

⁶² Banerjee A.V., Duflo E. Inequality and Growth: What Can the Data Say? NBER Working Paper No. 7793. July 2000 — <http://www.nber.org/papers/w7793.pdf>

⁶³ См., напр.: Ferreira F. H.-G., Ravallion M. Op. cit.

⁶⁴ Castelly-Climent A. A Reassessment of the Relationship between Inequality and Growth: What Human Capital Inequality Data Say — http://wwwtest.aup.edu/lacea2005/system/step2_php/papers/castello_climent_ampa.pdf; Deininger K., Squire L. Economic Growth and Income Inequality: Reexamining the Links // Finance & Development. 1997. March. P. 40–41 — <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/1997/03/pdf/deininge.pdf>; Galor O., Moav O. From Physical to Human Capital Accumulation.

⁶⁵ Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. P. 28.

⁶⁶ См.: Кислицына О.А. Указ. соч. С. 158–160; Barro R.J. Op. cit. P. 5–7; Bénabou R. Inequality and Growth // NBER Macroeconomics Annual. Vol. 11 / Ed. by B. Bernanke, J.J. Rotemberg. Cambridge (Mass.), 1996. P. 11–73 — <http://www.nber.org/papers/w5658.pdf>; Deininger K., Squire L. Op. cit. P. 40–41.

⁶⁷ См.: Беккер Г.С. Указ. соч.

⁶⁸ Barro R.J. Op. cit.

⁶⁹ Deininger K., Squire L. Op. cit.; Lopez H. Macroeconomics and Inequality. Macroeconomic Challenges in Low Income Countries, Research Workshop, October 23–24, 2003 — <http://www.imf.org/external/np/res/seminars/2003/lic/pdf/hl.pdf>

⁷⁰ См., напр.: Lopez H. Op. cit.

⁷¹ Minimum wages and collective bargaining. P. 25–26.

⁷² См., напр.: Ferreira F. H.-G., Ravallion M. Op. cit.

⁷³ Анализ соответствующей литературы подробнее см.: Шишков Ю. Указ. соч.

⁷⁴ См.: Inequality and Growth. P. 27–58.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Великобритания (1797–1911 гг.): показатели неравенства доходов

Год	Индекс Джини	Индекс дифференциации оплаты: Все работники/работники физического труда (1901=100%)	Индекс дифференциации оплаты: Все работники/работники физического труда (1851=100%)
1797			79%
1805			79%
1810			79%
1815			80%
1819			83%
1827	29,3%		85%
1835			94%
1851	35,8%	106%	100%
1861		103%	
1871		103%	
1881	32,8%	104%	
1891		100%	
1901	33,1%	100%	
1911		93%	

Рассчитано по: Williamson J.G. Did British Capitalism Breed Inequality? Winchester, Mass., 1985.

Таблица 2

Неравенство доходов (индекс Джини) в репрезентативных национальных экономиках (1947–2006 гг.)

Год	США*	Велико-британия**	Япония***	Китай****	Россия*****
1947	43,00%				
1948	42,40%				
1949	42,80%				
1950	43,10%				
1951	41,60%				

Таблица 2 (продолжение)

Год	США*	Велико- британия**	Япония***	Китай****	Россия*****
1952	41,60%				
1953	42,25%				
1954	42,90%		31,00%		
1955	42,00%				
1956	41,50%		31,30%		
1957	41,80%				
1958	41,60%				
1959	42,20%		35,68%		
1960	42,30%				
1961	43,20%	25,65%			
1962	42,10%	24,22%	37,20%		
1963	41,80%	26,57%	35,70%		
1964	41,90%	25,84%	35,80%		
1965	41,70%	24,57%	34,80%		
1966	41,30%	25,66%			
1967	41,60%	24,59%	35,10%		
1968	40,60%	24,36%	34,90%		
1969	39,10%	25,23%	35,70%		
1970	39,40%	25,44%	35,50%		
1971	39,60%	26,16%	36,90%		
1972	40,10%	26,46%	33,40%		
1973	39,70%	25,35%	32,50%		
1974	39,50%	24,55%	33,60%		
1975	39,70%	23,78%	34,40%		
1976	39,80%	23,69%	33,90%		
1977	40,20%	23,39%	33,70%		
1978	40,20%	23,41%	32,90%		
1979	40,40%	24,76%	33,90%		
1980	40,30%	25,28%	33,40%		
1981	40,60%	25,80%	34,30%		
1982	41,20%	25,68%	34,80%		
1983	41,40%	26,35%			

Таблица 2 (окончание)

Год	США*	Велико- британия**	Япония***	Китай****	Россия*****
1984	41,50%	26,53%			
1985	41,90%	27,77%		32,96%	
1986	42,50%	28,53%			
1987	42,60%	30,10%			
1988	42,70%	31,84%			
1989	43,10%	32,24%			27,10%
1990	42,80%	33,63%		35,53%	26,90%
1991	42,80%	33,72%			32,40%
1992	43,40%	33,86%			37,10%
1993	45,40%	33,77%			46,10%
1994	45,60%	32,90%			44,60%
1995	45,00%	32,99%			47,10%
1996	45,50%	33,12%			48,30%
1997	45,90%	33,82%			
1998	45,60%	34,48%		40,30%	
1999	45,80%	34,24%			
2000	46,20%	34,84%			
2001	46,60%	34,59%		44,73%	52,10%
2002	46,20%	33,93%			49,10%
2003	46,40%	34,00%			
2004	46,60%			46,90%	46,90%
2005		34,00%			44,50%
2006		32,00%			45,10%

Источник: база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на:

* Нескорректированный денежный доход домохозяйств до налогов и без социальных пособий: Current Population Survey (по данным за 1947–1968 гг.: Brandolini A.A Bird’s-Eye View of Long-Run Changes in Income Inequality. Roma: Banca d’Italia Research Department, 1998; по данным за 1969–2006 гг.: US Bureau of the Census <www.census.gov/>).

** Индивидуальный располагаемый доход: Family Expenditure Survey (Goodman A., Shephard A. Inequality and Living Standards in Great Britain: Some Facts. Briefing Notes № 19. London: The Institute for Fiscal Studies, 2002), The European Union Statistics on Income and Living Conditions.

*** Нескорректированный доход домохозяйств до налогов и без социальных пособий: Mizoguchi T., Takayama N. Equity and Poverty under

Rapid Economic Growth: the Japanese Experience // Economic Research Series. № 21. Tokyo: The Institute of Economic Research Hitotsubashi University, 1984; Podder N. Distribution of Household Income in Australia // Economic Record. 1972. Vol. 48. № 122. P. 181–200; Wada R.O. Impact of Economic Growth on the Size Distribution of Income: The Postwar Experience of Japan // Income Distribution Employment and Economic Development in Southeast and East Asia. Vol. II. Tokyo: The Japan Economic Research Center, 1975.

**** Индивидуальный доход до налогов и без социальных пособий (за 2001 и 2004 гг. — потребление): World Bank (Poverty Monitoring Database 2002, World Development Indicators 2004, 2007).

***** Индивидуальные нескорректированные заработные платы до налогов и без социальных пособий: База данных TransMONEE 2008.

Таблица 3

**Значения кросс-корреляционной функции темпов изменения ВВП
(на душу населения) по индексу Джини**

Лаг индекса Джини	США*	Великобритания **	Япония***
0	−0,02	0,06	0,39
−1	0,05	0,04	0,41
−2	0,00	0,01	0,41
−3	−0,01	0,03	0,10
−4	−0,03	0,09	0,01
−5	0,05	0,11	−0,13
−6	0,01	0,12	−0,10
−7	−0,10	0,13	−0,01
−8	−0,12	0,06	
−9	−0,08	0,06	
−10	−0,01	0,04	
−11	0,09	0,00	
−12	0,19	0,12	
−13	0,01		
−14	−0,05		
−15	0,01		

Рассчитано по: база данных UNU-WIDER World Income Inequality, Maddison (2008).

Примечание: количество лагов для каждой страны ограничено $n/4$, где n — количество наблюдений.

* 1947–2004 гг.

** 1961–2006 гг.

*** 1954–1982 гг.

Таблица 4

**Значения кросс-корреляционной функции темпов изменения ВВП
(на душу населения) по индексу Джини**

Восходящий тренд индекса Джини

Лаг индекса Джини	США*	Велико-британия**	Япония***	Россия****
0	0,05	0,04	0,60	0,37
-1	-0,01	0,01	0,44	0,58
-2	-0,05	0,11	0,46	0,81
-3	-0,02	0,16	0,17	0,89
-4	0,04	0,04	0,04	0,91
-5	-0,03	-0,08		
-6	-0,09	-0,06		
-7	-0,09	0,02		
-8	-0,11			
-9	-0,01			

Рассчитано по: база данных UNU-WIDER World Income Inequality, Maddison (2008).

Примечание: количество лагов для каждой страны ограничено $n/4$, где n — количество наблюдений.

* 1970–2004 гг.

** 1977–2006 гг.

*** 1954–1969 гг.

**** 1989–2006 гг.

Таблица 5

**Значения кросс-корреляционной функции темпов изменения ВВП
(на душу населения) по индексу Джини**

Нисходящий тренд индекса Джини

Лаг индекса Джини	США*	Велико-британия**	Япония***	Россия****
0	-0,20	0,11	0,06	0,44
-1	0,22	0,13	0,52	0,41
-2	0,08	0,07	0,71	0,40
-3	0,17	0,09	-0,31	0,43
-4	-0,11	0,23		0,53

Таблица 5 (окончание)

Лаг индекса Джини	США*	Велико-британия**	Япония***	Россия****
-5	0,31	0,24		0,53
-6	-0,02			0,48
-7				0,45
-8				0,44

Рассчитано по: база данных UNU-WIDER World Income Inequality, Maddison (2008), Народное хозяйство СССР. М., 1971–1991.

Примечание: количество лагов для каждой страны ограничено $n/4$, где n — количество наблюдений.

* 1947–1982 гг.

** 1961–1981 гг.

*** 1970–1982 гг.

**** 1960–1990 гг.; в связи с отсутствием данных по индексу Джини в качестве индикатора неравенства доходов принято соотношение оплаты труда в отраслях интеллектуального/неинтеллектуального сектора экономики.

Таблица 6

Значения кросс-корреляционной функции индекса Джини по темпам изменения ВВП (на душу населения)

Лаг темпа изменения ВВП (на душу населения)	США*	Великобритания**	Япония***
0	-0,02	0,06	0,39
-1	-0,07	0,06	0,48
-2	-0,06	0,10	0,55
-3	-0,10	0,13	0,44
-4	-0,04	0,11	0,20
-5	-0,07	0,09	0,04
-6	-0,09	0,06	-0,06
-7	-0,15	0,00	0,03
-8	-0,09	-0,03	
-9	-0,05	-0,08	
-10	-0,04	-0,10	
-11	-0,06	-0,10	
-12	-0,08	-0,09	

Таблица 6 (окончание)

Лаг темпа изменения ВВП (на душу населения)	США*	Великобритания**	Япония***
-13	-0,07		
-14	-0,05		
-15	0,03		

Расчитано по: база данных UNU-WIDER World Income Inequality, Maddison (2008).

Примечание: количество лагов для каждой страны ограничено $n/4$, где n — количество наблюдений.

* 1947–2004 гг.

** 1961–2006 гг.

*** 1954–1982 гг.

Таблица 7

**Значения кросс-корреляционной функции остатков
(отклонений от линейных трендов) темпов изменения ВВП
(на душу населения) и индекса Джини**

Лаг индекса Джини	Россия*	Япония**
0	-0,28	-0,07
-1	-0,01	0,42
-2	0,48	0,60
-3	0,69	-0,43
-4	0,72	

Расчитано по: база данных UNU-WIDER World Income Inequality, Maddison (2008).

* 1989–2006 гг.

** 1970–1982 гг.

Таблица 8

**Статистическая значимость максимального значения
кросс-корреляционной функции темпов изменения ВВП
(на душу населения) по индексу Джини в России (1989–2006 гг.)**

Коэффициент корреляции при лаге в 4 года	0,91	
Количество наблюдений	14 с лагом в 4 года	18 без лага
Максимальный лаг	$18/4=4,5 > 4$	лаг значим
Критерий Стьюдента (t): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=12$	7,70	
Критерий Стьюдента (t): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=12$	2,18	

Таблица 8 (окончание)

Значимость по критерию Стьюдента (t)	7,70 > 2,18	коэффициент корреляции значим
Критерий Фишера (F): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=11$	27,21	
Критерий Фишера (F): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=11$	3,98	
Значимость по критерию Фишера (F)	27,21 > 3,98	коэффициент корреляции значим

Таблица 9

**Статистическая значимость максимального значения
кросс-корреляционной функции остатков (отклонений от линейных
трендов) темпов изменения ВВП (на душу населения) и индекса
Джини в России (1989–2006 гг.)**

Коэффициент корреляции при лаге в 4 года	0,91	
Количество наблюдений	14 с лагом в 4 года	18 без лага
Максимальный лаг	$18/4=4,5 > 4$	лаг значим
Критерий Стьюдента (t): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=12$	3,61	
Критерий Стьюдента (t): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=12$	2,18	
Значимость по критерию Стьюдента (t)	3,61 > 2,18	коэффициент корреляции значим
Критерий Фишера (F): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=11$	5,98	
Критерий Фишера (F): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=11$	3,98	
Значимость по критерию Фишера (F)	5,98 > 3,98	коэффициент корреляции значим

**Параметры модели распределенных лагов темпов изменения
ВВП (на душу населения) по индексу Джини в России
(1989–2006 гг.)**

Таблица 10

Регрессионная статистика

Множественный R	0,925324861
R-квадрат	0,856226097
Нормированный R-квадрат	0,766367408
Стандартная ошибка	0,035012209
Наблюдения	14

Таблица 11

Дисперсионный анализ

	<i>Df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	5	0,058403304	0,011680661	9,528584338	0,003210755
Остаток	8	0,009806838	0,001225855		
Итого	13	0,068210142			
F-распределение Фишера: критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=5$ и $\gamma_2=8$				3,687503636	
		<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
Y-пересечение		0,662829981	0,195818506	3,384920022	0,009571663
Лаг Джини = 0		0,368706378	0,537230686	0,686309229	0,511915215
Лаг Джини = -1		-0,571946157	0,573153519	-0,997893475	0,347553439
Лаг Джини = -2		0,334151467	0,570967161	0,585237627	0,574520122
Лаг Джини = -3		-0,069303619	0,545375738	-0,127074995	0,902017027
Лаг Джини = -4		0,74366554	0,350065966	2,124358301	0,066373379
t-критерий Стьюдента: критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=8$				2,306005626	
t-критерий Стьюдента: критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,10$ и степенях свободы $\gamma=8$				1,85954832	

Корреляции между лаговыми переменными

	Лаг Джини = 0	Лаг Джини = -1	Лаг Джини = -2	Лаг Джини = -3	Лаг Джини = -4
Лаг Джини = 0	1				
Лаг Джини = -1	0,64605126	1			
Лаг Джини = -2	0,528347763	0,842154778	1		
Лаг Джини = -3	0,431429473	0,798540699	0,93362976	1	
Лаг Джини = -4	0,352667181	0,682486656	0,87797564	0,942006674	1
Средний коэффициент корреляции между независимыми переменными				0,703528989	

Статистическая значимость значения кросс-корреляционной функции темпов изменения ВВП (на душу населения) по индексу Джини в Японии (1970–1982 гг.)

Коэффициент корреляции при лаге в 2 года	0,71	
Количество наблюдений	11 с лагом в 2 года	13 без лага
Максимальный лаг	$13/4 = 3,25 > 2$	лаг значим
Критерий Стьюдента (t): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=9$	2,98	
Критерий Стьюдента (t): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=9$	2,26	
Значимость по критерию Стьюдента (t)	$2,98 > 2,26$	коэффициент корреляции значим
Критерий Фишера (F): расчетное значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=8$	3,96	
Критерий Фишера (F): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=8$	4,46	
Критерий Фишера (F): критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,10$ и степенях свободы $\gamma_1=2$ и $\gamma_2=8$	3,11	
Значимость по критерию Фишера (F)	$3,96 > 3,11$	коэффициент корреляции значим при $\alpha=0,10$

**Параметры модели распределенных лагов темпов изменения
ВВП (на душу населения) по индексу Джини в Японии
(1970—1982 гг.)**

Таблица 14

Регрессионная статистика

Множественный R	0,873150849
R-квадрат	0,762392406
Нормированный R-квадрат	0,66056058
Стандартная ошибка	0,01492566
Наблюдения	11

Таблица 15

Дисперсионный анализ

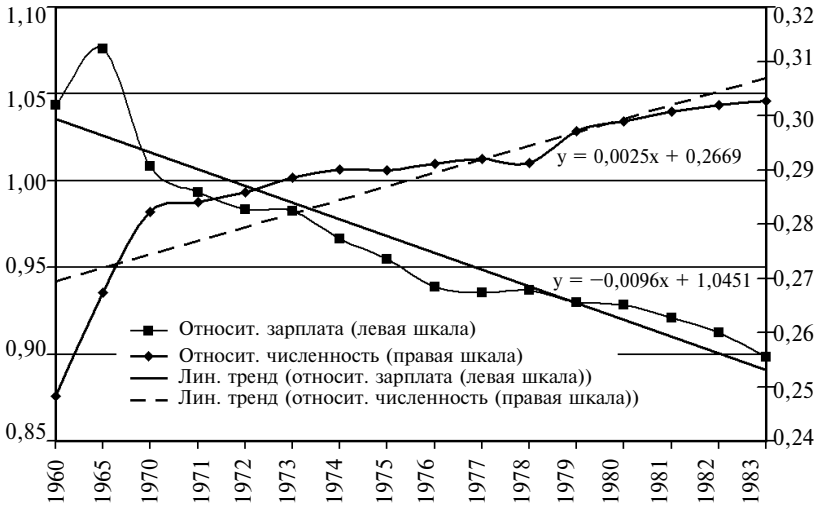
	<i>Df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	0,005003609	0,00166787	7,486779279	0,013741114
Остаток	7	0,001559427	0,000222775		
Итого	10	0,006563037			
F-распределение Фишера: критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma_1=3$ и $\gamma_2=7$				4,346830451	
		<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>
У-пересечение		1,208063871	0,289642132	4,17088448	0,004184528
Лаг Джини = 0		-0,397454412	0,136253412	-2,917023548	0,022434919
Лаг Джини = -1		-0,103318788	0,127025156	-0,813372651	0,442787043
Лаг Джини = -2		0,323845692	0,134650211	2,405088635	0,047112636
t-критерий Стьюдента: критическое значение при уровне значимости $\alpha=0,05$ и степенях свободы $\gamma=7$				2,36462256	

Таблица 16

Корреляции между лаговыми переменными

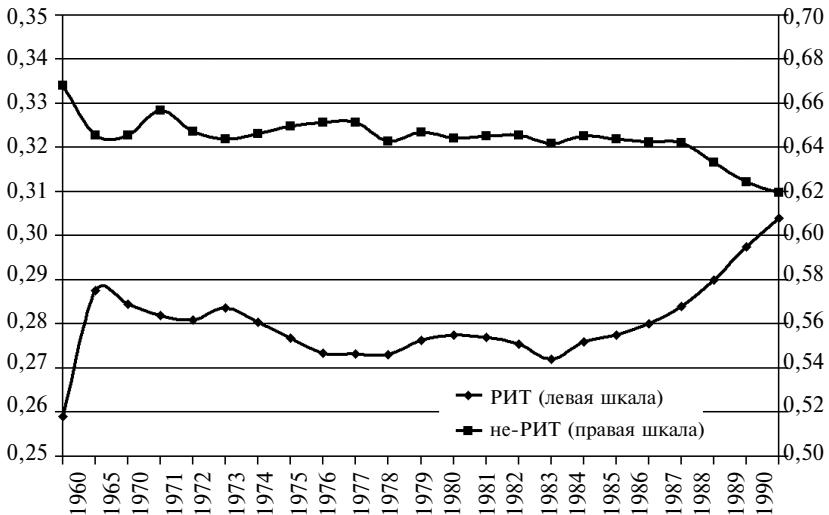
	<i>Лаг Джини = 0</i>	<i>Лаг Джини = -1</i>	<i>Лаг Джини = -2</i>
Лаг Джини = 0	1		
Лаг Джини = -1	-0,18263702	1	
Лаг Джини = -2	-0,290143614	-0,220838074	1
Средний коэффициент корреляции между независимыми переменными			-0,231206236

СССР: Показатели сектора интеллектуального производства (1960–1983 гг.)

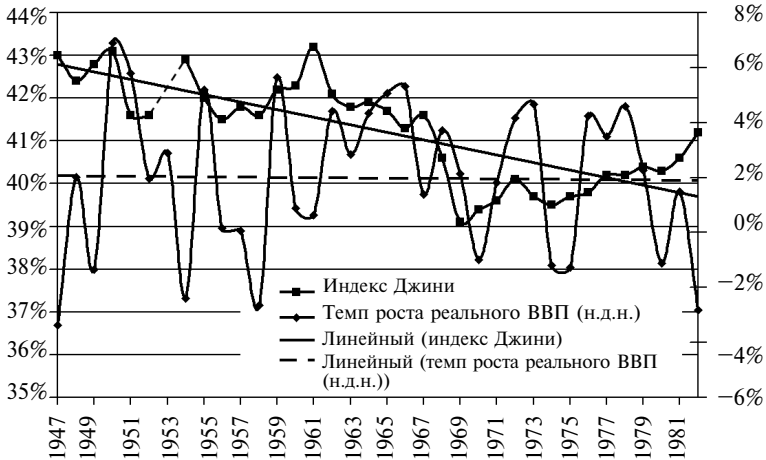
Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. М., 1971–1991.

СССР: Динамика фонда оплаты труда (1960–1990 гг.)

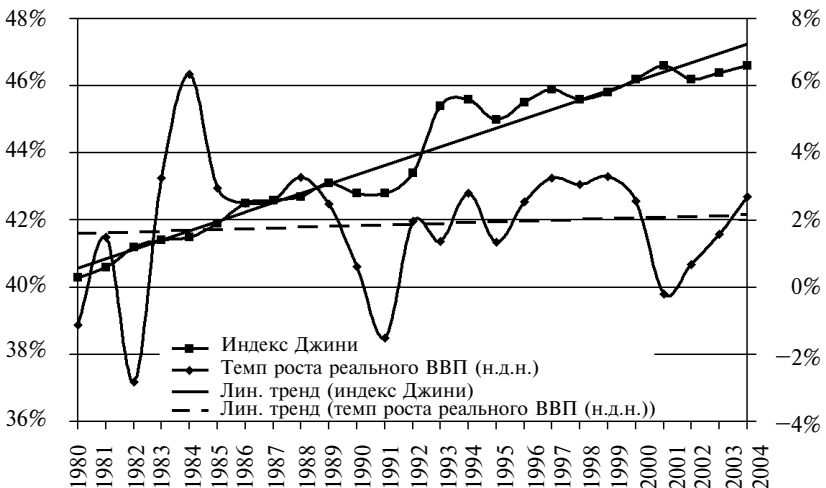
Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. М., 1971–1991.

**США: Дифференциация доходов и экономический рост
(1947–1982 гг.)**

Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на Current Population Survey (Brandolini, 1998); Current Population Survey (US Bureau of the Census).

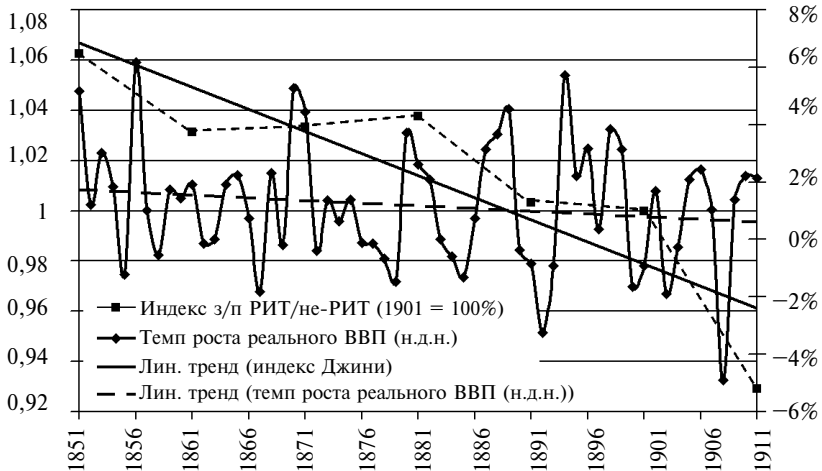
**США: Дифференциация доходов и экономический рост
(1980–2004 гг.)**

Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на Current Population Survey (US Bureau of the Census).

Рисунок 5

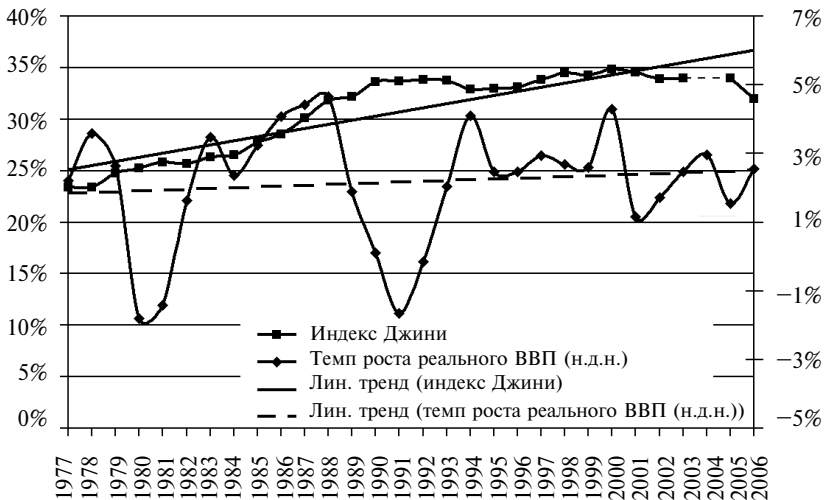
Великобритания: Дифференциация доходов и экономический рост (1851–1911 гг.)

Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; Williamson J.G. Did British Capitalism...

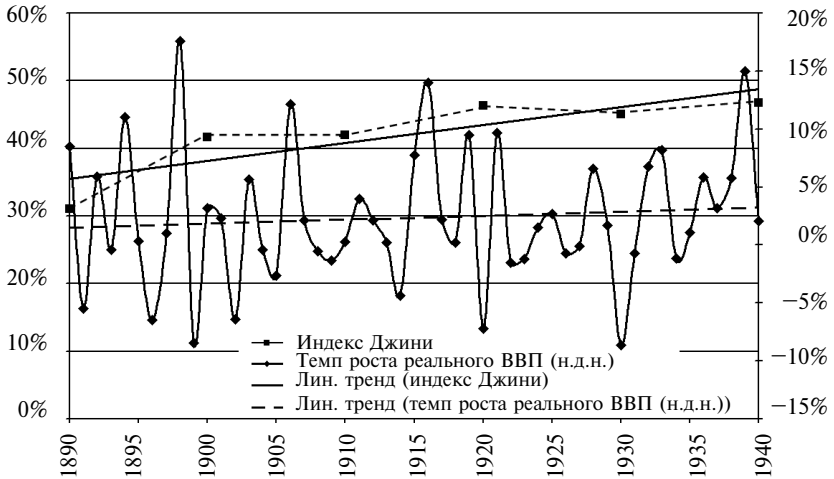
Рисунок 6

Великобритания: Дифференциация доходов и экономический рост (1977–2006 гг.)

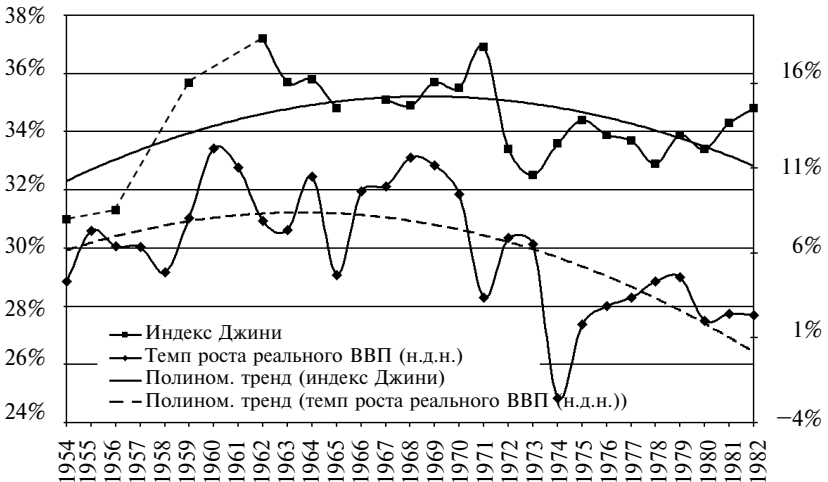
Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на Family Expenditure Survey (Goodman & Speshard, 2002).

Япония: Дифференциация доходов и экономический рост (1890—1940 гг.)

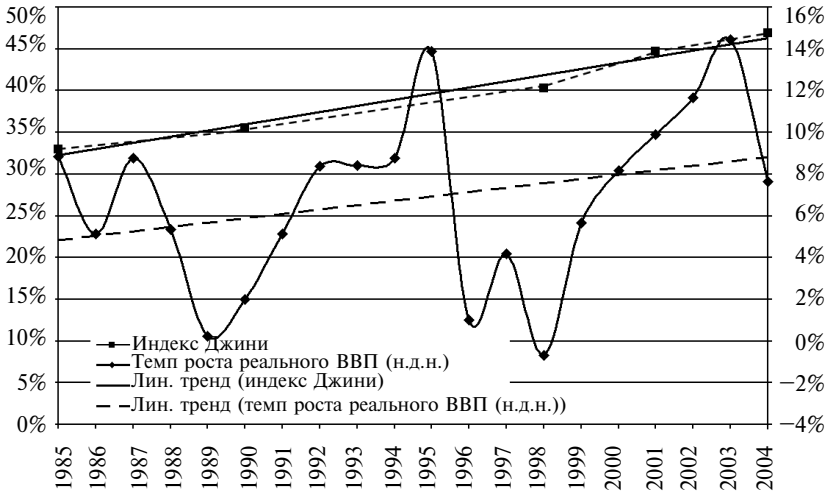
Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на Mizoguchi (1985).

Япония: Дифференциация доходов и экономический рост (1954—1982 гг.)

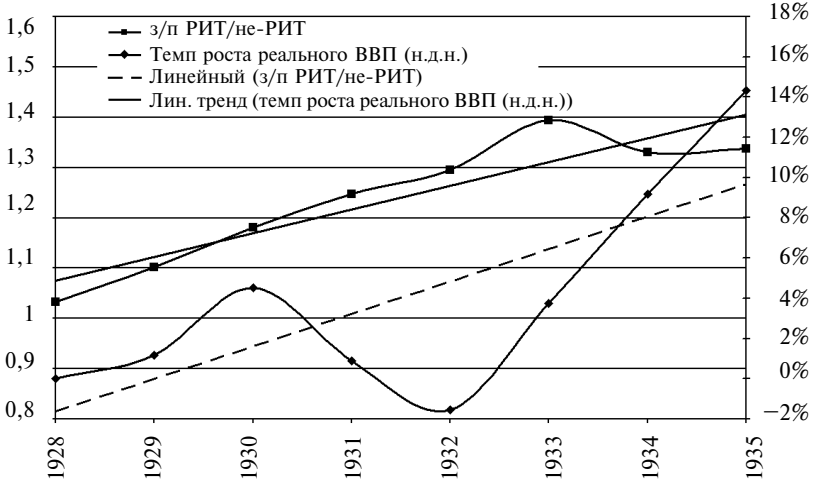
Рассчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на Mizoguchi, Takayama, 1984; Podder 1972; Wada, 1975.

Китай: Дифференциация доходов и экономический рост (1985–2004 гг.)

Расчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных UNU-WIDER World Income Inequality со ссылкой на World Bank (Poverty Monitoring Database 2002; World Development Indicators 2004, 2007).

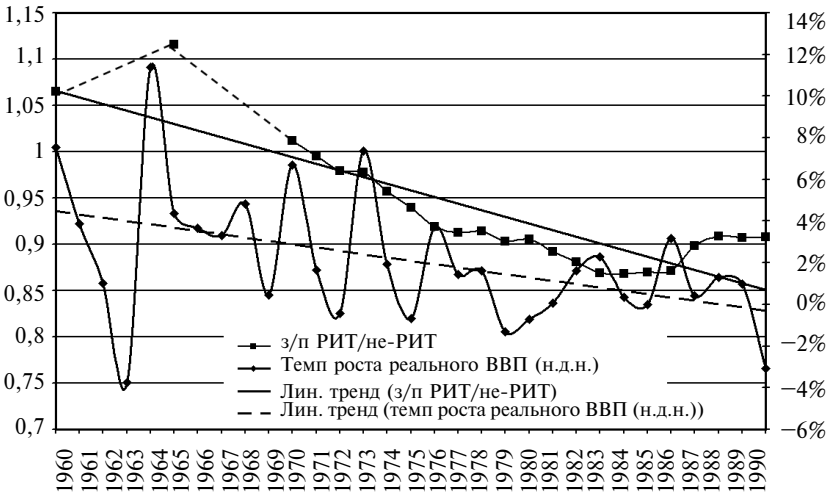
СССР: Дифференциация доходов и экономический рост (1928–1935 гг.)

Расчитано по: Maddison A. Op. cit.; Социалистическое строительство СССР. М., 1936.

Рисунок 11

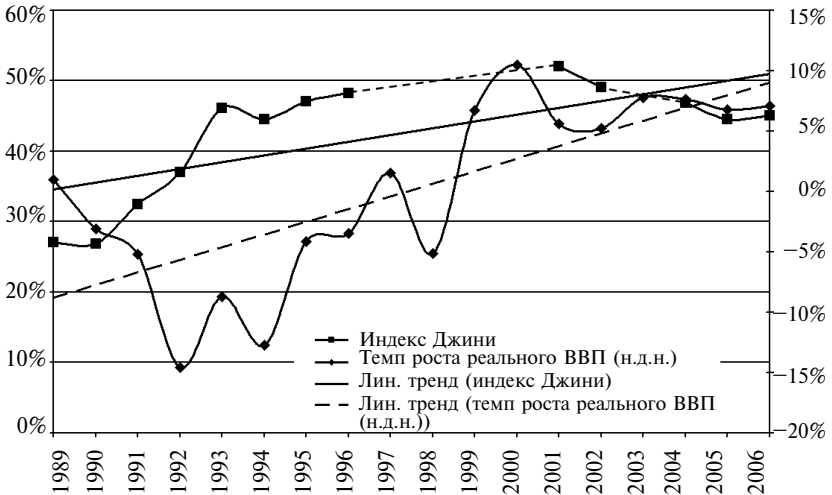
**СССР: Дифференциация доходов и экономический рост
(1960–1990 гг.)**

Расчитано по: Maddison A. Op. cit.; Народное хозяйство СССР. М., 1971–1991.

Рисунок 12

**Россия: Дифференциация доходов и экономический рост
(1989–2006 гг.)**

Расчитано по: Maddison A. Op. cit.; база данных TransMONEE 2008.

Аграрная политика и экономика СССР

*И.В. Гончарова**

В поисках «образа кулака»: проблема изучения социальной структуры крестьянства в конце 1920-х гг. в Центральном Черноземье

Для российской деревни с традиционными эгалитаристскими установками вопрос о расслоении был всегда злободневным. Советская власть этой непростой проблеме, встроенной в сложную систему внутридеревенских отношений, обусловленной не только экономически, но и эмоционально, и этически крестьянским сообществом, придала политическую окраску. Большевики как представители западной идеологической доктрины не видели в крестьянстве свою социальную базу. В их модернизационной концепции деревне отводилась роль сырьевого источника и придаточного звена. Вместе с тем без крестьянства совершить прорыв в светлое индустриальное будущее не представлялось возможным. Для большевистских лидеров было очевидно, что крестьянство не будет союзником в борьбе за самоуничтожение, поэтому необходимо было расколоть его изнутри. При этом декларируемые классовые противоречия проецировались на традиционные общинные, что создавало почву для манипуляции населением, фаворитизации бедноты и искусственной изоляции зажиточных. Теоретический замысел разбивался о практическое состояние деревни, пережившей аграрную революцию, которая привела к нивелировке крестьянских хозяйств и осереднячиванию деревни, «военный коммунизм», подорвавший ее экономические основы, кризисы нэпа, в том числе неурожай в земледельческом центре 1924 г. Поэтому важнейшей проблемой в преддверии коллективизации был поиск кулаков среди бедного крестьянского населения. Раскулачивание было составной частью социалистического наступления на деревню. Ему предшествовал сознательный раскол деревни коммунистами по весьма условным социальным параметрам. Введение в исследовательский оборот новых источников и переосмысление классовой политики большевиков обращает внимание историков на критерии вычленения кулаков¹. Представляется особен-

* Гончарова Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент (Орловский государственный университет).

но важным рассмотреть этот процесс на примере традиционного аграрного региона Центрального Черноземья. Выясняя, кого записывали в кулаки местные функционеры, мы поднимаем вопрос не только о социальной справедливости, мы выходим на проблему подготовки социальной «почвы» коллективизации.

В начале 1920-х гг. местные органы власти не занимались изучением социальных процессов в деревне. В сельских организациях отсутствовали какие-либо сведения о социальном составе крестьянства. В 1924 г. центр фиксировал вместе с экономическим ростом и дифференциацию крестьянства, рост активности деревни, увеличение ее требований и запросов. Власти констатировали культурный и политический подъем. Первый выражался в стремлении крестьянства к улучшенным формам землепользования, к повышению продуктивности своего хозяйства, в росте спроса на агрокультурную помощь и школьную сеть, что, в целом, рассматривалось руководством как положительный момент. Второй момент, политический подъем деревни, вызывал настороженное отношение власти, так как отождествлялся с ростом политической активности кулачества. В Орловском губернском комитете партии считали, что активность кулаков сопровождается враждебным отношением к советской власти и сводится к двум основным формам: «Первая — скрытая, замаскированная — идет по пути распространения всяких провокационных слухов, антисоветской агитации из-за угла, изготовления контрреволюционных листовок, воззваний, писем, попыток использования в антисоветском направлении хозяйственных и культурных и советских организаций. Вторая — открытая форма активности не останавливается и перед политтеррором, а также явными антисоветскими выступлениями на сходах, конференциях и, конечно, открытой борьбой против партийных, комсомольских, культурных, советских и хозяйственных организаций»². Из этого следовал вывод: «Кулацкая активность идеологически питается партийными группировками эсеровского, анархического и часто монархического толка»³.

«Кулацкая угроза» беспокоила власть еще и потому, что активность ее основной социальной базы — бедноты и батрачества — была «в общем и целом крайне слаба». А середнячество, представлявшее основную деревенскую силу, упорно не хотело сближаться с беднотой и гораздо чаще солидаризировалось с кулачеством. Такому сближению способствовала политика власти, которая в своем традиционном нажиме на деревню идентифицировала середняков с зажиточными. Во время Гражданской войны и в начале нэпа большевики, в сущности, не проецировали на деревенских жителей триаду «бедняк — серед-

няк — кулак», они выделяли в качестве своей опоры бедняцко-батрацкие слои как лояльные, остальных же крестьян воспринимали как потенциально враждебных. В дальнейшем на протяжении всех лет нэпа не было ясности в определении «кулака» и «средняка». Примечательно, что когда на общегородском собрании членов РКП(б) 7 января 1926 г. председателю Орловского губкома был задан вопрос: «В чем заключается хозяйство кулака, середняка и бедняка», — он ответил: «Отвлеченный вопрос — можно на него не отвечать»⁴.

В Орловской губернии для освещения вопроса о расслоении использовались материалы динамического обследования крестьянских хозяйств за 1926 г., разработанного по предложенным ЦСУ качественным типологическим признакам. В основе этой типологической группировки (схема А.И. Хрящевой) лежали признаки, «характеризующие зависимость и эксплуатацию отдельных производителей»⁵. Схема А.И. Хрящевой выделяла 5 типов крестьянских хозяйств: 1) предпринимательские; 2) полупредпринимательские; 3) самостоятельные; 4–5) зависимые. Признаки выделения были следующие:

Предпринимательские:

а) наличие торгово-промышленных заведений с наймом или без найма рабочих;

б) эксплуатация сложных сельскохозяйственных машин (сеялок, жнеек, сенокосилок, молотилок) в чужих хозяйствах в виде промысла;

в) аренда земли в размере 5 и более десятин;

г) наем сроковых, поденных или сдельных рабочих (без скота и инвентаря) на срок свыше 30 дней.

2. Полупредпринимательские:

Без вышеперечисленных признаков, но сдающие рабочий скот или инвентарь в чужие хозяйства.

3. Самостоятельные хозяйства — без признаков предпринимательства или зависимости.

4. Зависимые (1 группа): отпуск своей рабочей силы в чужие хозяйства на срок свыше 30 дней.

5. Зависимые (2 группа):

а) отпуск своей рабочей силы на срок меньше 30 дней;

б) отсутствие рабочего скота и пахотного инвентаря.

Объединяя две первые и две последние подгруппы, получаем три типа хозяйств: 1) предпринимательские, 2) самостоятельные, 3) зависимые. Несмотря на то что приведенная классификация не могла быть безоговорочно тождественна традиционному и очень абстрактному делению на кулаков, середняков и бедняков, она приближалась к этим социальным группам, так

как в ее основу были положены социальные отношения между отдельными производителями и условия, характеризующие эти отношения. «Считаясь с тем обстоятельством, что полной тождественности между выше приведенными типами и социальными группами хозяйств не имеется, мы в дальнейшем условно будем понимать под термином «зависимые» — бедняцкие хозяйства, «самостоятельные» — середняцкие хозяйства и «предпринимательские» — кулацкие хозяйства... Эти термины характеризуют не социальные группы хозяйств в чистом виде, а типы хозяйств наиболее в них приближающиеся»⁶. Данное замечание в «Материалах по экономике Орловской деревне» позволяет нам пользоваться обозначенными понятиями как взаимозаменяемыми.

В реальной жизни грань между различными социальными группами крестьян была очень тонка и подвижна. Отсутствие на практике четких классовых критериев, к которым стремились большевики, ставило многих крестьян в тупиковое положение. В крестьянском сознании зачастую не укладывалось, на чем основывается политика, которую по отношению к ним проводит государство. Особенно это касалось социальной дифференциации. Инструктор ЦК РКП(б), посетив Урицкую волость Елецкого уезда в 1925 г., указывал на относительность социального деления деревни, в связи с тем что состав хозяйств местными органами не изучен. «Ясного разграничения между кулаком и зажиточным середняком нет. Местные коммунисты в этом вопросе путаются. Сильно смутило деревенских коммунистов письмо зажиточного крестьянина, помещенного в «Бедноте», в котором он обращается с просьбой разъяснить, кулак он или нет. Письмо вызвало большие толки в крестьянстве, а коммунисты, не имея «директив» по этому поводу (руководящий материал, помещаемый в «Правде», к руководству обычно на принимается...) и боясь высказать ошибочное мнение, отмалчивались, что понималось крестьянством так, что, мол, наши коммунисты, не так понимают дело как в центре»⁷.

Вырабатываемые в центре относительные критерии социального статуса самими крестьянами не воспринимались. Наиболее расплывчатым, по-разному трактуемым в каждом селе, было понятие «кулак». В Урицкой волости Елецкого уезда Орловской губернии кулаком считались лица, имеющие трех лошадей, или владевшие до революции трактирами, а также бывшие служащие. В характеристике экономического положения волостей Орловской губернии за 1925 г. относительно социального состава той же Урицкой волости давалось такое деление: «По расслоению деревни можно раздвоить на бедняцко-слабые в экономи-

ческой жизни, средне-немного повыше, чем первые и более мощные и если взять их в процентном отношении, то первые будут равны 50–55%»⁸.

Крестьянская беднота, решительно настроенная против кулаков, относила к ним и зажиточных, занимающихся торговлей, арендующих сады и огороды, и середняков⁹. В Ленинской волости Ливенского уезда Орловской губернии за кулака принимали любого, кто имел двух лошадей и двух коров¹⁰. Для Кудиновской волости того же уезда эта планка опускалась еще ниже: кулаком считался всякий самостоятельно ведущий хозяйство крестьянин, имеющий исправный инвентарь, хорошую хату, двор и достаточное количество хлеба. Такой прожиточный минимум считали кулацким уровнем и местные коммунисты. Аналогичные критерии богатства были и в Дросковской волости Малоархангельского уезда: две коровы, две лошади, хорошая изба, молотилка, обеспеченность хлебом на год¹¹.

Варьировавшиеся от уезда к уезду оценки статуса кулака имели одну характерную особенность: беднота приписывала к кулакам каждого, кто сводил концы с концами, едва приподнимаясь над тотальным уровнем бедности.

С 1926 г. в связи с усилением работы с беднотой губернские власти решили приблизиться к изучению социальной стратификации деревни. В ноябре 1926 г. констатировалось, что в области изучения вопроса о расслоении крестьянского хозяйства не было ни конкретного определения понятия «расслоения», так как «до сих пор оно остается продуктом скорее теоретического анализа, чем системой изучения массовых явлений»; ни общепризнанных подходов; ни конкретной проработки самой проблемы¹². Статистический опыт динамических обследований по схеме Хрящевой, где главными критериями являлись посевная площадь и рабочий скот, подвергался сомнению, так как не мог «полностью отразить расслоение крестьянского хозяйства»¹³. Предлагались новые группировки крестьянских хозяйств: 1) по валовой продукции, 2) по доходности, 3) размерам средств производства, 4) степени зависимости. В качестве показателей хозяйственного явления расслоения выделялись: «1. Наемный труд. 2. Промыслы вне своего хозяйства. 3. Размер сельскохозяйственного производства. 4. Орудия производства. 5. Аренда (земли, инвентаря). 6. Удобрение, урожайность. 7. Рыночные связи. 8. Запасы продуктов сельского хозяйства. 9. Кредитование. 10. Кооперирование. 11. Социально-органические процессы»¹⁴. Множественность новых относительных показателей была для руководства более удобной для получения нужных результатов, нежели схема Хрящевой, отталкивающаяся от нату-

ральных показателей. Для руководства работой выделялась тройка по изучению деревни из 2 представителей от Губплана и 1 от Губстатбюро. К изучению расслоения подключались финансовые, кооперативные, кредитные, земельные и др. организации (Губфо, Губзу, Отдел Труда, Межкоопсовет, Сельхозкредит). Все подготовительные работы планировалось закончить к 1 января 1927 г.¹⁵

При волостных и сельских советах, партийных ячейках создавались специальные комиссии для учета социальных групп. Составление списков домохозяев и идентификация их с определенной социальной группой поручались отдельным партиям или работникам сельсоветов. На первом этапе деятельности комиссий губернские органы не обременяли их методическими рекомендациями, поэтому социальная импровизация и субъективизм в определении были очень распространены. Много любопытных заключений содержится в докладной записке Орловскому губкому ВКП(б) «Социально-имущественное расслоение деревни» члена Орловской губернской контрольной комиссии Павловцева от 9 марта 1927 г. «По вопросу социально-имущественного деления у нас на местах в деревне имеется довольно большая неясность, определяют и делят все кому не лень и, самое главное, как кому вздумается, хуже — даже есть целый ряд моментов совершенно нездорового, политически неверного в определении. Наши товарищи... даже задаются некоторой целью идеализировать это деление...»¹⁶ Павловцев считал, что отказ от триады «бедняк — середняк — кулак», чрезмерная дробимость социальных признаков вредны. «Мы окончательно запутываемся и не только в определении, но и в практической, ...хозяйственной ориентировке». Партийный работник в начале 1927 г., по всей видимости, еще не почувствовал отказа от нэповских принципов. По его мнению, «хозяйственно подросшего» крестьянина, который интенсифицировал свой труд, особенно, если «подросли в семье работники, или удался отхожий промысел», нецелесообразно зачислять в группу зажиточных или кулаков, т.к. «мы ведь убиваем всякий стимул здорового хозяйственного развития»¹⁷.

В качестве местных разночтений Павловцев приводил многочисленные трактовки социально-экономических групп в деревне. Организационный отдел Ливенского укома давал определение кулаков, как «лиц, обогащающихся путем эксплуатации в различных формах». К середнякам относил крестьян, «ведущих трудовое хозяйство, имеющих возможность вести это хозяйство своим инвентарем». Бедняками считал крестьян, «у которых недостаточно средств производства и которые поэтому не

могут вести хозяйство своими средствами и обеспечить себя пропитанием». Кроме того, выделял еще промежуточную фигуру деревенского общества — зажиточный — «очень крепкий середняк, не ведущий трудовое хозяйство»¹⁸. В позиции Орготдела видно два очень спорных момента. Во-первых, не определены критерии эксплуатации. По всей видимости, подразумевается наемный труд. Вместе с тем контролировать условия использования наемной силы в деревне в 1920-х гг. фактически не представлялось возможным: практика заключения трудовых договоров не имела широкого распространения. Даже при наличии трудового договора, его юридическая обоснованность вызывала большие сомнения: «Пастухом Елецкого уезда, Ламской волости, Кукуевского сельсовета Семенняковым Спиридоном Васильевичем денежная компенсация, по его показанию, заменена была, с его согласия, получкой: «яиц кто сколько может, а, кроме того, в 2 праздника — Николы и Казанскую — по пирогу со двора»¹⁹. Найм рабочей силы практиковался на всех уровнях деревни. Нанимали и отдельные крестьяне, и целые общины. Среди нанимателей были не только зажиточные, но и середняцкие и даже бедняцкие хозяйства. Это видно из следующей табл. 1²⁰.

Таблица 1

Посевные группы	Хозяйства, отпускающие рабочих	Хозяйства, нанимающие рабочих
До 2-х дес.	233,3	37,5
От 2, 01 до 4	140	87,5
4,01–6	155,6	225
6,01–10	58,3	212,5
Свыше 10 дес.	62,5	262,5
По всем группам	150	128,6

Из таблицы 1 видно, что участие среднепосевных групп крестьянских хозяйств, традиционно относимых к середняцким, в найме рабочей силы мало уступало многопосевным. По информации Округного комитета ВКП(б) (осень 1928 г.), наемный труд в крестьянском сельском хозяйстве округа имел довольно значительное применение: 1 из 10 крестьянских хозяйств в том или ином виде прибегало к найму рабочей силы. Самым крупным потребителем наемного труда были общины — 54,9%, единоличные хозяйства использовали 44,2% всего предложения найма, в 2% случаев приходился групповой найм сельхозрабочих²¹. Исследователи наемного труда в ЦЧО в конце 1920-х гг. отмечали, что он, в основном, был распределен малы-

ми сроками среди большого количества середняцких хозяйств²². Крестьяне со средним достатком нанимали помощников чаще, чем это делали их более богатые соседи, обходившиеся силами своих семей.

Вторым спорным моментом в определении Орготдела был прямой канал записи крепкого середняка в кулаки через подвижную категорию «зажиточный», которую можно было подтянуть по политическим соображениям.

В определениях местных функционеров прослеживалась одна особенность: чем пространнее оно было, тем больше предвзятости содержало. В основу определения хозяйств Медвежинского волкома ВКП(б) были положены следующие критерии:

- «1) Его дореволюционное положение;
- 2) имущественное положение настоящего периода;
- 3) каким образом, за счет чего растет хозяйство;
- 4) обеспеченность хозяйства живым и мертвым инвентарем и способ использования таковых;
- 5) его тенденции и какое участие принимают в работе его члены семьи»²³.

Тенденциозность и произвольность подобного определения заметил даже Павловцев: «определять так, значит создавать некоторую политическую враждебность к нам со стороны трудового середнячества». Такой подход заставлял крестьян лавировать и идти на многие ухищрения. Примером может служить поведение крестьянина из деревни Строгоновка Орловской губернии. После пятнадцатилетнего стажа работы на шахте из-за голода вынужден был вернуться в деревне и с нуля начинать вести хозяйство. Силами своей семьи засыпал овраг, построил халупку, разбил фруктовый сад. Стал стремиться к совершенствованию обработки земли, приобрел сортовой шатиловский овес, читал книги по сельскому хозяйству, т.е., выделялся из крестьянской округи. Его стали причислять к зажиточным со всеми политическими и материальными последствиями такого отнесения. В поисках выхода, крестьянин провел фиктивный раздел хозяйства с сыном²⁴.

Итак, мы видим, какой вред деревни могли принести относительные критерии местного руководства. Но еще хуже дело обстояло, если пытались определить категорию хозяйства по натуральным признакам. Согласно определению потребительского общества в Ливенском уезде, к зажиточным относился тот, кто имел: «две хаты, двор, два амбара, две лошади, две коровы, десять овец и кушает по-настоящему». Свое видение проблемы изложил и секретарь местной партячейки: «Зажиточный... имеет скот, лошадь, корову и другое молочное хозяй-

ство». Павловцев совершенно резонно по этому поводу обозначил проблему: «Попробуйте при таком определении... ставить и разрешать вопрос поднятия товарности крестьянского хозяйства...»²⁵

Еще большей конкретизацией отличалось определение кулацкого хозяйства Медвежинским волостным комитетом ВКП(б) Ливенского уезда. «Это то хозяйство, которое имеет земельный надел и, кроме того, еще арендует землю и эксплуатирует чужой труд. Примерно хозяйство имеет 6 человек — 2 трудоспособных мужчин и 1 женщина. Трудовой надел 8 десятин, имеет две лошади, 2 коровы и арендует 6 десятин земли, пользуется сезонными рабочими для обработки земли»²⁶. Очевидно, для такого детализированного определения волкома был социальный прототип — кандидат на раскулачивание.

Заблуждением подобных определений было считать аренду в качестве критерия «кулацкого профиля» хозяйства. Развитие аренды в 1920-е гг., как и найма рабочей силы, имело свою специфику. Фиксировать арендные отношения в первые послереволюционные годы не представлялось возможным, земельный передел и сокращение запашки отодвинули аренду на второй план. Нэп привел в движение арендный механизм, но т.к. эта сфера поземельных отношений не была легализована, она имела скрытые формы. В мае 1925 г. аренда получила законные основания, что не замедлило сказаться на увеличении ее размеров. Эти обстоятельства затрудняют выведение динамики арендных отношений в черноземной деревне. Анализ арендных отношений в зависимости от мощности хозяйств в последние годы нэпа в Орловской губернии представлен в табл. 2²⁷.

Таблица 2

Группы по посеву	% хозяйств с арендой земли		Площадь арендованной пашни в % к наделной пашне	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
До 2-х дес.	1,5	1,5	0,4	0,2
От 2, 01 до 4	3,7	7,5	0,7	1,9
4,01–6	7	18,7	1,2	3,4
6,01–10	14,8	34,2	3,1	8,2
Свыше 10 дес.	33,1	75,6	11,7	32,9
Итого по наличным хозяйствам	5,6	14,8	1,5	4,6

Земельная нужда заставляла даже маломощные хозяйства прибегать к аренде. Но повышение арендной платы и угроза обнищания этой группы снижало вдвое площадь арендуемой ими пашни. Во всех остальных группах наблюдается увеличение и числа хозяйств с арендой, и площади арендованной земли. При этом, во всех группах, кроме второй, прирост арендованной пашни превышает рост хозяйств с арендой, что свидетельствует об укрупнении размера сделок. Интенсивность накопления арендного фонда увеличивается в высших группах. Тем не менее участниками арендных сделок были все слои деревни, поэтому аренда в качестве критерия выделения кулацких хозяйств существенно расширляла рамки потенциальных изгоев села.

В развернутом определении председателя Медвежинского волисполкома Романова выделяются не просто параметры, а обрисовываются жизненные ситуации и модели поведения для анализа кулацких хозяйств. В первую категорию он отнес крестьянские хозяйства, нанимающие двух годовых рабочих, владеющие 1–2 головами рабочего и продуктивного скота. Помимо имущественного достатка, их отличает стремление сотрудничать с властью: «Дети их устраиваются где-нибудь на советской работе, бывает и так, что и сам глава семьи служит... подчас занимается торговлей. Этот тип старого кулака пристраивается к политике власти». Во вторую категорию попали разбогатевшие во время революционного передела крестьяне, имеющие большее количество земли, скота, сельхозмашины, занимающиеся торговлей солью. Кроме того, этот кулак «закабальет крестьянское население, под видом зачастую оказания помощи». К третьей категории были отнесены владельцы небольших наделов, «трудовой нормы», которые живут за счет промышленных «предприятий» (мельница, толчея или крупорушка), нанимают для обработки земли и эксплуатации сельхозмашин рабочих. Помимо этого всегда имеют «вагона два хлеба» на продажу²⁸.

Анализируя эти определения, особенно первый тип кулацких хозяйств, мы сталкиваемся с проблемой, беспокоившей и власть, и крестьянство, — обогащения советского и партийного аппарата в годы нэпа, являвшегося естественным следствием развития рыночных отношений. Председатель губкома Разумов еще в 1923 г. поднимал вопрос о «хозяйственном обрастании» рядовых членов партии²⁹. Нэп предоставил возможность улучшить свое материальное положение путем подъема личного хозяйства, чем не преминули воспользоваться в том числе и те крестьяне, которые вступили в партию, тем более что вхождение в огосударвленную сферу для большинства полуграмотных (или вовсе неграмотных) граждан было продиктовано конъюнктур-

ными соображениями. Тяжелое материальное положение сельских коммунистов заставляло некоторых значительное время уделять своим хозяйствам. У коммунистов, совмещавших работу в своем хозяйстве с административной должностью, встречались солидные и крепкие хозяйства, причем иногда это связывалось с использованием служебного положения. Многие сознательно добивались должностей, дававших им возможность обеспечить себя материально. Кроме того, во время денационализации промышленности в 1921 г. коммунисты могли получить в аренду мельницу или другую машину. В конце нэпа партийцы, владельцы крепких хозяйств, вынуждены были по двойным стандартам проводить классовую политику на селе, что задевало беспартийное население.

В конце 1927 г. в Орловский губком и губпрокуратуру поступило дело из Малоархангельского укома, в котором указывалось, что во время хлебозаготовок и самообложения «кулацко-зажиточные» хозяйства коммунистов, занимающих ответственные советские посты, отрицательно отнеслись к проводимым мероприятиям: «Эти хозяйства опирались на авторитеты коммунистов своих родственников, всячески тормозили своевременному ходу кампаний, иронизировали местных работников, а когда принимались необходимые меры воздействия, то со стороны этих хозяйств бросались угрозы по адресу местной власти. Коммунисты же из этих хозяйств... брали под защиту свои хозяйства и использовали служебное положение»³⁰. Бюро укома, разбирая жалобы, вынесло вердикт: «1. Считать ненормальным наличие у коммунистов индивидуальных зажиточно-кулацких хозяйств. 2. Считать преступным со стороны коммунистов брать под свою защиту свои кулацко-зажиточные хозяйства от всяких государственных налогов»³¹. Нетрудно представить, какое раздражение вызывало это у местного населения.

В дальнейшем партработники все больше подчеркивали такое положение дел. Во время выступления на Второй окружной конференции ВКП(б) в феврале 1929 г. Никитин выделял «старый» и «новый» тип кулака. Оставшийся от прежней эпохи отживающий «старый кулак» привык к грубым формам эксплуатации, презирает Советскую власть и открыто ее ругает. Политически дальновидным является другой типаж, он «может хвалить советскую власть, но в то же время старается забиться в поры кооперации, коллективных хозяйств... он забирается в поры социалистических элементов деревни и разрушает их»³². В данном определении на первое место выступает потенциальная враждебность.

На основе приведенных примеров определения понятия «кулак» мы видим, что низовые партработники не проводили четкого разграничения на «классовое», «экономическое» и «имущественное» расслоение. «Социальное лицо» крестьянского хозяйства определяли главным образом по внешним признакам. В документах 20-х гг. в качестве методов дифференциации выступало деление хозяйства «по посевам», «по лошадям» и т.д. Применялись различные, часто произвольно комбинируемые сочетания имущественных признаков, иногда учитывалась и обеспеченность рабочими руками. Попытка вычлнить количественные показатели давала возможность в относительно бедной черноземной деревне отнести к кулацкому и середняцкий двор. А критерии аренды земли и найма рабочей силы были несостоятельны из-за вовлеченности в эти процессы всех слоев деревни, в том числе и бедняков. Иногда деревенские работники, чей кругозор был ограничен местом их пребывания, а окрестная деревня была проекцией всего крестьянского мира, определяли социальный тип хозяйства по обывательскому или бытовому принципу. В дополнение к внешним признакам в некоторых случаях учитывались и признаки эксплуатации, однако проследить их в сложной ткани деревенских отношений взаимозависимости, не фиксируемых юридически, было непростым делом.

При определении классовой принадлежности местные работники обращались и к социальному происхождению, и дореволюционному прошлому крестьянина. По их мнению, дореволюционное положение играло такую же роль, как и классовая принадлежность в данный момент. А социальное происхождение определяло политическую позицию: принадлежавший к эксплуататорам ранее крестьянин должен был сожалеть об уничтожении старого режима и враждебно относиться к новой власти. Это положение имело и обратный вектор действия. Отношение крестьян к власти определяло их социальное положение в глазах местных партийцев. Считалось, что союзником власти является бедняк, а противником — кулак, следовательно, если малоимущий поддерживает власть — он бедняк, а зажиточный крестьянин, критикующий власть, — кулак.

Политическая ангажированность понятия «кулак», размытость социально-экономических критериев накладывались на противоречия во внутридеревенской среде и рождали своеобразные крестьянские проекции, которые могли быть нацелены на кого угодно. На Первой окружной конференции групп бедноты 15 декабря 1928 г. крестьянка из Кромского района Панферова говорила: «Говорят о кулаке, что кулак и подкулачник —

это одно и то же, по-моему — тоже — что клоп, что клопенек, одно и то же — кусает одинаково»³³.

Размытые критерии давали различные определения количества кулацких хозяйств. Это было удобно и по политическим причинам, оставляя возможности для маневра и давления на крестьянство. Кулачество еще не оторвалось от крестьянства, оно было связано с ним бытовым укладом и личным участием в физическом труде. Процесс «раскрестьянивания» деревни, начавшийся в XIX веке, находился еще на ранней стадии, новые социальные слои, формировавшиеся в деревне, еще оставались слоями внутри крестьянства, сохраняя единство образа жизни и хозяйственных интересов.

На примере аграрного региона, мы видим, как тяжело местным работникам было выявить «кулака». Как отличить зажиточного от кулака, каковы признаки кулацких хозяйств, принимать ли во внимание социальную психологию крестьянства, — лишь небольшой перечень вопросов, которые стояли перед ними. Г.Ф. Доброноженко считает: «Местные работники определяли кулака по социально-экономическим и социально-политическим признакам, однако, определяющими до конца 20-х гг. они считали признаки социально-экономические»³⁴. К социально-экономическим она относит выделение «кулака» местными активистами по «внешним признакам» («форма зажиточности»), основанным на отождествлении кулака и крепкого зажиточного крестьянина, и как зажиточного крестьянина, эксплуатирующего односельчан. Социально-политические признаки определения она увязывает с представлением местных работников о том, что кулак — это крестьянин, настроенный против советской власти, «кулак — враг»³⁵. Нельзя не согласиться с выводом Доброноженко: «В социальных представлениях сельских и волостных работников, работавших в деревне и не порвавших связь с земледельческим трудом, очень сложно и противоречиво переплетались традиционные крестьянские взгляды на причины социального неравенства и новые политические идеи и реалии, своеобразно понимаемые людьми малограмотными, а иногда и элементарно неграмотными.

Противоречия между старыми традиционными и новыми представлениями и оценками, непонимание спускаемых сверху директив о признаках классовой принадлежности определили отсутствие у местных работников четких и ясных критериев «распределения крестьян по классам». «Классы» в своей деревне местные руководители определяли главным образом по «интуиции», исходя из субъективных личных оценок»³⁶.

Принимая во внимание деление Доброноженко, мы можем проследить и динамику местных властей в определении кулака. Если в середине 20-е гг. превалировали социально-экономические признаки, то в процессе нагнетания политической атмосферы в деревне в конце 20-х гг. на первый план выступили социально-политические критерии. Стал популярным тезис о возросшем сопротивлении кулака. В конце 1927 г. в ЦЧО была направлена телеграмма Молотова с призывом обрушиться на кулака. Угрозу срыва хлебозаготовок, подмену продовольственных культур кормовыми он классифицировал как «кулацкий маневр», требовал «принять немедленно все меры к пресечению этого кулацкого плана хлебозаготовок». В телеграмме также указывалось на необходимость проведения в срочном порядке нескольких показательных процессов «со строгим наказанием особо злостных кулаков и спекулянтов»³⁷. Во время «борьбы за хлеб» в ходе жестких хлебозаготовительных кампаний осенью 1927 г. эта виртуальная фигура была объявлена настоящим хлебным хозяином деревни, хотя власти прекрасно понимали, что основная масса хлеба содержится у основных производителей деревни — середняков. Главным политическим инструментом воздействия на держателей хлеба стало применение по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 февраля 1928 г. ст. 107 УК РСФСР: к уголовной ответственности привлекались лица, имеющие 2–3 тысячи пудов хлеба, но не вывозящие его. Это решение Политбюро во многих местах было не выполнимо, поскольку крестьян, имевших такое количество хлеба, практически не было. Но, тем не менее, постановление должно было выполняться. «Планку» применения статьи стали снижать, в Тамбовской губернии она была снижена до 500 пудов, на практике же судили тех, кто имел 200–300 пудов³⁸. В Ельце применение статьи начали с тех крестьян, которые имели 500–1200 пудов хлеба³⁹. В.А. Ильиных и О.К. Кавцевич считают, что применение ст. 107 имело не сплошной, а выборочный характер. «Нужно было не разорить крестьян, а напугать их». Но «главным объектом психологического давления» были не кулаки. «Репрессии против кулаков были направлены на то, чтобы заставить основных держателей хлеба — середняков — ускорить его реализацию»⁴⁰. Вывод на примере сибирской деревни о том, что кулаки не были основными держателями хлеба, правомерен и для Центрального Черноземья. Это можно подтвердить данными об экономическом состоянии орловского крестьянства к концу новой экономической политики.

В 1926 г., согласно динамической переписи, в составе орловской деревни находилось 32% зависимых хозяйств, 63,3% самостоятельных и 4,7% предпринимательских⁴¹. В самостоятельных или середняцких хозяйствах сосредотачивалась самая большая часть населения (70,8%), земли (71,5%), рабочей силы (91,6% лошадей) и средств производства (90,8% пахотного инвентаря и 69,4% усовершенствованных машин). Средняцкие хозяйства занимали центральное место и в сельскохозяйственном производстве, используя не только полностью свою земельную площадь, но и $\frac{2}{3}$ всей земли, сдаваемой в аренду. На них приходилась большая доля валового и чистого дохода от сельского хозяйства — 74,4% и 74,6%⁴². Что касается предпринимательских хозяйств, то, относительно своей малочисленности, они играли показательную роль в сельскохозяйственном производстве, являясь самыми доходными среди остальных. Но это был их личный показатель экономической успешности. Их доля в общем производстве — 9,6% — не была решающей, как это часто принято считать. Основная масса сельхозпроизводителей, середняки, отчуждая на рынок 133,7 условных единиц продукции, приобретала затем большую ее часть — 82,3 условных единиц, затрачивая на обратную покупку около 62 рублей из 100. И только предпринимательские хозяйства отчуждали продукции больше последующего приобретения, расходуя при этом 44,3 рублей из 100⁴³. Именно эта группа давала больше всего излишков, но их размеры были далеки от показателей, приписываемых партийными деятелями. Докладывая об итогах XIV партийного съезда на общегородском собрании членов ВКП(б) 7 января 1926 г. председатель Орловского губкома Борисов приводил следующие данные. «Мало того, что ЦСУ дал неточные сведения о товарных излишках в продуктах сельского хозяйства, он дал сведения, что эти излишки находятся в большей своей части у кулаков и у зажиточных крестьян, что 61% товарных излишков в продукции сельского хозяйства пойдут на рынок от кулаков и зажиточных мужиков, а когда НК РКИ усомнился в правильности этих цифр и произвел обследование работы ЦСУ, то нашел, что хлеб в продажу на городской рынок должен поступить, главным образом, от середняка — 48%, почти половина, и небольшой процент от маломощных крестьян, которые повезут не рожь, а овес и другие культуры, чтобы весной получить хлеб, и лишь 42%, а не 61% поступит от кулаков и зажиточных хозяйств»⁴⁴.

Большое влияние на рынок зажиточных хозяйств склонны видеть и современные исследователи. Так, В.А. Шалькова отмечает: «Бюджетные материалы по любой губернии показывают,

что те $\frac{3}{4}$ зерновых продуктов, которые поступали на рынок, отчуждались не всей крестьянской массой, а преимущественно более зажиточными, многопосевными и многоскотными группами. Эти группы не только снабжали города и за границу избытками своих продуктов, но и малоземельные, безхозяйственные, полупролетарские массы крестьян»⁴⁵. Н. Верт считает, что «кулаки, составлявшие 3–4% сельского населения, продавали $\frac{1}{5}$ часть зерна»⁴⁶. Сведения о рыночном обороте по Орловской губернии не позволяют согласиться с приведенными точками зрения. Согласно «Рыночному обороту продуктов сельского хозяйства в 1926 г.», доля предпринимательских хозяйств составляла 10% в валовом отчуждении и 15% в чистой продаже. Преобладающее значение на орловском рынке играли средние слои, которым принадлежало 77,5% валового отчуждения и 84,2% чистой продажи⁴⁷.

Таким образом, мы видим предвзятость и субъективность в определении «социального лица» кулацких хозяйств со стороны местных властей и несостоятельность обвинения «кулаков» в саботаже хлебозаготовок во время кризиса 1927/1928 г. Очевидно изменение отношения региональных партийцев под воздействием политической конъюнктуры. Если в середине 20-х гг. определяющими были социально-экономические критерии, то в конце 20-х — социально-политические. Это являлось необходимым условием наступления на деревню для внедрения социалистических механизмов выкачивания ресурсов под знаком раскулачивания и коллективизации.

Проблема расслоения крестьянских хозяйств в конце 20-х гг. была задачей номер один для партийных теоретиков и статистиков, при этом политические установки во многом опосредовали статистические выкладки. В П. Данилов обращает внимание на смену руководства ЦСУ в декабре 1925 г., когда сменилось руководство сельскохозяйственной статистикой. Стариков-земцев П.И. Попова и А.И. Хрящеву сменили молодые и исполнительные В.С. Немчинов и А.И. Гайстер. Как следствие, подчинение политике и предоставление удобных ей сведений⁴⁸.

Свидетельством тому является полемика, развернувшаяся на страницах журнала «Хозяйство ЦЧО». Дискуссия вокруг методов исчисления социальных групп в крестьянстве была завуалированной дискуссией о численности кулаков в черноземной деревне. Перед статистиками стояла нелегкая задача: как в бедном, оскудевающем районе насчитать необходимую для Москвы цифру кулацких хозяйств. Как следствие — использование многочисленных манипуляций.

В «Хозяйстве ЦЧО» № 1 за 1929 г. была опубликована статья И. Варгафтика «О расслоении»⁴⁹. В ней описывался метод определения крайних групп в сельском хозяйстве по признакам: 1) отделения средств производства от рабочей силы; 2) присвоение прибавочной стоимости. Автор утверждал, что работа по анализу расслоения крестьянства была форсирована в последние два месяца, в ЦЧО к началу 1929 г. было разработано 56000 хозяйств. Схема обследования строилась, исходя из установок Крицмана и Немчинова, отказывавшихся от «натуральных» показателей схемы Хрящевой, на основе которой вычислялась социальная структура в годы нэпа. Обследовались 42 динамических гнезда Воронежского округа. К крестьянским хозяйствам применялась комбинационная группировка хозяйства по 23 классификационным признакам (продавцы рабочей силы, сельскохозяйственное производство, промысловые хозяйства, не сельские хозяйства и т.д.) и 7 по стоимости средств производства. Далее при комбинации разных показателей, получались разные данные. «Предпринимательская» группировка по классификационным признакам оказалась в ЦЧО 1,83% (по РСФСР — 2,3%). По производственному принципу (сдача средств производства и наем рабочей силы) она составила в ЦЧО — 4,56%, в РСФСР — 5,8%⁵⁰. Классификация по стоимости средств производства, или мощности хозяйств, определила 2,5% мелкокапиталистических хозяйств в регионе. Под вопросом оставалась группа «зажиточных» (11,42%), в которую попали и полупролетарские хозяйства, имевшие средства производства, но не использовавшие их. Итоговая цифра в 2,5% показалась представителям этой методики низкой, поэтому детализировали группу «зажиточных», выделив в ней еще 15% кулаков по «натуральным» признакам, отмечая при этом, что проверочную таблицу самостоятельно нельзя использовать, т.к. «она учитывает только частичные хозяйственные моменты»⁵¹. При этом проверка зажиточных проводилась только по 10 из 42 гнездам и 1700 хозяйства, т.к. «разбивать все 6 с лишним тысяч хозяйств не имеет смысла, поскольку результаты получатся одинаковые»⁵². Поправочный коэффициент (15%) вылился в гипотетические 901 объектов, или 1,77% поправки к общему количеству обследованных хозяйств. Поправку прибавили к механически выявленным 2,5% и получили 4,27% «предпринимательского, т.е. кулацкого типа хозяйств»⁵³. Таким образом, процент кулаков натягивался искусственно, путем если не подтасовки, то, по крайней мере, выгодной, но весьма сомнительной

статистической комбинации способом манипуляции различными критериями (стоимость средств производства, найм, посевная площадь и т.д.). При этом анализа репрезентативности данных динамических гнезд для округа в целом не производилось, и совершенно не учитывалась хозяйственная разница между округами, входившими в область. Варгафтик, задавая себе резонный вопрос, «насколько верны вообще все приведенные показатели?», отвечал по схоластической партийной схеме: «Нет никакого сомнения, что принципиальная установка в подходе к материалу и его группировке более выдержана с марксистско-ленинской точки зрения, чем все до сих пор применявшиеся методы изучения расслоения»⁵⁴.

Оппонентом Варгафтика выступил С. Алексеев, опубликовав в 3 номере «Хозяйства ЦЧО» статью «Об изучении процессов расслоения крестьянского хозяйства»⁵⁵. Алексеев исходил из того, что «расслоение крестьянского хозяйства в ЦЧО протекает в специфических условиях оскудения области, которые накладывают своеобразный отпечаток как на формы расслоенности крестьянского хозяйства, так и на темп процессов расслоения». По его мнению, используемые ранее т.н. «натуральные» показатели — степень обеспеченности хозяйства тягловой силой и посевной площадью — довольно ясно намечали экономические особенности группового состава деревни. По этим признакам в Центральном Черноземье, по сравнению с другими районами Советского Союза, сильнее выражены средние слои и более «срезаны крайние фланги», что иллюстрирует таблица из «Статистического справочника СССР» за 1927 г.⁵⁶

Из табл. 3 видно, что две крайние верхние группы с посевом свыше 10 десятин в РСФСР составляли 3,2%, в производственной полосе 3,7%, на Северном Кавказе — 16,9%, в ЦЧО — 1,5%. Отставала от средних показателей по Союзу и обеспеченность в области лошадьми. Черноземье лидировало только в количестве безлошадников — 43,6%, это при том, что в РСФСР безлошадники достигали 30%. Дефицит тягловой силы коснулся в ЦЧО и группы «многолошадников». Число хозяйств с 4 рабочими лошадьми измерялось в 0,2%, с 3 лошадьми составляло также малозаметную величину — 0,6%, и только двухлошадные хозяйства насчитывали 5,8% (которых в орловской глубинке и было принято считать кулаками). «Группировка по лошадности, — делал вывод Алексеев, — отражает преимущественно середнячко-бедняцкий характер деревни». Особенно рельефно это видно в сравнении с другими регионами: в РСФСР хозяйств с 3–4

Таблица 3

	Группировка по посеву (десятиг)									Группировка по рабочему скоту (лошадей)					
	Без посева	0,1–2	2,1–4	4,1–6	6,1–10	10–16	Свыше 16	Итого	Без раб. лош.	1	2	3	4	Итого	
РСФСР	4,5	32,1	34,7	16,2	9,3	2,4	0,8	100	30,4	50,2	13,8	3,5	2,1	100	
Потребл. полуса	2,5	41,2	39,4	12,5	4,1	0,3	0	100	25,5	65,4	8,5	0,5	0,1	100	
Производ. полуса	5,1	24,5	34,0	20,3	12,4	2,9	0,8	100	35,7	49,4	11,1	2,5	1,3	100	
Сев. Кавказ	8,2	21,6	20,6	15,1	17,6	10,7	6,2	100	40,2	27	21,9	6,1	4,8	100	
ЦЧО	2,4	24,2	39,1	22,1	10,7	1,4	0,1	100	43,6	49,8	5,8	0,6	0,2	100	

головами рабочего скота насчитывалось 5,6%, в производящей полосе — 3,8%, на Северном Кавказе — 10,9%. Таким образом, в ЦЧО обеспеченных тягловой силой зажиточных хозяйств было в 8 раз меньше, чем в РСФСР, в 6 раз меньше, чем в потребляющей полосе, в 13,6 раз меньше, чем на Северном Кавказе. Выходил, что «в ЦЧО бедняк — это, главным образом, безлошадник, а середняк — только однолошадник, а уже среди двухлошадных немало кулаков. Иначе говоря, наш бедняк беднее северокавказского бедняка, наш середняк беднее их середняка, и, быть может, кулак обладает меньшими капиталами, чем на Северном Кавказе. Социальная расслоенность деревни ЦЧО вырастает на более низком экономическом фундаменте». Сравнивая различные районы страны, Алексеев выделил, что ЦЧО отличается: «1) значительную роль срединных хозяйственных групп и 2) общим пониженным хозяйственным уровнем». Отсюда следовал вывод, что «подходить к исследованию классового состава деревни ЦЧО с союзной меркой, с общесоюзной типологической схемой распределения хозяйств на классификационные, социальные или классовые группы невозможно, что схема дифференциации для хозяйств ЦЧО должна быть приспособлена к местным экономическим особенностям»⁵⁷.

Помимо замечаний о возможности использования нового правила статистического анализа, Алексеев критиковал Варгафтика за стремление подкорректировать прямые статистические данные с 2,5 до 4, 27%. «Таким образом, — заключает Алексеев, — поправка выражается внушительной цифрой — 70,8% по отношению к прямым подсчетам». Вторичное выделение мелкокапиталистических хозяйств в два с половиной раза превосходило число хозяйств, отнесенных к кулацкой верхушке по прямым подсчетам. Такая внушительная поправка стала возможной благодаря смешению разных принципов исследования — «принципов основной типологической схемы» и натуральным. «Очевидно, — язвил Алексеев, — И. Варгафтик допускает возможным производить количественные измерения классовых сил по натуральным признакам». Кроме того, «на основании натуральных показателей производится исправление численности группы, образованной на основе показателей социального порядка». Алексеев ставит под сомнение и возможность экстраполяции данных, полученных по гнездам бывшей Воронежской губернии на всю область, обращая внимание на то, что «бывшая Воронежская губерния выбирала гнезда наиболее высокоэкономического порядка, что, безусловно, является известным минусом». А при таком условии показатели зажиточ-

ных и кулацких хозяйств становятся завышенными. Алексеев не признавал 4,27% кулаков в области, вполне обоснованно доказав, что «деревенская верхушка исчислена неверно», к тому же «указанные цифры получены на основе проекта классовой группировки на примененной только в пробных работах ЦСУ СССР»⁵⁸.

В следующем номере «Хозяйства ЦЧО» И. Варгафтик ответил статьей «Против смазывания вопросов расслоения в ЦЧО», переводя дискуссию в политическую плоскость. Обвиняя Алексеева в теории «нивелировки», преуменьшающей процессы расслоения крестьянских хозяйств, он выразил идею, с которой можно было найти богатых даже среди бедных: «Нет и не может быть особых законов дифференциации для отдельного района. Расслоение как экономический процесс, не ослабляется от того, что данный район экономически отстал. Наоборот, чем более отсталым является район, тем процессы дифференциации выражаются сильнее, хотя это часто и происходит в форме скрытой для внешнего уловления и фактической регистрации»⁵⁹. Такую позицию можно назвать теоретическим обрамлением раскулачивания.

Таким образом, мы видим, как печатная полемика вскрывала механизмы статистических манипуляций для достижения необходимых «контрольных цифр» кулаков в бедной черноземной деревне.

Если в 1927–1929 гг. было только два опыта проведения статистического анализа в ЦЧО — орловский и воронежский, то к 1930 г. без серьезной критики появляется ряд данных по другим округам. В № 5/1930 г. «Хозяйство ЦЧО» вышла в свет статья С. Герасимович «Классовая структура крестьянства Курского округа»⁶⁰. Уже по названию можно понять, что все статистические разногласия о социальном расслоении уступили политической стороне вопроса. Автор в начале статьи обозначает разрыв со статистическим опытом 20-х гг.: «Убедившись в непригодности косвенных признаков характеристики социальных групп показателями натурального обеспечения основными средствами производства и размерами посевных площадей в натуральных выражениях, советская статистика в основу группировки положила комбинацию стоимости средств производства, формы их использования, и характер социально-экономических отношений, возникающих как внутри сельскохозяйственного производства, так и вне его»⁶¹.

Вместе с тем приведенный анализ помогает проследить ситуацию в социально-экономической динамике крестьянства, выделенного в категорию «мелкокапиталистические» в сложный пе-

риод 1928–1929 г. Из вычлененных 7181 хозяйств по пяти гнездам Курского округа 157 отнесли к этой группе. С 1927 по 1929 г. с ними произошли следующие социально-органические изменения: 77,1% остались в прежнем виде, 19,7% (почти в четыре раза выше средних показателей) разделились, 2,6% соединились и 0,6% вступили в колхоз. Герасимич назвал это «социальной мимикрией»: «Кулацкая почка, развиваясь, начинает выделять из себя новые хозяйства в несвойственном ни в одной группе размере, в незначительных случаях впитывает в себя другие хозяйства и даже пролезает в колхоз. Очевидно, значительные процессы в разделении хозяйств говорят о тех лазейках и той социальной мимикрии, к которой прибегают кулацкие группы в целях сокрытия своего истинного лица хозяйства, как эксплуататорского»⁶². Оставшиеся без органических изменений мелкокапиталистические хозяйства (1,9% ко всей массе хозяйств), претерпели за 2 года изменения экономические. Среди них с 5,8 до 9,9% возросло количество хозяйств без рабочего скота, с 1,7 до 4,1% увеличилось количество хозяйств без коров, в два раза сократилось количество арендующих хозяйств с 53,7 до 26,5%. С 71,1 до 69,4% уменьшился показатель владельцев машин, тогда как во всех других группах крестьянских хозяйств был заметен устойчивый рост (у полупролетарских до 347%, правда, при низких стартовых показателях). С 37,2 до 24,8% сократилось количество использующих наемный труд хозяйств, особенно это коснулось срокового найма свыше 50 дней (с 25,6 до 2,5%)⁶³. Итак, мы видим по всем экономическим признакам обеднение мелкокапиталистических хозяйств.

Автор статьи обращал внимание еще на одном виде социальных отношений, характеризующих пролетаризацию хозяйства, отпуск рабочей силы. Число отпускающих хозяйств этой группы увеличилось почти в 6 раз с 4,1 до 24%. По показателю «пролетаризация» (580%), мелкокапиталистические обошли пролетарские хозяйства в 6,3 раз (91,3), полупролетарские в 4,7 раз. Казус в схеме Герасимович объяснил тем, что кулак участвует своими средствами производства в чужом хозяйстве. «Кулак, ликвидируя наружные признаки и средства производства, используемые в чужом сельском хозяйстве, не порывая со своим хозяйством, обрабатывая земельный надел имеющимися сложными машинами, свободную рабочую силу выбрасывает на сторону в наем, отыскивает новый источник обогащения, вместе с тем приобретая пролетарский признак хозяйства»⁶⁴. Такой вывод никак не подкреплялся приводимыми автором данными в таблице⁶⁵ даже при всей относительности и возможности манипуляций, которые открывала новая классификационная схема.

Таблица 4

Классовые группы	Было хозяйств		Из 100 бывших в 1927 г. хоз-в к 1929 г. оказались в группах			
	В 1927 г.	% к итогу	Пролет.	Полупролет.	Мелко-товар.	Мелко-капит.
Пролетариат	237	3,8	48,9	39,7	11,4	—
Полупролетариат	1221	19,3	14,7	55,9	29,7	—
Мелко-товаропрод.	4747	75	0,9	10,5	88	0,6
Мелкокапитал.	121	1,9	—	0,8	90,1	9,1
Все группы	6326	100	5,3	20,1	74	0,6

Источник: Герасимович С. Классовая структура крестьянства Курского округа // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1930. № 5. С. 131.

Суммируя происшедшие экономические подвижки, получалось, что из 1,9% мелкокапиталистических хозяйств в 1927 г. к 1929 г. осталось 0,6%. Среди них 0,8% перешло в разряд полупролетариев, а 90,1% — в разряд мелкотоварных хозяйств и только 9,1% смогли удержать свои позиции. Признавалось также, что часть кулаков ушла в город. Политика государства в сфере сельского хозяйства в 1927–1929 гг., разорительные хлебозаготовительные кампании, переобложение зажиточных слоев крестьянства не могли пройти бесследно: «кулаков» при всей условности использования этого понятия разорили еще до раскулачивания.

В советской историографии существовал устойчивый миф о кулачестве как «эксплуататорском классе». В работе П.Н. Шаровой кулачество изображается в контексте идеи заговора, очень популярной в период тоталитаризма, ставшей идеологической составляющей борьбы за власть. «Кулачество явилось самым многочисленным эксплуататорским классом в СССР... Удельный вес кулачества в составе населения был незначителен — 3,7%, но его борьба против колхозного строя представляла большую опасность... Кулачество имело поддержку со стороны международной империалистической буржуазии. Внутри страны его активно поддерживали разбитые, но еще не добитые враги Советской власти — бывшие помещики, торговцы, капиталисты, белые офицеры, контрреволюционное духовенство и часть старых буржуазных специалистов. Таким образом, враги

Советской власти объединились для борьбы против политики коллективизации сельского хозяйства»⁶⁶.

Статистические выкладки по региону не подтверждают этот почти демонический образ разветвленной параллельной государственной власти структуры, в которой кулачество было основой. Ситуация в Центральном Черноземье подтверждает позицию В.П. Данилова и И.А. Ивницкого: «Чрезвычайные меры против кулацких хозяйств не ограничивались конфискацией хлебных запасов и части средств производства. Владельцы многих из них были осуждены по обвинению в спекуляции, что, как правило, вело к резкому уменьшению размеров хозяйств, а часто и к полной их ликвидации... Кулацкие хозяйства свертывали производство. Наиболее дальновидные кулаки тогда “самораскулачивались” и переселялись в города на стройки»⁶⁷.

В этом плане нельзя не согласиться и с мнением Загоровского: «В таких условиях реально зажиточные крестьянские хозяйства не могли сохраниться, они неизбежно оказывались разоренными... В конце 1920-х гг. в ЦЧО не существовал и не мог существовать какой-либо слой сельских эксплуататоров, крестьян, живших за счет чужого труда. Ложное утверждение о наличии в Области десятков тысяч кулацких хозяйств было необходимо ее руководству для оправдания тотальной коллективизации и раскулачивания»⁶⁸.

Примечательно, что при всей декларируемой поддержке бедноты и для них натиск на деревню не прошел бесследно: удельный вес пролетарской группы возрос на 139,5 с 3,8% до 5,3%. Политика фаворитизации бедноты оборачивалась расширением социальной базы в деревне за счет ее обеднения⁶⁹.

Таким образом, мы видим предвзятость и субъективность в социальной идентификации крестьянства в Центральном Черноземье в конце 1920-х гг. Проблема изучения расслоения крестьянства стояла перед местной властью на протяжении всех лет нэпа, но очевидный политический заказ на эту тему обозначился в период хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Изменение отношения местных партийцев к вопросу о расслоении деревни происходило под воздействием политической конъюнктуры. Если в середине 20-х гг. определяющими были социально-экономические критерии, то в конце 20-х — социально-политические. Проблема выделения «кулаков» была составной частью политики социального раскола деревни и фаворитизации бедноты, проводимой властью в конце 1920-х гг. Она готовила почву для раскулачивания и коллективизации. Поиск «кула-

ков», всколыхнувший все слои деревни, накладывался на бытовые и социальные противоречия в деревенской среде. Он касался и противоречий во внутривнутрипартийной среде, вызванных улучшением материального благополучия части деревенских коммунистов в период нэпа, воскресил к жизни реваншистские настроения сторонников «военного коммунизма». Критерии «кулака» для местной власти обернулись не только двойными стандартами в проведении их политики на селе, но и проверкой партийных рядов на прочность. Статисты в регионе использовали различные манипуляции для достижения необходимых «контрольных цифр» кулаков в бедной черноземной деревне. Очевидно, это являлось необходимым условием наступления на деревню для внедрения социалистических механизмов выкачивания ресурсов под знаком коллективизации. Анализ рыночной конъюнктуры ЦЧО демонстрирует ошибочность представления о наличии хлеба у кулаков. А экономическая эволюция крестьянских хозяйств в 1927–1929 г. показывает, что большинство из них разорилось и перестало существовать вообще в результате «борьбы за хлеб» большевиков накануне раскулачивания.

Резюме

В статье излагается специфика социального ранжирования черноземной деревни в конце 1920-х гг., демонстрируются различные варианты критериев выделения кулака представителями местной власти. Раскрывается субъективизм, размытость и относительность распространенных признаков, приводятся примеры произвольных определений местных функционеров. Автор анализирует ошибочность использования показателей аренды и наемного труда в качестве производственных критериев расслоения, выводит политический подтекст выявления зажиточного крестьянства. Прослеживается эволюция в определении кулацких хозяйств от социально-экономических к социально-политическим признакам, возникавшая под воздействием политической конъюнктуры. На примере полемики в журнале «Хозяйство ЦЧО» раскрываются способы статистических манипуляций с целью увеличения количества кулацких хозяйств в регионе. Доказывается несостоятельность представлений о кулаке, как о «хлебном хозяине» деревни, т.к. зажиточные хозяйства не являлись главными поставщиками хлеба на рынок. Динамика кулацких хозяйств в 1927–1929 г. показывает их разорение и перемещение в низшие социальные группы либо самоликвидацию.

Примечания

¹ Рогалина Н.Л. Зажиточное крестьянство деревни Российского центра в середине XX в. // Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 277–285.

² Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1238. Л. 56.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 33. Д. 425.

⁵ Профессор А. Челинцев, В. Матюхин, И. Никишин. Динамика крестьянского хозяйства (по материалам динамической переписи ЦСУ за 1920–1926 годы). М., 1928. С. 12–13.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 612.

⁸ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1236. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л. 38.

¹¹ Там же. Л. 43–44.

¹² Там же. Д. 1873. Л. 40.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 42об.

¹⁶ Там же. Д. 1892. Л. 66.

¹⁷ Там же. Л. 67.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. Орел, 1928. С. 98.

²⁰ Там же. Л. 88.

²¹ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 50. Л. 88.

²² Воронов И. Наемный труд в сельском хозяйстве ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 2. С. 140, 144.

²³ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1892. Л. 68.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 70.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. Орел, 1928. С. 71–72.

²⁸ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1892. Л. 78.

²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 85. Л. 4.

³⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2036. Л. 89.

³¹ Там же. Л. 92.

³² Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 176. Л. 21.

³³ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 161. Л. 14.

³⁴ Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. СПб., 2008. С. 273.

³⁵ Там же. С. 273–276.

³⁶ Там же. С. 279.

³⁷ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–7.

³⁸ Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933). Тамбов, 2005. С. 41.

- ³⁹ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2109. Л. 110.
- ⁴⁰ Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. / Под. ред. В.А. Ильиных, С.К. Кавцевич. Новосибирск, 2006. С. 243.
- ⁴¹ Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. Орел, 1928. С. 14.
- ⁴² Там же. С. 17.
- ⁴³ Там же. С. 19–20.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1494. Л. 24.
- ⁴⁵ Шалькова В.А. Зерновая проблема в 1920-е годы: Автореф. дисс. ... М., 1997. 24 с.
- ⁴⁶ Верг Н. История советского государства. М., 1994. С.178.
- ⁴⁷ Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. Орел, 1928. С. 19–20.
- ⁴⁸ Данилов В.П. Ведение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 1. М., 1999. С. 17.
- ⁴⁹ Варгафтик И. О расслоении // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 1. С. 22–32.
- ⁵⁰ Там же. С. 25.
- ⁵¹ Там же. С. 27.
- ⁵² Там же. С. 28.
- ⁵³ Там же. С. 29–30.
- ⁵⁴ Там же. С. 31.
- ⁵⁵ Алексеев С. Об изучении процессов расслоения крестьянского хозяйства // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 3. С. 112–125.
- ⁵⁶ Там же. С. 112.
- ⁵⁷ Там же. С. 113–114.
- ⁵⁸ Там же. С. 115–117.
- ⁵⁹ Варгафтик И. Против смазывания вопросов классового расслоения в ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 4. С. 149.
- ⁶⁰ Герасимович С. Классовая структура крестьянства курского округа // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1930. № 5. С. 126–132.
- ⁶¹ Там же. С. 126.
- ⁶² Там же. С. 127.
- ⁶³ Там же. С. 128–129.
- ⁶⁴ Там же. С. 130.
- ⁶⁵ Там же. С. 131.
- ⁶⁶ Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. М., 1963. С. 120.
- ⁶⁷ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 г. / Под ред. В.П. Данилова, И.А. Ивницкого. М., 1989. С. 23–24.
- ⁶⁸ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 69.
- ⁶⁹ Герасимович С. Классовая структура крестьянства курского округа // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1930. № 5. С. 131, 132.

Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири

В Сибири Советское государство унаследовало динамично развивающееся сельское хозяйство. Сооружение Транссибирской магистрали позволило увеличить масштабы крестьянского переселения и наладить вывоз сельхозпродукции. Посевные площади в крае с 1897 по 1914 г. увеличились в 3,5 раза. Среднегодовой валовой сбор хлебов в регионе в 1911–1915 гг. составлял 236,6 млн пудов, что на 60% превышало показатель 1901–1905 гг.¹ Еще более быстрыми темпами развивалось товарное производство животного масла, 80–85% которого вывозилось за границу. В 1894 г. из Сибири вывезли 400 пудов масла, а в 1906 г. — 3 млн, в 1913 г. — 5,7 млн пудов. Ставка на товарное маслоделие определяла первоочередное наращивание поголовья крупного рогатого скота (КРС). В Томской губернии его численность с 1897 по 1914 г. увеличилась почти в 2 раза².

Начавшаяся Первая мировая война не сразу остановила поступательное движение сибирского сельского хозяйства. Количество всех видов скота в регионе росло до 1916 г. включительно. И лишь в 1917 г. усиленный армейский спрос на мясопродукты в сочетании с прекращением экспорта животного масла вызвал сброс поголовья. В то же время постоянно растущий спрос на хлебодукты стимулировал развитие зернового производства. Положение не изменила и монополизация хлебного рынка государством. Государственную монополию на хлеб сибирское крестьянство успешно саботировало. По данным В.М. Рынкова, наращивание посевов зерновых культур продолжалось в 1917–1919 гг.³ Их сокращение в 1920 г. стало следствием активных военных действий, развернувшихся на территории региона в конце 1919 — начале 1920 г.

Основным содержанием аграрной политики Советского государства в Сибири с момента возникновения в регионе властных структур в конце 1917 — начале 1918 гг. являлась легитими-

* Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук (Институт истории Сибирского отделения РАН).

зация, нормативное оформление аграрной революции «снизу» и даже отчасти попытка ее сдерживания, ограничения определенными рамками. Декрет о земле не был подарком крестьянам от новой власти, он лишь санкционировал начатый без ее ведома и участия необратимый процесс. Специфика аграрных преобразований в Сибири заключалась в том, что изменения в сфере землепользования в регионе были не столь радикальными, как в европейской части страны. «Черного передела» в Сибири не было. За крестьянами были фактически закреплены ранее использовавшиеся ими земли, включая кабинетские. Безземельные и малоземельные крестьяне получали прирезку земли в основном из бывших казенных, частновладельческих и монастырских земель.

Не дав сибирским крестьянам сколько-нибудь существенной прибавки в землепользовании, Советское правительство с целью налаживания продовольственного снабжения городского населения приступило к принудительному изъятию у крестьян хлебных запасов. По мере установления продовольственной диктатуры возрастало разочарование крестьянства в советской власти. Именно это послужило главной причиной ее свержения в Сибири летом 1918 г.

После реставрации советской власти в конце 1919 — начале 1920 г. в Сибири произошел возврат к нормам, провозглашенным в Декрете о земле. При этом сибирские власти учитывали местную специфику. Наделы основной массы зажиточных крестьян практически не подвергались перераспределению. В землепользовании ограничивались лишь наиболее крупные хозяйства. Малоземельные и безземельные крестьяне по-прежнему наделялись землей за счет свободных угодий. Полный запрет аренды земли и найма рабочей силы не вводились. Не разрешались только аренда земли, связанная с привлечением наемной рабочей силы, и ее наем, не вызванный объективной необходимостью (болезнь, стихийное бедствие).

О степени влияния на сельское хозяйство Сибири советских земельных преобразований можно судить по тому, что площадь надельной крестьянской земли в регионе с начала революции до мая 1922 г. возросла на 2%⁴. Гораздо большее значение и для взаимоотношений крестьянства с советской властью, и для развития аграрного производства имела продовольственная политика. С декабря 1919 г. хлебозаготовки в регионе велись «самотеком», т.е. путем практически бесплатных добровольных поставок крестьянами зерна. Однако в силу того, что собираемого таким образом хлеба и других продуктов для нужд Совет-

ского государства было недостаточно, большевистское руководство летом 1920 г. установило режим полномасштабной монополии на сельхозпродукцию, которая, за вычетом исчисленного по т.н. классовому принципу потребительского и производственного минимума, стала изыматься по разверстке, доведенной до каждого села, а затем двора. Выполнение продразверстки обеспечивалось жесткими репрессивными мерами.

Конфискационный характер продразверстки, массовый террор по отношению к сельским жителям при ее осуществлении вызвали ожесточенное сопротивление крестьянства. Масштабные антисоветские вооруженные выступления на Алтае, в Томской губернии, с трудом подавленное Западно-Сибирское восстание, антоновщина, Кронштадт, угроза всеобщего взрыва в деревне вынудили большевистский режим уступить крестьянству, требовавшему установления строго фиксированных обязательств перед государством и разрешения свободной торговли излишками сельхозпродукции.

В марте 1921 г. было принято решение об отмене продразверстки. Государство становилось собственником только части произведенной продукции, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное ее количество оставалось в распоряжении крестьянина и могло быть использовано как для внутривоспроизводственного потребления или накопления, так и для продажи (обмена). Доходы, полученные крестьянином на рынке, должны были создать базу для восстановления собственного хозяйства. Государство, в свою очередь, брало на себя обязательство помочь этому процессу, оказав деревне экономическую помощь.

Однако первый продналог не принес облегчения сибирскому крестьянству. В условиях катастрофического неурожая в Поволжье и связанного с ним голода Сибирь получила завышенное налоговое задание. Его ставки по хлебопродуктам (20% от валового сбора по региону в целом и 31% — по Алтайской губернии) значительно превосходили средние ставки по стране (10–11% от валового сбора). На Алтае размер налога достигал 96% от фактически выполненной разверстки 1920/21 г., по Сибири — 69%⁵. К тому же продразверстка выполнялась в значительной мере за счет излишков от урожая предшествующих лет, тогда как натуральный налог предстояло выполнить только из урожая недородного 1921 г. Причем собирался налог не менее драконовскими методами, чем продразверстка. В итоге у части населения не осталось необходимого количества семенного зерна. Тяжелым для исполнения оказался и продналог 1922/23 г.

Хлеба в его рамках было собрано на 17% меньше, чем в 1921/22 г., а посевы зерновых в 1922 г. снизились на 25%⁶.

Сверхнормативное изъятие произведенной крестьянами продукции в рамках продразверстки и продналога привело к тому, что они потеряли всякий стимул к ведению товарного хозяйства и стали уменьшать производство сельхозпродукции до потребительских норм. Положение усугублялось сильным неурожаем зерновых и трав в 1920 и 1921 гг. Нехватка кормов вызвала бескормицу и соответствующий падеж и забой скота.

В результате сокращения крестьянами размеров своих хозяйств и неурожаев произошло резкое падение уровня сельскохозяйственного производства, которое приобрело характер полномасштабного кризиса. Посевные площади в регионе в 1922 г. составляли 60% от уровня 1920 г. В 1922 г. зерновых в регионе было собрано в 1,6 раза меньше, чем в неурожайном 1920 г.⁷ Поголовье КРС за 1920–1922 гг. уменьшилось на 17%, лошадей — на 13, овец и коз — на 10, свиней — на 50%. Общее снижение поголовья КРС по сравнению с максимальным дореволюционным показателем 1916 г. составило 37,5%, по дойному стаду — 36,3%. На 1922 г. пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. За сезон маслозаводы региона произвели всего 500 тыс. пудов товарной продукции, или 14% от уровня 1913 г. (в территориальных рамках Сибирского края)⁸. В конце 1921 — начале 1922 г. в неурожайных районах Алтайской, Новониколаевской и Омской губерний начался массовый голод. Зимой 1922/23 г. голод возобновился.

Хозяйственная ситуация в сибирской деревне несколько улучшилась лишь в 1923 г. в связи с уменьшением и упорядочением налогообложения и расширением семенной и иной помощи крестьянству. Площадь посева в регионе выросла на 22%, количество коров — на 5,2 (при увеличении общего поголовья КРС на 1,3%), овец — на 31%⁹.

В дальнейшем, по мере развертывания нэпа в сибирской деревне, тенденция поступательного развития аграрной экономики сохранилась. В 1924 г. возобновилось регулярное снабжение деревни сельскохозяйственным инвентарем и машинами, расширилось ее землеустроительное, агрономическое и зооветеринарное обслуживание, существенно возросло кредитование селян. Восстанавливалась и развивалась сельскохозяйственная кооперация. Налаживалось товароснабжение деревни, осуществляемое через постоянно растущую сеть потребительской кооперации. Отмена натурального налога в январе 1924 г. расширила сферу товарно-денежных отношений и способствовала наращиванию объемов реализации крестьянской продукции.

При этом значительно выросли закупочные цены на сельхозпродукты, которые во второй половине 1922 и 1923 г. держались в регионе на крайне низком уровне.

В 1925 г. в ходе практического осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне» был проведен ряд дополнительных мероприятий, отвечающих интересам крестьянства. С целью стимулирования товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Увеличивались ассигнования на землеустройство, первоочередной задачей которого считалась рационализация общинного землепользования путем перехода крестьян к многополью и выделению поселков. Снизилось налогообложение деревни¹⁰. С целью стимулирования товарности крестьянских хозяйств проводились меры по либерализации аграрного рынка. Отменялись широко практиковавшиеся на местах ограничения на частную торговлю в деревне.

Все это способствовало быстрому восстановлению сельского хозяйства. Чтобы закрепить и развить успех, специалисты сибирских земельных органов к концу 1925 г. разработали Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края, в котором предлагалась программа превращения Сибири в течение последующей четверти века в район интенсивного сельского хозяйства, имеющего преимущественно экспортный характер. В качестве социальной базы реконструкции аграрного сектора в нем рассматривались индивидуальные крестьянские хозяйства, производственный потенциал которых многократно увеличивался за счет их объединения в специализированные виды сельхозкооперации и перехода к более интенсивным агротехнологиям. Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводческой и племенной работе. Те же функции возлагались и на совхозы. Тем самым в «Перспективном плане» предлагался «третий путь» решения агро-крестьянского вопроса, отличный как от традиционного капиталистически-фермерского, так и от грядущего сталинско-колхозного. При этом его авторы опирались на разработанные А.В. Чайновым теории «устойчивости крестьянского хозяйства», «дифференциального оптимума» и «кооперативной коллективизации»¹¹. Следует также отметить, что ставка на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства в середине 1920-х гг. в це-

лом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрном вопросе.

Однако уже в 1926 г. началась корректировка аграрной политики. Вновь стал применяться так называемый классовый подход, в соответствии с которым помощь со стороны государства в первую очередь предоставлялась беднякам, затем середнякам, зажиточные же слои от нее постепенно отлучались и, более того, ставились под возрастающий налоговый пресс. «Классовый подход» проявился и в кооперативной политике. Партийно-советские структуры вели постоянную борьбу по недопущению в руководящие органы кооперации зажиточных крестьян. Низовые кооперативы и кооперативная сеть в целом лишались самостоятельности и попадали под жесткий контроль партийных и государственных органов. Ужесточилась позиция государства и в области регулирования аграрного рынка. Вновь была восстановлена практика жесткого регулирования заготовительных цен на сельхозпродукцию.

Несмотря на зигзаги политики Советского государства, аграрный сектор сибирской экономики в середине 1920-х гг. восстанавливался достаточно быстро. С 1923 по 1928 г. посевные площади в регионе выросли на 56%, число овец — на 102, КРС — на 84, коров — на 61, лошадей — на 39%¹². Опережающими темпами развивалось зерновое хозяйство. В 1926/27 г. площадь посева зерновых в Сибирском крае от уровня 1913 и 1920 г. (в сопоставимых границах) соответственно составляла 104 и 94%, площадь, занятая пшеницей, — 114 и 100%, валовой сбор зерновых — 128 и 162%. Среднегодовой вывоз зерна из региона в 1925/26–1927/28 гг. в 1,7 раза превышал уровень 1914–1916 гг.¹³

Более медленно восстанавливалось промышленное маслоделие. В 1926/27 г. валовое производство животного масла в Сибири достигло 3608 тыс. пудов, товарное производство — 2514 тыс., вывоз за пределы региона — 2160 тыс., экспорт — 1466 тыс. пудов, что от уровня 1913 г. соответственно составляло 84, 62, 55 и 40%¹⁴. Развитие маслоделия в середине 1920-х гг. сдерживалось кормовой проблемой, возникшей в связи с массовой распашкой пастбищ и сенокосов. Не стимулировал данную отрасль и уровень закупочных цен, установленный монополизировавшим рынок государством. Но главная причина недостаточных темпов развития молочного животноводства заключалась в низкой товарности мелких крестьянских хозяйств¹⁵. Расширению их размеров препятствовал применяемый большевистским режимом экономический и политический прессинг по отношению к более зажиточным жителям деревни.

Низкая товарность крестьянских хозяйств сказывалась и на показателях зерноводства. В Сибири уровень его товарности по сравнению с довоенным периодом практически не изменился¹⁶, а рост валового производства был обеспечен увеличением посевных площадей и серией относительно высоких урожаев. В целом же по стране во второй половине 1920-х гг. товарность зернового хозяйства была меньше, чем в предвоенные годы¹⁷. Экспорт хлеба из СССР даже в лучшие годы едва достигал четвертой части от его дореволюционных размеров¹⁸.

Небольшое снижение производства зерновых в 1927/28 г. в сочетании с ценовым волюнтаризмом вызвало в Сибири и в стране в целом острый хлебозаготовительный кризис. Крестьяне, недовольные не соответствующим конъюнктуре низким уровнем закупочных цен, минимизировали реализацию выращенного ими зерна. Приехавший в начале 1928 г. в Сибирь И.В. Сталин возложил вину за заготовительный кризис на кулачество и дал санкцию на переход к чрезвычайным методам изъятия хлеба¹⁹. Отказ от продажи государству и хранение зерна сверх установленных потребительских норм признавались спекуляцией и карались в соответствии с нормами уголовного права (ст. 107 УК РСФСР). Тем самым на практике был дезавуирован базовый принцип нэпа, в соответствии с которым крестьянин имел право свободного распоряжения произведенной продукцией.

В конце 1920-х гг. экономический и административный нажим на состоятельные слои деревни еще более усилился. В 1928/29 г. были введены надбавки к налогу на зажиточные средняцкие хозяйства (до 25%) и осуществлен переход к индивидуальному обложению хозяйств, относимых к категории кулацких²⁰. Был введен запрет кредитования и машиноснабжения последних. Ужесточились правила найма рабочей силы и аренды земли. Началось принудительное лишение «кулаков» земельных наделов за систематическое использование найма, сокращение посевов, антисоветскую агитацию. Весной 1929 г. государство фактически восстановило продразверстку, названную на сей раз «урало-сибирским методом» заготовок. Большая часть доведенного до села заготовительного задания (от 60% и более) возлагалась на зажиточных крестьян²¹.

Экономическое и политическое наступление на зажиточных крестьян приводило к их разорению, консервации мелкотоварности крестьянской экономики и замедлению темпов развития сельского хозяйства в целом. Отрицательные последствия аграрной политики в первую очередь сказались на животноводстве. Согласно данным весенней переписи 1929 г., сокращение

поголовья лошадей в единоличных хозяйствах составило 2,8%, КРС — 8,3, коров — 7,6, свиней — 4,7%²². Летом и осенью сброс стада стал еще более интенсивным. В октябре 1929 г. овец в Сибири стало на 40,1%, свиней — на 21,7, КРС — на 22,3, коров — на 16,8, лошадей — на 5,7% меньше, чем в мае того же года²³.

Снижение объемов сельскохозяйственного производства подрывало возможность осуществления принятой в конце 1920-х гг. лидерами коммунистической партии программы ускоренной индустриализации страны, в рамках которой крестьянству отводилась роль основного источника материальных и людских ресурсов. В связи с этим большевистский режим принимает решение перейти к массовой коллективизации.

Задача развертывания «сплошной коллективизации» была поставлена ноябрьским (1929 г.) пленумом ЦК ВКП(б). 5 января 1930 г. ЦК компартии дал директиву завершить ее в основном в главных зерновых районах осенью 1930 г. или весной 1931 г., в других зерновых районах, включая Сибирь, — осенью 1931 г. — весной 1932 г. В регионах с одобрения Центра этот процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года²⁴. В этих условиях местные власти усилили нажим на деревню. На 20 января 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 10,6% крестьянских хозяйств, на 10 февраля — 31,8, на 10 марта — 52,9%. Составной частью коллективизации и одним из основных средств ее осуществления была насильственная экспроприация хозяйств, относимых к кулацким, — раскулачивание.

Результатом «большевистского натиска» стало падение производительных сил сельского хозяйства, особенно ошутимое в животноводстве. Забой скота приобрел характер массовой «эпидемии». Поголовье лошадей в Сибирском крае в 1930 г. по сравнению с 1929 г. уменьшилось на 24%, КРС — на 39, коров — на 25, овец и коз — на 42, свиней — на 68%. Заготовки животного масла снизились в 2 раза. В ряде округов Юго-Западной Сибири ситуация была близка к катастрофической. Так, в Каменском округе поголовье лошадей в марте 1930 г. было на 35%, КРС — на 48, коров — на 31, овец — на 56% меньше, чем в начале лета 1929 г. Свиноводство в округе было практически уничтожено. В колхозах и крестьянских хозяйствах насчитывалось 27,8 тыс. свиней, или 5% от уровня 1929 г. В итоге за год потери сибирского животноводства оказались значительно большими, нежели за два кризисных года в начале 1920-х гг. (см. выше). Сокращение посевных площадей в 1930 г. составило 16%, посевов зерновых — 19%²⁵.

С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, режим скорректировал свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. Крестьяне стали в массовом порядке выходить из колхозов. Уровень коллективизации в Сибири к 1 июня 1930 г. снизился до 19,8%²⁶.

Однако уже в конце 1930 г. начался новый штурм единоличной деревни. Налоговый нажим, ограничение землепользования, политическое и административное давление, постоянная угроза экспроприации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. В 1931 г. была проведена еще более широкомасштабная, чем в предыдущем году, операция по высылке жителей деревни, относимых к «кулакам».

Усиление нажима на деревню привело к нарастанию темпов коллективизации. В начале 1931 г. в колхозах состояло около $\frac{1}{5}$ крестьянских хозяйств региона, в мае — более трети, летом — уже более половины, к концу года — $\frac{2}{5}$ ²⁷. Удельный вес крестьян-единоличников в общей площади посева к концу 1931 г. в Западно-Сибирском крае составил 8,3%, в поголовье лошадей — 36,3, КРС — 34,5, овец и коз — 30,4, свиней — 35,3%²⁸ и продолжал снижаться. Таким образом, аграрная экономика Сибири в течение 1931 г. перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — ее базовой производственной ячейкой. Организационно-производственной основой новых аграрных отношений являлись колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне. Колхозы, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Важной составляющей колхозного строя были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников. Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования.

Следствием скоротечного реформирования аграрного строя стало сокращение объемов сельскохозяйственного производства. Наиболее ощутимые потери понесло животноводство. В Западно-Сибирском крае поголовье лошадей в 1932 г. снизилось по сравнению с 1929 г. в 2,2 раза, крупного рогатого скота — в 2,1, коров — в 1,8, овец и коз — в 3,6, свиней — в 4,6 раза²⁹. Снижение производства растениеводческой продукции было не столь глубоким, но, тем не менее, ощутимым. Общее снижение посевной площади в Сибири в целом состави-

ло 10%. В 1932 г. зерновых было засеяно на 15%, а собрано на 20% меньше, чем в 1929 г. При этом следует учитывать, что урожайность зерновых в 1929 г. уступала показателям 1932 г.³⁰ Несмотря на существенное снижение валового сбора, по хлебозаготовкам 1932/33 г. из западносибирской деревни изъяли в 1,7 раза больше зерна, чем в 1929/30 г.³¹

Базовыми факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве были сверхнормативное изъятие сельхозпродукции, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и отсутствие у колхозников стимулов к труду. К беспрецедентному падению поголовья привели массовый забой животных крестьянами, не желавшими сдавать их в колхозы; сдача скота в счет завышенных планов мясозаготовок; падеж, связанный с низким качеством ухода и нехваткой кормов.

Несмотря на снижение производства, государство требовало от крестьян все больше продукции. Функционировавшая в начале 1930-х гг. контрактационная система заготовок сельхозпродукции отличалась нестабильностью заготовительных планов, которые в течение года могли неоднократно меняться в сторону увеличения. При этом дополнительные задания (т.н. встречные планы), как правило, получали колхозы, достигшие более высоких урожаев и выполнившие планы. Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их каких-либо стимулов для расширения производства.

Поскольку практически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. ЛПХ у большинства колхозников в этот период сводились лишь к небольшому огороду. Отчуждение сельхозпродукции, а также сохранность колхозной собственности обеспечивались внеэкономическим принуждением и массовыми репрессиями. 7 августа 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», которое для расхитителей таковой предусматривало расстрел или 10 и более лет лишения свободы при смягчающих обстоятельствах. При любом приговоре все имущество подлежало конфискации. Постановление имело обратную силу, отрицало возможность амнистии осужденным и не определяло каких-либо количественных параметров, по достижении которых следовало уголовное преследование³². Приговор мог быть вынесен за хищение нескольких колосков. Отсюда более известное в народе название постановления — «закон о колосках». В 1931–1932 гг. превратившиеся в настоящий грабеж деревни хлебозаготовки и массовое принуди-

тельное изъятие у крестьян скота для формирования колхозных ферм вызвали массовый голод.

В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встала задача восстановления разрушенного ими сельского хозяйства. В рамках реализации данной задачи прежде всего была реформирована система госзаготовок. Контрактацию основных видов сельхозпродукции заменили обязательными поставками, которые имели юридически оформленный налоговый характер. Налагать на сдатчиков дополнительные задания запрещалось, а все «излишки» продукции после завершения поставок должны были оставаться в их «полном распоряжении».

Подъему сельского хозяйства должны были способствовать его механизация и улучшение агротехники. В 1933–1937 гг. количество тракторов в Сибири увеличилось в 3,2 раза, комбайнов — в 10,7, автомобилей — в 7,1 раза. Число МТС, в которых сосредоточивалась техника для обслуживания колхозов, возросло в регионе в 2,2 раза³³. Задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов выполняли созданные в 1933 г. политотделы МТС и совхозов. С одной стороны, они были призваны помочь наладить в колхозах учет и организацию труда, а с другой — очистить их от «классово-враждебных элементов».

Массовые чистки колхозов вкупе с относительным улучшением положения единоличного крестьянства по сравнению с колхозным привели к замедлению и даже приостановке темпов коллективизации. На 1 июля 1933 г. в Западно-Сибирском крае ее уровень составлял 68,7%, на 1 января, 1 апреля и 1 июля 1934 г. — 68,2%³⁴. С тем чтобы преодолеть данную ситуацию, правящий режим в конце 1934 — 1935 г. резко усилил политический и экономический прессинг на единоличников. Основным инструментом их разорения стало денежное налогообложение, которое приобрело откровенно реквизиционный характер. Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае в 1934/35 г. увеличились в 3 раза, а в следующем, 1935/36 г. — еще в 1,5 раза³⁵.

Параллельно с усилением давления на единоличников власти пошли на относительное смягчение государственной политики в отношении колхозов и колхозников. Были упразднены терроризирующие крестьян политотделы МТС, снизился размах репрессий. Сократился уровень денежного налогообложения колхозников. Принимались меры к стимулированию развития их личных подсобных хозяйств. Местные власти обязывались ликвидировать «бескоровность» ЛПХ, оказав колхозникам помощь в приобретении и выращивании молодняка. Колхозам, в

свою очередь, следовало организовать продажу скота своим членам. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом. Преференции, предоставляемые колхозникам, были призваны, с одной стороны, побуждать единоличников вступать в колхозы, а с другой — улучшить достаточно тяжелое материальное положение колхозного крестьянства.

Подобная политика привела к ускорению коллективизации деревни. В Западной Сибири на 1 июля 1935 г. в колхозах состояло 82,9%, на 1 июля 1937 г. — 94,0% крестьянских дворов, в Восточной Сибири — соответственно 78,9 и 91,1%³⁶. Позитивные сдвиги произошли в сельском хозяйстве. С 1933 г. начался рост зернового производства, а с 1935 г. — животноводства. В 1937 гг. посевные площади в Сибири выросли по сравнению с 1932 г. на 27,6%. Валовой сбор зерновых в 1937 г. в 1,5 раза превосходил уровень 1932 г. С 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. поголовье КРС в регионе увеличилось на 31%, коров — на 21, овец — на 61, свиней — на 21%³⁷.

Тем не менее поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции не была достигнута. Не выполнили своих пятилетних планов и сибирские власти. Наиболее отстающей отраслью оставалось животноводство. К концу 1937 г. скота в регионе было меньше, чем в 1928 г. (лошадей — на 52%, КРС — на 28, коров — на 33, свиней — на 39, овец — на 52%). При этом значительная часть продуктивного скота находилась в индивидуальном пользовании. В конце 1937 г. в Новосибирской области в ЛПХ колхозников, рабочих и служащих находилось 48% КРС, 58% коров, 56% овец и коз, 60% свиней³⁸. Естественно, что на личном подворье животные получали надлежащие уход и кормление и давали соответствующую отдачу. Что же касается колхозного животноводства, то его продуктивность росла крайне медленно. К числу факторов, сдерживающих его развитие, относились низкий уровень кормопроизводства, недостаток специализированных помещений, неудовлетворительный уход за животными. Достаточно высоким оставался падеж, особенно молодняка, который резко возрастал в недородные годы.

Несмотря на увеличение по сравнению с доколхозным периодом посевных площадей (в 1937 г. в Сибири пашни было засеяно на 25% больше, чем в 1928 г.³⁹), зерновая проблема ни в регионе, ни в стране в целом также не была решена. Урожай хлебов оставались неустойчивыми и имели тенденцию к посто-

янному снижению. Забвение доказавших свою эффективность агротехнических основ земледелия и внедрение новых приемов обработки почвы привели к падению плодородия почв. Резко возросли потери при уборке.

Таким образом, коллективизация привела к ухудшению качественных показателей сельского хозяйства. В то же время обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов (принудительная товарность) существенно возрос. Базовым инструментом сверхнормативного изъятия сельхозпродукции стали колхозы, манипулировать которыми было значительно легче, нежели дисперсной массой крестьянских хозяйств.

Недостаточные темпы развития сельского хозяйства в первую очередь определялись продолжающим оставаться высоким уровнем налогового-податного обложения колхозов. Помимо обязательных поставок, нормы которых в середине 1930-х гг. несколько снизились, на них возлагалось выполнение еще ряда натуральных податей — натуроплаты за работы МТС, госзакупа, гарнцевого сбора. Наиболее обременительной из них являлась натуроплата, размеры которой постоянно росли в связи с увеличением объемов сельхозработ, выполняемых МТС. Попытки же колхозов отказаться от дорогих и часто некачественных услуг МТС и проводить сельскохозяйственные работы своими силами квалифицировались как «оппортунистическое игнорирование новейшей техники» и жестко пресекались.

В этих условиях оплата труда колхозников оставалась крайне низкой, что не создавало стимулов к повышению его производительности. Многие колхозники предпочитали работать в личном хозяйстве. На «общественных» полях и фермах большинство из них трудились «спустя рукава». Рабочий день во многих колхозах даже в период уборочной начинался в 10–11 часов утра и заканчивался в 17–19 часов вечера, сопровождался большим количеством перекуров и простоев.

Показателем отчуждения крестьян от «общественной» собственности стал слоган: «Не свое — колхозное», ставший своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Сельские жители пытались похитить зерно везде, где отсутствовала охрана, выкашивая его на полях, срезая колосья, собирая на стерне, забирая из скирд, возков, токов и амбаров. Хищения в более крупных размерах, чем рядовые колхозники, осуществляли имевшие для этого больше возможностей колхозные начальники всех уровней: от объездчиков, учетчиков и кладовщиков до бригадиров и предсе-

дателей. Руководители многих колхозов стремились укрыть часть хлеба в зерноотходах, соломе или мякине. Скрытое от государства зерно шло на корм скоту и птице, продавалось на рынке, раздавалось колхозникам⁴⁰. Постоянным спутником колхозной системы являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Низким было качество выполняемых работ.

В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных и сырьевых ресурсов. В связи с этим власти в конце 1930-х гг. пошли на существенное повышение уровня обложения деревни. За счет новых видов сельхозпродуктов расширилась система обязательных поставок. Произошел переход от расчета объемов поставок по площади посева или поголовью скота к их исчислению с каждого гектара закрепленных за колхозами сельскохозяйственных угодий. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод). Изменения в порядке заготовок привело к увеличению их размеров. В 1940/41 г. в Омской области валовой сбор зерновых снизился на 5%, а объем колхозных заготовок вырос на 27%⁴¹. В этих условиях в качестве стимула к выполнению заготовительных планов вновь широко стали применяться репрессии.

Одновременно усилилось давление на личный сектор сельской экономики. В конце 1938 г. началась длительная кампания по изъятию «излишков» земли и скота в ЛПХ. Произошло существенное увеличение и ужесточение податного гнета по отношению к их владельцам. К уплате натуральных податей стали привлекаться ранее освобожденные от них личные подсобные хозяйства проживающих на селе рабочих и служащих. На них, а также на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые только по отношению к единоличникам. Результатом налоговой реформы стало существенное увеличение средней суммы сельхозналога, взимаемой с колхозного двора. В Новосибирской области в 1939 г., по сравнению с предыдущим, она увеличилась почти в три раза⁴². С этого года и до 1952 г. включительно государство стало изымать из личных хозяйств колхозников не только прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Налоговое давление на ЛПХ, помимо пополнения казны, было призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах. С той же целью устанавливался обязательный минимум трудней для колхозников. Не выработавшие минимума под-

лежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка.

Проводимая сталинским режимом в конце 1930-х гг. политика по отношению к деревне обеспечила необходимыми ресурсами предвоенный виток индустриализации, но одновременно замедлила темпы развития сельского хозяйства. За 1938–1940 гг. посевные площади в колхозах Сибири увеличились на 5%, поголовье лошадей — на 20, КРС — на 13, коров — на 16, свиней — на 11%⁴³. Возросший налоговый пресс оказал негативное влияние на экономику колхозов и привел к сокращению размеров личных хозяйств сельских жителей. 1 января 1941 г. численность КРС в ЛПХ колхозников Западной Сибири составляла 71,4%, коров — 94,3, овец и коз — 95,7, свиней — 53,0% от уровня 1 января 1938 г. В колхозах и совхозах Западной Сибири в конце 1940 г. поголовье стало сокращаться⁴⁴. Недород трав привел к увеличению падежа. В результате сибирская деревня вошла в Великую Отечественную войну ослабленной.

Война принесла крестьянам новые испытания. В ходе мобилизации колхозы лишились большей части трудоспособного мужского населения. Резко сократилось количество специалистов. Для нужд фронта изымались автомобили, наиболее мощные трактора. Практически прекратились поставки запчастей.

Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, колхозная деревня за счет мобилизации внутренних резервов должна была обеспечить фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья. В связи с этим в производственную сферу в значительно больших, чем до войны, масштабах стали привлекаться женщины, старики, подростки, дети. Колхозные кадры также пополнялись эвакуированными жителями европейской части СССР, представителями депортированных народов. На уборочные работы в порядке обязательной трудовой повинности широко привлекались не занятые в сельском хозяйстве сельские жители, учащиеся, население городов и поселков городского типа.

Основным стимулом героического труда сельских жителей было осознание того, что они кормят своих мужей, братьев и отцов, воевавших на фронте, вера в победу. Эта вера всячески поддерживалась в ходе проводимых массово-политических мероприятий. Однако во время войны использовались не только моральные стимулы. В законодательном порядке был увеличен обязательный минимум трудодней. Вводился обязательный минимум для подростков от 12 до 16 лет. Повысились нормы выработки. Стало широко практиковаться списывание трудодней за нарушения трудовой и производственной дисциплины.

Осенью 1941 г. были воссозданы чрезвычайные органы управления на селе — политотделы МТС и совхозов. Они проводили массовую политическую и организационно-хозяйственную работу, основной целью которой было обеспечение своевременного и безоговорочного выполнения колхозами и совхозами государственных заданий по поставкам сельхозпродуктов. В обязанности политотделов также входило отслеживание политических настроений сельских жителей, выявление и пресечение возможных проявлений антиколхозной и антисоветской пропаганды.

В первые годы Великой Отечественной войны продолжала увеличиваться тяжесть налогового бремени. Ужесточились меры принуждения к исполнению налогов и податей. Вводился ряд новых денежных и натуральных сборов (сдача в хлебный и мясной фонды Красной армии, гарнцевый сбор, который был отменен накануне войны, имеющие подушный характер военный налог и налог на одиноких и малосемейных граждан). В форме принимаемых регионами, районами и хозяйствами «повышенных социалистических обязательств» по сдаче сельхозпродуктов (прежде всего хлеба) была фактически реанимирована система «встречных» планов. Существенно возросла роль платежей и сборов, формально относимых к категории добровольных, — госзаимов, лотерей, сдачи денег и сельхозпродуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т.п. В 1941–1942 гг. на местах широкие масштабы получила практика «добровольного» закупа личного скота для укомплектования обескровленных мясopоставками колхозных ферм.

Стабилизация положения на фронте в 1943 г. привела к некоторому смягчению давления на деревню. Центр осудил практику изъятия скота у колхозников и, более того, потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать бескорovность колхозных семей. Вновь достаточно широко стала применяться практика продажи или даже передачи колхозного скота членам сельхозартелей. Тем более что сохранность скота в ЛПХ была на порядок выше, чем на страдающих от бескорovицы «общественных» фермах. В мае 1943 г. были ликвидированы политотделы МТС. Произошла стабилизация тяжести налогового пресса. Существенно сократились масштабы мобилизации населения сибирских колхозов на работу в промышленность, строительство и на транспорт.

В целом война нанесла производительным силам сельского хозяйства региона огромный урон. Возросшие мясopоставки и ухудшение кормовой базы привели к снижению численности скота. Поголовье КРС в колхозах Западной Сибири за

1941—1945 гг. уменьшилось на 35,8%, в Восточной Сибири — на 27,5%. В эти годы было не до севооборотов и соблюдения необходимых агротехнических приемов. В результате резко упала урожайность. С 1940 по 1945 г. посевные площади зерновых в колхозах Западной Сибири сократились почти на 30%. Хлеба в регионе в 1945 г. собрали в 2,5 раза меньше, чем в 1941 г.⁴⁵ Тем не менее Сибирь внесла заметный вклад в продовольственный фонд страны. В 1942 г. доля региона в общесоюзной колхозной хлебосдаче составляла 22%, мясозаготовках — 19%⁴⁶.

В 1946 г. началось послевоенное восстановление сельского хозяйства. Основным фактором, способствующим данному процессу, являлось возвращение в деревню демобилизованных фронтовиков и части селян, привлеченных в военные годы в промышленность. Увеличились капиталовложения в аграрный сектор экономики. Возобновилось широкомасштабное машиноснабжение сельского хозяйства. К 1950 г. в Сибири в строй вступило 173 новых МТС. Число занятых в сельхозпроизводстве тракторов в этом году по сравнению с 1940 г. увеличилось на 39%, зерноуборочных комбайнов — на 34, автомобилей — на 6%⁴⁷.

Ускорить восстановление разоренной войной сельской экономики могло облегчение ее налогово-податного обложения. В начале 1946 г. ряд шагов в этом направлении был сделан. Отменялись некоторые из введенных во время войны натуральных и денежных сборов (военный налог, сдача в хлебный и мясной фонды Красной армии). Многие колхозы получили скидки от нормативных размеров обязательных поставок. Снизились размеры налогообложения ЛПХ и колхозного животноводства. В последующие годы власть эпизодически шла на облегчение тяжести обложения. В засушливые годы уменьшались планы хлебозаготовок. Периодически принимались решения о списании с колхозов недоимок.

Однако господствующей тенденцией развития налогово-податной системы в исследуемый период являлось повышение нормативов отчуждения труда, произведенной продукции и денежных средств⁴⁸. В 1947 г. на экономически более развитые хозяйства переложили часть обязательств по поставкам со слабых хозяйств, которые их практически никогда не выполняли. Выросшие расценки услуг МТС в сочетании с постоянным увеличением объемов выполняемых ими в колхозах работ приводили к перманентному утяжелению налогового пресса на зерновое хозяйство. С 1948 г. проводилось ежегодное увеличение нормативных размеров обложения животноводства. Ощутимым бре-

менем на колхозную экономику лег повысившийся подоходный налог.

В течение всего исследуемого периода, так же как и прежде, нарушался законодательно установленный в 1933–1934 гг. и впоследствии официально не отмененный запрет налагать на колхозы какие-либо дополнительные задания по сдаче сельхозпродуктов сверх врученных им обязательств по поставкам. В 1946 г. планы хлебосдачи для колхозов, получивших относительно более высокий урожай, на 75% превышали действующие нормы. В 1947–1949 гг., помимо государственных, официально принимались более высокие местные планы заготовок хлеба, в 1947–1952 гг. — заготовок продуктов животноводства. Задаче увеличения объемов изъятия сельскохозяйственной продукции сверх установленных нормативов отвечали разверстываемые на хозяйства задания по авансовой или сверхплановой сдаче, замене поставок одних продуктов другими.

Отмечая постоянный рост нормативов налогово-податного обложения, следует иметь в виду, что этот процесс не всегда приводил к реальному повышению тяжести обложения. В 1947–1950 гг. объемы прибавочного продукта, остающегося в колхозах после выполнения ими своих денежных и натуральных обязательств перед государством, увеличивались, что позволяло им хотя и в недостаточных размерах, но все же наращивать объемы производства.

С 1945 по 1950 г. посевные площади в колхозах Сибири выросли на 37,5%, составив в Западной Сибири 98%, в Восточной Сибири — 95% к довоенному уровню. Расширение посевных площадей позволило добиться заметного увеличения валовых сборов, заготовок зерна и другой продукции. В 1950 г. зерна в Сибири собрали в 2,7 раза больше, чем в 1945 г. Довоенный уровень превзошло производство технических культур. За 1945–1950 гг. общее поголовье скота во всех категориях хозяйств региона приблизилось к довоенному уровню (96,8%), а по поголовью КРС превысило на 6,6%⁴⁹.

Рост производства способствовал увеличению заработной платы колхозников. Однако даже в наиболее благоприятные из послевоенных лет оплата труда в «общественном» хозяйстве могла обеспечить лишь полуголодное существование. С тем чтобы выжить в этих условиях, большинство крестьян прибегали к апробированным в предшествующий период поведенческим стратегиям: хищениям колхозного имущества, работе «спустя рукава», уклонению от труда на колхозных полях и фермах, первоочередной работе в личном хозяйстве, бегству из деревни.

Власти боролись с подобным поведением колхозников, активно используя инструменты принуждения, которые вводились на время войны, но так и не были отменены после ее окончания. В 1948 г. Совет министров СССР потребовал от местных органов в месячный срок «пересмотреть устаревшие заниженные нормы выработки и завышенные расценки работ» в колхозах⁵⁰. Применялись и прямые репрессии. 2 июня того же года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»⁵¹. Причем под подлежащими выселению «тунеядцами» имелись в виду в первую очередь колхозники, занятые преимущественно в своем личном хозяйстве и не выполняющие в связи с этим обязательного минимума трудодней. Масштабы репрессий в рамках исполнения данного указа были незначительными. В Новосибирской области на 15 сентября 1948 г. в ссылку отправили 619 чел., вместе с которыми выехало 150 членов их семей⁵². Однако в данном случае режим ставил своей целью не столько расправиться с миллионами колхозников, не выполняющих обязательного минимума трудодней, сколько, запугав их и остальных членов колхозов перспективой высылки, заставить трудиться с большей отдачей.

Побудить крестьян работать в колхозах должно было сокращение размеров ЛПХ. Осенью 1946 г. началась кампания по экспроприации у колхозников «излишков» приусадебных земель. Местным органам предлагалось немедленно исправить те немногие допущенные во время войны с их негласного ведома факты превышения уставных норм землепользования и вернуть сельхозартелям «разбазаренные» земли. Так же, как и во время войны, ЛПХ использовалось в качестве источника роста поголовья в колхозных фермах. В 1948 г. существенно выросли ставки взимаемого с ЛПХ сельхозналога. Рост налога, как и прежде, привел к сокращению размеров приусадебных хозяйств. Вследствие этого произошло снижение налогооблагаемой базы и общей суммы налоговых поступлений⁵³. Для компенсации потерь государство в 1950, 1951 и 1952 гг. повышало ставки сельхозналога. Постоянно сокращался объем налоговых льгот.

В начале 1950-х гг. действие восстановительных механизмов закончилось, и сельское хозяйство региона практически потеряло позитивную динамику. Медленно увеличивались посевные площади, особенно под зерновыми культурами. В колхозах Западной Сибири занятая ими площадь превысила довоенный уровень на 3%, в Восточной Сибири — на 1%. Среднегодовой валовой сбор зерновых в 1949–1953 гг. был на 6% ниже, чем в

неурожайном 1940 г.⁵⁴ В животноводстве ощущалась катастрофическая нехватка кормов. Объем производства и заготовок сельскохозяйственной продукции не обеспечивал выполнения государственных планов и потребностей страны. Попытка преодолеть спад за счет укрупнения колхозов к ожидаемым результатам не привела.

Негативные явления в сельском хозяйстве в начале 1950-х гг. возникли вследствие действия различных факторов. В 1949 г. началось сокращение трудовых ресурсов в связи с окончанием демобилизации и массовым оттоком сельского населения в промышленность. На развитии отрасли сказалась сильная засуха, которая продолжалась три года подряд, начиная с 1951 г. В 1951–1952 гг. темпы увеличения тяжести обложения превысили темпы прироста сельхозпродукции, что негативно сказалось на экономике колхозов и материальном благосостоянии колхозников. Но главной причиной кризиса сельского хозяйства являлась низкая производительность подневольного и практически бесплатного труда колхозников. В связи с этим все большему числу представителей партийно-государственной верхушки становилось ясно, что дальнейшее развитие отрасли на старых принципах невозможно. Чтобы двинуть ее вперед, необходимы были существенные перемены. Они начались после смерти И.В. Сталина.

Точкой отсчета постсталинских преобразований аграрного сектора экономики стали решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в которых ставилась задача существенного прироста производства сельскохозяйственной продукции за счет наращивания капитальных вложений в отрасль, ее технического перевооружения, повышения доходности сельхозпредприятий и материальной заинтересованности работников.

В рамках реализации данного курса в конце 1953 г. были снижены нормы госпоставок, установлены твердые, единые для каждого района погектарные нормы сдачи, увеличены заготовительные цены, подешевели услуги МТС. Продукты, остающиеся после выполнения колхозами обязательств по поставкам, заготавливали в порядке государственных закупок по повышенным ценам. В 1958 г. обязательные поставки и натуроплату отменили. Госзаготовки в колхозах стали осуществляться исключительно в форме закупок, в совхозах — сдачи-продажи. При этом закупочные цены были в очередной раз увеличены. Повышение рентабельности колхозов приводило к росту оплаты труда их членов. В 1958 г. средняя сумма, полученная по трудодням трудоспособным колхозником в Сибири, увеличилась по сравне-

нию с 1953 г. в 6,4 раза⁵⁵. С 1956 г. в колхозах стало внедряться ежемесячное авансирование их членов.

Повышению материального благосостояния сельских жителей также способствовали меры по стимулированию развития ЛПХ. В результате реформы сельхозналога существенно уменьшилась его сумма. Местные органы обязывались прекратить практику ущемления интересов колхозников в отношении подсобного хозяйства и оказывать им помощь в обзаведении скотом и обеспечении кормами. С хозяйств колхозников списывались все недоимки по обязательным поставкам. Значительно снижались их нормы. Подобные решения вызвали бурный рост личного сектора экономики. За четыре года (с начала 1953 по конец 1956 г.) поголовье КРС в ЛПХ Алтайского края, Новосибирской, Омской и Томской областей, вместе взятых, возросло в 1,6 раза, коров — в 1,3, овец и коз в 1,9, свиней — в 7 раз⁵⁶. В 1958 г. было полностью отменено натуральное обложение ЛПХ.

На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС особо подчеркивалась необходимость использования интенсивных факторов увеличения аграрного производства (повышение урожайности уже вовлеченной в оборот пашни и продуктивности животноводства). Однако подъем сельского хозяйства во второй половине 1950-х гг. был достигнут в основном за счет экстенсивных факторов (увеличения посевных площадей и поголовья скота), которые давали более быструю отдачу.

Основной базой для расширения посевов в стране стали целинные и залежные земли Казахстана и Сибири, кампания по освоению которых началась в 1954 г. На вновь осваиваемые земли направили большое количество новых тракторов, комбайнов и иной сельскохозяйственной техники. Основным источником восполнения нехватки рабочей силы стал организованный набор. На целинных и залежных землях разворачивалось строительство новых совхозов. Всего за 1954–1960 гг. в Сибири распахали 9767 тыс. га новых земель. Среднегодовой валовой сбор зерновых в 1954–1958 гг. по сравнению с периодом 1949–1953 г. вырос в Западной Сибири в 2,3 раза, в Восточной Сибири — в 1,6 раза. Среднегодовые объемы хлебозаготовок в Западной Сибири в 1954–1958 гг. составили 6727 тыс. т, что в 3 раза превышало показатели предыдущего пятилетия⁵⁷. Повысился уровень механизации полеводства. За 1954–1958 г. количество тракторов в сельском хозяйстве Сибири увеличилось на 32%, а их мощность — на 50%. В основном за счет самоходных машин удвоился комбайновый парк⁵⁸.

Оборотной стороной достигнутых успехов являлось практически полное забвение основ агротехники в процессе вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель. В ходе целинной эпопеи распахивались и засеивались пшеницей не только новые, часто неудобные для обработки земли и посева трав, но и поля, ранее занятые иными культурами, и кормовые угодья, и даже пары. При этом истощались миллионы гектаров ранее плодородных почв, создавались условия для их засорения сорняками, для разрушения ветровой и водной эрозией. «Черные бури» унесли миллионы тонн плодородной земли.

Низким было качество целинного хлеба, значительная часть которого из-за неудовлетворительных условий его хранения и обработки, вызванных недостатком зернохранилищ и необходимого оборудования, по уровню влажности, наличию сорного и дефектного зерна не соответствовало установленным стандартам качества. Некондиционное зерно было малоприспособленным для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в госрезервы и в семенную бронь. Серьезной проблемой стало уменьшение поставок ржи, твердых и сильных сортов пшеницы, овса и ячменя, а также проса, гречихи и бобовых, ограничившее производство соответствующих сельхозпродуктов⁵⁹.

Во второй половине 1950-х гг. увеличились темпы прироста производства животноводческой продукции. поголовье КРС в колхозах и совхозах Сибири за 1954–1959 гг. увеличилось на 44%, коров — на 43, свиней — на 80, овец — на 21%. Повысилась продуктивность скота. В колхозах Западной Сибири надою молока от каждой фуражной коровы в 1959 г. составили 1919 кг против 1248 кг в 1953 г. Вместе с ростом поголовья скота и его продуктивности увеличивался объем животноводческой продукции. В Западной Сибири с 1953 по 1959 г. производство мяса и сала возросло на 63%, молока — на 53, яиц — на 84, шерсти — на 32%⁶⁰.

Однако поставленную Н.С. Хрущевым задачу в течение 5–6 лет удвоить производство основных продуктов животноводства⁶¹ реализовать не удалось. Количественные и качественные показатели развития животноводства оставались низкими и не удовлетворяли потребностям страны. На фермах преобладал ручной труд. На темпах развития отрасли отрицательно сказывалось сокращение кормовой базы в результате распашки земель, ранее использовавшихся под пастбища и сенокосы. Ситуацию не спасла и попытка введения в севообороты кукурузы, которая превратилась в очередную шумную, но неэффективную кампанию, проводимую с нарушением элементарных агротехнических норм.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. тотальные нарушения агротехники начали сказываться на развитии зернового хозяйства. В результате снижения плодородия почв сократилась урожайность, ухудшилось качество собираемого хлеба. В Западной Сибири среднегодовая урожайность зерновых уменьшилась с 10,9 ц/га в 1956–1960 гг. до 7,0 ц/га в 1961–1965 гг. Валовые сборы зерна уменьшились на 20%⁶². В 1959–1963 гг. среднегодовые размеры хлебозаготовок в Западной Сибири составили 4239 тыс. т, сократившись относительно показателей 1954–1958 гг. на 37%. Пик кризиса зернового хозяйства пришелся на 1963 г., когда государство получило в регионе 603 тыс. т зерна⁶³. Замедлились темпы развития животноводства. В Сибири и по стране в целом стала ощущаться острая нехватка не только фуражного, но и продовольственного зерна.

Возникавшие в сельском хозяйстве проблемы руководители советского государства пытались решить в основном за счет организационно-хозяйственной перестройки отрасли. В начале 1960-х гг. ускорился процесс преобразования колхозов в совхозы. Продолжалось укрупнение колхозов. В 1958 г. произошла реорганизация МТС. При этом принадлежащий им машинно-тракторный парк на возмездной основе передавался колхозам. Связанные с этим крупные финансовые затраты отрицательно сказались на колхозной экономике.

В конце 1950-х гг. вновь было прервано поступательное развитие личного сектора сельской экономики. Партийное руководство приняло курс на строительство коммунизма. А личное хозяйство с коммунистическими отношениями, по мнению их теоретиков, никак не соотносилось. Местные власти в очередной раз получили задание изымать «излишки» земли и скота у населения. Это привело к уменьшению количества и размеров ЛПХ. На селе увеличилось число семей, не имевших на своем подворье скота. Стало снижаться производство продукции в личном секторе. Подобное положение еще более усугубило продовольственную проблему.

Весьма противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения хозяйства себя исчерпали. В высших эшелонах советского руководства стало все более утверждаться мнение о необходимости перехода сельского хозяйства на путь интенсификации, которая понималась как комплекс организационно-экономических мероприятий, позволяющих добиться увеличения объемов производства продуктов растениеводства и животноводства за счет повышения производительности труда.

В качестве основных направлений интенсификации рассматривались: 1) механизация и электрификация основных производственных процессов в земледелии и животноводстве, индустриализация сельскохозяйственного труда; 2) развитие процессов специализации сельхозпредприятий, межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции; 3) повышение плодородия почв за счет химизации, мелиорации и применения оптимальных агротехнологических приемов. Обеспечить достижение поставленных целей должно было постоянное наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство, повышение квалификации его работников, их материальное стимулирование, решение социальных проблем села. Курс на интенсификацию отрасли был окончательно оформлен мартовским (1965 г.) пленумом ЦК КПСС. Пленум также осудил практику необоснованного вмешательства в дела колхозов и совхозов и поставил задачу расширения их производственной, финансовой и плановой самостоятельности.

Основой повышения производительности сельскохозяйственного труда считалась его механизация и индустриализация. За 1965–1980 гг. поставки тракторов сельскому хозяйству Сибири увеличились со 163,7 тыс. до 206,2 тыс. шт., комбайнов с 83,5 до 95,7 тыс. шт. Несмотря на преждевременное выбытие из строя техники, особенно комбайнов, шел процесс насыщения сельхозпроизводства машинами и оборудованием. За счет увеличения парка машин и механизмов повысился уровень механизации производственных процессов. Особенно ощутимо изменилась ситуация в животноводстве. За 1975–1984 гг. уровень механизации на фермах КРС в Западной Сибири возрос с 27 до 61%, Восточной Сибири — с 14 до 42%. И тем не менее процент ручного труда в сельском хозяйстве оставался достаточно высоким. В общественном секторе животноводства Западной Сибири в 1985 г. доля лиц, занятых ручным трудом, составляла 54,6%, в растениеводстве — 37%⁶⁴. Вследствие этого абсолютный рост сельхозпроизводства сопровождался абсолютным увеличением затрат ручного труда. На многие виды сельскохозяйственных работ, особенно в сезон уборки урожая, приходилось привлекать большое количество горожан.

Видимыми проявлениями индустриализации аграрного сектора экономики являлось строительство крупных животноводческих комплексов (по производству молока и свинины) и птицефабрик. На свинофермах Сибири к середине 1980-х гг. уровень комплексной механизации составлял 74% (к поголовью скота), на птицеводческих фермах и молочных комплексах — 90%⁶⁵.

Превращению сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального должны были способствовать организационные изменения в отрасли, основными направлениями которых являлось укрупнение производственных структур. Существенно увеличились размеры традиционных форм организации труда — бригад, ферм, отделений. Начиная с 1970-х гг. многие хозяйства перешли от территориальной к отраслевой структуре управления. Вместо комплексных подразделений в них создавались специализированные цеха, в первую очередь растениеводческие, животноводческие и механизации, а также зерновые, кормопроизводства, молочные, мясные, строительные, транспортные и т.п. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. широкое распространение на кормозаготовках и хлебоуборке получил т.н. кооперационно-групповой метод производства, при котором кооперационное разделение труда осуществлялось не только между отдельными работниками, но и между трудовыми коллективами. Внутри отраслевых цехов, производственных участков и бригад (а то и вместо последних) создавалась система временных звеньев, отрядов, комплексов.

Продолжалось начатое еще при Н.С. Хрущеве массовое преобразование колхозов в совхозы. С 1965 по 1980 г. число колхозов в Сибири снизилось почти в полтора раза⁶⁶. Параллельно происходило укрупнение оставшихся колхозов. При этом колхозы были фактически превращены в государственные сельхозпредприятия и отличались от совхозов лишь по формально-правовым признакам.

За счет преимущественного развития базовой отрасли внутри колхозов и совхозов происходило углубление их специализации. При этом ликвидировались или существенно сокращались непрофильные производства и подсобные промыслы. С целью преодоления негативных последствий узкой специализации сельхозпредприятий налаживались межхозяйственные связи. В 1960-е гг. межхозяйственная кооперация развивалась в отраслях, не связанных непосредственно с земледелием и животноводством: в сельском строительстве, энергообеспечении, лесопользовании и т.д. С начала 1970-х гг. стали создаваться межхозяйственные предприятия, специализирующиеся на откорме скота, производстве и переработке кормов, семеноводстве. Но в целом широкого развития межхозяйственные объединения не получили: к началу 1980-х гг. они производили 0,1% продукции⁶⁷.

В первой половине 1980-х гг. предпринимается попытка дать новый импульс развитию межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции за счет снятия ведомственных

перегородок между сельским хозяйством и отраслями, обслуживающими его и занятыми переработкой и реализацией сельхозпродукции. В 1982 г. были созданы районные агропромышленные объединения (РАПО). Наряду с колхозами и совхозами в них вошли ремонтно-технические, агрохимические, автотранспортные, снабженческие, заготовительные и перерабатывающие предприятия. Однако их объединение оказалось во многом формальным и не позволило преодолеть элементы ведомственности и групповщины в реализации экономических интересов партнеров по агропромышленному комплексу.

В качестве главного фактора повышения плодородия почв рассматривалось расширенное применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов. Поставка минеральных удобрений сельскому хозяйству Сибири увеличилась с 86 тыс. т в 1965 г. до 1240 тыс. т в 1985 г. Вместе с тем использование средств химизации стало негативно влиять на природную среду и здоровье людей. В целом улучшилась культура земледелия и животноводства. Удельный вес пашни в освоенном севообороте в Западной Сибири в 1983 г. составлял 87,8%, в Восточной Сибири — 74,3%. Чистые пары в Западной Сибири в 1961 г. занимали 3,2% пашни, в 1986 г. — 17,7%⁶⁸. Однако господство хлебной монокультуры и все еще недостаточный уровень почвозащитной агротехники приводили к деградации пахотных угодий. Использование мелиорированных земель в Сибири было развито слабо и носило локальный характер. Массивы мелиорированных земель вводились вблизи крупных городов для создания орошаемого овощеводства и интенсификации кормопроизводства.

Важная роль в повышении трудовой отдачи работников сельхозпредприятий отводилась увеличению их заработной платы. С 1966 г. в колхозах стала вводиться гарантированная ежемесячная денежная оплата труда, размеры которой рассчитывались на основе норм выработки и тарифных ставок, действующих в совхозах. Данное мероприятие способствовало сближению оплаты труда в колхозах и совхозах. Если в 1965 г. в Западной Сибири среднемесячная заработная плата колхозника была меньше оплаты труда рабочего совхоза на 26,0%, то в 1986 г. эта разница сократилась до 9,6%. В целом с 1965 по 1987 г. оплата труда колхозников возросла в Западной Сибири в 3,9 раза (с 57 до 220 руб. в месяц), зарплата работников совхозов — в 2,4 раза⁶⁹.

Рост оплаты труда работников сельхозпредприятий опережал темпы роста его производительности. В 1960-х — начале 1970-х гг. это вызывалось стремлением поднять жизненный уровень сельских тружеников, сократить разницу между сред-

ним уровнем заработной платы на селе и в городе. При этом предполагалось, что рост оплаты труда скажется на повышении его производительности и в дальнейшем темпы роста производительности труда будут устойчиво превышать темпы роста его оплаты. На XXV съезде КПСС была поставлена задача усиления стимулирующей роли заработной платы, повышения ее зависимости от конечных результатов производства. Однако добиться опережения темпов роста производительности аграрного труда над темпами роста его оплаты в конце 1970-х — начале 1980-х гг. не удалось. В 1976—1980 гг. производительность труда в совхозах Западной Сибири выросла на 3,0%, Восточной Сибири — на 0,4%, а оплата труда — соответственно на 12,9 и 14,4%. В 1981—1982 гг. производительность сельскохозяйственного труда в совхозах Западной и Восточной Сибири снизилась на 9,2 и 10,0%, а зарплата, напротив, возросла на 7,3 и 3,2%⁷⁰.

Продовольственный кризис начала 1960-х гг. заставил государство изменить свою политику в отношении ЛПХ. С середины 1960-х гг. кампаний по его сокращению больше не проводилось. На самом высоком уровне было заявлено о необходимости устранения «необоснованных ограничений» личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих. Тем не менее роль ЛПХ как источника дохода сельских жителей продолжала падать. В 1985 г. за счет личных хозяйств формировалось 18% совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири (в 1958 г. — 33%)⁷¹. Убывание значимости ЛПХ для селян повлекло сокращение их количества и размеров. Помимо роста заработной платы этому способствовали и иные факторы: увеличение уровня занятости в государственном секторе экономики; снижение удельного веса жителей деревни, непосредственно занятых аграрным трудом; старение сельского населения; выход на социальную авансцену поколений с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками; и др.

Тем не менее даже в 1980-е гг. ЛПХ продолжало играть важную роль в пополнении продовольственных фондов страны и самоснабжении населения. В 1988 г. в личном секторе производилось более четверти валовой (в том числе картофеля — 59%, овощей — 31, мяса — 28, яиц — 26%) и одна десятая товарной продукции сельского хозяйства⁷². За счет ЛПХ удовлетворялась большая часть потребностей сельских семей в указанных продуктах. Однако высокие количественные показатели ЛПХ обеспечивались за счет их тесной интеграции с колхозно-совхозным производством. Значительная часть ресурсов для ведения личных хозяйств черпалась их владельцами в сельскохозяйственных

предприятиях (обработка приусадебных участков, покупка и хищение кормов и т.п.).

Избранный советским руководством в середине 1960-х гг. путь развития сельского хозяйства к ожидаемым позитивным результатам не привел. Достаточно динамично аграрный сектор сибирской экономики развивался лишь во второй половине 1960-х гг. Валовое производство сельхозпродукции за 1966–1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием увеличилось на 20,8%, производство зерна — на 35,0, молока — на 23,1, мяса — на 22,2, шерсти — на 21,6, яиц — на 26,1, картофеля — на 14,1%. Рост не был зафиксирован лишь в овощеводстве⁷³.

В 1970-е гг., несмотря на постоянное наращивание капитальных вложений, темпы роста аграрного производства начали снижаться. Если среднегодовое увеличение валовой продукции сельского хозяйства в 1966–1970 гг. в регионе составляло 3,9%, то в 1971–1975 гг. — 2,2, в 1976–1980 гг. — 0,5%. Наибольший прирост был достигнут в производстве яиц, шерсти и овощей (в 1980 г. их произвели соответственно в 2,4 раза, 1,7 раза и 1,5 раза больше, чем в 1966 г.). В то же время среднегодовое производство мяса в 1976–1980 гг., по сравнению с 1966–1970 гг., увеличилось на 18,2%, молока — на 6,3, зерна — на 5,7, а картофеля снизилось на 16,4%. Бичом сельского хозяйства Сибири оставались периодические неурожаи. Средняя урожайность зерновых в регионе выросла с 11,1 ц/га в 1966–1970 гг. до 12,6 ц/га в 1981–1985 гг. (на 1,5 ц/га); производство молока на одну корову — с 2020 кг в 1965 г. до 2222 кг в 1985 г. (на 202 кг)⁷⁴. В этих условиях была фактически свернута начавшаяся в 1965 г. экономическая реформа, в рамках которой ставилась задача перевода сельхозпредприятий на хозрасчет. Усилился контроль за финансово-хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов. Возобновилось навязывание им заданий по сверхплановым закупкам.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Резко упала эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2%⁷⁵. В стране ощущался дефицит продовольствия. В связи с этим началась реанимация карточной системы.

Главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельскохозяйственных предприятий⁷⁶. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни матери-

ально. Деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги. А их основная трудовая функция сводилась к механистичному (почти как на заводском конвейере) выполнению операций сельскохозяйственного цикла. Нарастающее отчуждение от средств производства и результатов труда приводило к ослаблению трудовой, исполнительской и технологической дисциплины, нерациональному расходованию сырья, материалов, энергии. Значительное распространение получили негативные формы поведения на производстве: прогулы, опоздания на работу, пьянство на рабочем месте и связанные с ним грубые нарушения техники безопасности. Потери рабочего времени на ряде сельскохозяйственных предприятий по различным причинам достигали 30–50% рабочего дня. В большинстве колхозов и совхозов имели место хищения общественной собственности: кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции; использование работниками общественной техники в личных целях — для себя или для оказания услуг частным лицам. Согласно обследованию, проведенному в 1982 г. сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 74% опрошенных констатировали наличие хищений в своих коллективах⁷⁷.

Естественно, что в колхозах и совхозах работали не только нарушители трудовой дисциплины, но и передовики, которые трудились с высокой степенью отдачи, выполняли не только плановые задания и нормы, но и принятые «повышенные социальные обязательства». Подобное поведение давало право и возможность на карьерный рост, более высокий уровень оплаты труда, получение разнообразных льгот. Помимо материальных стимулов побудительным мотивом для высокопроизводительного труда могло послужить стремление доказать свое умение работать лучше других, желание внести свой вклад в развитие и процветание своего коллектива, хозяйства, малой и большой Родины.

Передовики добивались внушительных производственных показателей. Однако при этом следует иметь в виду, что подобные результаты имели лишь немногие работники сельского хозяйства. По экспертным оценкам, удельный вес передовиков в производстве сельхозпродуктов не превышал 10–15%. Кроме того, для многих из них по-прежнему специально создавались привилегированные условия труда (или они сами их добивались).

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР в начале 1980-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали бесперспективность продолжения прежней аграрной политики. С этого времени с целью преодоления отчуждения тружеников села

от средств производства и результатов труда началось повсеместное внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда. К концу 1980-х гг. в ходе различных хозяйственных экспериментов были отработаны организационные элементы перехода от командно-административной системы к более демократическим формам организации производства. В Сибири учеными-экономистами и руководителями передовых хозяйств были опробованы такие учитывающие региональные особенности производственно-экономические формы организации аграрного производства, как коллективы интенсивного труда, арендный и семейный подряд, коопхозы, крестьянские (фермерские) хозяйства.

Внедрение новых форм организации труда, хотя и не обошлось без традиционной советской кампанейщины, но все же придало сельскому хозяйству позитивную динамику. Среднегодовой темп прироста валовой продукции повысился за 1983–1988 гг. до 3,5%⁷⁸.

В начале 1990-х гг. эволюционный путь перестройки аграрных отношений был осужден пришедшими к власти сторонниками радикальных экономических и политических реформ. И хотя новые руководители страны удержались от реализации призывов к полной и одномоментной ликвидации «агроулага» и всеобщей фермеризации, изменения в аграрной сфере приобрели революционный характер. Сельское хозяйство реагировало на это, как на всякую революцию, — падением производства.

При всем разнообразии курсов и конкретных приемов реализации аграрной политике Советского государства присущи вполне определенные закономерности. Исходным пунктом макрополитических устремлений его лидеров и правящей партии в целом являлось сохранение суверенитета страны, которое не мыслилось вне существующей политико-идеологической системы. Решить данную задачу в рамках геополитических реалий представлялось невозможным без ускоренной индустриальной модернизации страны. Ее ресурсное обеспечение находилось в прямо пропорциональной зависимости от степени неэквивалентности обмена между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. Чем меньше получали крестьяне за свой труд, тем больше имел индустриальный сектор. Сверхнормативное изъятие сельхозпродукции, которое обеспечивалось жестким внеэкономическим принуждением, позволяло Советскому государству решать поставленные сверхзадачи (победить в Гражданской и Великой Отечественной войнах, провести ускоренную индустриализацию в начале 1930-х гг., сохранить военно-стратегический паритет с США в

послевоенные годы), но в то же время приводило к обнищанию жителей деревни и кризису сельского хозяйства.

Падение сельхозпроизводства, в свою очередь, сокращало объемы ресурсной подпитки индустриального строительства и сказывалось на благосостоянии горожан. Следовавшие за этим смягчение давления на деревню, использование материальных стимулов крестьянского труда, наращивание капитальных вложений в аграрный сектор экономики придавали развитию сельского хозяйства позитивную динамику, но к решению поставленных перед ним партией и государством «грандиозных» задач не приводили. Более того, через некоторое время аграрное развитие приобретало затухающую динамику. При этом широкое распространение получали негативные для государства формы поведения сельских тружеников. Неудовлетворенность партийно-государственного руководства темпами развития сельского хозяйства вкупе с новым геополитическим вызовом вызывали очередное «закручивание гаек».

В постсталинский период советской истории степень неэквивалентности обмена между городом и деревней существенно снизилась, предпочтение отдавалось материальному стимулированию труда, благосостояние селян существенно повысилось. Однако циклический характер государственной аграрной политики сохранился. Предоставление сельхозпредприятиям относительной экономической свободы сменялось усилением административного вмешательства в их деятельность.

Помимо условно прагматических оснований, выбор того или иного курса аграрной политики мог определяться идеологическими факторами. Согласно марксистской теории, коллективизация (объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные производственные кооперативы) позволяет широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и на этой основе резко повысить его производительность. Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики рассматривали коллективизацию деревни в качестве неперемennого условия построения социализма в стране. Однако до конца 1920-х гг. решение данной задачи отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства страны. Но, поскольку мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации, данную точку зрения пересмотрели.

В конце 1920-х гг. был принят курс на форсированную коллективизацию деревни. Ее реальные темпы, методы и результа-

ты не соответствовали абстрактным теоретическим построениям. В силу неэффективности принудительного труда колхозная система отличалась крайне низким уровнем развития производительных сил.

Выход из создавшегося положения мог быть найден на путях превращения государственного крепостного-колхозника в хозяина средств производства. В начале 1950-х гг. в стране в целом и в Сибири имелись условия для проведения радикальной деколлективизации, т.е. осуществлению будущей китайской модели выхода из «агроулага». Подобный вариант развития соответствовал чаяниям значительного числа сельских жителей. Однако человек, подобный Дэн Сяопину, к власти в СССР не пришел. Ставший лидером партии и государства Н.С. Хрущев был абсолютно убежден в преимуществах крупного общественного хозяйства над мелким частным производством и соответствующим образом строил свою аграрную политику. Ее основными направлениями стали укрупнение производственных структур, индустриализация аграрного производства и сельскохозяйственного труда, материальное стимулирование, сводящееся к постоянному повышению размеров заработной платы работников сельхозпредприятий.

Данный курс был закреплён в принятой в 1961 г. III программе КПСС, которая поставила задачи в обозримом будущем достичь «изобилия сельскохозяйственных продуктов», «слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую», экономического изживания личного подсобного хозяйства, «ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней». В середине 1960-х гг. партийное руководство страны отказалось от немедленного построения коммунизма, но не от сформулированных в программе КПСС целей.

Все более широкое привлечение финансовых и материальных средств в сельское хозяйство не сопровождалось устойчивым приростом производства. Анализ ситуации в аграрном секторе экономики к середине 1980-х гг. привел экспертов и политиков к выводам о необходимости преодоления отчуждения работников колхозов и совхозов от средств производства и результатов труда; учета специфики аграрного труда в организационно-производственной структуре отрасли; предоставления финансовой и хозяйственной самостоятельности сельхозпредприятиям и их структурным подразделениям. Следствием начавшихся в сельском хозяйстве преобразований стала начавшаяся диверсификация форм организации производства. При массовом, но постепенном внедрении новые формы могли дать

положительный эффект. Однако и на сей раз «20 лет покоя» сельскому хозяйству России история не предоставила. Общество жаждало более радикальных перемен.

Примечания

¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303, 308.

² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX. Новосибирск, 1967. С. 161–162, 381; Пронин В.И. Скотоводство Сибири XIX — начала XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 110, 113, 115.

³ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Новосибирск, 2008. С. 87–88.

⁴ Экономическая география Сибири. Новосибирск, 1928. С. 199.

⁵ Жизнь Сибири. 1922. № 1. С. 10; Хенкин Е.М. Первая продналоговая кампания в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 116.

⁶ Ильиных В.А. Государственные хлебозаготовки в Сибири в 1920-е — 1980-е гг.: организация и результаты // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. Новосибирск, 2006. С. 200; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 273.

⁷ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 36–37; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С. 125, 131.

⁸ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 61.

⁹ Сборник статистико-экономических сведений... С. 37, 41–42.

¹⁰ По Сибирскому краю сумма сельхозналога 1925/26 г. была ниже предыдущего на $\frac{1}{3}$ — Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 179.

¹¹ См.: Ильиных В.А. Перспективные планы сибирских земельных органов середины 1920-х гг. как источник изучения аграрных и кооперативных концепций периода нэпа // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2. С. 91–92.

¹² Сборник статистико-экономических сведений... С. 37, 41–42; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 277, 302–303.

¹³ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 127; Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926–1927 гг.). Новосибирск, 1926. С. 110; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 108; Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. IX. С. 27.

¹⁴ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. С. 78.

¹⁵ В 1916 г. к товарным (по молоку) относилось 43,1% крестьянских дворов Юго-Западной Сибири (3 и более коров на хозяйство), к полутоварным (2 коровы) — 21,7, к преимущественно потребительским (1 корова) — 26,0%; в 1928 г. — 29,9, 30,1 и 34,1% соответственно (Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 259).

¹⁶ Товарность зернового производства в крестьянских хозяйствах региона в 1928 г., который отличался высоким уровнем отчуждения хлеба, составила 26% (Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С. 105). По подсчетам Л.М. Горюшкина, товарность зерна в Западной Сибири в 1913–1915 гг. составляла примерно 26%, повышаясь в высокоурожайные годы и понижаясь в неурожайные (Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 147).

¹⁷ Товарная продукция зерновых в целом по стране снизилась с 16,7 млн т (25,5% к валовому сбору) в 1909–1913 гг. до 15–16 млн т в 1925/26–1928/29 гг. (19–21% от валового сбора) (Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 23).

¹⁸ См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 219.

¹⁹ «Хлебная стачка» в Сибири была не столько кулацкой, сколько середняцкой, поскольку именно середняки являлись держателями большей части запасов хлеба. Согласно данным официальной статистики, в их хозяйствах в начале кампании сосредоточивалось около трех четвертей товарного зерна, а в т.н. мелкокапиталистических — немногим более одной пятой (Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 228).

²⁰ См.: Он же. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 15.

²¹ См.: Он же. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.

²² Наиболее существенные потери понесло животноводство в развитых скотоводческих округах. Так, в Омском округе количество КРС снизилось на 13,7%, коров — на 10,5, свиней — на 14,1% (Сибирский край. С. 300–301).

²³ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 158.

²⁴ Коллективизация сибирской деревни. Январь—май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 7.

²⁵ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 160; Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 60, 62.

²⁶ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 299.

- 27 Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С. 63.
- 28 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23, 28.
- 29 Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 161.
- 30 Сельское хозяйство СССР: Ежегодник. 1935 г. С. 517, 246, 271; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 458.
- 31 Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 246.
- 32 СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
- 33 Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 369.
- 34 Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 13.
- 35 Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 70.
- 36 Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 361.
- 37 Там же. С. 468, 476; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 181.
- 38 Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 227–229.
- 39 Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 468.
- 40 Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 250, 251.
- 41 Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1965. С. 149; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 247.
- 42 Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 148.
- 43 Крестьянство Сибири в период развития и упрочения социализма. Новосибирск, 1985. С. 45, 48.
- 44 Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 185.
- 45 Крестьянство Сибири в период развития... С. 140.
- 46 Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 67.
- 47 Крестьянство Сибири в период развития... С. 214, 216.
- 48 См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
- 49 Крестьянство Сибири в период развития... С. 236–238, 240.
- 50 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1968. Т. 3. С. 469–468.
- 51 Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38.
- 52 См.: Ильиных В.А. Лето 1948 г.: ссылка как стимул трудовой активности колхозного крестьянства // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1.
- 53 Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 70.
- 54 Крестьянство Сибири в период развития... С. 298, 299.
- 55 Там же. С. 325.
- 56 Народное хозяйство Алтайского края: Стат. сборник. Барнаул, 1958. С. 66; Народное хозяйство Новосибирской области и города Но-

восибирска: Стат. сборник. Новосибирск, 1957. С. 71–73; Народное хозяйство Омской области: Стат. сборник. Омск, 1957. С. 69, 70; Народное хозяйство Томской области: Стат. сборник. Томск, 1957. С. 79.

⁵⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: Стат. ежегодник. М., 1961. С. 195; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1960. С. 226; Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. С. 201.

⁵⁸ Крестьянство Сибири в период развития... С. 276.

⁵⁹ См.: Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 126–130.

⁶⁰ Крестьянство Сибири в период развития... С. 305.

⁶¹ Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 154.

⁶² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 9.

⁶³ Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 200–201.

⁶⁴ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 86–87.

⁶⁵ Там же. С. 87.

⁶⁶ Там же. С. 101.

⁶⁷ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 168.

⁶⁸ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 72, 73.

⁶⁹ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. С. 41.

⁷⁰ Петрушков М.А. Соотношение роста производительности и оплаты труда // Социальные проблемы улучшения использования кадров в сельском хозяйстве Сибири. Новосибирск, 1984. С. 118.

⁷¹ Ильиных В.А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Базовые тенденции социально-демографической адаптации сельского населения Западной Сибири в 1960–1980-е годы // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 115.

⁷² Там же.

⁷³ Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1971. С. 41, 154–155, 208–209, 212–213, 292–293, 300–301, 308–309, 316–317.

⁷⁴ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 150, 151, 472; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 213, 309, 319; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1988. С. 178, 300, 307.

⁷⁵ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 150–151.

⁷⁶ См.: Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири... С. 42–47.

⁷⁷ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 247.

⁷⁸ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 151.

Аграрные преобразования 1953–1964 гг. и сельское хозяйство Сибири

Научно-историческое изучение проблем аграрного реформирования хрущевского десятилетия, несмотря на широкое освещение данной темы в советской и современной историографии, представляется важным и оправданным, поскольку дискуссионными остаются многие вопросы, связанные с оценкой характера, потенциала и результативности реформ. Ответы на них могут быть получены в результате расширения фактологической базы проблемы за счет введения в научный оборот новых архивных материалов.

Задачами настоящего исследования является анализ предпосылок, этапов, основных направлений и результатов аграрных преобразований середины 1950-х — начала 1960-х гг., выявление специфики их проведения в Сибири, крупнейшем сельскохозяйственном районе страны, а также определение влияния реформирования на развитие аграрного производства региона, его базовых отраслей. Изучение региональных аспектов хрущевских реформ в сельском хозяйстве способствует детализации процесса трансформации аграрного сектора экономики, обнаружению его скрытых тенденций и закономерностей.

Реализация целей работы невозможна без определения особенностей аграрной политики советского государства и основных параметров аграрного строя предшествующего периода, в связи с чем мы считаем целесообразным начать с характеристики развития аграрных отношений и государственной политики в сфере сельхозпроизводства во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

Аграрный строй послевоенного сталинизма сохранял базовые параметры аграрно-экономических отношений и организационно-производственной структуры сельского хозяйства, сформированных в ходе массовой коллективизации. Лишенные хозяйственной самостоятельности, колхозы, являвшиеся основ-

* Андреенков Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник (Институт истории Сибирского отделения РАН).

ной формой организации сельхозпроизводства, функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях неэквивалентного и принудительного обмена. Сельхозартели обладали лишь простым конно-ручным инвентарем, тогда как сложная техника находилась в государственных машинно-тракторных станциях (МТС). Колхозники фактически прикреплялись к колхозам, а их труд на колхозных полях и фермах приобрел характер отработочной повинности, тяжесть которой регулировалась обязательным годовым и сезонным минимумом трудодней, а также установленными нормами их выработки и расценками работ.

Колхозы были основной ресурсной базой для развития индустриального сектора. Необходимые для государства средства деревни отчуждались через систему натуральных податей и денежных налогов. С 1933 г. колхозы сдавали свою продукцию в государственные фонды в порядке обязательных поставок. Объемы госпоставок продуктов полеводства определялись по районным нормам сдачи с каждого гектара закрепленной за ними пашни. Погектарный принцип обложения действовал и для животноводческой продукции. Нормы ее сдачи привязывались к установленному для колхозов обязательному минимуму поголовья скота, который, в свою очередь, зависел от площади закрепленных за хозяйствами сельхозугодий. Характер натуральной подати имели госзакупки, проводившиеся в колхозах, выполнивших планы обязательных поставок и рассчитавшихся с МТС. Закупочные цены были несколько выше заготовительных, но ниже рыночных цен. Основной задачей госзакупа являлось изъятие «излишков» зерна, появлявшихся в деревне в урожайные годы. Значительное количество хлеба изымалось у колхозов в порядке натуроплаты за услуги МТС, с 1934 г. исчислявшейся по системе зависящих от уровня урожайности плавающих поразрядных расценок, при которой за одни и те же виды и объемы работ высокодоходные колхозы платили МТС больше, чем низкодоходные. Кроме того, колхозы уплачивали подоходный налог. Оставшиеся после выполнения натуральных и денежных повинностей ресурсы подлежали распределению среди колхозников. Авансирование колхозников разрешалось только в натуральной форме и в совокупности с расходами на внутрихозяйственные нужды не должно было превышать 15% от объема сданного на заготовительные пункты зерна.

Сдавать государству сельхозпродукты и выплачивать налоги были обязаны и личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Размеры поставок картофеля и овощей зависели от фактического посева, молока и шерсти — от наличного поголовья, а мяса и яиц для

колхозников являлись подворными. Сумма сельхозналога определялась уровнем совокупного годового дохода хозяйства и исчислялась по прогрессивной шкале ставок. Несмотря на свои мизерные размеры, ЛПХ являлись для своих владельцев основным источником существования.

В силу принудительного характера труда и крайне низкого уровня его оплаты колхозная система отличалась невысоким уровнем производительности. Тем не менее в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны она, в целом, показала свою эффективность, выполнив задачи тотальной мобилизации ресурсов для нужд обороны, и тем самым внесла весомый вклад в достижение победы. Однако цена победы была достаточно велика. За годы войны сибирская деревня понесла значительные потери, сказавшиеся на уровне развития производительных сил сельского хозяйства страны. За 1941–1945 гг. колхозное население Сибири сократилось более чем на 23%, а число трудоспособных колхозников — на 36%¹. Снижился уровень механизации производства, в связи с чем большинство работ выполнялось вручную, с нарушением правил агротехники. Посевные площади сельхозкультур в колхозах Сибири уменьшились на треть, валовой сбор хлеба в колхозах и совхозах региона в 1945 г. составлял лишь 45,3% от неурожайного 1940 г. поголовье продуктивного скота сократилось на 35%, объемы производства мяса и молока — почти наполовину². Значительно ухудшилось материальное положение работников сельского хозяйства. В 1945 г. в Западной Сибири выдача хлеба на трудодни снизилась по сравнению с 1940 г. в 2 раза, в Восточной Сибири — в 3 раза и равнялась 200–230 г на человека в день³. В связи с этим еще больше возросла роль ЛПХ в материальном обеспечении основной массы сельских семей.

Основным источником восстановления аграрного производства являлась мобилизация внутренних возможностей хозяйств без какой-либо существенной помощи со стороны государства. Продолжала расти тяжесть налогово-податного обложения колхозов. С 1947 г. погектарные нормы зернопоставок стали устанавливаться не для районов в целом, а для групп колхозов внутри районов, что позволяло увеличить объемы изъятия хлеба в более доходных хозяйствах. В этих же целях были введены два новых, более высоких, разряда урожайности для определения размеров натуроплаты МТС. Одновременно повысились расценки натуроплаты для ранее существовавших разрядов. В 1949 г. правительство увеличило обязательный минимум поголовья скота и установило обязательный минимум поголовья птиц. Уровень заготовительных цен на продовольственные продукты

не обеспечивал восполнения и 15% производственных затрат. Цены на технические культуры покрывали в среднем 40% себестоимости, на шерсть — 33% (табл. 1). В 1947 г. были пересмотрены «заниженные» нормы выработки и «завышенные» расценки работ колхозников. В 1952 г. правительство в очередной раз пролонгировало повышенный минимум трудодней, установленный в 1942 г. только на период войны (первый раз его действие было продлено в 1945 г.). Трудоспособные колхозники, не вырабатывавшие необходимого минимума трудодней, как и в военные годы, должны были привлекаться к судебной ответственности⁴.

Таблица 1

Динамика и уровень заготовительных цен на продукцию колхозов в СССР в 1929–1952 гг. (без премий-надбавок, руб./ц)

Продукция	1929	1940	1952	1952 в % к 1929	% производственных затрат, возмещаемых от реализации продукции по ценам 1952 г.
Зерно	8,0	9,0	9,7	121	7
Картофель	4,0	4,0	4,7	117	12
Подсолнечник	8,0	14,0	19,2	240	н.св.
Сах. свекла	1,0	2,0	6,0	600	21
Льноволокно	49	74	414	844	35
Хлопок-сырец	28	114	226	807	63
Молоко	7,0	14,0	27,0	385	11
Говядина	43,0	38,0	38,0	88	2
Свинина	н.св.		67,2	160	3
Баранина			н.св.	90	3
Яйца (тыс. шт.)			199,0	550	15
Шерсть			1068,0	1050	33

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605. Л. 6, 8, 11, 13, 21; Д. 1561. Л. 29, 32.

В качестве методов, направленных на восстановление аграрного производства, использовались мероприятия по т.н. организационно-хозяйственному укреплению колхозов. В 1946 г. в целях повышения их производственного потенциала верховная власть инициировала кампанию по ликвидации нарушений

Устава сельхозартели, в рамках которой колхозам возвращалось имущество, незаконно перешедшее в распоряжение различных организаций и учреждений, экспроприировались «излишки» приусадебных земель колхозников, снижались завышенные нормы оплаты труда административно-управленческого персонала. В 1950 г. была организована кампания по укрупнению колхозов. В этой политике реализовывались доктринальные представления верховной власти о несомненных преимуществах крупных производственных структур над мелкими, что подтверждал опыт организации производства в промышленности, особенно в тяжелой. Данное мероприятие оказалось малоэффективным: не существовало достаточных факторов для создания большого количества крупных специализированных хозяйств, а форсирование этого процесса поставило колхозы в сложную ситуацию.

Ужесточение политики по отношению к личному сектору сельского хозяйства выражалось в повышении норм налогово-податного обложения ЛПХ и уменьшении контингента лиц, пользующихся льготами по уплате сельхозналога⁵. Усиление налогового пресса, принудительные «закупки» скота у колхозников, минимизация помощи их личным хозяйствам со стороны правлений колхозов, хроническая бескормица приводили к прогрессирующему снижению поголовья скота в ЛПХ. В Алтайском крае и Новосибирской области численность крупного рогатого скота (КРС) в них к концу 1952 г. сократилась по сравнению с 1947 г. на 32%, коров — на 28, свиней — на 52, овец и коз — 60%⁶.

Как одно из основных мероприятий, направленных на ускорение темпов развития сельхозпроизводства, в послевоенный период рассматривался принятый в 1948 г. «Сталинский план преобразования природы», который предусматривал создание системы полезащитных лесополос, строительство водоемов для орошения полей, применение травопольных севооборотов, удобрений, качественных семян. Все эти меры должны были способствовать повышению уровня культуры земледелия, который за годы войны существенно снизился. В силу острого недостатка средств основное внимание было сосредоточено на распространении травопольных севооборотов. Из-за чрезмерной централизации и шаблонных подходов к внедрению она оказалась малоэффективной. Хозяйствам сверху доводились обязательные параметры для разработки проекта севооборотов. Один и тот же тип применялся в различных природно-климатических условиях. В 1949 г. доля освоенных севооборотов в колхозах Омской области составляла 6%, в Алтайском крае — 2,8, в

Новосибирской области — 2,5%. Впрочем, в связи с началом процесса укрупнения колхозов пришлось отказаться и от этих севооборотов⁷.

К 1950 г. колхозы и совхозы Сибири в целом восстановили довоенный уровень посевных площадей и поголовья скота. Посевы всех сельхозкультур по отношению к 1940 г. равнялись почти 100%, зерновых — 93%. Численность КРС к уровню 1940 г. составила 107%. Расширение посевных площадей позволило хозяйствам региона добиться заметного увеличения объемов производства и заготовок продовольственных культур. В 1950 г. валовые сборы хлеба при урожайности в 8 ц/га превысили довоенный уровень на 21%. Однако мяса, молока и шерсти было произведено меньше, чем в 1940 г. В 1950–1953 гг. сельское хозяйство, исчерпав восстановительный потенциал, вступило в полосу стагнации. В 1953 г. валовой сбор зерновых культур в Сибири не превышал показатели 1940 г.⁸ Кризис аграрного производства стал перерастать в продовольственный. Заготовки хлеба из урожая 1953 г. не покрывали необходимых расходов на внутренние нужды: в СССР было заготовлено 1850 млн пудов зерна (30,3 млн т), а израсходовано — 1926 млн (31,5 млн т). В связи с этим, правительству пришлось разбронировать из государственного зернового резерва 160 млн пудов хлеба (2,6 млн т)⁹. Одной из причин кризисного развития аграрного производства являлась необеспеченность хозяйств сельхозтехникой. Относительно высоким уровнем механизации в колхозах отличалось только выращивание зерновых, остальные работы в полеводстве велись фактически вручную. Минимальной была механизация животноводства. Однако основной причиной низкой продуктивности сельского хозяйства являлось сверхнормативное изъятие у колхозов произведенной ими продукции и отсутствие из-за этого у колхозников материальных стимулов к высокопроизводительному труду.

Аграрный сектор нуждался в реформах, которые бы ослабили административно-командный прессинг на деревню и повысили материальную заинтересованность в работе колхозников. Проекты подобных преобразований разрабатывались, но И.В. Сталин выступал против их реализации¹⁰.

* * *

Изменения в аграрной политике стали возможны только после смерти вождя. Наследники сталинской власти посчитали необходимым и возможным пересмотреть подходы к проблемам развития сельского хозяйства. Смысл аграрных реформ они видели в том, чтобы шире использовать в нем механизмы эконо-

мического стимулирования. Первым с антикризисной программой выступил председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков. В речи на V сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. он заявил о смещении акцентов в экономической политике. Ставилась задача существенно увеличить объемы капиталовложений в развитие легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства. Улучшению положения в аграрном секторе должно было способствовать существенное повышение заготовительных цен на сельхозпродукцию и ослабление тяжести налогово-податного обложения деревни¹¹. Сессия приняла новый закон о сельхозналоге, который вводил принцип фиксированного обложения каждой используемой в ЛПХ сотой гектара земли, независимо от ее доходности. Налог уменьшался почти наполовину. Все недоимки с хозяйств колхозников списывались. Многие категории сельского населения (престарелые, сельская интеллигенция, переселенцы) совсем освобождались от его уплаты¹². 21 августа 1953 г. правительство значительно повысило заготовительные и закупочные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи¹³.

Развернутая программа развития аграрного сектора экономики на новых основах была разработана под руководством набиравшего политический вес секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и утверждена пленумом ЦК партии 7 сентября 1953 г. В постановлении пленума говорилось о необходимости дальнейшего повышения цен на продукты животноводства, на картофель и овощи. Увеличение мотивации колхозов в наращивании объемов производства и реализации государству продовольствия и сырья связывалось с использованием системы госзакупок, которые было решено проводить по ценам, в несколько раз превосходящим уровень заготовительных цен. Осуждалась практика повышения норм обязательных поставок для экономически сильных колхозов в целях восполнения недостачи продукции в слабых хозяйствах. Планировалось также изменить механизм определения размеров натуральной оплаты услуг МТС. Вместо порядка ее исчисления по зависящим от уровня урожая поразрядным расценкам было принято решение в 1954 г. перейти к расчету по твердым ставкам за каждый вид услуг, одинаковым для всех хозяйств одного района и дифференцированным по климатическим зонам. Важным условием увеличения объемов производства и заготовок продуктов животноводства называлось наличие известного количества продуктивного скота в личной собственности колхозного двора¹⁴.

Поднять сельское хозяйство планировалось за счет факторов интенсификации: повышения урожайности сельхозкультур и

продуктивности скота за счет развития агротехнологий, инфраструктуры производства, более широкого и эффективного использования в нем машинной техники. Рост механизации труда, признанный важнейшим способом подъема отрасли, предполагалось обеспечить с помощью усиления кадрового и технического потенциала машинно-тракторных станций. В целях формирования в МТС устойчивого кадрового контингента все колхозные механизаторы получали статус штатных рабочих станций. Одновременно увеличивался гарантированный минимум оплаты их труда. Ставилась задача перейти на систему обучения механизаторских кадров, применяемую в ремесленных училищах промышленности. В МТС планировалось направить 100 тыс. агрономов и зоотехников и большое количество инженерно-технических работников. В 1954–1957 гг. хозяйствам намечалось поставить не менее 500 тыс. тракторов. В 1954–1956 гг. в МТС должно было развернуться широкомасштабное строительство объектов производственной и социальной инфраструктуры. На эти цели выделялись значительные финансовые средства¹⁵.

Деля ставку на интенсификацию сельского хозяйства, Н.С. Хрущев понимал, что отдачу эта политика даст только в отдаленном будущем, тогда как обострившуюся до предела продовольственную проблему следовало решать быстро и без больших затрат. Поэтому Н.С. Хрущев поставил на повестку дня вопрос о массовом освоении целинных и залежных земель в восточных регионах с помощью мобилизации людских и материальных ресурсов. Его проведение должно было дать стране огромное количество дешевого хлеба и предоставить верховному руководству возможность осуществлять долгосрочную политику в более благоприятных условиях, нежели под давлением постоянного зернового дефицита. Необходимость получения больших объемов хлеба в кратчайшие сроки диктовалась также гонкой вооружений, требовавшей от страны все больше ресурсов, в том числе создания достаточных резервов продовольствия как минимум на год. Согласно постановлению февральско-мартовского пленума ЦК партии, в котором целинная программа получила свое директивное оформление, в районах Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока в течение 1954–1955 гг. за счет распахки целины, залежи и малопродуктивных травяных посевов планировалось расширить площади посева зерновых культур не менее чем на 13 млн га и получить с них в 1955 г. 1100–1200 млн пудов хлеба (18–19 млн т), в том числе 800–900 млн пудов (13–15 млн т) товарного при средней урожайности 14–15 ц/га. Хлебозаготовки намечалось увеличить на

30–40% по сравнению с 1953 г. Планы расширения зерновых посевов вскоре были повышены. Августовский (1954 г.) пленум ЦК КПСС поручил хозяйствам перевыполнить в 1954 г. задание по подъему целины и залежи, чтобы обеспечить в 1955 г. посев зерновых на этих землях по парам и зяби на площади не менее 15 млн га. На 1956 г. было запланировано довести посевные площади зерновых культур до 28–30 млн га¹⁶.

Проблемы проведения целинной кампании входят в сферу интересов многих современных исследователей. Большая их часть акцентирует внимание на вопросах, которые разрабатывались советской историографией (обеспечение целинных регионов трудовыми и техническими ресурсами, агротехника и земледользование на новых землях). Многим исследователям удалось существенно расширить фактологическую базу этой проблематики и сделать научно значимые выводы¹⁷. Вместе с тем на рубеже XX–XXI вв. были поставлены и новые важные вопросы. Так, И.Е. Зеленин попытался проанализировать обстоятельства создания и принятия целинной программы. Автор отмечает, что предложение Н.С. Хрущева освоить целину в Казахской ССР, с которым он впервые выступил на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, не было поддержано руководством этой республики. Глава и члены бюро ЦК ее парторганизации указали на то, что распашка целинных массивов в Казахстане приведет к нарушению интересов коренного населения, т.к. лишит его выпасов скота. В феврале 1954 г. по инициативе Н.С. Хрущева руководители Казахской ССР, проигнорировавшие планы освоения целины, были сняты с занимаемых постов¹⁸. Эти события дополняются рядом новых фактов. Помощь Н.С. Хрущеву в его борьбе с противниками целинной программы оказал первый секретарь Алтайского крайкома Н.И. Беляев, который осенью 1953 г. в письме в ЦК КПСС посоветовал Н.С. Хрущеву приступить к распашке неосвоенных земель в Сибири¹⁹. 11 декабря этого года в «Правде» была опубликована статья Н.И. Беляева «Использовать под посевы пшеницы огромные земельные резервы Алтая».

Важным вопросом, который в настоящее время нуждается в особом внимании историков, является вопрос о том, насколько целинная кампания была результативной, смогла ли она обеспечить страну необходимым количеством хлеба. Данная проблема пока не стала предметом глубоко научно-исторического анализа. В годы «застоя» авторы исследований по истории развития сельского хозяйства СССР в 1950-е — начале 1960-х гг. указывали на то, что в середине 1950-х гг., благодаря освоению новых земель, аграрный сектор советской экономики переживал небы-

валый подъем, способствовавший росту материального благосостояния граждан. Однако в начале 1960-х гг. из-за истощения целинного плодородия, во многом вызванного ошибочными подходами руководства к агротехнике земледелия на целине, продовольственный вопрос вновь обострился. Анализируя эти вопросы, советские историки ссылались в основном на количественные данные официальной статистики²⁰.

Опубликованные статистические материалы показывают, что вследствие распашки огромных массивов целины и залежи (табл. 2), в целом завершившейся к 1960 г., посевные площади зерновых культур в СССР возросли на 8%, в РСФСР — на 5, в Западной Сибири — на 44, в Восточной Сибири — на 39%, в Казахской ССР — в 3 раза²¹. В 1960 г. на Западную Сибирь приходилось почти 30% посевов пшеницы РСФСР. По этому показателю она опередила Урал и Поволжье (табл. 3). Существенно увеличилось производство зерновых культур. В Западной Сибири в 1954–1958 гг. их среднегодовая урожайность была выше, чем в предшествующим пятилетии, на 26%, в Восточной Сибири — на 22%, среднегодовые валовые сборы — соответственно в 2,2 и 1,6 раза, объемы хлебозаготовок — в 2,8 и 1,6 раза. В середине 1950-х гг. темпы роста производства и заготовок зерна в Сибири опережали общероссийские показатели, но были меньше, чем в Казахской ССР (табл. 4). В 1954–1958 гг. доля целинного зерна в общем объеме зернопоставок государству составляла в среднем за год 53%²². Кризис зернового производства начала 1960-х гг. оказался в сибирских регионах более глубоким, чем в других целинных районах и в стране в целом. Если в СССР в 1959–1963 гг. среднегодовые валовые сборы хлеба превышали показатели 1954–1958 гг. на 11%, в РСФСР и Казахской ССР — на 14, то в Сибири они снизились на 12% (табл. 4).

Таблица 2

**Вспашка целинных и залежных земель в 1954–1960 гг.
(в хозяйствах всех категорий)**

Регион	Тыс. га
СССР	41 836
Казахская ССР	25 484
РСФСР	16 352
Сибирь	9721
Западная Сибирь	6908

Таблица 2 (окончание)

Регион	Тыс. га
Алтайский край	2790
Омская область	1399
Новосибирская область	1586
Кемеровская область	302
Томская область	111
Тюменская область	720
Восточная Сибирь	2813
Красноярский край	1310
Иркутская область	427
Читинская область	1076

Источники: Вестник статистики. 1974. № 3. С. 94; Народное хозяйство СССР в 1956 г.: Стат. сб. М., 1957. С. 127; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М., 1961. С. 195; Народное хозяйство Новосибирской области: Стат. сб. Новосибирск, 1961. С. 78; ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 11. Д. 132. Л. 219.

Таблица 3

**Удельный вес экономических районов РСФСР
по посевной площади пшеницы
(в хозяйствах всех категорий, %)**

Район	1913 г.	1953 г.	1960 г.
РСФСР	100,0	100,0	100,0
Западная Сибирь	14,4	19,3	29,2
Поволжье	27,1	20,8	20,9
Урал	18,7	19,2	21,2
Другие районы	39,8	40,7	28,7

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1959 г.: Стат. ежегодник. М., 1960. С. 242.

**Среднегодовые показатели производства зерновых культур
(в хозяйствах всех категорий)**

Регион	1949–1953 гг.	1954–1958 гг.	1959–1963 гг.
Урожайность, ц/га			
СССР	7,7	9,2	10,2
РСФСР	7,0	8,7	9,9
Казахская ССР	6,2	7,3	6,9
Сибирь	7,6	10,3	8,7
Западная Сибирь	6,9	10,5	8,1
Восточная Сибирь	8,3	10,2	9,3
Валовые сборы, тыс. т			
СССР	80 948	113 236	125 972
РСФСР	46 681	65 203	74 415
Казахская ССР	3942	13 760	15 767
Сибирь	4387	9004	7999
Западная Сибирь	5987	13 567	11 205
Восточная Сибирь	2788	4441	4794
Государственные заготовки, тыс. т			
СССР	32 769	43 577	49 391
РСФСР	19 587	26 439	30 251
Казахская ССР	1819	8342	8499
Сибирь	1818	4402	3272
Западная Сибирь	2506	6983	4675
Восточная Сибирь	1131	1821	1869

Источники: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 94–95, 210–211, 214; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 54–55, 154–156.

Точка зрения современных историков в целом не противоречит выводам советских авторов. По мнению В.А. Шестакова, освоение целины являлось критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из аграрного сектора к вливанию их в него. Благодаря целинной кампании отрасль впервые стала рентабельной. Целина помогла

на время снять остроту зерновой проблемы, спасла население страны от голода. С вводом в сельхозоборот целинных земель в СССР были созданы большие возможности по заготовке товарного хлеба, однако желаемого изобилия получить не удалось²³. И.Е. Зеленин отмечает, что в середине 1950-х гг. зерновой баланс был положительным, т.е. государство заготавливало больше зерна, чем расходовало. Систематическое превышение расходов хлеба над заготовками началось в годы семилетки. Появившийся в 1959 г. дефицит зерна правительство стало восполнять за счет стратегических госрезервов, а с 1963 г. еще и путем ввоза хлеба из-за границы²⁴. Анализируя эти вопросы, И.Е. Зеленин опирался на материалы секретных фондов Архива Президента Российской Федерации (АПРФ) об объемах заготовок и расходах хлеба в СССР за 1940–1953 и 1954–1964 гг., которые были опубликованы Д.А. Волкогоновым²⁵.

Однако, согласно данным, выявленным нами в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в середине 1950-х гг., несмотря на высокие урожаи зерновых культур, недостаток продовольственного зерна ликвидирован не был. В РСФСР в первом полугодии 1957 г. дефицит пшеницы равнялся 2438,7 тыс. т и обуславливался отсутствием достаточного количества кондиционного зерна. Значительная часть поступившего государству хлеба не соответствовала установленным стандартам качества по уровню влажности и дефектности, что было вызвано его порчей при транспортировке на хлебоприемные пункты, а также острой нехваткой зернохранилищ, элеваторов и современных машин по сушке, сортировке и очистке зерна. Собранный хлеб зачастую оказывался под открытым небом, размещался небольшими партиями, разбросанными по фермам, бригадам и токам колхозов и совхозов. В 1956 г. в хозяйствах РСФСР было организовано более 16 тыс. небольших временных пунктов приемки зерна, на которые поступило свыше 34% всего заготовленного в республике хлеба. В районах Урала и Сибири в этом году действовало 12,3 тыс. таких складов, которые приняли 47% собранного урожая²⁶. О проблемах сохранности хлеба на целине журналистка К. Кожевникова вспоминала: «Зерно было всюду. Его некуда было девать. Оно устилало дороги толстым желтым покровом, и ухватистые целинники с Украины собирали целые мешки дармового отличного корма для гусей, кур, которые стадами ходили во дворах. А наши, что из-под Воронежа, да Орла, да Тулы, пили напропалую. Над всей целиной стоял густой мат и запах сивухи. Почему-то никто не знал, куда надо ехать и где сгружать хлеб. Ни сушилок, ни элеваторов»²⁷. Существенно снизилась доля содержания в пшени-

це белка и клейковины, невосполнимый вред хлебопекарным свойствам этой культуры наносили сорняки и другие паразиты. Некондиционное зерно было малоприспособленным для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в государственные резервы и в семенную бронь²⁸.

Дефицит пригодной для хлебопечения пшеницы ставил под угрозу нормальное снабжение населения хлебной продукцией. Наиболее тяжелая ситуация с обеспечением граждан хлебопродуктами сложилась в Западной Сибири. Например, в Новосибирской области в начале 1957 г. из 220 тыс. т пшеницы, необходимой для производства сортовой муки, пригодной по качеству, было только 38% (84 тыс. т)²⁹, в связи с чем хлебопекарни Новосибирска недовыполнили план по ассортименту продукции почти на 50%. Вследствие этого с прилавков магазинов города практически исчезли наиболее востребованные сорта хлебных и кондитерских изделий, новосибирцам пришлось довольствоваться хлебом, который не пользовался у них большим спросом³⁰.

Министерство хлебопродуктов РСФСР разработало ряд мер по нормализации снабжения населения хлебной продукцией. Глава ведомства Н.Э. Прошунин в записке в Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 14 февраля 1957 г. «О состоянии ресурсов пшеницы по РСФСР»³¹ предложил в процессе производства муки высших сортов к используемой для этого кондиционной пшенице добавлять некондиционную, в частности, с повышенным содержанием проросших зерен, с солодовым и полынным запахами. При выпечке такого хлеба все посторонние запахи должны исчезнуть. Разрешение производства и реализации этой муки в стране (кроме Москвы и Ленинграда) позволит использовать на продовольственные цели до 1400 тыс. т пшеницы пониженного качества. Кроме того, Н.Э. Прошунин просил санкционировать выработку муки высшего и первого сортов с содержанием клейковины не менее 20%, второго сорта — не менее 18% (вместо требовавшихся по норме 23 и 20%). По мнению министра, даже в случае удовлетворения перечисленных просьб дефицит высококачественной пшеницы в стране все равно не может быть ликвидирован. В связи с этим он поставил вопрос о выделении из зерновых госрезервов в первом полугодии 1957 г. значительного количества кондиционного зерна этой культуры. Предлагалось разбронировать 3960 тыс. т, в том числе на хлебоприемных пунктах Министерства хлебопродуктов РСФСР — 2000 тыс., из которых 1300 тыс. — для сортового помола, и с хранилищ Главного управления государственных материальных резервов при Совете министров СССР — 1900 тыс. зерна сортовых кондиций, из которых 700 тыс. т — для мелькомбинатов Москвы и

Ленинграда. Взамен было обещано заложить на хлебоприемные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР 2000 тыс. т пшеницы наличных кондиций, исключая дефектную. Вместе с тем Н.Э. Прошунин подверг критике планы, намеченные союзным министерством хлебопродуктов, по разбронированию в марте 1957 г. 225 тыс. т качественной пшеницы, 38 тыс. т овса и 95 тыс. т ячменя для продажи за границу. Предложенные министром меры по ликвидации дефицита кондиционного зерна были в целом одобрены верховным руководством.

В последующие годы ситуация с качеством заготавливаемого хлеба не улучшилась. В 1958 г. в зерновых ресурсах РСФСР некондиционного по различным признакам зерна имелось 7,9 млн т, или 38% к общему наличию, в т.ч. пшеницы — 5,5 млн т (36%), ржи — 430 тыс. т (14%), овса — 823 тыс. т (88%), ячменя — 637 тыс. т (73,8%), проса — 440 тыс. т (81%), гречихи — 40 тыс. т (60%). Значительная часть полученного зерна была повреждена паразитами сельхозкультур. Основными поставщиками испорченного ими хлеба являлись зернопроизводящие регионы Северного Кавказа, Поволжья и Урала. В 1958 г. из 1963 тыс. т пшеницы, сданной колхозами и совхозами Краснодарского края, таким паразитом, как клоп-черепашка, было повреждено 1914 тыс. т, или 97%, в Ставропольском крае — 90, в Ростовской области — 72, в Сталинградской — 63, в Оренбургской — 64, а в целом по республике — 39%. Большое количество сорного хлеба поставляли государству хозяйства Западной Сибири. В этом году они сдали в государственные зерновые ресурсы 4,3 млн т заовсюженного и горькопольного зерна, или 57% от общей хлебосдачи (7,5 млн т). Серьезной проблемой стало уменьшение поставок твердых и сильных сортов пшеницы. С 1953 по 1958 г. в РСФСР посевные площади твердых пшениц сократились в 2,5 раза (с 3877 тыс. га) до 1556 тыс. га). Существенно уменьшились объемы заготовок ржи, овса и ячменя, проса, гречихи и бобовых³².

* * *

Таким образом, вклад целинной кампании в укрепление экономического потенциала страны и благосостояния граждан оказался весомым, но все же не столь значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось. Связанное с массовым освоением целинных и залежных земель расплытие выделенных на развитие сельского хозяйства финансовых ресурсов привело к тому, что ни целинные, ни старопашотные регионы не располагали достаточными средствами для строительства новых и модернизации существующих объектов инфраструктуры зернового хозяйства. Низкой была производственная дисципли-

на целинников. Условий для нормальной жизни и высокопроизводительного и ответственного труда на целине создано не было, поскольку строительство зданий хозяйственного и социального назначения шло крайне медленными темпами, зарплату часто задерживали. Все это способствовало снижению качества производимого и заготавливаемого хлеба. Зерновые ресурсы государства оказались в крайне запущенном состоянии. На преодоление негативных явлений в этой сфере в последующие годы были потрачены значительные средства. Одной из первых мер по нормализации ситуации в государственных ресурсах зерна стала закупка хлеба за границей (1963 г.), которая должна была улучшить качественные характеристики зерновых фондов.

Отклоняясь от курса сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, Н.С. Хрущев не отказывался от реализации намеченных на нем планов развития экономических отношений государства с колхозами. В октябре 1953 г. заготовительные цены на продукцию животноводства вновь были значительно повышены: на мясо КРС — в 10 раз, на свинину — в 6, на молоко и масло — в 2 раза³³. Цены на кожсырье с 1 марта 1955 г. возросли на 71%³⁴. Заготовительная цена на зерно в этом году увеличилась в 2,5 раза. Закупочные цены были существенно выше заготовительных (табл. 5). Новые цены дифференцировались по поясам с учетом почвенно-климатических особенностей.

Таблица 5

Заготовительные, закупочные и средние реализационные цены на продовольственную продукцию колхозов в СССР в 1954–1956 гг. (руб./ц)

Продукция	Заготовительные			Закупочные			Средние реализационные		
	1954	1955	1956	1954	1955	1956	1954	1955	1956
Зерно	10	25		н.св.	80		н.св.	42	
Картофель	10		34	30		51	20		40
Овощи	34		52	45		73	35		60
Молоко	55			120	129	144	78	85	98
Говядина	н.св.	131	150	н.св.	409	487	н.св.	220	260
Свинина	320	333	350	800	798	860	665	512	690
Мясо птицы	500			984			841		
Яйца, тыс. шт.	200			500			230		

Источники: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605. Л. 41–42; Д. 1630. Л. 15, 16, 113; Д. 1561. Л. 5, 39.

9 марта 1954 г. правительство установило для колхозов твердые погектарные нормы обязательных поставок животноводческой продукции. Сельхозартелям с низким уровнем развития животноводства предоставлялись скидки. Постановление Совета министров СССР от 9 июля этого года отменило взимание с колхозов гарнцевого сбора. Услуги государственных мельниц стали оплачиваться деньгами на договорной основе. Местным властям запрещалось доводить до колхозов задания по сдаче зерна, превышающие обязательства, исчисленные по установленным для каждого района погектарным нормам. В этом же месяце были введены твердые ставки натуральной оплаты услуг МТС. С сельхозартелей списывались все задолженности по обязательным поставкам и натуроплате³⁵. Данные меры должны были привести к увеличению количества продукции, которую колхозы могли реализовывать в порядке госзакупок. 9 марта 1955 г. был введен новый порядок планирования сельского хозяйства. Его отправным началом становились не размеры и структура посевных площадей и поголовья скота, а объем товарной продукции. Основные параметры производства должны были определяться колхозным руководством совместно с МТС³⁶.

Рост цен на сельхозпродукцию и ослабление тяжести податного обложения колхозного сектора способствовали увеличению его доходности. В 1953 г. дополнительный доход колхозов СССР от сдачи и продажи государству сельхозпродукции составил 8,1 млрд руб., в 1954 г. — 22,7 млрд, в 1955 г. — 25,3 млрд, в 1956 г. — 38,1 млрд. Суммы вырученных средств хотя и были намного выше уровня доходов в предшествующие годы, однако оказались недостаточно большими для того, чтобы экономика хозяйств могла эффективно функционировать. Если реализация технических культур позволяла колхозам улучшить финансовое положение (себестоимость производства центнера семян подсолнечника в целом по стране составляла 65 руб., а средняя реализационная цена на него с учетом премий-надбавок — 163 руб.), то цены на продовольственные продукты все еще не обеспечивали восполнения затрат. В 1955 г. в колхозах СССР сумма выручки от обязательной сдачи зерна возмещала только 23% издержек, картофеля — 30, мяса — 14, молока — 22, яиц — 15. Сдаточные цены, устанавливаемые для совхозов, были более обоснованны. В 1956 г. в производстве мяса отношение выручки от продажи по ним продукта к его себестоимости равнялось в среднем 78%, молока — 99, яиц — 104%³⁷.

Объемы продукции, реализуемой колхозами в рамках госзакупок, росли медленно. В 1953 г. в сельхозартелях СССР удель-

ный вес зерна, проданного государству, в его общем валовом производстве составил 38%, картофеля — 16, молока — 60%, в 1956 г. — соответственно 39, 18 и 65%³⁸. В различных регионах страны этот показатель имел разные значения. Если колхозы Урала и Сибири, приступившие в 1954 г. к освоению целинных и залежных земель, сдали в этом году по госзакупке около 50% валового сбора зерновых (в Западной Сибири — 68%), то хозяйства центральных и южных районов РСФСР — не более 25%³⁹.

Колхозы могли реализовывать по закупочным ценам больше продукции, если бы им не приходилось выполнять обременительные натуральные повинности. Размеры обязательных поставок оставались высокими, особенно в восточных регионах страны, где площадь пашни, по которой они исчислялись, существенно увеличилась в связи с распашкой новых земель. Твердые ставки натуроплаты МТС оказались завышенными, поскольку исчислялись от высоких показателей валового сбора⁴⁰. В связи с этим в неурожайные годы многие колхозы оказывались в тяжелом положении. В Алтайском крае в 1955 г. денежный доход колхозов от растениеводства составил всего 352 млн руб., тогда как в 1954 г. — 1969 млн руб. (в 1953 г. — 136 млн, в 1952 г. — 202 млн)⁴¹.

Несмотря на существенное увеличение колхозных доходов, уровень оплаты труда в общественном хозяйстве не создавал у колхозников заинтересованность в расширении производства. За несколько лет реформ он существенным образом не возрос, что негативно отразилось на уровне трудовой дисциплины (табл. 6). Ее понижению во многом способствовала либерализация внутриколхозной жизни, важнейшим проявлением которой стало предоставление колхозникам права самостоятельно устанавливать размеры обязательного минимума выработки трудодней. Согласно постановлению правительства от 23 июня 1954 г., он определялся колхозным собранием исходя из особенностей хозяйства и вступал в силу после утверждения райисполкомом. Трудоспособные колхозники, без уважительных причин не выработавшие минимум трудодней, уже не несли судебной ответственности, а должны были быть наказаны путем повышения на 50% налога, взимаемого с их личных хозяйств⁴². После принятия этого решения работники многих сельхозартелей почти перестали выполнять свои трудовые обязанности. Так, в колхозе им. Ленина Новосибирского района Новосибирской области в августе 1954 г. на уборку урожая вышло только 64% работников полеводческих бригад, в сентябре — 46%. Выполнение норм выработки составило соответственно 55 и 38%⁴³.

**Оплата труда колхозников и работников тракторных бригад
и степень их участия в колхозном хозяйстве
в Новосибирской области в 1953–1957 гг.**

Годы	Определено колхозами к выдаче на трудодни и по дополнительной оплате труда		% взрослых и подростков, выработавших менее минимума трудодней и не выработавших ни одного трудодня	В т.ч. % не выработавших ни одного трудодня
	Млн руб.	Зерновые и бобовые культуры, тыс. т		
1953	136,1	104,5	9,1	1,1
1954	410,8	285,1	11,3	1,1
1955	41,2	14,4	12,4	2,1
1956	419,5	199,7	10,5	1,5
1957	356,5	118,7	11,7	1,7

Источники: ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 6об.; Д. 2097. Л. 2об., 5, 7об.; Д. 2213. Л. 2об., 5, 7об.

Принцип планирования «снизу» практически не выполнялся, поскольку центральные и местные власти не хотели окончательно потерять контроль над сельхозартелями, еще больше понизить степень управляемости производственного процесса. Мало того, в конце марта 1955 г. началась кампания по отправке из городов в колхозы для работы в качестве председателей 30 тыс. коммунистов (движение «тридцатитысячников»)⁴⁴. С помощью проведения данной акции высшая власть намеревалась не только качественно улучшить состав колхозных руководителей, но и расширить в хозяйствах партийное влияние, усилить за счет этого дисциплину труда и перейти к централизованному управлению сельхозпроизводством по типу промышленных предприятий. Осуществлению этих задач должно было способствовать и очередное массовое укрупнение колхозов. В изучаемый период повсеместно происходило существенное сокращение числа сельхозартелей при столь же существенном увеличении количества дворов, приходящихся на одно хозяйство. В Сибири средние размеры сельхозугодий, общественных посевов и поголовья скота колхозов возрастали более высокими темпами, чем в стране в целом. При этом сельхозартели региона имели меньшее количество дворов (табл. 7, 8). Укрупнение привело к полной ликвидации еще сохранявшихся в колхозах элементов артельной демократии. Мнение колхозников оконча-

тельно потеряло какое-либо значение, поскольку в объединенных хозяйствах их общие собрания были трансформированы в собрания уполномоченных. Зато возросла власть руководителя предприятия. С ведома председателя и по его воле происходили исключение и прием в члены колхоза, устанавливались нормы выработки, расценки работ, обязательный минимум трудодней, авансовые выплаты, размеры ЛПХ и т.п. Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1956 г., вносившему дополнения в Устав сельхозартели, уклонение от работы в колхозном хозяйстве могло послужить предлогом для отрезки приусадебного участка и лишения возможности использования общественных сенокосов и выпасов⁴⁵.

Повсеместно проводилось преобразование колхозов в совхозы, считавшихся наиболее производительной формой хозяйствования. Вывод о превосходстве совхозов над колхозами Н.С. Хрушев сделал в 1954 г., когда в ходе инспекционной поездки в целинные районы Казахской ССР убедился, что государственные хозяйства способны с наибольшей эффективностью использовать технику, более высоко оплачивать труд работников⁴⁶. К весне 1955 г. число совхозов, созданных на целинных землях, увеличилось до 425, в том числе в Казахской ССР — до 337 и в РСФСР — до 88. В Сибири появилось 40 целинных совхозов, из которых 21 — в Алтайском крае, 11 — в Омской и 8 — в Новосибирской областях⁴⁷. С 1957 г. совхозную форму организации сельхозпроизводства стали широко использовать для подъема экономически слабых колхозов. Решение взять отстающие сельхозартели на бюджет государства было принято в связи с тем, что, несмотря на укрупнение и обновление председательского корпуса, их численность существенным образом не уменьшилась. В совхозный сектор переводили также многие пригородные колхозы, в том числе и экономически сильные с целью увеличения выпуска мясомолочной продукции, картофеля и овощей для городского населения. В Западной Сибири совхозизация деревни получила более масштабный характер, чем в других регионах Сибири и целом по стране. В начале 1960-х гг. в Западной Сибири число совхозов почти сравнялось с количеством колхозов (см. табл. 7).

Реорганизация колхозов в совхозы способствовала повышению социального статуса и материального благосостояния колхозников. Так, в Хакасской автономной области в 1957 г. оплата труда работников сельхозартелей, ставших совхозными рабочими, была выше уровня 1956 г. более чем в 2 раза. В то же время заработок бывших колхозных председателей уменьшился, поскольку они, как правило, получали менее значимые посты, та-

Таблица 7

Численность колхозов и совхозов в 1950–1964 гг. (на конец года)

Регион	Колхозы					Совхозы				
	1950	1953	1957	1961	1964	1950	1953	1957	1961	1964
СССР	121 353	91 177	76 535	40 494	37 616	4988	4857	5905	8281	10 078
РСФСР	67 921	53 129	43 735	18 478	17 218	2953	2780	3144	4544	5125
Западная Сибирь	6000	4426	2741	1229	1043	308	312	422	604	739
Восточная Сибирь	4386	3166	2376	860	765	115	109	141	247	303

Источники: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 43, 51; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 486–487, 584–585.

Таблица 8

Средние размеры колхозов в 1953 и 1958 гг.

Регион	Приходится в среднем на один колхоз					
	Дворов		Сельхозугодий, га		Посевов, га	
	1953	1958	1953	1958	1953	1958
СССР	220	276	4211	4501	1407	1881
РСФСР	172	225	3417	3953	1480	2046
Западная Сибирь	156	222	6376	7939	2154	4158
Восточная Сибирь	113	169	5567	8109	1175	2328
					Крупного рогатого скота, голов	
					1953	1958
					298	463
					244	405
					421	754
					382	635

Источники: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 62–63.

кие как, например, управляющий отделением совхоза. Многие вновь созданные хозяйства не были в достаточной степени обеспечены средствами для расширения производства. В Алтайском крае в 1957 г. 24 новым совхозам на достройку животноводческих помещений, ранее принадлежавших колхозам, требовалось 18 млн руб, тогда как выделили только 5 млн. В Красноярском крае 17 совхозам вместо необходимых 29 млн руб. на аналогичные цели ассигновали всего 7 млн⁴⁸.

Неэффективность рассмотренных выше организационных мероприятий во многом обусловила невыполнение принятой в январе 1955 г. программы развития животноводства, предусматривавшей удвоение объемов производства его продукции к 1960 г. и превращение колхозов и совхозов в основных поставщиков мяса, молока, яиц и др. продуктов⁴⁹. Трудности с реализацией этих планов были также связаны с неудачами в деле распространения посевов кукурузы для укрепления кормовой базы животноводства. «Королева полей» внедрялась в принудительном порядке без учета климатических и почвенных особенностей регионов и в ситуации недостатка у большинства хозяйств необходимых для ее эффективного возделывания семян, химикатов, специализированной техники и квалифицированных кадров. Для руководителей хозяйств производство кукурузы оставалось очень непростым делом. Они нередко свертывали ее внедрение, за что строго наказывались. В 1957 г. за скептическое отношение к кукурузе от работы был отстранен первый секретарь Новосибирского обкома партии Б.И. Дерюгин. Вырастить достаточного количества кукурузного зерна так и не удалось. Ситуация с производством зеленой массы кукурузы на силос и зеленый корм складывалась лучше⁵⁰.

Крупнейшим производителем продукции животноводства оставались ЛПХ населения, производственный потенциал которых возрос благодаря ослаблению тяжести налогово-податного обложения. В 1953–1954 гг. от сдачи государству сельхозпродукции были избавлены хозяйства инвалидов, руководителей сельхозпредприятий, специалистов, рабочих, служащих, учителей, престарелых. С 1 января 1958 г. система обязательных поставок ЛПХ вовсе перестала действовать. Расширился контингент лиц, освобожденных от уплаты сельхозналога и пользующихся льготами по налоговым выплатам⁵¹. Эти меры проводились в надежде на то, что в ближайшие годы производительность «социалистического» сектора сельского хозяйства возрастет и в изъятии ресурсов из ЛПХ не будет необходимости. Уменьшится и роль ЛПХ в жизнеобеспечении населения. Реальное положение дел оказалось иным. В Алтайском крае в 1953–1957 гг. численность

КРС в подворьях колхозников увеличилась на 47,0%, свиней — в 7,7 раза, овец и коз — в 2,5 раза, тогда как в колхозах — соответственно на 0,1, 21,8 и 4,7%. В 1953–1958 гг. в колхозах и совхозах Западной Сибири производство мяса выросло на 35%, в ЛПХ — на 57%, в Восточной — на 19 и 24%. В Сибири в этот период личные хозяйства граждан производили 54% всего мяса и молока, а также 76% картофеля и 56% овощей⁵². Удельный вес натуральных и денежных поступлений от ЛПХ в бюджет колхозной семьи в Западной Сибири составлял в среднем 35%, в Восточной Сибири — 44%⁵³.

* * *

Проводя мероприятия административного и политико-идеологического характера, верховное руководство по-прежнему признавало важность использования в сельском хозяйстве механизмов экономического стимулирования и намеревалось сделать решительные шаги в данном направлении. В связи с этим было обращено внимание на предложения экономиста-аграрника В.Г. Венжера, поставившего вопрос об отмене в аграрной сфере натуральных форм взаиморасчетов и переходе к товарно-денежным отношениям, функционирующим на принципах эквивалентности. В октябре 1955 г. в Планово-экономическом управлении при Министерстве сельского хозяйства СССР были разработаны конкретные меры по реализации этих установок. Сотрудники ведомства рекомендовали вместо нескольких каналов поступления государству продукции колхозов использовать один канал — государственные закупки, осуществляемые по ценам, обеспечивающим не только возмещение затрат, но и накопление средств для расширения хозяйства. При Совете министров СССР предлагалось создать Комитет цен, занимающийся вопросами ценообразования. Плата за услуги МТС должна была производиться в денежной форме и покрывать себестоимость работ, включающую амортизационные расходы и накопления в пределах 5–10%⁵⁴. О необходимости введения экономически обоснованных цен говорилось и в записке секретаря райкома партии по зоне Нестеровской МТС Сунженского района Грозненской области И.З. Доненко, направленной в 12 октября 1955 г. в ЦК КПСС. Он обосновывал также целесообразность перевода колхозов на полный хозрасчет по типу госпредприятий, установления для колхозников норм выработки и расценок работ по действовавшим в промышленности принципам, и обеспечения авансирования работников хозяйств за счет государственных кредитов⁵⁵.

В 1956 г. отмеченные рекомендации частично были реализованы. Если предложения по реформированию системы заготовок правительство отклонило как преждевременные, то принцип возмещения затрат и создания накоплений стал соблюдаться, но только при установлении заготовительных и закупочных цен на картофель и овощи, уровень которых был существенно повышен (см. табл. 5). При этом накопления были приняты в размере 32,3% выручки от реализации этих культур. Объем натуроплаты за услуги МТС по их возделыванию рассчитывался в соответствии со стоимостью выполненных работ. Себестоимость производства картофеля и овощей, а в последующем и всей колхозной продукции, исчислялась не на основе реальных затрат колхозов, а исходя из оценки труда колхозников на уровне средней зарплаты сезонных рабочих совхозов (8,8 руб. в пересчете на трудодень)⁵⁶. По мнению экспертов, данный метод подсчета издержек препятствовал развитию хозрасчетных отношений⁵⁷.

Цены на другие продовольственные продукты колхозов существенным образом не изменились. Использование нового принципа ценообразования при определении цен на всю продукцию колхозов было признано несвоевременным в связи с еще пока высокой ее себестоимостью. Приведение цен в соответствие с издержками колхозного производства потребовало бы расходования значительных финансовых ресурсов (в 1956 г. — 19–20 млрд руб., в 1956–1960 г. — 105 млрд)⁵⁸, полностью возместить которые при существовавшем уровне розничных цен на продовольствие не представлялось возможным. Возвращению данных средств в госбюджет могло способствовать повышение розничных цен, однако вопрос о принятии этой меры на повестку дня не ставился, наоборот, их уровень планировалось снизить. Поэтому важнейшей задачей называлось повышение производительности труда в колхозах путем увеличения уровня его оплаты, механизации и организации и обеспечение за счет этого снижения себестоимости продукции, в первую очередь в животноводстве.

В целях улучшения условий оплаты труда в колхозах в марте 1956 г. их правлениям было указано на необходимость более широкого использования системы авансирования и выплат за перевыполнение планов. Для этого им следовало создавать специальные фонды, пополняемые за счет отчуждения части натуральных и денежных доходов хозяйства⁵⁹. Чтобы колхозы смогли реализовать данную задачу, а также располагать большими средствами на развитие производства, в марте этого года с них были списаны почти все задолженности по госпоставкам и на-

туроплате⁶⁰. Число хозяйств, перешедших на авансирование труда, стало расти. В Красноярском крае в 1956 г. его осуществляли 38% всех колхозов, в 1958 г. — 60, в 1960 г. — 72%⁶¹. С 1957 г. наиболее высокодоходные колхозы Сибири стали переходить на гарантированную денежную оплату труда без трудодня с ежемесячным авансированием.

Обеспечение более широкого и эффективного использования машинной техники в колхозном хозяйстве связывалось с реформированием системы его материально-технического обслуживания. Верховное руководство рассматривало два варианта реформы. Первый был предложен сотрудниками Планово-экономического управления при Министерстве сельского хозяйства СССР в середине октября 1955 г. и предусматривал переход от неэквивалентной натуральной к денежной оплате услуг МТС с переводом последних на хозрасчет⁶². Второй способ заключался в предоставлении колхозам права самостоятельно распоряжаться сельхозтехникой. Мысль о ее передачи сельхозартелям и ликвидации на этой основе МТС высказывалась экономистами В.Г. Венжером и А.В. Саниной еще в начале 1950-х гг., но была отклонена⁶³. В середине 1950-х гг. эти идеи получили вторую жизнь. Так, о целесообразности перевода всей техники МТС на баланс колхозов говорилось в упоминаемой выше записке И.З. Доненко.

Интересный проект реформирования системы колхоз — МТС был представлен в записке начальника Планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова, направленной в ЦК КПСС 16 декабря 1955 г. В ней указывалось на необходимость объединения МТС и колхозов и создания на их базе хозрасчетных сельхозпредприятий нового типа под названием соцхозы. Их организация должна была улучшить использование техники и рабочей силы, сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производственным вопросам между МТС и колхозами, создать у их работников стимулы к труду. В сельхозотделе ЦК КПСС по РСФСР идею создания соцхозов назвали неприемлемой. По мнению сотрудников отдела, в образовании данных хозяйств нет необходимости, так как колхозы располагают большими внутренними резервами для самостоятельного развития и об этом говориться в соответствующих постановлениях ЦК КПСС. Тем не менее записку К.Д. Карпова направили в Министерство сельского хозяйства РСФСР, которому поручили использовать некоторые ее положения при разработке мероприятий на следующий год⁶⁴.

В 1956—1957 гг. верховное руководство, принимая меры по улучшению системы технического обслуживания колхозов, учи-

тивало как на первый, так и на второй варианты ее реформирования. В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев говорил о возрастании роли МТС в хозяйственной жизни колхозов и необходимости перевода станций на хозрасчет⁶⁵, на декабрьском (1956 г.) пленуме ЦК КПСС он указал на целесообразность перехода к денежной оплате услуг станций⁶⁶. Вместе с тем в 1956 г. тракторные бригады МТС стали соединять с полеводческими, животноводческими и комплексными бригадами колхозов. Объединенные подразделения подчинялись совместному руководству МТС и колхозов. Данный способ организации производства позволил уменьшить затраты живого труда на единицу продукции. Так, в 1956 г. в тракторно-полеводческой бригаде Машковцева колхоза им. Н.С. Хрущева Шушенской МТС Красноярского края количество трудодней, расходуемых на производство 1 ц зерна, уменьшилось относительно уровня 1955 г. на 42,7%, картофеля — на 2,2, сена — на 36,7%. В общей сложности было сэкономлено более 12 тыс. трудодней⁶⁷. Количество объединенных подразделений стабильно возрастало. В Алтайском крае с 1956 по 1957 г. число тракторно-полеводческих бригад увеличилась с 95 до 265. В Красноярском крае в 1957 г. их количество достигло 176⁶⁸. Не менее эффективной оказалась и практика предоставления колхозам техники МТС в арендное пользование⁶⁹.

Одновременно проводилось укрупнение МТС и уменьшение штата их работников. Сокращалось в связи с этим и финансирование программы строительства в них объектов производственной и социальной инфраструктуры. Если в 1954 г. в РСФСР на сооружение в МТС мастерских, гаражей, жилых домов, общежитий, школ и др. зданий было израсходовано 1 млрд 710 млн руб., в 1955 г. — 1 млрд 336 млн, в 1956 г. — 1 млрд 305 млн, то в 1957 г. на эти цели ассигновали только 557 млн руб. В 1957 г. в МТС РСФСР было сдано в эксплуатацию только 240 тыс. кв. м жилой площади, тогда как в 1955 г. — 470 тыс., в 1956 г. — 480 тыс. кв. м⁷⁰. Многие МТС ликвидировались, а их материально-техническая база и кадры передавались совхозному сектору. В 1957 г. в РСФСР совхозам перешел машинный парк и кадры 435 МТС, в Западной Сибири — 148, в Восточной Сибири — 33⁷¹. С 1956 по 1957 гг. вследствие укрупнения и реорганизации численность МТС уменьшилось соответственно на 10, 24 и 11%⁷².

В феврале 1958 г. верховное руководство приняло решение о продаже техники МТС колхозам и преобразовании первых в действующие на основе хозрасчета ремонтно-технические станции (РТС), обязанные обслуживать колхозы и совхозы за денежную

плату. Вместе с техникой в сельхозартели переходила большая часть механизаторов. Реорганизацию МТС и передачу их машинного парка колхозам предполагалось провести постепенно, с учетом особенностей регионов и отдельных хозяйств и в сроки, установленные республиканскими правительствами. Эти планы были узаконены Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г.⁷³ Конкретные меры по их осуществлению указывались в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 апреля 1958 г. Согласно документу, техника МТС должна была продаваться колхозам на добровольных началах по их заявкам. Предусматривалась ее продажа в рассрочку, с правом погашения платежей в течение 2–3 лет. Допускалось временное функционирование МТС для обслуживания отстающих хозяйств⁷⁴.

В июне 1958 г. руководство страны, надеясь на существенное повышение производительности труда и снижение себестоимости производства в колхозном секторе, посчитало целесообразным осуществить ранее разработанные планы реформирования системы цен и заготовок. С этого года продукция колхозов должна была поставляться государству только в порядке закупок. Обязательные поставки и натуроплата МТС отменялись, все задолженности списывались. В октябре была создана Комиссия Президиума Совета министров СССР по вопросам ценовой политики. Введенные 26 июля 1958 г. единые закупочные цены имели зональную и сезонную дифференциацию, могли повышаться или понижаться в зависимости от качества и сорта продукции и уровня урожайности⁷⁵. Они были существенно выше средних реализационных цен, однако не обеспечивали полного возмещения затрат. Новые цены сделали выгодным производство зерна и технических культур, тогда как животноводство оставалось нерентабельным. В 1958 г. в РСФСР отношение выручки от реализации продукции растениеводства к ее себестоимости составляло 196%, животноводства — 75%, в Западной Сибири — соответственно 221 и 75%⁷⁶.

Проект реорганизации МТС и реформа системы цен и заготовок имели прогрессивный характер, но их потенциал полностью реализован не был. К концу 1950-х гг. позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК партии и рядом последующих постановлений, был уже исчерпан. Добившийся единоличной власти Н.С. Хрущев, веря в огромный потенциал социализма, посчитал возможным, используя его преимущества и достижения, совершить грандиозный скачек вперед, чтобы приблизить время вхождения советского общества в коммунизм. Об этих планах сначала возвестила резолюция XXI съезда КПСС в феврале

1959 г., который утвердил семилетний план развития народного хозяйства, а затем новая программа КПСС, принятая XXII партсъездом в октябре 1961 г.⁷⁷ Диктатура личной власти Н.С. Хрущева и его идеологическая зашоренность вылились в принятие поспешных и оторванных от реальной жизни решений, негативно повлиявших на развитие аграрного сектора экономики.

Рассчитывая на рост доходности колхозов после введения новых цен на их продукцию и списания задолженностей прошлых лет по обязательным поставкам, натуроплате и контрактации, Н.С. Хрущев потребовал ускорить процесс реорганизации МТС. 10 октября 1958 г. Совет министров СССР своим постановлением обязал республиканские правительства сократить установленные ранее сроки оплаты полученной техники⁷⁸. Машинный парк МТС был в целом выкуплен к 1960 г. Колхозы СССР уплатили за него почти 39 млрд руб. Самые большие выплаты пришлось на 1958 г.⁷⁹

Поспешная реорганизация МТС подорвала финансовую систему значительной части колхозов, в первую очередь экономически слабых. Колхозам пришлось направлять большие средства на оплату стоимости и обслуживания полученных машин, цены на топливо и запчасти к которым возросли. В результате сложилось несоответствие между денежными затратами колхозов и количеством финансовых ресурсов, выделяемых на проведение госзакупок. Ситуацию осложнило осуществленное в сентябре 1958 г. понижение цен на ряд продуктов растениеводства. Цена на зерно уменьшилась в среднем на 13%, на семена подсолнечника — на 15, на сахарную свеклу и картофель — на 10%⁸⁰.

В этой ситуации средства для развития производства колхозы черпали из фондов оплаты труда. В 1959 г. в колхозах Алтайского края в них было перечислено только 74% запланированной суммы⁸¹. Значительная часть хозяйств, использовавших гарантированную плату за труд, вернулась к системе трудодней или к смешанным формам. В 1959 г. гарантированную денежную оплату по Западно-Сибирскому экономическому району (без Тюменской области) применяло 253 колхоза, в 1960 г. — 235, в 1961 г. — 242⁸². Отсутствие высокого и устойчивого заработка порождали текучесть кадров и сокращение их численности в целом. В Алтайском крае в 1959—1964 гг. количество трудоспособных колхозников уменьшилось на 38%, в том числе трактористов-машинистов, комбайнеров и шоферов — на 13%⁸³. Полученные колхозами трактора, комбайны и орудия по большей части использовались неудовлетворительно, не соблюдались порядок и условия их хранения и эксплуатации, многие

сельхозмашины разукрупнялись и расхищались по частям. Значительная доля колхозов игнорировала услуги РТС, предпочитая ремонтировать технику своими силами, т.е. кустарным способом, который обходился им гораздо дешевле, чем в РТС. Ремонтные станции без необходимой финансовой поддержки из Центра оказались убыточными.

Не лучше обстояли дела и в совхозах. Производительность техники в них, несмотря на более высокий уровень оплаты труда механизаторов, оставалась крайне низкой. Совхозные рабочие не были заинтересованы в лучшем обращении с сельхозмашинами, поскольку не считали себя их хозяевами. Себестоимость продукции увеличивалась, что в условиях стабильных сдаточных цен приводило к росту убыточности предприятий. В 1958 г. убытки совхозов РСФСР составляли 38 млн руб, в 1962 г. — 492 млн, в 1963 г. — 1065 млн руб.⁸⁴ Государство ежегодно списывало их за счет средств бюджета.

Колхозы и совхозы стали получать от государства меньше сельхозтехники. С 1958 по 1960 г. поставки им тракторных плугов уменьшились на 11%, сеялок — на 42, культиваторов — на 52, зерновых комбайнов — на 12, грузовых автомашин — на 35%. В 1957 г. в СССР выпустили 928 млн сельхозмашин, в 1959 г. — 600 млн, в 1960 г. — 700 млн⁸⁵. Существенно уменьшились капиталовложения в аграрный сектор. По семилетнему плану их удельный вес был определен в 7,5% всех вложений в народное хозяйство против 11,3% в 1957–1958 гг. В 1958–1963 гг. план капвложений в отрасль не выполнялся⁸⁶.

В условиях кризисного развития аграрной экономики осуществлялась амбициозная задача догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Об этих планах впервые стало известно на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада РСФСР 22 мая 1957 г. К 1960–1961 гг. объемы выпуска мясной продукции намечалось увеличить в 3,2 раза (по отношению к 1956 г.)⁸⁷. В 1957 г. с осуществлением данной сверхзадачи возникли трудности. Против реализации новой программы по животноводству выступили политические противники Н.С. Хрущева, в частности, Г.М. Маленков, отмечавший, что она экономически не обоснована и противоречит линии партии⁸⁸. После победы над оппозицией Н.С. Хрущев вновь поставил вопрос о необходимости скорейшего повышения объемов мясного производства в СССР до уровня США. Выполнить эту задачу планировалось к 1965 г. Выпуск мясопродуктов к этому сроку должен был возрасти более чем в 3 раза по отношению к 1957 г. В феврале

1959 г. регионы получили задания по увеличению производства мяса. В РСФСР его следовало поднять в 3,2 раза, в том числе в районах Центральной части России в среднем — в 2,8, Северного Кавказа, Поволжья и Урала — в 3,4, Сибири — в 3,3, Дальнего Востока — в 3,1 раза⁸⁹. Реализация этих планов превратилась в нездоровую погоню за «рекордами» в целях получения высоких званий и наград, сопровождалась приписками в отчетности и очковтирательством.

Фактором резкого увеличения производительности животноводства верховное руководство называло укрепление кормовой базы за счет дальнейшего расширения посевных площадей кукурузы и других пропашных культур. Решительным сторонником данных мер являлся глава Алтайского НИИСХОЗа Г.А. Наливайко. Он предлагал размещать посевы кукурузы, свеклы и бобовых на участках, ранее выделяемых под чистые пары и травы. Этот почин поддержал Н.С. Хрущев, в связи с чем с 1959 г. в Алтайском крае, как и в стране в целом, стала разворачиваться кампания по ликвидации паротравопольных севооборотов и внедрению пропашной системы земледелия. Под «чудо-культуры» было отведено сотни тыс. га паров. В Западной Сибири за счет них посевы кукурузы увеличились более чем на 50%. Вреда от пропашной системы оказалось больше, чем пользы. Для ее успешного применения требовалось много удобрений, химикатов для борьбы с сорняками и болезнями сельхозкультур, специальная техника, но большинство хозяйств не располагало этими средствами в достаточном количестве, поэтому урожайность и валовые сборы кукурузы, бобовых и свеклы оставались низкими. Их повсеместное насаждение способствовало истощению естественного плодородия почв.

Н.С. Хрущев объявил войну личным подсобным хозяйствам населения. Руководителям совхозов и колхозов было поручено организовать скупку скота у граждан, проживавших на их территории, а также у жителей городов и рабочих поселков. Последним в середине 1959 г. законодательно запретили заниматься индивидуальным животноводством⁹⁰. На приобретение скота у населения сельхозпредприятиям выделялись финансовые средства. В сентябре 1959 г. колхозам СССР на скупку коров у горожан Госбанк предоставил кредит в 500 млн руб., из которых 300 млн выделялось для хозяйств РСФСР⁹¹. В январе 1960 г. совхозам РСФСР для покупки коров у своих работников ассигновывался 1,15 млрд руб. Совхозы Западной Сибири получали 23,5 млн, Красноярского края — 3,0 млн, Иркутской области —

1,0 млн руб.⁹² Целесообразность проведения этих мероприятий высшая власть обосновывала следующими доводами. Во-первых, существующий уровень развития колхозов и совхозов позволяет обеспечить продовольственные потребности занятых в них работников и горожан, поэтому нет необходимости в личных подсобных хозяйствах. Труд в них отнимает много времени и сил, которые можно с большей отдачей использовать в общественном производстве. Во-вторых, запрещение индивидуального животноводства позволит покончить со скармливанием скоту приобретенного в магазинах печеного хлеба. (Эту проблему пытались решить еще в 1956 г. путем введения системы штрафов⁹³. Тогда желаемого результат получить не удалось.) В-третьих, личные приусадебные хозяйства противоречат целям и задачам коммунистического строительства, поскольку являются частной собственностью, которой при коммунизме быть не должно.

Личный скот скупался в принудительном порядке по заниженной цене. Руководители сельхозпредприятий зачастую использовали его как резерв для выполнения обязательств по животноводству, поэтому стремились закупить как можно больше голов скота. С 1959 по 1964 г. количество КРС в ЛПХ Западной Сибири сократилось на 24%, коров — на 20, свиней — на 12, овец и коз — на 32%. Производство молока, яиц, шерсти в индивидуальных хозяйствах населения Сибири в начале 1960-х гг. уменьшилось на 10–15%. Несколько снизился и их удельный вес в общем валовом производстве животноводческой продукции. В 1960–1964 гг. в ЛПХ региона в среднем в год производилось 40% всего мяса и молока⁹⁴ (в 1953–1958 гг. — 54%). Политика ограничения ЛПХ имела глубокие социальные и демографические последствия. Именно на этот период пришелся повышенный миграционный отток сельского населения в города. Миграция, в свою очередь, ускоряла процесс сокращения масштабов личного сектора по всем производственным характеристикам, в т.ч. по числу дворов и размерам земельных участков.

Спад производства в ЛПХ усилил нестабильность обеспечения продовольствием жителей городов. В 1964 г. по сравнению с 1958 г. на городских рынках РСФСР объемы продажи мяса упали на 16%, молока — на 32%. Цены на продукты животноводства возросли на 37–58%⁹⁵. В то же время «социалистический» сектор сельского хозяйства был не в состоянии удовлетворить растущий спрос на продовольствие. За период реформ объемы производства животноводческой продукции в колхозах и совхо-

Валовое производство продуктов животноводства в колхозах и совхозах РСФСР и Сибири в 1953–1965 гг.
(тыс. т)

Продукт	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
РСФСР											
Мясо	1323	1430	1586	1712	2289	2643	2521	2861	3269	2533	3198
Молоко, млн т	6,4	11,4	13,6	14,8	16,7	18,0	19,0	20,0	19,6	20,9	24,8
Яйца, млн шт.	1400	1548	1833	2076	2747	3531	4266	4856	4846	4818	6436
Шерсть	94,1	98,4	105,9	112,6	126,9	126,7	131,9	133,6	131,7	124,7	129,1
Западная Сибирь											
Мясо	159	171	183	216	260	313	283	362	473	265	401
Молоко	1292	1777	2099	2204	2430	2621	2769	2830	2847	3114	3581
Яйца, млн шт.	109	112	127	135	163	234	342	442	403	361	541
Шерсть	11,6	10,8	11,8	11,4	12,6	12,2	11,4	11,8	10,6	8,9	9,9
Восточная Сибирь											
Мясо	91	110	110	110	144	146	154	175	187	182	201
Молоко	392	607	714	800	904	854	892	925	926	1055	1185
Яйца, млн шт.	43	43	50	60	85	137	155	186	209	232	280
Шерсть	8,9	10,7	12,1	14,0	16,0	18,0	18,6	19,5	19,4	18,8	19,9

Источники: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 340–341, 351, 356, 361; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 294–295, 302–303, 310–311, 318–319.

зах существенно увеличились, однако были ниже необходимого уровня. Утроить выпуск мяса так и не удалось (табл. 9). В начале 1960-х гг. количество продаваемой торговыми предприятиями мясомолочной продукции увеличивалось медленно, а объемы поставляемого в магазины животного масла заметно уменьшились (табл. 10).

Таблица 10

Объемы продаж продуктов животноводства в государственной и кооперативной торговле, включая общественное питание, в Омской области (в % к 1960 г.)

Товар	1961	1962	1963	1964	1965
Мясные продукты	88	102	121	109	126
Молоко и молочные продукты	97	100	107	126	133
Масло животное	96	76	81	91	129
Сало, маргарин и др. жиры	106	103	114	150	141
Яйца	192	211	174	147	321

Источник: Народное хозяйство Омской области: Стат. сб. Омск, 1969. С. 198.

Перебои в снабжении населения продовольствием и трудности с выполнением семилетнего плана по сельскому хозяйству вынуждали Н.С. Хрущева принимать меры экономического порядка. В декабре 1960 г. совхозам СССР для решения задач ускоренного подъема производства было ассигновано 3 млрд руб. Половину этой суммы получил совхозный сектор РСФСР⁹⁶. В январе 1961 г. колхозам были предоставлены льготы по подоходному налогу, длительная отсрочка платежей за приобретенную в МТС технику и по ссудам Госбанка, снижались цены на сельхозмашины, топливо и запчасти к ним⁹⁷. Январский (1961 г.) пленум ЦК КПСС указал на необходимость увеличения капиталовложений в аграрный сектор и поставок сельхозпредприятиям средств агрохимии. Машинно-ремонтные мастерские (МРМ), которые в июле 1960 г. пришли на смену РТС и еще действовавших МТС, перестали существовать, уступив место государственному Всесоюзному объединению «Союзсельхозтехника», призванному снабжать колхозы и совхозы техникой, запчастями, химикатами, организовывать ремонт их машинного парка и т.п.⁹⁸ В конце мая 1962 г. были предприняты попытки

стимулировать производство продуктов животноводства путем повышения закупочных цен. На скот и птицу они увеличивались на 35%, на животное масло — на 10 и на сливки — на 5%. Аналогичное повышение предусматривалось на продукцию, продаваемую ЛПХ. Убытки государства предполагалось компенсировать за счет подъема розничных цен на мясные продукты в среднем на 30% и животное масло — на 25%⁹⁹. Эта мера кардинально не улучшила положение в отрасли, зато возмутила основную массу горожан и спровоцировала кровавые события в Новочеркасске.

* * *

Однако принятие экономических мер Н.С. Хрущев все-таки не считал делом первостепенной важности. Решение производственных задач в первую очередь связывалось с повышением уровня партийно-государственного руководства сельским хозяйством, которое, по мнению главы КПСС, было ослаблено. Н.С. Хрущева возмущала распространившаяся на местах практика приписок в заготовительной отчетности. В 1960 г. была разоблачена фальсификация итогов мясозаготовок в Рязанской области, глава которой А.Н. Ларионов, не выдержав позора, покончил жизнь самоубийством¹⁰⁰. В 1959–1961 гг. за приписки, допущенные в ходе заготовок хлеба, и грубое обращение с подчиненными от работы были отстранены первые секретари парторганизаций Новосибирской, Томской и Омской областей (Б.Н. Кобелев, В.А. Москвин, Е.П. Колущинский)¹⁰¹ и некоторых других регионов. Н.С. Хрущев хотел видеть партийно-государственное руководство аграрным сектором более конкретным, компетентным и оперативным, в связи с чем инициировал ряд его реорганизаций. По решению январского (1961 г.) пленума ЦК КПСС Министерство сельского хозяйства СССР было перемещено в сельскую местность и превращено в орган по распространению среди колхозов и совхозов научных знаний¹⁰². Мартовский (1962 г.) пленум принял решение о создании территориальных производственных колхозно-совхозных управлений, в состав которых наряду с представителями партийных и советских структур должны были входить руководители сельхозпредприятий, специалисты сельского хозяйства и инженерно-технические работники. При этом райкомы партии ликвидировались. Ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК утвердил план разделения крайкомов и обкомов партии на сельскохозяйствен-

ные и промышленные. Перестройка системы управления сельским хозяйством тесно связывалась с задачами полного искоренения травопольной системы земледелия¹⁰³.

Очевидное банкротство административно-командных методов управления аграрным сектором заставило Н.С. Хрущева вновь обратить внимание на проблемы экономики сельского хозяйства. В 1963–1964 гг. правительство приняло ряд решений, направленных на повышение доходов сельхозпредприятий и их работников. Особую значимость имело Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 марта 1964 г. «О мерах подъема экономики отстающих хозяйств»¹⁰⁴. В нем говорилось о наличии в стране большого количества нерентабельных колхозов. Основными причинами убыточности колхозной экономики назывались низкий уровень руководства, текучесть кадров, недостатки в организации и оплате труда, слабая материально-техническая база. Документ указал на необходимость предоставления отстающим колхозам льгот по кредитам, списания задолженностей за технику, приобретенную у МТС, уменьшения подоходного налога на 75%, введения для механизаторов ежемесячной оплаты труда с доплатой до уровня совхозных тарифных ставок (на эти цели выделялся государственный кредит). 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов»¹⁰⁵. В нем впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости для мужчин с 65 лет, женщин — с 60 лет. Центральный Союзный фонд социального обеспечения колхозников создавался за счет отчислений от колхозных доходов и ежегодных ассигнований из государственного бюджета СССР.

На декабрьском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС было принято решение существенно увеличить объемы производства средств агрохимии¹⁰⁶. Утвержденные им планы масштабной химизации сельского хозяйства стали важной составляющей развернутой программы интенсификации отрасли, разработанной пленумом ЦК партии в феврале 1964 г. Помимо широкого использования в сельхозпроизводстве химикатов, базовыми элементами нового курса аграрной политики являлись развитие орошаемого земледелия и мелиорации, а также внедрение комплексной механизации в сочетании с электрификацией производственных процессов. Февральский пленум ЦК партии 1964 г. сделал некоторые уступки «травопольщикам», предложив создавать культурные,

высокопроизводительные луга и пастбища¹⁰⁷. Реализовывались эти установки без участия Н.С. Хрущева, который в октябре 1964 г. был смещен с занимаемого поста.

В ходе аграрных реформ Н.С. Хрущева произошел слом сталинской модели аграрного строя, базировавшейся на внеэкономическом принуждении к труду бесправных крестьян-колхозников и не позволявшей в связи с этим решать важнейшие внешне- и внутривополитические задачи. Верховное руководство попыталось сформировать экономически обоснованную систему хозяйственных отношений государства с колхозами, предполагавшую эквивалентный обмен, денежную форму взаиморасчетов и материальную заинтересованность в труде, а также создать условия для интенсивного развития отрасли. Крупнейшей антикризисной мерой являлось освоение целинных и залежных земель на востоке страны. Десталинизация деревни способствовала росту материального благосостояния ее жителей и объемов выпуска сельхозпродукции. В то же время упразднение репрессивных механизмов привело к снижению уровня управляемости аграрным производством, его качественных показателей. Создание эффективно функционирующей системы материального стимулирования требовало много времени, значительных финансовых ресурсов и, самое главное, готовности отказаться от доктринальных установок. Однако у верховной власти не было ни первого, ни второго, ни третьего, в связи с чем чисто экономические вопросы по-прежнему решались административными методами. Повсеместно происходило укрупнение, централизация и огосударствление хозяйственных структур. В Сибири эти процессы протекали быстрее и имели большие масштабы, чем в стране в целом. Следствием данной политики стало усиление тенденций отчуждения селян от земли и средств производства, что оказывало негативное влияние на уровень их трудовой отдачи.

Примечания

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 318, 389–392.

² Карпунина И.Б., Поломошнова Г.Б. Восстановление сельскохозяйственного производства Сибири в послевоенный период. 1946–1950 гг. // Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири в условиях социализма. 1938–1980 гг.: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1983. С. 48.

³ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 212.

⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952. С. 17–18, 211, 259–260; Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 148.

⁵ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3. С. 90–91, 93–94, 96; Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 148.

⁶ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. Новосибирск, 2001. С. 69.

⁷ Ильиных В.А. «Зерновой проект» 1954 г. в контексте аграрной истории Сибири // Сибирь: проекты XX в. Новосибирск, 1996. С. 147–148.

⁸ История Сибири. Л., 1969. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. С. 211, 245; Ульянов Л.Н. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири. 1945–1953 гг. Томск, 1979. С. 137.

⁹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1. С. 86.

¹⁰ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.

¹¹ Маленков Г.М. Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М., 1953. С. 12–15.

¹² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1956 гг.). М., 1956. С. 321–322.

¹³ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Сб. постановлений Совета министров СССР за 1953 г. Т. 3. Л. 292, 319.

¹⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4. С. 50–54, 107, 119.

¹⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 50–54, 107, 119.

¹⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам Т. 4. С. 160–191, 264–268.

¹⁷ Пахомова Е.В. О механизме привлечения рабочей силы в районы освоения целинных и залежных земель // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: Сб. статей. Оренбург, 2006; Алейников М.В. Сельское хозяйство Алтайского края в период освоения целинных и залежных земель (конец 1953–1964 гг.). Бийск, 2005; Кузнецов В.В. Роль печати и в организации освоения целинных и залежных земель на Алтае. Барнаул, 2005 и др.

¹⁸ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 84, 89–90, 93.

¹⁹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФАК). Ф. П-5876. Оп. 11. Д. 25. Л. 129–137; Сорокин В.В. Последний в когорте «железный вождей». Барнаул, 1998. С. 22–35.

²⁰ См., напр.: Куликов В.И. Место и роль освоения целинных земель в увеличении производства зерна в СССР // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 3–16.

²¹ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 147; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 115.

²² Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 95, 228.

²³ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 1960-х гг. М., 2006. С. 234.

²⁴ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 214.

²⁵ Волкогонов Д.А. Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. С. 382, 384.

²⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 9–12.

²⁷ Литературная газета. 1994. № 6. С. 19.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 6, 9–12; Ф. 13. Оп. 1. Д. 675. Л. 53.

²⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 2.

³⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1721. Л. 80–82.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 1–4.

³² Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 675. Л. 51–53, 78–83; ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1848. Л. 84–87.

³³ Могильницкая К.И. Роль цены в развитии экономики колхозов. Томск, 1965. С. 21.

³⁴ ГАНО. Сб. постановлений Совета министров СССР за 1955. Т. 1. Л. 52.

³⁵ Там же. Сб. постановлений Совета министров СССР за 1954. Т. 3. Л. 51–52, 197–199, 228–229, 240–244.

³⁶ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 365–370.

³⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 32; Д. 1605. Л. 41–42; Д. 1630. Л. 92–93, 109.

³⁸ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 60–61, 212, 236, 352.

³⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 8.

⁴⁰ ГАНО. Сб. постановлений Совета министров СССР за 1954. Т. 3. Л. 197–199, 228–229, 240–242.

⁴¹ Народное хозяйство Алтайского края: Стат. сб. Барнаул, 1958. С. 43.

⁴² ГАНО. Сб. постановлений Совета министров СССР за 1954. Т. 3. Л. 151.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1528. Л. 47.

⁴⁴ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 372–398.

⁴⁵ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 605–611.

⁴⁶ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. С. 298–301.

47 Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк. М., 1976. С. 184–185; Хлеб Прииртышья. Омск, 1999. С. 125; Народное хозяйство Новосибирской области: Стат. сб. Новосибирск, 1961. С. 78; ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 10. Д. 24. Л. 40.

48 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1511. Л. 11–13.

49 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 340–360.

50 Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. С. 139–153, 201–202.

51 Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 47–48.

52 Народное хозяйство Алтайского края. С. 65–66; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 235, 238, 240, 243.

53 Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. С. 147.

54 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 1–3.

55 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 71. Л. 110–121.

56 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1630. Л. 14–18.

57 Фигуровская Н.К. Проблемы реформирования аграрного строя (к 100-летию со дня рождения В.Г. Венжера) // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х гг. и современная реформа в сельском хозяйстве. Люди. Идеи. Факты. М., 2000. С. 20.

58 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1630. Л. 32.

59 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам Т. 4. С. 603–605.

60 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1630. Л. 21–24; Д. 2097. Л. 7 об.; Д. 2213. Л. 7 об.

61 Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 325.

62 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 1–3.

63 Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 33.

64 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 51–122, 125–126.

65 XX съезд КПСС 14–25 февраля 1956 г.: Стенограф. отчет. М., 1956. Т. 1. С. 64–65.

66 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 286. Л. 13.

67 ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1677. Л. 49.

68 Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 278–279.

69 ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1677. Л. 50.

70 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 1–3.

71 ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1511. Л. 2.

72 Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 75.

⁷³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 4. С. 392–401.

⁷⁴ ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за апрель 1958. С. 165–179.

⁷⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 428–434; ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за июль 1958 г. С. 303–321; Сб. постановлений Совета министров СССР за октябрь 1958 г. С. 132–133.

⁷⁶ Могильницкая К.И. Роль цены в развитии экономики колхозов. С. 34–35.

⁷⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 9. С. 310–311; Т. 10. С. 128.

⁷⁸ ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за октябрь 1958. С. 148–149.

⁷⁹ Ольшевская Г.К. К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 189.

⁸⁰ ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за сентябрь 1958 г. С. 109–110.

⁸¹ Казанцев А.В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Сб. статей. Новосибирск, 1977. С. 211–212.

⁸² Буздалов И.Н., Карлюк И.Я., Морозов В.А. Материальное стимулирование и подъем колхозного производства. М., 1965. С. 206.

⁸³ Казанцев А.В. Реорганизация МТС... С. 215.

⁸⁴ Сельское хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1964. С. 47.

⁸⁵ Синюков М.И. Экономика использования машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах. М., 1966. С. 9.

⁸⁶ Воловик А. Рационально использовать капитальные вложения в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства. 1965. № 5. С. 56.

⁸⁷ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 448–450.

⁸⁸ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 111.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1848. Л. 59–64.

⁹⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30.

⁹¹ ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за сентябрь 1959 г. С. 230–231.

⁹² Там же. Сб. постановлений Совета министров СССР за январь 1960 г. С. 55; ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1862. Л. 244–245.

⁹³ ГАНУ. Сб. постановлений Совета министров СССР за 1956 г. Л. 143–146.

⁹⁴ Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 292–293, 296–297, 300–301, 304–305, 312–313, 320–321, 422–425, 428–433, 440–441.

⁹⁵ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. С. 111–112.

⁹⁶ ГАНО. Сб. постановлений Совета министров СССР за декабрь 1960 г. С. 178–181.

⁹⁷ КПСС в резолюциях... Т. 10. С. 7–10.

⁹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 713, 718–720.

⁹⁹ Правда. 1962. 1 июня.

¹⁰⁰ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 114.

¹⁰¹ Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 115–124.

¹⁰² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 714.

¹⁰³ КПСС в резолюциях... Т. 10. С. 217–230, 288–296.

¹⁰⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... М., 1968. Т. 5. С. 451–458.

¹⁰⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 5. С. 472–473.

¹⁰⁶ КПСС в резолюциях... Т. 10. С. 380–390.

¹⁰⁷ Там же. С. 399–405.

Принудительный труд в СССР

*И.В. Грибанова**

Дальстрой: экономическое освоение Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг.**

Организация геологоразведочных работ в конце 20-х гг. в районе верховьев Колымы и блестящий, геологически обоснованный, прогноз Ю.А. Билибина на наличие там больших запасов золота, а также и других полезных ископаемых, оказались весьма актуальными для решения задач форсированной индустриализации страны, развернувшейся с начала 30-х гг. На средства от реализации золота за рубежом можно было закупать станки, оборудование и технику. Это стало основой для формирования большого социально-экономического проекта «Дальстрой».

В данной статье рассматриваются вопросы становления и развития Дальстроя как базовой структуры экономического освоения Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. Показаны различные аспекты экономической деятельности Дальстроя, основанной на широком использовании принудительного труда заключенных, включая, прежде всего, добычу золота и других ценных полезных ископаемых, строительство и эксплуатацию дорог, создание транспортной инфраструктуры, а также и другие сектора (сельское хозяйство и рыбные промыслы, электроэнергетику, строительство обогатительных фабрик, строительство города Магадана, административных центров горнопромышленных управлений и т.д.).

Становление и развитие Дальстроя

11 ноября 1931 г. под грифом «Совершенно секретно» вышло подписанное И.В. Сталиным постановление «О Колыме» — об образовании специального треста с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б) «для форсирования разработки золота в верховьях Колымы», где была установлена ориентировочная

* Грибанова Инна Васильевна — магистр истории (заведующая историко-краеведческим залом поселка Усть-Омчуг Магаданской области).

** Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00256а.

программа добычи золота: к концу 1931 г. — 2 т, в 1932 г. — 10 т, и в 1933 г. — 25 т. Это постановление обязывало Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) и наркоматы выполнять все заявки треста вне очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобилизационного запаса и запаса Комитета резервов¹.

13 ноября 1931 г. принято постановление Совета Труда и Оборона (СТО) СССР № 516 «Об организации Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы — Дальстрой»².

На Дальстрой возлагалась разработка недр и «колонизация района разработок, и организация всевозможных предприятий и работ в интересах успешного выполнения первой задачи». С самого начала своего образования Дальстрой и его директор получили практически неограниченные полномочия в зоне своей деятельности. В ведение Дальстроя передавались все минеральные и биологические ресурсы края, все находящиеся на его территории предприятия. Никто без особого разрешения СТО не имел права вмешиваться в деятельность треста.

В апреле 1937 г. был упразднен Совет Труда и Оборона, руководивший хозяйственной деятельностью Дальстроя, его обязанности формально возлагались на Экономический совет при СНК СССР, а фактически трест передавался под контроль НКВД СССР, что вскоре было узаконено Постановлением СНК СССР № 260 от 4.03.1938 г. и Приказом НКВД № 079 от 30.04.1938 г. Государственный трест «Дальстрой» получил новое название — Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР (ГУ СДС НКВД СССР)³. Осталось и прежнее название «Дальстрой».

В системе НКВД-МВД СССР Дальстрой находился до марта 1953 г. Согласно Постановлению Совета министров СССР № 832-370сс от 18 марта 1953 г. ГУ СДС МВД СССР было передано в Министерство металлургической промышленности СССР⁴. В 1957 г. Дальстрой был ликвидирован окончательно⁵.

Население. До образования Дальстроя территорию населяли немногочисленные коренные жители побережья Охотского моря, занимавшиеся в основном охотой и рыболовством (Ольский, Северо-Эвенский районы), и также немногочисленные коренные жители верхней Колымы — кочующие эвены, занимавшиеся оленеводством и полукочующие якуты, разводящие коров и лошадей для собственных нужд и занимающиеся охотой и рыболовством. В 1931 г. на территории Верхней Колымы был образован Среднеканский район. О плотности населения этого огромного края дают представление следующие документы. В апреле 1932 г. якутское поселение Оротук, расположенное в

верховьях р. Колымы, посетил геолог Б.И. Вронский, один из первопроходцев Колымы. Он писал: «Оротук — очень оригинальный поселок. Это административный центр огромной территории площадью свыше 80 000 кв. км с населением 280 человек. Расположен он на равнине, в огромной излучине Колымы. Поселок состоял из нескольких одиночных изб, разбросанных на расстоянии 2—3 км одна от другой»⁶.

В конце 30-х гг. в верховьях Колымы работала экспедиция Наркомзема. По ее данным, «на 1.01.1938 г. население Оротукского сельсовета исчислялось в 241 человек, 72 хозяйства. По национальному составу 65 хозяйств было якутских и 7 хозяйств кочующих эвенов. Хозяйства разбросаны по территории сельсовета в 15 поселениях. В двух из них живут по 14 хозяйств, в остальных от 1 до 7. В самих поселениях хозяйства расположены не рядом, а разобщенно друг от друга, от 0,5 до 3-х км» и «в различных направлениях от Оротука в расстоянии 65—220 км»⁷. Сами же поселения находились в долинах крупных рек. Большая же часть территории представляла местность, которую можно характеризовать, как «здесь не ступала нога человека». На территории других сельсоветов плотность коренного населения была сходной.

До образования Дальстроя на территории было и пришлое временное население. Это были работники Верхне-Колымской приисковой конторы, образованной в октябре 1928 г.⁸, и занимающиеся добычей золота в бассейне притоков р. Колымы — Среднекан и Утиная, да геологи, ведущие поиски золота и других полезных ископаемых в долинах притоков Колымы сравнительно недалеко от Среднекана. «На 1 января 1932 г. на Колыме находилось 3129 вольнонаемных рабочих»⁹. При этом — полное отсутствие дорог и какой-либо инфраструктуры на всей территории Дальстроя.

Учитывая малонаселенность территории, для ее освоения правительство СССР изначально делало ставку на применение принудительного труда заключенных исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ.

Территория Дальстроя первоначально составляла 450 тыс. кв. км и административно входила в Дальневосточный край. По мере открытия и ввода в эксплуатацию новых месторождений эта территория расширялась: в середине 1936 г. она составляла 700 тыс. кв. км, заняв часть территории Якутской АССР, в 1939—1940 гг. вошли районы Чукотки, весной 1941 г. ее территория снова увеличилась и составила 2,3 млн кв. км. Последнее

увеличение территории произошло в начале 1951 г. Площадь Дальстроя составила почти 3 млн кв. км¹⁰.

Руководители Дальстроя. Первым директором Дальстроя был Эдуард Петрович Берзин (1893–1938). В декабре 1937 г. почти все руководство Дальстроя было репрессировано, большинство из них расстреляны. Начальником Дальстроя стал старший майор ГБ (с 02.02.1939 — комиссар ГБ 2-го ранга) Карп Александрович Павлов (1895–1957) с 21.12.1937 по 11.10.1939. Его сменил комиссар ГБ 3-го ранга (генерал-лейтенант с 09.07.1945) Иван Федорович Никишов (1894–1958) до 24.12.1948, затем генерал-майор Иван Григорьевич Петренко, умерший 3.08.1950, два месяца до назначения и приезда нового начальника Дальстроя исполнял его обязанности главный инженер Дальстроя полковник Иван Кузьмич Кузнецов (1899–1972). Горный генеральный директор 2-го ранга Иван Лукич Митраков (1905–?) был начальником Дальстроя с 03.10.1950 до 17.02.1956 г.¹¹

Особенностью Дальстроя было то, что он в лице директора (начальника с 1938 г.) обладал всей полнотой власти на своей территории. Административные границы практически значения не имели. Кроме добычи золота и других полезных ископаемых, дорожного строительства и всего остального хозяйства Дальстроя (снабжение, транспорт, здравоохранение, культурно-бытовое строительство и т.д.), в функции Главного управления Дальстроя входило управление лагерями через Управление «Севвостлаг», партийными органами — через политчасть (с мая 1939 г. — Политуправление Дальстроя), советскими органами, созданными в поселениях коренного населения еще до образования Дальстроя — через административно-хозяйственный отдел (с 1938 г. — Административно-гражданский отдел) Дальстроя.

Следует отметить, что в выросших за годы деятельности Дальстроя поселках (промышленных центрах Колымы), где жило и «вольное» население, конституционные органы власти в лице местных Советов разных уровней не создавались до начала 1954 г. (Они стали формироваться после образования Магаданской области в декабре 1953 г.) Полной властью на местах обладали начальники горно-промышленных (ГПУ) и отраслевых управлений Дальстроя и политотделы при этих управлениях.

Попытка руководителей края создания в 1939 г. Колымского округа в составе Хабаровского края и ограничения функций Дальстроя потерпела фиаско¹². Сталин осудил это решение — «эту ошибку придется исправить».

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Магаданского окружного комитета ВКП(б) Воробьеву об особом статусе Дальстроя¹³.

13 августа 1939 г.
Совершенно секретно

Магадан
Секретарю окружкома Воробьеву.
Копия: Дальстрой Павлову.
Копия: Хабаровск Донскому.

Ваши шифротелеграммы получены. Ваше предложение об освобождении Дальстроя от ряда важнейших функций и превращение его в простой главк считаю схематичным, нежизненным. В Москве мыслится Дальстрой не как главк, а как комбинат специального типа, работающий в специфических условиях использования исключительно уголовных людей. Эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины и особого режима. Оторвать от Дальстроя важнейшие функции, хотя бы и не связанные непосредственно с добычей металла, — значит ликвидировать особый характер Дальстроя, как комбината, базирующегося на уголовной силе. Вы упустили из виду, что другого населения в районе Дальстроя, кроме уголовного, нет или почти нет. Мне кажется далее, что неправильно поступили, организовав для Колымы специальный окружком. Эту ошибку придется на днях исправить. В районе Колымы нужен не окружком, а партком при Дальстрое, связанный с политотделом и подчиненный ему.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 107. Подлинник.

Округ просуществовал только полтора месяца, все вернулось на круги своя.

Лагерная система Дальстроя. Из-за малонаселенности территории Дальстроя ставка делалась на ее освоение с помощью принудительного труда заключенных.

Первые заключенные прибыли в бухту Нагаева вместе с Э.П. Берзиным и другими руководителями нового треста на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Их было немного, чуть больше 100 человек. Среди них были осужденные в основном по бытовым статьям, были и с 58-й статьей. Последние были специалисты горно-добывающей промышленности, влившиеся в инженерно-техническую службу Дальстроя, получавшие зарплату и жившие среди вольнонаемных. Остальные заключенные жили в утепленных мхом палатках и домиках, работали в различных мастерских, складах, молочной ферме. Вокруг первого лагеря еще не было ни колючей проволоки, ни вышек, ни собак¹⁴.

Северо-Восточный лагерь ОГПУ был организован по Приказу № 287с заместителя наркома Г.Г. Ягоды от 1 апреля 1932 г. В административном и хозяйственно-финансовом положении лагерь был подчинен директору Дальстроя, а контроль и административное руководство Севвостлагом возлагалось на ПП ОГПУ по ДВК. Уполномоченным же ОГПУ по Колымскому краю, а с осени 1932 г., кроме того, еще и уполномоченным Дальневосточного крайисполкома и Далькрайкома партии был назначен все тот же директор Дальстроя Э.П. Берзин¹⁵.

Навигация в Охотском море началась в июне. С этого времени и начался массовый завоз заключенных на Колыму. К концу декабря 1932 г. на всех предприятиях и в учреждениях Дальстроя работало 9928 заключенных¹⁶.

Функции уполномоченного по обеспечению заключенными, а после образования лагеря «врид¹⁷ начальника Севвостлага ОГПУ» исполнял В.М. Егоров, в ноябре 1932 г. начальником Севвостлага был назначен Родион Иванович Васьков, прибывший из УСЛОНа, и оставался в этой должности до конца сентября 1934 г.¹⁸ Его сменил на этом посту капитан ГБ И.Г. Филиппов (по 21.12.1937 г.)¹⁹.

В этот период структура Севвостлага была нечеткой — лагерь находился в стадии формирования. За исключением Нагаево-Магаданского района, лагподразделения были мелкими, мобильными, размещались на большой территории в районах золотодобычи, геологоразведки и строительства дорог, далеко друг от друга и не имели устойчивой связи. Режимные условия оставляли желать лучшего, преобладала самоохрана.

В последующие годы было несколько реорганизаций в структуре Севвостлага (УСВИТЛа): образовывались лагеря, потом они переименовывались в отделения, районы и снова в лагерь, но не самостоятельные, а всегда в составе УСВИТЛа²⁰. Каждый из лагерей УСВИТЛа находился при соответствующем горнопромышленном, или ином отраслевом управлении, и включал в себя ОЛПы, лагерные отделения, командировки и подкомандировки.

Неизменным оставался принцип единоначалия со стороны директора (начальника) Дальстроя во взаимоотношениях Дальстроя и лагеря. По приказу начальника Дальстроя образовывались новые ОЛПы, лагпункты, объединялись или разъединялись, передавались от одного лагеря в другой, в зависимости от производственной необходимости. В годы войны, когда не хватало людей, с менее рентабельных месторождений людей переводили на богатые месторождения, часто за сотни километров, где на голом месте организовывались новые прииски.

Дальстрой был структурой НКВД, но не ГУЛАГа, а УСВИТЛ жил по инструкциям ГУЛАГа и отвечал перед ним за учет, режим, охрану, санитарное состояние лагерных подразделений, культурно-воспитательную и оперативную работу и т.д. Но двойное подчинение лагерей, особенно на низовом уровне, вызывало определенные трения между производственной и лагерьной структурами. Слишком разные задачи стояли перед ними: производственный план и режимные требования.

Согласно Приказу ГУ СДС № 6098 от 27.09.1947 «Об объединении руководства производственными предприятиями и лагерными подразделениями в Дальстрое МВД СССР», начальники управлений становились и начальниками лагерей, а начальники предприятий — начальниками лагерных подразделений. Должности начальников управлений лагерей и начальников лагерных пунктов ликвидировались. На начальников производства теперь возлагалась полная ответственность за состояние режима, охраны, быта и трудиспользования заключенных²¹. Приказом МВД СССР от 20.09.49 г. узаконивалась реально существующая структура, что начальник Дальстроя одновременно является начальником исправительно-трудовых лагерей, а начальник ГПУ или отраслевого управления одновременно является начальником лагеря. В управлении Дальстроя вводилась должность заместителя начальника по лагерю, который ведал всеми вопросами взаимодействия производства и лагеря, в т.ч. оперативной работой и охраной²².

Все преобразования в Дальстрое и лагерях делались всегда в сторону усиления единоначалия. МВД СССР в процессе структурных преобразований хотело сократить лагерный аппарат, раздробив его по лагерным управлениям. В декабре 1951 г. начальник Дальстроя И.Л. Митраков писал министру МВД СССР С.Н. Круглову:

«В связи с докладной запиской начальника ГУЛАГа генерал-лейтенанта Долгих докладываю.

В связи с отдаленностью и экономической запущенностью хозяйства Дальстроя считаю целесообразным в системе Министерства внутренних дел Дальстрой считать самостоятельным Главным управлением лагерей и не включать отдельные исправительно-трудовые лагеря во всю дислокацию ИТЛ МВД, подведомственных непосредственно ГУЛАГу.

Севвостлаг Вашим приказом практически ликвидирован, и Дальстрой сейчас является Главным управлением лагерей. В отношении лагерей... роль ГУЛАГа должна сводиться к инспектированию... контролю... разработке общих положений: режима, охраны. Руководить же лагерями Дальстроя должно, безусловно, руководство МВД через начальника Дальстроя»²³.

Его поддержал и зам. начальника Дальстроя по лагерю Г.С. Жуков:

«...предполагаемая организационная схема ведет не к укреплению, а ослаблению лагеря, так как ликвидирует сектор, как целостный и комплексный организм... Нам нужно больше, чем где бы то ни было, учитывая нашу оторванность от “материка”, иметь свой маленький ГУЛАГ»²⁴.

В результате в 1952 г. Дальстрой и УСВИТЛ преобразовали в Главное управление лагерей строительства Дальнего Севера МВД СССР — ГУЛ СДС МВД СССР, сохранив прежнюю принципиальную схему²⁵. После передачи Дальстроя в Министерство цветной металлургии в марте 1953 г. Управление СВИТЛа переподчинили ГУЛАГу Министерства юстиции (официально с 3.09.1953 г.), а с 28.01.1954 — ГУЛАГу МВД СССР. 16.04.1957 г. УСВИТЛ был закрыт, а оставшиеся лагерные подразделения переданы по административной принадлежности той территории, где они располагались, в частности, в УИТК УВД по Магаданской области²⁶.

Сведения о численности заключенных в лагерях Дальстроя приведены на рис. 1. Наблюдается два максимума в численности заключенных, первый приходится на лето 1940 г. (более 180 тыс.), второй на осень 1951 г. (более 200 тыс.).

Рисунок 1

Численность заключенных в лагерях Дальстроя
(Севвостлаг + Берлаг)

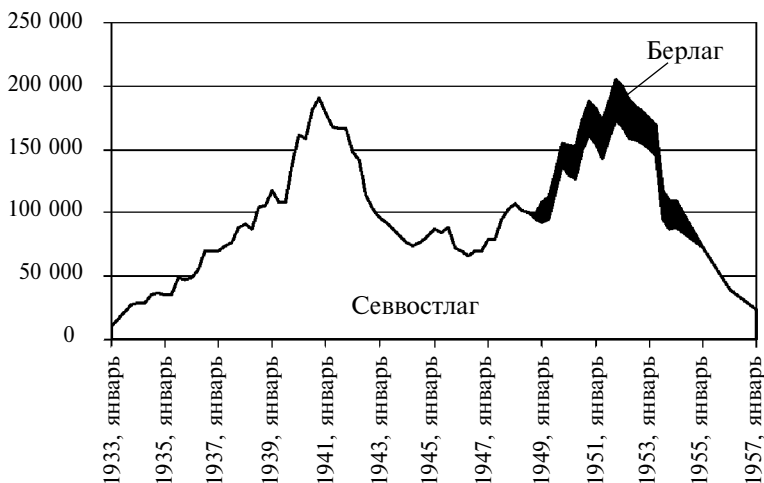

График построен по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 536–538; Данные на

01.10.1938 г., на 01.01.1955, 01.01.1956, 01.01.1957 гг. взяты из: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999. С. 134, 384.

Примечание. При пересчете данных численности Севвостлага, приведенных в книге «Сталинские стройки...», по формуле: имелось на начало года + прибыло — убыло = начало следующего года обнаружено ряд ошибок: 1. по расчетам от 1932–1937 гг. на 01.01.1938 г. получается 80 741 чел., в «Стал.стройки...» — 90 741, последующие же расчеты до 1942 г. дают приведенные в книге данные только, если считать от 80 741. 2. Непонятно куда исчезли 15 762 чел. в течение 1942 г.? Возможно, убыло больше, или прибыло меньше. 3. Непонятно, куда исчезли 1446 чел. в 1944 г.? 4. По Берлагу на 1.01.1954 г. должно быть 20 966, а не 21 388, т.е. 422 чел. взялись неизвестно откуда.

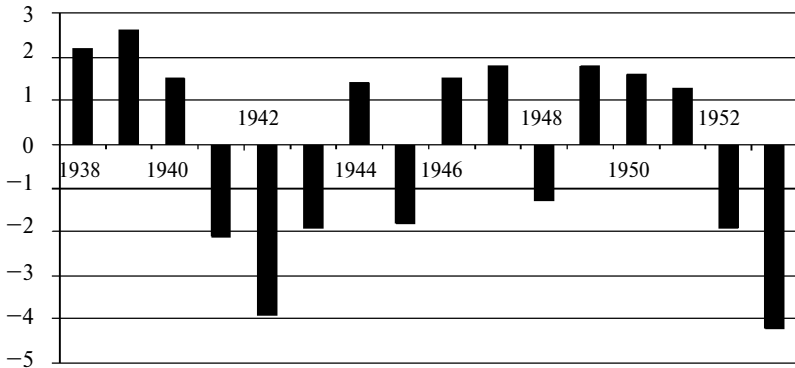
До войны в Дальстрое преобладал лагерный контингент (см. рис. 2). В этот период освободившиеся могли вернуться домой, другие переходили в разряд вольнонаемных. Доля привозимых на Колыму заключенных до войны примерно в 2 раза превышала долю убывавших (см. рис. 3). Основная часть лагерников поступала на предприятия к концу года. Это было связано с тем, что завоз заключенных из-за особенностей навигации в Охотском море осуществлялся, в основном, в 3- и 4-м кварталах, а больше всего рабочей силы требовалось в летние месяцы. Поэтому эффективность использования рабочей силы была невелика.

Рисунок 2

Составлено по данным: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... Магадан, 2002. С. 99, 131, 149; Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории // Колыма. 1993. № 8. С. 46; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 379.

Соотношение прибывших (+) и убывших (-) из Севвостлага заключенных

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 537.

С началом войны массовый завоз заключенных прекратился, но совсем не иссяк. В то же время доля убывших из Дальстроя (освобожденных, отправленных на фронт, умерших и т.д.) значительно превышала долю прибывших. Исключение составляет 1944 г. Это было связано с доставкой этапов заключенных с оккупированных территорий, в послевоенные годы их доля росла.

Проблему кадров в годы войны решали следующим образом. Было запрещено освобождать из лагерей осужденных по ст. 58 и 59 УК РСФСР (контрреволюционеров и бандитов), осужденные за служебно-бытовые преступления освобождались по согласованию с начальником РО НКВД и переходили в разряд вольнонаемных, до окончания войны они обязаны были работать в Дальстрое.

Нехватку кадров на основном производстве решали также за счет мобилизации рабочих и служащих со всех предприятий недобывающей промышленности²⁷ (такая практика имела место и до войны²⁸, но в годы войны она приняла массовый и постоянный характер). Посылали на основное производство и с дорожных участков, с тех, где дорога более-менее была сделана, часто в виде «автопролаза». Книга приказов Комсомольского дорожно-строительного участка за 1942 г., строившего первые 100 км Тенькинской трассы, пестрит приказами подобного содержания: «Приказ № 24 от 25.02.1942. На основании распоряжения начальника УДС Юга, уволить с КДСУ с откомандированием в Горное управление прииск “Экспедиционный” следующих в/н работников (далее список из 50 человек)»²⁹. Меняется только

количество откомандированных да названия приисков в других приказах. Все эти вольнонаемные, как правило, бывшие заключенные ОЛПа КДСУ.

Однако, несмотря на то что доля вольнонаемных в Дальстрое в военные годы преобладала и часть их мобилизовывалась на основное производство с других предприятий, все же доля заключенных, занятых непосредственно на добыче золота и олова, была выше, чем вольнонаемных. Так, по результатам бухгалтерского отчета за 1944 г. удельный вес вольнонаемных, отработавших на добыче золота составлял 46,3%, а заключенных — 53,7%, а на добыче олова соответственно — 39,7% и 60,3%³⁰. При этом соотношение затрат на зарплату вольнонаемных и от трудового использования заключенных составляло соответственно при добыче золота 91 133 тыс. руб. и 47 400 тыс. руб., а при добыче олова — 26 459 тыс. руб. и 17 253 тыс. руб.³¹

В первые послевоенные годы лагеря находились в очень тяжелом положении — много слабосильных и инвалидов среди заключенных, не хватало продуктов, одежды, прекратились поставки по ленд-лизу, обеспечивавшие в годы войны и заключенных, не было запасов топлива, бараки — старые и худые, при этом в них была большая скученность, на производстве — очень высокий травматизм³².

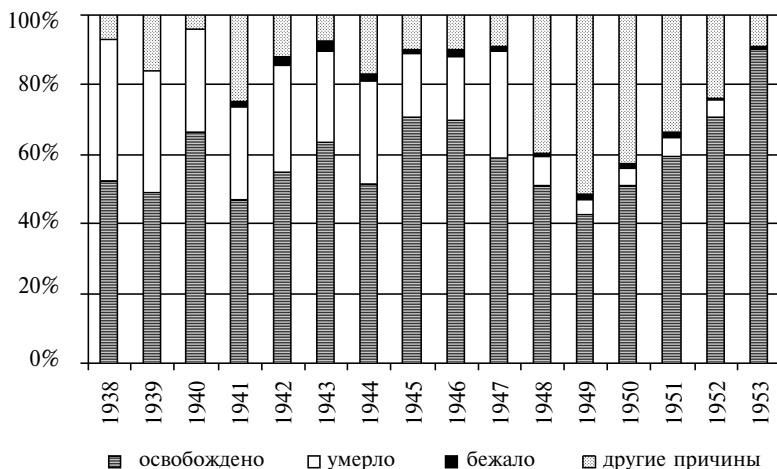
Смертность в лагерях Дальстроя была самой высокой по ГУЛАГУ, особенно до 1948 г. (см. рис. 4). Данные о смертности в Севвостлаге в 1946–1947 гг. представлены на рис. 5.

После окончания Великой Отечественной войны состав рабочих контингентов Дальстроя существенно изменился.

Изменился состав лагерников. Много стало заключенных из районов Западной Украины, Прибалтики, бывших военнопленных Советской Армии, молодежи, которая была вывезена в Германию с оккупированных территорий. Появились военнопленные бывшей японской армии. В начале 1950-х в колымских лагерях увеличилось количество «бандитствующего элемента». В письме в адрес министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова от 14.05.1952 г. о несогласии наложенного на него взыскания за групповой побег 16 заключенных из Янстройлага заместитель начальника Дальстроя по лагерю генерал-лейтенант Жуков писал:

«Несмотря на то, что лагеря Дальстроя совершенно не приспособлены для содержания уголовно-бандитствующего рецидива, ГУЛАГ в прошлом году произвел очистку лагерей страны, направив в наши совершенно необорудованные, плохо охраняемые лагеря, в бараки таежного типа, отъявленных головорезов, с которыми не могли справиться в уставных изоляторах, бурах, зурах на “материке”. Таким образом, благополучная картина с побегами в ряде лагерей создана, в значительной мере, за счет Дальстроя»³³.

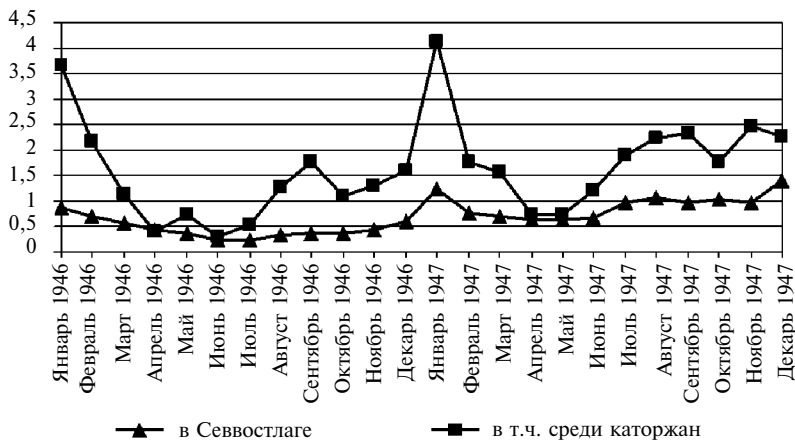
Соотношение убитых из Севвостлага по разным причинам

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 537.

Примечание. Другими причинами является перевод в другие лагеря или тюрьмы.

Смертность в Севвостлаге в 1946–1947 гг.

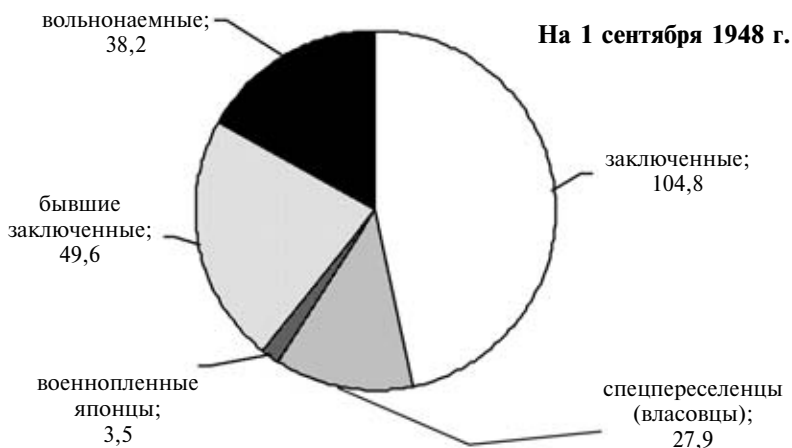
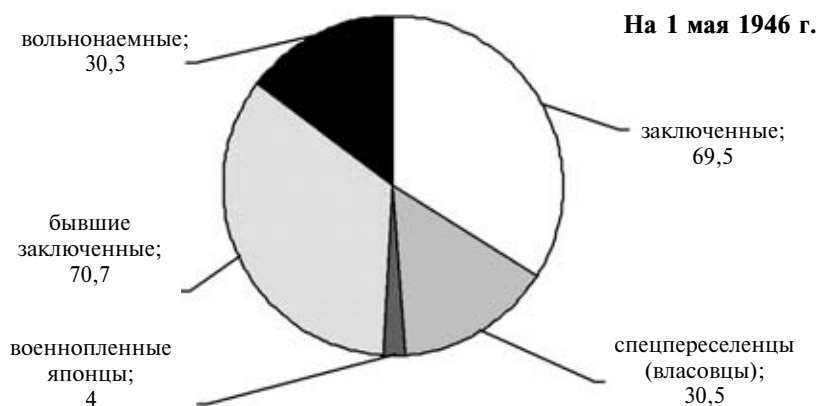

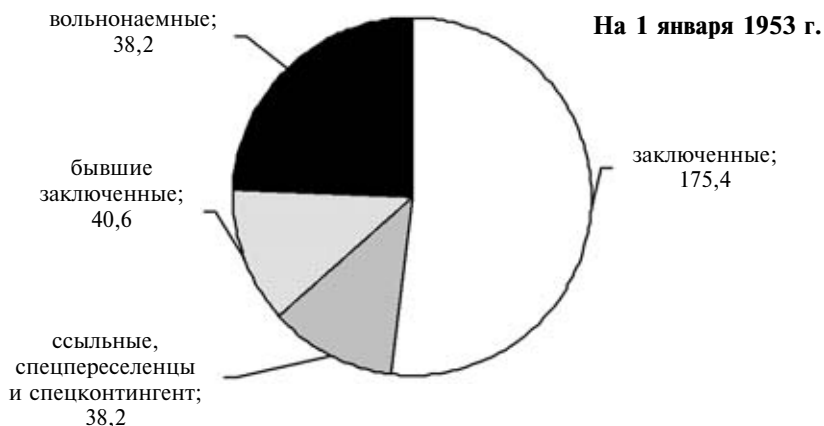
Составлено по данным: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1283. Л. 17, 19; Д. 2817. Л. 2, 8, 11, 17, 19, 27, 28, 36, 37, 46, 54.

Среди вольнонаемных преобладали бывшие заключенные, а также появились такие категории, как спецконтингент, спецпоселенцы (спецпереселенцы), ссыльнопоселенцы, которые относились формально к вольнонаемным, но, по сути, тоже были представителями подневольной рабочей силы. Доля договорников, приехавших на работу в Дальстрой добровольно, была незначительной, однако после войны она постепенно росла, а доля бывших заключенных уменьшалась (при одновременном росте самих заключенных; см. рис. 6).

Рисунок 6

**Соотношение работающих в Дальстрое
(тыс. чел.)**

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 388, 392; Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории // Колыма. 1993. № 8. С. 46.

Спецпоселенцы стали появляться на Колыме в годы войны и после нее. Приказом по Дальстрою 5.10.1942 г. в Теньлаге была создана рабочая колонна из немцев, в которую вошли мобилизованные через райвоенкомат репрессированные и отбывшие заключение на Колыме немцы. Работали они на строительстве Кулинской обогатительной фабрики и на других объектах³⁴. Были немцы и привезенные из других регионов, не имевшие судимости, которые работали в рабочей колонне на прииске «Гвардеец», очень близко от Кулинской фабрики. Немцы в количественном отношении составляли лишь небольшую часть спецпоселенцев Дальстроя. Так на 1.01.1949г. их было только 5% от общего количества спецпоселенцев. 95% составляли «влазовцы», а среди них в основном были русские и украинцы³⁵. Доля спецпоселенцев в составе рабочей силы Дальстроя в 1946–1949 гг. составляла 12–15%³⁶.

По распоряжениям отдела кадров различных управлений Дальстроя и распоряжений спецкомендатур спецпоселенцев прикрепляли к какому-либо предприятию, учреждению, а в слу-

чае необходимости переводили на другое³⁷. Условия их жизни были далеки от нормы, как показала, проведенная в декабре 1949 г., проверка — жили на нарах в разгромленных лагерях, не подготовленных к зиме, в бане, летних палатках³⁸.

Ссыльнопоселенцы составляли часть освободившихся из лагерей со статьями «особо опасных государственных преступников», которые в соответствии с совместным Приказом МВД, МГБ и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16.03.1948 г. направлялись в ссылку. Из Дальстроя их не отправляли, ссылка была здесь же, часто ссыльный оставался работать на том же предприятии вольнонаемным, переходя под надзор спецкомендатуры. Все потоки «рабсилы» регулировались отделами кадров соответствующих управлений и отделов МГБ. Например:

Из приказов санчасти (санотдела) Тенькинского горнопромышленного управления (ТГПУ, ГПС, ИТЛ и ГПУ) за 1946–1955 гг.³⁹

Распоряжение № 175 по санчасти ТГПУ от 8.08.1946 г. «Предложить зав. райбольницей ТГПУ к 15.08. заменить в/наемным составом (в том числе с/поселенцами) следующих заключенных: Мальцев — прачка, Муха — сторож, Шиллер — санитар, Кузьменко — санитар, Параскариди — санитар, Устюгов — кастелянша и 15.08 откомандировать их в Теньлаг. Предупреждаю, что с 15 августа санчасть ТГПУ оплачивать их не будет. Начальник санчасти ТГПУ врач Миллер».

Из приказа по санотделу ТГПУ. «С/п Черепяхина Михаила Вас. с 0.5 фельдшера и 0.5 акушерки райбольницы, как спецпоселенца и не имеющего медицинского образования, с 9 ноября 1949 г. с работы уволить и направить в ОК ТГПУ. Основание: распоряжение ОК ТГПУ № 683».

Из приказа по санотделу ТИТЛ и ГПУ. «сс/п Браковскис Альму Яновну назначить на должность кормилицы Дома ребенка пос. Транспортный с 30.05.1953 г. с окладом по штатному расписанию. Основание: путевка...»

Из приказов по Тенькинскому отделу здравоохранения. «С/п Семенова Петра Яковлевича назначить врачом-хирургом Объединенной участковой больницы пос. Транспортный с 9 апреля 1955 г. с окладом 1000 руб. в месяц. В двухмесячный срок представить документы об образовании».

Спецконтингент — этим словом принято обозначать почти все подневольные контингенты (лагерников, спецпоселенцев и др.). В нашем случае под спецконтингентом будем понимать только бывших строителей атомных объектов. 25.07.1949 г. При-

казом МВД СССР № 00708 (во исполнение постановления Совмина № 3071-1272сс «О дальнейшем использовании бывших заключенных, солдат-репатриантов и спецпоселенцев, работающих на строительстве №№ 247, 813, 585 и 514» предписывалось до 15 августа вывезти с этих ядерных объектов в Дальстрой для работы в качестве вольнонаемных, заключив с ними договора сроком на 2–3 года. Приказ обязывал обеспечить для них нормальные условия работы и бытового обслуживания, но было одно условие. Поселить их нужно было компактно, исключив возможность общения с другими контингентами людей, работающими на предприятиях Дальстроя. От каждого бралась подписка о неразглашении государственной тайны. Запрещалось информировать кого-либо ни было о месте расположения спецстроек, содержании работ, назначении стройки, режиме на объектах и т.п.⁴⁰

В сентябре 1949 г. на трех пароходах «Джурма», «Советская Латвия» и «Ногин» в Магадан прибыла первая группа этого контингента. В нее входили вольнонаемные и члены семей, включая детей; солдаты охраны, демобилизованные солдаты-репатрианты и бывшие заключенные, а всего 5265 чел. В октябре на пароходах «Джурма» и «Александр Невский» прибыла вторая партия спецконтингента. Здесь были заключенные спецконтингента — 1253 чел. (из них уголовники составляли 81%, остальные были осуждены по Указу от 26.06.1940 г.). Вольнонаемных разместили в бывших лагерных подразделениях (заключенных оттуда перед этим перевели в другие пункты) на приисках «Октябрьский», «Желанный», «Победа», «Надежда», им. Расковой и в Аркагалинской стройконторе. Заключенных направили в специально выделенные лагподразделения на прииски «Геологический», «Дебин» и им. Калинина. В 1949–1951 гг. со спецстроительств МВД СССР в Дальстрой прибыли 10 363 вольнонаемных и 4265 заключенных, которых разместили на 16 предприятиях шести управлений Дальстроя⁴¹.

Выехать, эти по закону вольные люди, никуда не могли, везде были посты, КПП, дозоры. Взять хотя бы прииск им. Расковой, самый ближний к Магадану (522 км) из тех, где размещался «атомный» спецконтингент. Расположен он в тупике, в стороне от Тенькинской трассы. Примеры из личных дел данного контингента приводятся в табл. 1.

**Спецконтингент, привезенный на прииск им. М. Расковой
в 1949 г.⁴²**

Ф.И.О.	Год рождения	Откуда прибыл	Пароход	Дата	Судимость
Абдуллаев Али Алимович	1926	Свердловск-44	«Советская Латвия»	1949	Ранее судим
Ковалева Ольга Михайловна	1922	Челябинск-40	«Советская Латвия»	19.09.1949	Не судима
Акопян Агван Аракелович	1923	п/о Шатки Горьковской обл.	«Ногин»	28.09.1949	Ранее судим
Аксенова Анна Дмитриевна	1924	п/о Шатки Горьковской обл.	«Ногин»	28.09.1949	Не судима, с сыном
Акульшин Михаил Николаевич	1923	п/о Шатки Горьковской обл.	«Ногин»	28.09.1949	Ранее судим, с женой
Алексейчук Александр Алексеевич	1925	п/о Шатки Горьковской обл.	«Ногин»	28.09.1949	Ранее судим, на срок 3 мес.
Аликина Валентина Георгиевна	1927	Челябинск-40	«Советская Латвия»	19.09.1949	Ранее судима, с мужем и 3 детьми
Алитов Зил Алитович	1925	Свердловск-44	«Советская Латвия»	19.09.1949	Ранее судим
Алтынникова Наталья Петровна	1926	Свердловск-44	«Советская Латвия»	19.09.1949	Ранее судима, с мужем и 2 детьми

Копии личных карточек из того же архива — на рис. 7.

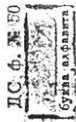
МВД СССР
Дальстрой

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

Личное дело утравл. № _____

МОЖЕТ БЫТЬ ЧИТАЕМ ИЗ ДАТЬ-
УРА НЕ РАНЬШЕ 28/12/1992 Г.
ЛИЧНОЕ ДЕЛО ОК ДС № _____

1. Фамилия Абдулкаримов
 имя Рашид отчество Абдулов
 2. Год рождения 1927 место рождения РАСЕР
Кум. Караманский р-на
 3. Специальное или военное звание _____
 4. Национальность Татарский
 5. Социальное происхождение Крестьянин
 6. Партийность б/п с 19 ____ г. членский билет № ____
 7. Принадлежность к ВЛКСМ _____ членск. билет № ____
 8. Отношение к военной службе в отпуске
 Военно-учетн. специальность № _____ кем _____
 9. Общее обр. Акр специальное образование _____ кем _____
 10. Специальная подготовка _____ кем _____
 11. Политическое образование _____ кем _____
 12. Специальность Древлящик
 13. Стаж работы по основной специальности 41,5 лет
 в органах и войсках МВД
 14. Общий стаж работы с 21 февраля 1948 г.

15. Адрес последнего места работы до ДС _____
Кемальев 40
 16. Семейное положение холостой
 17. Адрес семьи _____
 18. Кто из родственников находится на Колыме _____
кем
 19. Откуда прибыл Кемальев 40
 20. Пароход Норик дата 28/12 1948 г.
 21. Должность, на которую прибыл инженер-механик
 22. На какой оклад _____ догвор № _____
 23. Паспорт выдан Республика Саха № У-278-0109
 серия 1234567890 выдан 21/12 1951 г.
 Срок 21/12 1952 г. Был ли осужден да ст. 162, 2
 УК. Республика Саха лет, по правительст. 5
 ресурсу. 21/12 1948 г. 13228
 Дата освобождения _____
 24. Адрес, временно не возможности на материке _____
 2. Ура ул. Революционная 9/16

Запрещено вводить 18 апреля 1955г

МВД СССР
 Давыдстрой **ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА** **Личное дело ОКДС №** Л. Э. УИЧЕР, 28

ЛС. Ф. № 20

1. Фамилия Алибаев
 имя Мураткул отчество
 2. Год рождения 1918 место рождения Башкент-Скел обл. Ковытская п. С. Соколов
 3. Специальность или основное занятие НЕМ
 4. Национальность Татарчук
 5. Социальное происхождение из крестьян
 6. Чуждость Н с 19 г. членской билет № —
 7. Приспособленность к ВЛКСМ — классов. билет № —
 8. Отношение к военной службе 8/6
 9. Освобожден ли, специальность 1
 10. Отлич. обр. 10 кл. Социальное образование НЕМ
 11. Социальная подготовка курсы взрывных работ
 12. Политическое образование не было
 13. Срок службы взрывник
 14. Срок работы по основной специальности — лет
 15. Общий стаж работы в органе и в области МВД — лет

16. Адрес постоянного места работы до ДС ВОСНОВОКЕН. ШТРАЙД
 17. Адрес семьи ЖЕНА
 18. Кто на родственничестве находится на Коллеж ЖЕНА - Карсенов Бектурмес
 19. От-уза супруг Умарчаев
 20. Карточка Л. Невский дата 25. декабрь 1955.
 21. Д. известна ли, на которую пробыл как друг и родственник —
 22. На какой ордена — дата в р. 28
 23. Паспорт выдан РОМ ЛИБ МТНУ п. У. Озгуз серия К-63 № 53060 дата выдачи 18. апреля 1955г.
 Срок 5.1.1957. 24. Был ли осужден НЕ в 1934-4
 УК — статья срок — лет. кор. пр. 28
 Дата освобождения — статья №
 25. Адрес постоянного местожительства на «запрещено» Ковытская р-н в. Соколов

СВ, 1, сына, родственник
 8/6 кл.

Возможно, не имевшие опыта работы в горной промышленности кадры стали причиной того, что количество добытого золота в 1950 г. было самым низким за все 10 лет существования прииска, как самостоятельного предприятия⁴³. Вряд ли эффективно работали и на других приисках, т.к. из-за сверхсекретности опытные кадры «учителей» убрали с приисков.

Военнопленные японцы появились в Дальстрое осенью 1945 г. Был создан отдел (несколько позже отделение) лагерей военнопленных в составе 4-х ОЛПов. Работали военнопленные недалеко от Магадана и в Магадане. Строили город, работали на лесозаготовительных участках, в Хасынском угольном районе и на строительстве и эксплуатации дорог в предприятиях Ушосдора. Дорожники уже не вблизи Магадана. Лагерный режим, за исключением Хасынского угольного района, не был строгим. О военнопленных японцах заботились лучше — на наружных работах их одевали по-зимнему, лучше кормили, работали они только по 8 час, а имеющие третью группу трудоспособности — только в помещении и на легкой работе по 4–6 часов, за работу им начисляли деньги, для ослабленных и больных создавались оздоровительные команды. На 1.01.1949 г. в лагерях отделения было 3479 военнопленных. В сентябре 1949 г. всех японцев вывезли с Колымы⁴⁴.

По свидетельству бывших заключенных рудника «Хениканджа» (а это было женское лаготделение Берлага) военнопленные японцы по 1 человеку были почти в каждой женской бригаде⁴⁵.

В отличие от категорий спецконтингента, ссыльных и спецпоселенцев формально относящихся к вольнонаемным, военнопленные японцы находились все-таки в лагере, но содержались лучше всех остальных. По отношению к ним должны были обеспечиваться определенные стандарты существования в отличие от советских заключенных.

Довольно мягко наше государство отнеслось и к «власовцам» — спецпоселение все же не лагерь. Хуже всего обошлись с «атомщиками». Формально свободные люди, либо уже отсидевшие свой срок, либо вовсе его не имевшие, принудительно оказались в самых далеких и не устроенных углах, даже для Колымы, без права выезда даже в соседний поселок.

Таким образом, Дальстрой, организованный постановлением Советского правительства, прежде всего для добычи золота и других полезных ископаемых из-за малонаселенности территории был ориентирован на применение принудительного труда. Поэтому, следом за образованием Дальстроя, последовал приказ ОГПУ об организации на его территории Севвостлага.

Дальстрою был дан особый статус на территории его деятельности, где главенствовал принцип единоначалия со стороны руководителя Дальстроя над всеми сферами жизни и деятельности населения этого края.

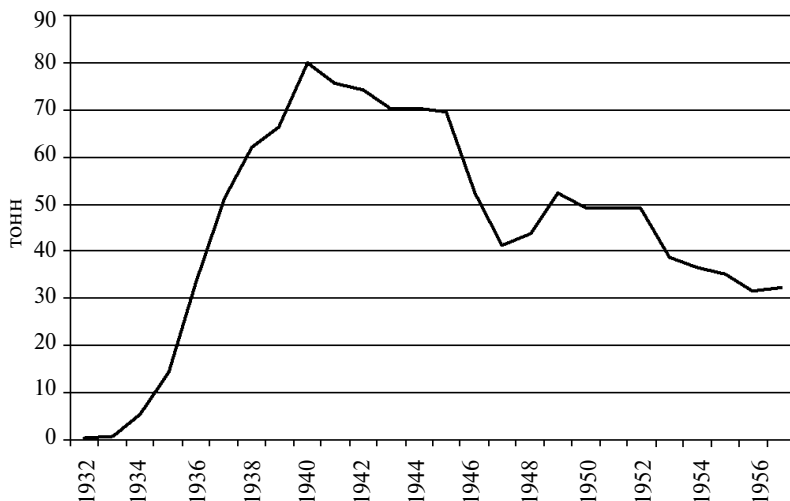
Добыча золота и других ценных полезных ископаемых

Главной отраслью Дальстроя была горнодобывающая промышленность. Минерально-сырьевая база Дальстроя ежегодно расширялась за счет введения в эксплуатацию новых месторождений и новых территорий. В 1950 г. Дальстрой имел 79 приисков и рудников, 27 обогатительных фабрик и добывал почти половину всей добычи золота в стране и около 70% всей добычи олова, сообщал в докладной записке Л.П. Берии министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов⁴⁶. В 1945 г. доля дальстроевского золота составила 61% от общесоюзной⁴⁷.

Главным металлом, металлом № 1, для Дальстроя было **золото**. За годы существования Дальстроя его было добыто 1185,6 тонн (см. рис. 8). При сравнении до 1940 г. ежегодной численности заключенных и добытого золота обращает на себя внимание прямая пропорциональность увеличения того и другого. Каза-

Рисунок 8

Добыто золота Дальстроем

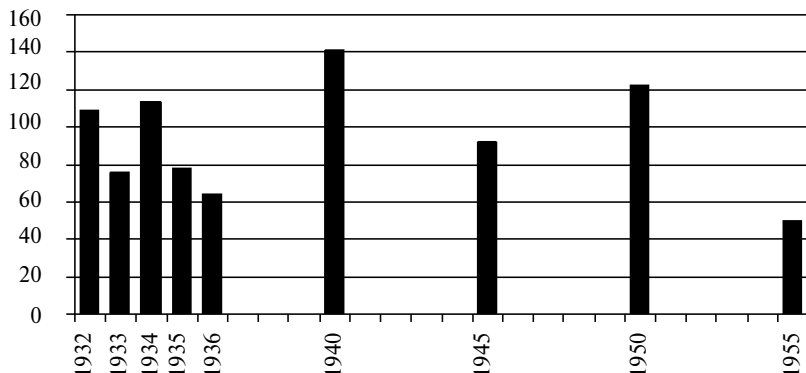

Составлено по данным: Гребенюк П.С. Колымский лед. Система управления на Северо-Востоке России. 1953–1964. М., 2007. С. 28, 32, 41, 43, 96. (Есть ссылки на: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 331. Л. 17; Д. 23. Л. 2; РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 602. Л. 4.)

лось бы, так и должно быть, если труд исключительно ручной. Экстенсивный способ — больше мускульной силы, больше отдача в килограммах добытого металла. Но это верно лишь отчасти. Во-первых, золотодобычей занимались не только заключенные. Во-вторых, если сопоставить трудозатраты на каждый килограмм добытого золота, то видимая на первый взгляд пропорциональность, нарушается (см. рис. 9).

Рисунок 9

Трудозатраты (чел./дн.) на добычу 1 кг золота в разные годы

Рассчитано автором на основании технико-экономических показателей на вскрыше торфов, добыче и промывке песков за 1932–1936 гг. и 1940–1955 гг. приведенных в: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... Магадан, 2002. С. 82; Пилясов А.Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация // Колыма. 1993. № 11. С. 28.

Существует много самых разных факторов, влияющих на это, прежде всего горно-геологические условия (мощность торфов, среднее содержание металла в золотоносном пласте и его мощность, равномерность содержания золота в пласте, его крупность, промывистость песков и т.п.).

Высокий уровень добычи золота в первое десятилетие, когда казалось, что россыпи неисчерпаемы, достигался за счет хищнического разубоживания месторождений (брали самые богатые участки россыпи) и это было определяющим в получении хороших результатов.

В годы войны количество заключенных уменьшалось. Стабильность в добыче золота поддерживалась частично за счет внедрения средств механизации и за счет мобилизации всего

населения Дальстроя на период промывочного сезона (промсезона), сужения фронта работ только на самых перспективных месторождениях, при одновременном увеличении геологоразведочных работ на ранее неисследованных территориях. В результате этого прирост запасов поддерживался на высоком уровне, а кадры при открытии богатых месторождений полностью перебрасывались на такие объекты, старые с обедневшими содержаниями просто бросались⁴⁸. Подтверждением хищнической эксплуатации месторождений является колоссальное перевыполнение планов именно в первые годы их разработки, о чем свидетельствуют многочисленные приказы Дальстроя. Например:

«Приказ по Дальстрою от 30.11.1942 г.

Наивысших показателей добились прииски “Пионер” (257%), им. Буденного (245,4%), им. Ворошилова (184,2%). Победителем в соцсоревновании признан прииск им. Ворошилова, выполнивший в первый год своего существования почти два годовых плана, давший самую дешевую в Дальстрое продукцию и сэкономивший несколько миллионов рублей»⁴⁹.

А так, по воспоминаниям ветерана Л. Дурновцева, родился прииск им. Ворошилова⁵⁰:

«Прииск им. Ворошилова организовался осенью — в сентябре 1941 г. Трасса была только до пос. Нелькоба. Сюда мы приехали поздно ночью. Разгрузились, поужинали, переночевали в палатке. Утром увидели, что дороги дальше нет. Тропа, болото. Пошли пешком. И только к вечеру третьего дня на пути мы увидели маленькую избушку. В окне торчала белая тряпка, вместо двери висело потрепанное, неопределенного цвета одеяло. Из этого домика вышел человек, подошел к нам, поздоровался и сказал:

— Вот мы и дома. Здесь прииск будет. Вон видите, идут два трактора, идите туда, Там палатки, инструмент для работы, хлеб. Там все, что надо, для начала жизни.

Разгрузили тракторы. Разбили палатки. Нарвали травы, стланика. Они и служили нам постелью. Утром пошел дождь со снегом. Пришел какой-то начальник и говорит: “Давайте, ребята, на работу”. Позавтракали и направились к забою. Там была вырыта большая яма, наполненная водой, около этой ямы валялись лотки. Ниже была колода, по которой шла вода. — Вот ваше рабочее место, — сказал начальник.

— Кто умеет промывать, берите лотки, а кто не умеет, — берите ломы, лопаты, тачки и везите пески вот в эту колоду».

Спад производства в золотодобыче в послевоенные годы обусловлен, прежде всего, снижением среднего содержания металла в песках. В 1935-1938 гг. среднее содержание в песках составляло от 27 до 19,3 г/куб. м, в 1942 г. составляло 13,6 г/куб. м,

в 1946–1947 гг. — около 7 г/куб. м, в 1950 г. — 5,2 г/куб. м⁵¹. В 1944 г. среднее содержание золота от промывки на промприборах составило 9,74 г/куб. м, а от промывки лотками — 14,42 г/куб. м. при доле первого — 63,3% , а второго — 31,1% в общем объеме добытого за год шлихового золота⁵². А это значит, что росли объемы горных работ, трудовые и финансовые затраты. Росла и себестоимость одного грамма золота (рис. 10 и 11).

Рисунок 10

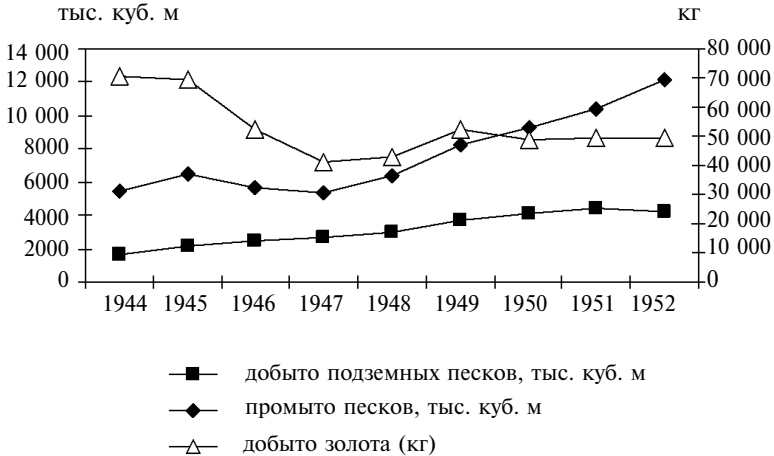
Среднее содержание золота в песках и стоимость добычи 1 г золота в Дальстрое

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 400; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 2. Магадан, 2002. С. 233, 241, 254; Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... Магадан, 2002. С. 183; Гребенюк П.С. Указ. соч. С. 31, 41; Грибанова И.В. Из числа первых дальстроевцев // Магаданская правда. 2006. 7 июля.

Несмотря на то что «туфта» (то есть приписки) там, где дело касалось объемов, «пышно цвела», все же объемы горных работ значительно увеличивались. Многие уже были механизированы, особенно на вскрыше торфов, открытой добыче и промывке песков (бульдозеры, скреперы, экскаваторы, золотомойки). «В приказе № 400 от 21 мая 1946 г. отмечается, что вскрышные работы и промывка песков механизированы более чем на 80% (главным образом за счет экскаваторов и бульдозеров)»⁵³. С 1948 г. начинается внедрение гидромеханических установок на промывке песков, в последующие годы появляются промприборы новых более производительных конструкций⁵⁴. Абсолютно ручной способ (промывка лотками) к началу 1950-х

Соотношение добытого золота и объемов горных работ за период 1944–1952 гг.

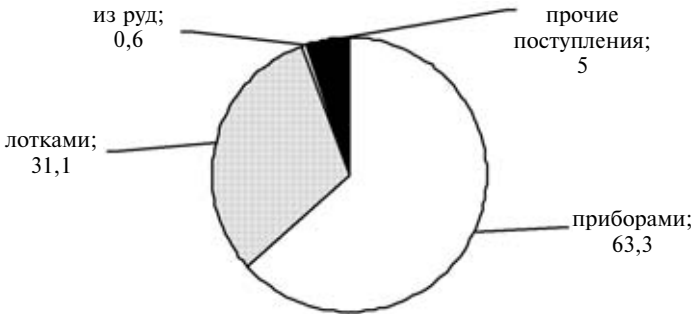
Составлено по данным: Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории... // Колыма. 1993. № 8. С. 45–46. Такой же рост был и на открытых земляных горно-подготовительных работах с 821 тыс. куб. м в 1944 г. до 1844 тыс. куб. м в 1950 г., на вскрыше торфов с 11 млн куб. м в 1944 г. до 24,6 млн куб. м в 1952 г. Там же.

практически исчерпал себя (0,2%). Лотками можно мыть только сравнительно «легкое» золото с хорошим содержанием и на это можно было мобилизовать даже школьников (что и практиковалось в годы войны). В конце войны стали добывать и рудное золото, а с 1950 г. началась дражная добыча, доля их в общем объеме золотодобычи росла, но была еще не велика. Максимальное количество золота добывалось из россыпей на промысловых приборах, именно там и росло с каждым годом применение механизации (см. рис. 12).

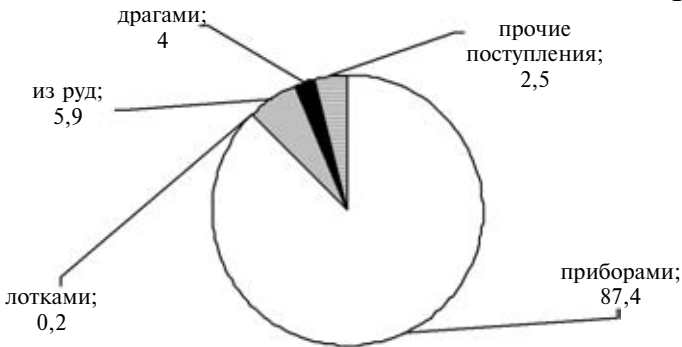
Механизация вела к уменьшению количества рабочих на одном объекте, а количество самих объектов и территория, где они располагались, постоянно возрастала. Подневольных работников по режимным требованиям надо было охранять, а охраны на все и всех не хватало. Нередко из-за отсутствия конвоя заключенных просто не выводили на работу. Не редки были ситуации, когда по разным причинам (не хватало электроэнергии, сжатого воздуха для буровых инструментов, поломок техники из-за нехватки запчастей, недоставало и простых инструментов — кайл, лопат, ломов и др.⁵⁵) и предприятия не были готовы предоставить работу для заключенных.

Соотношение добычи золота разными способами

1944 г.

1952 г.

Составлено по данным: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2352. Л. 3; Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории // Колыма. 1993. № 8. С. 45.

Таблица 2

	В Севостлаге за 1947 г. ⁵⁶	В Севостлаге за 9 мес. 1953 г. ⁵⁷
Количество заключенных	85 299 чел. (средне-списочное за год)	87 674 чел. (на 1.10.1953 г.)
Не работало: из-за непредоставления работы	Нет	17 241 чел. в 1-м кв. 11 570 — во 2-м кв. 3 790 — в 3-м кв.
из-за необеспеченности вещдоловльствием	305 чел.	
из-за отсутствия конвоя	Нет	4442 чел. — в 1-м кв. 2980 — во 2-м кв. 2290 — в 3-м кв.

Были случаи и обратного порядка, вероятно, чтобы не быть обвиненными в плохом трудовом использовании заключенных. Так, например, «на объект работ, вместо 20–30 человек выводилось 80–100. В результате такой организации труда, производительность составляла не более 20–30%»⁵⁸. Различные комиссии фиксировали эти недостатки в актах проверок.

Из акта проверки исправительно-трудовых лагерей Дальстроя от 25.09.1951 г. комиссией под председательством генерал-майора Егнарова.

«На 1.09.1951 г. в лагерях Дальстроя МВД СССР содержится 170 436 заключенных, из них 145 952 мужчин, 20 623 женщины, 3861 особый контингент.

По составу преступлений:

— по ст. 58-1а, 1б	17 317
— по ст. 59-3, 167, 136, 137, 138	18 280
— по ст. 58-8, 58-9, 58-7	528
по закону от 7.08.1932 г.	5687
по Указу от 4.06.1947 г.	71 869
по прочим статьям	50 064
На каторжные работы	2831

Укомплектованность воензированной охраной при лимите 9% положено 15 399 чел. Имеется — 13 014, в т.ч. срочнотрудовых 6649, договорников 2840, спецконтингента 519, досрочно освобожденных и бывших заключенных 2230.

Из общего количества занято на охране ведомственных объектов 3341 чел. офицеров, сержантов и рядовых. <...>

Заключенные размещены в 361 лагподразделениях общего типа, 414 лагерных командировках и 722 подкомандировках и мелких точках. <...> одна треть пользуется правом бесконвойного передвижения и многие из них проживают за зоной»⁵⁹.

«Рабочая сила из числа заключенных в лагерь завозится без учета фронта работ и наличия жилой площади, так, например, в Западном ИТЛ излишек рабочей силы составляет до 3700 чел, в Индигирском ИТЛ — до 500 чел, в Северном ИТЛ — до 2900 чел. За первое полугодие по лагерям Севвостлага имело место 348,9 тысяч простоев чел./дней»⁶⁰.

Все это приводило к удорожанию добычи полезных ископаемых.

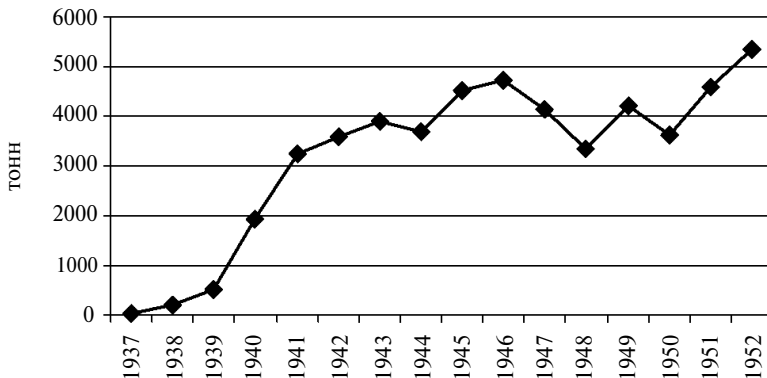
Технология отработки из-за большой доли ручного труда, несовершенства техники и низкой квалификации кадров была очень низкой, не зря на многих старых давно отработанных месторождениях добыча золота периодически ведется до сих пор.

Металлом № 2 в Дальстрое было **олово**, добывать его начали в 1937 г. (рис. 13). Если в золотодобыче главенствующим было россыпное золото, то в оловодобыче только первые два года

преобладало россыпное олово, а потом — рудное. В 1937 г. олово добывали два предприятия, а в 1942 г. их было уже 12⁶¹. В 1940 г. доля дальстроевского олова в общесоюзном масштабе составляла 75%. Олово, в основном, добывали Юго-Западное и Тенькинское управления в колымских районах Дальстроя, Янское — в Якутии Чаун-Чукотское — на Чукотке (оба — с 1941 г.⁶²). Удельный вес чукотского олова составлял в 1944 г. 47,2 % от всего добываемого Дальстроем олова⁶³, а к концу 1945 г. на Чукотке добывалось олова больше, чем на всех предприятиях Северо-Востока⁶⁴. Оловодобывающие предприятия Колымы испытывали недостаток производственных мощностей (электроэнергии, оборудования), падало содержание олова в руде.

Рисунок 13

Добыто олова (в концентратах) Дальстроем

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 375, 383, 386, 399, 411, 467.

В 1954 г. многие оловодобывающие предприятия Дальстроя в колымских районах и в Якутии были сначала законсервированы и вскоре ликвидированы (рудники им. Лазо, «Бутугычаг», «Днепровский», «Хатарен», прииск «Суксукан» и др.) Это было связано с исчерпанием рентабельных запасов касситерита в месторождениях, а с другой стороны — с недостатком рабочей силы (в связи с амнистией) и возникшей потребностью концентрации ее на добыче золота. В этот период у государства появилась возможность удовлетворить спрос в олове за счет поставок его из Китая и стран Юго-Восточной Азии⁶⁵.

В годы войны олово, добытое Дальстроем, безусловно, сыграло свою роль для обороны страны.

Если взять за 100% трудозатраты Дальстроя только на добычу и обработку руды по золоту и олову, то получится такое соотношение: в 1940 г. на золото — 91%, на олово — 9%; в 1945 г. соответственно — 83,9% и 16,1%, в 1950 — 74,3 и 25,7%, в 1955 — 70,2 и 29,8%⁶⁶. Преимущество затрат на добычу золота очевидно, не зря его называли металлом № 1.

Геологи Дальстроя были нацелены на поиски не только месторождений золота и олова, а также вольфрама, кобальта, молибдена, железа, каменного угля и других полезных ископаемых. И они были найдены, но не все вовлечены в разработку — одни из-за низкого уровня применяемых технологий по извлечению полезного компонента, другие из-за отдаленности к освоенным территориям или небольшим запасам месторождений.

С 1947 г. началась промышленная разработка месторождений **кобальта**, а с 1948 г. — **вольфрама**, пробные разработки были сделаны еще раньше⁶⁷. Кобальт добывали на Верхнее-Сеймчанском комбинате (Юго-Западное ГПУ), а вольфрам на ГРК «Аляскитовый» в Индигирском ГПУ. С 1952 г. добыча вольфрама и олова одновременно со строительством комбината велась и на руднике «Иультин» на Чукотке. Строительство его закончилось к началу 1956 г.⁶⁸ За период 1947–1956 гг. Дальстроем добыто 397,5 т кобальта в концентратах и 3433 т вольфрама в концентратах⁶⁹.

Осенью 1945 г. директивно на Дальстрой была возложена задача на поиски и разведку **уранового сырья**. Радиоактивные элементы были обнаружены в ряде разобщенных пунктов. Специальные работы на уран проводились и в других точках страны. В 1948 г. в соответствии с Постановлением Совмина СССР № 392-148сс от 22 февраля и Приказом ГУ СДС № 0029 от 17 марта на базе спецработ 5-го Отдела ГРУ Дальстроя было организовано Первое управление. В его системе были созданы: горно-геологический комбинат № 1 на базе Бутугычагского разведрайона, комбинат № 2 на базе Сугунского (Якутия) и комбинат № 3 на базе Северного (Чукотка) разведрайонов, Тенькинский и Берелехский отделы спецпартий. Спецпартиями за период с 1946 по 1954 г. была обследована площадь в 145 тыс. кв. км и обрешивано более 100 известных месторождений, выявлено более 1000 рудопроявлений урана, однако промышленные запасы оказались только в двух — Северном и Бутугычагском месторождениях. Там были открыты рудники производительностью каждый по 40 тыс. т руды в год и построены гидрометаллургические заводы (по 120 т/сут)⁷⁰. Учетные запасы урана по обоим месторождениям составляли в целом 343 т., а прогнозные оценивались еще выше. С 1952 г. Дальстрой

стал вырабатывать урановый концентрат, добыча которого в 1952–1954 гг. составила 112,9 т. Однако больших перспектив эта отрасль не имела, из-за низкого содержания урановых минералов в руде и высокочрезмерности ее переработки⁷¹. Была и другая причина. В 1954 г. рудник №1 (бывший комбинат №1) был законсервирован из-за острой нехватки кадров (шла амнистия, берлаговские лагеря стали общими, и хотя бывшие берлаговцы не получили амнистии, их переводили на более перспективные золоторудные месторождения).

В январе 1955 г. были ликвидированы Первое управление и рудник № 1 (Бутугычаг), а в декабре то же произошло и с комбинатом № 3 на Чукотке⁷². Так закончился колымский «атомный проект».

Кроме этого, Дальстрой для внутренних нужд добывал каменный и бурый уголь. За период по 1954 г. включительно было добыто свыше 10 млн т угля⁷³. Также добывались и другие нерудные ископаемые — доломит, гипс, кварциты, огнеупоры и другие стройматериалы.

Техника безопасности и охрана труда на всех горнорудных предприятиях была крайне низкой⁷⁴.

Таким образом, главными металлами в горнодобывающей промышленности Дальстроя были золото и олово, кроме них добывали и другие редкие и радиоактивные ископаемые. Труд на горнодобывающих предприятиях был очень слабо механизирован, преобладал тяжелый и опасный ручной труд.

Отработка месторождений особенно в первые годы и в годы войны проводилась хищнически (брали самые богатые участки россыпей), что привело к тому, что падало среднее содержание металла в песках, росли объемы горных работ, а значит и финансовые затраты, а количество добываемого металла падало, особенно в послевоенные годы. Внедрение механизмов и вовлечение в отработку новых месторождений при недостатке энергетических источников приводило к хроническим простоям на производстве, а распыленность объектов работ при нехватке конвоя, приводила к тому, что заключенных не выводили на работу.

Строительство и эксплуатация дорог. Транспортная инфраструктура

До организации Дальстроя каких-либо путей сообщения, кроме диких троп и диких рек, на территории не было. Для доставки грузов и людей главная роль отводилась **морскому**

транспорту. Разгрузка производилась с рейда. Морской порт в бухте Нагаева начали строить сразу же в 1932 г., а в 1944 г. длина причальной линии составляла 400 м⁷⁵, строительство новых причалов шло и в послевоенные годы. Морской порт в Магадане стал главными морскими воротами Колымы.

Генеральные грузы и этапы заключенных доставлялись на Колыму из портов Дальнего Востока (Находки, Ванино, Владивостока, Сахалина) и Северо-Запада (Ленинграда, Мурманска, Архангельска). Пять морей омывают территорию Дальстроя — Охотское, Берингово, Чукотское, Восточно-Сибирское и Лаптевых. По мере освоения края появлялись и другие морские порты и портовые пункты на территории Дальстроя: порт Амбарчик (в устье р. Колымы), Коугостах (в устье р. Яны), в Чаунской губе (Певек), в заливе Креста (начал строиться в 1946 г.⁷⁶), в бухте Пестрая Дресва на Охотском море (построен в 1941 г.⁷⁷), а также перевалбазы в бухтах Ванино (Татарский пролив) и Находка (Японское море).

Дальстрой имел собственный морской флот, в состав которого в 1946 г. входили океанские пароходы «Ф. Дзержинский» (грузоподъемностью 6000 т), «Дальстрой» (4500 т), «Джурма» (8900 т), «Советская Латвия» (7100 т), а также местный флот (буксирные катера и морские баржи), выполняющий каботажные перевозки между портами Охотского побережья. Морские перевозки осуществлялись, кроме того судами Морфлота и ГУСМП.

Речной флот. Реки Колыма на протяжении 1863 км от устья, Индигирка на протяжении 1190 км⁷⁸ и Яна до пристани Батагай были судоходны. По ним осуществляли перевозку доставляемых морскими судами в порты северных морей грузов до районов приисков. Судоходство по рекам Колыма и Индигирка осуществляло управление Колымо-Индигирского речного пароходства Дальстроя (КИРП ДС)⁷⁹, по Яне — Янское речное пароходство.

В 1944 г. речной флот Дальстроя состоял из 57 пароходов общей мощностью 8,3 тыс. л. с. и 108 барж грузоподъемностью 30 тыс. т. Большинство речного флота было сконцентрировано на Колыме⁸⁰. Это были очень разнотипные суда, часть их была завезена с р. Лены, часть построена на Колыме. На 1.05.1952 г. два ОЛПа Зырянского отделения ИТЛ управления КИРП Дальстроя занимались работой, связанной с транспортировкой грузов: ОЛП № 3 в бухте Амбарчик с численностью заключенных 554 чел., — в основном погрузо-разгрузочными работами в морском порту, 1376 заключенных ОЛПа № 1 в пос. Новая Зырянка — строительными и погрузо-разгрузочными работами на речной пристани р. Колымы⁸¹.

Три небольших лагерных пункта, с общей численностью заключенных в 441 чел. на 10.07.1952 г., обслуживали погрузо-разгрузочными работами Янское речное пароходство⁸².

Один из ИТЛ Дальстроя, связанный с речным транспортом, находился весьма далеко от его территории — в Иркутской области. Здесь, в пос. Судоверфи возле речного порта Осетрово на р. Лене собирали речные суда и баржи для речного флота Дальстроя. На 1.07.1952 г. в двух ОЛПах Усть-Кутского ИТЛ Дальстроя трудилось 936 заключенных⁸³.

В общем объеме грузоперевозок доля речного флота была не велика, т.к. судоходные реки были далеки от основных горно-промышленных предприятий Верхней и Центральной Колымы, с которых собственно и начался Дальстрой, а автодорог, кроме зимников, от пристаней не было.

В грандиозных планах Сталина предполагалось сооружение в 1938–1942 гг. Байкало-Колымской **железнодорожной** магистрали протяженностью 5460 км. Она должна была пройти от Северного Байкала через Бодайбо, Якутск, Оймякон, Аркагалу, Сеймчан, пересечь Колымский хребет и выйти к заливу Олюторский (Берингово море). Но объективные трудности и война сорвали эти планы⁸⁴.

Дальстроем же были построены только узкоколейные железные дороги местного значения: Магадан-Уптар-Красавица (98,9 км) и Эльген-Таскан (82 км)⁸⁵. В начале 50-х строилась узкоколейная железная дорога от пос. Зырянка⁸⁶ к угольному месторождению, расположенному в 60 км от Зырянки.

Основными путями сообщения внутри территории Дальстроя были **автодороги**, которых к моменту его образования не было совсем.

В отчете о работе Дальстроя за период 1932–1942 гг. сообщалось, что за это время построена основная Колымская трасса от бухты Нагаево до Аркагалы (735 км), ответвления от нее к тенькинским месторождениям (400 км), построена автодорога облегченного типа от Аркагалы до р. Алдан (730 км), Пестрая Дресва-Омсукчан (145 км), создана разветвленная сеть подъездных путей и дорог от приисков, рудников, обогатительных фабрик, электростанций к основным магистралям. Построена первая автодорога на Чукотке от Певека до крупного оловянного месторождения Пыркыкай. Всего за это время построено более 900 км классных дорог и более 2200 км автодорог облегченного типа, построено мостов общей протяженностью 13 900 пог. м. В 1942 г. начали строить дорогу облегченного типа Томпрук-Эгехая (716 км) для эксплуатации янских оловянных месторождений⁸⁷. Дороги (кроме Чукотки) соединяли основные про-

мышленные предприятия с административно-хозяйственным центром г. Магадан и Нагаевским морским портом и имели выход в Якутию к судоходной реке Алдан (Хандыга). Многие дороги были введены в эксплуатацию незаконченными — с одной полосой движения, с недостаточной высотой насыпи, без покрытия, мосты строились деревянные. Это было сделано в соответствии с постановлением СНК СССР № 2052 от 11.09.1941 г. «О проектировании и строительстве в условиях военного времени» и приказом начальника Дальстроя Никишова № 562 от 5.10.1942 г. в целях экономии стройматериалов и рабочей силы. Достройка дорог возлагалась на эксплуатационные дорожные органы⁸⁸.

Окончательно строительство Колымской трассы (Магадан—Кадыкчан—Хандыга) протяженностью 1371 км и Тенькинской трассы (Палатка—Усть—Омчуг—Фролыч — 474 км) было закончено только в 1952 г.⁸⁹

В процессе своей деятельности структура дорожного строительства и эксплуатации дорог неоднократно менялась и реорганизовывалась, но всегда при ней были лагерные зоны. По приказу начальника Дальстроя № 0314 от 30.04.1952 г. было создано лагерное отделение Управления шоссейных дорог с центром в пос. Карамкен (103 км от Магадана), которое занималось эксплуатацией автодорог центрального и тенькинского направлений. Общее количество заключенных в лаготделении Ушосдора на 25.05.1952 г. составляло 2373 чел.⁹⁰

Тогда же (в 1952 г.) существовало Управление дорожного строительства с центром в пос. Адыгалах (802 км от Магадана), при котором был исправительно-трудовой лагерь, состоящий из 3 отдельных лагерных пунктов — один в Адыгалахе (621 чел. заключенных), другой в пос. Буркот, на Омсукчанской трассе (1385 заключенных), и третий в пос. Бурустах в Якутии (1279 заключенных)⁹¹.

Все лагподразделения, в свою очередь, были раздроблены на более мелкие — лагпункты, командировки и подкомандировки.

Дорожным строительством от Хандыги к янским месторождениям занимался «Янстрой». ИТЛ «Янстроя» на 20.06.1952 г. состоял из 4 ОЛПов (а всего в них 18 лагерных подразделений с общей численностью заключенных 3961 чел.). Часть их кроме дорожного занималась промышленным и гражданским строительством, добычей угля, сельским хозяйством и лесозаготовками⁹².

На Чукотке для строительства автодороги от пос. Певек к урановому месторождению в январе 1950 г. в составе Чаунского управления ИТЛ п/я № 14 был организован ОЛП № 8, со-

стоящий из 4 лагерных пунктов с численностью заключенных на 7.06.1952 г. 1162 чел.⁹³

Строительством дороги от залива Креста к Иультинскому комбинату в 1952 г. занимался ОЛП № 2 «Дорожный» ИТЛ при Чукотстрое, образованный по Приказу начальника Дальстроя № 0314 от 30.04.1952 г. и состоящий из пяти лагерных пунктов и одной командировки, с общей численностью заключенных на 15.07.1952 г. — 810 чел.⁹⁴ Это самая восточная дорога России протяженностью 207 км. Она начинается у Полярного круга и идет на север почти до Ледовитого океана.

Кроме названных, при каждом горно-промышленном управлении имелись дорожные участки, занимавшиеся прокладкой автотрасс и небольших участков дорог к предприятиям на территории своих управлений⁹⁵.

Всего Дальстроем к 1958 г. было построено 3300 км автодорог⁹⁶.

Управление автотранспорта Дальстроя занималось перевозкой грузов от морских портов, главным образом из Нагаево, в горные и другие управления, а также обеспечивала внутрихозяйственные потребности предприятий. При управлении автотранспорта было, по крайней мере, в 1952 г. отделение ИТЛ, состоящее из 7 ОЛПов и 1 лагпункта строгого режима (где 200 заключенных добывали уголь на шахтах Первомайского угольного района). Общее количество заключенных в отделении ИТЛ Управления автотранспорта Дальстроя на 1.05.1952 г. составляло 6255 чел. Это максимальное значение, в остальные годы цифры скромнее⁹⁷. В поселках, где располагались ОЛПы, были крупные автобазы, в Спорном — авторемонтный завод. Не надо забывать, что не только заключенные обслуживали автобазы и завод, много (а водители почти все) были вольнонаемными, как и не все заключенные работали только в цехах завода и на ремонтных участках автобаз, часть их была занята на строительных работах управления автотранспорта.

Кроме специализированного автотранспортного управления, все горнопромышленные управления и некоторые другие предприятия Дальстроя имели и свои автобазы⁹⁸.

Снабжение Дальстроя грузами осуществлялось через морские порты.

До войны завоз грузов все время увеличивался. С началом войны произошло резкое сокращение всех видов поставок с Большой земли. Помогли выжить Дальстрою и дальстроевцам поставки по ленд-лизу. В Докладе к годовому отчету по основной деятельности Дальстроя за 1942 г. записано: «Из грузов, доставленных в Нагаево, 80 тыс. т (48%) составляют импортные

(из них: продовольствие 47 тыс. т, фураж — 1500 т, промтовары — 600 т, оборудование и техстройматериалы — 6700 т, ВВ — 3300 т, нефтепродукты — 20 900 т). Певек и Амбарчик полностью все грузы получили из Америки. На Яну и Хандыгу дошли только отечественные грузы, а импортные в количестве 2000 т зазимовали в пути (в бухте Тикси и в Якутске).

В 1941 г. в Нагаево всех грузов было завезено 378 тыс. т, а в 1942 году всего 166 тыс. т при выполнении плана завоза на 68%»⁹⁹, который в январе 1942 г. и так был скорректирован в сторону уменьшения на 75 тыс. т.

В 1943–1944 гг. роль и значение импортных поставок из США еще более возросла. В 1943 г. суда Дальстроя и Морфлота до открытия навигации (20 мая) перевозили грузы из США в Находку и Владивосток, а затем в б. Нагаева. Из завезенного в 1944 г. на Колыму продовольствия в количестве 60529 т, только 6283 т были отечественными, это были соль и табак, при этом их поставка была ниже плановой (83,3% — по соли и 40,8% по табаку), вследствие чего была снижена норма табака, а недополучение соли сказалось на весенней путине¹⁰⁰.

В 1945 г. завод продовольствия, промышленных товаров, машин и оборудования по ленд-лизу прекратился, и начались срывы снабжения и не только по доставке их в Дальстрой, но и по вывозу грузов на предприятия и управления, расположенные вне г. Магадана. В 1941 г. вывоз грузов из Магадана составлял 237 тыс. т, в 1946 г. он снизился до 195 тыс. т, и это при том, что предприятия располагались все дальше от Магадана и их количество увеличивалось¹⁰¹. Техническое состояние автотранспорта к концу 40-х было неудовлетворительным. Треть машин была выведена из строя и не участвовала в перевозках¹⁰².

Все это приводило к нарастанию кризисных явлений в снабжении продовольствием, промтоварами, нефтепродуктами, оборудованием и т.д.

Был в Дальстрое и собственный авиаотряд. Регулярное использование авиации началось в 1935 г., когда поступили 5 самолетов. На них перевозили золото, производили аэрофото съемку. К 1941 г. в отряде было уже 20 самолетов, которые использовались и для перевозки сложного оборудования, продовольствия, партий заключенных в труднодоступные районы. Осуществлялись и регулярные грузопассажирские рейсы по нескольким маршрутам, в т.ч. на Чукотку. В годы войны роль авиации возросла еще и в связи с обеспечением перегона боевых самолетов с Аляски на фронт. Были подготовлены аэродромы по трассе перелета проходящей над территорией Дальстроя, развернута сеть метео- и радиостанций. Во второй половине

40-х гг. авиаотряд Дальстроя имеет уже 30 самолетов, из них 14 транспортных — ЛИ-2. Из 30 аэропортов авиагруппе Дальстроя подчинялись только 6 (Магадан, залив Креста, Батыгай, Омсукчан, Омчикандья, Ожогоино) и 8 посадочных площадок для самолетов ПО-2, остальные принадлежали Якутскому и Дальневосточному управлениям ГВФ¹⁰³.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Дальстрой обладал хотя и недостаточной для такой огромной территории, но все же значительной сетью различных транспортных коммуникаций, созданных за короткий срок трудом, в основном, обитателей ГУЛАГа. Но из-за плохого технического состояния автопарка и хронических срывов снабжения с «материка» она не могла обеспечить население Дальстроя всем необходимым для жизни и работы. Это стало одним из факторов кризиса системы принудительного труда в Дальстрое.

Сельское хозяйство и рыбные промыслы

С самого начала создания треста Дальстрой в районах Колымы и Охотского побережья начала создаваться и сельскохозяйственная база, т.к. быстро растущее население края надо было кормить. Сельское хозяйство и рыбный промысел базировались на колхозно-кооперативной и государственной формах собственности. Коренное население Колымы и Охотского побережья (эвены, якуты, камчадалы и юагиры) в начале 30-х годов составляло 5690 чел.¹⁰⁴ Оно было объединено в колхозы и рыбпромхозы, было создано несколько оленеводческих совхозов.

Из привезенного Дальстроем населения также было создано несколько совхозов, кроме того, особенно в военные годы, стали образовывать при каждом предприятии подсобные хозяйства, так называемые агробазы.

Перед Дальстроем встала задача создать в не тронутых плугом долинах рек поля, произвести их раскорчевку, мелиорацию, подобрать сельскохозяйственные культуры, пригодные для выращивания в условиях Крайнего Севера.

В 1936 г. была создана Колымская сельскохозяйственная опытная станция, где проводилась научно-исследовательская работа, она стала Северо-Восточным филиалом Всесоюзного института растениеводства¹⁰⁵. Возглавил ее «враг народа» А.А. Тамарин. Были выведены пригодные для выращивания

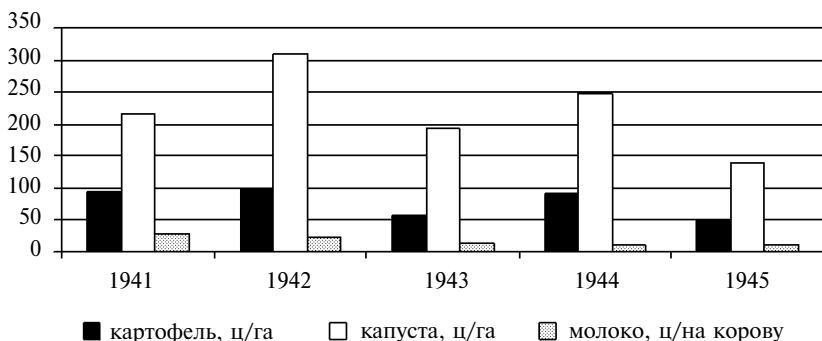
культуры — капуста, турнепс, морковь, картофель, парниковые овощи и др.

Для развития животноводства на Колыму были завезены коровы (однако, без учета их пригодности к местным условиям, отчего был большой падеж животных), свиньи и даже яки¹⁰⁶.

В Приморье были созданы несколько совхозов и Владивостокская агробаза, поставлявших свою продукцию на Колыму. «В начале войны непосредственно сельским хозяйством занимались 10 совхозов на Колыме, 5 — в Приморье и свыше 310 подсобных хозяйств почти на всех предприятиях»¹⁰⁷. За счет экстенсивных способов производства (увеличивалось количество занятых в совхозах, расширялась площадь пашен, теплиц, парников, росло поголовье животных, особенно оленей (с 52 124 голов в 1940 г. до 115 100 голов на 1.06.1944 г.¹⁰⁸) росла и валовая продукция сельского хозяйства, хотя удельный вес ее в общем объеме потребностей Дальстроя был невелик. Качественные же показатели были низкие и нестабильные, особенно в колымских совхозах (см. рис. 14). Тем не менее сельскохозяйственные предприятия Колымы сыграли важную роль в период войны, когда поставки продуктов с «материка» резко сократились. В 1942–1944 гг. за счет собственного производства потребности в мясе удовлетворялись на 46–48%, исключая лагеря УСВИТЛа¹⁰⁹.

Рисунок 14

Урожайность картофеля, капусты и надой молока в совхозах Дальстроя (без Приморья)

Составлено по данным: Бацаев И.Д. Сельское и промышленное хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан, 1997. С. 73.

В совхозах и подсобных хозяйствах Дальстроя работали преимущественно заключенные, причем в период промывочного сезона «полноценная рабсила из совхозов снималась, и они укомплектовывались главным образом за счет слабосильных рабочих и женщин... что отражалось на выполнении норм выработки»¹¹⁰. Как известно промывочный сезон в горнодобывающей промышленности и сельскохозяйственный по времени совпадают (весна—осень). Так, в лагерном отделении самого крупного на Колыме совхоза «Эльген» на 25.05.1952 г. работало 2813 заключенных, из них 2705 женщин, на 1.05.1952 г. в совхозе «Тауйский» — 1400 заключенных, из них 1352 женщины, в совхозе «Дукча» вблизи Магадана — 1202 заключенных, из них 1107 женщин, в совхозе «Сеймчан» — 1100 заключенных, из них 1091 женщина. На других сельскохозяйственных предприятиях Дальстроя численность на каждом отдельном была меньше, но везде преобладали женщины¹¹¹.

Еще в 1939 г. руководство национальными колхозами на Колыме было передано непосредственно Административно-гражданскому отделу (АГО) Дальстроя¹¹², а потому вместе с коренными народами в них добровольно-принудительно оказывались «дети разных народов» из числа освободившихся из лагерей. Так, например:

Из протоколов колхоза «Сталинец» о приеме в колхоз новых членов¹¹³.

Из протокола № 10 расширенного заседания правления сельхозартели «Сталинец» от 25.02.1948 г.:

«СЛУШАЛИ: Заявления гр-н Чистых Василия Марковича, Заздравных Степана Кузьмича, освободившихся из лагеря УДС, об их желании вступить в члены сельхозартели.

ВОПРОСЫ: 1. Имеется ли направление с ОК УДС?

2. Сколько времени думаете проработать в колхозе?

3. Специальность?

ОТВЕТЫ: 1. При освобождении из лагеря нам выдали на руки документы и предложили поступить на работу в любую организацию.

2. В колхозе думаем проработать не менее 1 года.

3. Специальность — плотники. Можем выполнять любую с/хоз. работу.

ВЫСТУПЛЕНИЯ: Емельянов: Я знаю тов. Чистых с 1946 г. как хорошего работника. За все время пребывания в лагере, к работе отнесился добросовестно, взысканий не имел.

Чепелев Я.Н.: Рабочим Дальстроя не дано право без соответствующего направления ОК переходить на работу в другое управление или систему. Поэтому рекомендовать правлению принять их в члены артели — затрудняюсь.

РЕШЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ: Рекомендовать общему собранию членов артели принять тов. Чистых В.М. и Заздравных С.К. членами артели и сообщить в ОК УДС».

Из протокола № 8 от 11.07.1948 г.

«СЛУШАЛИ заявление о приеме в члены колхоза Алферова П.А., происхождение из рабочих, уроженец г. Сталино, ранее судим по ст. 170, срок 5 лет, освобожден в марте 1948 г.

СЛУШАЛИ заявление о вступлении в члены колхоза Николаева С.А., 1916 г.р., уроженец г. Киева, судим в 1932 г. по ст. 74, срок (не разборчиво, И.Г.), освобожден в начале 1948 г. <...>

ПОСТАНОВИЛИ принять Алферова и Николаева в члены колхоза со вступительным взносом по 20 руб. с каждого».

Из протокола № 5 от 14.04.1949 г.

«О приеме наемных специалистов:

Воробьев И.И. — уроженец Воронежской обл., осужден по ст. КРП на 10 лет. Работает на Колыме 11 лет. Все эти годы работал в Оротукском отделении с/х лагеря «Сусуман». По специальности плотник.

Поджидаев Алексей Игнатьевич, уроженец Алтайского края, осужден по ст. КРП, отбыл срок в 1948 г. в совхозе «Сусуман».

Принять плотниками по вольному найму».

Из протокола № 11 от 25.07.1949 г.

«СЛУШАЛИ о принятии в члены колхоза Евтук Александра Николаевича 1911 г.р. Уроженец из Крыма, судим в 1937 г. по ст. 58-10, срок 5 лет, освобожден в 1942 г. После освобождения работал в системе г/т комбината».

В 1946–1953 гг. сельское хозяйство Дальстроя находилось в застойном состоянии. Потребность населения в овощах за счет местных совхозов покрывалась не более как на 25–30%, по мясу и молоку и того меньше. Посевные площади колхозов резко уменьшились, половина колхозов не обеспечивала потребность в картофеле и овощах даже своих колхозников, при том, что они были освобождены от поставок своих продуктов государству и от уплаты подоходного налога. Падали заработки колхозников на трудодень, что приводило к сокращению оленей, находящихся в личном пользовании. Резко возросла затратность сельскохозяйственного производства, практически прекратилось капитальное строительство и совершенствование материально-технической базы. В большинстве колхозов отсутствовала даже примитивная механизация¹⁴.

Один из курьезных примеров, зафиксированный в протоколе колхоза «Сталинец»:

«Слушали: рапорт агронома колхоза Гаенко на колхозника Грищенко В. Т. от 13.04.1949 г. о невыходе на работу без уважительных причин.

Грищенко: Я разутый и не могу работать, мне не дали сапоги. Пускай работает тот, кто получил сапоги. Больше у меня причин нет.

Гаенко: Тов. Грищенко работал на остеклении рам. Работает на сухом месте. Я хотел поставить на его место другого человека, но Грищенко не дает стеклорез и этим самым срывает важную работу. Постановили: Оштрафовать Грищенко на 5 трудодней»¹¹⁵.

За этим небольшим инцидентом — большой дефицит, и не только сапог, а даже такого маленького инструмента, как стеклорез, который, по-видимому, был личной собственностью обиженного колхозника.

Первый трактор в этом колхозе появился только в 1956 г., до этого пахали и возили на быках.

Однако решать проблемы пытались больше репрессивными методами. В июне 1947 г. Указом ВС и постановлением правительства была установлена уголовная и материальная ответственность за обеспечение сохранности и бережное отношение к общественной собственности. Под суд отдавали за не выработку трудодней, за то, что лошадь сломала ногу или ее задрал волк и т.п. За невыполнение плана по надою молока или урожаю капусты снимали трудодни в процентном отношении, за перевыполнение — добавляли¹¹⁶.

Многие колхозы не могли реализовать свою продукцию, их обвиняли в бесхозяйственности, в том, что в колхозах распространено мнение о бесполезности увеличения производства сельскохозяйственной продукции¹¹⁷.

А как мог реализовать молочную продукцию тот же «Сталинец» летом, если до колхоза не было дорог, а в колхозе не было машин, только кунгасом по порожистой Колыме более чем за 100 км до ближайшего населенного пункта, но какое «молоко» будет на выходе? Аналогичные проблемы были и в других колхозах.

Среди коренного населения росло пьянство, снижалась рождаемость и росла смертность, 75–80% были больны туберкулезом. Численность коренного населения в течение 1936–1947 гг. снижалась в среднем на 61 человек ежегодно. После объявления амнистии в 1953 г. дальстроевская система сельского хозяйства практически рухнула¹¹⁸.

Рыбный промысел с 1934 г. также вошел в хозяйство Дальстроя. С 1938 г. в структуре Дальстроя было создано самостоятельное управление рыбопромыслового хозяйства (УРПХ), в состав которого вошли 5 рыбпромхозов, расположенные на северо-восточном побережье Охотского моря и в устьях нересловых рек побережья. На лове рыбы использовались преимуще-

щественно физически ослабленные заключенные и инвалиды, а на рыбообработке — заключенные женщины. Кроме промхозов, рыбным промыслом занимались национальные колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов. В 1940 г. удельный вес колхозного лова рыбы составлял 53%.

Материальная база и тех и других была очень слабой. 2 десятка моторных катеров и кавасаки, остальной промысловый флот — безмоторные кунгасы. Не было собственного каботажного флота для снабжения промыслов и вывоза готовой продукции. Почти отсутствовала всякая связь между производственно-торговыми отделениями, в результате часть рыбы не вывозилась с промыслов и портилась. Из-за нехватки средств и стройматериалов складское хозяйство развивалось медленно, рыба сваливалась на неблагоустроенных площадках на улице, бочки находились под открытым небом, рассыхались, тузлук вытекал, рыба ржавела. Большая часть рыбопродукции отгружалась на пароходы и доставлялась во Владивосток, поэтому даже при росте добычи рыбы в предвоенные годы население Магадана получало рыбу в ничтожном количестве, а население производственных центров, удаленных от моря, не получало ее совсем.

В годы войны в условиях сокращения поставок продуктов, промысловое хозяйство Дальстроя приобрело первостепенное значение. Приняли ряд мер по организационно-хозяйственному укреплению предприятий рыбной промышленности, было налажено бондарное и тарное производство, наращивались мощности местного судостроения на Арманской судовой верфи и на ремонтном заводе № 2 в г. Магадане. В то же время в годы войны добыча рыбы велась в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях — в 1942 г. бухты поздно освободились ото льда, а Сигланский и Ямский промыслы не освободились ото льда вовсе. В 1943 г. в Ямском рыбпромхозе в период лососевой путины ставные неводы были уничтожены штормом, был и слабый подход горбуши в тот год, в 1945 г. затопило установленные орудия лова. Чтобы выполнить планы, хищнически эксплуатировали нерестовые водоемы, ловили не только в устьях рек, но и в верховьях — на нерестилищах. В 1944 г. в систему УРПХ Дальстроя был передан из Главсибрыбпрома Колымо-Индигирский госрыбтрест. В военные годы на рыбных промыслах соотношение заключенных и вольнонаемных изменилось в сторону вольнонаемных, примерно 1:3–4. Самоотверженный труд и законы военного времени, несмотря на трудности, позволили обеспечить население Колымы рыбой, кроме заключенных.

Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. обстановка в рыбной отрасли Дальстроя с финансированием, материально-тех-

ническим обеспечением, строительством, оставалась такой же плохой. Росло население Дальстроя, снабжение с «материка» было недостаточным. Из-за отсутствия морских судов лов рыбы по-прежнему осуществлялся в устьях рек и на береговых участках, что сокращало промысловые возможности. С 1945 по 1948 г. у побережья Охотского моря была неблагоприятная ледовая обстановка, это сокращало лов сельди. Эффективность пассивного лова зависела от интенсивности подхода рыбы к берегам и от количества выставленных орудий лова. Так в 1950 г. основные сельдевые промыслы Дальстроя практически не участвовали в деле из-за отсутствия сельди. Лососевые реки в результате хищнического лова были истощены. Так, если лососевые реки Ольского района в 1944 г. дали 41 тыс. ц лосося, то в 1946 г. только 4 тыс. ц и в 1949 — 10 тыс. ц. Промысловый лов лосося, начиная с 1948 г. в некоторых реках был ограничен, а потом и вовсе запрещен приказом начальника Дальстроя; тем не менее, процветал браконьерский промысел.

После войны в рыбной отрасли Дальстроя прошло несколько реорганизаций. Последняя в описываемый период реорганизация — в 1950 г., из рыбпромхозов и совхозов, расположенных ближе к Магадану, было создано УПХ Дальстроя, а расположенные северо-восточнее были объединены в Северо-Охотский госрыбтрест, который обслуживал и рыбопромысловые колхозы побережья. Бедственное положение рыбпромхозов УПХ Дальстроя и Северо-Охотского треста отрицательно сказывалось и на экономике рыбопромысловых колхозов, которые от них полностью зависели. Порядок снабжения рыболовецких колхозов, принятый государством в 1946 г., еще больше ухудшил положение колхозников. Многие колхозники не имели жилья, а рабочие рыбпромхозов жили в землянках и засыпных бараках постройки 30-х гг. Анализ рыбной промышленности Дальстроя показал, что она была неэффективной¹¹⁹.

Другие отрасли экономики Дальстроя

Кроме главной своей задачи — поиска и добычи полезных ископаемых — Дальстрою приходилось решать массу других важных и необходимых дел. Но все они были связаны с решением главной задачи. Они включали в себя, кроме тех, о которых говорилось в предыдущих параграфах, — создание энергетических узлов с сетью линий электропередач, линий связи, строительство обогатительных фабрик, механических предприятий, создание системы снабжения с бесчисленным количеством

складских помещений на всей территории Дальстроя, строительство города Магадана, административных центров горнопромышленных управлений и многое другое.

Электроэнергетика — основа любой промышленности. Ее надо было создавать. Первые электростанции Дальстроя были локомобильные и маломощные. Мощности электростанций на конец 1937 г. составляли всего 3394 квт¹²⁰. С развитием горной промышленности и увеличением механизации основного производства возрастало потребление электроэнергии. Во всех горнодобывающих районах строились районные и местные дизельные и паротурбинные электростанции. К концу 1942 г. выработка электроэнергии всеми электростанциями Дальстроя составляла 96 тыс. квт/ч, а протяженность высоковольтных линий, начатая в 1937 г., достигала 230 км. Недостаток электроэнергии компенсировался мелкой энергетикой — локомобильями, двигателями до 100 л. с. Основным топливом электростанций до 1942 г. была древесина, запасы которой быстро уменьшались. С 1939 г. стали использовать торф, а позже с вводом в эксплуатацию угольных месторождений — каменный уголь¹²¹. Однако их мощностей все равно не хватало, и это было одной из главных причин простоев на горнодобывающих предприятиях практически все годы работы Дальстроя. Наиболее крупные электростанции были построены в Магадане и в районах угледобычи — Аркагале, Таскане и др. Строились высоковольтные линии электропередач и линии связи.

В целях максимального снижения потерь металла с 1939 г. начали работать шлихообогатительные фабрики. По мере введения в эксплуатацию месторождений рудного золота стали строиться золотоизвлекательные фабрики. Все оловодобывающие предприятия сопровождалось обогатительными фабриками, создавая единый горнодобывающий комплекс. Тоже было и на предприятиях по добыче кобальта, вольфрама и урана. Строительный комплекс Дальстроя в первую очередь был ориентирован на промышленное и дорожное строительство. Строительство жилья и соцкультбыта проходило, в основном, по остаточному принципу. Некоторое исключение в этом составлял Магадан.

Первоначально создание административного центра Дальстроя планировалось Э.П. Берзиным на острове близ устья р. Таскан и на прилегающей к нему части левого берега р. Колымы. Возникший и развивавшийся недалеко от бухты пос. Магадан расценивался как временный административный центр¹²². Но случившийся большой паводок на Колыме похоронил намерения о Таскане. Административный центр стал развиваться на берегу бухты Нагаева, объединив бывшую Восточно-Эвенкскую

культбазу (пос. Нагаево) и пос. Магадан в один, ставший в 1939 г. официально городом Магаданом. Еще при Берзине началось строительство морского порта, складских помещений. Механические мастерские были реорганизованы в авторемонтный завод (АРЕМЗ), вступила в строй электростанция, кирпичный завод, лесозавод, кожзавод, судоремонтный завод, различные производственные мастерские; строились дома, открылись клубы, создан театральный коллектив, кинотеатр, музей, средняя школа, учебный комбинат, педагогический техникум, парк культуры и стадион, издавалась общедальстроевская газета, открылись магазины. В 1936 г. был разработан генерально-перспективный план Магадана¹²³. Строительство велось силами заключенных.

Строительство центров горнорудной промышленности началось, как правило, с появления лагерной зоны и строительства административного здания горнопромышленного управления, необходимых для производства электростанции, складов, гаражей, мастерских и т.п., необходимого для жизни минимума коммунально-бытовых помещений — бани, столовой, магазина, амбулатории. Почти все ныне существующие населенные пункты Магаданской области начинались с этого — лагерь был градообразующей структурой.

Расширение механизации на горнорудных предприятиях и недопоставки с «материка» в годы войны технических грузов вызвали необходимость переоборудования ремонтных мастерских во всех горнопромышленных управлениях в достаточно крупные предприятия, способные производить новые машины и механизмы горного, обогатительного, транспортного и энергетического оборудования. В каждой такой мастерской были введены в действие литейные цехи. В пос. Оротукан был пущен завод по ремонту горного оборудования, там же был введен в действие мартеновский цех мощностью 12 т/сут. В 1941 г. было начато производство кокса и полукокса на базе углей Зырянского и Аркагалинского месторождений, в результате была полностью обеспечена потребность литейных и мартеновских печей, что позволило наладить производство сложных деталей машин¹²⁴.

За годы войны был налажен выпуск 114 типов горного и силового оборудования. Серийно выпускалось до 500 наименований новых деталей для автомашин и 400 наименований для тракторов. Из-за нехватки бензина и дизельного топлива 1510 автомобилей и более 800 тракторов были переоборудованы на газогенераторные установки (т.е. работали не на жидком топливе, а на дровах). Выпускались экскаваторы марки ЛК-0,5

и «Кунгурец», буксирные катера. Был налажен выпуск машин для обогатительных фабрик, в т.ч. дробилки типа «Саймонс», ранее производящиеся только на Уралмаше, изготавливались токарные станки и многое другое¹²⁵.

Местная промышленность Дальстроя до 1941 г. была представлена промкомбинатом в г. Магадане, который выпускал швейные изделия, обувь и занимался деревообработкой. Когда поставки в Дальстрой были ограничены, а по многим видам изделий полностью прекращены, местная промышленность стала интенсивно развиваться. Было расширено швейное производство и увеличен выпуск массовой продукции (телогреек, ватных брюк, белья, постельных принадлежностей), из-за недостатка валенок из утиля шили теплые бурки, изготавливали обувь из кожи морского зверя.

В начале войны на Промкомбинате в закройном цехе резчиком настолов ткани работала «политзаключенная» Г.С. Коваленко. Из ее воспоминаний, записанных сотрудниками НИПЦ «Мемориал» (Москва):

«Швейная фабрика (бельевой, закройный и цех тяжелого пошива). В цехе тяжелого пошива шили телогрейки, бушлаты и теплую обувь для заключенных. К стеганым голенищам пришивалась войлочная подошва. В этом цехе мужчины (≈ 50 чел.) кроили и строчили, женщины — настиляли вату. Были — сапожная мастерская (≈ 5 чел., мужчины), гвоздильно-проволочный цех, шинный цех, металлоцех, обмоточный цех (перемотка электромоторов, работали 10 мужчин + 3 электрика для обслуживания всего промкомбината), пекарня, прачечная (≈ 50 чел.) и подсобный цех (≈ 30 чел.). В подсобном цехе активированные на приисках доходяги и старики рубили банки из-под консервов и прессовали. В металлоцехе — регенерация олова из этих банок, изготовление (штамповка) ложек для приисков из отходов крыльев автомашин и покрытие ложек оловом. Связки ложек отмывали в кислоте, потом в содовой ванне, затем гальваническим путем покрывали оловом. Когда не было работы в закройном цехе, я работала в металлоцехе на регенерации и на никелировке (оловом). У меня эта работа получалась очень хорошо. Цех чистейший, чистая одежда, поверх — чистый резиновый фартук. Но вытяжки не было, я потеряла голос. Когда не было работы на промкомбинате, мы заготавливали для ОЛПа топливо (торф, дрова). Тайга была рядом»¹²⁶.

В тяжелые военные годы на базе местной промышленности были организованы новые производства. Пущен цех регенерации резины на базе изношенных автопокрышек, цех регенерации отработанных масел. Из металлоотходов изготавливали шахтерские лампы, гвозди и др. В электротехнических мастерских изготавливали трансформаторы, сварочные аппараты, конденса-

торы для автомашин, провода и др. изделия. Цех регенерации электроламп восстановил 75 тыс. штук перегоревших электроламп. (В магазине продавали электролампочку только взамен на перегоревшую¹²⁷.)

В 1941 г. было начато производство огнеупоров — шамотного и диасового кирпича. В большом количестве выпускался красный кирпич.

В 1942 г. на базе местного сырья построен стекольный завод, который выпускал оконное и автомобильное стекло, изоляторы для электролиний и линий связи, химическую и хозяйственную посуду. В 1943 г. из местных пиритов было налажено производство технической серной кислоты, из кальцитов — зубного порошка.

Пищевая промышленность из местного сырья выпускала витаминизированные джемы, сухой кисель, ягодное вино, противцинготные экстракты шиповника и стланика и многое другое. В 1944 г. была пущена макаронная фабрика с годовой производительностью до 1000 т изделий¹²⁸.

Эти, казалось бы, не такие уж значительные производства, помогали людям выживать и работать в условиях значительной изоляции территории.

Многое в местной промышленности, что было начато в годы войны по необходимости, осталось и после нее. Так в 1952 г. на промкомбинате и пищекомбинате Магадана работали 1628 женщины ОЛПа № 5 Маглага, а на Тасканском пищекомбинате 557 человек, из них 424 женщины ОЛПа № 4 Эльгенского лагерного отделения¹²⁹. Многие ремонтные мастерские позже получили статус ремонтных заводов. Почти до перестройки работал стекольный завод, а макаронная фабрика в Магадане существует до сих пор.

В сферу забот Дальстроя входило и создание социальной инфраструктуры для населения. Была создана сеть медицинских учреждений для вольного и заключенного населения, школ и интернатов, детских яслей и садов, Домов младенца для детей, рожденных заключенными женщинами. Всего, конечно, было недостаточно, оснащенность необходимым оборудованием, лекарствами достаточно низкая, недоставало и специалистов — медиков, учителей, воспитателей.

Средний медицинский персонал готовили при больницах без «отрыва от производства» из заключенных или бывших заключенных, а врачи, как правило, из заключенных были хорошими специалистами.

Что касается Домов младенца в лагерях, то там условия содержания были «запредельными». Так, например, в ОЛПе № 5

Маглага в 1952 г. «В зоне ОЛПа имеется детская комната площадью 36 кв. м, в которой находятся 37 детей в возрасте до 4-х месяцев. Помещение, в котором находятся дети, ветхое, отапливается плитой, находящейся в середине комнаты, вследствие чего нет возможности поддерживать равномерную температуру»¹³⁰. Только в Севвостлаге в 1951 г. было 10 Домов младенца с общей численностью детей в них 1436 чел. Состояние их аналогичное¹³¹.

Средние школы с интернатом были только в центрах ГПУ. В большинстве горняцких поселков, где были дети, создавались только начальные школы, обычно в приспособленных помещениях.

Автономность хозяйственной деятельности Дальстроя была связана с его особым статусом, территориальной обособленностью, а в годы войны и после, ограничением выделяемых средств, особенно на капитальное строительство, недопоставками всего. Но поскольку Дальстрой работал во имя главной цели — дать золото и другие полезные ископаемые, то естественно возникали значительные диспропорции в других сферах, в т.ч. в сфере материального производства, жилищного строительства, социальных программ.

Заключение

Дальстрой был образован с целью добычи золота и других ценных полезных ископаемых, расположенных в малонаселенных районах Северо-Востока СССР, и изначально был ориентирован на применение принудительного труда заключенных. До войны в Дальстрое преобладал лагерный контингент (больше 80%), в годы войны часть его перешла в состав вольнонаемных (освобождены, но обязаны были работать в Дальстрое до окончания войны). После войны количество заключенных вновь стало расти, достигнув своего максимума к осени 1951 г. (более 200 тыс. человек), появились среди них и военнопленные японской армии. После войны в составе вольнонаемных появились категории ссыльно- и спецпоселенцев и спецконтингент (работники бывших атомных спецстроек, принудительно высланные на Колыму).

Правительством Дальстрою был придан особый статус, его руководитель имел неограниченные полномочия на территории Дальстроя, а сама территория по мере вовлечения в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых постоянно расширялась. Особенностью Дальстроя было то, что прежние

административные границы здесь значения не имели, органы власти в лице Советов на осваиваемых территориях не создавались.

Главной отраслью Дальстроя была добыча, прежде всего, золота, а также олова, вольфрама, кобальта, урана. Для внутренних нужд добывался каменный уголь и другие нерудные полезные ископаемые. Труд на горнодобывающих предприятиях был слабо механизирован, преобладал тяжелый и опасный ручной труд. Отработка месторождений особенно в первые годы и в годы войны проводилась хищнически. Это оправдывалось нуждами быстрой индустриализации, а потом войной. В итоге, падало среднее содержание металла в песках, росли объемы горных работ, а значит и финансовые затраты. Общее количество добываемого металла падало, особенно в послевоенные годы. Поддерживать темпы добычи становилось трудно, внедрение механизмов и вовлечение в отработку новых месторождений при недостатке энергетических источников приводило к хроническим простоям на производстве, а распыленность объектов работ при нехватке конвоя, приводила к тому, что заключенных не выводили на работу. Это вело к кризису системы принудительного труда.

Дальстрой как автономная замкнутая структура, территориально оторванная от «материка», был вынужден заниматься не только поисками и добычей полезных ископаемых, но также строительством дорог, портов, сети аэродромов, развитием транспортной, энергетической сети и линий связи. И хотя в недостаточном количестве для столь огромной территории, все было сделано в короткие сроки силами, в основном, заключенных дальстроевских лагерей. Однако постоянные срывы снабжения с «материка», хронический недостаток автотранспорта не могли обеспечить население Дальстроя всем необходимым для жизни и работы, что также вело к нарастанию кризисных явлений. Дальстрой создал собственное сельское хозяйство, развивал рыбные промыслы, создал местную промышленность, в годы войны, когда с поставками различных грузов было совсем плохо, это было особенно важно.

В сферу забот Дальстроя входило и создание социальной инфраструктуры — строительство города Магадана и поселков на территории его деятельности, создание сети медицинских, образовательных и культурных учреждений. Но главной заботой Дальстроя было золото и другие полезные ископаемые, это вело к диспропорциям в других сферах жизнедеятельности огромного региона, а в итоге — и к кризису самой структуры хозяйствования могущественного главка.

Примечания

¹ ГУЛАГ 1918–1960: Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 72.

² Хроника золотодобывающей промышленности Магаданской области / Сост. С.П. Ефимов // Колыма. 1991. № 1. С. 2.

³ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953) Дальстрой. Магадан, 2002. С. 55, 85, 87.

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999. С. 120.

⁵ Хроника золотодобывающей промышленности // Колыма. 1993. № 12. С. 5.

⁶ Вронский Б.И. По таежным тропам: Записки геолога. Магадан, 1960. С. 32.

⁷ Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской обл. Ф. Р-19. (Материалы по планировке хозцентра Оротук и других национальных поселков Среднеканского района за 1940–1953 гг. Проектное задание к проекту планировки поселка Оротук того же сельсовета Среднеканского района Хабаровского края.)

⁸ Хроника золотодобывающей промышленности // Колыма. 1991. № 1. С. 2.

⁹ Цит. по: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 62.

¹⁰ Пилясов А.Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация // Колыма. 1993. № 8. С. 36.

¹¹ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 485, 500, 502, 503, 504, 507.

¹² Гребенюк П.С. Колымский лед. Система управления на Северо-Востоке России. 1953–1964. М., 2007. С. 34–35.

¹³ Прочитировано по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004. С. 154–155.

¹⁴ Козлов А.Г. У истоков Севвостлага // Колыма. 1992. № 12. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 29–31. (Приказ процитирован А.Г. Козловым со ссылкой на: Государственный архив Магаданской области (далее — ГАМО). Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.)

¹⁶ Козлов А.Г. У истоков Севвостлага // Колыма. 1992. № 12. С. 30.

¹⁷ Врид (сокр.) — временно исполняющий должность

¹⁸ Там же. С. 31–32.

¹⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. С. 383.

²⁰ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 92–93.

²¹ Там же. С. 135.

²² Там же. С. 147 (есть ссылка на: ГАМО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 220. Л. 82).

²³ Цит. по: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 169–170. (у Бацаева ссылка цитаты на: ГАМО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 287. Л. 154.)

²⁴ Там же. С. 170. (ссылка цитаты на: ГАМО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 234. Л. 54.)

²⁵ Там же. С. 169.

²⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. С. 134.

²⁷ Примеры таких приказов см.: Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1991. № 8–9. С. 2; 1992. № 1. С. 4.

²⁸ Там же. 1991. № 4. С. 2.

²⁹ Архив Федерального государственного дорожно-эксплуатационного предприятия № 251. Пос. Мадаун Магаданской обл. (неклассифицированный (Приказы Комсомольского ДСУ за 1942 г.).

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2352. Л. 4, 21.

³¹ Там же. Л. 15, 22.

³² Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 133–136.

³³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 211.

³⁴ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах в 2-х частях. Магадан, 2002. Ч. 2 (1941–1945). С. 123.

³⁵ Рассчитано автором по данным: Бердинских В. Спецпоселенцы. М., 2005, С. 41, 662.

³⁶ Рассчитано автором по данным: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 133, 149; см. также рис. 6.

³⁷ Примеры см.: Грибанова И. Дела давно минувших дней // 30 октября. № 37–39.

³⁸ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 141.

³⁹ Архив Тенькинской районной больницы Магаданской обл. пос. Усть-Омчуг (неклассифицированный). Разные названия связаны с прошедшими в течение этого периода реорганизациями в системе как медслужбы горнопромышленного управления, так и самого управления.

⁴⁰ Глава 17. 12 января 1949 года приказом МВД — <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava17.htm>, С. 10

⁴¹ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 149–150.

⁴² Архив Тенькинского горнообогатительного комбината. Пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. (Не классифицированный). Карточки личного состава работников бывшего прииска им. М. Расковой. (Приведена не полная выборка из картотеки на букву «А». На каждой карточке стоял штамп «Может быть уволен из Дальстроя не ранее 19(28).09.1952 г.)

⁴³ Тенькинский филиал Магаданского фонда геологической информации (неклассифицированный.) (Книга добычи по годам по предприятиям Тенькинского района 1939–1956 гг.)

⁴⁴ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 141–143.

⁴⁵ Интервью, взятое автором у Васильевой М.В. в апреле 1994 г., Драной Л.Я. в ноябре 2000 г., Логиновой И.Г. в январе 2001 г. в пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. Письмо автору от Новосад А.Х. от авг 2003 г.

⁴⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 406.

⁴⁷ Там же. С. 221.

⁴⁸ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 53, 98, 114, 144; Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1992. № 2. С. 4, 5; № 3. С. 2–4.

⁴⁹ Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1991. № 10. С. 3–4.

⁵⁰ Дурновцев Л. Так начиналась Тенька // Районная газета «Ленинское знамя» Тенькинского района Магаданской обл. 1972. 22 июля. (В публикации ни разу не упомянуто о заключенных (1972 г.), некая безликая масса первопроходцев, но «уши торчат».)

⁵¹ История сталинского Гулага... // Т. 3. Экономика ГУЛАГа. С. 51; Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект) // Колыма. 1993. № 8. С. 46.

⁵² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2352. Л. 3–4.

⁵³ Цит. по: Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1992. № 5. С. 4. (Прииск «Пионер» с 1942 г. работал на новом очень богатом месторождении ручья Клин, а прииски им. Буденного (месторождение руч. Павлик) и им. Ворошилова (месторождение руч. Наталка) были образованы осенью 1941 и 1942 гг. был для них первым годом полноценного промsezона. Тенькинский филиал Магаданского фонда геологической информации.)

⁵⁴ Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1992. № 10–11. С. 2; 1993. № 1. С. 3; № 2. С. 3.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1612. Л. 78; Д. 1631. Л. 142.

⁵⁶ Там же. Д. 1289. Л. 18.

⁵⁷ Там же. Д. 591. Л. 643–644.

⁵⁸ Там же. Д. 1679. Л. 77.

⁵⁹ Там же. Д. 650. Л. 8–10.

⁶⁰ Там же. Л. 33.

⁶¹ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. С. 435–436.

⁶² Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1991. № 7. С. 3.

⁶³ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 14; Ч. 2. С. 255.

⁶⁴ Андриевский В.И. В рабочем строю — Александр Матросов // Колыма. 1985. № 1–2. С. 4.

⁶⁵ Прусс Ю. Четыре года до упразднения Дальстроя // <http://www.kolyma55.ru/index.php?newsid=20>

⁶⁶ Пилясов А.Н. Указ. соч. // Колыма. 1993. № 11. С. 28.

⁶⁷ Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1992. № 6. С. 2, 4; № 7. С. 2; Мельников С.М. Дальстрой: страницы истории... // Колыма. 1993. № 8. С. 45.

⁶⁸ Хроника золотодобывающей промышленности... // Колыма. 1993. № 3. С. 4, 5; № 5. С. 3; № 9–10. С. 2.

⁶⁹ Пилясов А.Н. Указ. соч. // Колыма. 1993. № 11. С. 33.

⁷⁰ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 127–128.

⁷¹ Там же. С. 128.

⁷² Там же.

⁷³ Гребенюк П.С. Указ. соч. С. 20.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 637–638.

⁷⁵ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 42; Ефимов С.П. Деятельность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Колыма. 1993. № 7. С. 33.

⁷⁶ Жулин Э.И. Государственному проектному институту «Дальстройпроект» — 50 лет // Колыма. 1985. № 6. С. 4.

⁷⁷ Лукин И.И. Они были первопроходцами // Колыма. 1985. № 6. С. 9.

⁷⁸ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 1 (1931–1941). С. 243.

⁷⁹ КИРП передан Дальстрою в 1941 г. от Главсевморпути. См.: Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 202.

⁸⁰ Ефимов С.П. Указ. соч. // Колыма. 1993. № 7. С. 33.

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 292–293, 296–297.

⁸² Там же. Л. 489–490.

⁸³ Там же. Л. 555–572.

⁸⁴ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 41–42.

⁸⁵ Там же. С. 42.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 294–295.

⁸⁷ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. С. 440.

⁸⁸ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 124.

⁸⁹ Наровская Н.Г. Из истории изысканий и проектирования автомобильных дорог на Северо-Востоке // Колыма. 1985. № 6. С. 35.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 9–28.

⁹¹ Там же. Л. 173–178.

⁹² Там же. Л. 382–416.

⁹³ Там же. Л. 161–162.

⁹⁴ Там же. Л. 515–517, 534–554.

⁹⁵ Там же. Л. 33–34, 243–244.

⁹⁶ Наровская Н.Г. Указ. соч. С. 35.

⁹⁷ Название лагерного подразделения при управлении автотранспорта менялось в разные годы в связи с реорганизациями (см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1999. С. 137). База управления и комендантский ОЛП располагались

в пос. Мякит (292 км от порта Нагаево) с 1934 г. Другие лагподразделения базировались в пос. Палатка (94 км от порта), Атка (215 км), Берелех (652 км), Спорный (452 км) — с 1936 г., в Аркагале (757 км) — с 1948 г. и в Артыке (920 км) — с 1952 г. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 55–70).

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 43–44, 101–102, 133–134, 139–140, 151–152, 155–156, 241–242, 324–325, 364–365, 457–458, 483–486, 531–533.

⁹⁹ Цит. по: Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 244.

¹⁰⁰ Там же. С. 248, 256.

¹⁰¹ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 133.

¹⁰² Там же. С. 140.

¹⁰³ Там же. С. 45–46, 140.

¹⁰⁴ Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан, 1997. С. 64.

¹⁰⁵ Там же. С. 65.

¹⁰⁶ Там же. С. 67.

¹⁰⁷ Цит. по: Там же. С. 72.

¹⁰⁸ Ефимов С.П. Указ. соч. С. 34.

¹⁰⁹ Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока... С. 72.

¹¹⁰ Цит. по: Там же. С. 69.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 13–14, 87–92, 105–106, 217–223, 302–307, 312–313, 320–321, 413–414, 421–423, 479–482, 501–502.

¹¹² Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока... С. 72.

¹¹³ Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской обл. Пос. Усть-Омчуг. Ф. Р-19. (Протоколы заседаний правления и общих собраний колхоза «Сталинец».)

¹¹⁴ Там же. С. 73–75.

¹¹⁵ Цит. по: Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской области. Ф. Р-19. (Материалы по планировке хозцентра Оротук и других национальных поселков Среднеканского района за 1940–1953 гг. Протоколы заседаний правления и общих собраний с/х артели «Сталинец» за 1948–1950 гг.)

¹¹⁶ Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской области. Ф. Р-19. (Материалы по планировке хозцентра Оротук и других национальных поселков Среднеканского района за 1940–1953 гг. Протоколы заседаний правления и общих собраний с/х артели «Сталинец» за 1948–1950 гг.)

¹¹⁷ Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока... С. 75.

- ¹¹⁸ Там же. С. 77–78.
- ¹¹⁹ Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока... С. 79–98.
- ¹²⁰ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. С. 440.
- ¹²¹ Там же. С. 441.
- ¹²² Козлов А.Г. Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929–1945). Магадан, 2007. С. 206.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Ефимов С.П. Указ. соч. С. 31–32; Сталинские стройки ГУЛАГа. С. 447–448.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Цит. по: Грибанова И.В. Статистическая единица ГУЛАГа // Магаданская правда. 2007. 12 янв.
- ¹²⁷ Интервью автора со старожилом пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. П.И. Авраменко.
- ¹²⁸ Ефимов С.П. Указ. соч. С. 32–34; Сталинские стройки ГУЛАГа. С. 448–450.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 591. Л. 93–94, 129–130.
- ¹³⁰ Там же. Д. 747. Л. 96. (Цит. по: Копия представления военного прокурора войск МГБ Дальстроя Федорова № 0226 от 20.01.1953 г. о нарушениях приказов МВД СССР и указаний ГУЛАГа МВД СССР о порядке содержания заключенных в ИТЛ Дальстроя.)
- ¹³¹ Там же. Д. 650. Л. 125–127.

Экономика транспорта в СССР

*А.С. Сенин**

Железнодорожный транспорт Советской России в первые годы восстановительного периода

В XX столетии железнодорожный транспорт стал одной из важнейших отраслей народного хозяйства России. В то же время транспорт относится к недостаточно изученным страницам экономической истории страны. Транспортная тематика разрабатывалась преимущественно экономистами и представителями технических специальностей, ставивших своей целью выявление эффективности эксплуатации железных дорог, тенденций развития технических средств¹. Некоторые интересующие нас аспекты деятельности железных дорог на исходе Гражданской войны и начала восстановительного периода нашли отражение в учебных пособиях по истории транспорта². Роли партии большевиков в восстановлении железнодорожной инфраструктуры посвящена работа Л.В. Ловцова³. В ходе нынешнего реформирования железнодорожного транспорта интерес к его истории несколько возрос. Говоря о нэповских преобразованиях на транспорте, авторы книги «Железные дороги России: От реформы к реформе»⁴ упомянули реформу 1922 г. только в связи с принятием 16 января постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) «О применении на транспорте начал хозяйственного расчета». Ни в одной из монографий или статей в научных периодических изданиях подробно преобразования на железнодорожном транспорте в первые годы нэпа не рассматривались. В данной статье автор ставит задачу исследовать некоторые проблемы железнодорожного хозяйства начала 20-х гг. Вопросы реформы управления железнодорожной администрации в эти годы частично были нами рассмотрены ранее⁵.

Общий ущерб, нанесенный экономике России за годы Гражданской войны и иностранной интервенции, превысил 50 млрд золотых рублей. С 1914 по 1920 г. промышленное производство сократилось в 7 раз, сельскохозяйственное — на 38%. За 1918–1920 гг. в стране было разрушено 21 250 верст железнодо-

* Сенин Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета).

рожных путей. Отдельные участки превратились в грунтовые дороги или были разобраны и использованы для ремонта поврежденного рельсового полотна на главных путях. Разрушенными и серьезно поврежденными оказались 3672 моста общей протяженностью пролетов 89 467 метров, 2904 стрелочных переводов, 381 место для стоянки паровозов в депо, 264 гидравлических колонны, 466 водокачек, почти 5 тыс. гражданских построек, 86,5 тыс. верст телеграфных линий, 4331 телеграфный и 10 896 телефонных аппаратов⁶. Первоочередность поставок строительных материалов в Красную армию, затрудняла восстановительные работы. Оценить размер нанесенного ущерба было трудно, т.к. многое было утрачено и от длительного срока службы. Специалисты предполагали, что значительная часть основного капитала, вложенного в железнодорожное строительство еще до Первой мировой войны, исчезла бесследно и многое придется восстанавливать вновь⁷.

По предварительным подсчетам, изложенным в интервью главного начальника путей сообщения И.Н. Борисова «Вестнику путей сообщения», общая стоимость восстановительных работ в довоенных рублях определялась в сумме 2,5 млрд рублей или 33% первоначальной стоимости сооружения железных дорог⁸.

Путь и путевое хозяйство

В 1921 г. эксплуатационная длина железных дорог в среднем составляла около 62 340 верст⁹. После 1917 г. к соседним государствам перешло 10 587 верст (к прибалтийским и Польше — 5618; Финляндии — 3827; Румынии — 1142). 5968 верст было снято с различных линий (Семипалатинск — Сергиоль 140 верст, Баладжары — Аджикабул 117 верст, Уральск — Илецк 61 верста, Узловая — Венев 55 верст и т.д.). Вторых путей было разобрано 1066 верст (на участках Батраки — Самара, Ртишево — Тамбов, Смоленск — Витебск, Харьков — Басы, Харьков — Балашов, Мга — Званка, Полоцк — Дрисса, Могилев — Жмеринка, Тирасполь — Раздельная, Новороссийск — Екатеринодар и другие). Помимо этого, практиковалось закрытие отдельных линий. В 1921 г. количество таких участков и ветвей достигло 4500 верст. Большая часть из них относилась к линиям, обслуживавшим Донецкий бассейн¹⁰.

Примерно 53,5 тыс. верст железных дорог оказалось в районах боевых действий и были в той или иной степени разрушены. Некоторые участки разрушались неоднократно. По оценкам инженера А.Н. Фролова, наиболее слабым звеном путевого хо-

зьяства были шпалы. По приблизительным подсчетам, на железных дорогах было уложено 152 млн шпал. «Если мы признаем, — писал Фролов, — что шпалы не должны служить более чем они служили до войны, то в течение 1922 и 23 годов мы должны были бы сменить их все 152 млн или по 76 млн в год»¹¹.

В годы Гражданской войны работы по замене шпал велись по так называемой «голодной норме», из-за всевозможных «урезок» в Госплане и Совете труда и обороны заявок ведомства путей сообщения. Учитывая недосмену шпал в эти годы, НКПС намеревался в 1921 г. сменить 30 млн шпал. Соответствующий заказ был выдан в Главлеском. Последний согласился поставить лишь 20 млн. Основная транспортная комиссия (ОТК) сократила заявку до 19 млн штук. Но уже в апреле 1921 г. стало ясно, что НКПС может в лучшем случае рассчитывать лишь на 7 млн шпал, из которых гарантированы были поставки только 5 млн. Но и это, по словам И.Н. Борисова, «дело темное, получим ли мы эти 2 млн или нет»¹². Гарантированный заказ был распределен по «ударным» направлениям. Например, на Московско-Киево-Воронежской железной дороге было сменено 80 тыс. шпал — 16% от нормы. Поэтому даже на этой стратегически важной для страны дороге костыли подчас можно было выгаскивать руками из прогнивших шпал. Ощущалась острая нехватка болтов для рельсовых накладок¹³.

Таблица 1

Средний возраст лежавших в пути шпал на 1 января 1922 г.

Порода шпал	На 1 января 1922 г.	Средняя норма
Сосновые непропитанные	4,15	3
Сосновые пропитанные	7,80	5,5
Дубовые	7,27	4,5
Еловые	3,70	2,5

Источник: Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта 1913–1925. М., 1925. С. 135.

Потребность железных дорог в шпалах на 1922 г. составила 42,8 млн штук. Основная транспортная комиссия сократила заявку до 32,5 млн, а СТО утвердил предложение Госплана — 22,7 млн штук. Фактически же на дороги поступило всего 11,6 млн шпал, из которых удалось уложить в путь 9,5 млн штук (из них пропитанных только 1 млн 160 тыс.)¹⁴. В 1922 г. ни одна из дорог не выполнила задание по замене шпал. Наиболее успешно эта работа проводилась на следующих дорогах: Перм-

ской (81,3% к годовому заданию), Западных (76,4%), Орловско-Витебской (72,4%)¹⁵.

Таблица 2

**Удельный вес пород шпал на железных дорогах в начале 1920-х гг.
(в %)**

Названия дорог	Наименование пород				
	Дубо- вые	Сосно- вые	Сосновые прописан- ные	Еловые	Другие
Западные	2	33	65		
Донецкие	26	27	47		
Московско-Белорусско- Балтийская	2	43	48		
Московско-Казанская		63	37		
Николаевская		33	56	1	
Пермская		62	23	15	
Самаро-Златоустовская		60	40		
Северо-Западные		29	69	2	
Средне-Азиатская		24	76		
Сызрано-Вяземская			100		
Юго-Западная	14	52	34		
Южные	1	1	98		
Сибирские		53	46	1/3	2/3

Источник: Материалы по статистике путей сообщения. М., 1924. Вып. 22. Техническое состояние транспорта на 1-е января 1923 г. С. 10.

Чтобы изменить положение самым решительным образом, нарком путей сообщения Ф.Э. Дзержинский добился передачи в НКПС нескольких шпалопропиточных заводов. В результате в 1923 г. в путь было уложено 15 млн 600 тыс. шпал, из которых уже 4 млн 600 тыс. — пропитанных.

Хуже обстояло дело с рельсами. По норме 1913 г. на версту ежегодно следовало менять 0,025 версты рельс. В 1921 г. железнодорожники меняли 0,004 версты, в 1922 г. — 0,007 версты, а в 1923 г. — 0,006 версты. Положение все эти годы спасало отсутствие интенсивного движения поездов. Всего за 1921–1923 гг. рельсы были заменены на расстоянии в 1346 верст.

В 1922 г. на участке Москва — Брянск легкие рельсы стали менять на более тяжелые типа III-а (33,481 кг на погонный метр). С их укладкой стало возможным использовать мощные

паровозы Э и С. Соответственно устанавливались новые стрелки и обновлялся балластный слой¹⁶.

На 1 января 1923 г. рельсы тяжелого типа, в основном, были уложены на сибирских, Донецких, Южных, Юго-Западных, Сызрано-Вяземской и Московско-Белорусско-Балтийской железных дорогах. Примерно 50% таких рельсов было на Екатеринбургской железной дороге. На всех остальных преобладали рельсы легких типов. На Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорогах они составили 100%¹⁷.

Для проверки состояния пути НКПС решил использовать вагон-путеизмеритель Н.Е. Долгова, сконструированный им в годы Первой мировой войны. В 1923 г. с его помощью удалось собрать данные о 8750 км пути. XXXIV совещательный съезд инженеров Службы пути железных дорог СССР в своем постановлении рекомендовал каждой дороге иметь в своем распоряжении специальный вагон по осмотру пути, оснащенный путеизмерителем инженера Долгова¹⁸.

Путейцам по-прежнему приходилось тратить немало сил на борьбу со снегом. Из-за крайнего недостатка специальной техники основными орудиями труда оставались лопаты и метлы. К борьбе со снежными заносами привлекалось все население в возрасте от 18 до 40 лет, проживавшее в 30 верстной полосе вдоль железных дорог. Участковые дорожные мастера вели учет всех лиц, привлекаемых к работе, для последующей оплаты их труда. Халатное отношение к делу наказывалось в соответствии с действовавшим законодательством¹⁹.

Восстановление разрушенных мостов шло силами НКПС, располагавшим тремя мостостроительными заводами в Москве и одним в Алатыре. Из-за отсутствия металла мостовые фермы производились из дерева. В 1921 г. заводы передали дорогам 533 погонных саж. таких конструкций. В 1922 г. предполагалось изготовить 585 саж. ферм. Общая программа восстановительных работ была рассчитана до конца 1926 г.²⁰

Для проведения особо сложных восстановительных работ, НКПС формировал особые ремонтно-строительные организации. На территории РСФСР действовало также 63 ремонтных поезда. Особенно успешно было проведено железнодорожниками восстановление мостов через Днепр у Киева и Северный Донец близ станции Лиман. Наиболее трудоемкой оказался разбор двух 50-ти саженных мостовых ферм разрушенного моста через Южный Буг у г. Николаева. В 1922 г. под руководством инженера В.Г. Шухова был осуществлен подъем из воды, демонтаж и восстановление обрушенных в период Гражданской войны ме-

таллических мостов через реки Припять у Мозыря, Днепр у Речицы и другие²¹.

Из 3672 разрушенных мостов к 1 октября 1923 г. было восстановлено 2020. На российских железных дорогах оставалось 850 ветхих мостов. В результате чего на протяжении 16,5 тыс. верст нельзя было использовать мощные паровозы²².

К 1 января 1923 г. были осуществлены значительные работы по восстановлению искусственных сооружений. Например, на Западных железных дорогах из 180 разрушенных сооружений было восстановлено 178 (101 — капитально, 77 — временно). На Юго-Восточных железных дорогах из 330 было восстановлено 328 (43 капитально и 285 временно). На Самаро-Златоустовской, Орловско-Витебской, Пермской железных дорогах осталось по одному не восстановленному сооружению. Самыми пострадавшими от военных действий оказались Юго-Западные железные дороги. Здесь было разрушено 423 сооружения. На 120 был проведен капитальный ремонт, 289 восстановлены временно. Предстояло провести работы еще на 14 объектах²³.

Из-за постоянного дефицита строительных материалов и квалифицированных работников, восстановительные работы в начале нэпа шли медленно. Вместе с тем безопасность движения находилась в прямой зависимости от изношенности шпал, креплений и стрелок, приборов централизации и сигнализации, отчасти и рельсов, неисправностью или отсутствием замков на ручных стрелках, разнотипностью стрелочных фонарей на одной и той же станции и т.п. На одном из совещаний в НКПС Н.И. Борисов сказал: «Мне, например, лично пришлось видеть на пути на станции по 2 болта вместо 4-х или 6-ти. Это явление совершенно недопустимое»²⁴. Нужно было время, чтобы привести в порядок все железнодорожное хозяйство. Экономить приходилось буквально на всем.

13 мая 1921 г. В.И. Ленин подписал постановление Совета труда и обороны «О программе государственного строительства на 1921 г.». В разделе «Железные дороги» речь шла о продолжении строительства железнодорожных магистралей и ветвей широкой колеи общей протяженностью в 4262 версты. К этому моменту на части участков (2113 верст) лежали только рельсы, и предстояло построить многочисленные станционные сооружения. 2149 верст нужно было протянуть в районы добычи угля, нефти, торфа, хлебопроизводящие губернии. Предполагалась перешивка северной части линии Владимир — Рязань на широкую колею, строительство 863 верст узкоколейных линий²⁵. Предусматривались работы по увеличению пропускной способности существующих линий.

Осуществить работы в таких масштабах можно было только за счет перераспределения ресурсов внутри ведомства путей сообщения. Поэтому в программе предусматривалось дальнейшее прекращение эксплуатации части действующих железных дорог с передачей материальных и технических средств в распоряжение Главного комитета государственных сооружений. Намечалось также снять рельсы с участков широкой колеи протяженностью в 1187 верст. Однако состояние бюджета и материально-технической сферы не позволили в первые годы нэпа вести новое железнодорожное строительство. Поэтому приходилось рассчитывать на завершение работ с минимальными затратами. Всего в 1921–1922 гг. было принято в эксплуатацию 310 км участков железных дорог. В том числе линии: Мга — Будогошь (99 км), Савелово — Кашин (71 км), Бурное — Джембул (69 км), и Киржач — Орехово (44 км). Линию Владимир — Рязань не удалось перешить на широкую колею, так как рельсы с участка Гришино — Ровно²⁶ не были поставлены.

21 января 1922 г. НКПС принял решение о восстановлении линии Туапсе — Сочи. 22 марта Совет труда и обороны принял постановление о мерах по достройке железной дороги Ачинск — Минусинск. Все необходимые средства предполагалось найти в Сибири. В частности, в постановлении говорилось о снятии с запасных путей до 280 верст рельсов. Предполагался вывоз рельсов из Дальневосточной республики²⁷.

НКПС принимал линии от Комитета государственных сооружений в недостроенном виде. Пути были уложены на неполном балластном слое, а иногда и вовсе без него, с недостроенными искусственными и гражданскими сооружениями. Ведомство путей сообщения в целях безопасной эксплуатации этих линий, достраивало их за свой счет²⁸. Поэтому по ходатайству НКПС, Совет труда и обороны 28 апреля 1922 г. вернул в ведомство путей сообщения строительство ветвей, работы по переустройству и перешивке существующих линий. Был сделан очередной шаг к возвращению НКПС всех функций, утраченных в годы революций и Гражданской войны²⁹.

В 1921 г. НКПС приступил к постройке и восстановлению технических и служебных зданий: депо, мастерских, водоемных и водоподъемных сооружений. Проводилось восстановление жилых домов. Но трудности с выделением средств привели к срыву планов капитального строительства. Например, работы по строительству завода для ремонта подвижного состава в Люблино были выполнены на 24%, а такого же предприятия в Самаре — на 16%³⁰. В 1922 г. из-за отсутствия средств, работы велись лишь на главных объектах, завершались начатые строй-

ки. О состоянии и темпах восстановительных работ можно судить по таким фактам. Сгоревшие в 1918 г. товарные платформы на станции Сокольники, к 1922 г. были восстановлены лишь на 63%³¹.

Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, ее руководство разрабатывало планы технической реконструкции путей сообщения, в частности, перевод их на новый вид тяги. В декрете СНК «Об электрификации» от 21 декабря 1921 г. говорилось об электрификации таких стратегических магистралей как Петроград — Курск — Донецкий бассейн — Мариуполь; Кривой Рог — Александровск — Чаплино — Дебальцево — Лихая — Царицын; Москва — Нижний Новгород с последующим продолжением ее на Урал и в Сибирь. Должны были электрифицировать перевальные железные дороги Пермь — Чусовская — Тагил с ветвью Чусовская — Солеварни и некоторые подъездные пути в Донбассе³².

Подвижной состав

В 1921 г. паровозный парк по общей численности почти достиг довоенного уровня и составил 18 758 паровозов (в 1913 г. около 20 000). Однако из этого количества требовали ремонта 11 372 паровоза, т.е. 58,7%. На 1 ноября 2,5% паровозов вообще были непригодны для движения и подлежали списанию. Уже весной 1921 г. стало ясно, что принятый год назад план восстановления и ремонта паровозов выполнен не будет³³. Крайне ограниченные запасы сырья, которыми располагали металлургические заводы, использовались на производство сельскохозяйственного инвентаря и другой продукции. Иссяк резерв запасных частей, снятых с неисправных паровозов. Поэтому СНК принял решение приостановить капитальный ремонт паровозов на заводах ВСНХ, обязав их выпускать только запасные части³⁴. Основой ремонтной программы стало требование сохранить число исправных паровозов на одном и том же уровне³⁵. Но и этот план выполнить не удалось. С января по сентябрь 1921 г. количество исправных паровозов уменьшилось на 595. Помимо этого пришлось исключить из инвентаря 330 паровозов устаревших серий³⁶. Только из-за дальнейшего уменьшения движения на сети железных дорог выпуск паровозов из депо под поезда в целом производился удовлетворительно.

Несмотря на попытки в годы Гражданской войны распределить парк паровозов по сериям между дорогами, для ускорения их ремонта, к 1922 г. выяснилось, что подобное разделение не

соответствует ни потребностям дорог, ни возможностям мастерских. Поэтому была выработана новая схема. Паровозы перераспределялись между дорогами с учетом характера и структуры перевозок, условий движения, профиля пути, обеспеченности видом топлива. Решению вопроса способствовала проведенная в начале мая перепись паровозов. Она дала материалы для определения среднего возраста паровозов по сериям; потребности капитального ремонта и установления новой системы нумерации локомотивов.

На 1 января 1923 г. на железных дорогах числилось 19 584 паровоза. Из них 7641 (39%) составляли паровозы серии *О* различных модификаций. Второе место со значительным отставанием занимали паровозы серии *Э* (2056,10%) и *Ш* (1869,9%). На Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге преобладали паровозы серий *О*, *Р*, *Т* и *А*; на Орловско-Витебской — *О* и *Н*; Пермской — *О*, *Е* и *Б*; Самаро-Златоустовской — *О*, *Э* и *Ш*; Сызрано-Вяземской — *О* и *Н*; Николаевской — *О*, *Н* и *С*; Донецких — *Э*, *О* и *Ш*; Екатерининской — *Ш*, *О* и *Ч*; Юго-Западных — *О* и *Ш*; Южных — *О*, *Э* и *Ш*; Средне-Азиатской — *О* и *Н*; Ташкентской — *О*. Значительным был процент паровозов устаревших серий и типов. Так, на дорогах находилось 254 паровоза со сроком службы свыше 52 лет. В целом 5406 паровозов было изготовлено в XIX в.³⁷

Инженеры все время искали пути сокращения простоя паровоза на станциях и в депо. В 1921 г. вновь была введена регулярная промывка паровозов, очистка котлов, восстанавливалась разрушенная тепловая изоляция и т.п. В результате на Московско-Киево-Воронежской железной дороге расход топлива на 100 верст пробега сократился до 2,19 тонн угля, уменьшившись по сравнению с 1920 г. вдвое. Стала использоваться, так называемая, «обезличенная езда» — обслуживание паровозов очередными заступавшими на смену бригадами.

30 июня 1922 г. пленум Трансплана заслушал доклад К.Н. Ванифатьева о турной езде, т.е. обслуживании паровозов 3–4 бригадами на нескольких смежных участках. Это значительно увеличивало пробег паровозов. Бригады прикреплялись к соответствующим паровозам, что повышало их заинтересованность в исправности локомотивов. Экономия от такого способа эксплуатации достигала 9–15%. Трансплан принял решение о переходе на организацию турной езды на значительной части дорог РСФСР. Однако в середине 20-х гг. было решено вновь вернуться к сменной езде, когда две бригады работали по 8 часов, а паровоз 16 часов. Это создавало лучшие условия для труда

и отдыха железнодорожников, повышало их ответственность за техническое состояние локомотивов.

Постепенно восстанавливалась отечественная паровозостроительная промышленность. Но в 1921/22 операционном году она могла изготовить только 68 паровозов, почти в 6 раз меньше по сравнению с 1917 г. Переломным стал 1922/1923 хозяйственный год. Выпуск паровозов начал расти: с 95 в 1922/1923 г. до 214 в 1925/1926 г.³⁸

Таблица 3

Выпуск паровозов на основных паровозостроительных заводах в годы Гражданской войны

Заводы	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921/1922 гг.
Брянский	38	25	19	—	2
Воткинский	12	—	—	—	—
Коломенский	48	30	4	—	7
Луганский	105	23	—	—	30
Невский	43	24	16	—	2
Путиловский	11	7	11	—	—
Сормовский	57	41	24	—	27
Харьковский	106	64	—	—	—
Всего	420	214	74	—	68

Источник: Ильинский Д.П., Иваницкий В.П. Очерк истории русской паровозостроительной промышленности. М., 1929. С. 108.

В годы Гражданской войны в НКПС неоднократно обсуждался вопрос о будущем подвижном составе. Высказывалось много самых радикальных предложений. Так, Ю.В. Ломоносов убеждал коллег, что «существующие паровозы не стоит не только исправлять, но и жалеть». Ведь они лишь на 7% использовали энергию сжигаемого в топках топлива. Ломоносов предлагал заказать в Германии 20 тепловозов и самим приступить к их проектированию для будущих магистралей³⁹.

Еще в конце 1919 г. В.И. Ленин обратил внимание на заметку в шведской газете о возможности применения дизельных двигателей в локомотивостроении и попросил прокомментировать ее наркома путей сообщения Л.Б. Красина. Нарком ответил: «По поводу заметки шведской газеты... сообщаю: применение дизелей для паровозов — одна из труднейших задач техники, и даже шведы, лучшие конструкторы во всем мире,

этой задачи не решили. Практического значения для нас эта проблема не имеет решительно никакого»⁴⁰. Может быть именно тогда и зародился конфликт двух инженеров, Красина и Ломоносова, негативно сказавшийся на деятельности Русской железнодорожной миссии за границей. Ломоносов, интересовавшийся проблемой тепловозостроения еще в довоенной России, пытался добиться разрешения на их проектирование и строительство, но не нашел понимания и у нового руководителя НКПС. Записка В.И. Ленину и статья в «Экономической жизни» вынудила Л.Д. Троцкого провести 14 июля 1920 г. особое совещание для обсуждения перспектив тепловозостроения. В результате было принято мнение Главного управления путей сообщения, в котором говорилось больше о сложности технических решений, чем о практическом воплощении этой идеи. Тогда Ломоносов стал добиваться строительства тепловозов в Германии. Пользуясь правом формировать состав Русской железнодорожной миссии за границей, он привлек к работе по тепловозной тематике инженера А.Н. Шелеста. На должность начальника отдела подвижного состава миссии он пригласил бывшего начальника паровозо-технической конторы Коломенского паровозостроительного завода Ф.Х. Майнеке, работавшего после революции профессором Шарлотенбургского политехникума, и поручил ему заняться проектом тепловоза с электрической передачей⁴¹.

В 1921–1922 гг. вопросы применения на локомотивах двигателей внутреннего сгорания неоднократно рассматривались в секции подвижного состава и тяги Технического комитета НКПС. Совет труда и обороны 4 января 1922 г. принял постановление «О введении тепловозов». В нем отмечалось важное значение новых видов локомотивов для российских железных дорог. Теплотехническому институту было поручено разработать технические условия для создания этих локомотивов. Затем Госплан должен был разработать порядок передачи проектов для заводской проработки и постройки на отечественных и зарубежных предприятиях. Был объявлен конкурс на разработку проекта тепловоза с премиальным фондом в размере 1 млн руб. золотом. Условия конкурса и премирования должны были совместно разработать Госплан, НКПС и Теплотехнический институт⁴². 27 января В.И. Ленин направил Ломоносову телеграмму следующего содержания: «Товарищу Ломоносову. Копии: Госплан, Транспортная секция, профессору Рамзину, НКПС, товарищу Фомину. Прошу сговориться с Госпланом, НКПС и Теплотехническим институтом об условиях на конкурс тепловозов, считаясь с Постановлением СТО от 4/1-22 г. Крайне жела-

тельно не упустить время для использования сумм, могущих оказаться свободными по ходу исполнения заказов на паровозы, для получения гораздо более целесообразных для нас тепловозов. Прошу неотлагательно сообщить мне лично результаты последовавшего между Вами соглашения»⁴³. Ломоносов быстро провел все необходимые переговоры, но в разговоре с Лениным указал на уже имевшиеся отечественные и зарубежные разработки. По его мнению, конкурс затянул бы строительство локомотивов.

30 января на совещании в НКПС под председательством Ф.Э. Дзержинского было решено немедленно приступить к проектированию и строительству в Швеции трех тепловозов (два по проекту Ю.В. Ломоносова и один по проекту А.Н. Шелеста). Однако из-за отказа от части заказов по строительству паровозов в этой стране, пришлось аннулировать и ранее достигнутое соглашение о постройке тепловозов. В 1923 г. было заключено новое соглашение с германской фирмой в Дюссельдорфе о строительстве двух тепловозов конструкции Ломоносова. По своим характеристикам они не должны были уступать паровозу типа 1-4-0 серии *Ш* и иметь конструктивную скорость 75 км/ч. Для ускорения работ советские специалисты не изобретали новое оборудование, а выбирали из уже имевшихся и проверенных его элементов в европейском локомотивостроении. По поводу этого строительства в России развернулась дискуссия. Не вдаваясь в технические детали, подчеркнем ее политико-экономическую составляющую.

18 февраля 1923 г. Дзержинский написал письмо Г.М. Кржижановскому о тепловозе конструкции А.И. Шелеста. Высший технический комитет признал необходимым построить его тоже за границей. Нарком выразил несогласие с таким решением. Он считал вполне достаточным уже достигнутые соглашения с германскими фирмами и написал в ответ: «Можно посылать за границу для той или другой частности, для изучения теоретической постановки кого потребуется, но строить следовало бы здесь». Основной аргумент — только так можно усовершенствовать свою промышленность. Если такую работу не вести, то «нам угрожает необходимость закрытия наших заводов и рабство заграничному капиталу»⁴⁴.

В РСФСР в июле 1922 г. при Теплотехническом институте было организовано бюро по постройке тепловоза системы Я.М. Гаккеля. Технический совет этого бюро возглавил известный паровозостроитель проф. Н.Л. Шукин. Бюро привлекло к работе над новой техникой технические отделы заводов «Красный путиловец», Балтийского и Невского судостроительных и

«Электрика». В конце 1922 г. началось проектирование нового локомотива. 5 августа 1924 г. он вышел из мастерских Балтийского судостроительного завода и 7 ноября совершил первую поездку до станции Обухово. Первый из тепловозов конструкции Ю.В. Ломоносова прошел ходовые испытания в Германии в июне 1924 г. 20 января 1925 г. он прибыл в СССР, а спустя три дня в Москву.

Ломоносову в Берлин была послана правительственная телеграмма: «Сегодня совершена опытная поездка тепловозом Юэ номер 001 составом 1800 тонн. Результаты блестящие. Получилась уверенность, что тепловоз является действительно жизненным локомотивом, перед которым открываются широкие перспективы. Приветствуем Вашем лице инициатора создания самого мощного и экономичного в мире двигателя на колесах. Очень сожалеем, что Вас нет сейчас с нами»⁴⁵. Фактически под руководством Ю.В. Ломоносова был создан первый в мире магистральный тепловоз. С 1931 г. все построенные в СССР и за границей тепловозы были приписаны к депо Полторацк (с 1936 г. Ашхабад)⁴⁶.

Некоторые инженеры путей сообщения в годы Гражданской войны и в период восстановления народного хозяйства высказывались за использование самых передовых технических достижений: подвесных дорог, монорельсовых дорог и т.п. Часть проектов находила поддержку в ведомстве путей сообщения. Так, на совещании в НКПС 20 мая 1921 г. было принято решение начать испытание электропоезда на дорогах Московского узла⁴⁷.

«Электропоезд № 1» (так он назывался в документах наркомата) был построен по инициативе и проекту инженера И.И. Махонина. Он состоял из трех четырехосных моторных вагонов на 78 мест каждый и двух четырехосных тендеров, на которых были размещены аккумуляторные батареи, снятые с подводной лодки. Поезд совершил несколько поездок по Николаевской и Северным железным дорогам со скоростью 40–47 верст в час. 22 мая 1921 г. в этом поезде до Александра ехал Ф.Э. Дзержинский. В сентябре 1921 г. Технический комитет НКПС образовал специальную комиссию для проведения испытаний электропоезда. В том же году НКПС утвердил проект работ по созданию аэровагонов, а близ станции Люблино было решено создать кольцевую испытательную дорогу для исследования подвижного состава, путевых сооружений, паровой и электрической тяги⁴⁸.

Все эти технические новшества могли принести пользу в перспективе, а в рассматриваемый период руководству страны и НКПС приходилось решать более насущные задачи: как осуществлять перевозки изношенным подвижным составом. Одним из выходов, как было уже указано, стало решение заказать новые паровозы за границей. Договор с германскими фирмами о поставке 100 паровозов серии Э был подписан 28 февраля 1921 г. 13 марта был подписан новый договор со шведской фирмой Нидквист и Гольм. За каждый паровоз Советская Россия платила большие деньги. Так, каждый изготовленный в Швеции локомотив стоил 95 тыс. рублей золотом, а в Германии — 142 тыс. рублей золотом. К 15 декабря из Швеции поступило 50 новых паровозов, но в дальнейшем, оговоренные со шведской стороной сроки поставок, стали срывать, и советское правительство настояло на пересмотре договора. По новому соглашению от 28 июля 1922 г. заказ шведской фирме был сокращен с 1000 до 500 паровозов. Германские заводы выполнили заказ НКПС чрезвычайно быстро, за 18–19 месяцев. Всего к лету 1922 г. из-за границы прибыло уже 220 паровозов, за весь 1922 г. — 837⁴⁹. 20 декабря 1921 г. НКПС подписал соглашение о капитальном ремонте в Эстонии 213 паровозов с уплатой деньгами⁵⁰. Этот договор, несмотря на протесты ВСНХ, был подтвержден Госпланом летом 1922 г. Однако из-за крайне низких темпов работ эстонских предприятий (за 1922 г. в Советскую Россию вернулось всего 13 отремонтированных паровозов), руководителю русской железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносову было поручено уменьшить заказ до 150 паровозов⁵¹. В целом заказы паровозов в Германии были выполнены на 99,7%, а в Швеции — на 44,4%. Заказ на ремонт паровозов в Эстонии выполнен на 10%⁵². 31 октября 1922 г. СНК заслушал доклад Ю.В. Ломоносова о заказах подвижного состава и железнодорожного имущества за границей. Были одобрены действия по сокращению заказов паровозов в Швеции. Отложили выдачу новых заказов на запасные части к локомотивам до выяснения возможности их производства на отечественных заводах. Правительство одобрило действия Ломоносова по постройке для России тепловозов за рубежом⁵³.

В 1922–1925 гг. ряд специалистов и руководителей НКПС подвергли сомнению практику заказов паровозов за границей. Так, инженер А.Н. Фролов считал выдачу заказов иностранным фирмам большой технико-хозяйственной ошибкой. Большие по тем временам суммы можно было бы, по его мнению,

затратить на восстановление Путиловского завода в Петрограде, выпускавшего до войны в среднем 225 паровозов в год. Подобные взгляды в разное время высказывали Л.Д. Троцкий, Г.Я. Сокольников, Я.Э. Рудзутак, А.Г. Шляпников и другие. В наши дни их аргументы повторял проф. А.А. Иголкин⁵⁴. При этом, используя некоторые архивные документы, он обвинял руководителя Российской железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносова в коррупции. Косвенно тень подозрения падает на многих руководителей страны.

О деятельности этой миссии до сих пор нет глубокого исследования, и поэтому фрагментарно используемые те или иные документы невольно искажают картину политики руководителей ведомства путей сообщения в этом вопросе. Остановимся на нем более подробно.

Но сначала о статье А.Н. Фролова. Иголкин считал, что он в 1922 г. разоблачил «темные делишки» советской власти в деле «паровозного заказа за границей». Это, возможно, и послужило причиной гневной реакции В.И. Ленина. Как известно, журнал «Экономист», опубликовавший статью Фролова, был закрыт. Прямых данных о связи этой статьи с судьбой журнала нет. Поэтому верным может быть также предположение об отсутствии какой-либо связи между этими событиями. Фролов был известен своими критическими высказываниями по многим вопросам железнодорожного хозяйства еще в Российской империи. Он остался верен своей позиции и в Советской России, много публиковался до и после 1922 г. По существу, ничего принципиально нового он в указанной статье не сказал. О том же писал в ведомственной периодике и его коллеги.

Допуская саму возможность закупок техники за рубежом, Иголкин ставил вопрос: почему отказались от предложения США купить паровозы «Декапод» за более приемлемую цену? Действительно, представителям Центросоюза в Париже в декабре 1919 г. американским военным ведомством было сделано такое предложение. За паровоз «Декапод» американская сторона просила 50 тыс. долларов. Но в той же статье, из которой взята эта информация, говорилось и о том, что перевоз их из Нью-Йорка повысил бы стоимость на 40%. Русские инженеры расхоронились в оценках качества этих машин. Даже в годы Первой мировой войны далеко не все дороги тыла могли пропускать их по своим мостам. По габаритам они не помещались на абсолютном большинстве поворотных кругов. Для их широкого использования нужно было перестраивать всю железнодорож-

ную инфраструктуру. Вряд ли нужно объяснять, что в условиях Гражданской войны это было невозможно.

В оценке большинства персонажей своей статьи Иголкин не учитывал серьезные межведомственные трения, конфликты между специалистами по техническим вопросам и т.п. Например, он приводил отрицательное заключение Наркомата РКИ о качестве поставленных паровозов из Швеции и Германии. А НКПС считал иначе и в отчете утверждал: проведенные испытания двух таких паровозов показали, что они стали «ценным подспорьем для русского транспорта».

Серьезные разногласия возникли у Ю.В. Ломоносова с Л.Б. Красиным, возглавлявшим Наркомат внешней торговли, поскольку их функции пересекались. 22 марта 1922 г. Красин в служебной записке в Совнарком утверждал: «Вся внешняя торговля РСФСР есть дело Народного Комиссариата Внешней Торговли, как народный комиссар внешней торговли я определенно не доверяю Ломоносову как торговому агенту и, поскольку дело касается меня, не могу дать ему никакой доверенности, даже самой ограниченной. Если коммерческие таланты Ломоносова признаются достаточно выдающимися, то, быть может, лучше назначить его народным комиссаром внешней торговли, но, пока таковым являюсь я, я вынужден самым энергичным образом протестовать против наделения Ломоносова какими-либо торговыми полномочиями»⁵⁵.

Предоставим слово Ю.В. Ломоносову: «Именно вневедомственность миссии вызывала наибольшие нарекания и ожесточенную борьбу против нее. В этой борьбе применялись четыре приема: ходатайства об отмене моих полномочий, разъяснения их в смысле сужения, пользование при этом апокрифическими постановлениями СНК и возведением на меня и моих сотрудников лживых обвинений»⁵⁶. Многочисленные проверки, объяснения, показания отнимали у членов миссии, по словам Ломоносова, «две трети рабочего времени» и создавали нервную атмосферу, мешавшую плодотворной работе. Обстановка межведомственных интриг вынудила В.И. Ленина 5 апреля 1922 г. писать Л.Б. Каменеву: «Поход против Ломоносова явный. Сталин верно понял “ревность” Красина. Межлаук прав сегодня в газетах. Белогвардейцы мстят Ломоносову, дураки в СНКоме, одураченные белыми, “воют” в их пользу»⁵⁷.

Расследование всех обстоятельств, связанных с этими заказами, пришлось вести ГПУ. А.А. Иголкин подробно его осветил. Некоторые документы из фонда Ф.Э. Дзержинского (Д. 76) даны в приложении к его статье. В основном эти документы бросают тень на Ломоносова, его личные качества. Действи-

тельно, некоторые поступки этого человека могут быть осуждены с моральной точки зрения. Однако заметим, что положительных оценок деятельности Ломоносова, его заслуг перед наукой, личных качеств из этого же дела автор статьи не привел. В данном деле есть другие весьма интересные документы, раскрывающие всю историю «паровозного дела».

27 февраля 1923 г. Ф.Э. Дзержинский написал письмо известному специалисту по тяге П.И. Красовскому: «В связи со статьей Шатуновского “К вопросу о паровозоостроении” и поднявшемся в последнее время усиленным толкам о преступном заказе за границей паровозов с ущербом для наших заводов («ретроспективные» обвинения) необходимо восстановить истину, т.е. обрисовать обстановку времени заказа за границей паровозов на самом транспорте и на наших паровозостроительных заводах. Нуждались ли мы в паровозах в то время и могли ли мы рассчитывать на выполнение этих заказов на наших заводах». Дзержинский попросил представить ему подробный доклад⁵⁸.

Кто такой Я.М. Шатуновский, спровоцировавший это расследование? Это журналист, первый руководитель Бюро печати НКПС, затем отдела информации комиссариата, автор многочисленных публикаций по вопросам железнодорожного транспорта публицистического характера. В 1920 г. активно пропагандировал приказ Л.Д. Троцкого № 1042.

П.И. Красовский окончил Институт инженеров путей сообщения. С 1901 по 1918 гг. работал на частной Московско-Казанской железной дороге и прошел путь от инженера технического отдела службы пути до начальника службы тяги. Затем был заместителем председателя Высшего технического комитета НКПС. В 1922 г. Красовский возглавил отдел тяги Центрального управления железнодорожного транспорта.

По словам Красовского, впервые вопрос о заграничных заказах был поднят в начале 1920 г. заведующему Экспериментальным институтом и члену Высшего технического комитета В.Д. Воскресенскому поручили составить ведомость подвижного состава и различного оборудования для заказа за границей. Количество подвижного состава предполагалось довести «до тех максимальных величин, которые были в России с учетом широкого исключения из инвентаря старого подвижного состава. Цифры получились чрезвычайно высокие: паровозов требовалось 5 000, товарных вагонов 150 000»⁵⁹. С этими расчетами Л.Б. Красин и В. Д. Воскресенский выехали за границу и в апреле 1920 г. провели соответствующие переговоры. Делегация заключила предварительное соглашение с фирмой «Нидквист и

Гольм» на поставку 1000 паровозов, железнодорожных весов и оборудования водокачек. Красин вел также переговоры с Германским паровозостроительным объединением о заказе 2000 паровозов⁶⁰. Ломоносов первоначально не имел никакого отношения к «паровозному делу». В середине лета 1920 г. в НКПС началась более детальная проработка предстоящего заказа, но «каких-либо подсчетов или докладов в оперативных управлениях не проводилось». Количество подлежащих заказу паровозов определялось «в высших органах». Техническое управление НКПС лишь настояло на заказе паровозов отечественной конструкции.

Далее Красовский подробно охарактеризовал критическое состояние транспорта в 1920 г., вызвавшее приказ № 1042, и серьезные проблемы с его выполнением уже в 1921 г. «вследствие полной невозможности снабжения материалами и запасными частями с отечественных заводов». Красовский подчеркивал, что в 1920–1922 гг. дороги сталкивались с постоянными срывами подачи паровозов к составам по требованиям служб эксплуатации дорог «по основной причине — недостатку исправных паровозов». «При таком положении дела с состоянием и ремонтом паровозов, а также при определившейся медленности темпа оздоровления была ясна необходимость быстрого вливания новых паровозов на устранение затруднений по эксплуатации и для образования запаса для целей мобилизационных», — писал Красовский. Он также отметил политическое значение заказов — «сильное средство к прорыву экономической блокады».

Российская железнодорожная миссия Ю.В. Ломоносова заказывала не только паровозы, но самый широкий перечень ценного оборудования и запасных частей. А.Н. Фролов в уже известной нам статье писал, что поставки из-за границы позволили значительно ослабить проблемы со снабжением подвижного состава запасными частями. Депо и мастерские получили часть необходимых инструментов и материалов. Так, к концу лета 1921 г. Советская Россия получила из европейских стран 313 тыс. шт. дымогарных труб, около 24 тыс. бандажей, 1500 манометров, 1624 тонны рессор, 8128 м ремней, 204 оборудования водокачек, 29 тыс. лампочек накаливания, 376 тонн инструментальной стали и т.п. В своем исследовании А.Н. Фролов отметил существенную особенность. Закупки велись со знанием дела, с учетом интересов казны. В то же время, правительство не располагало сведениями о состоянии рынка оборудования и материалов. Это и наталкивало Фролова на предположение о переplate. Именно эту часть его статьи цитировал Иголкин⁶¹.

Вопрос о стоимости не так прост, как кажется на первый взгляд. Паровозы, которые Россия закупала в годы Первой мировой войны в США, перегонялись в порты западного побережья своим ходом, затем разбирались и доставлялись во Владивосток, где вновь собирались. Эти операции повышали стоимость каждого паровоза примерно на 10 тыс. долларов (на 25%). Царское правительство согласилось платить такую цену в условиях, когда отечественные заводы не смогли выполнить заказы МПС. К концу Гражданской войны в России американское правительство выразило готовность поставить РСФСР паровозы «Декапод», но при условии предоставления кредита частными американскими банками. Те, в свою очередь, соглашались его предоставить под залог российского золота. Еще одним условием американской стороны была приемка паровозов железнодорожной миссией бывшего Временного правительства, признаваемой США. Разумеется, Советское правительство на эти условия не соглашалось. В начале 20-х годов Польша, не испытывавшая дружественных отношений к Советской России, потребовала солидную компенсацию за пропуск по своей территории паровозов, построенных в Германии. Переплата была неизбежной. Можно было перевозить паровозы в Петроград в разобранном виде и собирать на российских заводах. При этом германская сторона категорически отказывалась нести ответственность за качество паровозов, собранных в России. Шведские паровозы можно было бы перегнать по финляндским дорогам, имевшим русскую колею, но они допускали нагрузку на ось не более 12 т. Поэтому приходилось снимать котел паровоза. Разборка, пусть и частичная, сборка повышали стоимость паровоза на 17 тыс. шведских крон. К тому же три паровоза на территории Финляндии были захвачены антисоветскими вооруженными группами⁶². Таким образом, у миссии постоянно возникали проблемы, решение которых требовало дополнительных затрат.

Однажды сотрудники миссии получили выгодное предложение на поставку паровозов от одной канадской паровозостроительной фирмы. России предлагались паровозы на 10% дешевле по сравнению с ценой американского правительства. Ломоносов, знавший эту фирму и некоторых ее коммерческих агентов, написал Красину: «Представитель одной из крупнейших канадских фирм умен, очень ловок. Имеет большие связи. Пальца в рот не кладет. Главная специальность спаивать артиллерийских приемщиков и давать им взятки. Подковал царскую казну на миллионы»⁶³.

Ю.В. Ломоносов решил впервые в мировой практике перевезти часть паровозов морем в собранном виде. Первоначально эта идея вызвала скептическое отношение у немецких инженеров и моряков. Ломоносов обратился за помощью к выдающемуся кораблестроителю академику А.Н. Крылову. Он идею поддержал, провел соответствующие расчеты, и помог переделать один из пароходов с минимальными затратами⁶⁴. Крылов вспоминал эпизод, характеризовавший стиль работы Ю.В. Ломоносова. Крылов, направляясь в Англию для покупки парохода подходящего для перевозки паровозов, спросил о пределах своей компетенции в этом деле. Ломоносов ответил: «Помните мое правило, если для пользы дела свои полномочия превысите, похвалю, а если упустите, изругаю». «С таким начальником можно было работать уверенно и смело» — писал академик Крылов⁶⁵. Видимо, Ломоносов рассчитывал, что и с ним отношения советских руководителей будут строиться на таких же принципах, но нашел понимание только у Ленина.

Все вопросы, связанные с заказами паровозов, межведомственными отношениями, личностными конфликтами специалистов и т.п., требуют новых исследований, изучения значительного фактического материала, а не конъюнктурных поспешных выводов.

* * *

К концу Гражданской войны ухудшилось состояние вагонного парка. Летом 1921 г. требовали ремонта до 40% пассажирских вагонов, примерно 20% товарных вагонов и 24% цистерн. Однако фактически их было намного больше. Считалось, что железнодорожный транспорт страны в июне 1921 г. располагал 324 000 исправных вагонов, но когда они потребовались для экстренных перевозок хлебных грузов, оказалось трудным найти даже 50 тыс. таких вагонов. В целях создания более надежных условий эксплуатации вагонного товарного парка было введено три категории исправных вагонов. У вагонов 1 категории должны быть исправны не только ходовая часть, но также кузов и крыши. Они могли использоваться для перевозки ценных и сыпных грузов. Вагоны 2 категории допускали перевозку грузов в таре. Вагоны 3 категории имели неисправные крыши и могли использоваться для перевозки малоценных грузов, не боявшихся промокания. С сентября 1921 г. пришлось ввести в мастерских сдельную оплату хлебом за ремонт вагонов, для подготовки вагонного парка к осенним хлебным перевозкам⁶⁶. С 1 февраля 1921 г. по соглашению с Наркомпродом весь холодильный транспорт перешел в ведение НКПС, ставшего един-

ственным хозяином транспортировки скоропортящихся грузов. Из имевшихся в стране 5100 изотермических вагонов в неисправном состоянии было около 30%. Заготовка льда осуществлялась в сложных условиях: отсутствие нужного количества рабочих, подвод, недостаточное снабжение соломой для укрытия льда и т.п. На 207 станциях сети работали установки по заготовке льда. В 1921 г. были организованы артели по снабжению льдом вагонов-ледников, произведен ремонт трех станций предварительного охлаждения, построено 800 кв. саж. солехранилищ и т.п.⁶⁷

Вагонный парк был также перераспределен по размерам и типам. Это улучшило ремонт подвижного состава, наладило централизованное снабжение запасными частями⁶⁸.

Какие же вагоны преобладали на железных дорогах к концу рассматриваемого нами периода? Как следует из отчета Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги среди пассажирских вагонов использовавшихся в поездах дальнего следования были исключительно четырехосные вагоны. В поездах местного и прямого сообщения также более половины вагонов были четырехосными, но немало было и трехосных. Для лечебно-санитарных целей, почтовых, арестантских, в основном выделялись двух- и трехосные вагоны. Среди крытых вагонов явно преобладали вагоны грузоподъемностью 1000 пудов. Такая грузоподъемность была характерна для большинства платформ нормальной длины. Дорога имела 10 вагонов грузоподъемностью 2000 пудов. Цистерны были рассчитаны на вес 750 и 840 пудов. Вагоны-ледники брали груз от 555 до 750 пудов. Теплушки могли перевозить грузы весом от 900 до 1000 пудов⁶⁹.

Переход к новой экономической политике на транспорте помог несколько улучшить состояние вагонного парка. На основании декрета СНК от 16 января 1922 г. отпуск протекционных вагонов ведомствам, как в рамках определенных ранее норм, так и сверх норм, стал совершаться только после уплаты в кассу железной дороги их арендной стоимости наличными деньгами. Плата исчислялась в золотых рублях⁷⁰.

1 июля 1922 г. было восстановлено в полном объеме Общее соглашение между русскими железными дорогами о взаимном пользовании товарными вагонами⁷¹. Дорога, допустившая повреждение вагона, должна была провести денежный расчет с дорогой-собственницей или отремонтировать за свой счет. Взаимной оплате подлежали расходы за текущий ремонт крыш, производство конвенционного осмотра, ремонт колесных пар. По мнению И. Н. Борисова, это должно было улучшить надзор за парком товарных вагонов⁷², поскольку создавало денежную

заинтересованность в поддержании подвижного состава в исправном состоянии. Важной мерой сохранения вагонов стала их приписка к определенным дорогам. Дорогам-собственницам возвращались командированные в разное время пассажирские вагоны. Отменялся обезличенный ремонт. Отныне вагоны для ремонта (кроме текущего) отправлялись по местам их приписки. Вагоны, вышедшие из конвенционного осмотра после 1 августа 1922 г., должны были удовлетворять требованиям перевозки хлеба насыпью.

Хуже обстояло дело с производством новых вагонов. В 1921 г. было построено 3 пассажирских и 340 товарных вагонов и платформ⁷³, а в 1921/22 г. — 1 пассажирский и 85 товарных вагонов, что составляло немногим более одного процента довоенного производства⁷⁴.

Таблица 4

Подвижной состав в первые годы нэпа

Годы	Общее количество	Исправные	Требующие ремонта (в %)
Паровозы			
1913	20 320	16 902	16,8
1921/22	19 067	6 830	64,2
1922/23	19 586	8 197	58,1
Товарные вагоны			
1913	502 101	474 645	5,5
1921/22	422 100	291 692	30,9
1922/23	400 579	271 637	32,2

Источник: Дзержинский Ф.Э. Доклад народного комиссара путей сообщения тов. Дзержинского на конференции Союза железнодорожников 3 декабря 1923 года. М., 1923. С. 4.

Для улучшения вагонного парка прибегли к заказам вагонов за границей. В частности, 25 июня 1921 г. в Канаде был заключен договор на поставку 1000 большегрузных цистерн. 25 августа аналогичный договор на 500 цистерн был подписан с Великобританией и Германией (совместное производство). Все цистерны в срок были доставлены в Новороссийск⁷⁵.

В ноябре 1921 г. на базе эвакуированного из Риги завода «Унион» Всеобщей электрической компании был открыт Московский тормозной завод, наладивший производство отдельных деталей тормозной системы подвижного состава (краны машиниста, воздухораспределители, пневматические клапаны и т.п.). В 1923 г. на заводе были изготовлены первые образцы двухпродного тормоза типа «Д» системы Ф.П. Казанцева⁷⁶.

Даже после окончания основных боевых действий на фронтах Гражданской войны транспорт продолжал работать в чрезвычайных условиях. Он обеспечил выполнение весьма трудной при его техническом состоянии задачи по доставке продовольствия из Сибири в центр и семенных и продовольственных грузов из южных и балтийских портов в голодающие районы Поволжья и Заволжья. В результате около тысячи паровозов (15% всего исправного паровозного парка) и примерно 30 тыс. вагонов выбыли из строя⁷⁷.

НКПС в 1921–1922 гг. обратил внимание на улучшение состояния железнодорожных мастерских. Проведенное в 1921 г. обследование показало слабую техническую оснащенность мастерских. Однако, несмотря на потребность в 4 тыс. единиц механического оборудования, в тот год удалось с бездействующих заводов, баз и складов получить и распределить всего 430 станков. Из-за изношенности оборудования и нарушений техники безопасности рабочими и служащими, возникали пожары. В 1921 г. в Главных московских мастерских Московско-Казанской железной дороги из-за пожара пострадали механический цех и электрическая станция. Для возобновления их работы были поставлены 20 станков и моторы⁷⁸. Для пополнения и обновления оборудования мастерских НКПС сделал заявку на 10 122 станка.

Продолжалось строительство Московского железнодорожного ремонтного завода. К концу 1921 г. были построены здания кузнечного, колесного и литейного цехов с модельной, главный склад, а также жилые дома. Строился механический цех⁷⁹. Промышленность не обеспечивала транспорт даже самым необходимым для ремонта вагонов. Так, в 1921 г. для ремонта вагонов 1-й категории железным дорогам было предоставлено 29% болтов, 27% кровельного железа, 21% баббита, 14% буферных пружин, 3% гвоздей и т.п.⁸⁰

В течение всего 1921 г. железнодорожные мастерские испытывали острую нехватку различного материала: стального литья, чугуна, сортового железа и т.п. На 1 сентября они получили бандажей 44% от заявок⁸¹, цилиндров — 24%, инжекторов — 21%, меди сортовой — 33% и т.д.⁸² Из-за отсутствия железа, крыши вагонов по-прежнему крыли толем, смесью гудрона с песком, деревом с обмазкой смолой или варом и другими материалами⁸³.

По результатам обследования Московско-Балтийской и Московско-Курской железных дорог, Основная транспортная комиссия представила в феврале 1922 г. в СТО доклад о состоянии ремонта подвижного состава. Отмечая в целом удовлетвори-

тельную работу обеих дорог, комиссия обратила внимание на факторы, способствующие ухудшению качества ремонта. Основная причина состояла в необеспеченности служащих и рабочих продовольствием, крупной задолженностью в оплате труда. На многих дорогах не было выплачено жалование за октябрь, ноябрь и частично за декабрь 1921 г. Причем из заработка за декабрь вычли стоимость продовольствия, к тому же, не выданного. Финансовое положение дорог не позволяло полностью вернуть накопившийся долг. Комиссия обратила внимание на то, что оплата среднего административно-технического персонала всего на 10–12% отличалась от зарплаты рабочего высшей квалификации, и поэтому возникли проблемы с формированием кадров мастеров. Более того, не было уверенности и в личной безопасности мастеров, так как по доносам подчиненных имелись случаи арестов лиц административно-технического персонала. К этому следует добавить не прекращавшееся вмешательство активистов профсоюзов в техническую сторону дела, а также загруженность администрации различными совещаниями.

Комиссия признала необходимым создать для командного состава дорог благоприятные условия, обеспечивающие их производительный труд, а также снабдить всех работников, отвечавших за ремонт подвижного состава, необходимыми руководствами и инструкциями. Предлагалось ввести регистрацию повторного ремонта для установления его причин, а также приемку и осмотр паровоза при поступлении в депо и выходе из него⁸⁴.

Техническое состояние транспорта зависело также от работы железнодорожных мастерских. Еще до Первой мировой войны многие из них не удовлетворяли предъявляемым требованиям из-за отсутствия усовершенствованных станков для обработки металлов, токарных станков, прессов, приборов для автогенной сварки и т.п. Возраст станков превышал 30–40 лет. В некоторых мастерских еще работали двигатели 80-х гг. XIX в. Часто отсутствовали приспособления для перемещения паровозов и вагонов, отдельных тяжелых частей при их разборке и сборке. Поэтому широко применялся труд чернорабочих, число которых достигало 30%. Следует также подчеркнуть, что площадь мастерских была недостаточна по отношению к количеству подвижного состава. Часть паровозов ремонтировалась в депо, создавая неудобства. Вагоны большей частью ремонтировались под открытым небом, что отражалось на производительности труда рабочих, особенно в холодные зимние месяцы. Освещение мастерских было неудовлетворительным, во многих из них горели

керосиновые лампы. На 1 ноября 1921 г. на дорогах РСФСР действовало 355 мастерских, в том числе 58 паровозных.

2 марта И.Н. Борисов подписал приказ, позволявший проводить ремонт подвижного состава под открытым небом. К ремонту подвижного состава были подключены 32 подвижные ремонтные мастерские (9 паровозных, 7 паровозогагонных, 16 вагонных). Помощь их была особенно необходима на фронтовых линиях, где мастерские были эвакуированы или пострадали в ходе военных действий⁸⁵.

Но всех этих усилий оказалось недостаточно. На заводах и в мастерских не хватало стального литья, чугуна, огнеупорного кирпича, инструментальной стали, труб, подбивочного материала и т.п. Из заказанных 10 122 станков ни один не поступил даже к осени 1922 г. Недостаток топлива на предприятиях в зимнее время приводил к полной остановке производства. Отсутствие одежды, обуви, плохое продовольственное снабжение вынуждали рабочих производить изделия для товарообмена. В результате за первое полугодие 1921 г. отечественные предприятия отремонтировали только 245 локомотивов (в единицах среднего ремонта). С июня ремонт на заводах был прекращен, кроме подлежавшего передаче в НКПС Подольского паровозоремонтного завода, выпускавшего до 10 паровозов в месяц.

Ремонт паровозов в мастерских железных дорог не улучшился и в 1922 г. В январе было отремонтировано лишь 75% от задания, в феврале — 82%, в марте 102%, в апреле — 78%, в мае — 76%. Справедливости ради следует учесть, что в апреле и мае, само задание на ремонт было повышено⁸⁶. 14 июня коллегия НКПС поддержала предложение начальника отдела тяги Центрального управления железнодорожного транспорта П.И. Красовского о более широком использовании отечественных машиностроительных заводов для ремонта паровозов. Трансплану было дано поручение подготовить программу ремонта подвижного состава, а 24 августа 1922 г. СТО принял решение в ближайшие три года направить для капитального ремонта на заводы ВСНХ 1800 паровозов⁸⁷.

В 1921 г. НКПС приступил к введению на железных дорогах РСФСР метрической системы. На узловых станциях с марта все расстояния указывались не только в верстах, но и в километрах. На товарных вагонах, полувагонах, цистернах и прочем подвижном составе, вышедшем из ремонта или осмотра, сведения о грузоподъемности проставлялись в пудах и тоннах⁸⁸. 24 ноября 1921 г. совещание начальников управлений НКПС признало необходимым окончательно перейти на метрическую систему⁸⁹.

Материально-техническое снабжение

Помимо невиданного ранее разрушения железнодорожного хозяйства, транспорт столкнулся в 1921 г. с жесточайшим топливным кризисом, голодом, недостатком квалифицированной рабочей силы для выполнения даже самых неотложных работ. Усугубляли ситуацию ошибки допущенные правительством и НКПС.

Для обеспечения перевозок грузов на уровне 1920 г., железные дороги должны были получить в первом полугодии 3551 тыс. куб. саж. дров (в условных единицах), а во втором — 2933 тыс. куб. саж. дров. Фактически же дорогам было отпущено соответственно — 2400 тыс. куб. саж. (68% от потребности) и 2155 тыс. куб. саж. (72% от потребности)⁹⁰. При этом топливо было низкого качества: дрова с большим, зачастую предельным, процентом влажности; нефть со значительным процентом воды, уголь с большой зольностью (до 40%) и породой, что заставляло форсировать котлы. В результате этого, течь труб, как общее явление на сети, увеличилась и появилась там, где о ней раньше и не слышали⁹¹. Следствием стала приостановка эксплуатации почти двух тысяч исправных паровозов (30% всего паровозного парка)⁹². В первую очередь от этого пострадало пассажирское сообщение, сократившееся на 20%. Это в тот период, когда недостаток транспорта вынуждал людей неделями сидеть на станциях, ездить на буферах, крышах, подножках.

В январе 1921 г. запаса дров на железных дорогах оставалось на 12 дней, угля — на 3, нефти — на 19 дней. Среди дорог Московского узла более других от топливного кризиса пострадали Московско-Курская, Нижегородская, Муромская и Окружная железные дороги.

Особое значение для дорог имели поставки леса, так как и в 1922 г. почти на половине железнодорожной сети основным видом топлива для паровозов оставались дрова⁹³. В 1918 г. и отчасти 1919 г. снабжение железных дорог дровами, шпалами, строительными бревнами производилось через частный рынок, по договорам на срочные поставки и собственными лесоработками железных дорог. В связи с возросшей инфляцией, второй способ стал преобладающим. В 1919 г. в районе каждой железной дороги были образованы особые учреждения — железнодорожные лесозаготовительные комитеты (желескомы), подчиненные Главлескому ВСНХ. В 1921 г. при потребности в 20 млн штук шпал на железные дороги поступило около 3 млн, вагонной обшивки 50 тыс. штук при необходимости 2 млн и т.п.⁹⁴ Желескомы явно не справлялись со своими задачами.

Постановлением ВЦИК на 1921/1922 операционный год они были оставлены только на Александровской, Московско-Киево-Воронежской, Московско-Курской, Нижегородской и Муромской, Московско-Балтийской, Московско-Казанской, Северных, а также Николаевской, Западных и Северо-Западных железных дорогах⁹⁵. Богатые лесные массивы, возможность лесосплава, наличие в ведении дорог лесовозных веток, лесопильных заводов, делали лесные заготовки наиболее эффективными в районах Александровской и Московско-Балтийской железных дорог. Однако недостаток материальных средств затруднял подъем сплавываемого леса. Его вывоз не обеспечивал даже трудгужналог, из-за отсутствия у населения подвод.

Местные органы власти всячески препятствовали деятельности желескомов, пытались самовольно ликвидировать некоторые из них. В результате в 1922 г. желескомы были переданы в ведомство путей сообщения с реорганизацией их в лесные отделы правлений железных дорог.

Хозяйство желескома, полученное Московско-Казанской железной дорогой, находилось в плачевном состоянии. В апреле 1922 г. не работала половина лесопильных заводов, в мае действовало всего 4, в июне и июле только 2. В июле особой комиссией правления дороги были осмотрены все заводы, определен размер необходимого ремонта. К концу года были отремонтированы 3 лесозавода (Мыслецкий, Назаровский, Чарустинский). Заработал и стоявший с февраля Юрловский завод. Завершались ремонтные работы еще на ряде заводов. Семь лучших лесозаводов производили продукцию в объеме 200 тыс. куб. фут. в месяц⁹⁶.

Летом 1922 г. удалось снизить расход топлива. Например, в июле на 100 паровозоверт на Московско-Казанской железной дороге он составлял 1,70 куб. саж., а в августе — 1,54 куб. саж.⁹⁷ На Московско-Киево-Воронежской железной дороге этот показатель соответственно равнялся 1,63 и 1,30, на Северных железных дорогах — 1,32 и 1,23 и т.п.⁹⁸

Если на первое октября 1922 г. дров было в запасе на 39 дней, нефти на 49 дней, угля на 21 день, то год спустя эти показатели равнялись соответственно 135, 53, 49 дням. Это было результатом перехода к НКПС не только лесозаготовки, но и двух рудничных управлений по добыче угля⁹⁹. Фактически топливный кризис был преодолен.

В конце 1920 г. транспорту были предоставлены материальные средства с многочисленных баз и складов, образовавшихся в центральных губерниях России в результате эвакуаций в годы Первой мировой и Гражданской войн. В середине 1921 г. был

проведен переучет материалов на всей сети железных дорог, с их последующим перераспределением. В конце 1921 г. Совет труда и обороны образовал специальную комиссию по изъятию материалов для нужд транспорта¹⁰⁰.

Однако все перечисленные меры не принесли заметного общего улучшения материального снабжения. Предписания центральных органов управления и даже постановления СТО реализовались лишь в некоторой части. Дефицит снабжения стал постоянной проблемой администрации дорог, так как транспорт продолжал жить, главным образом, за счет ухудшения качества выполняемых им работ¹⁰¹. В 1921 г. окончательно истощились запасы НКПС, использовавшиеся железными дорогами в предыдущие годы, а ВСНХ не мог удовлетворить самые насущные потребности транспорта. Так, за год потребности ведомства путей сообщения в запасных частях паровозов и вагонов были удовлетворены соответственно на 70% и 36%, в черных металлах — на 15%, в инструментах — на 33%, в строительных материалах — на 31%, в электротехнических материалах — на 14%¹⁰².

Ф.Э. Дзержинский в докладе СТО отмечал, что помощь местных органов власти порой носила «чуть не анекдотический характер, когда, например, на целую дорогу губсовнархозы отпускали несколько пудов гвоздей, несколько пудов ненужного им тряпья или иных мелких материалов». Уполномоченные пути постоянно сообщали в центр о крайне незначительной помощи со стороны местных органов, носившей «исключительно филантропический характер»¹⁰³.

Применение на транспорте начал новой экономической политики открыло новые возможности улучшения материального снабжения. Это создание вспомогательных предприятий, заготовка материалов на рынке, вступление в договорные отношения с производственными объединениями и отдельными предприятиями. Однако вхождение транспорта в рынок первоначально проходило с серьезными трудностями. Так, промышленные предприятия, перешедшие на хозяйственный расчет, не отпускали продукцию по нарядам НКПС без одновременного перечисления денежных средств. НКПС отпускал на материальное снабжение такое незначительное количество средств, что осуществить заготовки материалов на них было невозможно. Рынок же представлял собой полную загадку в отношении районов заготовок, количества и качества требуемых материалов. При этом в условиях обесценивания рубля, цены постоянно менялись. Существовали также большие пробелы в законодательстве, регулировавшем условия подрядов и поставок¹⁰⁴.

И.Н. Борисов в своем приказе от 1 июля 1922 г. предложил хозяйственно-материальным службам дорог активнее собирать сведения о предприятиях, кооперативах, кустарях и частных лицах, изготавливавших для продажи материалы, необходимые транспорту. Публикации сообщений о закупках должны были привлекать конкурентов и способствовать удешевлению стоимости приобретаемых материалов¹⁰⁵.

Правлениям железных дорог, на первых же порах их деятельности, пришлось обратить особое внимание на материальное и техническое состояние транспорта, подорванное за время войн и революций. Во избежание конкуренции между отдельными железными дорогами, в июле 1922 г. дороги Московского узла выдвинули идею создания в частнопроводном порядке паевого товарищества для своевременного и наиболее полного обеспечения транспорта материалами, изделиями и топливом. Основным капиталом товарищества тогда же был определен в 200 млн руб., разработан и утвержден устав. В результате в столице стало действовать Московское товарищество на паях железнодорожного и водного транспорта по заготовке материалов, изделий и топлива (Трансмосторг). Правление Трансмостога состояло из назначаемого НКПС председателя и четырех выборных членов — от правлений железных дорог Московского узла. Председателем товарищества стал Г.Н. Тарасенков. От железных дорог членом правления был избран А.А. Эйсымонт, а кандидатом Я.М. Мовчан-Кухарук¹⁰⁶. Товарищество быстро развернуло свою деятельность в России и установило деловые связи с заграничными фирмами. Ф.Э. Держинский считал организацию Трансмостога «принципиально целесообразной и практически необходимой».

Интенсивной была деятельность дорог в самоснабжении. Наладив связи с местной промышленностью, дороги стали закупать лесоматериалы, шпалы, кровельное железо и т.п. Так, в августе 1922 г. Рязанско-Уральская железная дорога произвела закупочные операции на 43,5 млн руб., а Московско-Казанская — на 50,9 млн руб. Правление Московско-Киево-Воронежской железной дороги через Трансмосторг весьма успешно обменяло металлический лом на ходовые и крайне необходимые дороге кровельное и сортовое железо, чугун, гвозди и т.п.¹⁰⁷

К концу 1922 г. сложилась следующая система снабжения дорог. Объем необходимых материальных ресурсов определялся государственным планом перевозок по железным дорогам, покупательной способностью дорог и производственными возможностями промышленности. Составленная на основе этого смета потребности ведомства путей сообщения окончательно

согласовывалась внутри НКПС и с ВСНХ и передавалась на утверждение в Госплан и СТО. Одновременно НКПС готовил общее соглашение с ВСНХ о количестве и стоимости подлежащей поставке промышленной продукции и порядка ее передачи транспорту. На основе этого соглашения и после утверждения плана снабжения, Правления железных дорог заключали с отдельными объединениями и заводами договора, включая и расчет за поставляемую продукцию. Заготовки материалов и изделий не предусмотренные планом снабжения, Правления дорог осуществляли непосредственно или через организованные ими «Трансторги». Для успешного осуществления заготовительных операций, Правления железных дорог изучали экономику своих районов, входили в состав местных бирж, участвовали в ярмарках и т.п.¹⁰⁸

Из-за невозможности в равной степени обеспечить все дороги топливом и материалами, Высший совет по перевозкам 29 сентября 1921 г. высказался за установление категорий дорог. Отнесение дорог к той или иной категории происходило на основании учета их грузового и пассажирского движения, совокупной работы железнодорожного транспорта. В первую категорию были включены дороги, имевшие стратегическое значение для страны. Это дороги, по которым в основном перевозили топливо, продовольствие, сырье. Они обеспечивались всеми видами довольствия, материалами, топливом и были включены в перспективный план электрификации. Их общая протяженность — около 28 тыс. верст. Вторую категорию составили 12 тыс. верст подъездных путей, по которым производилась транспортировка к основным магистралям заготовленного сырья, топлива и продовольствия. Эти дороги снабжались только на 50% от потребности. К третьей категории были отнесены дороги местного значения. Их предполагалось снабжать постольку, поскольку это окажется возможным, во всяком случае, не более 30% от необходимого. Остальное должны были обеспечивать учреждения и предприятия, заинтересованные в их работе¹⁰⁹.

28 октября 1921 г. постановление о разделении дорог на 3 категории принял СТО. В Московском узле к дорогам первой категории были отнесены линии от Москвы до Брянска, Вологды, Курска, Минска, Нижнего Новгорода, Петрограда, Рязани, Себежа. К дорогам второй категории относились линии Москва — Арзамас, Москва — Кашин — Сонково и Москва — Кашира¹¹⁰.

Приказ № 1246 о разделении дорог на 3 категории предусматривал также установление на некоторых дорогах только днев-

ного движения поездов, закрытие всех оказавшихся лишними разъездов, постов, парков и путей, что должно было упростить эксплуатацию и уменьшить расходы по линиям второй и третьей категорий.

2 декабря 1921 г. СТО внес уточнения и дополнения в прежнее постановление о разделении дорог на три категории. Из линий первой категории предстояло выделить магистрали первого разряда и сосредоточить на них преимущественно транзитное пассажирское движение, переведя сюда все без исключения поезда повышенной скорости. Такими линиями признавались, в частности, Москва — Курск — Харьков, Москва — Брянск — Киев, Москва — Минск, Москва — Петроград, Москва — Данилов — Буй — Вятка — Пермь — Екатеринбург — Тюмень — Омск — Селенга, Москва — Рязань — Рузаевка — Сызрань — Самара. Остальные линии первой категории образовали магистрали второго разряда. Они освобождались от поездов повышенной скорости. Предполагалось, что на перворазрядных магистралях для обеспечения безопасности движения будут использоваться все силы и средства дорог. В результате здесь удастся добиться самого строгого выполнения всех требований Правил технической эксплуатации¹¹¹. Существовало также деление дорог по грузообороту¹¹².

Осенью 1922 г. НКПС разработал новые критерии для разделения дорог на категории: а) предельная скорость движения, как элемент определяющий состояние пути и подвижного состава; б) срочность перевозки грузов, выраженная среднесуточным пробегом груженого вагона, как элемента определяющего технические условия перевозок; в) предельная пропускная способность для коммерческого движения, как элемента определяющего технические параметры данной дороги¹¹³. По-видимому, в правительстве высказывались мнения о закрытии ряда дорог. Выступая 2 января 1922 г. на заседании Президиума Госплана с обсуждением проекта декрета СНК о применении начал новой экономической политики на транспорте, Ф.Э. Дзержинский подчеркнул: «Что касается закрытия некоторых дорог, то я не могу согласиться с тем, что это возможно. Мы не можем распустить всех служащих, выбросить их на улицу и пустить их по миру. Затем мы не можем не охранять путей, рельс и т.п. хотя бы дороги и бездействовали»¹¹⁴. Он пытался объяснить, что закрытие дорог экономически и политически невыгодно и даже опасно в свете взятого курса на увеличение товарообмена между городом и деревней.

Экономика и эксплуатация железных дорог

Переход железнодорожного транспорта на рельсы нэпа сдерживался, в частности, большим объемом бесплатных перевозок продовольствия и семенного фонда в связи с голодом 1921 г. Даже в первой половине 1922 г. грузы Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) составляли 82% коммерческих грузов. Все они перевозились за счет государства¹¹⁵. Непростым оказался вопрос об ответственности дорог за утрату, порчу, недостачу грузов. 22 сентября 1921 г. он был рассмотрен на совещании начальников управлений НКПС. Согласившись, что дороги в условиях новой экономической политики обязаны компенсировать грузохозяевам пропажу или повреждение груза, совещание отметило, что полностью взять на себя ответственность ведомство путей сообщения не может, так как охрана грузов осуществлялась НКВД. Железные дороги также не могли отвечать за сроки доставки из-за состояния путей и подвижного состава¹¹⁶.

Комментируя первые шаги реформ на железных дорогах, И.Н. Борисов отметил, что жесткая система централизации снабжения и финансирования, бесплатность перевозок и проезда в прошлом парализовали инициативу местных предприятий и организаций, развили бесхозяйственное пользование транспортом. Отмечалась недостаточная гибкость коллегиального управления на местах. По его мнению, введение ответственного единоначалия, децентрализация управления и снабжения, введение платности перевозок, даже при недостаточном бюджете, стали определенным импульсом в оздоровлении транспорта¹¹⁷. 29 октября 1921 г. в НКПС под председательством помощника главного начальника путей сообщения инженера В.М. Толстопятова начало работать совещание по вопросам применения новой экономической политики на транспорте. На втором заседании 8 ноября были обсуждены вопросы хозрасчета, отмены ограничений свободы перевозок, охраны грузов, страхования грузов, возможности использовать порожние вагоны для частных перевозок и т.п. На очередном, третьем заседании, 28 ноября совещание рассмотрело подготовленный в Финансово-экономическом управлении НКПС проект декрета о переходе ведомства путей сообщения на хозрасчет. На следующий день специальную комиссию по новой экономической политике на путях сообщения образовал Совнарком РСФСР¹¹⁸.

16 января 1922 г. СНК принял декрет «О применении на транспорте начал хозяйственного расчета». Суть его в следующем. Годовой план перевозок грузов по железным дорогам со-

ставлялся Высшим советом по перевозкам, согласовывался с Госпланом и утверждался в Совете труда и обороны. Ведомство путей сообщения обязано было выполнять этот план «в первую очередь и преимущественно перед всеми другими перевозками». Грузы государственных учреждений и предприятий, продовольствие, поступавшее по продналогу, государственному товарообмену и закупкам за границей перевозились безденежно в порядке перерасчета. Сверхплановые перевозки грузов правительственных учреждений и предприятий производились за наличный расчет. Такие же правила действовали в отношении государственных предприятий, снятых с государственного снабжения. Прекращал действие декрет от 9 июля 1921 г. в отношении пассажирских перевозок. Проезд госслужащих по железной дороге и провоз их багажа также стал осуществляться за наличный расчет. В декрете от 16 января 1922 г. подчеркивалось, что «все прочие услуги, оказываемые транспортом государственным, кооперативным и другим учреждениям и лицам, оплачиваются наличными деньгами». Безналичный расчет сохранялся для воинских перевозок.

Однако наиболее важными в декрете были статьи 2 и 4. Первая из них предоставляла ведомству путей сообщения дополнительные возможности для увеличения числа перевозок, оплачиваемых наличными средствами. Для этого использовалась экономия топлива при выполнении основного государственно-го плана перевозок, недогруз по ведомственным перевозкам, возврат порожних вагонов, а также подвижной состав свободный от плановых перевозок. Статья 4 разрешала НКПС после налоговых расчетов с государством использовать оставшуюся прибыль для осуществления дополнительных перевозок, финансирования вспомогательных предприятий, мероприятий по развитию железнодорожного хозяйства, выплат премий железнодорожникам и т.п. На ведомство путей сообщения возлагалась вся материальная ответственность за утрату, повреждение, порчу и недостачу багажа и грузов. Порядок и правила осуществления этой ответственности определялись в Общем уставе российских железных дорог и водных путей¹¹⁹.

Хозяйственный расчет на железнодорожном транспорте означал восстановление принципа материальной заинтересованности и личной ответственности работников транспорта в правильном и экономном использовании всех ресурсов, в достижении наилучших результатов при наименьших затратах средств¹²⁰.

С 2 ноября 1921 г. по 6 января 1922 г. в НКПС работала Комиссия по составлению проекта Устава железных дорог РСФСР

под председательством бывшего директора правления Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги К.П. Лазарева. В основу нового Устава Комиссия положила следующие принципы: 1) перевозка пассажиров и грузов является обязанностью железных дорог; 2) юридические отношения железной дороги признаются договорными; 3) железные дороги не имеют права предоставлять какие-либо перевозочные льготы одним клиентам, не давая их всем другим; 4) железные дороги обязаны иметь друг с другом прямые сообщения и отвечать солидарно перед клиентами, пользующимися этими сообщениями; 5) железные дороги отвечают за всякий ущерб, причиненный клиентам действием или бездействием с их стороны и т.п.

Комиссия опиралась на нормы железнодорожного права Российской империи, Международную конвенцию о перевозке грузов по железным дорогам (Бернская конвенция)¹²¹, проект Общего Устава российских железных дорог, составленный в 1910 г. и заключениями к нему Торгово-промышленного съезда, труды известного знатока железнодорожного права К.П. Змирлова и Устав железных дорог РСФСР 1920 г.¹²²

8 июля 1922 г. Ф.Э. Дзержинский и В.И. Межлаук подписали приказ о введении с 1 августа в действие Устава, разработанного Комиссией Лазарева. В нем, в частности, говорилось: «В основу нового Устава положены принципы железнодорожного права, выраженные в основных чертах в действовавшем в продолжение многих лет на русских железных дорогах Общем Уставе российских железных дорог изд. 1885 г. Ввиду этого значительно облегчается для русских железнодорожников понимание и применение нового Устава»¹²³. Разумеется, новый основной железнодорожный закон учитывал изменения в работе железных дорог периода революций и Гражданской войны.

Новый Устав ограничивал прием грузов к перевозке только таким количеством, которое могло быть отправлено в 48 часовой срок. По Уставу 1885 г., отправителю предоставлялось право выбирать направление перевозки груза. Он указывал путь следования груза через определенные передаточные пункты и мог распорядиться о направлении его в другой пункт назначения в случае изменения торговой конъюнктуры. Учитывая положение транспорта после окончания Гражданской войны, новый Устав ограничил права отправителя в выборе пути следования груза. Теперь дорога предлагала маршрут, руководствуясь решениями Высшего совета по перевозкам. Было введено обязательное взвешивание груза, сдаваемого к перевозке. Эта мера осуществлялась в интересах обеих сторон. Содержание весов на станциях оплачивал грузоотправитель, уплачивая спе-

циальный сбор. Устав 1922 г. также вводил обязательное страхование грузов. Впрочем, уплата объявленной стоимости осуществлялась только в случае хищения груза или крушения поезда, когда невозможно было установить истинный размер убытка. Если же груз доставлялся на станцию назначения в испорченном виде, размер вознаграждения определялся не объявленной стоимостью, а действительным размером ущерба. Устав 1922 г. регламентировал организацию городских станций, коммерческих агентств и транспортных контор. В течение 1922 г. в дополнение и развитие Устава было издано несколько положений и правил¹²⁴.

18 января 1922 г. СНК принял постановление, по которому впредь ставки всех налогов и сборов, как государственных, так и местных, устанавливались в довоенных рублях, а взимались они с плательщиков в советских рублях по курсу, определяемому Народным комиссариатом финансов. Например, с 1 февраля 1922 г. довоенный рубль был равен 150 000 советских рублей. 1 мая железные дороги перешли на расчет в рублях образца 1922 г.¹²⁵ В течение всего 1922 г. тарифы пересматривались постоянно, повышаясь в зависимости от инфляции в стране. Так, тариф февраля в 4 раза превосходил январский тариф того же года. Майский тариф превосходил январский уже в 100 раз. Однако повышение тарифных коэффициентов¹²⁶ два раза в месяц, при стремительном падении совзнаков, не дало желаемого увеличения доходов дорог.

С декабря 1921 г. НКПС предоставил управлениям железных дорог право устанавливать свои тарифы на перевозки на расстояния до 500 верст, а с разрешения Тарифного комитета и на большие расстояния¹²⁷. При этом НКПС требовал заблаговременной публикации местных тарифов и предоставлял право учреждениям других ведомств обжаловать их в Тарифном комитете. В целях приспособления тарифов к местным условиям, НКПС принял решение возобновить созыв тарифных съездов представителей железных дорог и водных путей сообщения. Постепенно платными становились все услуги, оказывавшиеся железными дорогами. С 16 февраля 1922 г. восстановлена плата за телеграфные отправления¹²⁸.

20 апреля 1922 г. СНК принял постановление «О праве пользования проводами и о таксах за услуги, оказываемые телеграфной связью НКПС». Разрешалось принимать платные телеграммы от служащих государственных учреждений при предъявлении удостоверения личности¹²⁹. Временно, без оплаты, принимались лишь телеграммы в морские порты представителей Американской организации помощи (АРА), обслуживавшей

суда прибывавшие с грузами для районов страны, пострадавших от засухи в 1921 г. 13 марта был повышен на 50% тариф на пригородных перевозках, отменена скидка для обратных билетов, установлен перронный сбор для провожающих в размере 10 коп. золотом. Но взимался он в бумажных денежных знаках по курсу Наркомфина¹³⁰. 30 марта были утверждены «Правила приема багажа и грузов с объявленной отправителем ценностью»¹³¹. В мае был введен гербовый сбор в размере от 100 до 150 руб.¹³² за выдачу частным лицам любых ведомственных нормативных актов.

Полностью на хозрасчет с лета 1922 г. перешло Центральное бюро печати НКПС. Отныне оно существовало исключительно за счет издаваемых печатных органов и изданий¹³³.

27 июня 1922 г. постановлением Совета труда и обороны была понижена норма бесплатного провоза ручной клади до 1 пуда и повышена норма с 4 до 10 пудов багажа на каждый пассажирский билет¹³⁴. Правом бесплатного проезда по железным дорогам пользовался профессорско-преподавательский состав и служащие петроградского и московского институтов инженеров путей сообщения¹³⁵.

Введение платности перевозок вызвало стремительный рост доходов ведомства путей сообщения. Так, в январе 1921 г. доход железных дорог составил около 900 млн руб. В сентябре он достиг 40, а в декабре 55 млрд руб.¹³⁶ Однако, несмотря на рост дохода с января по май 1922 г. в 53 раза, финансовое положение железнодорожного транспорта продолжало оставаться тяжелым. Тарифы на перевозки грузов и пассажиров были низкими по сравнению с довоенной Россией. Только после июньского повышения они достигли 50% тарифов 1913 г. Транспорт остался бы дефицитным даже при условии достижения провозных плат довоенного уровня. Во-первых, изношенность подвижного состава и верхнего строения пути были такими, что только на поддержание работоспособного состояния требовались значительные средства. Во-вторых, в 1922 г. железные дороги перевезли всего 20–25% довоенного количества грузов. Хотя промышленность и сельское хозяйство стали восстанавливаться, они еще не могли дать транспорту большой нагрузки. Вот почему Ф.Э. Дзержинский не уставал повторять, что транспорт и другие отрасли народного хозяйства должны вместе искать выход, вместе восстанавливать свою работу и выходить на уровень 1913 г. При установлении тарифов приходилось учитывать интересы народного хозяйства и крайне низкую платежеспособность населения. О необходимости государственного подхода к тарифам не раз говорил И.Н. Борисов: «Было бы ошибочным

стать на путь достижения доходности транспорта и восстановления его разрушений за счет чрезмерного повышения тарифов. Этот путь и неверен и очень опасен, он не сможет дать, особенно при настоящем положении страны, достаточных доходов, а убив развитие нашей промышленности, должен подорвать развитие экономической мощи страны»¹³⁷.

Окончание активных военных действий на фронтах Гражданской войны привело к значительному сокращению перевозок войск и воинских грузов. В 1921 г. их количество составило всего 6% от общего грузооборота. В 1922 г. уже не было необходимости подстраивать работу железных дорог к нуждам военного ведомства. Особенностью перевозок 1921 г. стало общее сокращение грузооборота. По сравнению с предыдущим годом количество грузов, перевезенных в коммерческих поездах, уменьшилось на 436 млн пудов (на 10%). Соответственно уменьшилась среднесуточная погрузка вагона, составившая 513 пудов. Впрочем, не использование всей грузоподъемности вагонов нужно отнести на счет ведомств-грузоотправителей, по отношению к которым НКПС не мог применить никаких мер воздействия.

Негативное влияние на работу железных дорог оказывали многие факторы. Так, на совещании начальников управлений НКПС 27 января 1921 г. было решено при определении объема перевозок исходить из того, что средний состав поездов должен быть уменьшен по сравнению с 1913 г. на 15% «по причине плохого состояния паровозов и качества топлива»¹³⁸.

Эксплуатационная работа в течение 1921 г. определялась планом перевозок, утверждавшимся в Высшем совете по железнодорожным перевозкам по заявкам ведомств. Этот план через Эксплуатационное управление НКПС направлялся в управления железных дорог. Вне плана ни один вагон не трогался с места, за исключением специального постановления Высшего совета или разрешения НКПС.

Высший совет по перевозкам утвердил 11 августа 1921 г. «Основные положения по планировке и регулировке железнодорожных перевозок»¹³⁹. Все перевозимые по железным дорогам грузы малой скорости делились на внеочередные и очередные. Первые, в свою очередь, были экстренными и плановыми. Экстренными признавались грузы, не предусмотренные планом или плановые грузы, которые в особо важных государственных или общественных интересах следовало отправить немедленно. Плановыми считались грузы первой необходимости для населения и предприятий. Они делились на ударные и обыкновенные.

Категории очередных грузов не отличались от указанных в «правилах постепенности» от 17 июля 1920 г.

«Основные положения» определяли порядок отправки частных грузов. В первую очередь подлежали погрузке и отправке грузы потребительской и промысловой кооперации. Затем — грузы частных предприятий, выполнявших государственные заказы. Наконец, в третью очередь, отправлялись все прочие частные грузы. Впрочем, если возникала необходимость в срочной доставке какого-либо частного груза, Центральный или местные комитеты по перевозкам имели право перевести его в категорию экстренных или ударно-плановых.

План перевозок грузов доводился до сведения дорог через окружные комитеты по перевозкам. Они же определяли пункты погрузки, а также суточные или месячные нормы погрузки.

Среди основных массовых грузов, перевозимых железными дорогами, заметно преобладали топливо и хлеб. Перевозка дров составляла более половины грузооборота Северных и Северо-Западных железных дорог. Основным грузом Южных железных дорог был каменный уголь. Наибольший объем хлебных грузов был зафиксирован на приволжских дорогах (Московско-Казанской, Самаро-Златоустовской, Юго-Восточных и других), а также на дорогах, по которым их перевозили в основные промышленные центры (Московско-Курская, Нижегородская и Муромская, Николаевская и Северо-Западные).

Серьезным испытанием для железных дорог стал катастрофический по своим последствиям неурожай зерновых культур в Поволжье. Голод охватил Среднее и Нижнее Поволжье, Прикамье, Челябинскую, Уфимскую, Омскую губернии. Очень низкий урожай был собран на юге Украины. Всего в охваченных голодом районах на 1 января 1922 г. проживало 15 162 300 человек, а на 1 июля 1922 — 22 558 500 человек¹⁴⁰.

Голод в Поволжье вызвал перенапряжение в работе ряда дорог в связи с внезапной сменой грузопотоков и срочностью доставки грузов, в частности, хлеба и семян для пострадавших губерний. Так, 20 декабря 1921 г. в Сибирь было командировано 100 паровозных бригад и 500 вагонов 1-й категории с дорог центра, на Самаро-Златоустовскую железную дорогу направилось 47 нефтяных паровозов, а на Омскую железную дорогу 40 паровозов твердого топлива. Для ускорения доставки импортных грузов из Прибалтики на Московско-Балтийскую дорогу было направлено 40 паровозных бригад, 11 паровозов и свыше тысячи вагонов¹⁴¹. На совместном заседании руководителей транспортного профсоюза, начальников управлений и комиссаров железных дорог Л.Б. Красин так прокомментировал начавшиеся

поставки в РСФСР иностранной помощи: «Надо иметь в виду, что нам придется иметь дело не с советским грузом, который терпелив и может лежать неделями и месяцами, а с заграничным грузом и заграничными людьми, которые будут сидеть на самых важных пунктах и будут надзирать за этим грузом, и от успеха точности и быстроты работы и продвижения груза будет зависеть весь успех помощи нам»¹⁴².

Импортные грузы поступали в Петроград, Бердянск, Мариуполь, Николаев, Феодосию и некоторые другие порты. Механизм переработки грузов в портах был отлажен не сразу. Например, не хватало грузчиков, и погрузка шла очень медленно. В Мариуполе из-за отсутствия средств для оплаты труда грузчиков, вагоны в первое время простаивали по 12 дней. Наиболее успешно была организована работа в Петроградском порту. С начала навигации к середине лета 1922 г. в Петроградский порт зашло 172 парохода с грузом весом 21 626 849 пудов и почти половина (10 589 757 пудов) была вывезена по железным дорогам. В отдельные дни погрузка достигала 417 вагонов. Николаевская железная дорога своевременно поставляла порожние вагоны и вывозила груз. Это позволило быстро разгружать прибывавшие суда¹⁴³.

Часть грузов из США для голодающих Поволжья поступала в Данциг, затем через Варшаву направлялась к границе РСФСР. На станции Столбцы (68 км к востоку от Барановичей) они перегружались в российские вагоны и через Минск отправлялись в Москву. В Столбцах грузилось в среднем по 40 вагонов в день¹⁴⁴. По соглашению с представителями Американской организации помощи (АРА), часть грузов направлялась водным путем в речные порты Рыбинска, Нижнего Новгорода, Царицына. Железнодорожникам пришлось в очередной раз менять планы перевозок грузов, а несвоевременная выплата денег портовым рабочим, привела к задержкам в перевалке их с речных пароходов на железнодорожный транспорт. Помощь голодающим поступала от различных общественных организаций. В частности, в Россию было доставлено 28 763 770 пудов продовольственных грузов от АРА, 4 709 000 пудов от Ф. Нансена, 217 200 пудов от Французского Красного Креста и т.д.¹⁴⁵ Помощь голодающим оказывали трудящиеся всей России: рабочие промышленных предприятий, железнодорожники, военнослужащие и т.д. Например, железнодорожники Ташкента и Самарканда отчислили в пользу голодающих трехдневный хлебный паек. Рабочие Новороссийска отремонтировали на воскресниках 40 вагонов, предназначенных для перевозки продовольствия населению голодающих губерний. На собрании коммунистов железнодо-

рожного подрайона Нижнего Новгорода 10 августа 1921 г. было решено отчислить 30% месячного заработка и часть продовольственного пайка. Красная армия направила в помощь голодающим 900 700 пудов хлеба, а российские профсоюзы — 688 860 пудов хлеба¹⁴⁶.

28 июля 1921 г. ВЦИК принял постановление «О планомерном выселении из районов голода». Была учреждена комиссия по эвакуации. Основная нагрузка снова легла на железные дороги. В общей сложности, за период борьбы с голодом из пострадавших от засухи губерний было вывезено 971 713 человек, в том числе 14 598 детей¹⁴⁷.

В ходе усиленных перевозок сельскохозяйственных грузов ведомству путей сообщения пришлось преодолеть немало технических проблем. Например, подлежавший отправке из Сибири в центральные губернии хлеб, находился в районах двух слабо развитых и еще не достроенных железных дорог — Алтайско-Славгородской и Южно-Сибирской. Во-вторых, паровозы приходилось загружать углем низкого качества. 1 февраля на станции Черепаново паровозы были загружены углем прибывшим из рудников Новостройки. В результате все паровозы остановились либо на перегонах близ Черепаново, либо уже на самой станции. Котлы погасли и их удалось растопить после подвоза анжеро-судженского угля. Положение усугубила традиционно холодная снежная зима. Алтайская линия бездействовала с 3 по 15 февраля, а Славгородская — три недели. На Алтайской линии были заморожены 12, а на Кольчугинской — 9 паровозов. Поэтому в феврале удавалось отправлять в центральные губернии не более 119 вагонов в сутки вместо заявленных 228.

Направленная в Сибирь специальная комиссия ВЦИК и Совета труда и обороны под руководством Ф.Э. Дзержинского выявила также ошибки местной железнодорожной администрации. Так, для ускорения вывоза хлеба был дополнительно затребован подвижной состав с дорог европейской части РСФСР. Не учитывалось, что паровозы и вагоны, преодолев 3 тыс. верст пути, скорее всего, будут направлены в ремонт. По мнению Дзержинского, разумнее было усилить ремонт локомотивов в самой Сибири. Например, в депо станции Тайга сочли нужным срочно «оживить» свои паровозы, чем использовать командированные. Требование вагонов было обусловлено расчетами, что местные мастерские могут ремонтировать не более 120 вагонов в сутки. Дзержинский установил, что только в пределах Новониколаевского и Барнаульского отделов в сутки можно восстанавливать примерно 105 вагонов. А еще остава-

лись такие крупные мастерские как Красноярские и Омские. Только в последние дни февраля в Сибири в среднем ежедневно выпускали из ремонта 318 вагонов первой категории¹⁴⁸.

Часто железные дороги несли убытки из-за несогласованности действий разных ведомств. Так, в середине января в Южный округ путей сообщения пришла телеграмма о предстоящих перевозках импортных грузов. Управление округа распорядилось направить 900 порожних вагонов 1-й категории в Одессу, 300 в Феодосию, а также вагонов 2-й и 3-й категории: в Одессу около 600, в Феодосию до 500. Из-за отсутствия точных сведений о времени прибытия судов они простояли более месяца. Первый пароход прибыл в Одессу лишь 27 февраля. Простой составил 34 тыс. вагоно-дней только для вагонов 1-й категории. В дальнейшем импортный хлеб вывозился маршрутными поездами со средней скоростью 11 верст в час. 31 января Совет труда и обороны принял решение вернуться на время усиленных перевозок к продолжительности работы паровозов и поездных бригад, отдыха служащих, непосредственно причастных к безопасности движения, определенных постановлением МПС от 1 июня 1907 г. Своим постановлением от 10 февраля он обязал НКПС перевозить семена и продовольственные грузы Наркомпрода «вперед» всех остальных грузов». Грузы Центральной комиссии помощи голодающим составляли 82% коммерческих грузов. Продовольствие и семенной фонд перевозились бесплатно. 24 марта НКПС распорядился осуществлять бесплатную доставку грузов двух английских общественных организаций для населения Армении, также охваченного голодом. Всего в пострадавшие районы было доставлено 123 789 вагонов с сельскохозяйственными грузами. Было реэвакуировано в 1922 г. 218 792 человека¹⁴⁹.

В 1922 г. улучшились многие показатели работы железных дорог. Было перевезено на 409 млн пудов (на 18%) грузов больше, чем в 1921 г. Увеличение произошло главным образом за счет коммерческих грузов. Суточная погрузка составила в среднем 10 081 вагон и цистерна. Однако следует отметить, что в январе в среднем в сутки грузили 8 412 вагонов, а в декабре — 12 373. При увеличении общего количества грузов, в 1922 г. было использовано примерно на 30 тыс. вагонов меньше, что свидетельствовало о более полном использовании грузоподъемности вагонов и цистерн. В 1922 г. перевезли на 80% больше хлеба, на 53% каменного угля, на 18% дров, а нефти на 213%¹⁵⁰.

Инженер А.Н. Фролов был уверен, что железные дороги в 1922 г. справятся со всеми возложенными на них задачами в связи с состоянием российской экономики. По его оценке

продукция крупной промышленности составляла не более 10% от довоенной, сельского хозяйства — менее 50%. К тому же, до войны половина общего количества перевозимого по железным дорогам хлеба направлялась за границу. Дальность пробега вагонов с экспортным хлебом примерно втрое превышала дальность пробега для внутреннего потребления. Поскольку Россия в Гражданскую войну хлеб не экспортировала, то доля сельскохозяйственных перевозок не превышала 25% от довоенного времени¹⁵¹.

Дороги, пожалуй, впервые с 1917 г., хорошо подготовились к осенним перевозкам продукции нового урожая. Так, на Сызрано-Вяземской железной дороге в запасе было 65 исправных паровозов и до 1700 вагонов. Ежемесячно из ремонта выпускалось еще свыше 270 вагонов. Специально нанятые артели разбирали на всех участках списанные («кладбищенские») вагоны, что позволяло удовлетворить спрос на запасные части¹⁵².

Таблица 5

**Распределение части перевезенных грузов по категориям
в 1921/1922 операционном году (в тыс. пудов)**

Название дороги	Хлебные грузы	Каменный уголь	Чугун	Дрова	Мясо
Александровская	14 571	6 922	185	26 698	56
Московско-Балтийская	9 172	2 969	2	20 501	38
Московско-Казанская	42 906	5 405	596	59 450	751
Московско-Киево-Воронежская	34 562	11 940	92	31 462	288
Московско-Курская, Нижегородская и Муромская	43 386	53 429	2728	46 468	848
Московско-Окружная	52 217	21 506	1387	33 530	1 121
Северные	27 436	6 696	330	96 775	1 335
Западные	11 772	1 589	56	24 782	115
Северо-Западные	37 915	5 539	1 294	54 746	306
Юго-Западные	32 456	13 585	106	10 953	107
Южные	36 742	75 475	1 280	12 328	667
Юго-Восточные	34 645	14 336	1 227	6 944	515

Таблица 5 (окончание)

Название дороги	Хлебные грузы	Каменный уголь	Чугун	Дрова	Мясо
Екатерининская	16 885	23 911	1 019	2 881	60
Николаевская	43 833	10 432	2 397	84 270	1 151
Пермская	26 961	18 027	2 432	56 449	1 677
Самаро-Златоустовская	38 299	8 294	1 524	11 615	594
Северо-Кавказская	30 453	35 875	565	3 203	704
Сызрано-Вяземская	28 178	19 689	75	15 897	153
Средне-Азиатская	4 134	2 329	59	1 686	43

Источник: Материалы по статистике путей сообщения. М., [1923]. Вып. 17. 1921/22 операционный год. С. 74–79.

Даже первые результаты применения принципов нэпа вселяли оптимизм. Большинство дорог за первую половину 1922 г. заметно улучшили основные показатели работы. Так, на Екатерининской железной дороге оборот вагона сократился с 17,5 суток в январе до 7,4 суток в июле. Во многом это удалось за счет уменьшения простоя вагонов на станциях и увеличения суточного пробега с 20,8 до 37,9 верст. Примерно на 6–8 тыс. пудов вырос вес поезда. Суточная погрузка в июле достигла 175 вагонов (в мае — 117 вагонов). На Юго-Восточных железных дорогах в мае средний суточный пробег рабочего паровоза достиг 103,65 верст (задание на месяц — 95 верст), а рабочего вагона — 65,19 верст (задание — 44 версты). Средний вес поезда — 45 190 пудов (задание — 40 тыс. пудов). Количество исправных паровозов увеличилось на 3,6%, а пассажирских вагонов на 7,2%. На Николаевской железной дороге с апреля по июнь суточный пробег рабочего паровоза увеличился с 63 до 85 верст, а рабочего вагона с 19 до 36 верст. Погрузка на Московско-Балтийской железной дороге выросла за те же месяцы со 135 до 159 вагонов. На Западных железных дорогах сверх нормы в мае было погружено 1687 вагонов¹⁵³.

Конечно, не на всех дорогах дела шли так хорошо. Например, Самаро-Златоустовская железная дорога в июле выполнила плановое задание по перевозке на 73,9%. Число исправных товарных вагонов уменьшилось на 1,3%. Ремонт паровозов составил 86% от задания.

Работа железных дорог

	1913	Декабрь 1922
Эксплуатационная длина ж.-д. сети	63 749	63 638
Общий парк паровозов	20 320	19 454
Из них готовых к работе	71%	30,7%
Общий парк вагонов	502 101	385 673
Из них готовых к работе	77,5%	64,3%
Пробег паровозо-верст	572 000 000	15 000 000
Пробег пудо-верст	4 346 413 234	110 700 000
Средний состав товарных поездов (количество вагонов)	39	41
Средний суточный пробег паровоза	112	83,4
Средний суточный пробег товарного вагона	70	39
Коммерческая скорость товарного поезда (верст/час)	12,7	12

Источник: РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3.

Сдерживало перевозки различное техническое состояние дорог. Например, Западные дороги могли увеличить летом 1922 г. перевозку грузов в южном направлении, но Московско-Киево-Воронежская железная дорога установила жесткую норму приема 42 груженых вагона в сутки (один состав).

Трудное положение сложилось на Мурманской железной дороге. План перевозки грузов не выполнялся. Порожняк направлялся, в основном, за лесными материалами. Заполнить вагоны попутным грузом не представлялось возможным, так как импортные грузы, за редким исключением, не поступали в Мурманский порт и порты Белого моря. Перевозки частных грузов в июне были выполнены только на 45,6% от задания¹⁵⁴.

В начале мая огромное количество грузов скопилось в Казанском железнодорожном узле. Неразгруженными стояли до тысячи вагонов. 13 мая межведомственное совещание из представителей наркоматов Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) постановило вести разгрузку вагонов с 8 час. до 20 час. За сверхурочную работу выдавались премии за счет грузополучателей. Они же должны были забрать свои грузы не позже, чем через сутки после подачи вагона под разгрузку. В противном случае грузы поступали в распоряжение властей ТАССР¹⁵⁵.

Для решения различных проблем в разгрузке узлов или перевозке топлива Советская власть широко использовала методы, опробованные еще в годы Первой мировой войны. Например, на местах создавались чрезвычайные временные органы для координации действий различных ведомств. В феврале 1922 г. для упорядочения работы железных дорог в Донбассе Совет труда и обороны направил специальную комиссию. Перед ней стояла задача увеличить погрузку до 1200 вагонов в день. Для этого железным дорогам Донецкого бассейна требовалось 100% топлива, желательного с определенных рудников. Рабочих и служащих этих дорог решено было снабжать продовольствием наравне с соответствующими категориями персонала угольных предприятий. Для согласования планов добычи и погрузки угля, подачи вагонов и отправления составов, в том числе маршрутных топливных поездов, Высший совет по перевозкам открыл в Бахмуте специальное бюро из представителей НКПС, Донецкого топливного комитета, Украинского топливного комитета, Центрального правления каменноугольной промышленности и управлений железных дорог, обслуживавших Донбасс. НКПС было поручено в двухнедельный срок обсудить вопрос об объединении в административном отношении железных дорог Донецкого бассейна¹⁵⁶.

В связи с переходом на хозрасчет НКПС установил суточную погрузку по всей сети в 6000 вагонов. В этих пределах перевозка грузов осуществлялась бесплатно. Сверх этого количества, за перевозку уже надо было платить всем, кроме военного ведомства. Также все ведомства, кроме военного, оплачивали труд проводников, сопровождавших грузы.

В 1921 г. получило дальнейшее развитие пассажирское движение. Поезда соединили все крупнейшие промышленные центры страны. К осени общее число беспересадочных сообщений осенью достигло 29. Самым протяженным стал маршрут Москва-Новониколаевск (3453 версты). Скорые и почтовые поезда формировались из однотипных классных четырехосных вагонов. В состав поездов вновь стали включать вагоны-буфеты и вагоны рестораны. Их эксплуатацию в централизованном порядке осуществляло Центральное управление снабжения работников транспорта. В поездах дальнего следования была введена нумерация мест. Чтобы удовлетворить растущий спрос на пассажирские перевозки, приходилось удлинять составы, и на ряде направлений по числу вагонов они сравнялись с товарными составами. Разумеется, скорость их движения снизилась. Следует также подчеркнуть, что в 1921 г. по-прежнему много пассажирских вагонов использовались в санитарных поездах и их резер-

ве, под жилье и склады, в спецпоездах железнодорожной администрации, в агитационно-просветительных поездах¹⁵⁷.

В 1921 г. пассажирские вагоны и теплушки предоставлялись для беженцев из Латвии, Польши и Эстонии (26 651 вагон), для перевозки рабочих разных категорий (14 518 вагонов), переселенцев в Сибирь (3852 вагона), больных и раненых красноармейцев (620 вагонов), эвакуации населения из голодающих губерний (2640 вагонов) и т.д. Проведенное НКПС обследование Северных железных дорог показало, что в среднем пассажирский состав состоял из 10,5 пассажирских классных вагонов и 6 товарных, приспособленных для перевозки людей. Причем в эти 10,5 вагонов входили: багажный, почтовый, санитарный, служебный, 1 или 2 вагона особого назначения и от 3 до 4 протекционных. Собственно пассажирским был всего один вагон. Поскольку подобная практика извращала сам смысл пассажирского движения, НКПС 26 июля 1921 г. издал приказ, согласно которому пассажирским поездам, состоящим из классных вагонов с пронумерованными спальными местами, разрешалось прицеплять протекционные вагоны строго по нормам: для скорых поездов — не свыше 4 осей (один четырехосный или два двухосных вагонов); для почтовых и обычных поездов — не свыше 12 осей. Причем эти правила распространялись и на вагоны председателей ВЦИК, СНК, Реввоенсовета, высших должностных лиц НКПС, занимавших должности не ниже начальника дороги.

27 июня 1921 г. Совнарком прекратил движение штабных вагонов по всей железнодорожной сети. Освободившийся подвижной состав предполагалось использовать в беспересадочных перевозках пассажиров. Распределение мест в таких вагонах устанавливалось взаимным соглашением трех наркоматов — путей сообщения, по военным делам, внутренних дел¹⁵⁸.

28 июня СНК утвердил нормы протекционных вагонов для ведомств. НКПС получил в свое распоряжение 30 классных вагонов и 50 теплушек, ВЦИК — 10 классных вагонов, ВЦСПС — 5 таких вагонов, СТО — 2. По одному классному вагону получили в свое распоряжение наркоматы финансов, юстиции, по делам национальностей, почт и телеграфов и ЦСУ. Наркомат внешней торговли мог пользоваться 1 классным вагоном и 3 теплушками, Наркомат здравоохранения соответственно — 3 и 5, Наркомат земледелия — 3 и 10, Наркомат внутренних дел — 2 и 6, Наркомат социального обеспечения — 1 и 4, Наркомат труда — 6 и 5, Центросоюз — 5 и 8, ВЧК — 5 и 10, ВСНХ — 25 и 45. Больше всех протекционных вагонов получил Наркомат по военным делам. В его распоряжение было

предоставлено (включая поезд председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого) 104 классных вагона и 17 теплушек. Всего различным ведомствам, правительствам Белоруссии и Крыма, Коминтерну и др. было предоставлено 338 классных вагонов и 388 теплушек¹⁵⁹.

С началом Первой мировой войны в крупных городах прекратились жилищное строительство и капитальный ремонт домов. В то же время эвакуированные из театра военных действий предприятия и учреждения, в основном, размещались в столицах, губернских центрах и других крупных городах. Здесь же действовали многочисленные организации, вызванные к жизни войной и революцией. Тяжелые жилищные условия подталкивали городских обывателей искать выход в переселении в пригородные районы. Основным контингентом среди переселенцев были служащие государственных учреждений, аппарата общественных организаций, работники транспорта. Это заставляло НКПС постоянно обращать внимание на состояние пригородных перевозок. Но в годы Гражданской войны удовлетворить потребности работавших в крупных городах жителей пригородов было невозможно. 7 августа 1922 г. начальникам дорог было предложено срочно провести обследование пригородных районов Москвы, Петрограда, Харькова, Киева, Одессы, Ростова на Дону и других городов. Была поставлена задача восстановить верхнее строение пути до уровня, обеспечивавшего движение со скоростями довоенного времени. Подлежало в кратчайшие сроки составить программу ремонта и пополнения подвижного состава для пригородного движения, чтобы не позднее лета 1924 г. довести его до уровня довоенного времени. Всем железным дорогам было предписано провести работы по восстановлению платформ, павильонов для ожидания пассажиров, организации касс. Все остановочные пункты и сами поезда должны были освещаться. Намечалось принять меры для организации перевозки грузов в пригородные районы дачными поездами¹⁶⁰.

В 1922 г. важнейшими достижениями в пассажирских перевозках стало восстановление беспересадочного сообщения. К осени курсировало уже 60 таких поездов. Наиболее дальними из них стали: Москва — Чита, Москва — Новониколаевск, Москва — Омск, Москва — Батум, Москва — Севастополь. Комиссия во главе с В.В. Фоминым, при участии прибывшего из-за границы Ю.В. Ломоносова, рассмотрела вопрос о восстановлении движения спальных вагонов, как внутри России, так и для беспересадочного сообщения с другими странами. На первое время решено было установить движение поездов с такими вагонами по линиям от Москвы до Архангельска, Ека-

теринбурга, Одессы, Петрограда, Ревеля, Риги, Саратова, Севастополя, Столбцов, Харькова и Ташкента. В перспективе следовало установить прямое сообщение между Москвой и Берлином, Москвой и Лондоном (через Голландию)¹⁶¹.

Развитию пассажирского движения способствовало постановление Президиума ВЦИК от 24 января о беспрепятственном проезде всех граждан по территории РСФСР¹⁶².

Удалось достичь сокращения опозданий поездов пассажирского сообщения. Еще в январе 1921 г. на конечные станции с опозданием приходило до 78,1% всех поездов, со средним опозданием каждого из них на 541 минуту. В августе опаздывало только 55% поездов, а время опоздания сократилось в среднем до 252 минут. Основными причинами опозданий было плохое топливо, изношенность паровозов и ограничения скорости на многочисленных участках, требовавших смены шпал, а также бесчисленные прицепки и отцепки протекционных вагонов¹⁶³.

В течение года принимались меры к пресечению безбилетного проезда. 26 января 1921 г. И.Н. Борисов издал приказ о недопущении проезда на паровозах посторонних лиц. В нем отмечалось, что, несмотря на неоднократные распоряжения и напоминания, «паровозы поездов продолжают быть облепленными пассажирами, завалены мешками, в будке паровоза набивается столько народу, что обслуживать паровоз совершенно невозможно». Присутствие пассажиров отвлекало внимание паровозной бригады, она не могла постоянно следить за сигналами и состоянием пути. В результате произошел ряд катастроф. В приказе говорилось, что на паровозах серий Э, Ю, Е, С и К разрешен проезд 8 человек, включая бригаду. Сверх этого машинистам запрещалось провозить даже служащих железных дорог¹⁶⁴.

21 июня 1921 г. Борисов издал приказ о недопустимости провоза кондукторскими бригадами безбилетных пассажиров. 26 сентября кондукторские бригады были разделены на две категории: для обслуживания пассажирских и товарных поездов. При этом для работы в пассажирских поездах предполагалось отбирать людей, способных не только вежливо обращаться с пассажирами, но и регулировать отношения с ними «при возникновении каких-либо недоразумений в пути»¹⁶⁵.

11 января 1922 г. постановлением Совета труда и обороны, в связи с прекращением стихийного массового мешочничества, были распущены Центральная и местные комиссии по борьбе с незаконным использованием транспорта. В постановлении отмечалось, что борьба с безбилетным проездом, проездом на паровозах, буферах, крышах вагонов и т.п., порчей подвижного

состава возлагаются на ТОВЧК. Его сотрудники получили право применять к лицам, с нарушениями использовавшим транспорт, арест с последующими принудительными работами на срок до 3 месяцев.

Непростым оказался вопрос об ответственности дорог за утрату, порчу, недостачу грузов. 22 сентября 1921 г. он был рассмотрен на совещании начальников управлений НКПС. Согласившись, что дороги в условиях новой экономической политики обязаны компенсировать грузохозевам пропажу или повреждение груза, совещание отметило, что полностью взять на себя ответственность ведомство путей сообщения не может, так как охрана грузов осуществлялась НКВД. Железные дороги также не могли отвечать за сроки доставки из-за состояния путей и подвижного состава¹⁶⁶. Ужесточалось законодательство. Постановлением СТО от 1 февраля 1922 г. хищение и уничтожение шитов и материалов для снегоборьбы приравнялось к государственным преступлениям.

15 июня 1922 г. была утверждена особая инструкция по сопровождению пассажирских поездов вооруженной охраной. Отныне в целях оказания содействия кондукторам и проводникам скорых, пассажирских, товарных и поездов особого назначения, для поддержания в них порядка на стоянках, при посадке пассажиров и в пути в каждый поезд в распоряжение поездной бригады назначались наряды вооруженных сторожей. Количество их определяло управление дорог. Сопровождавший поезд наряд не имел права вмешиваться в административную и техническую функции бригады, был обязан выполнять указания начальника поезда, главного кондуктора и лиц, ревизовавших поезд¹⁶⁷.

20 июня 1922 г. заместитель наркома путей сообщения В.В. Фомин и начальник транспортного отдела ГПУ Г.И. Благонравов подписали приказ «О порядке контроля поездов агентами Охраны общественного порядка и спокойствия на путях сообщения Республики». Согласно этому приказу, на части охраны ТОГПУ¹⁶⁸ возлагалась периодическая проверка проездных билетов и провозных документов, независимо от ревизий, проводимых контролерами и агентами НКПС. Предполагалось, что таким проверкам будет подвергаться каждый пятый пассажирский или товарно-пассажирский поезд. Подчеркивалось, что они будут проводиться и после проверки поезда контролером Отдела службы сборов. Ревизии сотрудниками ТОГПУ подлежал весь состав поезда, без исключения кассовых, почтовых, служебных вагонов и даже тех, в которых следовали иностранные дипломатические курьеры. Главная цель этих проверок —

соблюдение правил проезда по железным дорогам и провоза допустимых норм ручной клади и багажа¹⁶⁹.

В 1921 г. не уменьшалось количество происшествий на железных дорогах: небрежное производство маневровых работ, проезд закрытых семафоров, прием поездов на занятый путь и т. п. Например, в августе 1921 г. на дорогах Московского узла (без Николаевской железной дороги) произошло 39 крушений поездов. Особо выделились Северные железные дороги — 12 крушений, в которых было разбито 3 паровоза и 65 вагонов, 2 паровоза и 33 вагона повреждены. При этом один человек погиб и пять получили травмы. На втором месте оказалась Московская Окружная железная дорога. Всего же за месяц на дорогах узла было выведено из строя 9 локомотивов и 179 вагонов¹⁷⁰.

Положение мало изменилось и в первой половине 1922 г. Так, 16 марта 1922 г. в приказе по Московско-Казанской железной дороге отмечалось, что количество происшествий «не только не проявляет тенденции к уменьшению, но даже за последнее время некоторые из случаев стали приобретать характер повторяемости»¹⁷¹.

Долгое время не удавалось эффективно бороться с хищениями грузов, чему способствовал слабый аппарат охраны, который, к тому же, за три года Гражданской войны пять раз переходил из одного ведомства в другое. В результате, если в декабре 1920 г. было зафиксировано 2064 кражи грузов из вагонов и складов, то в марте 1921 г. уже 3742.

В течение всего года ведомство путей сообщения пыталось пресечь рост преступлений на железных дорогах. Было задержано и обвинено 7939 человек, из них осуждено 6618 человек (83,36%), оправдано 1321 человек (16,64%). Из осужденных за антигосударственные преступления (151 человек), 10 приговорены к расстрелу. 9 получили выговор и общественное порицание, 62 — осуждены условно, 11 на срок до одного года. Из осужденных за действия, направленные против порядка управления (616 чел.), осуждено условно 233, на срок до года — 102; 13 чел. — подвергнуты штрафным работам, еще 63 принудительным работам без лишения свободы, расстреляно — 2. Выговор с общественным порицанием получили 43 осужденных. По всем видам преступлений в 27,4% случаев применялось условное лишение свободы, 25,1% осужденных получили сроки от 1 до 2 лет, 6,3% приговорено к выговору и общественному порицанию, к расстрелу 3,6%¹⁷². 28 июня 1921 г. СТО вновь восстановил в НКВД упраздненную ранее железнодорожную милицию. Но в условиях ведомственной разобщенности, значительного улучшения положения дел не произошло, и НКПС об-

ратился во ВЦИК с предложением о передаче всего дела охраны железных дорог и перевозимых грузов в местные органы наркомата. Отныне порядок организации охраны имущества железных дорог стал близок к довоенному, так как каждая служба дороги сама нанимала сторожей. Они были вооружены и подчинялись соответствующим агентам путей сообщения, ответственным за сохранность грузов. Обучением владения и применения оружия, его хранения занимались специальные кадры инструкторско-командного состава. Осенью 1922 г. НКПС рассматривал даже вариант такой организации охраны грузов, как передача ее специальным артелям. В этом случае за административными службами железных дорог сохранялись лишь функции инспектирования и контроля за содержанием оружия. В борьбе с хищениями значительную роль должны были сыграть и службы сборов. Они устанавливали персональную ответственность агентов за сохранность грузов на всех этапах перевозки, правильное оформление документации, вводили строгий учет грузов и багажа с целью контроля за их доставкой по назначению. Предусматривались денежные вознаграждения за раскрытие случаев краж.

10 марта 1922 г. И.Н. Борисов подписал инструкцию, устанавливавшую размер премии за помощь в борьбе с хищениями на железных дорогах. За участие в поимке похитителя, без возвращения похищенного, размер премии составлял 15% местной рыночной стоимости украденного. В случае задержания похитителя и обнаружения всего или большей части похищенного, премия составляла 30% местной рыночной стоимости товара. Рыночная стоимость устанавливалась местной кооперативной биржей. Выплата производилась после установления следствием несомненной виновности обвиняемого или вынесения приговора судом¹⁷³.

Ответственность за целостность и сохранность груза и багажа, возложенная Уставом на дороги, заставила НКПС принять серьезные меры по усилению охраны грузов на станционных путях и непосредственно в пути. Администрация дорог выделила дополнительные средства на ремонт пакгаузов и заборов, допускалось применение колючей проволоки. На Юго-Восточных дорогах с целью предотвращения хищения топлива на тендерах паровозов стали устанавливать решетки. По возможности, на станциях усиливали освещение. Улучшалось снабжение охраны обмундированием и продовольствием. 3 апреля 1922 г. Ф.Э. Держинский подписал приказ, запрещавший посторонним лицам хождение по станционным путям¹⁷⁴.

В 1922 г. усилиями всех судебно-следственных и розыскных органов удалось резко сократить размеры хищения на транспорте. Всего за полгода этот показатель уменьшился в 3,5 раза. На 1-е января 1922 г. остались незавершенными 3658 дел. Вновь за год было возбуждено или поступило из других инстанций 19 335 дел. Таким образом, в производстве в течение года находилось 22 993 дела. На скамье подсудимых оказалось 16 835 человек. Их них 13 769 человек (81,8%) осуждено и 3066 человек (18,2%) оправдано по суду¹⁷⁵. Основную массу среди хозяйственно-имущественных преступлений составили хищения продовольственных и топливных грузов (81,2%). Наказания за эти и другие преступления не были столь суровы, как того требовала обстановка. К расстрелу и лишению свободы на срок свыше 5 лет были приговорены 509 человек (3,7%), лишению свободы на срок от 3 до 5 лет 2067 человек (15,0%), на срок до 3 лет 6 366 человек (46,3%), 2936 (21,3%) было осуждено условно. Остальные были приговорены к принудительным работам без лишения свободы, имущественному взысканию и т.д. По социальному положению 36,6% осужденных были рабочими и ремесленниками и 35,2% крестьянами. 4,7% от числа осужденных являлись на момент совершения преступления членами РКП(б). Из числа осужденных за хищения и взяточничество 15% являлись сотрудниками охраны и ГПУ¹⁷⁶.

Таблица 7

Количество осужденных военно-транспортными трибуналами в 1922 г.

Наименование преступлений	Абсолютное число осужденных	% к общему числу
Хозяйственно-имущественные	7739	56,2
Должностные	5219	37,2
Против порядка управления	580	4,2
Воинские	100	0,7
Государственные	93	0,7
Против жизни и здоровья	38	0,3
ИТОГО:	13 769	100,0

Источник: Материалы по статистике путей сообщения. М., Вып. 19. 1922 календарный год. С. LIX.

Первые годы нэпа вызвали рецидив старой болезни российского государственного аппарата — взяточничество. «Вечное позорище царской России, — писал в железнодорожной газете «Гудок» Ф. Э. Дзержинский, — система откупа, лихоимства и взяточничества свила себе прочное гнездо в наиболее чувствительной области нашего хозяйственного организма — в железнодорожном хозяйстве. Взятка на железных дорогах стала явлением столь «нормальным», что у многих товарищей железнодорожников притупилась чувствительность.

На железных дорогах все возможно купить и продать за определенную мзду, которая умелыми подлыми руками развратителя пропорционально распределяется между стрелочником и высшими рангами. Спекулянты массами за взятку заполняют протекционные вагоны, прорезают в них Россию вдоль и поперек и обволакивают молодую Советскую республику своей паучей сетью. Всякая прицепка, отцепка, дальнейшее продвижение, будь то отдельного протекционного вагона, эшелона беженцев, продгруза отдельной организации — все находится в прямой зависимости от взятки...

Государственные органы — трибуналы и ТЧК, призванные для борьбы со взяточничеством, больше не допустят подобного позора. Взятничество на железных дорогах должно быть и будет искоренено.

Аппарат транспортных чрезвычайных комиссий не ослабел. В его распоряжении есть достаточно средств для обнаружения взяточников.

Где бы негодяй ни сидел: в кабинете ли за зеленым столом или в сторожевой будке — он будет извлечен и предстанет перед судом Революционного трибунала, карающий молот которого опустится со всей сокрушительной мощью и гневом, на которые он способен, так как нет пощады смертельным врагам нашего возрождения»¹⁷⁷.

15 июля 1922 г. Ф.Э. Дзержинский подписал приказ об усилении борьбы с взяточничеством. Он признал, что «взяточничество на путях сообщения достигло за последнее время неслыханных размеров». Для борьбы с этим злом нарком предложил на всех уровнях управления создать так называемые тройки из представителей администрации железных дорог, профсоюза и сотрудников ГПУ. Эти тройки должны были действовать «в пределах прав и полномочий, представленных в них ведомств» и свои постановления и распоряжения проводить через центральные и местные органы НКПС, Цектрана и ГПУ. Тройки играли заметную роль в борьбе со взяточничеством, разрабатывали инструкции и планировали различные мероприятия в этой об-

ласти¹⁷⁸. В приказе по ГПУ от 25 сентября 1922 г. говорилось об использовании в борьбе с этим злом секретных агентов и осведомителей. В первую очередь предполагалось выявлять лиц «преимущественно крупных, берущих, дающих, посредничающих в деле взятки и знающих об этом», а также выяснять организационные недочеты в учреждениях, «способствующих волоките и взяточничеству». Составлялись списки лиц, привлекавшихся ранее к ответственности за взяточничество, а в начале 20-х годов продолжавших работать в госаппарате. Для проведения операций «во всякое время дня и ночи» выделялись отдельные транспортные средства. Был организован прием заявлений граждан о случаях взяточничества.

Но главная ставка делалась на публичность борьбы со взятками. ГПУ было обязано постоянно информировать прессу о раскрытых и переданных в суд делах о взяточничестве¹⁷⁹. Действительно, борьба с взятками велась открыто. Ведомственная печать постоянно информировала о предпринимаемых администрацией мерах, причинах этого явления и поисках путей преодоления коррупции на железных дорогах.

Проведенная проверка вокзалов Петроградского железнодорожного узла вскрыла ряд злоупотреблений в продаже пассажирских билетов. Пассажиры, получая билеты за взятки, переплачивали до 100% стоимости билетов. Часто так приобретали билеты нэпманы, спешившие по коммерческим делам. Поэтому одной из рекомендаций контролеров было открытие специальных рабочих касс и продажа трудящимся билетов по удостоверениям заводоуправлений и фабзавкомов¹⁸⁰.

На Западных железных дорогах в ходе проверок работы служащих были обнаружены различные злоупотребления, создававшие атмосферу для коррупции. Например, выявлено 116 случаев приема багажа от пассажиров сверх установленных норм. В 15 случаях был принят багаж с указанием № билетов, еще не проданных через кассу. Отмечены случаи приема багажа на станцию, не соответствующую указанному в билете направлению. На станции Минск в пассажирской кассе были обнаружены поддельные билеты. Как отмечалось в «Вестнике путей сообщения», сравнительная незначительность возможной в этих случаях «благодарности» за «труд и содействие», вполне компенсировалась постоянством и многочисленностью самих случаев. Мелкое взяточничество и кажущаяся незначительность размера взятки служила оправданием и успокаивающим совесть обстоятельством. Постепенно вырабатывалась привычка требовать вознаграждение, систематичность и «почти поголовность в некоторых отраслях железнодорожного дела»¹⁸¹.

В июне—июле 1922 г. на дорогах Украины было выявлено 185 случаев взяточничества. Задержано 370 человек, на 93 — дела переданы в трибуналы и 39 — в народные суды. Взятки чаще всего выявлялись в службах эксплуатации — за предоставление нарядов на вагоны, прицепку, отцепку, продвижение грузов, внеочередное получение билетов из касс и т.п. Например, в сентябре в Одессе было заведено 25 дел о взятках. Взятки брали за пропуск незаконно провозимых грузов (11 случаев), за внеочередное получение билетов (8 случаев), за «проталкивание» нужных вагонов (6), за содействие к сокрытию от конфискации краденного угля (3) и т.д. За взяточничество было осуждено 13 человек, из которых 3 приговорены к высшей мере наказания. На Западных железных дорогах выявлено 47 случаев взяточничества, в том числе 11 фактов вымогательства. Взятки брались за безбилетный проезд пассажиров, за внеочередное отправление товарных вагонов, за подачу вагона под погрузку вне очереди и т.п.¹⁸²

Основной контингент взяточников составляли сцепщики, составители поездов, кондукторские бригады, осмотрщики службы тяги, билетные кассиры, начальники команд охраны. Были зарегистрированы случаи взяточничества со стороны сотрудников железнодорожной охраны, главным образом из числа бывших милиционеров и угрозыска. В прессе отмечалось, что в громадном большинстве случаев взятодатели пользовались «материальной необеспеченностью агентов НКПС и ГПУ»¹⁸³.

21 и 22 октября в ходе специального рейда в Киеве было задержано 150 человек. Из числа задержанных были арестованы 45 человек, в том числе 4 кассира, 2 агента коммерческих служб, 2 контролера городской станции и т.д. Была изъята подвода с хлебом для служащих Юго-Западных железных дорог, направленная в качестве взятки от местной конторы Доброфлота¹⁸⁴. В Харькове в ходе операции по борьбе со взяточничеством с 24 по 26 октября 1922 г. были задержаны 87 человек. Из них 7 кассиров, 2 весовщика, 8 служащих городской станции, 7 сотрудников транспортного отдела ГПУ, 5 служащих местного совнархоза, местных учреждений Наркомздрава и т.д.

На станции Минеральные Воды за получение взятки были арестованы 4 железнодорожника во главе с начальником станции. На станциях Кисловодск и Ессентуки арестованы помощники начальников станций. На станции Арысь Ташкентской железной дороги уличена во взяточничестве кондукторская бригада. В Рязани за такое же преступление был арестован начальник охраны ГПУ. На Юго-Восточных железных дорогах

были уволены с работы и преданы суду 3 контролера поездов, 6 багажных кондукторов, начальник поезда, начальник станции и т.д.

В ночь с 11 на 12 сентября был проверен пассажирский поезд на Виндавской линии Северо-Западных железных дорог. Пассажиры, сознавшие в получении билетов незаконным путем, от наказания были освобождены. На Рязанско-Уральской железной дороге по состоянию на 1 ноября 1922 г. зарегистрировано 126 случаев взятки, в основном за безбилетный проезд и незаконное продвижение грузов. Взятки получили 106 служащих железнодорожников и 20 служащих правоохранительных органов.

На Пермской железной дороге с 1 августа по 15 ноября зарегистрировано 63 случая взяток на сумму 156 тыс. руб. и 70 пудов продуктов. На Сызрано-Вяземской железной дороге начальник скорого поезда и два проводника были привлечены к ответственности за незаконный провоз груза, два пассажира — за дачу взятки, кондуктор за получение взятки. Начальники станций Кузнецк, Пенза, Сызрань этой дороги решили вывешивать списки лиц, уличенных во взяточничестве. На некоторых дорогах стали вести специальные списки провинившихся сотрудников, чтобы не допустить их повторного приема на работу¹⁸⁵.

В целях борьбы со взятками на Московско-Казанской железной дороге было введено негласное наблюдение за действиями поездных бригад. Чтобы проследить случаи получения взяток железнодорожными агентами, сотрудники ГПУ, военного контроля ездили под видом безбилетных пассажиров. 14 ноября в Москве состоялся один из крупнейших процессов о взяточничестве. На скамье подсудимых оказалось 133 железнодорожника. Обвинительный акт составил целую книгу. Московский трибунал приговорил 11 подсудимых к 3 годам тюремного заключения условно, 34 подсудимых — к одному году заключения, применив к ним амнистию. Сравнительная мягкость приговоров, по-видимому, была вызвана тем, что среди обвиняемых оказалось значительное количество бывших красноармейцев, имевших боевые награды¹⁸⁶.

Администрации дорог пытались противодействовать коррупции путем гласности в работе своих служб. Например, Управление Ташкентской железной дороги обязало кассиров вывешивать около касс таблицы с указанием количества свободных мест в пассажирских поездах. В руководстве НКПС рассматривались законодательные предложения об усилении наказания за подделку железнодорожных билетов и о внесении в трудовые книжки графы о судимости за взяточничество. Для борьбы с не-

законным проездом в скорых, пассажирских, товарных поездах и поездах особого назначения, поддержания в них порядка на стоянках, при посадке пассажиров и в пути, в каждый поезд, в распоряжение поездной бригады назначались наряды вооруженных сторожей¹⁸⁷.

Крупный процесс по делу о хищении был рассмотрен железнодорожным трибуналом Петроградского округа путей сообщения. Группа служащих похитила груз двух вагонов и выручила за его реализацию около 10 млрд руб. 4 из 5 арестованных были приговорены к расстрелу¹⁸⁸. В декабре в Московский окружной военно-транспортный трибунал были переданы дела по обвинению ряда служащих московских вокзалов Николаевской, Рязанско-Уральской, Северных железных дорог.

Разумеется, искоренить взяточничество не удалось, но удар по этому явлению на железных дорогах в начале 20-х гг. был нанесен весьма ощутимый.

* * *

17 октября 1922 г. в Париже состоялась первая в послевоенное время международная железнодорожная конференция, на которой был образован Международный союз железных дорог. Россию на конференцию не пригласили. 27 ноября НКПС направил в НКВД письмо с просьбой уведомить председателя распорядительного комитета этого Союза, что введенный в действие в РСФСР Устав железных дорог «основан на принципах Общего Устава российских железных дорог, действовавшего в довоенное время и Бернской международной конвенции, причем некоторые особенности этого Устава несколько не препятствуют применению Бернской конвенции на железных дорогах РСФСР в прямых международных сообщениях и что такое применение Бернской конвенции разрешено постановлением Совета Народных Комиссаров от 8 ноября с. г.»¹⁸⁹.

Находившийся в Швейцарии нарком иностранных дел Г.В. Чичерин немедленно послал в Париж телеграмму, в которой «от имени Русского правительства» просил рассмотреть вопрос о принятии РСФСР в число участников данного Союза. Одновременно НКПС послал во французскую столицу инженера В.Е. Тимонова, почетного члена Общества гражданских инженеров Франции и инженера Дельгаза договариваться об условиях приема в Союз. 14 декабря члены комитета Международного союза железных дорог вынесли постановление о присоединении железных дорог Советской России к этой организации¹⁹⁰.

В начале 20-х годов некоторые специалисты-железнодорожники в РСФСР и в среде эмиграции говорили, что восстановить транспорт без зарубежных капиталов не удастся. Называлась даже сумма этой помощи извне — 5 млрд золотых рублей. Советское правительство попыталось поставить железнодорожный транспорт на ноги без этих средств. И это удалось. Если за первые 9 месяцев 1922 г. при общих денежных расходах в 94 млн рублей, дотации государства составили 40%, то уже в период с октября 1922 г. по сентябрь 1923 г. включительно, она не превышала 26%. Более того, в июле-сентябре 1923 г. она составила всего 17%¹. Еще через год железнодорожный транспорт стал приносить прибыль.

Примечания

¹ Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII—XX вв. Новосибирск, 2002. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее); Железнодорожный транспорт. XX век. М., 2002; Исляев Р.А. Развитие железнодорожного транспорта как индикатор государственного регулирования территориальной организации хозяйства царской России. СПб., 2003; История железнодорожного транспорта России и Советского. СПб., 1997. Т. 2. 1997—1945; Маркова А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития. М., 1977; Напорко А. Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М., 1954; Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР, 1917—1962. Историко-экономический очерк. М., 1963 и др.

² Например: Абрамов А.А. История железнодорожного транспорта (краткий курс). М., 2003; История железнодорожного транспорта России / Под ред. А.В. Гайдамакина, И.И. Галиева, В.А. Четвергова. Омск, 2002.

³ Ловцов Л. В. Коммунистическая партия в борьбе за восстановление и развитие железнодорожного транспорта (1921—1925 гг.). М., 1980.

⁴ Аксененко Н.Е., Лapidус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России: От реформы к реформе. М., 2001.

⁵ Сенин А.С. Реформа управления железнодорожным транспортом в 1922—1923 гг. // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 224—239.

⁶ Гельфанд Л.Б. Командный состав транспорта СССР. М., 1924. С. 7; Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 2; Напорко А.Г. Указ. соч. С. 100; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. М., 1921. С. 72. Нужно отметить, что часть мостов была восстановлена на временной основе. Но поддержание их в исправном состоянии было и технически трудно, и небезопасно в эксплуатационном отношении. Их предстояло капитально ремонтировать или заменять на новые. По предварительным данным речной флот потерял за период военных действий 763 парохода и теплохода, 12 599 непаровых судов. Было захваче-

но и уведено 326 морских судов. Выбыло из строя свыше 25 тыс. автомобилей. Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 2.

⁷ Советский транспорт 1917–1927. М., 1927. С. 160. Следует помнить, что тяжелое положение транспорта было связано и с громадным падением производства. По оценке К.Я. Загорского, в довоенный период основные капиталы (верхнее и нижнее строение полотна, мосты, виадуки, тоннели, депо, мастерские, вокзалы и т.п.) преобладали над оборотными (запасы материалов, топлива, запасных частей, тары, спецодежды и т.п.), которые составляли 5–6% от общей суммы железнодорожных капиталов. Загорский К.Я. Экономика транспорта. М., 1923. С. 77.

	1913	1920
Добыча угля	1 738 тыс. пудов	407 тыс. пудов
нефти	564 »	234 »
Выплавка чугуна	257 »	6 »
меди	2 »	0 »

См.: Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 3.

⁸ Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 9.

⁹ Строительная длина дорог Московского узла:

Наименование дороги	Строительная длина в верстах		
	1913 г.	Первая половина 1921 г.	В т.ч. с двойной колеей
Александровская	1069,2	1254,9	764,1
Московско-Балтийская (бывшая московская сеть Московско-Виндаво-Рыбинской)	1027,0	955,0	—
Московско-Казанская	2486,1	3870,6	188,2
Московско-Киево-Воронежская	2547,2	1626,1	485,6
Московско-Курская, Нижегородская, Муромская и Окружная	1162,1	1782,5	973,2
Северные	2985,6	3327,1	341,4

Источник: Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 1. Общие сведения по путям сообщения. М., 1921. С. 2–3.

¹⁰ Эти цифры взяты из статьи проф. А.Н. Фролова «Современное состояние и ближайшие перспективы железнодорожного транспорта», опубликованной в № 1 журнала «Экономист» за 1922 г. Фролов указывал также 5516 верст отошедших к Дальневосточной республике, но в 1922 г. она вновь вошла в состав РСФСР.

¹¹ Фролов А. Н. Указ. соч. С. 167.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 2. Д. 59. Л. 15.

¹³ Краткий очерк работы Московско-Киево-Воронежской железной дороги за X лет (1917–1927). Курск, 1927. С. 16.

¹⁴ Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта 1913–1925. М., 1925. С. 135. Вестник путей сообщения. 1922. № 16. С. 9.

¹⁵ Материалы по статистике путей сообщения. М., 1922. Вып. 19. 1922 календарный год. С. 2.

¹⁶ Краткий очерк работы Московско-Киево-Воронежской железной дороги за X лет (1917–1927). Курск, 1927. С. 18–19.

¹⁷ Материалы по статистике путей сообщения. М., 1924. Вып. 22. Техническое состояние транспорта на 1-е января 1923 г. С. IX. Даже к концу восстановительного периода преобладали рельсы легкого типа. На них приходилось 46% всей протяженности железных дорог страны. Орлов Б.П. Указ. соч. С. 63.

¹⁸ Инженеры путей сообщения. М., 2003. С. 37–38.

¹⁹ Сборник распоряжений по борьбе со снежными заносами в зиму 1921–1922 гг. М., 1923. С. 3–5. Правильное заполнение таблицы работавших и рациональное использование трудмобилизованных контролировалось органами ВЧК. Оплата труда производилась сразу после окончания работ дорожными мастерами, артельными старостами, начальниками участков и т.д.

²⁰ Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. М., 1922. С. 45.

²¹ Инженеры путей сообщения. М., 2003. С. 235.

²² Дзержинский Ф.Э. Доклад народного комиссара путей сообщения тов. Дзержинского на конференции Союза железнодорожников 3 декабря 1923 года. М., 1923. С. 14,15.

²³ Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 19. 1922 календарный год. С. 3.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 59. Л. 15об. В Российской империи и СССР до 1940 г. для соединения концов рельсов использовали рельсовые накладки так называемого фартучного типа с дырками для шести болтов. Краткий технический железнодорожный словарь. М., 1946. С. 288.

²⁵ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. М., 1979. С. 26.

²⁶ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 77.

²⁷ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 71; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 253. Л. 5об.

²⁸ Комитет государственных сооружений ВСНХ передал НКПС 4004 версты железных дорог, которые были не готовы к эксплуатации. При этом кредиты на достройку этих линий не передавались. Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 76; Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 140.

²⁹ Вестник путей сообщения. 1922. № 1. С. 15–16.

³⁰ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 74.

³¹ Центральные муниципальный архив г. Москвы (далее — ЦМАМ). Ф. 2210. Оп. 4. Д. 114. Л. 7; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 74.

³² Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 54.

³³ Согласно приказу № 1042, подписанному народным комиссаром путей сообщения Л.Д. Троцким 22 мая 1920 г., к 1 января 1921 г. намечалось сократить процент «больных» паровозов до 54, а к 1 января 1922 г. — до 39%. Усилиями ВСНХ и НКПС предполагалось восстановить паровозное хозяйство за 4,5 года. Для выполнения плана железнодорожным мастерским было передано 430 станков и машин, снятых с бездействовавших заводов. НКПС заказал в том же году еще 10 122 станка, но ни один из них поставлен не был. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 135–136.

³⁴ Ловцов Л.В. Указ. соч. С. 60.

³⁵ Приказ № 1042 был подписан наркомом путей сообщения Л.Д. Троцким в мае 1920 г. Усилиями ВСНХ и НКПС предполагалось восстановить паровозное хозяйство за 4,5 года. Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году: Материалы к докладу IX-му Съезду Советов. М., 1921. С. 77–81. Ремонт продолжался лишь на специально построенном ремонтном заводе в Подольске, с трудом выпускавшем до 10 паровозов в месяц.

³⁶ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 78, 83. В 1922 г. из-за отсутствия металла и запасных частей на отечественных заводах было отремонтировано лишь около 80 паровозов.

³⁷ Материалы по статистике путей сообщения. М., 1924. Вып. 22. Техническое состояние транспорта на 1-е января 1923 г. С. XIII–XV; Бюллетень НКПС. 1922. № 68. С. 4.

³⁸ Железнодорожный транспорт: XX век. М., 2001. С. 39.

³⁹ Сенин А.С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004. С. 377–378.

⁴⁰ Цит. по: Субоч Н.И. Горение // Электрическая и тепловозная тяга. 1987. № 9. С. 41.

⁴¹ Ломоносов Ю.В., Шветер Э. Проекты тепловозов, разработанных в 1921–1925 гг. в Германии для СССР. Берлин, 1926. С. 16–17.

⁴² Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 55; Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 38. Д. 220. Л. 1–6.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 144–145.

⁴⁴ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. М., 1977. Т. 1. С. 315. При строительстве тепловоза в России свою заинтересованность на разных стадиях проявили Госплан, ВСНХ и НКПС, партийные организации. А за границей все дело сведется к «интригам двух — Шелест Ломоносов», подчеркнул Дзержинский.

⁴⁵ Электрическая и тепловозная тяга. 1987. № 9. С. 42. Этот локомотив работал до 1954 г., пробежав около 1 млн км. К сожалению, он не сохранен.

⁴⁶ Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955). М., 1995. С. 352–364.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 59. Л. 33; Короткевич М. Проблема планомерного восстановления транспорта. С. 13, 14.

- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 59. Л. 33; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 1949. Л. 178; Оп. 38. Д. 201. Л. 1–9, 18, 43; Д. 179. Л. 8, 16. Короткевич М.А. Проблема планомерного восстановления транспорта. Б.м., б.г. С. 13, 14; Осокин Н.С. Восстановление железнодорожного транспорта в 1921–1925 гг. // Всесоюзный заочный институт инженеров железнодорожного транспорта: Сборник научных трудов. Вып. 81. Развитие железнодорожного транспорта СССР (1917–1975 гг.). М., 1976. С. 45.
- ⁴⁹ Вестник путей сообщения. 1922. № 1. С. 16; Хромов С.С. Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921–1926. М., 1977. С. 39. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 76. Л. 72об.
- ⁵⁰ Михайлов И.Д. Указ. соч. С. 136.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 61. Л. 13.
- ⁵² Мантейфель А.Н. Приемочная деятельность Миссии за границей. Берлин, 1923. С. 3–4.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 529. Л. 2.
- ⁵⁴ Иголкин А.А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 18–54; Фролов А.Н. Современное состояние и ближайшие перспективы железнодорожного транспорта // Экономист. 1922. № 1. С. 175.
- ⁵⁵ Цит. по: Иголкин А.А. Указ. соч. С. 47.
- ⁵⁶ Гудок. 2001. 27 февраля.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 76. Л. 67.
- ⁵⁹ Здесь и далее цитируется текст доклада. Л. 70–79.
- ⁶⁰ Деятельность русской железнодорожной миссии за границей. Берлин, 1921. С. 3.
- ⁶¹ Фролов А.Н. Указ. соч. С. 169, 170; Иголкин А.А. Указ. соч. С. 20.
- ⁶² Перевозка паровозов Э^ш и Э^ф из-за границы. Берлин, 1923. С. 6–16.
- ⁶³ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 14. Л. 194.
- ⁶⁴ В 1922 г. А.Н. Крылов возглавлял морской отдел железнодорожной миссии.
- ⁶⁵ Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 258.
- ⁶⁶ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 86–87.
- ⁶⁷ Там же. С. 96.
- ⁶⁸ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 89.
- ⁶⁹ Отчет по эксплуатации М.-Белорусско-Балтийской ж.д. за 1922/23 год. С. 53.
- ⁷⁰ Бюллетень НКПС. 1922. № 25. С. 1.
- ⁷¹ Общее соглашение было пересмотрено в 1923 г. VIII-м Техническим съездом. В результате 9 января 1924 г. И.Н. Борисов утвердил новое Соглашение между железными дорогами СССР о взаимном пользовании вагонами.
- ⁷² Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 10.
- ⁷³ Ильинский Д.П., Иваницкий В.Р. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. М., 1929. С. 136.
- ⁷⁴ Орлов Б.П. Указ. соч. С. 64.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 76. Л. 73. Емкость заказанных цистерн — 38 тонн. Помимо этого на 600 тыс. руб. золотом были заказаны запасные части к этим цистернам.

⁷⁶ Железные дороги России. История и современность в фотодокументах. СПб., 1996. С. 127.

⁷⁷ Железнодорожный и водный транспорт в 1921—1922 гг. (Отчет НКПС ко 2-му Всероссийскому съезду объединенного союза работников железнодорожного и водного транспорта). М., 1922. С. 41, 43 и др.

⁷⁸ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 93.

⁷⁹ 28 января 1922 г. малая коллегия НКПС приняла постановление о срочной достройке Можережа ввиду значительного количества паровозов, нуждавшихся в ремонте (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 253. Л. 13).

⁸⁰ Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 10.

⁸¹ Бандаж — стальное съемное кольцо специального профиля, надеваемое на обод колесного центра. Поверхность катания его имеет коническую форму и снабжена гребнем, расположенным с внутренней стороны рельса, который препятствует сходу колеса с рельса.

⁸² Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 83.

⁸³ Бюллетень НКПС. 1921. № 218. С. 4.

⁸⁴ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 63—64.

⁸⁵ Бюллетень НКПС. 1921. № 45. С. 2; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 94.

⁸⁶ Железнодорожный и водный транспорт в 1921—1922 гг. С. 41—42.

⁸⁷ Там же. С. 137; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 61. Л. 13.

⁸⁸ Бюллетень НКПС. 1921. № 56. С. 4.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 251. Л. 8.

⁹⁰ Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта. С. 128.

⁹¹ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 84.

⁹² В 1920 г. из-за нехватки топлива не работало от 300 до 500 паровозов ежемесячно.

⁹³ Фомин В.В. Пятилетие советского транспорта. 1917—1922 гг. и его ближайшие перспективы. М., 1922. С. 36.

⁹⁴ Советский транспорт 1917—1927. С. 79—80.

⁹⁵ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 38.

⁹⁶ Там же. С. 127.

⁹⁷ В 1921 г. этот показатель был равен 3,3 куб. саж. Для сравнения: в 1913 г. на 100 паровозо-верст расходовали 1,27 куб. саж.

⁹⁸ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 120.

⁹⁹ Дзержинский Ф.Э. Доклад народного комиссара путей сообщения тов. Дзержинского на конференции Союза железнодорожников 3 декабря 1923 года. С. 11.

¹⁰⁰ Советский транспорт 1917—1927. С. 73.

¹⁰¹ Там же. С. 74.

¹⁰² Михайлов И.Д. Указ. соч. С. 127. Пришлось прибегнуть к заказам необходимых материалов и оборудования за границей. Так, для Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги в 1921 г. предполага-

лось заказать инструментальную сталь, цинк, олово, слесарные напильники, железные винты и т.п. (ЦМАМ. Ф. 2045. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–3).

¹⁰³ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 124.

¹⁰⁴ Советский транспорт 1917–1927. С. 74–75.

¹⁰⁵ Вестник путей сообщения. 1922. № 3. С. 37.

¹⁰⁶ Там же. С. 29. СТО утвердило товарищество 23 июня 1922 г.

¹⁰⁷ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 126.

¹⁰⁸ Советский транспорт 1917–1927. С. 75–76.

¹⁰⁹ Железнодорожный транспорт в восстановительный период.

С. 53. О значительном снижении запасов материалов и топлива свидетельствует тот факт, что в начале 1922 г. запас дорог I категории оценивался в 1000 довоенных руб., II категории — в 750 руб., а III категории — в 500 руб. Коллегия НКПС была вынуждена обратиться в Госплан и Наркомфин с просьбой выделить НКПС 74 млрд руб. на образование оборотного капитала дорог. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 252. Л. 53.

¹¹⁰ Бюллетень НКПС. 1921. № 179. С. 2–3; № 224. С. 1–2.

¹¹¹ Там же. № 224. С. 2.

¹¹² См.: Сенин А.С. Московский железнодорожный узел... С. 393–394.

¹¹³ Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 136.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 64. Л. 2.

¹¹⁵ Ловцов Л.В. КПСС в борьбе за восстановление и развитие железнодорожного транспорта (1921–1925). М., 1980. С. 48.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 251. Л. 2–2об.

¹¹⁷ Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 9.

¹¹⁸ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 36. Д. 3850. Л. 1–6.

¹¹⁹ СУ. 1922. № 6. Ст. 70.

¹²⁰ Орлов Б.П. Указ. соч. С. 53. Принципы материальной ответственности использовались при перевозках грузов за границу. С 1 апреля 1921 г. вступила в силу конвенция, заключенная между РСФСР и Латвией, согласно которой вагоны передаются в Латвию и принимаются от нее на срочный возврат в течение месяца. Вагон должен в этот срок вернуться на дорогу, сдавшую его под экспортные грузы. За просрочку был установлен штраф золотом.

¹²¹ Вестник путей сообщения. 1922. № 6. С. 6–8. Конвенция о международной перевозке грузов была заключена в Берне в 1890 г. Россия на следующий год присоединилась к ней. По Бернской конвенции устанавливалась обязанность железных дорог каждого государства производить прямые перевозки до станций соответствующих железных дорог всех государств, подписавших эту конвенцию. Загорский К.Я. Экономика транспорта. М., 1923. С. 115.

¹²² Михайлов И.Д. Справочник по транспорту. М., 1923. С. 4; Манос И.Я., Фролов А.Н. Общий курс эксплуатации железных дорог. Ч. 1. М.; Л., 1926. С. 10. «Издание Устава, — отмечал “Вестник путей сообщения”, — должно быть сопряжено с работой, постоянной и упорной — внедрения в плоть и кровь железнодорожников его смысла и с прове-

дением линии сотрудничества с грузохозяевами, дававшей такие благотворные результаты при действии Общего Устава 1885 г.» (Вестник путей сообщения. 1922. № 5. С. 7).

¹²³ Енишерлов Н.М., Коренев П.П., Малченко В.С. Постатейный комментарий к Уставу железных дорог СССР. М., 1923. С. 7.

¹²⁴ Там же. С. 11–12, 39–47; СУ. 1922. № 38. Ст. 445. В дополнение к Уставу в 1922 г. были изданы: Правила перевозки по железным дорогам пассажирами при себе ручной клади; Правила перевозки багажа; Правила перевозки собак, птиц и мелких животных, в качестве багажа, с пассажирскими поездами; Правила производства складочных операций по хранению грузов, предназначенных к отправлению; Правила перевозки по железным дорогам грузов в навалку; Положение о коммерческих агентствах железных дорог; Правила о наложенных платежах; О нормальных размерах убыли в весе грузов при перевозке их по железным дорогам и водным путям; Правила составления актов и проверки перевозимых по железным дорогам грузов; Правила о сроках доставки по железным дорогам грузов, перевозимых малой скоростью и другие (Михайлов И.Д. Указ. соч. С. 77–87, 94–96, 106–110, 120–134, 149–161 и др.).

¹²⁵ С переходом к нэпу Советское правительство приступило к денежной реформе. В ходе первой деноминации был выпущен денежный знак — рубль 1922 г., который был приравнен к 10 000 руб. старого образца. В результате различные денежные знаки, находившиеся в обращении, были заменены денежными знаками одного образца (Каменцева Е.И. Историческая метрология. М., 1978. С. 53).

¹²⁶ Первоначальная тарифная ставка в довоенных копейках умножалась на число, которое и получило название тарифного коэффициента.

¹²⁷ Екатерининская железная дорога установила местные тарифы за пользование водой, электроэнергией, мотодрезиной, телефоном, протекционными теплушками. Были введены мостовой и перронный сборы (Вестник путей сообщения. 1922. № 2. С. 19).

¹²⁸ Бюллетень НКПС. 1922. № 40. С. 7.

¹²⁹ Сборник распоряжений по связи и электротехнике на транспорте. М., 1922. С. 40–41.

¹³⁰ Бюллетень НКПС. 1922. № 54. С. 8.

¹³¹ Там же. № 78. С. 7.

¹³² Вестник путей сообщения. 1922. № 3. С. 29. В то же время на заседании Тарифного комитета 26 июня 1922 г. был снижен на 15% тариф на перевозку грузов направляемых на Нижегородскую ярмарку (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 80. Л. 6).

¹³³ Вестник путей сообщения. 1922. № 4. С. 17. Кстати, «Бюллетень НКПС» с 14 февраля 1922 г. доставлялся только за плату.

¹³⁴ Вестник путей сообщения. 1922. № 4. С. 31.

¹³⁵ Сборник правил, инструкций и распоряжений по контролю поездов. М., 1922. С. 199.

¹³⁶ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1. С. 237.

¹³⁷ Вестник путей сообщения. 1922. № 19. С. 10.

¹³⁸ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 1975. Л. 14.

¹³⁹ «Основные положения» отменяли «Правила постепенности отправления по железным дорогам грузов малой скорости», утвержденные 17 июля 1920 г.

¹⁴⁰ Итоги Последгол (с 15/X—1922 г. — 1/VIII—1923 г.). М., 1923. С. 15.

¹⁴¹ Ловцов Л.В. Указ. соч. С. 84.

¹⁴² Гудок. 1921. 6 сентября.

¹⁴³ Вестник путей сообщения. 1922. № 4. С. 20; № 7. С. 18; Железнодорожный и водный транспорт в 1921—1922 гг. С. 37.

¹⁴⁴ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 3. Д. 124. Л. 179.

¹⁴⁵ Итоги Последгол (с 15/X—1922 г. — 1/VIII—1923 г.). С. 16.

¹⁴⁶ Там же. С. 15; Осокин Н.С. Восстановление железнодорожного транспорта в 1921—1925 гг. // Всесоюзный заочный институт инженеров железнодорожного транспорта: Сб. науч. трудов. Вып. 81. Развитие железнодорожного транспорта СССР (1917—1975 гг.). М., 1976. С. 45.

¹⁴⁷ Итоги Последгол (с 15/X—1922 — 1/VIII—1923 г.). С. 17.

¹⁴⁸ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 69.

¹⁴⁹ Там же. С. 61, 64; Сборник правил, инструкций и распоряжений по контролю поездов. М., 1922. С. 144—145; Итоги Последгол (с 15/X—1922 — 1/VIII—1923 г.). С. 17, 82. Центральный комитет по ликвидации последствий голода действовал с 15 октября 1922 по 1 августа 1923 г.

¹⁵⁰ Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 19. 1922 календарный год. С. XVII.

¹⁵¹ Фролов А.Н. Современное состояние и ближайшие перспективы железнодорожного транспорта // Экономист. 1922. № 1. С. 177—178.

¹⁵² Вестник путей сообщения. 1922. № 9. С. 18.

¹⁵³ Там же. № 3. С. 17; № 4. С. 19; № 9. С. 24—25.

¹⁵⁴ Там же. № 7. С. 22—23; № 10. С. 16.

¹⁵⁵ Там же. № 4. С. 21.

¹⁵⁶ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 65—66.

¹⁵⁷ Распределялись вагоны пассажирского парка так (на 1 июня 1921 г.): в пассажирских поездах 5591 вагон, в санитарных поездах и их резерве — 3242, занято под жилье и склады — 1396, занято в спецпоездах (в основном военного ведомства) — 2036, под протекционные поезда — 1258, для администрации дорог — 1288, в агитационно-просветительных поездах — 108, находилось в ремонте или ожидало его — 10 172. См.: Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 105—107, 112, 114; Бюллетень НКПС. 1921. № 157. С. 8.

¹⁵⁸ Бюллетень НКПС. 1921. № 131. С. 1.

¹⁵⁹ Там же. № 121. С. 2. За 1921 г. Высший совет по перевозкам сократил парк протекционных вагонов на 526 классных вагонов и 414 теплушек.

¹⁶⁰ Вестник путей сообщения. 1922. № 8. С. 39.

¹⁶¹ Там же. № 1. С. 16.

¹⁶² Сборник правил, инструкций и распоряжений по контролю поездов. М., 1922. С. 63—64, 74—75.

- ¹⁶³ Сенин А. С. Указ. соч. С. 390–391.
¹⁶⁴ Бюллетень НКПС. 1921. № 19. С. 3.
¹⁶⁵ Там же. № 126. С. 4–5; № 176. С. 3.
¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 251. Л. 2–2об.
¹⁶⁷ Бюллетень НКПС. 1922. № 111. С. 3; ЦМAM. Ф. 2804. Оп. 1. Д. 137. Л. 242.
¹⁶⁸ Транспортный отдел Государственного политического управления.
¹⁶⁹ ЦМAM. Ф. 2804. Оп. 1. Д. 302. Л. 24об.
¹⁷⁰ Бюллетень НКПС. 1921. № 176. С. 4.
¹⁷¹ ЦМAM. Ф. 2210. Оп. 4. Д. 93. Л. 22.

Статистика происшествий на Московско-Казанской железной дороге

Характер происшествия	1920	1921
Столкновения	106	102
Сходы	236	171
Разрывы поездов	122	166
Пожары в поездах	136	108
Пожары в железнодорожных зданиях	82	99
Наезды на скот	14	8
Наезды на вozy, телеги, дрезины	15	52
Повреждения полотна дороги и сооружений	—	7
Прочие случаи (поломки осей и бандажей, взрывы паровозных котлов, угон вагонов ветром и т.п.)	209	205

Источник: ЦМAM. Ф. 2210. Оп. 4. Д. 114. Л. 77.

¹⁷² Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 9. Труд и быт работников транспорта в 1921 г. М., 1922. С. 56–60. Любопытно, что за преступления против государственного строя и порядка управления не было привлечено ни одного представителя других политических партий кроме РКП. У коммунистов этот процент соответственно по этим двум группам преступлений составлял от общего числа осужденных 7,95 и 6,49. По социальному положению до Октябрьской революции почти половина осужденных принадлежала к рабочим и ремесленникам и еще 3% — к земледельцам, не использовавшим наемный труд.

¹⁷³ Сборник правил, инструкций и распоряжений по контролю поездов. М., 1922. С. 130–131. На размер выплаты влияла стоимость похищенного. 30% выплачивали если стоимость не превышала 1 млн руб., 20% при стоимости похищенного от 1 до 10 млн руб. и 10% если стоимость превышала 10 млн руб.

¹⁷⁴ Бюллетень НКПС. 1922. № 61. С. 2.

¹⁷⁵ Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 19. С. LXIII–LIX.

- ¹⁷⁶ Там же. С. LX–LXIII.
- ¹⁷⁷ Дзержинский Ф.Э. Государственная безопасность. М., 2008. С. 135–137.
- ¹⁷⁸ Вестник путей сообщения. 1922. № 4. С. 33.
- ¹⁷⁹ Дзержинский Ф.Э. Государственная безопасность. С. 137–140.
- ¹⁸⁰ Вестник путей сообщения. 1922. № 18. С. 26.
- ¹⁸¹ Там же. № 25. С. 23.
- ¹⁸² Там же. № 15. С. 15; № 20. С. 35; № 24. С. 23.
- ¹⁸³ Там же. № 20. С. 35.
- ¹⁸⁴ Доброфлот в городах Украины владел собственными транспортно-гужевыми средствами и заключал договора с железными дорогами на перевозку грузов.
- ¹⁸⁵ Вестник путей сообщения. 1922. № 18. С. 26; № 24. С. 23; № 25. С. 23.
- ¹⁸⁶ Там же. № 23. С. 28; Сенин А.С. Указ. соч. С. 362.
- ¹⁸⁷ Там же. № 29. С. 21–22; Бюллетень НКПС. 1922. № 111. С. 3.
- ¹⁸⁸ Вестник путей сообщения. 1922. № 20. С. 36.
- ¹⁸⁹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 60. Д. 19. Л. 2об.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 13, 17, 20.
- ¹⁹¹ Дзержинский Ф.Э. Доклад народного комиссара путей сообщения тов. Дзержинского 18 сентября 1923 года на собрании коммунистов жел. дор. Москвы. М., 1923. С. 3–4.

Частный сектор экономики СССР

В.А. Осипов*

Частная хозяйственная деятельность в зеркале советской статистики

Исчисление расходов по классам и сравнение их, показало бы, в какой мере одни живут за счет других...

Изучение класса бедных, пролетариев, нищих укажет на путь к социальным истинам.

Д.П. Журавский¹

С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас...

В.И. Ленин

29 октября 1921 г.²

В условиях мирового экономического кризиса развитие малого и среднего предпринимательства является одной из наиболее актуальных проблем. Не случайно жалобы малого бизнеса на непосильный «административный пресс» нашли полное понимание у Президента России Д.А. Медведева. Проблема «пресса» далеко не нова. Если опыт зарубежных стран широко пропагандируется, опыт царской России известен, то сама постановка вопроса о регулировании частной экономической инициативы в советский период вызывает недоумение. Между тем экономика России никогда не была однородной. Попытка сделать ее таковой потерпела очевидное фиаско, о чем можно прочесть в любом учебнике. Чего мы там не найдем, так это роли простого советского «частника» в борьбе за, как сейчас принято говорить, «рыночные реформы».

Частная индивидуальная инициатива в экономике и сегодня не стоит в центре внимания ученых. Даже в изучении такой, казалось бы, важнейшей сферы применения индивидуального труда, как личные подсобные хозяйства, «...многие проблемы остаются слабо разработанными и дискуссионными. Так

* Осипов Виктор Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент (Кузбасский институт экономики и права, г. Кемерово).

по-прежнему недостаточно развит институциональный анализ отношений в личных подсобных хозяйствах, мало изучены проблемы модификации отношений... Требуется новый концептуальный подход к анализу места личных подсобных хозяйств в системе изменяющихся отношений»³.

Нельзя сказать, что проблема частной инициативы в социалистической экономике совершенно была обойдена вниманием исследователей. В советское время, при огромном общественном интересе, (блестящие киноленты: «Берегись автомобиля!», «Бриллиантовая рука» и др.) экономисты, а тем более историки, проблемой не занимались. Советские правоведы так и не смогли выйти за рамки «пережитков проклятого прошлого» — «частно-собственнических инстинктов» в сознании «некоторой отсталой части советских людей». Частная инициатива в потребительском секторе рассматривалась исключительно как спекуляция⁴. В официальных документах фигурировал термин «спекулянт-перекупщик». В целом, картина, подмеченная еще Д.П. Журавским: «официальные сочинения о России — это своды множества погрешностей и неверностей всякого рода», в советское время лишь усугубилась.

Активно занимались изучением проблемы советологи. С одной стороны, они стремились развенчать миф об однородности советской экономики, с другой — испытывая недостаток в источниках, не могли объективно оценить экономические процессы в СССР.

В годы перестройки мы наблюдали всплеск публицистического интереса к теме «теневой» экономики. Сегодня «теневые» проявления советской экономики изучаются преимущественно в рамках экономической социологии⁵. На наш взгляд, одной из основных причин такого положения является отсутствие более или менее полного представления об источниковой базе изучения частной экономической инициативы в СССР.

В научной литературе, для обозначения различных форм негосударственной легальной и (в основном) нелегальной экономической деятельности в СССР, используется множество терминов: «черный рынок», «вторая экономика», «теневая экономика» и др. Сложность изучаемых процессов (в значительной степени «теневых») предопределяет многообразие подходов. Одни дефиниции отражают политическое отношение к изучаемому предмету, другие объясняются историческими условиями появления, иные родились под влиянием распространенных научных концепций. Мы предлагаем для анализа целого ряда явлений экономики СССР понятие «частная хозяйственная

деятельность», как наиболее отвечающее сути явления и отражающее его содержание.

Под *частной хозяйственной деятельностью* (далее — ЧХД) мы понимаем индивидуальную инициативную деятельность граждан по производству, распределению товаров, оказанию услуг, осуществлению торговых и посреднических операций⁶.

Определение, близкое к ЧХД, (как индивидуальной трудовой деятельности — ИТД) впервые было дано в ст. 1 Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» как «общественно полезной деятельности граждан по производству товаров и оказанию платных услуг, не связанной с их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными, другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, а также с внутриколхозными трудовыми отношениями»⁷.

Понятие ЧХД несколько шире понятия ИТД. В отличие от ИТД ЧХД могла осуществляться как в рамках закона, так и за его пределами, существовать как в легальном, так и в «теневом» секторах экономики. Важнейшим элементом ЧХД было то, что субъекты этой деятельности — «частники» самостоятельно индивидуально на свой риск и под свою ответственность вели экономическую деятельность. В этом смысле понятие ЧХД близко понятию «предпринимательство».

Советская экономика сохраняла товарно-денежные отношения, в потребительском секторе существовал огромный неудовлетворенный спрос, который неизбежно должен был рождать предложение. Однако ни Госплан, ни Госснаб ничего предложить не могли, и этот дефицит, как могли, в основном за рамками закона, удовлетворяли частники, которых ЦСУ вынуждено было учитывать в официальной статистике. В отечественной историко-экономической литературе нет удовлетворительного анализа данного явления, указаны лишь «специфические хозяйственные типы», которые выполняли необходимую в любом обществе предпринимательскую функцию⁸.

ЧХД не появилась в СССР, а была традиционна для России, всегда существовала и существует до сих пор. Эффективной политики ее стимулирования Россия не знала. Опыт XX в. в этом смысле отрицательный, большевики боролись с частной инициативой как с основой возрождения капитализма. «Сухаревка закрыта, — писал В.И. Ленин, — но страшна не та сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывшая сухаревка на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно. Страшна сухаревка, которая живет в душе и действия каждого мелкого хозяина. Эту сухаревку надо закрыть. Эта сухаревка есть основа капитализма»⁹.

Мы не будем останавливаться на периодах нэпа и перестройки, они достаточно описаны в литературе. Наиболее интересен практически не изученный период с начала 1930-х до конца 1980-х гг. Тотальное огосударствление экономики не смогло полностью уничтожить несоциалистические формы хозяйствования. В стране продолжал существовать значительный негосударственный сектор, включавший в себя: колхозы, промышленную и потребительскую кооперацию, частную хозяйственную деятельность. Декларируемое господство «социалистических форм собственности» в СССР с присущими им дефектами, не только не исключало, а в значительной степени предполагало наличие в потребительском секторе постоянно растущей ЧХД, которая была неизбежным следствием сохранения товарно-денежных отношений.

Советское государство, с одной стороны, вынужденно допускало рынок, предоставляя некоторую свободу ЧХД; с другой стороны, деформировало его, максимально ограничивая частную инициативу, никогда, однако ее не уничтожая. Марксистско-ленинская политэкономия признавала элементами социалистического хозяйства деньги и торговлю, колхозный рынок, деятельность некооперированных кустарей и ремесленников.

С одной стороны, доказывалась необходимость товарно-денежных отношений при социализме, с другой — подчеркивалось, что социалистическая экономика имеет иную природу, чем рыночная. Товарный дефицит не рассматривался как хронический спутник и родовой признак социалистической системы хозяйства. Речь шла лишь только о «временном недостатке» товаров и продовольствия, причем это считалось следствием их неправильного распределения («неразворотливости торговли», «отдельных упущений» или вредительства) и объяснялось ростом денежных доходов населения, военными трудностями или засухой.

С установлением господства планового хозяйства и «ликвидацией частника» проблема частного сектора для ученых перестала существовать. Как отмечает Е.А. Осокина, понимание рынка было ограниченным. Рынок, который советская историография допускала в политэкономии социализма, являлся социалистическим, то есть основанным на общественной собственности. Официальная политэкономия не видела, что частный рынок, частное предпринимательство, пусть в ограниченных и в значительной степени извращенных формах, являлись неотъемлемой частью социалистической экономики. Вместо частной собственности для социализма было изобретено понятие личной собственности.

По советской терминологии в категорию «черного рынка» попадали все рыночные отношения, которые не входили в разрешенную законом сферу законного социалистического рынка. В экономической литературе советского времени не было единства в отношении проблемы не обобществленного производства при социализме. Многими исследователями личная собственность и основывающееся на ней не обобществленное производство изображались как чужеродные для социалистической экономики элементы, которые необходимо было быстрее ликвидировать. В лучшем случае, изучение их сущности и роли в условиях социализма ограничивалось преимущественно отношениями распределения и потребления¹⁰.

Лишь немногие авторы утверждали, что в экономической системе социализма с целью более полной реализации ее возможностей и преимуществ под контролем и руководством общества необходимо широко использовать и ресурсы не обобществленного производства, базирующегося на личной собственности и личном труде граждан. Имелись в виду личное подсобное и домашнее хозяйство трудящихся, народные промыслы, индивидуальное и кооперативное жилищное строительство и садоводство, другие виды деятельности.

Признавалось, что социалистические производственные отношения не в состоянии сразу охватить всю совокупность отношений и все формы производства. В силу этого, социалистические производственные отношения должны были включать в себя через соответствующие экономические переходные формы менее зрелые отношения и формы производства с целью их подчинения интересам социалистического общества¹¹.

Необходимость использования экономических переходных форм обуславливалась и тем, что в конкретных условиях каждого этапа развития необходимо учитывать специфику экономического положения и интересов определенных классов, политических сил и групп с целью облегчения их перехода к социалистическим формам развития, а также потребностью обеспечить наиболее эффективное использование всех резервов, возможностей и преимуществ социализма.

«Теневые» стороны советской экономики изучены историками не более чем по конец 1930-х гг.¹² Среди работ ученых, занимающихся послевоенной историей советской экономики, следует выделить исследования И.А. Чуднова¹³. На многие вопросы исследователей могли бы ответить материалы правоохранительных и судебных органов, но их архивные фонды до сих пор в значительной степени недоступны.

В СССР в 1970-е гг. тема теневой экономики затрагивалась в расчетах на отраслевом уровне в Научно-исследовательском технoхимическом институте бытового обслуживания (НИИТХИБ) Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. В начале 1980-х гг. эти исследования были продолжены в НИИ при Госплане СССР. В публикациях этих институтов мы находим анализ положения дел в отраслях, связанных с обеспечением населения, материалы обследования граждан по вопросу о пользовании услугами частных лиц¹⁴. В 1970-е гг. западные советологи на основе анкетирования советских мигрантов в Израиле изучали доходы советских домохозяйств (Гур Офер и Аарон Винокур, Гроссман и Тремл), однако данные исследования нерепрезентативны и вряд ли могут дать объективную картину¹⁵.

Наша работа призвана восполнить имеющийся в литературе дефицит научного знания по ЧХД в социалистической системе хозяйства. Для этого необходимо ввести в научный оборот и проанализировать широкий круг источников по истории ЧХД в СССР. Одним из основных источников по развитию ЧХД являются данные советской бюджетной статистики. ЦСУ СССР, РСФСР и других союзных республик регулярно обследовали бюджеты расходов рабочих промышленности, совхозов, колхозников, а также учителей, врачей и других категорий граждан на предмет покупки продовольственных и непродовольственных промышленных товаров, а также расходов на услуги по пошиву и ремонту одежды и обуви и др.

Бюджетные исследования имеют длительную историю, начавшуюся в Великобритании. В середине XIX в. в России бюджетами занимался видный статистик Д.П. Журавский, затем — земцы. Бюджетные обследования рабочих и служащих в России начали проводить после революции 1905—1907 гг. До 1917 г. шесть единовременных обследований было проведено в Петербурге, Киеве, Баку и Московской губернии и собрано 4,5 тыс. бюджетов рабочих и служащих. Начало бюджетных обследований рабочих и служащих после Октябрьской социалистической революции относится к 1918 г. (первое из них организовано в Петрограде С.Г. Струмилиным).

Регулярные бюджетные обследования в течение 1—2 месяцев в году, охватывавшие примерно 3 тыс. семей рабочих (известные как обследования «ноябрьских» бюджетов), были организованы в СССР с 1922 г., а круглогодичные — с 1925 г. В эти годы разработаны методы выборки семей, программы обследования, отражающие особенности формирования жизненного уровня трудящихся в социалистическом государстве; была создана сис-

тема классификации доходов и расходов семьи и применены группировки бюджетных данных по отдельным социально-экономическим признакам.

С 1929 г. все работы по бюджетным обследованиям были сосредоточены в ЦСУ, единовременные бюджетные обследования заменены обследованиями в течение всего года. С 1931 г. бюджетные обследования рабочих промышленности были распространены на всю территорию страны. Объем выборки составил около 5 тыс. бюджетов. С 1934 г. ЦСУ обследует также бюджеты ИТР и служащих. В предвоенные годы в СССР ежегодно обследовалось в общей сложности почти 20 тыс. бюджетов, в том числе около 12 тыс. бюджетов рабочих промышленности. В годы войны обследования велись по сокращенной программе.

Бюджетные обследования крестьян проводились с 1919 г. В начале 1930-х гг., после коллективизации, ЦСУ СССР внесло изменения в программы семейных бюджетов, обследований и их разработки. В 1932 г. в стране обследовалось 6,5 тыс. бюджетов, в 1938 г. — 17 тыс., а в 1940 г. — более 21 тыс. В 1968 г. ЦСУ СССР расширило программы бюджетных обследований и перешло их разработку на ЭВМ.

Информацию о семейных бюджетах получали путем опроса членов обследуемых семей и использования их записей о доходах, расходах и потреблении, что обеспечивало полноту и достоверность сведений.

Теоретической основой бюджетных обследований являлся выборочный метод, посредством которого из генеральной совокупности выделялось такое количество семей (выборка), в результате обследования которых получались репрезентативные данные семейных бюджетов. Мерой репрезентативности является отношение средних показателей, характеризующих выборочные данные, к соответствующим средним показателям генеральной совокупности. Для бюджетных обследований отбирались различные по своему жизненному уровню типы семей.

Чтобы данные отражали действительную динамику уровня благосостояния различных общественных групп населения с учетом экономических и природно-климатических условий и национальных особенностей, а также факторов социально-экономического порядка, обследования проводились систематически в течение одного года или ряда лет в одних и тех же семьях. Единство программ обследования позволяло не только получить статистические сведения о жизненном уровне семей по общественным группам, но и сделать сопоставление этих уровней.

Наряду с систематическими бюджетными обследованиями ЦСУ СССР проводило единовременные крупные обследования доходов населения по специальным программам. В начале 1950-х гг. ЦСУ СССР и республиканские статистические органы расширили сбор и обработку статистической информации о бюджетах семей рабочих, ИТР, колхозников и других групп населения. В аналитические записки и другие материалы ЦСУ был введен специальный раздел о покупках населением непродовольственных промышленных товаров у частных лиц и о расходах на пошив и ремонт одежды и обуви у «частников». Важнейшие результаты обследований и свои предложения руководство ЦСУ представляло в Совет министров СССР и в ЦК КПСС¹⁶.

Обследования проводились: в 1953 г. ЦСУ СССР по 670 бюджетам рабочих, в 1955 г. — по 14,8 тыс. бюджетов семей рабочих и 29 тыс. семей колхозников, а в 1959 г. — по бюджетам 25,2 тыс. семей, в том числе: 10,1 тыс. семей рабочих отраслей промышленности, 0,7 тыс. постоянных рабочих совхозов, 11,3 тыс. семей колхозников и 3,1 тыс. семей ИТР и служащих¹⁷.

В 1955 г. ЦСУ СССР проведено специальное обследование покупок продовольственных товаров у частных лиц по бюджетам 945 семей колхозников в 13 республиках, краях и областях. Данные ЦСУ РСФСР 1959 г показали, что из общего числа опрошенных семей 85% семей рабочих промышленности, 86% рабочих совхозов, 78% ИТР и служащих и 63% семей колхозников обращались к услугам частных лиц¹⁸.

В первом полугодии 1963 г. ЦСУ РСФСР с целью изучения размеров покупок и денежных расходов на непродовольственные промышленные товары, пошив и ремонт одежды и обуви у частных лиц провело специальное обследование среди городского и сельского населения. Обследованием было охвачено 10 тыс. семей рабочих промышленности, 0,8 тыс. семей рабочих совхозов, 3 тыс. семей ИТР и служащих и 12,1 тыс. семей колхозников¹⁹.

В 1965 г. обследовалось 16,6 тыс. семейных бюджетов, в 1970 г. уже 19 тыс. В 1972 и 1974 гг. ЦСУ СССР обследовало уже 62 тыс. семейных бюджетов рабочих, служащих и колхозников во всех союзных республиках²⁰. Репрезентативность и количественный охват обследованиями постоянно росли и к второй половине 1970-х гг. достигали около 100 тыс. человек.

Применявшиеся критерии отбора обследуемых (по уровню квалификации, возрастному составу семей, их месту жительства в различных промышленных регионах страны и др.) обеспечи-

вали довольно высокую представительность данных²¹. Достоверность статистических показателей советской экономики является отдельной сложной проблемой. Принято считать, что официальная советская статистика «лакировала» действительность и скрывала проблемы. Отношение к статистическим сборникам, публиковавшимся с середины 1950-х гг., даже в отечественной литературе было осторожным. Их данные нередко рассматривали «с приближением»²². Уже в годы перестройки Г.И. Ханин отметил, что «в течение многих десятилетий приходилось управлять экономикой в условиях, когда многие показатели, ее характеризующие, оценивались нашей статистикой грубо ошибочно»²³.

Тем не менее, за неимением других данных, исследователи, как отечественные, так и западные, пользовались материалами официальной статистики. «Я сознаю элемент угадывания в величинах и достоверности данных советского экономического роста, — отмечал В. Каткофф. — Но много легче анализировать советскую статистику, чем множество независимых источников, каждый различный качественно и количественно»²⁴. Данные общих бюджетных и специальных обследований населения на предмет покупок у частных также должны восприниматься критически. Советские статистические, финансовые и контролирующие органы сами признавали приблизительность своих расчетов по частнику. Тем не менее разработка бюджетов населения и использование аналитических данных позволяют показать:

- удельный вес частника в обеспечении населения промышленными товарами (в том числе импортными);
- место частника на продовольственном рынке;
- уровень доходов частных (в терминологии документов «перекупщиков-спекулянтов», «отдельных граждан» или «частных лиц»);
- структуру покупок промышленных товаров у частных;
- региональные различия развития ЧХД в СССР;
- причины обращения населения к услугам частных лиц.

С начала 1930-х гг., с возрождения (1932 г.) торговли на рынках, статорганы оценивали долю колхозного рынка в обеспечении населения страны продуктами питания, а также фиксировали свободные рыночные цены. Статданные 1933–1934 гг. иллюстрируют место рыночной торговли в обеспечении населения.

Безусловно, коллективизация сельского хозяйства и создание государственной централизованной системы снабжения населения привели к тому, что торговля мукой, хлебом, сахаром,

солью, чаем, маргарином, кондитерскими изделиями и другими продуктами оказались почти полностью в руках государства. В то же время, такие важные для повседневного питания населения тех лет продукты, как картофель, молоко, яйца, сало, мясо, масло коровье и растительное, овощи, фрукты и ягоды, бахчевые продукты в значительной степени поставлял именно рынок.

Таблица 1

Удельный вес рынка в денежном приобретении продуктов домашнего питания (все производства), в % по количеству (в целом по СССР)

Наименование продуктов	Год	
	1933	1934
	обследовано хозяйств	
	9021	8933
Мука ржаная	18	11
Пшеничная	10	14
Хлеб ржаной	1,9	0,9
Пшеничный	0,9	0,6
Крупа всякая	24	33
Прочие хлебные продукты	23	13
Картофель	26	35
Овощи	22	26
Бахчевые продукты	34	41
Фрукты и ягоды	41	49
Мясо	20	24
Сало	80	69
Рыба	6,6	9,0
Молоко	58	64
Масло коровье	28	26
Прочие молочные продукты	23	31
Яйца	71	86
Масло растительное	33	65
Маргарин	3,2	5,0
Сахар	2,0	1,6
Соль	2,5	2,0
Чай	3,5	6,0
Кондитерские изделия	3,3	2,6

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 773а. Л. 27.

Успехи в развитии рыночной торговли всегда связывались с успехами колхозного строя. Советская историческая наука доказывала, что колхозный рынок периода социализма коренным образом отличался от крестьянского рынка нэпа.

Таблица 2

**Удельный вес покупки продуктов питания в госторговле
и на колхозном рынке по СССР за 1937–1940 гг.
(в % ко всем покупкам по количеству)**

Наименование продуктов	В госторговле и кооперации				На колхозном рынке			
	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Мука ржаная	65,2	41,6	49,5	33,6	34,8	58,4	50,5	66,4
Пшеничная	81,8	74,1	85,5	76,7	18,2	25,9	14,5	23,3
Хлеб ржаной	100	100	100	100	0	0	0	0
Пшеничный	100	100	100	100	0	0	0	0
Крупа и бо- бовые	89,4	79,3	90,1	87,0	10,6	20,7	9,9	13,0
Макароны, вермишель и проч. хлеб. продукты	99,1	99,0	100	100	0,9	1,0	0	0
Картофель	72,0	66,6	67,4	60,1	28,0	33,4	32,6	39,9
Овощи (включая овощные консервы)	71,1	67,9	62,8	68,6	28,9	32,1	37,2	31,4
Бахчевые (арбузы, дыня, тыква)	70,0	66,5	65,1	73,2	30,0	33,5	34,9	26,8
Фрукты и ягоды	55,9	51,6	46,8	45,2	44,1	48,4	53,2	54,8
Молоко (в л)	36,3	41,0	37,2	32,7	63,7	59,0	62,8	67,3
Масло животное	90,1	91,4	92,5	91,9	9,9	8,6	7,5	8,1
Прочие молочные продукты (кроме моло- ка и масла)	66,5	68,1	81,4	87,6	33,5	31,9	18,6	12,4

Таблица 2 (окончание)

Наименование продуктов	В госторговле и кооперации				На колхозном рынке			
	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Мясо (включая мясные консервы)	71,1	67,0	66,9	69,4	28,9	33,0	33,1	30,6
В т.ч. говядина и телятина	64,1	61,0	60,9	61,5	35,9	39,0	39,1	38,5
Баранина	55,7	46,9	34,5	40,0	44,3	53,1	65,5	60,0
Свинина	33,2	25,6	13,6	18,2	66,8	74,4	86,4	81,8
Колбасные изделия	100	100	99,8	99,7	0	0	0,2	0,3
Сало	57,5	47,5	43,0	26,0	42,5	52,5	57,0	74,0
Рыба (включая рыб. консервы)	95,8	96,4	96,1	94,9	4,2	3,6	3,9	5,1
В т.ч. сельди	99,0	99,6	99,6	99,6	1,0	0,4	0,4	0,4
Масло растительное	87,4	80,3	81,1	81,1	12,5	19,7	18,9	18,9
Маргарин	100	100	100	100	0	0	0	0
Сахар	99,9	99,9	99,9	99,7	0,1	0,1	0,1	0,3
Кондитерские изделия	99,6	99,6	99,4	99,0	0,4	0,4	0,6	1,0
Яйца (в штуках)	46,0	56,3	60,0	68,7	54,0	43,7	40,0	31,3

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1445. Л. 10.

Противореча себе, историки, однако, тут же писали, что 80–90% продукции поступало на этот рынок с частных приусадебных хозяйств крестьян, а не с колхозных полей и ферм. Колхозам мало, что оставалось предложить для продажи после того как они сдавали государству свою продукцию. Часто они, утаивая от заготовок, продавали свою продукцию незаконно. Ярко выраженная частнопредпринимательская природа крестьянского рынка при социализме скрывалась за терминами «колхозный», «социалистический».

Таблица 3

**Приобретение продуктов питания населением СССР на колхозном рынке
(в кг и руб. в среднем на одну душу)**

Наименование продуктов	1937 г.		1938 г.		1939 г.		1940 г.	
	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)
Мука ржаная	0,32	0,33	0,59	0,52	1,12	1,51	1,01	2,82
Пшеничная	1,8	3,17	3,29	5,3	2,09	3,51	1,53	6,07
Хлеб ржаной	—	—	—	—	0,01	...	0,02	0,08
Пшеничный	—	—	—	—	0,01	...	0,02	0,04
Крупа и бобовые	1,07	2,03	1,96	3,88	0,88	3,55	1,02	7,67
Макароны, вермишель и проч. продукты	0,04	0,18	0,05	0,19	—	—	—	—
Всего хлеб. продуктов	3,23	5,71	5,89	9,89	4,11	8,57	3,60	16,63
Картофель	23,13	18,18	29,08	15,7	19,76	24,5	21,99	42,66
Овощи (включая овощные консервы)	12,69	9,89	11,5	12,19	13,81	21,68	14,26	28,52
Бахчевые (арбузы, дыня, тыква)	2,62	1,13	3,62	1,88	4,33	2,9	2,89	2,48
Фрукты и ягоды	5,81	7,61	4,35	9,61	5,39	14,18	2,76	11,65
Молоко (в литрах)	20,4	26,93	20,42	30,63	20,94	40,88	20,09	65,9
Масло животное	0,21	3,16	0,19	3,26	0,16	3,72	0,14	5,84

Таблица 3 (окончание)

Наименование продуктов	1937 г.		1938 г.		1939 г.		1940 г.	
	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)	кол-во (кг)	сумма (руб.)
Прочие молочные продукты (кроме молока и масла)	1,2	2,8	1,32	3,64	0,52	2,96	0,3	5,18
Мясо (включая мясные консервы)	4,83	33,71	6,49	55,42	7,73	73,13	4,62	75,12
В т.ч. говядина и телятина	2,46	15,84	2,65	20,64	3,75	32,44	2,29	33,89
Баранина	0,47	3,64	0,6	5,19	0,95	9,26	0,54	9,6
Свинина	1,29	11,67	2,47	25,61	2,16	26,22	1,26	25,97
Колбасные изделия	—	—	—	—	0,01	0,13	0,01	0,23
Сало топленое и нетопленое	0,45	5,84	0,64	9,22	0,65	12,26	0,54	18,08
Рыба (включая рыбные консервы)	0,38	1,03	0,32	0,82	0,84	1,14	0,31	1,92
В т.ч. сельди	0,02	0,11	0,01	0,04	0,01	0,04	0,01	0,06
Масло растительное	0,18	2,2	0,37	4,38	0,36	5,28	0,34	8,33
Маргарин	—	—	—	—	—	—	—	—
Сахар	0,01	0,03	0,02	0,05	0,01	0,08	0,03	0,48
Кондитерские изделия	0,02	0,11	0,03	0,31	0,04	0,33	0,06	1,25
Яйца	10,94	4,92	13,36	6,68	14,0	9,1	10,0	11,2

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1445. Л. 8.

По признанию правоохранительных органов, рынки были буквально «захвачены» «спекулянтами» и «перекупщиками», делающими в общей сумме миллионные обороты. Колхозные рынки «представляют собой сборище перекупщиков, месяцами, в порядке профессии, занимающихся этой деятельностью. Колхозник заинтересован в быстрой и оптовой торговле в одни руки, не задерживаясь. После этого “спекулянты” легально торгуют этими товарами на рынках»²⁵.

В инстанции и редакции шел поток писем и жалоб: «когда будут приняты меры к прекращению спекуляции, — писал возмущенный читатель в новосибирскую “Советскую Сибирь”, — рынок в руках спекулянтов... Мер никаких не принимается... все в руках спекулянтов... Они скупают мясо... скупают ткани, шьют из них и торгуют на базаре. Я работаю на производстве, плачу подоходный налог. А они? Кто их учитывает? Это недопустимо в нашей стране! Милиция спокойно созерцает, как спекулянты захватили рынки, а наши руководители засели в кабинетах и не хотят на денек превратиться в простого советского человека, который выносит на своих плечах все трудности»²⁶.

Таблица 4

Удельный вес торговли «перекупщиков и спекулянтов» на колхозных рынках по СССР в 1946–1950 гг. (в % к общему объему рыночного товарооборота)

Показатели	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Общий объем рыночного товарооборота	100	100	100	100	100
Удельный вес «перекупщиков и спекулянтов»	61,6	53	27,9	24,5	26

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 328. Л. 84.

«Спекуляция» значительно превосходила каждую из легальных форм торговли на колхозных рынках. «Спекулятивный» рынок паразитировал на социалистическом хозяйстве. Туда перетекали пайковые товары, товары коммерческих магазинов, продукция кустарного производства, колхозов и совхозов, ЛПХ.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. ситуация на продовольственном рынке страны осложнилась. Государство стремилось не допустить роста ЧХД. Проведенное ЦСУ СССР, обследование источников поступления продуктов питания в семьях рабочих промышленности показало снижение деловой активности частного и роли ЛПХ.

Источники поступления продуктов питания в семьях рабочих промышленности СССР
(в % ко всему поступлению продуктов питания)

Наименование продуктов	Год	Всего поступило	В том числе		
			куплено		поступило от ЛПХ и другие поступления
			в госторговле и кооперации (включая общественное питание)	на колхозном рынке и у отдельных граждан	
Молоко и молочные продукты	1958	100	86	8	6
	1962	100	92	5	3
	1963	100	92	5	3
	1964	100	92	5	3
Мясо и мясо-продукты	1958	100	75	14	11
	1962	100	80	11	9
	1963	100	85	8	7
	1964	100	86	9	5
Яйца	1958	100	33	34	33
	1962	100	48	27	25
	1963	100	51	25	24
	1964	100	53	26	21
Картофель	1958	100	18	35	47
	1962	100	23	33	44
	1963	100	26	31	43
	1964	100	26	26	48

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 8.

При покупке продуктов питания на колхозном рынке рабочие и служащие вынуждены были значительно переплачивать. В 1964 г., по подсчетам ЦСУ СССР, в среднем на семью переплаты составили 41–42 рубля, или в расчете на все городское население переплата составила примерно 1,6 миллиарда рублей в год.

Обследование 1966 г. интересно тем, что в нем принимали участие такие категории населения, как учителя, врачи, средний медперсонал. Сравнение денежных расходов на колхозном рынке показывает, больше всех тратили врачи — 183,4 руб. в среднем на семью за год, а менее всех (не учитывая рабочих совхозов — 61,5) — служащие промышленности — 117,1 руб.

Таблица 6

Из общей суммы денежного расхода семей рабочих промышленности, рабочих совхозов, ИТР промышленности, служащих промышленности, учителей, врачей, среднего медперсонала уплачено на колхозном рынке и гражданам за 1966 г. (в руб., в среднем на семью за год)

	Семьи рабочих обследуемых отраслей промышленности СССР	В том числе:		Рабочие совхозов	ИТР промышленности	Служащие промышленности	Учителя	Врачи	Средний медперсонал
		черная металлургия	угольная промышленность						
Весь денежный расход в т.ч.	209,3	251,8	324,1	229,1	230,5	196,3	248,5	133,6	211,8
На покупку всех товаров из них:	186,2	228,1	299,1	196,8	194,7	170,6	207,6	255,0	175,1
продуктов питания	124,7	150,5	174,3	61,5	141,8	117,1	147,8	183,4	124,3
одежды белья тканей, обуви, головных уборов, галантереи и трикотажа, а также затраты на шитье и починку одежды и обуви	23,1	23,7	29,3	22,3	21,6	19,4	25,8	37,4	23,6
культуртоваров и затраты на ремонт культуртоваров	3,7	5,2	4,2	1,8	5,0	3,7	4,9	15,7	2,5
велосипедов, мотоциклов, легковых автомобилей	4,6	12,0	16,8	4,8	2,7	7,4	4,4	1,6	1,1

Таблица 6 (продолжение)

	Семьи рабочих обследуемых отраслей пром-ти СССР	В том числе:		Рабочие совхозов	ИТР промышленности	Служащие промышленности	Учителя	Врачи	Средний медперсонал
		черная металлургия	угольная промышленность						
мебели, хозяйственных вещей, электроприборов, а также затраты на ремонт мебели, хозяйственных вещей и электроприборов	8,0	10,4	11,8	9,4	7,8	6,4	9,0	5,0	8,4
предметов парфюмерии, косметики, санитарии, гигиены медикаментов, лекарств и других предметов лечения	0,3	0,5	0,3	0,1	0,3	0,3	0,6	0,4	0,2
папирос, махорки и табака	0,03	—	0,1	0,4	0,01	...	—	—	0,05
топлива и осветительных материалов	1,9	1,8	2,8	5,4	1,4	1,3	2,7	63	2,7
скота, птицы, кормов, семян, рассады, с/х инвентаря и т.п.	11,5	12,5	40,7	71,7	8,7	0,2	5,5	71	7,4
питание в период временного отсутствия и расходы на вечера в складчину	1,9	1,4	1,6	2,2	3,9	2,7	6,3	188	1,6

Таблица 6 (окончание)

	Семьи рабочих обследуемых отраслей пром-ги СССР	В том числе:		Рабочие совхозов	ИТР промышленности	Служащие промышленности	Учителя	Врачи	Средний медперсонал
		черная металлургия	угольная промышленность						
расход на театры, кино, цирк и прочие нетоварные расходы на культурно-просветительные нужды	0,7	1,0	1,0	0,3	1,9	0,6	2,8	75	0,9
расходы на лечение	1,3	1,6	1,5	0,5	2,1	1,4	3,3	126	1,6
расход на бани, прачечные, парикмахерские и т.п.	0,1	0,04	0,2	0,04	0,2	0,1	0,2	137	0,3
расход на транспорт	3,6	5,0	6,8	3,3	3,7	3,4	2,4	100,1	2,3
почтово-телеграфные расходы, телефон	—	—	—	—	0,02	0,01	0,1	—	0,1
на уплату жилища и коммунальных услуг	3,4	2,1	0,6	0,6	2,5	1,9	2,5	30	4,6
в т.ч. на оплату жилплощади	3,3	1,8	0,5	0,6	2,3	1,8	2,3	29	4,5
оплата труда по капитальному и текущему ремонту жилища, строительству	4,6	4,5	6,7	9,9	8,8	7,0	9,1	200	13,1

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 3270. Л. 33, 38, 39.

Посредники («спекулянты») скупали у крестьян продукты по ценам, превышающим государственные заготовительные цены, перепродавали их по ценам ниже государственных розничных, извлекая значительную прибыль. Товары повседневного спроса, имевшиеся на складах предприятий в достаточном количестве, прятались торговыми работниками под прилавков, а оттуда поступали нелегальным торговым посредникам. Время от времени партийная советская печать обнаруживала, что торговля каким-нибудь важным для потребления товаром в целом районе «захвачена перекупщиками». ОБХСС устраивал в городах облавы на торговку модными женскими беретами или мужскими ситцевыми рубашками. Это приносило лишь временные результаты, «торговля с рук» была неистребима. «Спекулянт» существовал за счет хронических «временных трудностей». ЦСУ СССР анализировало и формы проявления частной инициативы в торговле непродовольственными товарами. Б.Н. Казанцев (1993 г.) опубликовал данные ЦСУ о частнике в сфере бытового обслуживания в 1950–1960-е гг. Автор также пришел в выводу о весомой роли частной инициативы на потребительском рынке страны²⁷. Для объяснения неудовлетворительного состояния обеспечения населения страны промышленными товарами советские чиновники всегда находили объективные причины: трудности индустриализации и коллективизации, условия войны и послевоенного восстановления и т.д. В 1950–1970-е гг. ссылались на то, что, в связи с увеличением общественного богатства систематически возрастают и доходы населения. С ростом доходов увеличиваются расходы, особенно на приобретение непродовольственных промышленных товаров. Соответственно обостряется проблема несоответствия спроса и предложения. В связи с тем, что спрос населения опережает предложение, определенная часть дефицитных товаров попадает потребителю нелегальным способом через перекупщиков-спекулянтов. В 1962 г., по сравнению с 1958 г., доходы рабочих промышленности возросли на 11%, семей рабочих совхозов на 15%, ИТР и служащих на 9% и семей колхозников на 6%.

Таблица 7

Рост заработной платы рабочих и служащих

	1965 г.	1975 г.	1980 г.
Среднемесячная заработная плата, в руб.	96,5	145,8	170
То же в % к 1965	100	151,1	—

Источник: Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. Вып. 6 (1960–1980 гг.). С. 165.

Размеры доходов колхозников существенно приблизились к з/п рабочих и служащих, и особенно к заработкам работников совхозов. В 1974 г. доходы семей колхозников в расчете на одного человека составили более $\frac{9}{10}$ доходов семей рабочих и служащих совхозов и около $\frac{9}{10}$ доходов семей рабочих и служащих народного хозяйства. В 1970 г. среднемесячная заработная плата рабочих совхозов и колхозников составляла 103 и 79 руб. соответственно, а в 1980 г. уже 157 и 124 руб.

Важной составляющей проблемы является и то, что в послевоенный период существенно изменилась структура зарплаты рабочих и служащих.

Таблица 8

Распределение рабочих и служащих в СССР по размеру заработной платы (в %, к общей численности)

Размер зарплаты, в руб.	1946 г.	1956 г.	1968 г.	1976 г.	1981 г.	1986 г.
Менее 80	86,9	70,3	32,3	15,0	6,3	4,8
80–100	6,9	13,1	21,1	14,5	13,5	11,2
100–140	4,2	10,1	25,5	25,9	24,6	21,1
140–200	2,0	3,9	14,5	27,5	36,2	29,5
200–300	0,7	1,9	4,4	12,7	17,9	22,7
300–400	0,3	0,4	1,1	2,4	4,2	7,4
Свыше 400	—	—	—	1,0	1,9	3,1
Коэффициент фондов	—	3,28	2,88	3,35	3,12	3,38

Источник: Сычева В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса // СОЦИС. 1996. № 3.

В 1974 г., по сравнению с 1940 г., реальные доходы в расчете на душу населения в СССР повысились в 4,7 раза. При этом реальные доходы рабочих и служащих в расчете на одного работающего возросли в 3,4 раза, а крестьян в 5,6 раза.

На XX съезде КПСС Н.С. Хрущев в своем докладе подчеркнул: «Надо усилить борьбу против спекулятивных элементов, которые, пользуясь временной нехваткой в ряде мест некоторых продуктов для полного удовлетворения населения, наживаются...»²⁸.

В то же время происходила определенная либерализация общественного сознания. В 1950-е гг. состоялся отказ от идеологии аскетизма. В эпоху «оттепели» признается острая проблема необходимости повышения жизненного уровня населения.

Рост денежных доходов, постепенное решение «жилищной проблемы» привели к ослаблению коллективистской идеологии, усилению автономии частной жизни. Стремление людей к улучшению материальных условий своей жизни в условиях дефицита вело к стимулированию роста частной экономической инициативы.

Таблица 9

**Денежные расходы населения РСФСР на покупку
непродовольственных промышленных товаров у частных лиц
в 1953–1954 гг. (в среднем на одну семью)**

Расходы	1953 г.		1954 г.	
	Семья рабочих	Семья колхозников	Семья рабочих	Семья колхозников
За год, в руб.	909	322	949	423
В % к общему расходу на эти цели	20	18	20	18

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 153.

В 1954–1955 гг. в структуре основных непродовольственных товаров, купленных у частника, наибольшим спросом у рабочих и колхозников пользовались: мебель, хозтовары и электроприборы, культтовары, готовая одежда, шерстяные ткани и др.

При этом статорганы признавали приблизительность своих подсчетов в отношении частника. В частности, вероятно этим объясняются расхождения в приведенных таблицах в отношении сведений о процентных данных покупок у частных лиц за 1954 г.

Размеры денежных расходов в семьях рабочих и колхозников СССР на покупку непродовольственных товаров у частных лиц по отдельным группам товаров в первом полугодии 1954 г. и 1955 г.

	Семьи рабочих				Семьи колхозников			
	Куплено в среднем семей непродовольственных товаров на сумму, в руб.		Покупка у частных лиц в % ко всем покупкам непродовольственных товаров		Куплено в среднем семей непродовольственных товаров на сумму, в руб.		Покупка у частных лиц в % ко всем покупкам непродовольственных товаров	
	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.
Группа непродовольственных товаров								
Общие денежные расходы на покупку непродовольственных товаров у частных лиц	417	414	17	18	124	193	13	17
Готовая одежда и головные уборы	120	118	22	21	33	57	18	22
В т.ч. из шерстяной ткани	73	70	23	20	18	35	21	25
Обуви всего	53	62	15	19	23	31	16	19
В том числе кожаной	33	43	12	17	14	19	15	18
Тканей всего	35	28	7	7	8	13	3	5
В т.ч. шерстяных	22	17	18	22	4	6	18	31
Верхнего трикотажа, трикожажного белья и др.	30	36	16	20	2	3	5	9
Мебели, хозяйственных вещей, электроприборов	72	63	31	29	16	23	24	24
Культуртоваров	50	54	27	27	8	14	17	19

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 85.

**Расходы населения СССР на приобретение непродовольственных
промышленных товаров у частных лиц в среднем на семью
за 1-й и 2-й кварталы в 1955 г.**

		Рабочие	ИТР	Служащие
1-й квартал	Весь расход (руб.)	1780	1927	1669
	В т.ч. на покупку товаров у граждан	561	427	176
	Удельный вес расходов на покупку у граждан ко всему расходу	31,5	22,2	10,5
2-й квартал	Весь расход (руб.)	1233	1426	1426
	В т.ч. на покупку товаров у граждан	335	153	199
	Удельный вес расходов на покупку у граждан ко всему расходу	27,2	10,7	14

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 43.

В процентном отношении, в 1959 г. из общего расхода на приобретение промышленных товаров на покупки у частника: рабочие промышленности потратили — 12,8%; рабочие совхозов — 14,9%; колхозники — 16,7%; ИТР и служащие — 9,6%.

Таблица 12

**Размеры приобретения непродовольственных товаров у частных лиц
в СССР в 1959 г.**

	Весь расход на приобретение промышленных товаров, в руб.	В т.ч. на покупку у частных лиц, в руб.	Покупки у частных лиц в % к	
			1953 г.	1958 г.
Рабочие промышленности	6332	815	92	102
Рабочие совхозов	6129	918	—	115
Колхозники	3719	622	179	104
ИТР и служащие	6609	637	91	101

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 152.

По сравнению с 1958 г., все обследуемые категории населения увеличили свои расходы на покупки у частника, особенно селяне.

Таблица 13

Размеры покупок отдельных товаров населением РСФСР у частных лиц в 1959 г. (в среднем на семью, 1-я цифра в руб., 2-я — в %)

	Всего покупок промтоваров	Ткани	Готовая одежда, белье, ткани, головные уборы	Обувь	Мебель, хозяйственные вещи	Культуровары	Строй-материалы
Рабочие промышленности	559	11 2,4	201 35,3	102 16,2	128 22,1	12 11,1	55 16,8
В том числе новые товары							
у перекупщиков	167	4 2	59 36	27 18,2	37 22,9	62 7,2	28 9,8
у кустарей	153	—	59 38,6	50 32,7	42 27,4	—	2 1,3
Рабочие совхозов	612	8 1,3	234 38,2	140 22,9	121 19,8	73 11,9	36 5,9
В том числе новые товары							
у перекупщиков	171	3 1,8	63 36,8	28 46,4	43 25,1	11 6,4	23 13,5
у кустарей	210	—	82 39	86 41	38 18,1	—	4 1,9

Таблица 13 (окончание)

	Всего покупок промтоваров	Ткани	Готовая одежда, белье, ткани, головные уборы	Обувь	Мебель, хозяйственные вещи	Культовары	Строй-материалы
ИТР и служащие	466	10 2,1	148 31,8	77 16,5	102 21,9	94 20,2	35 7,5
В том числе новые товары							
у перекупщиков	146	3 2	53 36,3	23 15,8	36 24,6	16 11	15 10,3
у кустарей	107	—	43 40,2	36 33,6	26 24,3	—	2 1,9
Колхозники	388	6 1,5	123 31,7	62 16	63 16,2	27 7	107 27,6
В том числе новые товары							
у перекупщиков	421	4 3,3	28 23,1	10 8,3	14 11,6	4 3,3	61 50,4
у кустарей	126	—	49 38,9	41 32,5	27 21,4	—	9 7,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 155.

Анализ приведенных данных показывает, что при покупке новых товаров у частных лиц советские граждане чаще обращались к «перекупщикам» — 44,6% покупок. На долю кустарей пришлось 29,4%.

Представить расходы на покупку у частных лиц непродовольственных промтоваров, пошив и ремонт одежды и обуви обследуемых категорий населения, в целом, можно следующим образом: в 1953 г. — 16,7%; в 1958 г. — 13,3%; в 1962 г. — 8,2%; в 1963 г. — 7,2%.

Таблица 14

Размер расходов семей рабочих, служащих и колхозников РСФСР на покупку непродовольственных промтоваров, пошив и ремонт одежды и обуви у частных лиц (в среднем на семью за год, в руб.)

Категории населения	Израсходовано на покупку непрод. промтоваров, пошив и ремонт одежды и обуви			Из них израсходовано на пошив и ремонт одежды и обуви		
	всего	в том числе у частных лиц		всего	в том числе у частных лиц	
		руб.	в % ко всему расходу на эти цели		руб.	в % ко всему расходу на эти цели
Рабочие промышленности						
1953 г.	477,2	88,8	18,6	18,8	10,3	54,8
1958 г.	585,8	80,3	13,7	20,0	8,9	44,5
1962 г.	627,1	47,6	7,6	17,5	5,2	29,7
1963 г.	612,3	41,1	6,7	16,0	4,5	28,1
Рабочие совхозов						
1958 г.	544,7	79,1	14,5	13,6	11,2	82,4
1962 г.	660,8	63,3	9,6	11,0	7,1	64,5
1963 г.	658,3	52,4	8,0	10,3	6,7	65,0
Колхозники						
1953 г.	190,5	34,8	18,3	8,3	7,4	89,2
1958 г.	349,1	59,8	17,1	13,0	11,2	86,2
1962 г.	398,6	44,8	11,2	9,4	7,4	78,7
1963 г.	403,2	42,0	10,4	9,2	7,1	77,2

Таблица 14 (окончание)

Категории населения	Израсходовано на покупку непрод. промтоваров, пошив и ремонт одежды и обуви			Из них израсходовано на пошив и ремонт одежды и обуви		
	всего	в том числе у частных лиц		всего	в том числе у частных лиц	
		руб.	в % ко всему расходу на эти цели		руб.	в % ко всему расходу на эти цели
Служащие						
1953 г.	500,5	71,6	14,3	25,9	12,5	48,3
1958 г.	626,0	62,9	10,0	25,4	10,6	41,7
1962 г.	660,2	38,3	5,8	23,0	6,6	28,7
1963 г.	657,1	34,6	5,3	21,7	5,7	26,3

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 57.

В 1953–1963 гг. все обследуемые категории населения СССР снизили свои покупки у частных лиц, кроме колхозников. Обеспечение промышленными товарами и услугами на селе оставалось неудовлетворительным, что не оставляло колхозникам выбора. Несмотря на ограничительные меры государства, частник старался находить для себя нишу, анализируя рынок, искал и находил доступ к наиболее дефицитным товарам, умел наладить торговлю ими. Если данные по СССР демонстрируют уменьшение деятельности частника, то в РСФСР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. мы видим увеличение по всем видам товаров (кроме тканей).

Таблица 15

О приобретении населением РСФСР непродовольственных промтоваров у частных лиц (по данным бюджетных обследований 1958 и 1962 гг.)

Виды товаров	1962 г. в % к 1958 г.			
	Промышл. рабочие	Рабочие совхозов	ИТР и служащие	Колхозники
Ткани	74	82	73	88
Готовая одежда, головные уборы, белье	118	124	119	114
Трикотажные изделия, включая чулки и носки	111	143	110	124

Таблица 15 (окончание)

Виды товаров	1962 г. в % к 1958 г.			
	Промышл. рабочие	Рабочие совхозов	ИТР и служащие	Колхозники
Обувь	100,4	114	100,5	108
Мебель, хозвещи и электроприборы	134	165	132	147
Культтовары	127	145	122	134
Велосипеды, мотоциклы, автомашины	142	174	104	173
Все непрод. промтовары	107	121	105	114

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 72.

Новое достаточно крупное специальное изучение масштабов частной экономической инициативы было предпринято ЦСУ РСФСР в первом полугодии 1963 г.

Таблица 16

Приобретение промтоваров населением РСФСР у частных лиц в 1-м полугодии 1963 г. (в среднем на семью, в руб.)

	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	ИТР и служащие	Колхозники
Расход семей на приобретение промтоваров в 1-м полугодии 1963 г. (включая стоимость пошива и ремонта)	809,5	311,3	323,9	183,2
в том числе: в госторговле и кооперации	288,9	283,5	306,2	164,7
у частных лиц	20,6	27,8	17,7	18,5
Удельный вес покупки товаров у частных лиц, в %	6,7	8,9	6,5	10,1

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 74.

Результаты обследования первой половины 1963 г. рисуют в целом ту же картину, что и раньше. В общей массе средств, затраченных на приобретение промтоваров, советские граждане все также вынуждены обращаться к перекупщикам и кустарям: 59,7 и 40,2% соответственно.

Размеры покупки населением РСФСР отдельных товаров у перекупщиков и кустарей в 1-м полугодии 1963 г.
(в среднем на 100 семей, в руб. и в %)

	Всего куплено промтоваров	Ткани	Готовая одежда, шпунц. изделия из тканей, трикотажные изделия, чулки и носки	Обувь	Мебель, холодильники, стиральные машины	Культ-товары	Мотоциклы, велосипеды	Строитель-ные матери-алы
Рабочие промыш-ленности — всего	690,8 (100%)	12,9 1,9 %	323,3 45,8%	61,0 8,8%	188,6 27,3%	30,6 4,4%	10,6 1,5%	63,8 9,8%
в том числе: у перекупщиков	422,1 (100%)	12,9 3,1%	192,7 45,6%	10,2 2,4%	118,6 28,1%	20,3 4,8%	10,6 2,5%	56,8 13,5%
у кустарей	268,7 (100%)	—	130,6 48,6%	50,8 18,9%	70,0 26,1%	10,3 3,8%	—	7,0 2,6%
Рабочие совхозов — всего	958,1 (100%)	47,0 4,9%	462,4 48,3%	138,7 14,5%	258,1 26,9%	13,6 1,4%	9,9 1,0%	28,4 3,0%
в том числе: у перекупщиков	506,4 (100%)	47,0 9,3%	294,4 58,1%	35,2 7,0%	99,5 19,6%	—	9,9 2,0%	20,4 4,0%
у кустарей	451,7 (100%)	—	168,0 37,2%	103,5 22,9%	158,6 35,1%	13,6 3,0%	—	8,0 1,8%

Таблица 17 (окончание)

	Всего куплено товаров	Ткани	Готовая одежда, штуч. изделия из тканей, трикотажные изделия, чулки и носки	Обувь	Мебель, холодильники, стиральные машины	Культ-товары	Мотоциклы, велосипеды	Строительные материалы
ИТР и служащие — всего	509,7 (100%)	4,8 0,9%	249,8 49,0%	43,0 8,4%	146,2 28,7%	11,1 2,2%	19,8 3,9%	35,0 6,9%
в том числе: у перекупщиков	343,5 (100%)	4,8 1,9%	156,1 45,4%	7,9 2,3%	115,4 33,6%	7,4 2,2%	19,8 5,8%	32,1 9,3%
у кустарей	166,2 (100%)	—	93,7 56,4%	35,1 21,1%	30,8 18,5%	3,7 2,2%	—	2,9 1,8%
Колхозники — всего	825,9 (100%)	26,8 3,3%	201,4 24,4%	101,0 12,2%	98,4 11,9%	13,8 1,7%	34,1 4,1%	350,4 42,4%
в том числе: у перекупщиков	511,0 (100%)	26,8 5,3%	97,7 19,1%	20,9 4,1%	24,2 4,7%	10,9 2,1%	34,1 6,7%	296,4 58,0%
у кустарей	314,9 (100%)	—	103,7 32,9%	80,1 25,4%	74,2 23,6%	2,9 0,9%	—	54,0 17,2%

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 75–76.

Расходы рабочих промышленности и колхозников на покупку непродовольственных товаров у частных лиц в 1959–1964 гг.

Год	Всего израсходовано на покупку непродовольственных товаров в среднем на семью — руб.	В т.ч. на покупку у частных лиц	
		руб.	в % к общему расходу на эти цели
Рабочие промышленности			
1959 г.	643,7	91,3	14
1960 г.	649,8	78,3	12
1961 г.	622,5	59,8	10
1962 г.	632,8	53,0	8
1963 г.	619,4	47,0	8
1964 г.	636,4	42,9	7
Колхозники			
1959 г.	364,4	67,8	19
1960 г.	362,5	59,8	17
1961 г.	348,0	48,7	14
1962 г.	386,3	50,1	13
1963 г.	407,3	51,7	13
1964 г.	423,2	52,4	12

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 26.

В 1974 г. общий объем покупок населением непродовольственных товаров у частных лиц составил примерно 6 млрд руб., из которых около 3 млрд руб. приходится на покупки товаров у «перекупщиков-спекулянтов» по ценам, превышающим цены на соответствующие товары в государственной торговле (в 1973 г. у частных лиц — 5,9 млрд, а в 1970 г. — около 5 млрд).

**Расходы семей рабочих, служащих и колхозников СССР
на покупку непродовольственных товаров у частных лиц
в 1972 и 1974 гг.**

	Рабочие и служащие		Колхозники	
	1972 г.	1974 г. (расчет)	1972 г.	1974 г. (расчет)
Все расходы на покупку непродовольственных товаров на семью, в руб.	985,8	1049,5	837,1	909,5
В том числе покупка у частных лиц	66,2 (6,7% к итогу)	65,6	117,2 (14% к итогу)	113,5
Из них покупка у перекупщиков	27,2 (41% к итогу)	29,2	64,3 (54,8% к итогу)	60,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 35. Л. 2.

Социально-бытовое обслуживание населения являлось одной из самых больных проблем советской экономики. Ремонтно-починочные мастерские находились в системе промысловой кооперации и местной промышленности.

Сеть ремонтно-починочных мастерских была сосредоточена в центре городов и крупных населенных пунктов и не справлялась с удовлетворением нужд населения в ремонте обуви, одежды, мебели, посуды и других предметов домашнего обихода. Мастерские, предприятия бытового обслуживания населения промкооперации и местной промышленности загружались исполнением массовых заказов государственных предприятий и организаций в ущерб выполнению заказов для населения. Рабочее время большинства ремонтно-починочных мастерских не позволяло людям по времени их работы пользоваться услугами этих предприятий. Многие предприятия не работали в воскресенье. Хронически не хватало материалов. В погоне за планом в валовом исчислении и стремлении принять от населения заказы на пошив одежды из дорогостоящих тканей предприятия разными способами отказывались или ограничивали прием заказов из хлопчатобумажных, штапельных и льняных и других дешевых видов тканей.

В целом, число бытовых предприятий росло, но это мало сказывалось на эффективности бытового обслуживания населения. Общими проблемами развития потребительской и промысловой кооперации являлись хроническое невыполнение планов по производству и прибыли, высокие цифры потерь и дебиторской задолженности.

Множество проблем имели предприятия местной, легкой и пищевой отраслей промышленности. Неудовлетворительным было снабжение сырьем и постоянными квалифицированными кадрами. Аналитические данные свидетельствуют, что порочной была вся система поступления, хранения, переработки сырья, выпуска готовой продукции, следования ее на рынки сбыта. Отсутствовала единая система учета, он был запутанным. Предприятия местной промышленности рассматривались руководящими органами как второстепенные, не заслуживающие внимания. Как пишет в своей записке в ЦК ВКП(б) бухгалтер Устименко: «Это привело к тому, что многие предприятия вышли из под контроля партии, оказались вне сферы действия государственного хозяйственного контроля»²⁹.

Однотипные предприятия местной промышленности отставали от предприятий союзного и республиканского подчинения, сказывались несовременная техника, отсталая технология, нарушение ГОСТов.

Приводимые статистические данные ЦСУ СССР наглядно демонстрируют весомую роль частной инициативы в социально-бытовой сфере. Общеизвестно, что в этой сфере традиционно и повсеместно сильны позиции частного капитала. Однако советская хозяйственная система, не учитывая объективные факторы, сама выталкивала частника в «тень». Отрасль, которая могла бы приносить прибыль, являлась убыточной. Процветало и «лжекооператорство».

Наибольшую долю денежных расходов у всех групп населения, кроме семей колхозников, составляли расходы на пошив одежды, в семьях колхозников — расходы на пошив обуви.

Таблица 20

**Количество случаев пошива и ремонта у частных лиц
(в среднем на 100 семей, участвовавших в опросе в РСФСР)
в 1955 г.**

Вид работ	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	Колхозники	ИТР и служащие
Пошив одежды	14	17	28	15
В т.ч. верхнее платье, костюмы и т.п.	103	120	58	97
Пошив муж. обуви	0	12	22	0
Пошив жен. обуви	1	15	25	1
Пошив дет. обуви	0	4	1	0
Ремонт одежды	2	1	1	2
Ремонт обуви	58	18	21	66

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 162.

В целом, по СССР в 1956—1958 гг. затраты на одного члена семьи при пошиве и ремонте одежды и обуви выросли по всем показателям.

Таблица 21

Затраты на члена семьи при пошиве и ремонте одежды и обуви в 1956—1958 гг. в СССР (в руб.)

Категории населения	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Семьи рабочих и служащих всего	72	79	85
В т.ч. в государственных и кооперативных организациях	34	39	44
у частных лиц	38	40	41
Семьи колхозников всего	26	28	29
В т.ч. в государственных и кооперативных организациях	3	4	5
у частных лиц	23	24	24

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 1044. Л. 131.

Статистические данные наглядно демонстрируют высокую степень распространения частной инициативы в сфере услуг. Особенно ощутимой роль частника была на селе.

Таблица 22

Затраты населения СССР на индивидуальный пошив и бытовой ремонт в государственных кооперативах и у частных лиц

Категории населения	Затраты на одного члена семьи, в руб.		
	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Семьи рабочих и служащих всего	72	79	85
В т.ч. в государственных кооперативных организациях	34	39	44
у частных лиц	38	40	41
Семьи колхозников всего	26	28	29
В т.ч. в государственных кооперативных организациях	3	4	5
у частных лиц	23	24	24

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 1044. Л. 131.

Размеры расходов населения на пошив и ремонт одежды и обуви в СССР

Категории населения	В среднем на 1 семью	В том числе у частных лиц	Пошив и ремонт у частных лиц в 1959 г. в % к:		Удельный вес пошива и ремонта у частных лиц в общем расходе на эти цели		
			1953 г.	1958 г.	1953 г.	1958 г.	1959 г.
Рабочие промышленности	211	87	84	98	55	45	41
Рабочие совхозов	157	128	—	115	—	83	82
Колхозники	136	117	158	104	89	87	86
ИТР и служащие	264	100	80	94	48	42	98

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 161.

Расходы на оплату бытовых услуг в 1964 г. составили у рабочих промышленности 33 рубля в среднем на семью или 1,4% от общих расходов семьи; в семьях колхозников эти расходы были в 3,5 раза меньше, чем у рабочих промышленности и составили 0,5% от общих расходов семьи.

Расходы рабочих промышленности и колхозников на пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт и изготовление мебели и культтоваров (в среднем на семью)

Категории населения (годы)	Пошив и ремонт одежды		Изготовление и ремонт мебели		Изготовление и ремонт культтоваров	
	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %
Рабочие промышленности						
1959 г.	20,8	45	0,6	73	1,7	36
1960 г.	20,3	41	0,6	74	2,0	34
1961 г.	18,5	37	0,5	68	2,0	28
1962 г.	17,6	34	0,5	67	2,3	28
1963 г.	16,1	32	0,5	67	2,3	25
1964 г.	16,4	29	0,4	58	2,3	21

Таблица 24 (окончание)

Категории населения (годы)	Пошив и ремонт одежды		Изготовление и ремонт мебели		Изготовление и ремонт культтоваров	
	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %	всего, руб.	в т.ч. у частных лиц, в %
Колхозники						
1959 г.	9,8	84	0,5	94	0,6	61
1960 г.	8,7	82	0,5	92	0,6	55
1961 г.	7,1	80	0,4	87	0,6	52
1962 г.	6,8	77	0,5	89	0,7	49
1963 г.	7,0	73	0,7	87	0,5	34
1964 г.	6,9	73	0,7	87	0,6	34

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 27.

По примерным расчетам ЦСУ СССР, в 1964 г. населением было уплачено частным лицам за пошив и ремонт одежды и обуви примерно 370 млн руб. В 1964 г. расходы на пошив и ремонт одежды и обуви у частных лиц у рабочих промышленности составили 29%, у колхозников — 73% от всех расходов на эти цели.

Таблица 25

**Расходы семей рабочих, служащих и колхозников РСФСР
на пошив и ремонт одежды и обуви
(данные за 1-е полугодие 1963 г.)**

Категории населения	Весь расход в среднем на семью, в руб.	В том числе у частных лиц	Удельный вес пошива и ремонта у частных лиц в общем расходе на эти цели		
			1958 г.	1962 г.	1963 г., 1-е полугодие
Рабочие промышленности	8,4	2,4	44,3	29,8	28,6
Рабочие совхозов	5,1	3,6	82,3	64,9	69,8
ИТР и служащие	11,1	3,1	41,5	28,9	28,2
Колхозники	4,7	3,8	86,7	79,2	79,4

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 79.

Если распространить средние данные по материалам обследования бюджетов, приходящиеся на одну семью, на все население РСФСР, то сумма уплаты частным лицам за шитье и ремонт одежды и обуви в 1-м полугодии 1963 г. составит более 117 млн руб., в том числе городским населением — 82 млн руб.

Таблица 26

**Денежные расходы семей рабочих промышленности, рабочих совхозов, колхозников, ИТР и служащих СССР на пошив и ремонт одежды и обуви у граждан по видам работ
(в % от всего денежного расхода)
(данные за 1-е полугодие 1963 г.)**

Виды расходов	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	ИТР и служащие	Колхозники
На пошив одежды	83,0	61,3	84,7	41,0
На пошив обуви	2,0	30,5	1,5	54,9
На ремонт одежды	1,4	1,6	2,3	0,3
На ремонт обуви	13,6	6,6	11,5	3,8

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 81.

ЦСУ СССР анализируя удельный вес денежных расходов на пошив и ремонт одежды и обуви у частных лиц, в общем расходе на эти цели, стремилось доказать снижение доли сферы частной инициативы. В частности, в 1958–1962 гг. у городского населения отмечено снижение пользования услугами частника: у рабочих промышленности — с 44 до 30%, в семьях ИТР и служащих, соответственно, с 42 до 29%, у сельского населения — с 82–87% до 65–79%. Однако данное снижение в коротком временном отрезке не показательно. Государство и само не было заинтересовано в большем падении деловой активности ЧХД, т.к. не могло решить проблему обеспечения населения социально-бытовыми услугами.

Таблица 27

Удельный вес расходов на покупку непродовольственных товаров у граждан в общем объеме покупок на эти цели в среднем на одну семью (сравнительные данные по СССР в 1954 и 1955 гг., в %)

Категории населения	I квартал		II квартал	
	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.
Семьи рабочих	21,5	32,8	22,8	26,5
Семьи колхозников	10,6	17,6	8,2	13,0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 37–38.

Проведенное в 1955 г. ЦСУ СССР обследование покупок продовольственных товаров у частных лиц по бюджетам 945 семей колхозников в 13 республиках, краях и областях показало, что доля частника в целом в структуре покупок продовольственных товаров составляла 24%, в том числе доля покупок вещей бывших в употреблении — 4%, случайных покупок не спекулятивного характера — 2%, у кустарей — 7%, у перекупщиков-спекулянтов — 11%.

Таблица 28

Удельный вес покупок у граждан в общем расходе на эти цели в среднем на одну семью в СССР в 1955 г. (в %)

Категории населения	I квартал			II квартал		
	Готовая одежда	Ткани	Обувь	Готовая одежда	Ткани	Обувь
Семьи рабочих	44,7	9	28,5	35,8	12,3	22
Семьи колхозников	31,1	0,6	20,5	19,9	0,5	12

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 37.

В 1955 г. в СССР семья рабочего затрачивала на покупку промышленных товаров у частных лиц 17–19%, а семья колхозника — 13–17% от общей суммы на покупку непродовольственных товаров.

Удельный вес покупок семьями рабочих и колхозников у кустарей, вещей б/у и у перекупщиков в общем объеме покупок у частных лиц в СССР в 1955 г. (в %)

Категории населения	I квартал				II квартал			
	Всего случаев	У кустарей	Вещи б/у	У перекупщиков	Всего случаев	У кустарей	Вещи б/у	У перекупщиков
Семьи рабочих	131	18,3	29,8	48,8	135	14,8	26,7	51,8
Семьи колхозников	170	20,6	32,4	38,2	82	9,7	40,2	39,0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 39.

В 1955г. обследование показало, что если все покупки непродовольственных товаров населения СССР у частных лиц принять за 100%, то 46% приходилось на покупки у перекупщиков-спекулянтов и 27% кустарей³⁰.

Удельный вес расходов на приобретение непродовольственных промышленных товаров у частных лиц по РСФСР в 1953, 1958, 1959 гг. (в %)

Категории населения	1953 г.	1958 г.	1959 г.
Рабочие промышленности	18	14	13
Рабочие совхозов	—	15	15
Колхозники	18	17	17
ИТР и служащие	14	10	10

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 153.

Учитывая довольно активную ограничительную политику государства в отношении частника во второй половине 1940-х — 1950-е гг., можно считать снижение удельного веса ЧХД незначительным.

Частная экономическая инициатива в каждый исторический период развития страны действовала в тех сегментах потреби-

тельского рынка, где государство было неспособно обеспечить население.

В годы войны у частника покупали: ткани, обувь, готовую одежду, белье, штучные товары, трикотаж, галантерею, дрова, керосин, мыло хозяйственное и туалетное и многое другое. В послевоенные годы структура покупок у частника меняется, появляются более дорогие товары, в том числе: меховая одежда, бытовая техника, мебель и др.

Таблица 31

Удельный вес расходов семей рабочих на покупку у граждан непродовольственных промышленных товаров в общих расходах на эти цели в СССР в 1955 г. (в %)

Виды товаров	I квартал	II квартал	I-е полугодие
Готовая одежда	37,4	47,4	42,4
Шерстяная	41,7	36,7	39,0
Шелковая	47,5	35,2	41,35
Меховые пальто и меховая одежда	—	91,1	—
Трикотажные изделия	21,3	42,9	32,1
Обувь	31,7	33,0	32,3
Кожаная	32,4	26,5	28,4
Резиновая	36,5	5,0	20,7
Валяная	32,0	56,7	44,3
Культтовары	15,5	47,2	31,3
Радиоприемники	76,1	86,0	81
Легковые автомашины и велосипеды	6,1	97,0	—
Часы наручные и карманные	—	48,9	—
Мебель	69,3	27,0	48,1

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 44.

Сравнивая структуру покупок у частника семьями рабочих и колхозников, можно отметить, что сельское население, ущемленное государством в обеспечении непродовольственными товарами, покупало у частных лиц зачастую не меньше горожан. Колхозники наиболее активно покупали у частника шерстяные изделия, женские пальто, мужские костюмы, хлопчатобумажные изделия, кожаную обувь, различные виды тканей и др.

Удельный вес покупок одежды, обуви и тканей семьями рабочих и колхозников у частных лиц по результатам бюджетных обследований в СССР в 1955 г. (в %)

Виды товаров	По данным 874 бюджетов семей рабочих		По данным 945 бюджетов семей колхозников	
	I квартал 1955 г.	II квартал 1955 г.	I квартал 1955 г.	II квартал 1955 г.
Покупка одежды				
Всего затрачено на покупку одежды у частных лиц в % к итогу	100	100	100	100
Шерстяные изделия	69	61	71	68
Пальто женские	23	9	27	15
Пальто мужские	12	20	20	5
Костюмы мужские	13	20	10	25
Хлопчатобумажные изделия	6	11	13	20
Шелковые изделия	8	17	8	8
Меховые изделия	11	3	4	2
Прочие виды одежды	6	8	4	2
Покупка обуви				
Всего затрачено на покупку обуви у частных лиц в % к итогу	100	100	100	100
Кожаная обувь	54	90	65	83
Сапоги	16	7	49	35
Ботинки и туфли женские	25	42	10	24
Валяная обувь	33	6	25	4
Резиновая обувь	12	3	9	10
Прочая	1	1	1	3
Покупку тканей				
Всего затрачено на покупку тканей у частных лиц в % к итогу	100	100	100	100
Шерстяные	69	54	42	36
Штапельные и костюмные	51	21	32	31
Пальтовые	18	33	10	5
Хлопчатобумажные	24	27	18	28
Льняные	1	1	—	1
Шелковые	6	18	40	35
Из них — штапельные	2	7	3	4

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 90–91.

Население СССР было вынуждено совершать основную часть покупок у «перекупщиков» и кустарей. Нередко граждане покупали вещи б/у (бывшие в употреблении).

Таблица 33

Удельный вес расходов на покупку новых товаров у перекупщиков, у кустарей по опросу в семьях рабочих, ИТР и служащих в СССР в 1955 г.

Виды товаров	Всего случаев покупок у граждан	В том числе			
		у перекупщиков	у кустарей	случайные покупки	вещи б/у
Меховые пальто	4	3	—	—	1
Готовая одежда	19	5	6	2	6
Обувь валяная	48	26	13	4	5
Мебель	20	—	11	—	9

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 433. Л. 45.

В 1970-е гг. ЦСУ СССР стремится оценить данные о приобретении гражданами импортных товаров. В частности, по сведениям за 1972–1974 гг., население страны в основном интересовало такие заграничные товары, как обувь, трикотажные изделия, готовая одежда, мебель и др.

В годы войны и восстановления частник торговал товарами первой необходимости, а в дальнейшем переключился на товары повышенного спроса, в том числе импортные.

Таблица 34

Доля покупки импортных товаров семьями рабочих, служащих и колхозников СССР в общей покупке непродовольственных товаров у перекупщиков, в % (данные 1972–1974 гг.)

Виды товаров	Рабочие и служащие	в т. ч. рабочие промышленности
Ткани	51,3	60
Штучные изделия из тканей	23,6	38,4
Готовая одежда	35,7	33,6
Трикотажные изделия	49,7	47,1
Обувь	61,3	66,4
Мебель	42,9	74,7

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 35. Л. 4.

ЦСУ СССР анализировались цены на вещевом рынке и у частных лиц. В 1953 г. статистическое обследование торговли наиболее ходовыми товарами определило средние цены покупок у частных лиц в процентном отношении к государственным розничным ценам: тюль гардинный — 231, валенки — 159, платки шерстяные — 158, платки пуховые — 156, ткань шерстена пальтовая — 153, ткань шерстяная плательная — 143, сапоги кожаные и кирзовые — 136, пальто мужское зимнее — 132. В среднем, по расчетам ЦСУ СССР, цены у спекулянтов были выше на 45—50%³¹.

В 1955 г. частники с наибольшей выгодой продавали: женские платья, сапоги, различные виды тканей, одеяла и многое другое.

Таблица 35

Средние цены покупок у частных лиц в % к государственным розничным ценам в СССР в 1-м полугодии 1955 г.

Виды товаров	Рабочие	Колхозники
Платья шерстяные и суконные	186	209
Сапоги кирзовые	151	205
Платья шелковые	—	200
Одеяла тканевые	—	190
Валенки	166	179
Ткань шерстяная плательная	159	175
Сапоги резиновые	166	168
Тюль гардинный	195	163
Жакеты плюшевые	—	163
Ткань шерстяная костюмная	155	157
Сапоги кожаные	139	155
Машины швейные	170	155
Ткань шерстяная пальтовая	132	155
Пальто демисезонные женские	—	148
Кровати	—	146
Платки пуховые	165	143
Костюмы шерстяные женские	—	136
Пальто мужские	135	135
Пальто зимнее женское	140	134
Костюмы шерстяные мужские	—	133
Босоножки кожаные	131	—
Телогрейки ватные	—	134

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 92.

Изучение бюджетов семей рабочих РСФСР в 1959 г. показало, что в целом от числа купленных товаров у частных лиц и перекупщиков было куплено с переплатой 29,9%. Новые товары составляли 16,9%, вещи, бывшие в употреблении, — 26%, покупки у кустарей — 27,3%³².

Таблица 36

Средняя цена купленных у отдельных граждан вещей в сравнении с их ценой в государственной торговле в РСФСР в 1959 г. (в руб.)

Виды товаров	Уплачено отдельным гражданам	Цена государственной торговли	Процент надбавки
Шерстяные ткани, за 1 м	129	102	36
Пальто, за 1 шт.	550	411	34
Костюмы, за 1 шт.	706	560	26
Трикотажно-шерстяные кофточки, за 1 шт.	265	195	36
Обувь катаная, за 1 пару	234	155	51
Радиоприемники, за 1 шт.	600	480	25

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 210. Л. 172.

За все купленные в 1-м полугодии 1963 г. товары у перекупщиков население переплатило сверх стоимости этих товаров в государственной и кооперативной торговле: рабочие промышленности, ИТР и служащие — 27–32%, рабочие совхозов и колхозники — 37–38%.

За купленные у частных лиц холодильники рабочие и служащие заплатили на 28–30% выше их государственной стоимости, или переплатили за каждый холодильник 43–60 руб.

За каждую стиральную машину, купленную у частных лиц, городское население переплатило по 9–14 руб., а сельское — по 23 руб. За каждый мотоцикл городское население переплатило по 25 руб., а сельское — по 93 руб. За одно изделие готовой шерстяной одежды городское и сельское население переплатило 4–7 руб., за каждую трикотажную шерстяную кофту, джемпер и др. — 6–8 руб.

Средние цены приобретения товаров у перекупщиков в % к средним ценам на данные товары в государственной и кооперативной торговле (данные за 1-е полугодие 1963 г.)

Виды товаров	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	ИТР и служащие	Колхозники
Ткани хлопчатобум.	132,9	152,9	138,7	147,6
из них: ситец	143,1	152,6	133,3	149,3
вельвет и плюш	114,8	—	—	169,4
Ткани шерстяные	136,4	180,8	—	115,0
Ткани шелковые	118,9	123,0	116,0	124,2
Головные платки	149,1	157,3	150,4	155,8
Готовая одежда (хлопчбум.)	129,1	144,5	122,7	127,2
Готовая одежда (шерст.)	124,7	123,4	112,1	119,0
Готовая одежда (шелк.)	127,4	132,8	117,9	124,8
Трикотаж. изделия	134,3	139,3	128,9	139,0
в том числе: мужские и женские шерстяные кофты, джемперы и т.п.	132,4	139,0	128,0	133,5
Обувь кожаная (муж.)	124,4	133,0	125,0	120,5
Обувь кожаная (жен.)	120,2	127,8	129,5	120,9
Обувь кожаная (дет.)	134,6	150,0	166,7	129,1
Обувь резиновая	129,7	—	150,0	125,9
Обувь валяная	143,2	140,5	135,1	142,0
Шкафы для платья	113,6	—	—	116,0
Буфеты, серванты	105,1	180,0	125,0	105,0
Телевизоры	124,4	—	105,6	113,3

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 78.

По примерным расчетам ЦСУ СССР, в 1972 г. при покупке населением дефицитных товаров у перекупщиков-спекулянтов переплаты составили около 800 млн рублей, в том числе: городским населением — 360 млн руб., сельским населением — 440 млн руб.

Переплаты при покупке дефицитных непродовольственных товаров у перекупщиков-спекулянтов в среднем по стране превышали 45%, в том числе рабочими, служащими — 41% и

колхозниками — 53%, стоимости соответствующих товаров в государственной и кооперативной торговле.

По примерным расчетам ЦСУ СССР, в 1974 г. при покупке населением дефицитных товаров у перекупщиков-спекулянтов переплаты составили около 825 млн рублей, в том числе: городским населением — 545 млн руб., сельским населением — 280 млн руб.

Таблица 38

Стоимость товаров у перекупщиков-спекулянтов в % к стоимости этих товаров в государственной торговле в 1972 и 1974 гг.

Виды товаров	Рабочие и служащие		Колхозники	
	1972 г.	1974 г.	1972 г.	1974 г.
Готовая одежда	140	136	146	145
В т.ч. меховая одежда и меха	144	139	150	149
Шелковые ткани	153	161	162	165
Штучные изделия из тканей	154	153	188	175
Трикотажные изделия	133	134	139	148
Обувь	139	136	147	148
Мебель	131	134	139	145
Ковры и ковровые дорожки	146	143	165	159
Культтовары и спорттовары	141	148	136	140
Строительные товары	151	147	154	152

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 35. Л. 3.

ЦСУ высчитывало «переплату» сверх государственных цен на товары и продукты, которых не было в государственных магазинах, т.к., если бы они там были, не надо было бы переплачивать. Поэтому цена «с переплатой» — это равновесная рыночная цена, сформированная не спекулянтами, а государственной политикой. Ниже цена могла стать при двух условиях:

1. Наступление изобилия в государственной торговле по низким ценам (расцвет социалистического сельского хозяйства).
2. Конкуренция между легализованным частником (сельским товаропроизводителем).

Первое государство обеспечить не могло, а второе не хотело. Это тот случай, когда верхи не могут... а низы хотят есть, причем сейчас, а не в «светлом будущем».

По итогам обследований органы ЦСУ СССР назвали основные причины, способствующие спекуляциям и росту частной инициативы в целом:

- 1) недостаточность рыночных фондов по ТНП;
- 2) «недостаточное знание торговыми организациями покупательского спроса» и, в связи с этим «несоответствие имеющегося в торговой сети ассортимента непродовольственных товаров спросу населения»;
- 3) неравномерное поступление товаров от промышленности и оптовых баз в розничную торговую сеть;
- 4) «сращивание» отдельных торговых работников, работников промышленности и кооперации со «спекулятивными элементами»;
- 5) недостаточная борьба с «расхитителями социалистической собственности» как в торговле, так и в других отраслях народного хозяйства, особенно на производственных предприятиях;
- 6) слабая борьба со спекуляцией со стороны органов милиции и судебных органов³³.

Таким образом, статистические органы видели причины существования ЧХД (спекуляции) во внеэкономической плоскости. Главный вопрос о системных причинах «недостаточности товарных фондов» не поднимался и не анализировался, равно как и причина «незворотливости» торгов, в сравнении с чрезвычайной «разворотливостью» частника. Из предложенных ЦСУ выводов плано-регулирующие органы могли сделать однозначный вывод о необходимости усиления административного нажима, поиска виновных. При этом реальные причины дефицита не анализировались. Вместе с тем работу ЦСУ нельзя признать бесполезной. Анализируя частную инициативу на потребительском рынке, статорганы сегментировали потребительский рынок, вводили в отчетность новые понятия. В частности, в состав понятия «покупки у частных лиц» ЦСУ СССР включало:

1. Покупки вещей, бывших в употреблении.
2. Покупки товаров семьями рабочих, крестьян и служащих друг у друга вследствие того, что товары оказались неподходящими для семей их купившим по размеру, фасону, расцветке и другим причинам.
3. Покупки у кустарей, включая бытовой ремонт и индивидуальный пошив одежды и обуви у кустарей.
4. Покупки товаров у перекупщиков-спекулянтов.

Отслеживание п. 4 было ценно тем, что фиксировался и анализировался оборот разрешенных в гражданском обороте товаров запрещенными УК РСФСР способами.

Данные ЦСУ позволяли не только показывали объемы продаж, но и позволяют оценить причины, толкавшие население на «свободный рынок».

**Причины покупок населением непродовольственных товаров у перекупщиков и кустарей в СССР в 1959 г.
(в %)**

Виды товаров	Рабочие промышленности			Колхозники		
	Отсутствие необходимых товаров в государственной и кооперативной торговле	Отсутствие необходимого ассортимента	Прочие причины	Отсутствие необходимых товаров в государственной и кооперативной торговле	Отсутствие необходимого ассортимента	Прочие причины
Ткани	33,1	23,5	43,4	69,1	22,2	8,7
Готовая одежда	31,0	31,8	37,2	43,3	39,1	17,6
Трикотажные изделия	71,6	21,3	7,1	71,0	25,1	3,9
Обувь	58,1	21,5	16,4	59,2	32,9	7,9
Мебель	53,2	19,2	27,6	72,3	16,1	11,6
Ковры	78,3	13,4	8,3	77,1	13,2	9,7
Хозтовары	72,4	19,1	8,5	72,1	22,0	5,9
Культтовары	19,2	21,4	59,4	17,2	31,7	51,1
Бытовые электроприборы	81,8	—	18,2	—	—	—
Стройматериалы	75,7	15,6	8,7	84	42,8	3,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 921. Л. 160.

**Причины покупок непроизводственных товаров населением у перекупщиков и кустарей в СССР
(данные за 1-е полугодие 1963 г., в %)**

Виды товаров	Рабочие промышленности		Рабочие совхозов		ИТР и служащие		Колхозники	
	Отсутствие в госторговле товаров необходимого ассортимента	Другие причины	Отсутствие в госторговле товаров необходимого ассортимента	Другие причины	Отсутствие в госторговле товаров необходимого ассортимента	Другие причины	Отсутствие в госторговле товаров необходимого ассортимента	Другие причины
Ткани	100,0	—	100,0	—	93,9	6,1	100,0	—
Штучные изделия из тканей	87,8	12,2	98,8	1,2	79,5	20,5	98,4	1,6
Готовая одежда	79,2	20,8	100,0	—	82,2	17,8	96,3	3,7
Трикотажные изделия	97,5	2,5	98,6	1,4	97,5	2,5	98,9	1,1
Чулки и носки	99,6	0,4	100,0	—	99,5	0,5	95,9	4,1
Обувь	76,2	23,8	96,4	3,6	83,3	16,7	94,7	5,3
Мебель	79,6	20,4	89,5	10,5	85,0	15,0	94,3	5,7

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 77.

Как справедливо отметила Е.А. Осокина, «рынок также участвовал в формировании социальной структуры. Он улучшал материальное положение людей и создавал свою иерархию. Место в ней определялось не решениями Политбюро, а личной инициативой и удачей. Однако в условиях, когда основная рыночная активность развивалась нелегально, богатство, формируемое рынком, обречено было оставаться незаконным, а его миллионеры — подпольными»³⁴.

Перед ЦСУ СССР стояла задача определить уровень доходов перекупщиков-спекулянтов. При этом доходы «перекупщиков» определялись как разница между стоимостью товаров по спекулятивным и государственным розничным ценам. Рабочие и колхозники часто покупали у частных вещи б/у или были вынуждены переплачивать за новые более дорогие товары, к которым они не могли получить доступа. На основании примерных расчетов ЦСУ СССР пытались определить уровень доходов частных и спекулянтов-перекупщиков.

В 1954 г. население СССР приобрело непродовольственных промышленных товаров на сумму 207 млрд руб. Доходы кустарей и ремесленников были определены в сумму около 10 млрд руб. Если распространить средние данные, приходящиеся на одну семью, на все население РСФСР, то выходит, что перекупщики-спекулянты получили с населения в 1-м полугодии 1963 г. «спекулятивного барыша» свыше 40 млн руб. (с учетом деминации 1961 г.). В 1964 г., по расчетам ЦСУ СССР, «перекупщики-спекулянты» получили с населения спекулятивного «барыша» около 200 млн руб.

Таблица 41

**Сводные данные о доходах перекупщиков-спекулянтов
в 1958–1971 гг.**

Год	Всего продано промтоваров частниками по спекулятивным ценам, в млн руб.	Стоимость этих товаров по государственному розничным ценам, в млн руб.	Доходы частных от продажи промтоваров, в млн руб.	Доходы частных в % к стоимости товаров по государственным розничным ценам
1958	1900	1500	400	27
1960	1590	1260	330	26
1965	860	720	140	19
1970	1400	1180	220	19
1971	1660	1400	260	19

Расчитано и составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 49. Д. 39. Л. 4.

«Подпольные миллионеры по материальному состоянию не уступали “законной” элите, формируемой системой государственного распределения. В реальной жизни иерархии, формируемые централизованным распределением и рынком, переплетались. Богатство, создаваемое централизованным распределением и рынком, существовало как параллельно, так и срашивалось, ибо положение в системе централизованного распределения давало и преимущества в подпольной рыночной деятельности»³⁵.

Не только «воротилы теневой экономики» обладали денежными средствами, но и обычные граждане имели сбережения, которые не могли должным образом реализовать на потребительском рынке. ЦСУ СССР были собраны данные об объеме предполагаемых покупок населением непродовольственных товаров, пользующихся повышенным спросом. При этом учитывался спрос, обеспеченный на 75% и более наличными деньгами или вкладами в сберегательной кассе.

Таблица 42

**Структура предполагаемых покупок населением
непродовольственных товаров (данные на 1972–1974 гг.)**

	В руб. — в среднем на семью	В % к итогу
Весь объем предполагаемых расходов из них на покупку:	181,4	100
легковых автомобилей и мотоциклов	80,5	44,4
ковров и ковровых дорожек	30	16,5
готовой одежды	22,3	12,3
мебели	16,2	9
обуви	10,4	5,7
электробытовых товаров	8,6	4,7
верхнего трикотажа	6,7	3,7
культтоваров	4,3	2,4
тканей	2,4	1,3

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 35. Л. 5.

Статматериалы позволяют нам затронуть проблему региональных особенностей развития ЧХД в СССР. Статорганы не всегда проводили региональные группировки данных. Особое внимание уделялось тем регионам, где дела с обеспечением населения товарами широкого потребления обстояли хуже всего. В РСФСР сложная ситуация на потребительском рынке существовала на окраинах, в частности в Сибири.

**Удельный вес покупок рабочими промышленных товаров
у «отдельных граждан» в 1953 г. (в %)**

Регион	В сумме расходов		В количестве купленного			Доля уплаты отдельным гражда- нам за шитье и починку
	Ткани, одежда, обувь	В том числе на готовую шерстяную одежду	Кожаной обуви	Валяной обуви	Шер- стяных тканей	
РСФСР	16,3	22,4	7	51,1	14	54,6%
Западная Сибирь	22,3	30,1	9,4	49,4	12,5	50,8%
Восточная Сибирь	23,4	37,6	12,7	45,2	18,2	52,5%

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 210. Л. 197.

ЦСУ СССР прежде всего интересовали развитые промышленные регионы страны. Здесь социально-бытовая сфера была слабой, и для частной инициативы было широкое поле деятельности.

**Доля покупок непродовольственных товаров у частных лиц в общей
сумме покупок непродовольственных товаров по обследованию
1955 г. (в %)**

Город	Покупки у частных лиц в общей сумме покупок непродовольственных товаров	В том числе			
		Покупки вещей бывших в употреблении	Случайные покупки не спекулятивного характера	Покупки у кустарей	Покупки у перекуп- щиков-спекулянтов
Всего по 15 городам	19	5	1	5	8
Барнаул	28	9	1	5	13
Караганда	34	4	1	2	27
Кемерово	27	7	1	6	13
Краснодар	23	7	0,5	11,5	4
Челябинск	17	8	1	3	5
Горький	14	4	1	4	5

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 86.

В 1972 г. ЦСУ СССР исследовало денежные расходы семей рабочих, служащих и колхозников СССР на покупку непродовольственных товаров у частных лиц по союзным республикам. В общей массе непродовольственных товаров, приобретенных у частных лиц, были выделены покупки у перекупщиков-спекулянтов (в рублевом и процентном значении).

В целом по СССР в 1972 г. на приобретение непродовольственных товаров у частных лиц городская семья тратила 66,2 руб. В том числе 27,2 руб. (что составило 41%) рабочие и служащие заплатили перекупщикам-спекулянтам. Колхозники истратили на покупки у частных лиц 117,2 руб., и в том числе у перекупщиков-спекулянтов — 64,3 руб. (или 54,8%). В РСФСР показатели оказались несколько ниже, но тенденции просматриваются те же.

Таблица 45

Денежные расходы семей рабочих, служащих и колхозников СССР на покупку непродовольственных товаров у частных лиц в 1972 г. по союзным республикам

Республика	Рабочие и служащие		Колхозники			
	Всего куплено непрод. товаров у частных лиц в среднем на семью	В том числе куплено у перекупщиков-спекулянтов	Всего куплено непрод. товаров у частных лиц в среднем на семью		В том числе куплено у перекупщиков-спекулянтов	
			в руб.	в %	в руб.	в %
1. СССР	66,2	27,2	41,0	117,2	64,3	54,8
2. РСФСР	58,2	19,5	33,5	78,7	31,6	40,2
3. Украинская ССР	76,4	39,8	52,1	105,3	67,0	63,6
4. Белорусская ССР	31,0	15,7	50,7	28,9	12,7	44,1
5. Узбекская ССР	121,0	62,8	51,9	402,2	231,1	57,5
6. Казахская ССР	67,8	24,7	36,5	82,8	37,0	44,7
7. Грузинская ССР	101,3	59,9	59,1	154,3	83,9	54,4
8. Азербайджанская ССР	107,8	53,0	49,2	94,8	73,0	77,0

Таблица 45 (окончание)

Республика	Рабочие и служащие		Колхозники			
	Всего куплено непрод. товаров у частных лиц в среднем на семью	В том числе куплено у перекупщиков-спекулянтов	Всего куплено непрод. товаров у частных лиц в среднем на семью		В том числе куплено у перекупщиков-спекулянтов	
			в руб.	в %	в руб.	в %
9. Литовская ССР	116,0	38,2	32,9	72,0	28,9	40,2
10. Молдавская ССР	44,0	19,5	44,2	88,9	35,8	40,2
11. Латвийская ССР	67,1	9,6	14,3	28,9	1,4	4,9
12. Киргизская ССР	85,2	50,7	59,5	156,0	96,2	61,7
13. Таджикская ССР	93,8	54,0	57,5	264,5	138,1	52,2
14. Армянская ССР	107,9	80,8	74,9	267,7	135,1	50,5
15. Туркменская ССР	155,0	91,5	59,0	674,8	478,4	70,9
16. Эстонская ССР	17,7	1,9	10,8	65,9	12,2	18,5

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 37. Л. 5.

Среди граждан союзных республик наибольшие средства на покупки у частных лиц тратили жители Туркменской ССР — 155 руб. в среднем на семью рабочих и служащих и 674,8 руб. — колхозники. В то же время в семьях рабочих и служащих у перекупщиков-спекулянтов больше других покупали в Армении — 74,9%, а в семьях колхозников в Азербайджанской ССР — 77%. Именно южные республики СССР (Закавказье и Средняя Азия) «лидируют» в данном обследовании.

Наименьшие показатели расходов на покупки у частника среди горожан мы находим в Эстонской ССР (17,7 руб.) и Белорусской ССР (31 руб.). У селян в отстающих Белорусская ССР и Латвийская ССР (по 28,9 руб.).

Перекупщики-спекулянты «хуже всего обслуживали» жителей Эстонской ССР и Латвийской ССР (10,8 и 14,3% в городе, а также 18,5 и 4,9% на селе, соответственно). ЦСУ не дает удовлетворительного объяснения разницы по республикам. В связи с тем, что мы в основном изучали показатели РСФСР, данная проблема представляется темой специального исследования.

Приведенные данные обследования статорганов подтверждаются материалами западных советологов. В исследовании Гроссмана-Тремла участвовало только городское население СССР. Респонденты ранее проживали в различных республиках СССР: РСФСР — 446 семей, Украина — 119, Прибалтика — 45, Белоруссия — 37, Молдавия — 28, Армения — 210, Грузия — 46, Азербайджан — 38 и, наконец, 5 семей из Южного Казахстана; всего из южных республик — 332 семьи. Национальный состав респондентов был таков: 52,2% — евреи, 23,9% — армяне, 19,7% — русские, украинцы, белорусы (национальность определяется в соответствии с внутренними советскими паспортами)³⁶. Фактически половина опрошенных семей приехала из Армении или Ленинграда.

Исследователи отмечают высокую степень развития теневых отношений в южных республиках — региона, который играет очень важную роль в советской «второй экономике» (в терминологии Гроссмана).

Высокие масштабы развития ЧХД в южных регионах СССР также подтверждаются тем, что первая в СССР историческая диссертация по проблемам частной инициативы в экономике была написана в Грузии³⁷.

В РСФСР в 1963 г. наибольшая доля покупок непродовольственных промышленных товаров у частных лиц была в обследуемых семьях рабочих промышленности Ростовской области и Краснодарского края — 13%, Ивановской, Пензенской областей, Чечено-Ингушской АССР и Красноярского края — 11%. В обследуемых семьях рабочих промышленности гор. Москвы доля покупок непродовольственных промтоваров у граждан составила 3%, гор. Ленинграда, Мурманской области и Хабаровского края — 4%, Кировской Новосибирской, Кемеровской областей, Коми, Татарской и Башкирской АССР — 5%.

В обследуемых семьях колхозников наибольшая доля покупок непродовольственных промышленных товаров была в Рязанской области — 15%, Куйбышевской — 14%, Тамбовской и Ростовской областях и Татарской АССР — 13%³⁸.

В 1972 г. в РСФСР уровень переплат перекупщикам семьями рабочих и служащих составлял 39%: в Кировской области — 24%, в г. Москва и Краснодарском крае — 35%, в Алтайском

крае — 52% и в Новосибирской области — 53%. Переплаты семьями колхозников составили в Амурской и Пермской областях — 13—18%, в Вологодской, Оренбургской и Волгоградской областях и в Алтайском крае — 52—70%³⁹.

В 1974 г. наибольшие размеры переplat при покупке непродовольственных товаров у перекупщиков были в семьях рабочих и служащих Волгограда и Ростова — 52—53%, Мурманска и Приморского края — 45—46%. Переплаты колхозниками Новосибирской области — 87%, Псковской области — 69%, Горьковской, Орловской областей и Ставропольского края — 57—60%⁴⁰.

Масштабная и многолетняя деятельность ЦСУ СССР и статорганов союзных республик по обследованию бюджетов населения, оценке масштабов и цен «свободного» рынка позволяет сделать некоторые выводы в плане изучения места частного в социалистической экономике.

1. Включение «частника» в статистическую отчетность свидетельствовало о признании его существования как субъекта рынка. Это важно, т.к. многих явлений (например, проституции — в СССР официально вообще не существовало).

2. Периодичность проведения обследований позволила выработать алгоритм и методику работы, которая позволила ЦСУ не замкнуться в рамках обcчета исключительно плановых пропорций, а «сохранять форму» для изучения свободной рыночной конъюнктуры, что может быть востребовано и сегодня.

3. Доступные результаты обследований говорят о невысоком уровне аналитической работы, отсутствии научной обработки данных, выявлении тенденций, построении пропорций.

4. Данные ЦСУ, как правило, оказывались невостребованными. С одной стороны, партийные и правительственные органы запрашивали информацию о «частнике», о проблемах и трудностях в торговле и социально-бытовой сфере, с другой — полученная информация требовала принятия таких мер и решений, которые никак не вписывались в социалистическую систему хозяйства.

Таким образом, в нашем распоряжении находятся статистические материалы ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР, характеризующие развитие частной хозяйственной деятельности на потребительском рынке страны в целом и отдельных регионов в частности.

Тема удельного веса рынка в обеспечении населения продуктами питания требует специального изучения. В данной статье, прежде всего, представлены данные о роли ЧХД в торговле непродовольственными промышленными товарами и

оказании услуг населению. Как уже отмечалось, наиболее активные исследования на государственном уровне в отношении частной экономической инициативы проводились в 1950-е гг.: 1953–1959 гг. Обследования были продолжены и в 1960–1970-е гг. (1960–1964; 1972–1974 гг.).

Учитывая проблему относительной сопоставимости данных ЦСУ, мы имеем возможность проследить общие тенденции развития ЧХД.

Таблица 46

Расходы рабочих промышленности и колхозников СССР на покупку непродовольственных товаров у частных лиц в 1959–1964 гг.

Год	Расходы на покупку у частных лиц	
	в руб.	в % к общему расходу на эти цели
Рабочие промышленности		
1959	91,3	14
1964	42,9	7
1972	66,2	6,7
Колхозники		
1959	67,8	19
1964	52,4	12
1972	117,2	14

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 26.

Снижение показателей может иметь неоднозначную трактовку. Во-первых, контролирующие органы сами всегда признавали заниженность своих расчетов. Во-вторых, репрессивная политика власти по отношению к ЧХД выталкивала немалую ее часть в «тень», все большую роль в обеспечении населения играли перекупщики-спекулянты, «фарцовщики», «цеховики» и другие представители «теневой» экономики.

В ходе эволюции советской экономической системы частная хозяйственная деятельность набирала все большие масштабы, все теснее переплеталась с официальной экономикой. «Частника» вынужденно терпели, так как он восполнял пробелы в снабжении населения. Власть не просто не могла, но особенно и не стремилась уничтожить частную деятельность в экономике. Не были найдены и эффективные механизмы, которые бы наладили «мирное сосуществование» с частником.

ЦСУ СССР могло стать центром накопления информации и выработки стратегии государственной политики в отношении частной хозяйственной деятельности. Широкомасштабная научная и практическая деятельность статорганов могла стать основой эффективной экономической политики. Однако полученные ЦСУ данные должным образом не анализировались, на их основе не принималось адекватных ситуации решений. Обследования, проводимые статистическими органами, за десятки лет не претерпели никаких изменений. Плановая система оказалась неспособной не то что использовать потенциал частной экономической инициативы, а даже более или менее адекватно ее изучить.

Примечания

¹ Журавский Дмитрий Петрович (1810–1856) — видный русский экономист-статистик, один из родоначальников бюджетных обследований в России, по оценке Н.Г. Чернышевского, «замечательный», «высокоталановитый ученый», «один из самых драгоценных приобретений, сделанных русскою наукою в течение всего настоящего столетия». Журавский — автор монументального «Статистического описания Киевской губернии» и др. работ. Приведена цитата из монографии Журавского «Об источниках и употреблении статистических сведений».

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С.207–208.

³ Непомнящая О.В. Личное подсобное хозяйство в эволюции форм аграрного производства (По материалам Амурской области): Дисс. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2000. С. 5.

⁴ Виттенберг Г.Б. Ответственность за спекуляцию. М., 1962. С.29.

⁵ Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. Очерки теории. М., 2000.

⁶ Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность в экономике СССР в 1945–1960 гг. (На материалах Западной Сибири): Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2002. С. 3.

⁷ Об индивидуальной трудовой деятельности. Закон СССР от 19 ноября 1986 г. № 6050-ХІ/ ВВС СССР. 1986. № 47. Ст. 964.

⁸ Радаев В. Хозяйственный мир России: советское общество // РЭЖ. 1996. № 4. С. 74.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 158.

¹⁰ Минц Б. Политическая экономия социализма. М., 1965; Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966.

¹¹ Кулида В.Ю. Необщественное производство в условиях развитого социализма. Львов, 1978.

¹² Осокина Е.А. За фасадом «Сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999 и др.

¹³ Чуднов И. А. Денежная реформа 1947 г. в контексте советской денежно-кредитной политики Кемерово, 2002 и др.

¹⁴ Корягина Т.И. Индивидуальный труд в сфере услуг. М., 1989; Лушина Н.Л. Мелкое производство при социализме. М., 1988.

¹⁵ Grossman G., Treml V.G. Measuring Hidden Personal Incomes in the USSR // *The Unofficial Economy. Consequences and Perspectives in Different Economic Systems* / Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. Gower, 1987. P. 285–296.; Ofer G., Vinokur A. *The Soviet Household under the Old Regime: Economic Conditions and Behavior in the 1970's*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.

¹⁶ Часть материалов, используемых в статье уже были опубликованы автором лично и в соавторстве с доктором экономических наук И.А. Чудновым и обсуждены на научных конференциях регионального и российского масштаба.

¹⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 39–41, 82–100; Оп. 327. Д. 1044. Л. 100–134.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26; Д. 382. Л. 39; Д. 921. Л. 149; Оп. 327. Д. 1044. Л. 131.

¹⁹ Там же. Оп. 26. Д. 921. Л. 154.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 72–82.

²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 35. Л. 1. Д. 37. Л. 1.

²² Казанцев Б.Н. Неизвестная статистика уровня жизни рабочего класса // *Социс*. 1993. № 4. С. 3–4.

²³ Белкин В.Д. *Цены единого уровня и экономические измерения на их основе*. М., 1963. С. 181.

²⁴ *Экономическая социология и перестройка*. М., 1989. С. 50.

²⁵ Katkoff V. *Soviet economy 1940–1965*. Baltimore, 1961. P. 11.

²⁶ ЦДНИ ОО. Ф. 267. Оп. 19. Д. 141. Л. 110.

²⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 63. Л. 655.

²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 92; Д. 433. Л. 19; Казанцев Б.Н. «Частник в сфере бытового обслуживания // *Социологические исследования*. 1993. № 11. С. 50–57.

²⁹ Хрущев Н.С. *Отчетный доклад ЦК КПСС XX-му съезду партии*. М.: Госполитиздат, 1956. С. 71–72.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 43. Д. 4. Л. 106–111.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 88.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Оп. 1562. Д. 382. Л. 87, 95.

³⁴ ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 98.

³⁵ Осокина Е.А. *За фасадом «Сталинского изобилия»...* М., 1999. С. 125.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ <http://corruption.rsu.ru>

³⁸ Двали И.О. *Формы проявления частнособственнических тенденций, пути и средства их преодоления (на примере Грузинской ССР)*: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1985.

³⁹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32. Д. 11607. Л. 72–82.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 37. Л. 1–5.

⁴¹ Там же. Оп. 56. Д. 35. Л. 1–5.

Архивные фонды
в изучении экономической истории
России

*П.А. Кюнг**

Информационный потенциал архивных фондов военно-промышленных комитетов и их значение для изучения истории экономического развития Российской империи (1915–1918 гг.)

Военно-промышленные комитеты (ВПК) заняли прочное место в ряду организаций, неразрывно связанных с историей Первой мировой войны в России; ни одна работа, где в какой-либо степени затрагиваются хозяйственные вопросы этого периода, не может пройти мимо них. Это связано с тем, что возникшие в 1915 г. по инициативе отечественных предпринимателей для помощи правительству в мобилизации экономики Российской империи¹, к 1917 г. они распространили свою деятельность практически на всю территорию страны и все отрасли экономики². К моменту ликвидации они накопили богатейший документный массив по экономической, политической и социальной истории страны периода 1915–1918 гг.³

Историография ВПК насчитывает десятки специальных статей, монографий и диссертационных работ. Несмотря на это, можно констатировать, что интерес к ним не только не ослабевает, а постоянно растет. Следует отметить постоянную актуализацию документов ВПК в исторических исследованиях. Это говорит, с одной стороны, об их востребованности, а с другой — о том, что информационный потенциал архивных фондов ВПК до настоящего времени далеко не исчерпан.

Архивные фонды военно-промышленных комитетов привлекаются исследователями, прежде всего, для изучения собственно истории комитетов, их места в политической системе Российской империи и в структуре управления экономикой⁴. Но их возможности как источников по экономической истории Российской империи периода Первой мировой войны использовались пока в незначительной степени.

* Кюнг Павел Алексеевич — кандидат исторических наук (Истори-ко-архивный институт, РГГУ).

В данной статье на примере архивных фондов Центрального (ЦВПК) и Московского военно-промышленных комитетов (МВПК) рассматривается информационный потенциал документов ВПК, показываются те возможности, которые они открывают для исследователя, прежде всего, в области экономической истории. Выбор этих организаций обусловлен масштабом их деятельности в сравнении с остальными военно-промышленными комитетами и достаточно высокой репрезентативностью сохранившихся документов.

При рассмотрении архивных фондов ВПК, на наш взгляд, наиболее целесообразно применять три принципа систематизации⁵: функциональный, номинальный и предметно-тематический. Причем последний является наиболее значимым. Это оправдывается несколькими факторами: нестабильность структуры ВПК не позволяет достаточно определенно систематизировать их материалы по структурному принципу. Недолговечность существования не дает оснований применять принцип хронологический. Авторский и корреспондентский представляются достаточно перспективными, но скорее при составлении справочника или каталога фондов ВПК.

Выбор же для систематизации вышеуказанных трех принципов определяется особенностями деятельности ВПК и формирования их фондов⁶. Для раскрытия информационного потенциала материалов ВПК наиболее перспективным представляется предметно-тематический принцип, позволяющий наиболее полно осветить направления деятельности комитетов. Целесообразно также применение в качестве вспомогательных номинального и функционального принципов в силу разнообразия документации ВПК, объясняющейся как непосредственной спецификой их работы, так и спецификой политической и экономической ситуации.

1. Предметно-тематическая классификация

Предметно-тематическая классификация материалов должна способствовать, прежде всего, более полному выявлению источников по различным проблематикам, а следовательно, и интенсификации их использования. Необходимость этого обуславливается тем, что, на наш взгляд, историки еще недостаточно привлекают эти богатейшие материалы для изучения истории России в годы Первой мировой войны. Наличие довольно обширных лакун в фондах приводит нас к тому, что материалы

ЦВПК и МВПК необходимо рассматривать совместно, поскольку они во многом дополняют друг друга.

В фондах военно-промышленных комитетов можно выделить пять больших тематических комплексов:

- 1) материалы по нормативно-правовому регулированию деятельности ВПК;
- 2) материалы о выполнении военно-промышленными комитетами оборонных заказов;
- 3) документы, отражающие деятельность ВПК в области науки и техники;
- 4) материалы по экономической и финансовой деятельности военно-промышленных комитетов;
- 5) материалы по истории рабочего движения.

При анализе документов ВПК следует учитывать, что большинство документов имело сложный характер и структуру и, следовательно, могут быть отнесены сразу к нескольким группам. Также следует признать, что информационное богатство этих материалов позволяет выделить и другие тематические группы документов в зависимости от вопросов, которые поставит исследователь, но классификация, изложенная выше, на наш взгляд, позволяет наиболее полно отразить содержание этих документов.

1.1. Материалы по нормативно-правовому регулированию деятельности военно-промышленных комитетов

Необходимость выделения нормативных документов ВПК в отдельную тематическую группу обосновывается особым значением этих документов. Дело в том, что для ВПК утверждаемые ими Положения и Наказы являлись документами, прежде всего, программными, поэтому как сами нормативные документы, так и связанные с ними журналы заседаний или протоколы съездов являются бесценным источником по истории как самих комитетов, так и политической и экономической ситуации в стране в целом.

Основным нормативным документом являлось Положение о военно-промышленных комитетах, которое принималось на съезде ВПК и утверждалось высшей властью. Проект Положения о военно-промышленных комитетах обсуждался на первом заседании ЦВПК 4 июня 1915 г.⁷ и был одобрен на Первом съезде военно-промышленных комитетов 26–27 июня 1915 г.⁸ Тогда же был принят и «Наказ о порядке образования и действия военно-промышленных комитетов и их съездов»⁹. Эти до-

кументы определяли порядок создания и функционирования сети ВПК по всей империи.

На основе Положения о ВПК областные и местные комитеты создавали Наказы, определявшие их деятельность. Наказы ВПК являются важнейшими нормативными документами, определявшими основы их деятельности, структуру, соподчиненность структурных единиц. Изучая изменения в этих документах, которые вносились по мере изменения политической обстановки в стране и увеличений функций ВПК, можно проследить масштабы деятельности комитетов, основные направления деятельности.

Первым нормативным документом Московского комитета, который мы можем зафиксировать, является рукописный Проект создания МВПК, который сохранился в фонде Московского биржевого комитета¹⁰. Он определял организации, которые войдут в состав комитета¹¹, поименный список его членов¹². Изучение данного документа показывает, что первоначально Московский военно-промышленный комитет задумывался как координационный орган уже существовавших представительных организаций московской буржуазии.

8 июня на заседании Организационного бюро была выработана «Схема — Наказ» организации комитета¹³, утвержденная на собрании выборных МБО¹⁴. Этот документ уникален тем, что он утвержден до одобрения на съезде ВПК Положения о военно-промышленных комитетах, а следовательно, отражает исключительно точку зрения московской буржуазии на задачи, которые должны быть поставлены перед ВПК.

Создание ВПК было закреплено Законом от 27 августа 1915 г., в связи с этим в Московском комитете разрабатывается новый Наказ, который утверждается на Бюро ЦВПК 9 октября 1915 г.¹⁵ Вторая редакция Наказа была приведена в соответствие с нормативными документами, утвержденными на съезде военно-промышленных комитетов.

Последняя редакция Положения о военно-промышленных комитетах и Наказа Московского военно-промышленного комитета была создана уже после Февральской революции. Эти документы наиболее ярко демонстрируют политическую позицию комитетов, их понимание своей роли в регулировании экономики страны.

Наиболее полную информацию о перипетиях выработки этих нормативных документов дают материалы съездов и конференций ВПК. На 3-м Всероссийском съезде представителей

ВПК, состоявшемся 16–19 мая 1917 г.¹⁶, был поставлен вопрос о включении в задачи ВПК демобилизацию промышленности. К работе ВПК предлагалось привлечь представителей демократических общественных и профессиональных организаций¹⁷.

Более радикальные предложения по изменению Положения о ВПК были высказаны на 1-й Всероссийской конференции служащих и рабочих военно-промышленных комитетов 12 мая 1917 г.¹⁸ В принятой на конференции резолюции предполагалось, что военно-промышленные комитеты станут государственными учреждениями, построенными на началах представительства торгово-промышленных, рабочих и общественных организаций и органах правительства¹⁹. Подобные вопросы обсуждались и на совещании представителей ВПК по демобилизации, состоявшемся 6–7 октября 1917 г. в Москве²⁰.

Письмо о пересмотре Положения и Наказа о ВПК было направлено Временному правительству весной 1917 г.²¹, но сам документ был окончательно одобрен на заседаниях ЦВПК 16–18 октября 1917 г.²² Этот документ во многом является итоговым, в нем содержится серьезная заявка на будущую деятельность комитетов после войны.

16 января 1918 г., несмотря на неутверждение нового Положения, в Московском военно-промышленном комитете был утвержден новый Наказ²³. Основные его положения повторяют Положение о военно-промышленных комитетах от 16 октября 1917 г.²⁴ Документ демонстрирует то, что предприниматели Москвы все-таки были готовы попытаться работать при новом режиме.

1.2. Материалы о выполнении военно-промышленными комитетами оборонных заказов

Распределение и контроль за выполнением государственных оборонных заказов являлись основными функциями военно-промышленных комитетов, поэтому наибольшее количество документов, отложившихся в фондах ВПК, связано именно с этими вопросами.

При рассмотрении документов ВПК, касающихся выполнения оборонных заказов, следует учитывать особенности управления военной экономикой Российской империи в Первую мировую войну. И, прежде всего, сосуществование сразу нескольких общеимперских органов регулирования промышленностью: Министерства, Особые совещания, Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты. Несмотря на

то что последние являлись общественными, отсутствие четкого разграничения полномочий и их политические претензии определили особенности их взаимоотношений с государственными органами, а следовательно, и характер их документации. Прямым следствием этого обстоятельства стало то, что решение каждого вопроса сопровождалось обширной перепиской, которая и составляет основную массу сохранившихся документов.

Другая особенность состоит в том, что неразграниченность полномочий, с одной стороны, а с другой — желание правительства «подкупить» предпринимателей²⁵, передавая им выгодные заказы, приводили к определенной путанице в делопроизводственных потоках, к тому, что общественные организации начинали создавать документы, ранее свойственные только правительственным органам. Прежде всего это наличие в документационных массивах таких документов, как циркулярные письма и указания.

3-го августа 1915 г., т.е. еще до официального утверждения ВПК, Главное управление генерального штаба обратилось в Военное министерство с жалобой на ЦВПК, который «обращается в военное ведомство с целым рядом ходатайств, иногда носящих характер указаний, в которых затрагиваются вопросы широкого Государственного масштаба, предъявляются требования, высказанные в категоричном, императивном тоне, приводится оценка деятельности того или иного министерства... Таким образом резко выходя из намеченных рамок своей деятельности... ЦВПК создает впечатление нового центрального органа, уподобляющегося Министерству снабжения, облеченного широкими полномочиями»²⁶.

Следует отметить и то, что в процессе работы комитетов образовывалась документация, отражавшая их деятельность по лоббированию интересов отдельных предприятий. Например, электротехническую секцию ЦВПК одно время возглавлял Л.Б. Красин, глава фирмы «Сименс» в Петрограде²⁷. Текст его выступления на открытии этой секции, зафиксированный в журнале заседания²⁸, весьма интересен. Он заявлял, что сейчас не время борьбы с немецким засильем, что необходимо разрешить ввоз оборудования германского производства через третьи страны, и, вообще, вопрос об освобождении российской электротехнической промышленности от немецкого влияния необходимо отложить до конца войны²⁹. Участие в работе секции инженера Красина вызвало подозрение наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне, в фондах которого сохра-

нился запрос о его деятельности в комитете³⁰. Однако запрос каких-либо последствий для Красина и его фирмы не имел.

Несмотря на то что ВПК активно работали в деле организации производства предметов вооружения и снабжения армии, документация по планированию производства предметов снабжения и вооружения занимает в их фондах достаточно скромное место, по сравнению с другими группами документов. На наш взгляд, это объясняется тем, что правительственные и общественные органы не смогли выработать ясного и четкого графика потребностей армии и населения на период войны³¹.

Тем не менее ВПК периодически предпринимали статистические обследования предприятий с целью выяснения их производительных мощностей. Химическая секция МВПК на заседании 19 июня 1915 г. приняла постановление о том, что для производства взрывчатых веществ могут быть приспособлены все заводы и фабрики, имеющие свободное помещение и минимальное оборудование³². Была разработана специальная анкета для выяснения производственных мощностей заводов. На нее ответило 437 предприятий, согласившихся участвовать в программе производства химических веществ³³. Обработка результатов анкетирования дает возможность на довольно обширном материале изучить вооруженность станками и машинами заводов Центрального промышленного района.

Периодически военно-промышленные комитеты проводили обследования заводов, выполнявших их заказы³⁴. Обследования производились путем посылки на завод опытных инженеров³⁵. Их отчеты предоставляют богатейший материал для изучения мелкой промышленности в период войны³⁶. Материал тем более ценен, что, как правило, фонды подобных предприятий в силу их незначительности не сохранились.

Значительный комплекс документов по изучению деятельности промышленных предприятий сохранился в архивном фонде МВПК. Это документы Отдела по обследованию промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам³⁷ и Военно-технической комиссии по обследованию фабрик и заводов³⁸.

Эти документы демонстрируют успехи ВПК в деле мобилизации, прежде всего, мелкой и кустарной промышленности. Практически во всех крупных городах России организовывались местные комитеты для объединения предприятий для работы на оборону. Как правило, их организаторами становились предприниматели. В Подольске образовался местный комитет

по инициативе Московского цементного завода, при этом крупнейшее предприятие города АО «Зингер» в группу войти отказалось³⁹. В Богородске образование комитета инициировал П.А. Морозов, в его состав вошли местные группы: в Щелково, Павлово-Посаде, Гуслицах. Н.А. Найденов-младший организовал комитет в Егорьевске, А.К. Коншин — в Серпуховске, тов-во «П. Рябушинский с сыновьями» — в Вышнем Волочке⁴⁰.

К февралю 1917 г. ВПК привлекли к выполнению оборонных заказов 1286 предприятий⁴¹. К таким цифрам следует относиться с определенной осторожностью, т.к. среди них подавляющую часть составляли мелкие и средние предприятия с незначительными производственными мощностями. При анкетировании заводов Химической секцией МВПК, большая часть заводов, готовых работать с секцией (около 400), не имела оборудования для производства⁴². МВПК проводил постоянные обследования заводов, выполнявших его заказы. Среди отчетов мы можем обнаружить такие: «Обследование мастерской Чичкина 14 января 1916 г. Имеется 4 станка. На них изготовлено 5 стаканов для снарядов. Работы приостановлены из-за отсутствия токаря»⁴³. «Обследование мастерской Леонова. Устанавливается два станка. Есть электромотор, который не может поддерживать работу обоих станков одновременно. К работе не приступала»⁴⁴. В итоге средний заказ на изготовление стаканов или корпусов для снарядов составлял 2000 шт.⁴⁵ Естественно, что их себестоимость была значительно выше, чем на крупных предприятиях, выше был процент брака, т.к. такие предприятия не могли обеспечить необходимую точность изготовления.

При этом сохранялись проблемы с распределением оборудования. Специального оборудования на все работавшие на оборону заводы просто не хватало. Петроградскому арматурно-электрическому обществу во временное пользование был дан винтовой фрикционный пресс для производства взрывателей по заказу ЦВПК, но, по истечении срока, его потребовал Трубочный завод, а ЦВПК пытался оставить пресс до окончания выполнения заказа⁴⁶.

Документация по обеспечению заводов, работающих на оборону, сырьем занимает в фондах ВПК значительное место. До войны в Россию импортировались цветные металлы, железо специальных сортов, металлическая нить и т.п. из Германии и других стран⁴⁷. Прекращение поставок сказалось не сразу и не в одинаковой степени на всех видах производств. Еще в 1913 г. радиотелефонные и телеграфные заводы были обеспечены

сырьем на 1,5 года. Для электроламповой промышленности производство стекла было организовано в России, вольфрамовую нить стали ввозить из Швеции, угольную из Франции. В первые годы войны разрыв связей с Германией не сказался и на обеспечении сырья кабельных заводов.

В 1917 г. затруднения стало вызывать получение даже стальной проволоки. В докладе по ГВТУ за 10 июля 1917 г. указывалось о невозможности купить (даже за границей) стальной проволоки, русские же заводы не имели станков для ее протяжки⁴⁸.

В основном, эти материалы «растворены» в документах отделов, занимавшихся мобилизацией разных отраслей промышленности. Это связано с тем, что военно-промышленные комитеты не занимались собственно распределением сырья, исключая хлопчатобумажное, льняное, шерстяное и шелковое⁴⁹. Поскольку такие вопросы возникали при выполнении конкретных заказов, то документы, отражающие ситуацию с распределением сырья, можно найти в документах отделов. В Московском военно-промышленном комитете это были отделы: Химическая секция⁵⁰, Снарядный отдел⁵¹, Материальный отдел⁵².

В Центральном военно-промышленном комитете материалов, касающихся распределения сырья, сохранилось существенно меньше. От документов Бюро по распределению металлов⁵³ сохранилось только одно дело, от металлургического отдела⁵⁴ 15 дел.

При этом многие незначительные заказы МВПК на сталь переправлялись для изготовления такой организации как Продамет⁵⁵. Такая ситуация лишней раз демонстрирует недостатки в системе распределения стратегических материалов. Дефицит сырых материалов и полуфабрикатов стал особенно ошутим к концу 1916 г., когда были выработаны довоенные запасы, а ввоз из-за границы и местное производство не до конца удовлетворяли потребности даже крупных военных заводов. Это приводило к распаду единого экономического пространства России. Многие регионы вводили ограничения на вывоз дефицитных материалов, что приводило к срывам военных поставок. Губернатор Ярославской губернии запретил вывозить металлические детали, необходимые для производства упряжи⁵⁶. В результате, по многим заказам сдача готовых материалов не превышала 20%⁵⁷.

Такая же неразбериха была и в закупках за границей дефицитных материалов. Вместо централизованных закупок фирмы конкурировали между собой, как было, например, при закупках

станков в Швеции⁵⁸. Либо осуществлялся сговор между российскими и западными, в основном американскими и английскими, фирмами, которые вначале договаривались о заказе, а уже потом обращались в Особое совещание с просьбой выделить валюту. Соответственно цены на таких заказах завышались на 30–100%⁵⁹. В таких же махинациях обвинялся и непосредственно ЦВПК.

Таким образом, хотя ситуация с обеспечением промышленности сырьем и полуфабрикатами в течение войны только обострялась, мы можем констатировать то, что в фондах ВПК материалов по этому вопросу отложилось существенно меньше, чем в фонде Особого совещания по обороне государства⁶⁰.

Наиболее перспективным направлением деятельности комитетов было создание собственных предприятий, поскольку позволяло создавать заводы, изначально нацеленные на производство вооружения и требующие переоборудования. В июле 1915 г. в Москве начал строиться Московский военно-промышленный завод для изготовления снарядов. Завод создавался по подписке московских промышленников, которые собрали 2 399 544 руб. 27 коп. Предполагалось, что он будет изготавливать по 3000 3 дм снарядов в сутки и по 1000 снарядов крупных калибров от 6 дм до 42 и 48 см. ГАУ, которое в тот момент было готово на любые авантюры лишь бы получить снаряды, еще до постройки завода подписало контракт на поставку 350 т 3 дм снарядов французского образца⁶¹. В июле МВПК отправил в Варшаву и Ригу инженеров для покупки металлообрабатывающих станков на завод⁶². П.П. Рябушинский развил активную деятельность по организации завода. На московском заводе Короткова были реквизированы станки для Путиловского завода. Рябушинский добился задержки отправки реквизированных станков с целью использования их на заводе при МБО⁶³. Вообще же, российскую промышленность охватила настоящая мания по постройке снарядных заводов. Тот же Рябушинский просил военного министра распорядиться передавать станки эвакуируемых из Риги и Варшавы предприятий, т.к. поступает очень много обращений на устройство снарядных заводов и мастерских, и все просят станки⁶⁴.

В середине 1916 г. МВПК активизировал деятельность по организации собственных предприятий. Военному министру и председателю Особого совещания была подана докладная записка о том, что существует настоятельная необходимость для МВПК организовать собственные хозяйственные предприятия,

для того чтобы МВПК не ограничивался посреднической деятельностью. К ней прилагался список предприятий, которые предполагалось создать или расширить:

1. Снарядный завод⁶⁵ (уже работает, но за недостатком средств не расширяется, часть станков даже не задействована).
2. Завод по ремонту пушек.
3. Организация ремонта орудий и оружия на фронте.
4. Организация передвижных мастерских по ремонту сапог и портняжных починочных мастерских.
5. Организация технико-справочных бюро для нужд войсковых частей.
6. Химический завод.
7. Подковный завод.
8. Завод по пошиву и ремонту сапог.

Причиной неосуществления большинства задумок называлась нехватка средств, поэтому комитет просил 15 млн руб. на организацию предприятий и 10 млн оборотных средств⁶⁶.

В дальнейшем, сеть собственных предприятий МВПК постоянно расширялась. С 1917 г. комитет начал производить фосген⁶⁷.

10 апреля 1917 г. МВПК успешно ходатайствовал перед Особым совещанием о выделении 52 020 рублей из военного фонда на создание конструкторского бюро и мастерской изобретений⁶⁸.

По сведениям ЦВПК, Московским комитетом к 1917 г. были открыты следующие предприятия:

1. Снарядный завод, изготовлявший 3-дм гранаты французского образца, функционировал с 1 декабря 1915 г.
2. Механическая фабрика обуви, фабрика начала работать с конца 1916 г.
3. Установка для производства фосгена.
4. При городском газовом заводе комитетом была устроена установка для непрерывной перегонки каменноугольной газовой смолы — «единственный аппарат в России».
5. Закройная мастерская.
6. Мастерская по подклейке резиновых подметок.
7. Материальные склады комитета в Минске и Риге, снабжающие армию повозками, колесами, ступицами, спицами и ободьями.
8. Кожевенный завод и шорно-седельная и обозно-починочная мастерские в Пскове и Риге⁶⁹.

Всего к 1917 г. было построено 120 собственных предприятий ВПК, из которых большую часть (49) составляли снарядные заводы⁷⁰. Как отмечает С.Л. Сергеева, появление этих заводов стало уникальным явлением в истории развития российского предпринимательства. Предприятия комитетов были не государственной, не частной, а коллективной (но не паевой) собственностью⁷¹. Предполагалось, что после войны они должны были быть поделены между казной и предпринимателями, вложившими в них деньги, их окончательное правовое положение так и не было определено.

Документы, отражающие деятельность ВПК по созданию и управлению собственными предприятиями, сосредоточены в делах Снарядного отдела МВПК⁷² и Управления делами ЦВПК⁷³.

Помимо выполнения крупных заказов МВПК занимался и распределением мелких. Для этого был создан Информационный отдел, который составлял по запросам ведомств бюллетени⁷⁴, где расписывались необходимые предметы — проволока, лапти и т.д. и рассылал их по предприятиям, которые могли связаться с комитетом, для выполнения заказа. При этом и «учреждения», и заказы могли быть очень мелкими. Например, командир 239 пехотного запасного полка заказывал материалы для пошива сапог, заведующий хозяйственной частью Александровского военного училища просил мыла. Публиковались объявления о продаже материалов — железа, кожи, мыла.

В бюллетенях также печатались и предложения по выполнению работ. Как правило, это были кустарные мастерские, предлагавшие самые различные услуги — деревообработка, изготовление напильников и т.п. Бюллетени выполняли и функции «биржи труда». В них печатались объявления лиц, желающих поступить на работу, в основном в сфере делопроизводства⁷⁵.

Из этого примера видно, что МВПК взял на себя функции, которые теоретически должно было взять на себя Интендантское управление — снабжение частей предметами одежды, личной гигиены и т.п. То, что военным снабженцам приходилось заказывать их через ВПК, демонстрирует слабость работы военных интендантов. Следует признать успехи комитета в области «мелкого» распределения. Таким образом, он ликвидировал узкие места в работе военных ведомств. А с другой стороны, обеспечивал заказами мелких кустарей и предпринимателей. При рассмотрении такого направления деятельности следует учитывать, что в условиях тотальной нехватки сырья многие из них были бы обречены на ликвидацию без заказов МВПК.

Материалы, посвященные этим вопросам, отложились также в таких отделах комитетов как Бюро печати МВПК⁷⁶ и Редакции «Известий ЦВПК»⁷⁷.

Помимо собственно проблем с получением сырья, станков и т.д., основной проблемой оставалось обеспечение фабрик и заводов рабочей силой. Из-за ее недостатка простой оборудования в металлообрабатывающей промышленности Московского района составлял 25%, из-за привлечения неквалифицированных рабочих общий выпуск изделий снизился до 45%. Все это усугублялось сохранявшейся возможностью свободного перехода рабочих с одного предприятия на другое. Массовый же найм беженцев был затруднен незнанием языка и их стремлением уехать обратно. Для выхода из положения военно-промышленными комитетами предлагалось принять особое положение о военнообязанных рабочих, как было сделано во Франции, что дало бы возможность вернуть из армии и из тыловых частей специалистов, рабочих и служащих⁷⁸.

Материалы по решению рабочего вопроса концентрировались, прежде всего, в Управлениях делами⁷⁹ и в соответствующих отделах⁸⁰. В этих документах сохранились и сведения о предложениях ВПК по использованию труда военнопленных⁸¹. В июне 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет ходатайствовал перед военным министром о посылке на южные металлургические заводы военнопленных (на работы по добыче руды) и об упрощении порядка их отпуска на работы. Главное управление Генерального штаба санкционировало передачу военнопленных на заводы, распорядившись, в случае их нехватки в Московском военном округе, привозить военнопленных из Туркестанского и Омского⁸².

Среди материалов Московского комитета сохранился доклад сотрудника отдела по обеспечению фабрик и заводов рабочим составом К. Чихинского «О рабочем вопросе», сделанный 14 июня 1915 г. на Бюро комитета⁸³. В докладе отмечается, что на снарядных заводах в связи с сенокосной порой существует недостаток даже чернорабочих, на высококвалифицированных работах заняты женщины и подростки. В связи с этим падение производства составляет до 60% от уровня 1914 г.⁸⁴

1.3. Документы, отражающие деятельность ВПК в области науки и техники

Фонды военно-промышленных комитетов хранят богатейший материал по истории науки и техники периода Первой мировой войны. Его накопление связано с двумя взаимосвязанны-

ми процессами. С одной стороны, наладка производства вооружения и снаряжения для армии на неподготовленных для этого предприятиях предполагала постоянное изучение и освоение технологии и оборудования, с другой — стремление к интенсификации промышленного производства требовало привлечения ученых и научных центров.

Материалы по истории науки и техники, отложившиеся в фондах ВПК, можно разделить на две категории. Первая — конструкторская и технологическая документация, связанная с производством предметов вооружения и снаряжения на различных предприятиях. Эти документы образовывались в результате деятельности профильных отделов⁸⁵ (Снарядного, Механического и т.д.) и Чертежного⁸⁶. Вторая представляет собой различного рода документацию, образовавшуюся в результате деятельности отделов изобретений⁸⁷ и в связи с организацией Всероссийского съезда по вопросам изобретений 1–3 октября 1916 г. в Москве.

С проблемами, связанными с изготовлением вооружения, требующего особой точности, военно-промышленные комитеты столкнулись практически сразу же после начала своей работы. Уже в июне 1915 г. П.П. Рябушинский просил начальника Ижевских оружейных и сталелитейных заводов выслать в МВПК общие и детальные чертежи трехлинейной винтовки, основные части винтовки и по одному экземпляру всех деталей трехлинейной винтовки штампованных или кованых, по одному экземпляру проверочных шаблонов и лекал⁸⁸.

Проблема неудовлетворительного качества так и не была разрешена. В феврале 1916 г. на заседании снарядного отдела МВПК среди причин задержек сдачи корпусов и стаканов снарядов были названы: большая точность и новизна работы, требующая серьезного переоборудования заводов и мастерских и наладки станков; недостаток опытных рабочих рук; повышенные требования при приеме снарядов приемщиками главноуполномоченного; запоздалая доставка сырья вследствие проблем с транспортом. Многие заводы, получив сталь на снаряды, использовали ее на выполнение других заказов. После таких прецедентов отдел стал настаивать на том, чтобы предприятия письменно удостоверяли, что сталь будет употребляться только на изготовление снарядов⁸⁹. На некоторых операциях по изготовлению снарядов заводы давали до 35–40% брака. При этом завод за брак не отвечал, и он ложился на Снарядный отдел. Было предложено создать комиссию по исследованию вопроса работы со штампованными стаканами для снижения брака⁹⁰.

ЦВПК пытался обвинить в браке само Особое совещание и военные ведомства, утверждая, что в присылаемых чертежах со-держаться ошибки⁹¹. На наш взгляд, вполне возможно, что в чертежах могли быть неточности, которые легко устранялись на больших заводах квалифицированными инженерами и рабочими, но для предприятий комитетов они действительно могли создавать серьезные проблемы. Неудивительно, что ВПК не раз просили снизить требования приемки снарядов и других предметов вооружения, поскольку мелкие предприятия просто не в состоянии были соревноваться в качестве с казенными военными заводами.

Иногда в борьбе за заказы происходили и совсем курьезные ситуации. В конце января 1917 г. МВПК обратился в ГАУ с требованием уплатить по заказам данных комитету Особым совещанием. В ответ ГАУ сообщило, что предметы эти оно не заказывало и платить соответственно не будет⁹². И только в марте выяснилось, что Особое совещание прислало в МВПК ведомости, с целью выяснения возможности их изготовления, а комитете воспринял их как заказ и выполнил его. В результате, ГАУ все-таки приняло и оплатило большую часть заказа (ящики для пулеметов, штыки и гранаты)⁹³.

Этот пример как нельзя лучше демонстрирует организацию распределения заказов регулирующими органами и взаимоотношения между ними. Однако в этом вопросе была и другая сторона. Зачастую проблемы возникали даже в случае успешной организации производства. Как правило, ВПК работали по конкретному заказу. Полученный заказ распределялся между предприятиями, способными его исполнить, если таковых не было или их мощности были недостаточными, стоимость заказа увеличивалась, т.к. возникала необходимость переоборудования предприятия. По выполнении заказа завод либо получал новый, либо переключался на выпуск другой продукции, в том числе гражданской. Поскольку среди заказов комитетов большую часть составляли предметы двойного назначения: шанцевый инструмент, обмундирование, приборы и т.д., то проблем с перепрофилированием заводов не возникало, наоборот, происходила модернизация предприятий за государственный счет. Совершенно другая ситуация складывалась с выполнением военных заказов, требующих высокой степени специализации производства, прежде всего в отношении снарядов. В 1915–1916 гг. выпуск снарядов, главным образом средних и мелких калибров, был наиболее выгодной отраслью промышленного военного

производства. Однако к концу 1916 г. количество произведенных снарядов уже перекрывало потребности фронта, поэтому число заказов резко снижается. В ноябре 1916 г. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве предупреждает Особое совещание о том, что прекращение заказов грозит остановкой многим предприятиям Московского промышленного района. Прежде всего речь идет о мелких средних предприятиях, для которых переход на выпуск другой продукции представляет значительные трудности⁹⁴. Такая странная ситуация с производством снарядов во многом демонстрирует основные недостатки слабоорганизованной военной экономики. На самом деле фронт вполне мог бы использовать эти «лишние» снаряды, поскольку плотность артиллерийского огня стала в течение Первой мировой войны основным фактором при наступлении. Но для использования снарядов необходимы были орудия, а их выпуск был явно недостаточным, на 1916 г. вместо 14 400 требуемых орудий в войска поступило 4808⁹⁵. Организовать же производство пушек для общественных организаций было делом во многом непосильным, поскольку и весь станочный парк и квалифицированная рабочая сила были востребованы на крупнейших заводах, которые тем не менее испытывали в них постоянную нехватку.

Энтузиазм общественных организаций в организации производства приводил к дополнительной загрузке специалистов военных ведомств и лишней переписке. Так было с предложением МВПК начать переделку австрийских ружей под русский патрон. В результате долгого обсуждения начальник ГАУ Маниковский ответил, что осуществление операции приведет к сокращению производства русских винтовок, т.к. для переделки требуются ружейные стволы, которых не хватает⁹⁶.

В результате работы военно-промышленных комитетов в их фондах сохранился большой массив конструкторской и технологической документации, связанной с производством вооружения, прежде всего, чертежи (общего вида, узлов, детали, сборочные) и сопроводительная текстовая документация. Наиболее массовая группа документов — это чертежи изделий выпускавшихся при посредстве ВПК, например, минометы⁹⁷, снаряды⁹⁸, станки⁹⁹, инструменты¹⁰⁰, обозное имущество¹⁰¹. Следующая группа документов — это технологические условия и инструкции по изготовлению¹⁰² предметов вооружения.

В военно-промышленных комитетах активно работали Отделы изобретений¹⁰³. На их заседаниях рассматривались различ-

ного рода предложения по созданию новых и усовершенствованию уже существующих видов вооружения и армейского снаряжения¹⁰⁴. Первоначально — проекты присылали изобретатели-самоучки и среди их изобретений значились такие, как сеть для ловли летчиков, костыль-стул, двигатель, «способный удивить весь мир»¹⁰⁵. Когда деятельность отделов стала достаточно популярной и известной, к ним стали обращаться отдельные военные и учреждение, такие как Главное военно-техническое управление с просьбами устранить те или иные недостатки в изготовлении вооружения и снаряжения¹⁰⁶. Это делает материалы отделов изобретений ВПК особенно интересными для изучения истории производства вооружения периода Первой мировой войны.

1.4. Материалы по экономической и финансовой деятельности военно-промышленных комитетов

Финансово-экономическая документация военно-промышленных комитетов имеет особое значение для исследований в области экономической истории периода Первой мировой войны. В их фондах концентрировались материалы, отражающие работу промышленности и самих военно-промышленных комитетов в области мобилизации экономики Российской империи.

Наиболее полно подобные материалы сохранились в документах Бухгалтерии МВПК¹⁰⁷. В начале 1917 г. комитет столкнулся с финансовыми трудностями. Это объяснялось тем, что до начала 1917 г. МВПК действовал без определенного финансового плана, а некоторые отделы работали, не сообразуясь с финансовым положением комитета, поэтому росли расходы на содержание аппарата служащих¹⁰⁸. Для исправления ситуации создается финансовая комиссия, призванная упорядочить финансы комитета. Было предложено интенсифицировать работу отделов с одновременным их сокращением или слиянием¹⁰⁹. Указывалось на необходимость составления подробных смет расходов отделов¹¹⁰ и улучшения работы счетоводства отделов, т.к. их деятельность тормозит движение оборотных средств¹¹¹.

Из этих предложений была проведена в жизнь лишь небольшая часть и с большим запозданием. Инструкция счетоводства и отчетности отделов была утверждена только 20 июня 1917 г.¹¹², но управление делами 10 июля 1918 г. указывало на то, что некоторые отделы продолжают закупать материалы помимо Материального отдела¹¹³.

Точный подсчет выполнения заказов комитетом затруднен избыточностью и неупорядоченностью отчетности. Так как комитет оперировал бюджетными суммами, то теоретически он обязан был строгой отчетностью¹¹⁴. Комитет еженедельно отчитывался перед Особым совещанием, пересылая ему списки заказов, разделенные по ведомствам заказчикам, — в них отражались: заказ, срок исполнения, кому распределен, цена за штуку изделия, количество изделий. Списки удостоверялись подписью управляющего делами МВПК¹¹⁵. С 16 ноября 1915 г. ВПК должны были предоставлять председателю Особого совещания свои месячные балансы¹¹⁶. Одновременно в самом комитете составлялись понедельные и помесячные списки заказов с указанием исполнения. Помимо этого составлялись:

1. Законченные ежемесячные отчеты и балансы.
2. Финансовый план деятельности отдела или секции, а именно:

- распределенные заказы;
- заказы исполненные и сданные предметы;
- ежемесячная ведомость всех дебиторов;
- список кредиторов с указанием срока платежа;
- сведения о заказанных материалах;
- сведения о купленных и поступивших на склад материалах;
- сведения о проданных и отпущенных поставщикам материалах;
- ежемесячные сводки наличия материалов на складах;
- расходы по управлению делами отделений;
- расходы, подлежащие возврату;
- расходы по организации и эксплуатации собственных предприятий комитета¹¹⁷.

При таком количестве отчетности тот же ЦВПК не обладал полной картиной работы областных и местных комитетов. 21 июня 1917 г. в МВПК поступило циркулярное письмо № 66839 из ЦВПК, адресованное областным и местным ВПК. В нем указывалось, что ЦВПК приступил к изучению данных о деятельности областных и местных ВПК и просит ускорить доставку ведомостей состояния заказов в счетный отдел комитета. При этом упоминалось, что уже высылался подобный циркуляр от 7 апреля¹¹⁸.

8 августа поступило письмо о том, что ежемесячные ведомости, присланные МВПК в ответ на циркуляр, недостаточны для составления итоговой отчетности¹¹⁹. К сожалению, в документах не удалось найти образцы ведомостей указанных в цирку-

куляре. Сам факт того, что ежемесячные ведомости заказов МВПК оказались недостаточными, указывает на проблемы в подсчете получения и исполнения заказов. Вообще, по этим ведомостям достаточно трудно понять общую картину, они очень слабо агрегированы, данные идут по месяцам и предметам, но сложно проследить ход исполнения, т.к. недостаточно документов, которые бы демонстрировали, сколько всего за определенный период получено заказов и сдано изделий.

17 августа МВПК ответил, что приступил к составлению ведомостей, но срок их подготовки неизвестен из-за загруженности подотдела регистрации и статистики заказов МВПК¹²⁰. И только 6 сентября ведомости были высланы — отдельно на артиллерийское, интендантское и военно-техническое снабжение¹²¹. Данные ведомости не были выявлены ни в фонде МВПК, ни фонде ЦВПК.

Складывается впечатление того, что сама организация получения и распределения заказов до конца войны не было планомерным и носило оттенок рыночного хозяйства. Комитеты, во многом, служили посредником между заказчиком и изготовителем, но при этом сам процесс заказа не был спланирован заранее. По мере возникновения необходимости ведомства обращались в ВПК, тот начинал искать исполнителя и материалы, соответственно не было возможности наладить постоянное изготовление на определенных предприятиях. Хотя в июле 1915 г. МВПК получил от Особого совещания ведомость с перечнем предметов снаряжения армии и флота, заказы на которые он должен был распределить¹²². Так в феврале 1916 г. ГВТУ просило МВПК представить список изделий, которые комитет способен изготавливать на своих предприятиях или распределить, а комитет же просил по примеру интендантского управления, составившего список «План заготовления Интендантством предметов обозного довольствия с 1-го июля 1916 по 1 июля 1917», определить потребности армии в снаряжении¹²³.

Это вызывало закономерную тревогу в Московском военно-промышленном комитете. На многих предприятиях был налажен массовый выпуск продукции военного назначения. Но в связи с выполнением заказов, эти предприятия вынуждены были переключаться на выпуск гражданской продукции. И соответственно при новых заказах производство необходимо было налаживать заново¹²⁴.

Такая неплановость в распределении заказов создает дополнительные трудности при подсчете эффективности работы

военно-промышленных комитетов. Поэтому выводы приходится делать на основе неполных и во многом косвенных документов.

В фонде Особого совещания сохранился документ «Сведения о ходе выполнения заказов, подлежащих к сдаче 1 июля 1916 г. Главного военно-технического управления МВПК-ом на 1 июля 1916»¹²⁵ (см. табл.).

Таблица

	Заказано	Сдано на 1 июля 1916 г.
Лопаты малые пехотные	1 500 000	983 400
Шоры? (текс полустерт) малые пехотные	500 000	260 850
Кирко-мотыги	500 000	792 209
Шоры легкие	125 000	—
Кирко-мотыги легкие	50 000	6246
Кирко-мотыги тяжелые	25 000	—
(...)еня (первые буквы стерты) к легким кирко мотыгам	40 000	—
Двуколки саперные	750	420
Ружейные ножницы	170 000	150 000

Как следует из таблицы, ни один из заказов ГВТУ не был выполнен к сроку. При этом следует учитывать, что речь идет о технически несложных предметах, к изготовлению которых можно было привлечь любую мастерскую.

Среди сохранившихся финансово-экономических документов можно выделить следующие группы: Данные по заказам принятым и распределенным комитетами содержатся в таких документах, как ведомости учета военных заказов комитета, составляющие самую массовую группу документов¹²⁶ наравне с отчетными ведомостями об исполнении военных заказов¹²⁷. Менее значительно представлены в фондах такие виды документов, как Сведения о состоянии заказов¹²⁸ и Ведомости по распределению заказов¹²⁹, реестры приходных ордеров¹³⁰.

Сведения о финансовом положении комитетов фиксировались в отчетных ведомостях казначей¹³¹, кассовых книгах¹³², главных книгах¹³³, ведомостях оплаты счетов¹³⁴.

1.5. Материалы по истории рабочего движения

Фонды ВПК содержат интереснейший материал по истории рабочего движения в годы Первой мировой войны. Этот материал концентрируется в документах Рабочих групп, которые были созданы в 58 комитетах. Наиболее значимые материалы отложились в результате деятельности Рабочих групп Центрального¹³⁵ и Московского ВПК¹³⁶.

Рабочие группы были созданы в ВПК в течение 1915 г.¹³⁷ Целью их образования было взаимодействие предпринимателей с представителями рабочих, для сглаживания социальных конфликтов, но представители рабочих, вошедшие в состав Рабочих групп при ВПК, сразу заняли непримиримую позицию к руководству комитетов и политическому строю империи. 16 мая 1916 г. Рабочая группа ЦВПК обратилась в Государственную Думу, предъявив следующий перечень требований: полная амнистия по политическим и религиозным делам, восстановление в правах депутатов социал-демократической фракции Государственной Думы, полное осуществление гражданских свобод, полная отмена всех национальных и религиозных ограничений, реорганизация народного представительства и местного самоуправления на началах всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов. В интересах этих целей ГД должна, по мнению рабочих представителей, «решительно встать на путь борьбы за власть и за создание ответственного правительства, опирающегося на силы народа»¹³⁸.

Результатом такой позиции Рабочих групп стало обострение отношений как внутри комитетов, так и между комитетами и правительством, поскольку выступления РГ принимались как одобренные руководством ВПК. В итоге был произведен арест членов Рабочих групп ряда военно-промышленных комитетов, в том числе и Центрального, что поставило ЦВПК и правительство на грань открытого противостояния¹³⁹.

Документов Рабочих групп сохранилось немного, несмотря на их активную деятельность. При их изучении следует учитывать, что практически все подобные документы, отложившиеся в фонде Московского военно-промышленного комитета, являются копиями документов РГ Центрального военно-промышленного комитета.

Документы Рабочих групп позволяют более детально исследовать такие вопросы, как положение на фабриках, условия труда, зарплата, настроения рабочих, движение рабочей силы, страхование рабочих, создание потребительских обществ, биржи труда, примирительных камер и могут стать ценнейшим источником по социально-экономической истории периода Первой мировой войны.

2. Номинальная классификация

Комплекс документации, образовывавшейся в деятельности ВПК, в самом широком (категориальном) смысле можно подразделить на: управленческую (превалирующую) и научно-техническую.

В классе **управленческой документации** можно выделить:

Организационно-правовую: Положения о военно-промышленных комитетах, Наказы о порядке образовании и деятельности военно-промышленных комитетов и их съездов, Положения и инструкции отделов, секций, комиссий и т.д.

Распорядительную: циркуляры, приказы, указания.

Протоколы: журналы и протоколы заседаний комитета и его Бюро и отделов, комиссий.

Справочно-информационную: переписка между отделами, с Центральным военно-промышленным комитетом, государственными ведомствами и учреждениями, общественными организациями, негосударственными фирмами и предприятиями, различного рода результаты обследований предприятий, анкетирований, заключения по обследованию отраслей промышленности, докладные записки с предложениями по мобилизации промышленности и т.д., отчеты о работе отделов и собственно комитета для предоставления в ЦВПК, бюллетени Бюро печати МВПК.

Отчетную и планово-финансовую: ежемесячные отчеты и балансы отделов, финансовые планы деятельности отделов или секций, ежемесячные ведомости дебиторов, списки кредиторов с указанием сроков платежей, инструкции счетоводства и отчетности отделов и секций.

В классе **научно-технической документации** можно выделить:

Конструкторскую: это в основном рабочие чертежи¹⁴⁰ изделий промышленного производства (общего вида, габаритные, деталей, узлов, сборочные) с пояснительными записками и техническими описаниями, различного рода схемы, акты, прото-

колы, отчеты и заключения по испытанию опытных образцов изделий.

Технологическую: технические условия изготовления изделий, объяснительные записки о порядке эксплуатации изделий, описания технологических процессов.

Изобретательскую: поскольку ВПК не занимались патентованием предметов промышленного производства, то документация по изобретениям имеет достаточно свободную форму. Как правило, она представлена заявками на изобретение, текстовыми описаниями изделий с указанием их новизны, чертежами и графическими материалами, актами и заключениями по результатам испытаний.

Если рассматривать виды документов, составляющих фонды военно-промышленных комитетов, по их репрезентативности и значимости в процессе управления ВПК, то можно сделать вывод о том, что основную группу составляет **переписка** между отделами и с внешними организациями (государственными учреждениями, общественными организациями и коммерческими предприятиями) по вопросам организации и управления экономикой в условиях военного времени. В ней также затрагиваются вопросы выработки правил промышленности и торговли, определения цен, мер по развитию торговли с различными регионами, развития промышленности, решения споров между торгово-промышленными предприятиями, статистических обследований промышленности. Хорошая сохранность переписки придает фондам ВПК большой информационный потенциал, т.к. ее изучение позволяет проследить эволюцию и мотивы принятия решений, выявить степень участия как структурных подразделений, так и отдельных лиц в механизме управления комитетом. Документы именно этой группы позволяют изучить взаимоотношения представительных организаций с государственными учреждениями и определить степень влияния ВПК на управление экономикой Российской империи. К сожалению, в современной архивной практике максимальный срок хранения переписки, в большинстве случаев, не превышает 5 лет, и только отдельные группы после этого срока выносятся на ЭПК или хранятся постоянно¹⁴¹. Безусловно, результаты переписки фиксируются в более «серьезных» документах — договорах, приказах, решениях и т.д., но именно переписка позволяет проследить мотивы и механизмы появления того или иного решающего документа.

Следующая по объему группа документов — это **протоколы и журналы** заседаний Бюро, управлений отделов и комиссий. Информационный потенциал документов этой группы весьма высок. В них отражены практически все вопросы, решавшиеся в ходе деятельности ВПК и их структурных подразделений. Они представляют собой краткие записи обсуждавшихся вопросов и принятых по ним решений без отражения обсуждений. Поскольку эти документы составлялись в нескольких экземплярах, и их копии рассылались по отделам комитетов, это обусловило их довольно высокую сохранность.

Большой массив составляют **документы, отражающие деятельность ВПК в области науки и техники**. Вызвано это двумя причинами. Во-первых, необходимость накопления НТД была связана с тем, что ВПК стали своего рода центрами научно-технической информации, помогавшими предприятиям, работавшим на оборону. Во вторых, именно эти документы получили особую значимость после роспуска комитетов, поэтому в фонде ЦВПК доля документов отдела изобретений составляет почти 40%. Немало таких документов и в фонде МВПК. Прежде всего это различного рода рабочие чертежи (деталей, узлов и сборочные), текстовые описания изделий, технические условия их изготовления, акты об испытаниях опытных образцов, заявки на изобретения. Последние документы подавались в комитеты в свободной форме и представляют собой текстовое изложение технического новшества, особенности его изготовления, иногда, с приложением чертежей, качество и комплектность чертежей зависели от грамотности изобретателя.

Достаточно большую группу в фондах ВПК образует **финансовая документация**. Это — ежемесячные отчеты и балансы, финансовые планы отделов, сведения о распределенных и исполненных заказах, счета¹⁴².

3. Функциональная классификация

Поскольку одной из задач исследования является выявление информационного потенциала архивных материалов военно-промышленных комитетов, имеет смысл провести анализ **функциональных** качеств их документов. Такой анализ позволит в дальнейшем облегчить историкам работу с этими материалами, обращаясь сразу к наиболее важным и отсеивая менее ценные.

Значимость документов, а в более конкретном смысле их содержания, зависит от тех функций, которые они выполняют в управлении. Она может быть определена путем анализа этих функций¹⁴³.

В самом широком смысле, документы делятся на две категории:

1. Документы, с помощью которых осуществляется основная целевая деятельность учреждений, — их руководящие, планирующие и другие функции.

2. Документы, создающиеся для обеспечения реализации функций учреждения, но не являющиеся существенно важными для этого процесса, называемые иногда «информационным шумом»¹⁴⁴.

Исходя из данной классификации, мы можем произвести функциональный анализ документов ВПК, опираясь на знание эволюции их структуры и основных категорий документации, создававшихся в процессе их деятельности. В данном случае, целесообразно распределить структуры комитета по функциональным уровням. Это позволит более точно распределить их документацию по ее степени важности в деятельности военно-промышленных комитетов. К первому уровню относятся органы руководства комитетами (Общее собрание, Президиум, Бюро). Ко второму — отделы, обеспечивавшие осуществление основной деятельности (Управление делами, Организационный, Юридический, Хозяйственный, Контрольный, Финансовый отделы, Бухгалтерия). К третьему — собственно функциональные подразделения комитетов, осуществлявшие основную деятельность.

Структурами, направлявшими деятельность комитетов, являлись: Общее собрание членов комитета, Президиум и (или) Бюро. Нормативно, наиболее важным органом из них являлось Общее собрание, но оно собиралось лишь в исключительных случаях (образование отделов, ликвидация комитета). Его документация, представленная протоколами Общего собрания, несмотря на исключительную важность, не может быть выделена из остальных руководящих органов ВПК, поскольку именно они готовили материалы к собранию. Основная управленческая документация создавалась в ходе работы Президиума и (или) Бюро. Их документацию разделить достаточно сложно, поскольку заседания Бюро МВПК являлись расширенными заседаниями Президиума. Основную массу документов названных органов составляют протоколы или журналы заседаний. Эти

протоколы являлись иницирующими документами для создания распорядительных документов всех остальных отделов военно-промышленных комитетов. Хотя в приказах и циркулярах, за редким исключением, и отсутствует ссылка на соответствующий протокол, их сопоставление показывает прямую взаимосвязь между ними.

Важное значение в работе ВПК представляли распорядительные документы Бюро, т.к. они определяли деятельность всех структур комитета, поскольку именно председатель Бюро утверждал все финансовые и юридические документы.

Особый интерес историка должны привлечь документы Управления делами. Вызывается это двумя обстоятельствами: во-первых, в его материалах откладывалась информация обо всех входящих документах и копии всех исходящих. Во-вторых, поскольку это подразделение отвечало за организацию функционирования комитета, то его сотрудниками готовились документы, характеризующие работу как отдельных структур комитета, так и направления его деятельности. В частности, именно в Управлении делами агрегировались сведения для представления в Бюро комитета по полученным и распределенным заказам. В материалах этого отдела могут находиться документы, отражающие результаты проверки деятельности той или иной структуры комитета.

К материалам Управления делами примыкают документы Организационного бюро. Среди них мы можем выделить подготовительные документы к съездам ВПК, нормативные документы. Правда, следует отметить, что особенно в начальном периоде существования комитетов такие документы могли образоваться в результате деятельности любой из руководящих структур (Президиум, Бюро, Управление делами).

Вопросы, затрагивающие юридическое положение комитетов, конфликтные ситуации по договорам, нормативное обеспечение работы создавались в результате деятельности Юридических отделов. Как правило, это справки и разъяснения по спорным правовым вопросам.

В структуре ВПК можно выделить отделы, в процессе деятельности которых образовывалась финансовая документация. К ним относились Бухгалтерия, Финансовый отдел, Контрольный отдел. Как правило, наиболее значительные по своему значению документы создавались в Финансовом отделе — это бюджеты комитетов, финансовые планы, документы, отражающие обследования финансового состояния комитетов и их предпри-

ятий. На ранних стадиях существования комитетов подобные документы создавались и в Бухгалтерии. Среди документов Бухгалтерии следует также выделить балансы (ежемесячные и годовые), сводные ведомости о состоянии заказов. Определенный интерес представляют материалы Контрольного отдела — это документы текущего контроля финансовых операций.

Среди материалов Хозяйственного отдела можно выделить документы по личному составу, документы по обеспечению деятельности комитета расходными материалами, транспортом, найму помещений и т.д.

Основная деятельность военно-промышленных комитетов сосредотачивалась в функциональных отделах: Вещевом, Механическом, Продовольственном, Снарядном и т.д. В результате, в них создавались такие группы документов, как материалы по распределению, учету и приемке заказов, обследованию промышленных предприятий, распределению сырья. Среди документов подобных отделов особое значение для историков имеет переписка. Именно в ней мы можем обнаружить живые свидетельства деятельности военно-промышленных комитетов по мобилизации промышленности. Следует также отметить результаты обследований промышленных предприятий в виде справок и аналитических докладов. Материалы учета заказов и другие отчетные документы, как правило, включались в общие справки, готовившиеся Управлением делами и Бухгалтерией. Учитывая их плохую сохранность, они могут рассматриваться лишь как дополнение к последним.

Таким образом, на основе изучения функциональных качеств документов различных структур комитетов, можно сделать некоторые выводы об их значимости по степени уплотнения информации.

Безусловно, наиболее интересны по своей информационной насыщенности документы структур первого уровня. На наш взгляд, именно на них необходимо обращать особое внимание при изучении фондов военно-промышленных комитетов. Следует учитывать, что распорядительные документы этих структур находятся в материалах отделов корреспондентов.

При рассмотрении документов структур второго уровня, следует провести их ранжирование. В таких подразделениях создавались как документы высокой информационной плотности (нормативные документы, отчеты, сводные ведомости, балансы, финансовые планы), так и документы, необходимые исключительно в текущем управлении, — черновые варианты докумен-

тов, переписка, промежуточные ведомости, договора, документы текущего финансового учета (квитанции, чеки, расписки). Документы второй группы, в связи с их многочисленностью, предпочтительно использовать, в основном, для заполнения лакун в первой.

Как правило, исследователей интересуют, прежде всего, материалы функциональных отделов комитета. При их использовании следует обратить внимание на ряд характерных особенностей, присущих им как в силу специфики деятельности самих структур, так и учитывая судьбу материалов после прекращения деятельности ВПК. Отчетные и учетные документы функциональных отделов сохранились фрагментарно и, как правило, в агрегированном виде входят в отчетные и сводные учетные документы, создававшиеся в деятельности таких структур, как Управление делами, Бухгалтерия и т.д. Большой информационный потенциал имеют протоколы заседаний отделов, но следует отметить их плохую сохранность, поэтому наибольший информационный потенциал несет в себе переписка отделов с предприятиями и организациями, несмотря на трудность использования в связи с ее объемом. Фактически, в результате серьезных потерь документов более высокой информационной плотности, переписка функциональных подразделений выступает как основной источник сведений по непосредственной, практической деятельности ВПК.

На основании проведенной систематизации документов в фондах Центрального и Московского военно-промышленных комитетов можно обосновать основные приемы работы с документами военно-промышленных комитетов в целом.

Предварительное изучение функционирования ВПК следует начинать с протоколов и материалов (в основном отчетов), подготовленных к печати или опубликованных в информационных изданиях¹⁴⁵. Данные документы в сжатом виде отражают каждодневную деятельность комитета или его отделов. Также важно учитывать, что данные документы, как правило, составлялись во множестве экземпляров и могли рассылаться в другие комитеты для ознакомления, поэтому именно эта группа документов сохранилась наилучшим образом.

Информационная «сухость» протоколов не позволяет исследователю ответить на вопросы о внутренних механизмах функционирования комитетов, методах взаимоотношений с государственными и общественными организациями. Источником, который позволяет дополнить и уточнить информацию протоко-

лов и отчетов, является переписка. Хотя правом ведения переписки обладали все отделы комитетов, целесообразно при изучении фонда выделить материалы Канцелярии. Это объясняется тем, что в Канцелярии откладывались копии переписки отделов. Поэтому вероятность того, что переписка отделов сохранялась именно в материалах Канцелярии или Управления делами чрезвычайно велика.

При изучении переписки следует обращать особое внимание на делопроизводственные отметки. Как показывает изучение фондов МВПК и ЦВПК, в военно-промышленных комитетах обращали внимание на оформление документов, поэтому выявление этих отметок, их систематизация позволяют более полно изучить структуру и функционирование комитета, выявить разграничение функций между его подразделениями, даже если подобных сведений не удастся выявить по организационным материалам.

Отдельно следует сказать о статистике военно-промышленных комитетов. Вне всякого сомнения, это самый сложный для изучения вид документов, что объясняется ее многочисленностью и запутанностью. До конца существования ВПК в них так и не были выработаны единообразные формы отчетности. Это определяет необходимость тщательного изучения статистической отчетности ВПК исследователем. Следует учитывать, что полная отчетность за весь период деятельности в фондах комитетов не сохранилась, поэтому неизбежны более или менее серьезные пробелы. Для их заполнения следует привлекать статистические материалы вышестоящих комитетов (областных и Центрального, где формировалась агрегированная отчетность). Дополнительные материалы могут содержаться в фонде Особого совещания и его местных отделений, а также Главного военно-технического управления, Главного интендантского управления и Главного артиллерийского управления.

Несмотря на то что политическая деятельность в работе ВПК явно превалировала над экономической, с точки зрения документирования мы можем наблюдать обратную картину. В документах ВПК отражена, в основном, именно экономическая деятельность комитетов. Это, прежде всего, документы по выполнению оборонных заказов, в ходе которого ВПК собирали информацию по технико-экономическому состоянию предприятий, выясняли возможности получения сырья, решения проблем с рабочей силой и транспортом. Поэтому архивные фонды во-

енно-промышленных комитетов содержат уникальную информацию по материально-техническому состоянию как отдельных предприятий, так и целых отраслей, обновлению их промышленной базы в течение войны, распределению сырья и выработке готовой продукции, движению рабочей силы. Особый интерес представляют документы по изобретательству, т.к. рассматривавшиеся в ВПК предложения ученых и энтузиастов носили почти исключительно прикладной характер в сфере промышленного производства. Масштаб деятельности комитетов, активная работа с государственными учреждениями, отвечавшими за экономику Российской империи, и с отдельными фирмами привели к тому, что в распоряжении исследователей перешли уникальные по своему информационному богатству комплексы документов, прежде всего по экономическому развитию России периода Первой мировой войны. Эти архивные материалы могут быть широко и плодотворно использованы в историко-экономических исследованиях.

Примечания

¹ Утро России. 1915. № 146.

² Горбачев И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М., 1919. С. 35.

³ Кюнг П.А. Судьба архивов военно-промышленных комитетов (1915–1918 гг.) // Отечественные архивы. № 2. 2007. С. 31–35.

⁴ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. (1907–1917). М., 2003.

⁵ «Из понимания складывания фонда как процесса естественноисторического вытекает, что выбор принципа, типа и признаков внутрифондовой систематизации – не свободное волеизъявление архивистов. Построение схемы систематизации фонда обусловлено информационной природой фонда, его происхождением и фактическим составом документов». Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 191.

⁶ Кюнг П.А. Особенности организации работы с документами в Военно-промышленных комитетах // Проблема 2005. Экономические и научно-технические архивы: наука, практика, сфера культуры. Доклады и сообщения на круглом столе 6 июня 2005 г. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 76–87.

⁷ Юрий М.Ф. Организационное устройство Центрального военно-промышленного комитета. 1915 — февраль 1917 гг. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985, С. 140.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 13 251. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–3.

⁹ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 32.

¹⁰ Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 143. Оп 1. Д. 571.

¹¹ Там же. Л. 34–35. К сожалению, поскольку текст рукописный и написан неразборчиво, не представляется возможным восстановить его полностью. В частности, не удалось идентифицировать ряд организаций, также в тексте не указано количество представителей от нескольких учреждений.

¹² ЦИАМ. Ф. 143. Оп 1. Д. 571. Л. 43–44об.

¹³ Так в тексте документа, хотя это скорее всего, Наказ комитета.

¹⁴ В документах не удалось обнаружить точной даты этого заседания, однако оно могло произойти не ранее 8 июня, когда была разработана схема организации и не позднее 11 июня, когда состоялось первое заседание МВПК.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 143. Оп 1. Д. 571. Л. 351.

¹⁶ РГВИА. Ф. 13 251. Оп. 1. Д. 29.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 9–18.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 29. Оп. 11. Д. 14. Л. 81–82.

²¹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

²² Там же. Л. 87–87об.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 1. Д. 2. Л. 17–20; Ф. 143. Оп 1. Д. 575. Л. 2–4.

²⁴ Там же. Д. 1. Л. 32.

²⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Ч. 2. М., 1922. С. 283.

²⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 72. Л. 48.

²⁷ Одновременно он являлся председателем Петроградского ВПК, где его усилиями была организована электротехническая секция.

²⁸ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 71. Л. 1–6.

²⁹ Там же. Ф. 13 251. Оп. 5. Д. 3. Л. 3.

³⁰ Там же. Ф. 369. Оп. 4. Д. 71. Л. 1–4.

³¹ Там же. Ф. 13 251. Оп. 3. Д. 14. Л. 43–47.

³² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Д. 193 Отчеты по обследованию деятельности заводов и мастерских, работающих на оборону страны. Июль–сентябрь 1916; Д. 195. Опросные листы для московских электрических станций с приложением списка находящихся в Москве электрических станций, обследованных отделом по обследованию деятельности промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 194. «Отчет о поездке в Минскую губернию инженера Воронина С.И. с целью ознакомления на месте с состоя-

нием оборудования некоторых бездействующих заводов и выяснения вопроса о порядке переотправки предметов оборудования этих заводов.

³⁶ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 40. Д. 71; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 74–107, 192, 193.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 192. Протоколы заседания комиссии по обследованию промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам 1915–1916; Д. 196. То же с приложением списка владельцев электростанций. 1916; Д. 197. О деятельности Архангельского порта, Котласского перегрузочного пункта; Д. 198. Отчет об обследовании промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам, состоящих при МВПК; Д. 199. Отчеты об обследовании эвакуируемых предприятий с приложением описи оборудования. 1916–1917; Д. 200. Письма в Особое совещание и в начальникам ж/д узлов по вопросам эвакуации промышленных предприятий; Д. 380. Протоколы заседания комиссии МВПК по обследованию деятельности промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам.

³⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 87. Заключение военно-технической комиссии по обследованию фабрик и заводов Московского округа о степени пригодности их оборудования для производства снарядов. 1915 г.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 1об.

⁴¹ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 43

⁴² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 112.

⁴³ Там же. Д. 23, Л 14.

⁴⁴ Там же. Л. 15.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Л. 16–20.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 242. Л. 68.

⁴⁷ Там же. Ф. 13251. Оп. 24. Д. 2.

⁴⁸ Там же. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1633. Л. 276.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 118. Циркулярные письма хлопчатобумажного отдела МВПК о снабжении ткацких фабрик пряжей, поставках фуфаяк кальсон; Д. 117. Переписка с ткацкими фабриками о поставках оборудования, пряжи, брюк; Д. 115. Протоколы заседаний хлопчатобумажной секции МВПК; Д. 121. Письма на фирмы, Московский биржевой комитет о поставках тканей; Д. 124. Отчетные ведомости о выработке пряжи, загрязненности текстильных предприятий о распределении ткани и о ценах на хлопчатобумажные ткани казенного образца; Д. 125, 127. Заявления, прошения, ходатайства фирм о повышении цен на суровую бумагею, о поставках бумаги; Д. 128. Справка об отправке хлопка из Владивостока за период с 1 февраля по 1 мая 1916 г. список принятых х/б отделом заказов с указанием процентного отношения каждой ткани к общему весу их; Д. 129. Ведомости расходов произведенных МБК за счет хлопчатобумажного отдела МВПК за 1917–1918; Д. 138–149. Ходатайства различных ведомств на получение ткани раз-

личных сортов; Д. 132. Хроника хлопчатобумажного отдела; Д. 134. Переписка с учреждениями и фирмами и продаже ленто-ткацких изделий о распределении заказов на шестиполосную ткань, тесьму, бумазю; Д. 149–151. Ведомости учета тканей на складах поставщиков в Москве или на фабриках, принятых или не принятых приемными комиссиями учреждений, приготовленных к заводу и сдаче по заключенным контрактам 1918 г.; Д. 396. Циркулярные письма Хлопчатобумажной секции МВПК и МБК о поставках миткаля, брезентовой ткани, предоставлении отсрочек в сдаче ткани; Д. 452. Переписка с мануфактурами о поставках хлопчатобумажных тканей. Июнь 1917 — март 1918; Д. 454. Справка о состоянии капитала хлопчатобумажного отдела. Январь—июнь 1918; Д. 456. Прошения мануфактур в хлопчатобумажный отдел МВПК об отсрочках в поставках тканей без начисления неустойки. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 111–114 (журналы заседаний секции, опросные листы заводов, отчеты о деятельности отдела, материалы по распределению красок).

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 74–107 (циркулярные письма отдела, журналы заседаний отдела, сметы на постройку заводов, чертежи, отчеты о деятельности, переписка, доклады заключения по обследованию фабрик и заводов, инструкции, отчетные ведомости по исполнению заказов, отчеты заводов секции о работе, списки лиц и предприятий, получающих через отдел сырье, технические условия на изготовление снарядов и комплектующих к ним).

⁵² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 368. Переписка с ЦВПК, управлением делами МВПК о перевозке дров, с приложением проекта положения о материальном отделе МВПК, технические условия для кирко-мотыг.

⁵³ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 44.

⁵⁴ Там же. Оп. 20.

⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 210. Л. 4.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 242. Л. 147.

⁵⁷ Там же. Л. 150.

⁵⁸ Там же. Оп. 16. Д. 113. Л. 38.

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14, 168; РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 419.

Л. 3.

⁶⁰ Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне. Источниковедческое исследование. М., 1975. С. 123.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 212.

⁶² Там же. Л. 208.

⁶³ Там же. Л. 333–334.

⁶⁴ Там же. Л. 234.

⁶⁵ Там же. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 93. Отчеты завода снарядного отдела МВПК о расходах денежных средств. 1916–1918 гг.

⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 345. Л. 67–68.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 402. Л. 5.

- ⁶⁸ Там же. Л. 10–15.
- ⁶⁹ Там же. Л. 17–20.
- ⁷⁰ Списки собственных предприятий ВПК. Пг., 1917. С. 26.
- ⁷¹ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 47.
- ⁷² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 74–107.
- ⁷³ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 1–221.
- ⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 41. Бюллетени информационного отдела; Д. 408. Бюллетени Бюро печати МВПК и бюллетени информационного отделения при управлении МВПК.
- ⁷⁵ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–250.
- ⁷⁶ Там же. Д. 237–242, 248–276, 280–331, 333–335, 385, 401–407, 426–428, 465, 474, 484–491.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 5. Д. 1–43.
- ⁷⁸ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 118–119.
- ⁷⁹ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. «Управление делами» 221 ед. хр.; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 1–72, 337–339, 440, 442, 450, 462, 463, 463а
- ⁸⁰ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 10. «Отдел труда» 34 ед. хр.; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 162–167, 483. Оп. 2. Д. 1–15. Материалы отдела промышленного труда.
- ⁸¹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Копия обращения ЦВПК в МВПК.
- ⁸² Там же. Л. 87–88.
- ⁸³ Там же. Д. 167. Л. 1–3.
- ⁸⁴ Там же. Л. 2.
- ⁸⁵ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 8. «Отдел Респиратор» 75 ед. хр.; Оп. 14. «Химический отдел». 80 ед. хр.; Оп. 24. «Электротехнический отдел». 15 ед. хр.; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Снарядный отдел. Д. 74–107.
- ⁸⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Чертежный отдел. Д. 187, 189–191, 389–398, 460, 469, 470–473, 475.
- ⁸⁷ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 4. «Отдел изобретений» 1424 ед. хр.; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 69–73.
- ⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 109.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1об.
- ⁹⁰ Там же. Л. 9об.
- ⁹¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 242. Л. 22.
- ⁹² Там же. Оп. 16. Д. 873. Л. 6–7.
- ⁹³ Там же. Л. 10–13.
- ⁹⁴ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 18. Д. 12. Л. 1–5.
- ⁹⁵ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 91.
- ⁹⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 112. Л. 115.
- ⁹⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 190. Чертежи 9-см бомбомета, чугунной мины к 58 мм миномету; Д. 460. Чертежи изолятора и взрывателей к минометам.

⁹⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 469. Чертежи фугасных снарядов; Д. 390. Чертежи деталей к 3-дм светящейся ракете и ящиков для упаковки гранат.

⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 470–473. Чертежи приспособлений к станкам для ускорения обработки снарядов и приборов для измерения объема снарядов. 1916 г.

¹⁰⁰ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 392. Чертеж дистанционной ручной гранаты по образцу германской и чертеж поверочного инструмента для приема ручных гранат германского образца; Д. 393. Чертежи поверочного инструмента для капсюльной втулки к гильзе полевой и горной скорострельной артиллерии.

¹⁰¹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 391. Чертежи парной патронной двуколки и деталей к ней, образца 1893 г.

¹⁰² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 398. Инструкция по изготовлению 6-дм стальных фугасных снарядов к гаубицам; Д. 475. Технические условия на прием обработанных корпусов 6-дм гранат. Чертеж 6-дм фугасного снаряда из столитного чугуна; Д. 26. Дело о включении автомобильного московского завода Торгового Дома «Кузнецов, Рябушинские и К^о» в число предприятий, работающих на государственную оборону, и выдача ему удостоверений на получение необходимых материалов; Договор на поставку автомобилей. Технические условия на поставку легковых автомобилей военному ведомству. Технические условия на поставку грузовых автомобилей военному ведомству. Общие условия на поставку для главного инженерного управления и Управления электротехнической частью инженерного ведомства предметов инженерного имущества; Д. 90. Постановление совещания практических деятелей по изготовлению 3-дм гранат, с приложением проекта доклада президиума общему собранию снарядной секции, инструкций на изготовление гранат, порядок работ и технические условия при изготовлении гранат, смета и пояснительная записка на постройку ремонтного пушечного завода. 1915–1916.

¹⁰³ Деятельность отделов изобретений ЦВПК и МВПК рассматривается в работе Сергеевой С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 85–109.

¹⁰⁴ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 73. Списки изобретателей с указанием изобретений.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 4. Д. 67, 716, 1001, 1251.

¹⁰⁶ Там же. Оп. 1. Д. 493, 1169.

¹⁰⁷ Документы Главной Бухгалтерии ЦВПК в фонде 13251 в РГВИА выявлены не были.

¹⁰⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹¹ Там же. Л. 5.

¹¹² Там же. Д. 14. Л. 109–115.

- ¹¹³ Там же. Л. 198.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 114.
- ¹¹⁵ РГВИА, Ф. 369. Оп. 21. Д. 11. Оп. 4. Д. 115.
- ¹¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 242. Л. 2.
- ¹¹⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14. Л. 75.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 48. Л. 1.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 3.
- ¹²⁰ Там же. Л. 5.
- ¹²¹ Там же. Л. 6.
- ¹²² МОВПК. Финансовый отчет с начала деятельности комитета по 1 августа 1916 г. М., 1917. С. 1.
- ¹²³ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 345. Л. 12.
- ¹²⁴ Там же. Л. 74–75
- ¹²⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 11. Л. 161.
- ¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 204–208, 219–221, 229–233, 413–417, 431, 455. Ведомости заказов МВПК за разные месяцы 1916 г. — 1917; Д. 457. Ведомости учета принятых заказов фабриками, работающими на оборону ноябрь 1916 — май 1917; Д. 453. Ведомости учета поставок военных заказов и сопроводительные документы, присланные в бухгалтерию МБК декабрь 1915 — июнь 1918 гг.
- ¹²⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 202, 209–210, 218. Отчетные ведомости об исполнении военных заказов МВПК; Д. 203. Отчетные ведомости об исполнении заказов по сапожно-амуничной, механической, льняной, шерстяной секциям и по продовольственному отделу; Д. 215–217, 222, 224, 228. Отчетные ведомости об исполнении заказов военно-промышленными комитетами относящимися к Московскому областному ВПК.
- ¹²⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 201.
- ¹²⁹ Там же. Д. 211–214.
- ¹³⁰ Там же. Д. 367.
- ¹³¹ Там же. Д. 366.
- ¹³² Там же. Д. 466–468.
- ¹³³ Там же. Д. 479.
- ¹³⁴ Там же. Д. 480–482.
- ¹³⁵ РГВИА. Ф. 13 251. Оп. 1. «Рабочая группа».
- ¹³⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 162–167, 483; Оп. 2. Д. 1–14, 20.
- ¹³⁷ Там же. Д. 19. Л. 1–3.
- ¹³⁸ Там же. Д. 162. Л. 104–109.
- ¹³⁹ Там же. Д. 166. Л. 6.
- ¹⁴⁰ Для конструкторской НТД этого периода характерно отсутствие стадийности.
- ¹⁴¹ Перечень типовых управленческих документов образующихся в деятельности организаций с указанием сроков хранения. М., 2004.
- ¹⁴² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14. Л. 75.

¹⁴³ Елпатьевский А.В. О разработке перечня документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 77–84.

¹⁴⁴ Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 135–136.

¹⁴⁵ Например, см. «Известия ЦВПК», «Промышленность и торговля» или следующие издания: Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г. М., 1916; Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 1 апреля 1917 г. М., 1917; МВПК. Главная бухгалтерия. Финансовый отчет с начала деятельности комитета по 1-е августа 1916 г. М., 1917.

SUMMARIES*

Joerg Baten and Dominic Behle

Regional determinants of firm creation in the Russian Empire. Evidence from the 1870 Industrial Exhibition

This study explains the regional differences of the number of firms created before 1870. The degree of educational differences between regions determined about industrial firm creation in Russia, and this was not only a rural-urban effect. This could be also a hint that regional conditions actually mattered, and the industrial structure was not government-determined, as some older views reported (on the discussion see, Mironov 2003, Gerschenkron 1978, Gregory 1982). Agglomeration effects that included also the neighbouring governments around the big cities were visible in mid-19th century. In contrast, transport infrastructure did not have a visible impact.

Boris M. Shpotov

The theory of enterprise evolution by Alfred D. Chandler and the ways of industrial development

Professor of Harvard Business School Alfred D. Chandler developed a theory of enterprise development based upon extensive documentary material, which stated that the management played a crucial role in shaping American, British and German companies at the end of 19 and early 20 century. Chandler thoroughly explored the interconnection between form of ownership, organizational capabilities and the type of company's governance — either personal or managerial. His analysis of industrial development relied on such factors as speed and volume of production (throughput), employment of new technologies and scientific knowledge, and, most importantly, vertical integrations and horizontal combinations, which created competitive advantages. Contemporary economic historians disagree with some of the Chandler's views and strive to expand his insights.

Gregory E. Perelman

Comparative analysis of industrial stock prices on London and St. Petersburg exchanges in late 19 and early 20 century

This paper compares the dynamics of industrial indexes of stocks traded on London and St. Petersburg exchanges at the end of 19 the early 20 centuries. Also analyzed are the sub-indexes of oil and metallurgical companies. Overall, during the period of 1897–1914 the prices reflected economic conditions of individual countries, however, on some occasions stock price movements were highly correlated, particularly among the oil companies. The article also provides a detailed description of one of the key sources of stock prices on London stock exchange, the *Investor's Monthly Manual*, which was published in 1864–1930 and now available in electronic

* Редактор — Г. Перельман (Калифорнийский университет, США).

format. Based on his personal experience, the author shares some practical advice on technology of transferring significant volume of printed sources into electronic database format.

Vadim M. Rynkov

Attempts of unification of money circulation in the east of Russia in 1918–1919: economic and social aspects of financial reforms

The article shows regional characteristics of money circulation and their surrogates in the east of Russia. It analyzes projects by antibolshevik governments to unify money circulation, the process of implementation of such reforms and their results. The withdrawal of “kerenki” from the circulation in the spring/summer of 1919 represents a key event. The withdrawal made the economic conditions worse and led to further emissions. Author showed the interaction of macroeconomic variables and microeconomic impact on the economic system of towns, enterprises, and households. This article also emphasizes the social cost of monetary policies and financial reforms. The decentralization of the monetary system and ineffective measures to counteract its effects lead to deformation of social equity principle and prevented efficient economic exchange.

Alexander S. Sokolov

Experience of currency regulation during New Economic Policy, 1921–1928

This article describes currency exchange market during the years of New Economic Policy. The history of currency regulations is analyzed in the context of financial policy implementation during the first post-revolutionary decade. The author connects the monetary reform of 1922–1924 and the implementation of currency exchange policies during NEP. He analyzes the causes and consequences of financial crises during NEP. The article also explores the role of G. Ya. Sokolnikov, the narkom of finances, in establishment and development of currency exchange policies during 1920s.

Elena A. Osokina

Gold and industrialization: revealing Torgsin’s secrets

This article explores the issue of profitability of Torgsin – the state stores that in the “lean” years of Soviet industrialization (1931–1935) sold food and other goods to Soviet people in exchange for family valuables – foreign currency, gold, silver, diamonds, platinum, etc. An analysis of Torgsin’s statistics reveals its secrets, such as the fact that the Soviet government sold food and goods to starving people at prices several times higher than those of Soviet exports. Also, the author looks into the paradox of Torgsin’s poor financial results – it was constantly unprofitable, while accumulating tons of valuables for the State. How much did it cost to the state to obtain gold through Torgsin? To answer this question the author compares the price of Torgsin’s gold with production cost of the industrially extracted gold in the Gulag and with the world market prices of gold of that time.

Sergei A. Bakanov

Industrial life cycle: from establishment to decay (The case of Urals coal industry in 20 century)

“Product life cycle” theory could be used to forecast the dynamics of an industry which produces a particular product. According to the theory, each industrial sector develops within the framework of four consecutive stages: “generation”, “growth”, “maturity” and “decay”. This article describes the life cycle of the Ural coal industry, which passed through all four stages in 20 century. Development of the sector was influenced by such factors as “demand”, “resources”, “technology” and “competition”. The influence of any one factor depended on particular economic policy implemented in the country at certain time. Thus the policy of mobilization limited competition and artificially stimulated demand for industrial products, while oversupplying the industry with cheap labor resources. On the other hand, the policy that promoted market mechanisms revealed low profitability of the sector and its inability to function without the state support. This inevitably led the industry towards crises.

Vyacheslav L. Nekrasov

The oil and gas industry of the USSR in late 1950s — early 1960: the institutional aspects of development

This article analyzes the influence of institutional factors on development of an oil and gas industry in the USSR in late 1950s — early 1960s. The changes were related to new priorities in energy policy and the impact on the oil and gas industry from the industrial management and construction reforms in 1957. Special attention is given to power difficulties in the Soviet economy at the start of 1960s and to contradictions in the implementation of energy policies. Author comes to conclusion that during the period the institutional structure played a key role in the industry’s development.

Irina G. Napalkova

Employers responsibility for work and life activities in pre-revolutionary Russia: Labor legislations, social and economic factors, regional differences

The article analyses «employer’s responsibility» in the context of normative rules, social, moral and legal interactions. The problems of professional risks in industrial production are studied. The state of workers who suffered from work accidents is analyzed on examples from the First Zamoskovny, the Second Zamoskovny, Middle-Volzhsy, North, and Orenburg mining districts.

Nadezhda N. Makarova

Social aspects of industrialization: deviant behavior and “survival strategies” of Soviet urban population in extreme conditions of 1929–1935 (based on Magnitogorsk data)

The article reviews deviant behavior on the new construction locations during the first five-year plan periods using as an example the city of

Magnitogorsk. The city was built rapidly in 1929–1935 without general plan by migrants, who were mostly young – the age at which deviant behavior is often occurs. The article examines the forms and the causes of such deviations as alcoholism, vagrancy, prostitution, and criminal acts, which mostly manifested itself in theft. Various forms of deviant behavior and survival strategies were often tightly intertwined. A demarcation between the two might not be often clearly drawn. Many citizens of Magnitogorsk were forced to act outside of social and legal norms and adopted “shadow” strategies of survival.

Dmitry V. Didenko

Kuznets curve as systemic transformations expression: income inequality under industrial and postindustrial economy

The paper discusses issues that were previously examined by scholars within the context of western economies. The author’s research of wage dynamics among workers of knowledge-based industries during the Soviet era (1920–1980s) provides an additional support to an argument about positive (though not very strong) correlation between such indicators as the knowledge sector’s share of the national economy, the degree of wage differential, and the rate of economic growth rate. This research provides inter-country comparison of the hypothesis, which in economic literature is usually referred to as the “Kuznets Curve.” The hypothesis is revisited and the up-to-date interpretation is proposed. In the long term, the dynamics of income inequality appears to be a cyclical process, which depends on supply and demand in the markets for capital and labor.

Irina V. Goncharova

In search of “kulak image”: study of peasants’ social structure in 1920s in Central Black Soil region

This article studies social ranking in the villages of the Central Black Soil region in 1920s and various criteria of identifying “kulak” population by local authorities. The article clarifies subjective, imprecise, and relative identifying characteristics used by local authorities and some particular examples of arbitrary decisions. Author shows the inapplicability of using indicators of rent and hired labor as criteria for identifying well-off peasants and points out political context of such decisions. The article follows the evolution of identifying process from social-economic to social-political characteristics under the influence of political conditions. Using discussions in the journal “Khozyaistvo TsChO” (“Economy of Central Black Soil Region”) author clarifies statistical methods which were used to artificially increase the “kulak” population in the region. The author shows as groundless the image of “kulak” as the “bread landlord” of the village because wealthy households were not the main producers of grain delivered to the market. In 1927–1929 “kulak” households either went bankrupt and consequently moved into lower social strata or self liquidated.

Vladimir A. Il'yinikh

Agrarian policy of the Soviet state and agriculture in Siberia

The article studies regional aspects of agrarian policies of the Soviet state and reviews its main stages. The main macroeconomic purpose of Soviet leaders was economic independence of the country within the existing political structure. Such goal could not be imagined without rapid industrial modernization. The resources for modernization were drawn from the unequal exchange between the industrial and the agricultural sectors of the economy. The expropriation of agricultural output brought needed resources, but led to agricultural crises. Agricultural decline actually limited the resource base for industrialization. Some relaxation of pressure on agriculture gave it positive dynamics, but it still could not achieve the stated goals. A slowdown in the agricultural sectors led to recurrent "tightening of the nuts."

Sergei N. Andreenkov

Agrarian reforms of 1953–1964 and agriculture in Siberia

This article analyzes preconditions, stages and main directions and results of agrarian reforms in the middle of 1950s and early 1960s as they were implemented in Siberia, the largest agricultural region of the country.

During the agrarian reforms of N. S. Khrushchev the Stalinist model of agriculture based on non-economic coercion of powerless peasants was shattered. Country rulers were trying to build a system of economic relations with kolхозes based on equivalent exchange, monetary compensation, and incentive system of labor relations which would result in intensive development of the industry. The key measure was the development of virgin soils in the east of country. De-Stalinization of agriculture raised the living standards of rural population and increased agricultural production. At the same time, the removal of repressive apparatus made agriculture less controllable. The creation of an effective system of incentive compensation in agriculture required significant amount of time, resources, and more importantly, an abandonment of doctrinal views. Soviet leadership did not provide any of the requirements and continued to apply administrative methods to economic problems. Everywhere the agricultural entities became larger and more centralized. In Siberia these processes were faster and had larger scale. As a result, peasants were more and more distanced from the land and the resources of production, which resulted in low output.

Inna V. Gribanova

Dalstroy: economic development of the USSR's North-West in the 1930s–1950s

This article reviews the establishment and development of *Dalstroy* as the basis of economic structure of the North-Eastern region of the U.S.S.R. in 1930–1950s. Various aspects of economic activities of *Dalstroy*, which was primarily based on forced labor, are analyzed. *Dalstroy* extensively used prison labor principally for extraction of gold and other metals, construction and

maintenance of roads and other transport infrastructure. It was also used in agriculture, fisheries, energy generation, the construction of the city of Magadan and other administrative centers.

Alexander S. Senin

Railroads in Soviet Russia during the first years of reconstruction

This article studies the restoration of railroad transportation in Russia after the Civil war. Author reviews technical conditions of railroads, their usage, supply of materials to the industry, and overall economical conditions in the country. The author describes the actions of railroad workers in relieving the famine in Volga region in 1921–1922. Article addresses the history of Russian railroads abroad, the history of the first railroad engines, some aspects of railroad law, including the introduction of new Railroad Charter of Russian Federation in 1922, and the joining of International Union of Railroads by Soviet Russia.

Victor A. Osipov

Private economic activity in Soviet statistics

Based on a wide set of statistical resources this article examines private economic activity in the USSR. Soviet budget statistics demonstrates proportion of private economic activity in the market for food stuffs, industrial goods and services, as well as other aspects. Author concludes that the TsSU (Central Statistical Department) of the USSR carried out large-scale scientific research and practical activities, which could have become the basis of an effective economic policy toward private economic initiative. However, the data obtained by the TsSU were not properly analyzed and appropriate decisions were not made. A planned economy failed to use private economic initiative. It also failed to even to properly study it.

Pavel A. Kyung

Information potential of archives of military-industrial committees and their value in the study of history of economic development of the Russian empire (1915–1918)

The article investigates the archives of the Central and Moscow military-industrial committees (1915–1918) from the point of view of their informational potential in the research of Russian economic history during the World War One. Author offers classification of the documents by five thematic groups and demonstrates the methods to utilize them for more complete investigations. The article shows that the archives of military-industrial committees contain significant amount of factual information on the development of economy and the modernization of production process during mobilization period. In authors view, this resource could be fruitfully employed in the study of Russian economic history.

Содержание

Предисловие	3
-----------------------	---

История предпринимательства

<i>Батен Й., Беле Д.</i> Региональные факторы создания предприятий в Российской империи (по данным Промышленной выставки 1870 г.)	11
<i>Шпотов Б.М.</i> Теория эволюции фирмы Альфреда Д. Чандлера и пути развития промышленности	21

История финансов и фондовых рынков в России и СССР

<i>Перельман Г.Е.</i> Сравнительное исследование курсовой динамики бумаг промышленных компаний на Лондонской и С.-Петербургской биржах в конце XIX — начале XX в.	53
<i>Рынков В.М.</i> Попытки унификации денежного обращения на Востоке России во второй половине 1918–1919 г.: экономические и социальные аспекты финансовых реформ	106
<i>Соколов А.С.</i> Опыт валютного регулирования в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.)	148
<i>Осокина Е.А.</i> Золото и индустриализация: тайны Торгсина	168

История топливно-энергетических комплексов в России и СССР

<i>Баканов С.А.</i> Жизненный цикл отрасли: от зарождения до упадка (на примере угольной промышленности Урала в XX в.)	193
<i>Некрасов В.Л.</i> Нефтегазовый комплекс СССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: институциональные аспекты развития	212

Социальные аспекты индустриализации в России и СССР

<i>Напалкова И.Г.</i> Ответственность предпринимателей за жизнедеятельность рабочих в дореволюционной России: трудовое законодательство, социально-экономические факторы, территориальные различия	251
<i>Макарова Н.Н.</i> Социальные аспекты индустриализации: девиантное поведение и «стратегии выживания» советских горожан в экстремальных условиях в 1929–1935 гг. (по материалам Магнитогорска)	270
<i>Диденко Д.В.</i> «Кривая Кузнеца» как проявление системных трансформаций: дифференциация доходов в индустриальной и постиндустриальной экономике	300

Аграрная политика и экономика СССР

- Гончарова И.В.* В поисках «образа кулака»: проблема изучения социальной структуры крестьянства в конце 1920-х гг. в Центральном Черноземье 347
- Ильиных В.А.* Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири. 374
- Андреенков С.Н.* Аграрные преобразования 1953–1964 гг. и сельское хозяйство Сибири. 410

Принудительный труд в СССР

- Грибанова И.В.* Дальстрой: экономическое освоение Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. 453

Экономика транспорта в СССР

- Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт Советской России в первые годы восстановительного периода 509

Частный сектор экономики СССР

- Осипов В.А.* Частная хозяйственная деятельность в зеркале советской статистики. 579

Архивные фонды в изучении экономической истории России

- Кюнг П.А.* Информационный потенциал архивных фондов военно-промышленных комитетов и их значение для изучения истории экономического развития Российской империи (1915–1918 гг.). 641
- Summaries 678

Contents

Editorial notes	3
---------------------------	---

History of entrepreneurship

<i>J. Baten, D. Behle.</i> Regional determinants of firm creation in the Russian Empire. Evidence from the 1870 Industrial Exhibition	11
<i>B.M. Shpotov.</i> The theory of enterprise evolution by Alfred D. Chandler and the ways of industrial development	21

History of finance and capital markets in Russia and USSR

<i>G.E. Perelman</i> Comparative analysis of industrial stock prices on London and St. Petersburg exchanges in late 19 and early 20 century	53
<i>V.M. Rynkov.</i> Attempts of unification of money circulation in the east of Russia in 1918–1919: economic and social aspects of financial reforms.	106
<i>A.S. Sokolov.</i> Experience of currency regulation during New Economic Policy, 1921–1928	148
<i>E.A. Osokina.</i> Gold and industrialization: revealing Torgsin's secrets	168

History of energy industry in Russia and USSR

<i>S.A. Bakanov.</i> Industrial life cycle: from establishment to decay (The case of Urals coal industry in 20 century).	193
<i>V.L. Nekrasov.</i> The oil and gas industry of the USSR in late 1950s — early 1960: the institutional aspects of development.	212

Social aspects of industrialization in Russia and USSR

<i>I.G. Napalkova.</i> Employers responsibility for work and life activities in pre-revolutionary Russia: Labor legislations, social and economic factors, regional differences.	251
<i>N.N. Makarova.</i> Social aspects of industrialization: deviant behavior and «survival strategies» of Soviet urban population in extreme conditions of 1929–1935 (based on Magnitogorsk data).	270
<i>D.V. Didenko.</i> Kuznets curve as systemic transformations expression: income inequality under industrial and postindustrial economy	300

Agrarian policy and economy in the USSR

<i>I.V. Goncharova.</i> In search of «kulak image»: study of peasants' social structure in 1920s in Central Black Soil region	347
---	-----

<i>V.A. Il'yinikh.</i> Agrarian policy of the Soviet state and agriculture in Siberia	374
<i>S.N. Andreenkov.</i> Agrarian reforms of 1953–1964 and agriculture in Siberia	410

Forced labor in the USSR

<i>I.V. Gribanova.</i> Dalstroy: economic development of the USSR's North-West in the 1930s–1950s	453
--	-----

Transportation economics in the USSR

<i>A.S. Senin.</i> Railroads in Soviet Russia during the first years of reconstruction.	509
--	-----

Private economy in the USSR

<i>V.A. Osipov.</i> Private economic activity in Soviet statistics	579
--	-----

Archives in the study of economic history of Russia

<i>P.A. Kyung.</i> Information potential of archives of military-industrial committees and their value in the study of history of economic development of the Russian empire (1915–1918).	641
Summaries	678

Научное издание

**Экономическая история
Ежегодник. 2009**

Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Корректор *Н.А. Самсонова*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И.В. Киселева*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 05.09.2009.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,0. Тираж 800 экз.
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)